

Ни шагу назад!

Проснёшься за полночь, уставишь глаза в потолок, спросишь себя: победим ли мы нашествие вирусов – и тут же ответишь: конечно, победим! А почему? Да потому что победили в Великой Отечественной...

Ничего случайного в истории человечества не происходит. Юбилей нашей победы над мировым злом сегодня совпал с нашествием на всю земную цивилизацию смертоносного поветрия, и в том, что комочек вируса похож на сплетение множества паукообразных свастик, заключена зловещая мистика истории. Однако вопреки этой мистике наши отцы “в снежных полях под Москвой”, в дремучих лесах подо Ржевом, на сталинградском берегу матушки Волги, за которой для них земли не было, твердили: “Ни шагу назад!” А стоявшие на Бородинском поле солдаты Георгия Жукова, как “Отче наш”, повторяли: “Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва”. И терпели. Не только мужеством, но и терпением мы одолели суперменов всей заражённой вирусом фашизма Европы. Дотерпеть, пока под Москву придут сибирские дивизии, дотерпеть, пока загрохочут на Курской дуге танки, переброшенные на бесконечных платформах по приказу Верховного главнокомандующего с Дальнего Востока на Прохоровское поле. Вспомним, что нашим отцам хватило терпения добиться открытия Второго фронта и сил для построения мирового порядка на все последующие 75 лет. А многие тысячи ополченцев Москвы и Ленинграда, рывшие траншеи возле Поклонной горы и на Невском пятачке? Вольно или невольно, но именно с них берут пример нынешние волонтёры, одетые в скафандры и маски, рискующие в борьбе с вирусной нечистью не только здоровьем, но и жизнью. Они стоят в первом ряду воинов новой отечественной, рядом с национальной гвардией и с регулярными частями российской армии, строящей круглыми сутками инфекционные госпитали и больницы, показывая чудеса небывалой в истории человечества выносливости и трудоспособности. Сегодня именно союз воинской и медицинской молодёжи сражается не только за свободную Россию, но и за всё человечество, как это было в 1941-м...

Мы тогда победили ещё и потому, что чуть ли не на третий день войны в людские сердца вошла великая песня “Вставай, страна огромная...”, а за ней и “Тёмная ночь”, и “Маленький синий платочек”... Михаил Шолохов и Клавдия Шульженко, Константин Симонов и Михаил Исаковский, Александр Твардовский и Анна Ахматова сделали всё, чтобы история Великой войны на глазах у современников становилась легендой. Духовная война в нашей жизни продолжается, и мы верим в победу сил добра, как верил в неё Валентин Распутин, когда в 2006-м прислал нашим авторам и читателям телеграмму, в которой так писал о любимом журнале, праздновавшем своё 50-летие: “Подобно Брестской крепости стоишь ты на страже России <...> многое сегодня изменилось, но не изменился ты, и в той же гимнастёрке, сшитой по плечу защитника Отечества, с тем же сердцем, выстукивающим жизнь за вечное и родное, с тем же вечным пером правдописца поднимаешься сегодня на праздничную сцену. Оглядишь накренившийся в твою сторону в благодарном восторге зал и ахнешь втихомолку: нет, ничего не было напрасно, жить и надеяться можно!

Валентин Распутин, Иркутск, 26.10.2006”.

Дорогие наши читатели! Вы и журнал есть одно целое. Не забывайте его, выписывайте, читайте, пишите... Об этом вас просят не только Валентин Распутин, но и Николай Рубцов с Георгием Свиридовым, Юрий Бондарев с Вадимом Кожиновым, Василий Белов с Юрием Кузнецовым, митрополит Санкт-Петербургский Иоанн с Виктором Астафьевым, Фёдор Абрамов с Юрием Селезнёвым...

Пусть вас не печалит, но воодушевляет перечень этих имён – для Бога мёртвых нет. Будет и на нашей улице праздник!

Ст. Куняев

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 5 2020

75 лет Великой Победы!

ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БОНДАРЕВ

24.03.1924 — 29.03.2020

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?*

*Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.*

*Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: “Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.*

*Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...”*

*Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.*

*Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.*

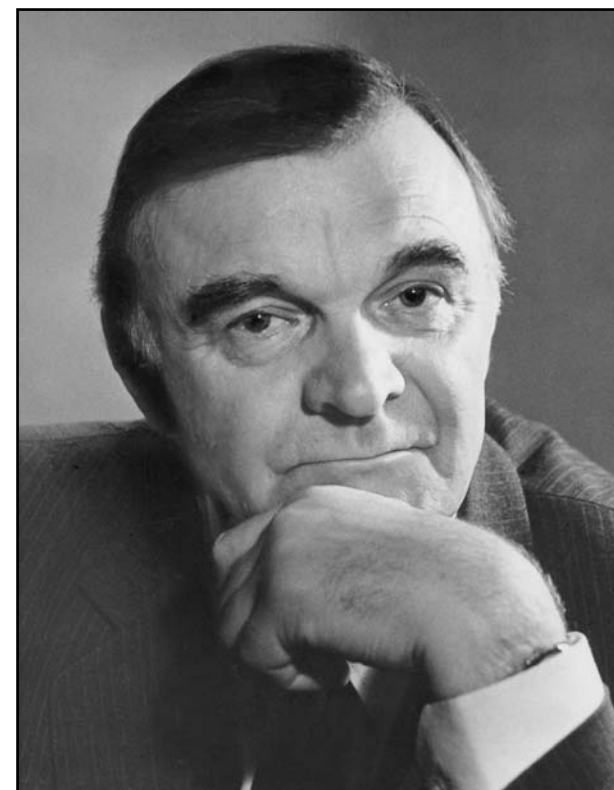
*“Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.*

*Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...”
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.*

*Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
“Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покори...”*

*Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.*

*Михаил ИСАКОВСКИЙ
1945 г.*

Всё меньше и меньше ветеранов Великой Отечественной. А ветеранов-писателей и вовсе остаются единицы. Вот и ещё один ушёл. Да какой! Легенда так называемой “лейтенантской прозы”, прославленный Юрий Бондарев, автор лучших произведений о войне — “Батальоны просят огня”, “Тишина”, “Горячий снег”, романов о послевоенном осмыслении мира русским человеком — “Берег”, “Выбор”, “Игра”. Герой Социалистического Труда, кавалер двух орденов Ленина и многих других высоких правительственных наград, лауреат Государственных премий, а в последние годы — премии “Ясная поляна” и Патриаршей литературной премии, он, безусловно, заслужил все свои звания и награды!

Не стало не только крупного писателя, гражданина, ветерана войны. Фамилия “Бондарев” отныне не будет печататься в списке членов редколлегии “Нашего современника”, а ведь в своё время, в тяжёлые 90-е, будучи председателем Правления Союза писателей России, Юрий Васильевич очень много сделал для спасения нашего журнала, поддерживал редакцию. Смелый человек оставался смелым не только на войне: в 1994 году он отказался принять орден Дружбы Народов из рук президента Ельцина. Именно Бондареву принадлежит крылатая фраза о перестройщиках, которые взлетели на самолёте, не зная, как им управлять и как совершить посадку.

Низко склоняем голову пред Вами, дорогой Юрий Васильевич!
Царствия Небесного тебе, воин Георгий!

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Сергей МИХЕЕНКОВ
Берлин-45.
Главы из книги 6
- Николай КОКУХИН
Парад Победы. *Рассказ* 56
- Наталья РОМАНОВА-СЕГЕНЬ
Книга. *Рассказ* 65

Поэзия

- Виктор ВЕРСТАКОВ
В державе северо-восточной 3
- Виталий МУХИН
Плацкартная Русь 50
- Юрий ПАВЛОВ
Вспомнилась война 53
- Александр ЩЕРБАКОВ
Это было наяву 62
- Владимир ХОМЯКОВ
Два последних
тюльпана Победы 74
- Поэтическая мозаика..... 77

Очерк и публицистика

- Станислав КУНЯЕВ
“К предательству
таинственная страсть...” 84
- Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
COVID-19 и контроль
за людьми 96
- Алексей ТИМОФЕЕВ
“Я говорил с немцами
по-русски” 101
- Степан СМЫШЛЯЕВ
От Москвы до Берлина 122
- Ольга КОРЗОВА
“Особое задание дано...” 136
- Михаил ФЕДЧЕНКО
Нарком вооружения
Борис Ванников 149
- Анатолий ФЕТИСОВ
Боевой путь 70-й стрелковой
дивизии 173

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
*первый заместитель
главного редактора* —
(495) 625-01-81

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора,
зав. отделом критики* —
(495) 625-02-81
ns-kritika@yandex.ru

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

Я. В. Сафронова —
*редактор по связям
с общественностью* —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Игорь ИЛЬИНСКИЙ
Я родом из блокады 182

Пётр МУЛЬГАТУЛИ
Кто оборонял Берлин? 211

Павел РУДЯКОВ
Борис Олейник:
наследник Победы 214

Галина ОРЕХАНОВА
Личность его огромна 219

Альберт ЛИХАНОВ
Конец памяти... 223

Память

Сергей КУНЯЕВ
Вадим Кожинов 224

Виктор БАКИН
Неизвестные письма
Шолохова 245

Критика

Виктор ЗДОЛЬНИКОВ
“Василий Тёркин” – героический
эпос Великой Отечественной 259

Алексей МАНАЕВ
Литература, написанная
кровью 266

Ирина УШАКОВА
“И мы сохраним тебя,
русская речь...” 275

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**

Сайт в интернете: **www.nash-sovremennik.ru**, эл. почта: **n-sovrem@yandex.ru**

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675. При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 11.05.2020. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ №0101-2020. Тираж 4000 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

В ДЕРЖАВЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ

ТОРФ

Торфяной дымок, воспоминания:
гарнизон над озером, поля...
Спи, моя Восточная Германия,
древняя славянская земля.

В Балтике купаюсь возле Ростока, —
это же росток, один в один,
И гуляю по Шверину, просто так,
Потому что он родной Зверин.

Да, владения это мекленбургские,
но ведь первый герцог — из славян.
Здесь опять стоят дружины русские,
армия рабочих и крестьян.

Группа войск, Германия Восточная,
Штернбухольц, отцовский автобат,
школа, ну, и всё такое прочее,
что мне снится лет уж пятьдесят.

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию имени Ф. Э. Дзержинского. Полковник в отставке. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

Впрочем, заезжал туда недавно я:
в гарнизонах лютая тоска —
поселились в них отнюдь не справные
западногерманские войска.

Да и от арабской эмиграции
потускнел-позеленел Шверин...

Запах торфяной аж с автостанции
всё-таки родной, один в один.

ПОТОП

Куда бежите, облака?
Ну, вижу: к северо-востоку,
но там вам будет одиноко,
расплатесь наверняка.

В державе северо-восточной
на миллион квадратных вёрст
полярным днём, полярной ночью
последний светится погост.

И то он в терминах эпохи
скорей кладбище, чем жильё,
там человек, роняя вздохи,
пуглив, как дикое зверьё.

Опустошение в державе,
олигархическая мгла,
где русские уже не вправе
вершить свободные дела.

Здесь Благодати песня спета,
здесь чуждый властвует Закон.
Вам хочется увидеть это?
Иль просто гонит вас циклон?

Что ж, прилетайте, посмотрите,
пролейте ливень бурных слёз,
но, ради Бога, не топите
ещё не сдавшийся погост.

* * *

Они виноваты, конечно, во всём.
Но мы их опять защитим и спасём
от гнева испанцев и немцев
и ближневосточных туземцев.

Они посмеются над нами опять
и будут охотнее нас презирать.
— Рабы вы и трусы, славяне,
хотя и дерётесь по пьяни.

Неведомы им доброта и любовь,
играет в их жилах иудина кровь.
...Иуда раскаялся всё же.
На Ирода больше похожи.

* * *

Не нарвался на пулю в Кабуле
и в Чечне не убит на броне.
И в России, в деревне ему ли
погибать на неожиданной войне?

Виновата ль палёная водка
(здесь уже не отыщешь иной),
или же плоскодонная лодка
опрокинулась над глубиной?

Иль картавые радиogaды
исхитрились его довести?
Весь эфир — Голливуд, хит-парады,
русских слов не услышишь почти.

Из райцентра ли “скорая помощь”
вновь застряла в гнилых колеях,
или волки в бессонную полночь
окружили в заросших полях?

Он бы плюнул на годы и раны,
о пощаде судьбу не моля,
и прошёл бы ещё три Афгана...
Если бы не огонь из Кремля.

ИСТИНА

Чем болтливее правители,
тем хреновее дела.
Русь, как иноки в обители,
вся в молчание ушла.

Пусть экранная, эфирная,
интернетовская дурь
рвётся в нищету квартирную, —
помолчи, не балагурь.

Президенты с депутатами,
политологами тож
без тебя родят пархатую
триколористую ложь.

Обещают, разливаются,
кулаками в груди бьют:
знают, гады, не сбывается
ничего, о чём поют.

Но молчание убийственно
для верховных болтунов:
ведь безмолвно зреет истина, —
впрочем, не без крепких слов.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

БЕРЛИН-45

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

До весны 1945 года русские войска дважды брали Берлин. В первый раз — во время Семилетней войны в августе 1759 года. Второй раз — во время коалиционной войны против Наполеона Бонапарта. И вот настали сроки третьего взятия. После окончания Ялтинской конференции, прощаясь с “дядюшкой Джо”, Черчилль и Рузвельт в один голос сказали:
— *До свидания. До встречи в Берлине.*
— *Милости просим, — ответил Сталин.*

ДРАКА ПРЕДСТОИТ СЕРЬЁЗНАЯ...

1 апреля 1945 года Черчилль написал американскому президенту Рузвельту: “...Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убеждённость, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они. Поэтому моё мнение таково, что с политической точки зрения мы должны

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости”.

Говорят, содержание письма, посланного с одного континента на другой, благодаря усилиям советской разведки тут же стало известно “дядюшке Джо”, и он мгновенноотреагировал. Во-первых, войска фронтов центрального направления начали готовиться к решающей атаке на Берлин. Во-вторых, следом за письмом Черчилля в Белый дом полетело послание Сталина. На первый взгляд, совершенно по другому поводу. Но тема была всё та же.

“Лично, строго секретно.

От маршала И. В. Сталина президенту господину Рузвельту.

Отправлено 3 апреля 1945 г.

Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне.

Вы утверждаете, что никаких переговоров не было ещё. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться вглубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников — русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами”.

Тем временем армии центра расширили Кюстринский плацдарм (1-й Белорусский фронт) и вели успешное наступление в Силезии (1-й Украинский фронт). Одновременно войска проводили перегруппировку, накапливали ресурсы, принимали пополнение.

В создавшихся обстоятельствах, при том, что планы союзников относительно Берлина были неясны и двусмысленны одновременно, и с военной точки зрения, и с политической затягивать с Берлинской операцией было нельзя.

Г. К. Жуков вспоминал: “29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлёвский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:
— Думаю, что драка предстоит серьёзная...”

Основу обороны подступов к Берлину и самого города составлял одерско-нейсенский оборонительный рубеж и непосредственно берлинский оборонительный район. Главная оборонительная линия имела до пяти сплошных полос траншей, первая из которых проходила по восточным берегам рек Одер и Нейсе. За нею начиналась вторая линия, основу которой составляли Зееловские высоты. Высоты закрывали Кюстринский плацдарм и непосредственно берлинское направление. Именно Зееловские высоты были наиболее насыщены инженерными сооружениями, тяжёлым вооружением и защищались надёжными частями и соединениями. Этот оборонительный район защищали четырнадцать дивизий противника. Накануне советского наступления их численный состав был доведён до штатного.

За высотами находилась следующая полоса.

Атака началась в пять утра по московскому времени, за два часа до рассвета. На участке 1-го Белорусского фронта немецкую оборону обрабатывали 9 000 орудий и миномётов и 1 500 “катюш”. Артиллерийское наступление проводилось на отрезке в 27 километров, где планировался основной прорыв.

Что касается “прожекторной атаки”, то её эффективность и непосредственными участниками тех событий, и историками оценивается как сомнительная. Тем не менее, на отдельных участках уцелевшие пулемётные и противотанковые расчёты оказались ослеплены мощным светом прожекторов и не могли вести точного огня.

Первые часы наступления шло успешно. Авангарды ударной группы вышли к траншеям второй полосы. И тут началось ожесточённое сопротивление. Стрелковые соединения не смогли преодолеть мощных инженерных сооружений Зееловских высот, плотно набитых огневыми средствами. Пехота залегла. Продвижение застопорилось. Успех операции оказался под угрозой. Чтобы сдвинуть войска с места, Жукову пришлось срочно вводить в дело 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Противник отреагировал вводом в бой на этом участке оперативных резервов группы армий “Висла”. Только к утру 18 апреля, то есть на третьи сутки наступления, войска 1-го Белорусского фронта овладели Зееловскими высотами. А к исходу 19 апреля была прорвана и третья линия обороны противника.

Затем артиллерия 3-й ударной армии нанесла мощный удар по Берлину. А на следующий день, 21 апреля авангарды 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий завязали бои на окраинах вражеской столицы. Совершив многокилометровый марш-маневр с левого фланга 1-го Украинского фронта на правый, на южные окраины города вышли танки П. С. Рыбалко. Началась битва в самом Берлине.

По оценке советской разведки, гарнизон Берлина насчитывал более 200 000 солдат, офицеров и бойцов фольксштурма при 3 000 орудий и 250 танков. Каждый дом был превращён в крепость. Каждая улица — в цитадель. Подземелья служили коммуникациями, по которым перебрасывались резервы и боеприпасы.

В уличных боях среди плотной застройки, частично разрушенной авиацией и артиллерией, наилучшим образом себя проявили небольшие по численности штурмовые группы: до взвода мотопехоты, отделение сапёров, два три орудия, в том числе одно противотанковое, самоходка и танк.

Наши штурмовые группы и второй эшелон буквально прогрызали сплошную оборону противника. Драка шла за каждым дом. “Фаустников” и засевших в развалинах и полуподвальных помещениях домов приходилось выковыривать огнём артиллерии, выжигать огнемётами. К полудню 28 апреля штурмовые группы 3-й ударной армии в бинокли сквозь дым и рыжую кирпичную пыль увидели здание рейхстага. А к исходу 29 апреля батальоны капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова овладели зданием министерства внутренних дел. Следующим был рейхстаг.

На этот день командование 1-го Белорусского фронта назначило общий штурм. Вначале была проведена тридцатиминутная артподготовка, затем войска пошли в атаку.

Начальник Генерального штаба, генерал пехоты Кребс встретился с командующим 8-й гвардейской армией генерал-полковником В. И. Чуйковым и передал ему письменное обращение Геббельса и Бормана о том, что Гитлер покончил с собой, что власть передана Дёницу, Борману и ему, Геббельсу, что он, Геббельс, уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа. Командующий армией выслушал Кребса и, как солдат солдату, заявил, что не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона. Чуйков связался по телефону со штабом фронта. Жуков задал Кребсу два вопроса: где находится труп Гитлера и обратилось ли одновременно германское правительство с аналогичной просьбой к командованию англо-американских войск?

Кребс ответил, что труп Гитлера сожжён и что с командованием англо-американских войск у них связи нет.

30 апреля бой шёл уже в здании рейхстага. Над зданием разведчики 674-го стрелкового полка подняли штурмовой красный флаг, ставший Знаменем Победы. Бои в здании продолжались.

В этот день гвардейцы Катукова вели штурм Зоологического сада, 2-я гвардейская танковая армия с 1-й польской дивизией дралась в районе Тиргартена.

1 мая бой в здании рейхстага продолжался. В этот день застрелился генерал Кребс и многие другие офицеры побеждённой германской армии. Потери Красной армии в Берлинской операции за этот день составили 254 человека убитыми и 893 ранеными.

2 мая немцы капитулировали.

“БРОСОК “ЧЁРНОЙ ПАНТЕРЫ”

Десятилетия спустя командир 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта, гвардии полковник Амазасп Хачатурович Бабаджанян, уже став главным маршалом бронетанковых войск Советской армии, в одной из своих мемуарных книг написал: “Победителей судят. Судят дважды: современники — однополчане тех, кто полёг; история, которая в назидание тем, для которых цель оправдывает средства, сохранила воспоминания о пирровой победе. Но первый суд, суд однополчан, может быть, самый суровый, ибо он требует ответа за человеческие жизни. Тот, кому они доверены, имеет право рисковать и жертвовать ими гораздо меньше, чем своей собственной. И потому обязан всегда и при всех обстоятельствах, и во имя любой цели руководствоваться единственной мыслью: а всё ли я сделал, чтобы избежать этих жертв?”

Амазасп Бабаджанян, Армо, как его называли в дивизии боевые товарищи, прошёл всю войну от Ельни и Смоленска, через огонь Курской битвы, освобождал Украину, участвовал в Висло-Одерской операции и вот дошёл до Берлина.

Пятого апреля командующие армиями, члены Военных советов и начальники штабов армий, командиры корпусов собрались в штабе 1-го Белорусского фронта на окраине небольшого немецкого городка Бирнбаум. Ни до этого часа, ни накануне никто не произнесил слов “Берлин”, “штурм” и подобных. Личному составу говорили о приготвлении к “очередной наступательной операции”. Солдаты же — народ мудрый — тонко чувствовали напрягшийся нерв войны и поговаривали о своём, о конце войны, о доме, часто упоминали “логово” и с беспокойством поглядывали на запад, где каждый вечер садилось тёплое весеннее солнце, обливая розовым молоком уцелевшие зацветающие сады. В шестидесяти километрах от танков и самоходок 11-го гвардейского корпуса, тщательно замаскированных в садах, перелесках и лесополосах, лежала столица Германии, это ненавистное “логово”. И вот они, танкисты, самоходчики, артиллеристы, миномётчики, санитары, ремонтники-оружейники, механики, пехотинцы, шофёры, поглядывая на заходящее солнце, терпеливо ждут последней атаки.

Вошли командующий войсками фронта маршал Жуков, член Военного совета фронта Телегин, начальник штаба Калинин.

Начал командующий. Тихо, делая после каждой фразы небольшую паузу и подчёркивая важность и своих слов, и обстоятельств, в которых они проводят своё совещание, произнёс:

— Был у Верховного. Обстановка складывается так, что пришлось созвать вас немедленно. Раньше мы полагали, что Берлинская операция начнётся... несколько позднее... Сроки меняются. Нас торопят союзники. Есть сведения, источники надёжные, что наши союзники имеют следующие намерения: в ближайшие дни покончить с Рурской группировкой противника, а затем высвободившиеся силы бросить на Лейпциг, Дрезден, а заодно, так сказать, попутно захватить Берлин.

Командиры загудели. Заскрипели ремни и стулья. Такой помощи от союзников никто не ожидал. И не желал. Послышались реплики. Бывшие командиры полков и бригад вспоминали, как ждали открытия Второго фронта в сорок первом, сорок втором и сорок третьем, когда истекали кровью под Москвой, Брянском и Смоленском. А теперь, когда зверь загнан в угол и осталось его прикончить последним ударом, за его шкурой прибежали союзнички...

Маршал сделал необходимую паузу, чтобы дать командирам выплеснуть эмоции, и продолжал:

— Ставке доподлинно известно, что истинная цель ускорения их наступления — именно захват Берлина до подхода наших войск. Ставке также известно, что спешно готовятся две воздушно-десантные дивизии для выброски на Берлин. Это, как вы понимаете, абсолютно устраивает нашего противника. Нам они оказывают упорное сопротивление в каждом населённом пункте, без боя не оставляют ни одной позиции. А на Западном фронте сдают крупные города по телефону, до подхода танков союзников. Всё это заставляет Ставку торопиться. — Маршал снова сделал паузу. — Что касается точной даты наступления, об этом скажу позднее. А сейчас приступим к изучению предстоящей задачи.

Бабаджаниян вспоминал: “Отодвинулась шторка — и перед нами предстала карта, вся испещрённая пятнами озёр, прожилками ирригационных сооружений. Чётко были обозначены полосы немецкой обороны — от Одера до Зеловских высот они шли одна за другой с интервалами в какие-нибудь 10–15 километров.

Вот отдёрнута вторая шторка — открылась рельефная карта Берлина. На ней было всё: улицы, дома, укрепления, завалы, доты, даже изображены разрушенные бомбёжками кварталы. На важнейших зданиях были наклеены ярлыки с номерами. Это был настоящий шедевр картографии. Потом нашему штабу удалось скопировать эту карту, и она очень помогла нам в штурме Берлина”.

Когда общие вопросы предстоящего дела были разрешены, командующий указал на непропорционально крупный четырёхугольный объект в лабиринте берлинских улиц:

— Объект номер сто пять. Прошу обратить особое внимание. Это и есть рейхстаг. — Пауза. — Кто первым войдёт туда? — Маршал окинул быстрым взглядом собравшихся. — Катухов? Чуйков? А может, Богданов или Берзарин?

Все замерли. Молчат. Все понимают — войти первыми означает великую честь. Новые звёзды на погонах и на груди.

Маршал между тем продолжал:

— А это номер сто шесть — имперская канцелярия.

Жуков был, как всегда перед боем, собран, деловит, немногословен. Те, кто его знал близко, заметили некоторую напряжённость. Дело в том, что несколько дней назад в Ставке, когда Верховный вызвал их, командующих 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на совещание по поводу предстоящей битвы за Берлин, сосед слева маршал Конев неожиданно решительно заявил о своём желании тоже участвовать в Берлинской наступательной операции. Начальник Генштаба Антонов при этом напомнил об особой роли 1-го Белорусского фронта и что существующая разграничительная линия

фактически исключает участие войск Конева в штурме Берлина. Конев стоял на своём: при существующей конфигурации фронта и расположении группировок целесообразно нацелить часть сил 1-го Украинского фронта, особенно танковые армии, на юго-западную окраину Берлина.

Мудрый политик и психолог, Сталин пренебрёг теми нормативами, правилами и уставами, которые святы для военных, и, как вспоминал бывший начальник Главного оперативного управления Генштаба генерал Штеменко, “на карте, отражавшей замысел операции, Верховный молча зачеркнул ту часть разграничения, которая отрезала 1-й Украинский фронт от Берлина, довёл её до населённого пункта Люббен (60 километров к юго-востоку от столицы) и оборвал”.

— Кто первый ворвётся, тот пусть и берёт Берлин, — прокомментировал Верховный после совещания своё политическое решение.

Поступок Сталина поджигал командующего 1-го Белорусского фронта. Это скажется очень скоро, в первые же часы атаки на Зееловские высоты.

В какой-то степени Жуков копировал Верховного, когда спросил своих командармов: “Кто первым войдёт туда?” Играл на честолюбии. Знал лозунговую силу этого чувства, включающего в человеке всё: и волю, и сверхсилы, и непреклонность, граничащую с жестокостью. Впрочем, жестокость на войне не самое худшее качество солдата, а особенно командира. В своё время он зачитывался трактатами Мольтке. Некоторые его выводы и умозаключения выучил наизусть. Некоторые сами глубоко врезались в память, будоражили сознание своей противоречивостью и точностью, как, например, это: “Высшей формой милосердия на войне является жестокость...”

Когда читаешь немецких авторов из числа бывших генералов и фельдмаршалов, часто встречаешь мысль о генеральном сражении. Всю войну немцы искали случая большой, решающей битвы. Мало им было Москвы, Сталинграда, Курской дуги. И вот, наконец, “нашли такое поле”. Зееловские высоты, предместья Берлина, сам Берлин...

Передовой отряд и артиллеристы ушли на плацдарм, а основные силы 11-го гвардейского танкового корпуса Бабаджанян по приказу Катюкова ещё до рассвета 16 апреля сосредоточил южнее Зоненбурга на восточном берегу Одера. В пять утра артиллеристы натянули шнуры, и ураган огня хлынул в сторону Зеелова и окрестностей. Тысячи орудий и миномётов. Бабаджанян свои впечатления от артподготовки передавал так: “Здесь были ветераны, слышавшие московскую, сталинградскую, курскую канонады. Но то, что совершалось теперь, мы не могли сравнить ни с чем”.

— Началось!

Произошло самое неприятное, что может произойти во время крупного наступления. Артподготовка не достигла нужного результата, оборона противника уцелела, и, когда пехота пошла в атаку, её встретил шквал огня. Стрелковые дивизии несли большие потери, танки и САУ поддержки горели от огня ПТО. Продвижение общевойсковых гвардейских армий замедлилось, а вскоре и вовсе остановилось.

В этих обстоятельствах Военный совет фронта принял решение бросить вперёд гвардейские танковые армии, чтобы увеличить пробивную способность ударной группировки фронта. Это не было предусмотрено первоначальным планом наступления. Командующий пошёл на риск. Верховный по телефону подзадоривал: у Конева, товарищ Жуков, дела идут лучше...

Уже в середине дня 16 апреля гвардейцы Бабаджаняна приступили к выполнению поставленных задач. Затор на Зееловских высотах существенно изменил и планы 11-го гвардейского танкового корпуса. Бабаджанян осторожничал. Уже было потеряно много боевых машин. Сгорели экипажи. Многих он знал лично. Он приказал передовому отряду занять оборону на достигнутых рубежах и ждать, когда подтянутся остальные бригады и части. Выслал вперёд разведку. Атаку на Фридерсдорф, лежавший впереди, наметили на утро. До утра изучали разведанные, уточняли вопросы взаимодействия, ставили задачи артиллеристам и миномётчикам.

Как рассказали после боя пленные, немцы ждали начала атаки русских, как всегда, на рассвете. Но Бабаджанян намеренно затянул наступление.

Немцы решили, что русские ночью ушли, наметив для прорыва другой участок. Но в десять утра артиллерия корпуса провела артподготовку, а потом пошли вперёд танки и пехота. Два часа шёл бой за Фридерсдорф. Каменные здания деревни, похожей на небольшой городок, стояли вплотную друг к другу и все, от подвальных и полуподвальных помещений до слуховых окон на кровлях, были превращены в пулемётные и артиллерийские доты, в позиции для снайперов и одиночных стрелков. Когда ударная группа выбила немцев из Фридерсдорфа, из района Зеелова последовала мощная контратака, в которой участвовало до тридцати танков с пехотой. Немцев встретили в роще в километре западнее Фридерсдорфа и основательно потрепали.

На пути от Зеелова до Берлина находился город Мюнхеберг, окружённый крупными населёнными пунктами. Целая система опорных пунктов, насыщенная противотанковыми средствами, зенитками, пулемётами. Бабаджанян на этот раз бросил вперёд 45-ю гвардейскую танковую бригаду полковника Моргунова. Мюнхеберг и окрестности обороняла довольно крупная группировка, имевшая танки, самоходные штурмовые орудия, оснащённые длинными 75-мм пушками, способными на равных тягаться с нашими «тридцатьчетвёрками». Подступы и предполье были насыщены противотанковыми заграждениями и различными инженерными сооружениями, напичканы минами.

Из штаба армии и фронта постоянно радировали: «Вперёд! Вперёд! Вперёд!» Жуков нервничал. Всё с самого начала пошло не так. Бросил танки Катюкова и Богданова под неподавленную противотанковую оборону, насыщенную огневыми средствами, способными поражать средние и тяжёлые танки на расстоянии до двух километров, а когда бригады начали нести огромные потери и замедлили темп продвижения, отхлестал лучших танковых командиров явно несправедливым приказом.

Но война есть война. И тот её эпизод на Зееловских высотах, возможно, и стал проявлением «высшей формы милосердия», когда в топку нужно было бросить танки, чтобы спасти сотни тысяч жизней пехотинцев. Кто знает... Все названные в приказе Жукова трусами, конечно, таковыми не являлись. Дрались они с сильным противником, на его земле, в обстоятельствах ограниченного манёвра. Впрочем, всё потом списала, скрасила Победа. Берлин разгромили вместе с его защитниками. Всех наградили. Кто получил Героя, кто — ордена Суворова 1-й степени. Все оказались отмечены в приказах командующего и благодарностях Верховного главнокомандующего.

В приказе Жукова говорилось: «Бейте беспощадно немцев и двигайтесь вперёд днём и ночью на Берлин, тогда Берлин будет очень скоро наш». В том же приказе предписывалось строго-настрого запретить выдавать личному составу водку, даже гвардейские «сто грамм». Ветераны, знавшие и Сталинград, и Курскую дугу, ворчали: вот, мол, подъёмные отменили, как тут Берлин брать, голыми, что ль, руками...

Война — это ещё и неразбериха, и необходимость действовать на грани её. А тем более в таком сумбурном наступлении, когда первоначальные планы постоянно ломали новые и новые обстоятельства. Как вспоминали фронтовики, когда артиллерия и авиация бьёт по своим, это всегда точно и с большими потерями.

Как бы стойко ни сопротивлялся враг, но наступающие войска ломали его оборону и двигались вперёд. За день непрерывных боёв 19 апреля корпус полковника Бабаджаняна продвинулся вперёд на десять-двенадцать километров. Вышедшие из строя из-за незначительных повреждений боевые машины тут же ремонтировали специальные ремонтные бригады. Порой под огнём вытаскивали их с поля боя и отбуксовывали в тыл. Поэтому многие потери тут же, через несколько часов, компенсировались.

Бой продолжался и в ночь на 20 апреля. Бригады овладели опорным пунктом Кинбаум, подавили сопротивление Лиденберга, затем Рюдесдорфа. Вечером ударная группа корпуса была контратакована танками и пехотой при поддержке артиллерии из района Калькберга. Движение вперёд снова приостановилось. А возобновилось 21 апреля, когда к Калькбергу подошли главные силы корпуса и в штабе прочитали только что полученную телефонограмму

маршала Жукова: “1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы... Пошлите от каждого корпуса по одной бригаде в Берлин”.

Бабаджанян знал, кого послать вперёд добывать честь и славу II-му гвардейскому корпусу и всей I-й гвардейской танковой армии. В полдень бригада полковника Гусаковского, усиленная самоходчиками подполковника Мельникова, запустила моторы. В полку Мельникова к тому времени были снайперы и экипажи не хуже, чем в танковой бригаде. У некоторых по пять-восемь и больше подбитых и сожжённых танков различных типов, от Т-III до “тигров” и “фердинандов”. Когда ещё только разворачивались в боевые порядки перед Зееловскими высотами, над лавиной самоходок на бронеющем пронеслись штурмовики 16-й Воздушной армии, которая поддерживала наступление войск 1-го Белорусского фронта. Они отработали по немецкой обороне и, возвращаясь назад, сбросили над самоходками четыре вымпела. К парашютам были прилажены символические ключи от Берлина и дощечки с надписью: “Гвардейцы-друзья, к победе — вперёд! Шлём вам ключи от берлинских ворот!”

В течение нескольких часов после получения приказа о Знамени Победы политработники провели в корпусе митинги, партийные и комсомольские собрания. На них поклялись выполнить историческую задачу — водрузить Красное знамя над первыми же захваченными кварталами Берлина, возвестив всему миру о начале разгрома фашизма в его логове.

К исходу дня 22 апреля ударная группа под огнём противника переправилась через канал западнее Рюдесдорфа и завязала бой на противоположном берегу. Всю ночь танкисты и самоходчики проламывали оборону опорных пунктов, оказавшихся на их пути. Утром танки и самоходки ворвались в Уленхорст. Это была уже окраина Берлина.

Из политотдела бригады полковника Гусаковского в штаб корпуса ушла телефонограмма:

“II-й гвардейский танковый корпус. Генерал-майору танковых войск И. М. Соколову.

1. Водружён государственный флаг СССР в Берлине над зданием фольксштурма.

2. Поднят государственный флаг СССР в 8 часов 30 минут взводом младшего лейтенанта Аверьянова Константина Владимировича, кандидата в члены ВКП(б), командиром танка гвардии младшим лейтенантом Бектимировым Фёдором Юрьевичем, членом ВЛКСМ, которые первыми вошли в Берлин в 8 часов 22.4.45 г.”

Немцы называли II-й гвардейский танковый корпус и её командира “чёрной пантерой”. Дело в том, что личный состав бригад был одет в чёрные комбинезоны. Да и сам командир корпуса отличался довольно смуглой кожей. А противник хорошо знал, кто стоял перед ним, в том числе и по службной список командира.

Маршал Жуков знал цену победы. В своих мемуарах он писал: “Следует подчеркнуть роль I-й гвардейской танковой армии I-го Белорусского фронта, которая, выйдя на юго-восточную окраину Берлина, отрезала пути отхода 9-й армии в Берлин. Это облегчило дальнейшую борьбу в самом городе”.

Берлинский гарнизон не пополнился дивизиями 9-й армии. Напрасно Гитлер в те последние дни Третьего рейха забрасывал ОКВ своими телефонограммами: “Где 9-я армия?” Армия генерала пехоты Теодора Бюссе была зажата в хальбском “котле”, где её перемалывали танки и артиллерия соединений двух фронтов — I-го Белорусского и I-го Украинского. По данным немецких историков, из хальбского “котла” вышли до 40 тысяч человек. Колонна была смешанная — в ней шли и гражданские беженцы. Маятник войны качнулся в обратную сторону, и то, что происходило на дорогах Смоленщины и Подмосковья в сорок первом, началось здесь, под Берлином.

Утром 23 апреля солдаты II-го гвардейского танкового корпуса из уст в уста передавали содержание переданного по радио приказа Верховного главнокомандующего: личному составу корпуса объявлялась благодарность за

прорыв вражеской обороны и успешное наступление на Берлин. Слова Сталина солдаты воспринимали как благодарность Родины и потому в бой шли с осознанием высокой значимости своей ратной работы.

В ночь на 24 апреля Катуков телеграфировал Бабаджаняну: не медля ни минуты, приступить к подготовке и форсированию Шпрее на участке Карлсхорст — Шеневейде, с ходу нанести удар в направлении Трептова, выйти главными силами в район Гёрлицкого вокзала.

Шпрее на участке, предназначенном для переправы, зажата крутыми, до семи метров, берегами. На другом берегу — несколько каналов, которые текут поперёк направления предстоящего удара. Немцы создали здесь мощный противотанковый район, насыщенный артиллерией и позициями одиночных фаустников.

Апрельские ночи в Берлине в тот год оказались светлыми. Всю ночь над огромным городом стояло зарево. Вперёд пошла мотострелковая бригада полковника Федоровича с задачей захватить на том берегу плацдарм, закрепить его и обеспечить переправу танковых бригад и корпусных частей.

К утру мотострелковая бригада переправилась через Шпрее, завязала бой в Трептов-парке и продвинулась к железнодорожной насыпи западнее Трептова-парка. Здесь, по приказу командира корпуса, заняла оборону до подхода основных сил.

Тем временем переправа через Шпрее затягивалась. Немцы контратаковали во фланг вдоль реки. В какой-то момент они прорвались к переправе, выдвинули свои орудия на прямую наводку и открыли огонь по понтонам и парому. В осложнившихся обстоятельствах полковник Бабаджанян принял решение повернуть основные силы корпуса в район Кепеника, где завершал переправу соседний 8-й гвардейский механизированный корпус. Первыми выдвинулись танки бригады Гусаковского. Вскоре они уже атаковали немцев в Трептов-парке и, взаимодействуя с батальонами бригады полковника Федоровича, к исходу дня овладели им.

Уличные бои, теснота и ограниченность манёвра — для танков смерть. Но война научает многому, в том числе и, казалось бы, невозможному. Штурм Зееловских высот, за которыми последовали не менее упорные бои на внешнем и внутреннем обводах Берлина и промежуточных полосах обороны, стал хоть и кровавой, но основательной школой для экипажей. Увоен опыт штурма городов во время Варшавско-Познанской и Восточно-Померанской операций. Позади были штурмом взятые Кольберг, Найштадт, Гдыня, Познань.

Танки по узким берлинским улочкам и проспектам, заваленным обломками рухнувших домов и битым кирпичом, шли “ёлочкой”. Впереди, прижимаясь к одной стороне дороги, продвигалась “тридцатьчетвёрка” в сопровождении автоматчиков, следом, держа интервал и прижимаясь к другой стороне дороги, шёл тяжёлый ИС, а позади их прикрывала самоходка.

Ещё 24 апреля в пригороде Берлина Адлерсхофе состоялся разговор Катукова с командующим войсками фронта. Катуков доложил об успешной переправе корпусов через Шпрее и готовности армии наступать к центру Берлина.

— Хорошо, — сухо сказал Жуков.

— Товарищ Жуков, до сих пор мы действовали в одной полосе с армией Чуйкова, и он был старшим.

— И это правильно. Претензии?

— В городе, товарищ командующий, обстановка иная. Прошу дать нашей танковой армии самостоятельную полосу наступления в Берлине.

Пауза длилась недолго. Катуков знал: Жуков доверяет танкистам со времён Халхин-Гола. За спиной командующего злые языки пошучивали: мол, не выветрился из него красный конник — использует танковые войска как кавалерию.

— Действуйте, — сказал маршал и подошёл к карте Берлина. — Вот ваша полоса наступления... По Вильгельмштрассе направлением на Тиргартенпарк — зоопарк. Это уже совсем близко к имперской канцелярии и рейхстагу.

— Понял, товарищ командующий. Танкисты не подведут!

— Да уж не подведут, знаю.

— Разрешите выполнять?

— Выполняйте. Только будьте осторожны. Там в каждом канализационном колодце по фаустнику. — И Жуков указал на Вильгельмштрассе. — Танки беречь. Они нам ещё будут нужны. Вперёд — штурмовые группы.

Солдатское радио работало бесперебойно. Любая весть разлеталась по подразделениям, от окопа к окопу, от пролома к пролому, от окна к окну мгновенно. Утром 25 апреля солдаты и офицеры 11-го гвардейского танкового корпуса узнали, что накануне войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов соединились западнее Берлина, в результате блокирования Берлина немецкая группировка оказалась рассечённой на две части. А также о том, что с выходом наших войск на Эльбу перекрыт путь на Берлин союзникам.

Чем ближе к центру продвигалась бронетехника корпуса, тем ожесточённее становилось сопротивление окружённых. Улицы, ведущие к Потсдамскому вокзалу, в нескольких местах перегорожены деревянными срубками в несколько рядов, засыпанными землёй и камнями, а также трамвайными вагонами, наваленными друг на друга. За каждой баррикадой — несколько пулемётных точек. Улицы простреливаются противотанковыми орудиями. Орудия ведут огонь из проломов и тщательно замаскированы, их прикрывают пулемётчики и команды фаустников. Кроме того, одиночные фаустники поджидают в окнах полуподвальных помещений и на мансардах. У каждого из них по три-четыре фаустпатрона. Часто это подростки из гитлерюгенда или фольксштурма — последняя надежда Великой Германии.

Постепенно наступление танковых и механизированного корпусов превращается в медленное “прогрызание” немецкой обороны. Это не только затягивание сроков операции, по поводу чего тогда нервничали все, от штаба фронта до штаба стрелкового батальона, не только сверхнапряжение войск, огромный расход ресурсов, боеприпасов и прочего, но и большие людские потери. Последние залпы, последние бои и схватки в подвалах и на чердаках зданий, в подземных канализационных тоннелях, среди вековых деревьев старинных парков уносили новые и новые десятки и сотни жизней. Пехотинцы и миномётчики, танкисты и артиллеристы, связисты, разведчики, сапёры, тыловики — они гибли в уличных боях в том последнем сражении, которое по мере продвижения к центру Берлина становилось только ожесточённей и яростней.

Но дни берлинского гарнизона истекали, а с ними и часы Третьего рейха отщёлкнували свои последние минуты.

На девятый день атаки, 25 апреля произошло то, чего опасались в штабах, когда планировали операцию с нечётко определённой разгранлинией. Бомбардировщики 1-го Белорусского фронта с больших высот разгрузились на боевые порядки танковой армии Рыбалко. Убито и ранено до 100 человек, разбито и сожжено 16 грузовиков с боеприпасами и тыловым имуществом, 6 орудий. Потери, сопоставимые с потерями в суточном бою бригады или полка.

Бригады 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса генерала Белова из состава 4-й гвардейской танковой армии с боями пробивалась на Потсдам.

В полосе наступления армий Катюкова и Чуйкова наметился успех. Пехота 8-й гвардейской армии захватила подготовленный к взрыву мост через Ландвер-канал. Началась переброска бронетехники и тяжёлой артиллерии. Разведгруппа 11-го гвардейского танкового корпуса на своём участке захватила точно такой же мост через Ландвер-канал. Бригады тотчас начали переправу.

Накануне произошёл курьёзный случай. Разведчики доставили в штаб корпуса группу иностранных людей. Оказалось — японцы. Бабаджанян тут же позвонил в штаб армии и, едва сдерживая смех, доложил командарму:

— Михаил Ефимович, мои разведчики только что привели японцев. Что с ними делать?

— Какие японцы!? Что за шутки, Армо? Откуда вы взяли японцев?

— Да чёрт их знает. Вышли на наше охранение. Говорят — посольство.
— Японское...

— Так точно. И выглядят как настоящие японцы.

В трубке возникла небольшая пауза.

— Только японцев нам сейчас не хватало... Ладно, шлите их сюда, разберёмся.

Катуков с изумлением наблюдал, как вошедшие в штаб начали вежливо кланяться ему. Как с ними поступить, он не знал. Звонить в штаб фронта глупо.

— Мы хотим наша родина, — сказал один из вошедших, к счастью, неплохо говоривший по-русски. — Фронта — страшно.

Катуков хмыкнул:

— Страшно... Тут теперь всем страшно.

— Товарищ генерал, они же союзники Гитлера! — вмешался в разговор кто-то из офицеров штаба. — Припекло, вот и пришли сдаваться.

Японец, переводивший своим соотечественникам, вежливо, с улыбкой, поклонился.

— Гитлер им сейчас не защитник, — подытожил Катуков. — Ладно, в плен их брать не будем. Какие из них военнопленные? Будем считать беженцами. Дайте им транспорт и отправьте с разведчиком, который их привёл, в штаб фронта. Там, я думаю, в дипломатах больше разбираются...

Самоходчики подполковника Смирнова по приказу командира корпуса наступали через Блюхер-плац по Йоркштрассе. Видя, что Смирнов продвигается успешно, Бабаджанян повернул на его маршрут и остальные бригады. Улиц были завалены баррикадами, горами кирпича и железобетонных конструкций обвалившихся зданий.

В этот день произошло событие, которое история Великой Отечественной и Второй мировой войны поставила в ряд символов, величина и значение которых оцениваются не меньше, чем Знамя Победы над рейхстагом: 34-й гвардейский корпус генерала Бакланова вышел к Эльбе и встретил вышедшие на западный берег американские войска.

Гарнизон Берлина уже несколько суток находился в плотном окружении. Железное кольцо с каждым днём и часом сжималось, давя и перемалывая новые и новые батальоны фольксштурма, полки СС и различные подразделения, зачастую собранные наспех, с бору по сосенке, которые ещё был способен выставить против Красной армии вермахт. Снабжение окружённых велось по воздуху. Но аэродром и аэропорт Темпельхоф был уже в руках наступающих.

Армия Катукова в этот день успешно развивала наступление в северо-западном направлении в районе Нейкельна и захватила 30 кварталов. Везде, на улицах и перекрёстках, свой путь к центру города армия отмечала горящими танками и самоходками. Противник не ослаблял сопротивления, маневрировал танками, штурмовыми орудиями, самоходками — истребителями танков, фаустниками. Достаточно было одного точного выстрела из фаустпатрона, который мог осуществить даже мальчишка из фольксштурма, если его вовремя не обнаружили бойцы штурмовой группы, и советский танк вспыхивал факелом. Не всегда удавалось спасти экипажи.

На юго-западе части танковой армии Рыбалко уже дрались на улицах Берлина, шлифуя гусеницами брусчатку украинских районов Шмаргендорф и Рейгау, захватили железнодорожную станцию.

Вечером 28 апреля Катукову позвонили из штаба фронта:

— Говорит майор Иващенко. Приказ командующего: по рейхстагу огонь не открывать! Повторяю: огонь по рейхстагу не открывать! Как поняли?

— Понял. По рейхстагу огонь не открывать.

Катукова этот приказ ошеломил. Он сразу всё понял: кто-то из соседей уже там. Интересно, кто.

— Там уже наши? — спросил он майора Иващенко. — Кто?

— Части генерал-полковника Кузнецова.

Катуков положил трубку. И подумал: опоздали его гвардейцы к рейхстагу, опередил его Василий Иванович... Но, несмотря ни на что, дело надо

доделывать — гнать танки к зоологическому саду, добивать противника на своём участке, в зоне досягаемости.

Тиргартен — это как раз на пути корпуса к рейхстагу, в конце Садрландштрассе, по которой они продвигались с тяжёлыми боями, выкуривая из каждого подвала, из каждой подворотни фаустников, растаскивая завалы и обезвреживая сотни мин. Стальной кулак для последнего броска “чёрной пантеры” нужен был мощный. По существу, из двух основательно потрёпанных бригад получилась одна, и та неполная.

В полдень началась артподготовка. В ней участвовали все расчёты ствольной и реактивной артиллерии. Били гаубицы большой мощности, били “катюши” по заранее разведанным и нанесённым на огневые карты целям. По площадям. Били фугасными и бетонобойными снарядами. Артподготовка длилась полчаса. В 12:30 танки взрели моторами. Началась атака.

Немцы обороняли каждый дом, контролировали каждый переулок, простреливали всё открытое пространство вокруг зданий. Когда закончилась артподготовка, гарнизоны домов, каждый из которых был превращён в крепость, вышли из подвалов и поднялись к своим огненным позициям. Схватки шли за каждое здание, за каждый подвал, за каждый этаж. Порой они переходили в рукопашные.

К исходу дня бригады зачистили Садрландштрассе из конца в конец. До имперской канцелярии, где в это время, сбиваясь с ритма, всё ещё стучало сердце Третьего рейха и Гитлер хладнокровно готовился к уходу, танкам Бабаджаняна оставалось всего несколько сотен метров. За зданиями имперской канцелярии в клубах дыма и кирпичной пыли виднелись очертания заветной цели — рейхстага. Туда снаряды и мины не долетали. Там — наши. Но гарью и копотью заволакивало всё.

Историки утверждают, что наши войска, выполняя приказ командования, напрасно, мол, стремились именно к зданию рейхстага, ведь он имел чисто символическое значение. Сердце Кащей билось в имперской канцелярии. Отсюда всё ещё исходили приказы и распоряжения: “Тот, кто отдаст вам приказ об отходе, подлежит, если вы его не знаете в лицо, немедленному аресту, а в случае необходимости — расстрелу, независимо от его звания”. Здесь был главный штаб. Утверждают, что солдаты и офицеры, прорывавшиеся к рейхстагу, и не знали вовсе о существовании имперской канцелярии и её значении. Если верить историкам-авторам этой идеи, то шансы у танкистов Бабаджаняна захватить Гитлера и всех его главных подручных были весьма велики.

На фронте всякое случалось. Но имперская канцелярия фигурировала в приказах разного уровня. К тому же, если рейхстаг имел только символическое значение, то почему же его обороняла многотысячная группировка отборных частей, подразделений и команд?

Бабаджаняна вспоминал, что в ночь на тридцатое апреля к нему в bunker привели немецкого майора-парламентёра, тот сообщил о готовности гарнизона парка “Генрих-V” сложить оружие, их около 900 человек, но будет ли им сохранена жизнь? “Я заверил, — пишет бывший командир танкового корпуса, — что всем, кто сложит оружие, советское командование гарантирует безопасность”.

Небольшими группами сдаваться начали ещё два дня назад, 27 апреля. Теперь, после мощной артподготовки и очередного штурма, желающих выжить становилось заметно больше.

В ночь на 30 апреля танки 44-й и 45-й гвардейских танковых бригад били из своих пушек прямой наводкой по имперской канцелярии.

Никто не знал тогда, что именно здесь, в бронированных подземельях, прячутся Гитлер, Геббельс, Борман и другие главари фашистской Германии и что именно тут разыгрывается финальная сцена трагедии, кончившейся как бессмысленный фарс.

По всей вероятности, придерживаясь политкорректности, Амазасп Хачатурович не назвал в числе оборонявших рейхстаг и центр Берлина французов из дивизии СС “Шарлемань”, а также латышей из 15-й Латышской дивизии СС.

30 апреля Катуюкову предстояло покончить с группировкой противника, удерживавшей Зоологический сад. Для этого он развернул 11-й гвардейский танковый корпус Бабаджаняна от рейхсканцелярии на запад, сдав позиции соседнему 4-му гвардейскому стрелковому корпусу армии Чуйкова.

Утром в 9:00 Бабаджанян сосредоточил свои ударные силы в районе парка “Генрих-V” с задачей совместно с 8-м гвардейским механизированным корпусом сокрушить оборону противника в Зоологическом саду, переправиться через канал Ландвер и захватить на том берегу плацдармы.

Задачу танкисты и пехотинцы выполнили. На этом действия 11-й гвардейской танковой бригады в Берлинской наступательной операции оказались завершены. На улицах центра Берлина возникла теснота. Движение танков и техники прекратилось. Войска разбирали баррикады и завалы.

В ночь на 1 мая состоялись переговоры начальника немецкого Генерального штаба генерала Кребса с представителями командования Красной армии. Кребса в своём штабе встретил генерал Чуйков, который был уполномочен штабом фронта вести переговоры. Кребс передал Чуйкову папку с документами, среди которых лежало сообщение Геббельса и Бормана о смерти Гитлера.

Знамя над рейхстагом реяло, развевалось. Вернее, их, красных знамён, возвещавших Победу, было несколько. Но теперь советскому гарнизону рейхстага пришлось и свои позиции защищать. В подвалах и подземных лабиринтах под рейхстагом продолжал держаться отступивший туда гарнизон — до полутора тысяч солдат и офицеров. В этот день они предприняли отчаянную попытку выбраться наружу и атаковать главный зал. Их встретили огнём и загнали обратно под землю.

Согласно штабным документам 3-й Ударной армии её части понесли в этот день следующие потери: убитыми — 254 человека; ранеными — 893 человека. Слишком большая цена за несговорчивость немецкой стороны.

Потери понесли в тот день и другие армии, войска которых продолжали атаковать и зачищать тыловые кварталы, где всё ещё продолжали упорно сопротивляться окружённые группы немцев, французов, латышей, бельгийцев, шведов и прочих представителей европейских народов, воевавших за идею фашизма и присягнувших Гитлеру.

В ночь на 2 мая с немецкой стороны по радио было передано срочное сообщение: “Алло! Алло! Говорит Пятьдесят шестой танковый корпус. Просим прекратить огонь. К двенадцати пятидесяти по берлинскому времени выслаем парламентёров на Потсдамский мост. Оповестительный знак — белый флаг на фоне красного цвета. Ждём ответа”. Ровно в означенное время на мосту появилась группа немецких офицеров под белым флагом. Их возглавлял полковник. Он сообщил, что уполномочен командиром 56-го танкового корпуса и комендантом Берлина генералом Вейдлингом заявить о капитуляции берлинского гарнизона. Спустя несколько часов через громкоговорители немецким войскам был передан приказ о капитуляции: “... Я призываю вас немедленно прекратить сопротивление. Вейдлинг, генерал артиллерии и командующий обороной Берлина”.

В полдень с белыми флагами потекли защитники Берлина. Они складывали оружие, снимали снаряжение и следовали в тыл, на пункты сбора. Войска 1-го Белорусского фронта под командованием маршала Г. К. Жукова завершили свою тяжкую работу и терпеливо принимали пленных.

Одновременно на войска свалилась другая забота. Маршал Бабаджанян вспоминал: “В разрушенном городе не действовал водопровод, не было электроосвещения. В подвалах, засыпанных обломками, томились женщины и дети. Для спасения населения мы организовали специальные команды. Они извлекали из-под обломков людей, оказывали им первую медицинскую помощь. Немало при этом гибло советских солдат, противник заминировал всё, даже жилые кварталы.

Я собственными глазами видел, как наши солдаты заботливо помогали немецким женщинам переносить детей в безопасное место, как отдавали при этом свой солдатский паёк малышам.

Маленькие берлинцы без страха подходили к предназначенным специально для населения походным кухням, протягивали худенькими ручонками свои чашки и плошки и смешно просили: “Кушат”.

“Кушать” — это было первое русское слово, которое они научились произносить.

Повар наливает мальчугану полную кастрюльку. “Данке шён”, — говорит мальчуган, но не отходит. “Чего тебе, хлопчик? — непонимающе спрашивает повар. — Ещё налить?” Но ведь у мальчугана больше нет посуды в руках. “Фюр швестер”, — объясняет маленький берлинец, тычет пальцем на свою кастрюльку и убегает. “Значит, ещё придёт”, — соображает повар”.

“Я собственными глазами видел...” Но ведь командир корпуса, полковник, начальник огромного хозяйства был в этих обстоятельствах не посторонним наблюдателем. Именно он отдал приказ в бригады, батальоны и роты, во все подразделения: кормить берлинцев, оказывать первую медицинскую помощь, помогать нуждающимся.

Корпус зачехлил пушки и приводил себя в порядок. В штабах подсчитывали потери и трофеи, писали репортажи.

На победителей посыпались награды.

Командир корпуса Герой Советского Союза полковник Амазасп Хачатурович Бабаджанян был представлен ко второй Золотой Звезде.

Тогда многих представляли к Героям. И время было такое, и настроение — всплеск радости и победного восторга. Но и достойных много. В верхах эти настроения начали потихоньку гасить. Война окончена. Военные своё дело сделали. Нужда в них стала исчезать. В первые ряды начали выступать политики и партийные функционеры.

Золотую Звезду командиру корпуса заменили орденом Суворова 1-й степени. Среди военных и фронтовиков орден весьма почитаемый, считался рангом не ниже Героя Советского Союза. Постановлением Председателя Совнаркома СССР И. В. Сталина от 11 июля 1945 года полковнику Амазаспу Хачатуровичу Бабаджаняну было присвоено воинское звание генерал-майора танковых войск.

КОМАНДИР БОЛЬШОЙ ВОЛИ

Николай Эрастович Берзарин прославился ещё во время боёв на озере Хасан и к 1941 году в звании генерал-майора являлся заместителем командующего 1-й Краснознамённой армии Дальневосточного фронта. Его перебросили на Северо-Западный фронт, и он прошёл всю войну. В 1943 году получил тяжелейшее ранение под Вязьмой. С мая 1944 года командовал 5-й ударной армией, которая после Ясско-Кишинёвской операции освобождала столицу Молдавии. До вражеского логова Николай Эрастович дошёл уже в звании генерал-полковника. А 24 апреля маршал Жуков назначил Берзарина первым комендантом Берлина.

Жуков явно выталкивал Берзарина к рейхстагу. Однако судьбу этого знакового объекта решила 150-я стрелковая дивизия 3-й ударной армии. Её штурмовые отряды уже атаковали высокое здание с округлым куполом. Артиллерии всех армий, наступающих к центру Берлина, приказано было прекратить огонь.

Когда командир 9-го стрелкового корпуса доложил Берзарину, что его передовые батальоны остановлены перед комплексом зданий гостипографии, что открытая местность перед ними простреливается из пушек и миномётов и что лёгкая артиллерия эффекта не даёт, он приказал подвести для стрельбы прямой наводкой 305-мм орудие. Одно за другим рушились кирпичные здания, погребая под обломками и щебнем своих защитников. Уцелевшие перебрались в здания, стоявшие в глубине квартала. Огонь 305-мм орудия их не доставал, мешали руины впереди стоявших зданий. И тогда — о, русская смекалка! — бойцы штурмовых групп атаковали их трофейными 300-мм реактивными снарядами. Пуски снарядов производили с лотков, из окон и мансард — по соседним окнам. Лотки конструировали тут же, на передовой, кустарным спо-

собом. Вскоре с гарнизонами последних зданий типографии было покончено.

Берзарин потом с интересом и ностальгией разглядывал уцелевшее типографское оборудование, металлические кассы в наборном цеху, переплётные станки...

Вечером 30 апреля в штаб армии поступил приказ штаба 1-го Белорусского фронта №006: “Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломали сопротивление врага, заняли главное здание рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. ...подняли на нём наш Советский флаг. В боях за район и главное здание рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Перевёрткина и его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова”.

Но бои продолжались. Живые оттаскивали убитых, перевязывали раненых. Те уныло брели в тыл. Пехотинцы короткими бросками перебирались от окна к окну, от здания к зданию, от руины к руине. В ход шли ручные гранаты и трофейные фаустпатроны. Перед самым штурмом Берлина личный состав обучили пользоваться этой нехитрой штуковиной, и теперь бойцы не хуже фольксштурмовцев палили по целям из сверхоружия фюрера. Из глубины кварталов через головы атакующих штурмовых групп, нащупав цели, часто били самоходки и танки. Когда наступала пауза или ночь прекращала атаки, бойцы и командиры засыпали тут же, под уцелевшими стенами на горах щебня в обнимку с автоматами, положив под головы потные шлемы.

После окончания боёв в интервью одному из корреспондентов центральных газет Берзарин сказал: “Думаю, что такого массового героизма, какой проявлялся в эти дни в битве за Берлин, ещё никогда не было. Да, да, поверьте мне, старому солдату. В чём секрет этого героизма, понять нетрудно: желание быстрее добить врага и победно закончить войну. И как результат этого — всеобщее воодушевление! И, конечно, воинское мастерство и труд. Солдатский подвиг рождается в труде. Без этой взаимосвязи невозможно понять и правильно оценить героизм советских воинов...”

Самое прекрасное после вдохновения — это самоотверженность; вслед за Поэтом первым идёт Солдат; не его вина, если ему суждена доля пилота.

Армия слепа и бессловесна. Она бьёт наугад оттуда, куда её ставят.

Ей ничего не надо, и она действует механически. Это большая машина, которую приводят в движение и которая наносит смерть; но это и нечто такое, что способно страдать.

Бои кипели с прежним ожесточением. 30 апреля авангарды 5-й ударной ворвались в рейхсканцелярию. В коридорах увидели вороха бумаг. Пачки листовок, перевязанные шпагатом. Отпечатаны, видимо, в той самой типографии, которую только что разнесли в пух и прах орудия большой мощности и сапёры из штурмовых групп. На одной из них воззвание Геббельса к берлинцам и солдатам гарнизона: “Браво вам, берлинцы! Берлин останется немецким! Уже движется отовсюду к Берлину корпус и армии, готовые защищать столицу, нанести решающее поражение большевикам и в последние часы изменить судьбу нашего города...”

Бои продолжались. А новый комендант Берлина часть своих усилий и энергии уже тратил на то, чтобы на освобождённой от нацистов территории гражданские люди почувствовали себя освобождёнными, чтобы армейские тылы приступили к самому необходимому — ротные и батарейные повара, согласно отданному приказу, должны делать дополнительную закладку и кормить гражданских.

Из воспоминаний полковника Владимира Алексеевича Жилкина: “Кажется, 29 апреля мы оказались в расположении полков своей дивизии, в зоне вражеского пулемётно-артиллерийского и миномётного огня. С наступлением темноты наша 6-я батарея произвела смену позиции, чтобы участвовать в штурме главного объекта немецкой обороны.

Здесь я должен уточнить, что карт Большого Берлина у нас оказалось мало, на всех офицеров не хватало. Командующий артиллерией корпуса пообещал нам, что выдаст нам некоторое количество карт дополнительно. Указали координаты, и я с двумя автоматчиками отправился в штакор. Это был уже “тыл”. Я стал свидетелем того, как берлинцы, старые и малые, начали

выбираться из подвалов и других укрытий. У афишной тумбы уже толпилось до десятка немцев, они читали наклеенный там приказ коменданта города. Возвращаясь с пачкой карт, полученных в штабе корпуса, я увидел порядочную толпу. Стоял грузовик, и двое наших солдат выдавали немцам хлеб и консервы. Под напором голодной толпы солдаты растерялись. Подбирая немецкие слова, я крикнул, призывая соблюдать порядок. Мгновенно люди вытянулись в цепочку: слова мои подействовали.

В сторонке, не решаясь подойти к толпе, стояла ветхая старушка с девочкой 10–12 лет. Обращаясь ко мне, офицеру, старушка стала что-то лепетать. Фразы её можно было понять и без перевода — от голода у неё блестяли глаза. Рот у её внучки был раскрыт, она делала глотательные движения. Я взял у солдат из ящика банку консервов, буханку хлеба и отдал старой женщине. “Данке шён, данке шён”, — шептала старушка, а девочка протянула руку, и на раскрытой ладонке лежали золотые женские часики. Я сделал отрицательный жест рукой, как мог, пояснил, что вот-вот стрельба закончится. Вся толпа стояла тихо и смотрела на меня, как на чудотворца. Снабженцы пояснили мне, что раздача продуктов ведётся по приказу советского коменданта. В тот день Берзарин накормить берлинцев не мог, конечно, но он сеял надежду на спасение...”

Штаб Берзарина в те дни по-прежнему размещался в Карлсхорсте, в комплексе зданий бывшего Военно-инженерного училища. Несколько дней назад 301-я стрелковая дивизия выбила отсюда элитную часть немцев. Теперь из Военно-инженерного училища расходились приказы, обращённые не только к наступающим войскам, но и к тылам, а также к берлинцам. Комендант Берлина уже действовал. 28 апреля в освобождённых кварталах города было расклеено обращение — эдикт-приказ № 1: “1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах. 2. НСДАП и все подчинённые ей организации распустить и деятельность их запретить. 3. В течение 72-х часов со времени опубликования приказа должны явиться на регистрацию все военнослужащие немецкой армии, войска СС и СА, оставшиеся в городе Берлине. 4. Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений явиться в районные и участковые комендатуры для регистрации. 5. Все коммунальные предприятия, как то: электростанции, водопровод, канализация, городской транспорт, все лечебные учреждения, все продовольственные магазины и хлебопекарни должны возобновить свою работу по обслуживанию населения. Рабочим и служащим перечисленных учреждений оставаться на своих местах. В дальнейшем, до особых указаний, выдачу продовольствия из продуктовых магазинов проводить по нормам и документам, существовавшим ранее. 6. Собственникам банков и управляющим временно всякие финансовые операции прекратить, сейфы немедленно опечатать и явиться в военные комендатуры с докладом о состоянии банковского хозяйства. Всем чиновникам банков категорически запрещается проводить какие бы то ни было изъятия ценностей...”

Тот же приказ предписывал сдать имеющееся на руках либо найденное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное снаряжение и имущество.

Надо было удерживать и воинскую дисциплину в войсках, расквартированных в Берлине и в предместьях после подписания немцами капитуляции. В каждом полку был сформирован комендантский взвод.

Маршал Жуков назначил Берзарина на пост коменданта Берлина в те дни, когда ещё продолжались яростные схватки за центр “имперской столицы” и когда ещё действовал старый комендант и начальник берлинского гарнизона генерал Вейдлинг. Пушки ещё не умолкли, и уставшие от четырёхлетней тяжкой фронтовой работы солдаты продолжали атаковать, когда в районах германской столицы уже начала действовать сеть районных комендатур.

Город был условно разделён на три сектора. Секторы — на районы. Каждому району был присвоен номер. В каждом районе — военный комендант, штат заместителей и специалистов, обязательно переводчик, комендантский взвод. Комендатуры тут же приступили к исполнению порученных

дел. Вместе с донесениями из штабов атакующих корпусов и дивизий Берзарин получал доклады от военных комендантов о состоянии дел городского хозяйства, о том, какая помощь оказывается местным жителям, какие проблемы возникают и какие из них необходимо решить в первую очередь.

Однажды во время последних дней штурма позвонили сразу из нескольких районных комендатур: прекратилась подача электричества и воды. Для большого города — это катастрофа. Правда, мы, русские, вправе вспомнить Сталинград и другие города и городки, разбитые войной до основания, и расставить по этой теме свои оценки. Но, войдя в “логово”, откуда ещё исходило зло, и подавив сопротивление берлинского гарнизона, Красная армия сразу же приняла на себя заботу о мирных гражданах большого города. Если провести справедливые аналогии, то немцы обязаны были сбрасывать голодающим ленинградцам контейнеры с консервами и хлебом, не угрожать обороняющейся Москве затоплением, не выжигать вместе с жителями белорусские, смоленские, тульские и брянские деревни...

Оказалось, во время подрыва мостов через Шпрее и каналы немцы основательно повредили электростанцию в Шарлоттенбурге, последнюю из уцелевших. Берзарин тут же бросил туда разведку и бригаду специалистов. Электричество поступало от турбин плотины в Руммельсберге. Под огнём противника всю ночь инженерная служба 5-й ударной армии устраняла неполадки. К утру заработала вначале одна турбина, потом все остальные.

Жуков в своей директиве новому военному коменданту, кроме всего прочего, предписывал: “Мы ожидаем, что в каждом работнике нашей берлинской комендатуры сплетутся в тугой узел все высокие нравственные понятия: долг, порядочность, воля, доброта”. Жуков прекрасно знал, кому доверить хозяйство. Знал и Берзарин, кого назначает военными комендантами районов. Знал каждого. По боям. По отношению к службе, к подчинённым, к порученному делу, к материальным ценностям, к врагу, к пленным, к мирным жителям.

Ещё со времён дальневосточной службы, с озера Хасан Берзарин любил кавалерийскую бурку. Чёрного цвета. Она и плащ в дождь, и шинель, и полог, и постель. Изнашивал одну, заводил другую. Другим в минуты откровения признавался: “Уйду в отставку, пойду на конный завод”. Лошадей любил. Часто садился в седло. Но чаще — на мотоцикл. Считал езду на мотоцикле прекрасным спортом, очень полезным для мужчины, особенно в его годы.

А годы-то молодые — в начале апреля исполнился сорок один. Правда, выглядел старше своих лет. После тяжёлого ранения ходить стал меньше — болела нога. Немного раздобрел, раздвинулся в плечах, осел. Вот и завёл снова мотоцикл. И быстро, и удобно крутиться по берлинским улочкам, расчищенным во многих местах только наполовину. И свиту из охраны с собой возить не надо, достаточно одного автоматчика.

Одновременно оставался командующим 5-й ударной армией. Надо заметить, что его войска, должно быть, закончили боевые действия самыми последними. Когда на других участках уже затихла стрельба, когда иссяк поток пленных, вылезших из-под обломков зданий после объявления генералом Вейдлингом капитуляции гарнизона, солдат победившей армии, уставших после многолетней тяжкой работы, одолел вязкий, словно августовский мёд, сон. И вдруг в секторе 899-го полка 248-й стрелковой дивизии поднялся переполох. Вначале подумали: славяне на радостях палят в воздух, разряжают диски и обоймы, чтобы не оттягивали ремень. Но вскоре командиры насторожились: “Что за чёрт?!”

Впереди по фронту — исклёванное прямыми попаданиями здание рейхсканцелярии. Где-то под ним — “фюрербункер”. Уже сообщили, что Гитлер покончил с собой. Перед штурмом рейхсканцелярии штурмовой группе полка поступил приказ от командарма: “Постарайтесь захватить живыми оставшихся главарей фашистской Германии”. Никого из главарей захватить не удалось. То ли все главные трофеи уже расхватали штурмовые группы из других частей — здесь, в центре в эти дни всё перемешалось, сбились в кучу многие подразделения не только соседних дивизий и корпусов,

но и армий, — то ли главари фашистской Германии последовали за своим фюрером.

В штаб астраханского полка доложили: на позиции батальона капитана Боровкова на Инвалиденштрассе со стороны рейхсканцелярии — попытка прорыва колонны бронетехники в количестве до пяти единиц; артиллеристы подбили две единицы, остальные прорвались на второй рубеж, там остановлены бронебойщиками; экипажи противника, потеряв несколько человек, укрылись в руинах зданий и ведут непрерывный огонь, в переговоры не вступают.

Комполка выслушал доклад и распорядился:

— Кончайте быстрее.

На всякий случай, памятуя приказание генерала Берзарина, послал туда группу автоматчиков: “Если есть кто из важных, взять живыми”.

Живыми взяли двоих в форме с петлицами СС, мужчину и женщину. Мужчина управлял бронетранспортёром, а женщина назвала себя фрау Эрной, машинисткой стенографического бюро доктора Фриче — заместителя министра пропаганды. Именно она и рассказала, что в другой группе, укрывшейся среди руин, находится бригаденфюрер СС Монке, личный пилот Гитлера Ганс Баур, хирург Людвиг Штумфеггер, рейхслютенант Артур Аксман и, самое невероятное, рейхсляйтер Мартин Борман.

Пленных тут же отконвоировали в штаб дивизии. Атаку на засевших за руинами ээсовцев возглавили командир одного из батальонов астраханского полка капитан Кошурников и командир роты лейтенант Личугин. Они попали под шквальный огонь и почти все погибли. После чего командир полка полковник Артёмов приказал сапёрам взорвать остатки домов, где засели ээсовцы.

Полковнику Сергею Артёмову шёл двадцать девятый год. С Кошурниковым и Личугиным он дошёл от Днестра до Берлина. До слёз было жаль боевых товарищей, погибших, когда Берлин уже взят и война, считай, закончилась. Кому нужна эта кровь? К чёрту Монке! К чёрту Бормана!

Когда кирпичная пыль осела, он ещё раз посмотрел на тела своих офицеров и солдат, рядком, словно для братского погребения сложенные возле подбитого бронетранспортёра, и сказал адъютанту:

— Сообщите в штаб дивизии: больше пленных нет.

Смерть Мартина Бормана долгое время вызывала сомнения. Нет тела — нет дела. Пошли разного рода кривотолки, спекуляции. Но в 1973 году во время проведения строительных работ на Инвалиденштрассе в отвале обнаружили “скелетированные останки человеческого тела”. Судебно-криминалистическая экспертиза показала — эти останки принадлежат “партайгеноссе” Мартину Борману.

Не выпустил его полковник Артёмов в Аргентину!

Части 5-й ударной армии начали покидать центр Берлина. Им определены были места дислокации в менее разрушенных кварталах. Оставлял Инвалиденштрассе и астраханский полк. Лошади и трофейные грузовики тащили дивизионные пушки с зачехлёнными стволами. Шли роты взводными колоннами. Полевую кухню с дымящейся трубой, в нескольких местах пробитой то ли осколками, то ли пулями, с кашеваром на передке тащил верблюд. Полевая кухня, даже с кашеваром и запасом дров, ему была не в тягость. Он шествовал своей царственной походкой среди руин по центру Европы, с величественным равнодушием окидывая взглядом окрестности только что отгремевшей битвы народов.

На следующий день после капитуляции в расположение армии прибыл комфронта Жуков. Из Карлсхорста на автомобилях в сопровождении офицеров штаба 5-й ударной Жуков и Берзарин подъехали к рейхсканцелярии. Жукова интересовала судьба Гитлера и его останков. Поиском занимались специальные команды.

Жукову доложили, что останки не найдены, что они сожжены и, по всей вероятности, закопаны где-то неподалёку. Пошли к кострищам. Берзарин всё время шёл рядом с Жуковым. Они разговаривали. Главноначальствующему советской военной администрации в Германии и коменданту Берлина было

о чём поговорить. Сталин требовал точной и исчерпывающей информации о Гитлере. Возможно, говорили о Бормане. О бое накануне на Инвалиденштрассе. Патрули ночью задержали бригаденфюрера СС Монке. После основного допроса под усиленной охраной самолётом Монке сразу же отправили в Москву.

Они вошли во двор рейхсканцелярии. Посреди небольшого сквера чернели остатки давно остывших костров. Ещё вчера здесь всё было завалено трупами. Убитых убрали. Офицер из группы поиска сказал, что, возможно, в одном из этих костров и были сожжены трупы Гитлера и Евы Браун.

После некоторой паузы Жуков сказал:

— Нет. На этих кострах немецкие солдаты кипятили воду... — И тут же отдал распоряжение Берзарину организовать прочёсывание окрестностей.

Несколько взводов были отправлены на прочёсывание. Ничего и никого не нашли. Не обошлось без курьёза. Один взвод всё же арестовал “Гитлера”. Чуть выше среднего роста, чёлка на лбу, зачёсанная набок, прямой нос, усики... Смершевцы тут же выяснили — хозяин лавочки с соседней Фридрихштрассе. “Ступай, папаша, домой...” Молодые автоматчики, отличившиеся при поимке “фюрера”, посмеивались друг над другом.

Как известно, 7 мая 1945 года в Реймсе, в штабе Верховного главнокомандования англо-американских экспедиционных сил состоялось подписание документа о капитуляции германских вооружённых сил. Акт подписали американский генерал Смит, немецкий генерал Йодль и генерал-майор Красной армии Сулопаров, в тот период прикомандированный к штабу союзных экспедиционных войск. Именно благодаря эпизоду в Реймсе история и сохранила имя этого неприметного генерала. Генерал, однако, своё дело сделал, на итоговом акте, видимо, имея на то особые инструкции, сделал приписку, что это соглашение не окончательное.

На 8 мая в Карлсхорсте, в штабе 5-й ударной армии, в одном из просторных залов Военно-инженерного училища назначили церемонию подписания основного документа — Акта о безоговорочной капитуляции германских вооружённых сил перед армиями союзных государств.

Берзарин был принимающей стороной. Этот день оказался для него простым. В аэропорту Темпельхоф встречали одну за другой делегации союзников и своих. Военный комендант Берлина, начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский, член Военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Боков и группа офицеров центральной комендатуры, переводчики, фотокорреспонденты и кинооператоры часами стояли на краю взлётной полосы в ожидании прилёта очередного борта.

Прибыли маршал британских Королевских ВВС и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами англичанин Артур Теддер с группой офицеров, главный маршал авиации американец Чарльз Спаатс, вице-адмирал Королевского флота Великобритании сэр Гарольд Бэрроу. Из Франции — генерал Жан-Мари де Латр де Тассиньи. Из Москвы прилетел первый заместитель наркома иностранных дел СССР Вышинский, назначенный политсоветником при Главноначальствующем Советской военной администрации в Германии маршале Советского Союза Георгии Константиновиче Жукове. Сталин уже включил механизм медленной и постепенной отставки Маршала Победы: вначале он всячески и со всех сторон ограничит его власть, потом выведет на второй план, а затем и вовсе — в тень, в Одессу и, наконец, на Урал.

Один из участников этого почётного эскорта после войны рассказывал, что стоять в ожидании очередного борта было тягостно. Все знали, у Берзарина болела нога. После тяжёлого ранения он не вполне восстановился. И вот стали замечать: вначале Николай Эрастович начал прихрамывать, потом с тоской стал поглядывать по сторонам, на что бы опереться, но, не найдя ничего подходящего, ни дерева, ни парапета, сел прямо на бетонку. Так и сидел, пока не пошёл на посадку очередной самолёт.

Для церемонии подписания Акта подготовили зал бывшей офицерской столовой военно-инженерного училища. Мебель и огромный ковёр привезли из рейхсканцелярии. Дорогу из аэропорта до Карлсхорста отремонтировали.

Сапёры взорвали и расчистили остатки немецких баррикад, укреплений и завалов. Из Фленсбурга под охраной английских офицеров доставили бывшего начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего кригсмарине адмирала фон Фридебурга и генерал-полковника люфтваффе Штумпфа. Они имели полномочия от правительства Дёница на подписания Акта о капитуляции.

Ровно в полночь по московскому времени участники церемонии вошли в зал. Жуков открыл заседание:

— Мы, представители Верховного главнокомандования советских вооружённых сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования.

В нашей официальной историографии акт, подписанный в Реймсе, считается “предварительным протоколом капитуляции”. На Западе реймский акт расценивается как собственно акт, как основной, а в Карлсхорсте — его ратификация. Черчилль в те дни заявил по британскому радио: “Вчера утром, в 2:41 утра, генерал Йодль и гросс-адмирал Дёниц подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил. Сегодня это соглашение будет ратифицировано и подтверждено в Берлине”. Американские историки карлсхорстский акт даже не упоминают.

Граждане Советского Союза узнали о подписании в Карлсхорсте Акта “о капитуляции Германии” из сообщения Совинформбюро 9 мая 1945 года в 2 часа 10 минут ночи по московскому времени. Диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан торжественно зачитал текст Акта о военной капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении дня 9 мая праздником Победы. Радио транслировало сообщение всю ночь и весь день 9 мая. Вечером 9 мая с обращением к советскому народу выступил вождь государства Иосиф Виссарионович Сталин. После чего Левитан зачитал приказ Верховного Главнокомандующего о полной победе над фашистской Германией и об артиллерийском салюте — 9 мая, в 22 часа тридцатью залпами из тысячи орудий.

Вот почему День Победы 9 Мая у старшего поколения ассоциируется с голосом Левитана и Сталина.

Генерал Берзарин присутствовал на церемонии подписания.

Праздники проходят быстро. Шампанское выпито. Ордена и медали розданы. Начались будни.

Три недели Берзарин оставался в Берлине единоличным правителем. За эти дни и ночи сделано многое и главное: налажено коммунальное хозяйство города с населением в три с половиной миллиона жителей. Открылись магазины. Заработали поликлиники и больницы. По предложению коменданта маршал Жуков распорядился освободить из лагерей и мест накопления врачей, фельдшеров и медицинских сестёр. Ими тут же укомплектовали медучреждения, которые нуждались в кадрах специалистов.

Энергичную работу генерала Берзарина и его комендатур берлинцы восприняли с энтузиазмом. С утра до вечера мужчины и женщины, старики и подростки разбирали завалы, стены рухнувших домов. Уцелевшие кирпичи и всё, пригодное для стройки, складировали в отдельные штабеля. Мусор и щебень грузили на вывоз. Ими засыпали овраги, окопы и воронки от авиабомб.

В те дни поступил приказ командарма в самые кратчайшие сроки представить всех отличившихся в боях во время Берлинской наступательной операции, а также во время боевых действий, предшествовавших штурму Берлина, к наградам. Боевого серебра и золота в те дни не жалели.

Однажды Берзарин приехал в расположение одного из стрелковых батальонов. Адьютант подал список награждённых. Солдаты, сержанты, старшины и лейтенанты выходили к столу. Командарм вручал им ордена Славы и Красной Звезды, медали “За отвагу” и “За боевые заслуги”. И вот награды закончились. Берзарин поблагодарил командира батальона и ротных и уже собирался уезжать, но заметил солдата, стоявшего в конце шеренги. Пожилой, в застиранной гимнастёрке, аккуратно залатанной на плече.

На ногах — стоптанные ботинки, чёрные обмотки. На груди — ни одной награды, только нашивки за ранения. Нашивок много, целая колодка: жёлтые — за лёгкие ранения, красные — за тяжёлые. Подошёл к нему. Солдат, как положено, шагнул из строя, представился.

— С какого года на фронте?

— С сорок первого, товарищ генерал-полковник! — бодро ответил солдат. Берзарин тут же оглянулся на офицеров. Те подбежали к нему.

— Где воевали?

— Московское направление, — ответил солдат. — Вязьма, Тула, Калуга...

— Командир роты, — спросил Берзарин старшего лейтенанта, — хороший солдат?

— Так точно!

— Представить к медали “За боевые заслуги”.

Подошёл к другому:

— С какого года воюете?

— С сорок третьего! С Курской дуги! С вами, товарищ генерал-полковник, с Днестра!

— Командир роты, хороший солдат?

— Так точно, хороший.

— Как вёл себя во время штурма? Где находился?

— Был в танковом десанте. Одним из первых переправился через Шпрее.

— Представить к медали “За отвагу”. Всех наградить, кто добросовестно выполнял приказы командиров и не запятнал себя в дни мира.

Вот за что ещё любят солдаты своих генералов...

Постепенно, когда машина городского хозяйства начала работать более или менее ровно, некоторые рычаги налаженного самоуправления комендант начал передавать самим немцам.

Десятого июня 1945 года Жуков подписал приказ о разрешении деятельности политических партий. В театрах возобновились репетиции. Уже 27 мая в театре “Ренессанс” состоялась первая постановка. В конце мая в Штётлице, в зале “Титания-плас” дал первый концерт оркестр Берлинской филармонии под управлением Лео Борхарда. Заработали музеи. Восстанавливались выставочные залы картинных галерей, приводились в порядок их собрания и запасы. Ожили стадионы. Состоялся футбольный матч Франция — Советский Союз. Команды собрали из солдат и офицеров. Болеть пришли тысячи берлинцев. Во время матча возбуждённые французские болельщики пели “партизанский гимн”: “От леса до леса // дорога идёт // вдоль обрыва...”

Для берлинцев Берзарин ничего не жалел. Порой выколачивал из армейских фондов продукты для стационаров больниц. Детям начали выдавать бесплатное молоко.

В один из дней с купола рейхстага сняли святой символ Победы. Знамя отправляли в Москву. На флагштоке закрепили полотнище государственного флага Союза ССР. Берзарин руководил церемонией прощания со знаменем. Провожал эскорт в аэропорт Темпельхоф. Передал письмо и посылку для семьи. Скучал по родине.

С 14 мая начал действовать городской трамвай. Пошли автобусы. На следующий день Берзарин подписал приказ о разрешении берлинцам свободно передвигаться по городу с пяти утра до половины одиннадцатого вечера. А ещё через день районные коменданты сообщили, что начала работать канализация.

В магазинах увеличивался ассортимент товаров. В какой-то период основными покупателями в Большом Берлине оставались офицеры и солдаты Красной армии, потом, когда город разделили на секторы, покупателей из числа военных стало ещё больше — англичане, янки, канадцы, новозеландцы...

Началась демобилизация солдат старших возрастов и военнослужащих женщин. Всем хотелось привезти домой из богатой Германии хоть какие-то подарки. Демобилизованные тратили в магазинах и на барахолках накопленные за войну деньги. Часть денег выдавали марками. На барахолках в ходу были и рубли.

Ещё когда войска перешагнули границы Третьего рейха, вышел приказ: всем военнослужащим действующих фронтов разрешалось раз в месяц отправлять в советский тыл одну личную посылку, для рядового и сержантского состава — 5 кг, для офицерского — 10 кг, для генералитета — 16 кг. Определён был и размер посылки: не больше 70 см в каждом из трёх измерений. Чаще всего домой посылали американские сухпайки, консервы, растворимый кофе, медикаменты — стрептомицин, пенициллин. Демобилизованным разрешалось увезти домой всё, что они могли взять с собой в качестве личной поклажи. Крупногабаритные вещи и предметы закрепляли между вагонами и на крышах.

Грабежи и насилие прекратили быстро. Приказы в отношении насильников и мародёров были жёсткими — расстрелы перед строем. Барахло покупали в основном на барахолках. Там можно было купить всё, и сравнительно недорого. Лучшая и универсальная валюта — продукты, спиртное, табак. Хотя ходили рейхсмарки, оккупационные марки, валюта стран-победительниц. Самые ловкие срывали свой барыш на разнице стоимости валют. Курс был искусственным.

С декабря 1944 года красноармейцам и офицерам шло двойное жалование: в рублях и в марках. Курс рубля был необычайно высоким, так что марки солдаты получали пачками. Вдобавок ко всему полковые полевые сберкассы выплачивали ежемесячные оклады за все прошлые месяцы и годы. А потому и тратили их при каждом удобном случае, иногда с куражом, порусски. Американцы, к примеру, кто и организовал в Берлине самые большие “толкучки”, считали русских “самыми хорошими покупателями — легковверными, плохо торгующимися и очень богатыми”.

Впрочем, дураков всегда хватало. Находились такие, кто, вопреки здравому смыслу, прямоком лез на рожон. Но рано или поздно они попадали в руки комендантских взводов, а там, как правило, суд недолгий. Трибуналы работали споро.

Архивы не спешат снимать замки со своих шкафов. Однако данные по 1-му Белорусскому фронту опубликованы. По докладу военного прокурора о противоправных действиях военнослужащих в отношении гражданского населения за период с 22 апреля по 5 мая 1945 года зафиксировано 124 преступления. Из них 72 изнасилования. А это семь армий. 908 тысяч 500 человек.

Можно предположить, что число действительных случаев насилия солдат и офицеров РККА в отношении немок было значительно бóльшим. Однако “подвиги” американских оккупационных войск значительно перекрывают “советские” цифры. Профессор и криминалист Роберт Лилли (США) после тщательной работы в американских военных архивах опубликовал следующие данные: к ноябрю 1945 года трибуналы армий, действовавших в Германии, рассмотрели 11 040 случаев серьёзных сексуальных преступлений”.

Профессор истории Университета Констанца (юго-запад Германии) Мириам Гебхардт провела многолетние архивные исследования, многочисленные интервью с жертвами и очевидцами, результатом которых стала её книга “Когда пришли солдаты”. Выводы фрау Гебхардт таковы: “джи-ай” за время своего освободительного похода в нацистскую Германию изнасиловали 190 000 немок.

Впрочем, американцы и во время боевых действий, если их можно назвать таковыми, демонстрировали те же манеры. Одна только бомбардировка Дрездена чего стоит! Около 150 000 убитых, растерзанных, раздавленных обломками домов, сгоревших заживо жителей города, где не было ни военных объектов, ни воинских частей. Под удар союзной армады попали в основном женщины, дети, старики.

Когда войска антигитлеровской коалиции атаковали границы Германии, в Дрезден потянулись беженцы. Со всех германских земель. Люди надеялись на то, что город, не имеющий ни малейшего военного значения, бомбить не будут. Были посланы 796 самолётов, двумя волнами. Огненный смерч с температурой в полторы тысячи цельсиев гулял по городу несколько часов. Кирпич плавился. Площадь разрушения оказалась в четыре раза больше, чем

в Нагасаки. Во время штурма Берлина нашими армиями ничего подобного не применялось. Никому из военных и политиков и в голову не пришло, что, проводя Берлинскую наступательную операцию, надо, к примеру, ради удержания защитников Большого Берлина и войск, стоявших в Заодерской равнине и на Зееловских высотах, жестоко, до тысячи бомбардировщиков, несколькими волнами, отбомбить город. Разрушить, зажечь его, чтобы над ним гулял смерч в полторы тысячи градусов. Бомбардировки были, в том числе и центра Берлина, но не такой интенсивности. К тому же, как известно, бомбардировке подвергались исключительно военные объекты, оборонительные позиции, инженерные сооружения военного назначения.

Налёты же союзной авиации сеяли смерть в основном среди гражданского населения. Вот откуда популярная среди немецких женщин горькая шутка: “Лучше русский на мне, чем янки надо мной...”

А в расположении советских войск и у дорог, по которым курсировали машины с красноармейцами, висели фанерные плакаты:

*Смотрит на тебя немка ласковым оком.
Гляди, боец, как бы тебе это не вышло боком.*

Мотоциклы Николай Эрастович любил. Лошадей, правда, больше. Но мотоциклы — сразу после лошадей. Первый мотоцикл завёл ещё на Днестре, в дни Яско-Кишинёвской операции. Правда, тогда комфронта Фёдор Иванович Толбухин, узнав о том, что командующий армией увлёкся быстрой ездой на мотоциклете, да ещё без охраны, при первом же удобном случае выговорил ему. И Берзарин подчинился — передал мотоцикл в батальон связи. И ведь действительно, там он нужнее.

— Ради чего вы рискуете? — качал головой генерал Толбухин. — Вы даже не пользуетесь шлемом. В мотоциклетном полку это считается серьёзным нарушением правил езды.

— Экономлю время, — попытался оправдаться командарм.

— Для экономии времени у вас есть бронетранспортёр. Если этого недостаточно, я вам выделю лёгкий танк.

В Берлине он снова сел на мотоцикл. Мощный, скоростной “харлей”, подарок американцев, носил его по городу от комендатуры к комендатуре, от объекта к объекту. В коляске — сержант-ординарец с автоматом. Вначале ездил в танкистском комбинезоне. Потом стал надевать генеральский мундир, обычно белоснежный, всегда чистый, тщательно отглаженный.

Был у него и другой мотоцикл — трофейный немецкий “Zündapp KS 750”. Из-за больших габаритов его называли “зелёный слон”. На него-то и сядет в то роковое утро генерал Берзарин.

Из воспоминаний генерала Бокова: “Поздно вечером 15 июня я зашёл в кабинет командарма. Из штаба мы часто уходили домой вместе. Наши котеджи располагались по соседству. Николай Эрастович был в прекрасном настроении, по дороге много шутил и смеялся. Через несколько суток он должен был лететь в Москву на Парад Победы и с нетерпением ждал этого часа.

— Очень соскучился по семье, по маленькой дочурке, по Москве, — говорил он. — Так хочется видеть наш столичный город мирным, без затемнения и зениток.

— Сейчас июнь, самое чудесное время: её улицы утопают в зелени, всюду цветы, — поддержал я разговор.

— Да разве важно, какой месяц? Москва всегда прекрасна! — воскликнул Николай Эрастович почти с юношеским задором.

Мы договорились встретиться на приёме демократических женщин и попрощались. А утром дежурный по штабу позвонил мне домой и срывающимся голосом доложил:

— Товарищ член Военного совета, убит генерал Берзарин”.

Убит. Так доложил дежурный офицер.

В Москву полетела “молния”. Верховного Главнокомандующему сообщали об обстоятельствах гибели одного из лучших его генералов: “Сегодня, 16 июня в 8 ч. 15. в городе Берлине от катастрофы на мотоцикле погиб

Герой Советского Союза, командующий 5 Ударной армией и комендант города Берлина Берзарин Николай Эрастович.

Смерть произошла при следующих обстоятельствах. В 8:00 тов. Берзарин на мотоцикле с коляской выехал в расположение штаба армии. Проезжая по улице Шлосштрассе со скоростью 60–70 км, у перекрёстка с улицей Вильгельмштрассе, где регулировщиком пропускалась колонна грузовых автомашин, Берзарин, не сбавляя скорости и, видимо, потеряв управление мотоциклом, врезался в левый борт грузовой автомашины “форд-5”. В результате катастрофы Берзарин получил пролом черепа, перелом правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб находившийся в коляске ординарец — красноармеец Поляков. Учитывая особые заслуги перед Родиной генерал-полковника Берзарина Н. Э., а также нежелательность оставления могилы в последующем на территории Германии, прошу Вашего разрешения на похороны тов. Берзарина в Москве, с доставкой самолётом. Семья тов. Берзарина, состоящая из жены и двух детей, проживает в Москве”.

Телеграмму подписали маршал Жуков и генерал Телегин.

Гроб с телом генерала Берзарина установили в том самом зале, где в мае маршалы и генералы подписывали Акт о капитуляции Германии. На церемонии прощания пришли командиры корпусов и дивизий, офицеры комендатуры. Пришёл православный священник. Отпел по полному чину. Никто ему не мешал. Говорили потом, что его пригласил Жуков.

Маршал стоял в траурном почётном карауле, слушал слова молитвы берлинского батюшки, по всей вероятности, из бывших русских эмигрантов. Вместе с офицерами нёс гроб и шёл потом за грузовиком с откинутыми бортами по дороге в аэропорт. Этим же бортом он улетел в Москву. Принимать Парад Победы.

Существует несколько версий гибели генерала Берзарина. Вплоть до самых невероятных. Повторять их, даже вкратце, не стану. Ни к чему, их можно найти в интернете. Достоверно одно: “с разрушением грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом...” Как в бою. Как во время кровешной атаки, когда — грудью на штык, когда непонятно, чья возьмёт...

ШТУРМ РЕЙХСТАГА

Писатель Василий Субботин, фронтовик, дошедший до Берлина, писал: “Страшно сужен круг людей, бравших рейхстаг... Бралось одно имя, одна фигура, и за её спиной похоронено очень много безымянных... От юбилея к юбилею мы рассказываем об одних и тех же людях. Так создаётся впечатление, что рейхстаг брали несколько человек. Какая неправда!”

Невозможно в одном кратком очерке восполнить пробелы истории и провалы памяти. Но хоть чьи-то имена удастся собрать в те лихие штурмовые группы, которые ворвались в рейхстаг 30 апреля 1945 года, дрались за каждый оконный проём и пролом в стене, за каждую ступень наверх, за каждый этаж, чтобы поднять над зданием знамя Победы.

Со школьной скамьи мы знаем: весной 1945 года войска под командованием маршала Жукова штурмом овладели Берлином; был взят рейхстаг, на куполе которого советские бойцы Егоров и Кантария водрузили Знамя Победы.

Потом, по прошествии лет, вдруг рассмотрели на кадрах кинохроники, а также на фотографиях победных дней со Знаменем Победы совершенно другие лица...

В марте 1969 года в канун Дня Победы вышла книга мемуаров Георгия Константиновича Жукова. Берлинской наступательной операции, штурму Берлина и последним дням войны автор уделил достойное место. Называл имена героев, рядовых бойцов, сержантов, младших офицеров, отличившихся в боях. О Егорове и Кантарии — ни слова. Но в книге была помещена фотография группы разведчиков лейтенанта Сорокина, та самая, где они все

радостные, улыбающиеся, только что вышедшие из боя, и на первом плане — юный Григорий Булатов. Вряд ли Маршал Победы, командующий войсками 1-го Белорусского фронта, на которые легла основная тяжесть сражения за Берлин, не был посвящён в интригу последних дней боёв за рейхстаг. Всё он знал. Промолчал, потому что понимал — не время говорить всю правду. Он-то и мемуары писать поначалу не хотел. Но это отдельная история. В последующих изданиях “Воспоминаний и размышлений”, где за маршала начали дописывать компетентные товарищи целые главы, фотография сорокинцев исчезла. Вот уж воистину: Бог — своё, а чёрт — своё...

В последние годы появилось много публикаций, просветляющих историю штурма рейхстага и водружения над куполом здания Знамени Победы. И эти публикации продолжают. Называются совершенно иные имена бойцов, установивших над рейхстагом штурмовые флаги и вымпелы, а также полковые штурмовые знамёна. Среди авторов и “разоблачители”, и действительные исследователи, беспристрастные и глубокие. Это совершенно два разных потока. Одни ищут правду, восстанавливают историю, ту, которая была, отскабливая её от наростов истории, которую написали и подретушировали. Другие — лишь бы лаптем болтануть, в подтексте намекая на то, что всё в нашей истории лживое, ненастоящее, а герои выдуманные, фальшивые, да и истории, пожалуй, нет, есть “тысячелетняя парадигма несвободы”...

Итак, имена, которые были вычеркнуты и стёрты.

Иван Никифорович Лысенко. Разведчик 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии, старший сержант. Когда дошёл до Берлина, ему уже было под тридцать. Воевал храбро. О смерти старался не думать, поскользнувшись, как он потом сам признавался, она была повсюду, и к ней успел привыкнуть как к неизбежности. Ранений, кроме первого, было ещё три. В пах, в руку и в шею. Несколько раз попадал в обстоятельства, когда нос к носу сталкивался с противником. Выручал надёжный пулемёт — Дегтярёва пехотный. За бои в Прибалтике получил медаль “За отвагу”.

Вскоре 3-ю ударную армию с севера, из состава 2-го Прибалтийского фронта перебросили на центральный участок, на усиление 1-го Белорусского. Так 150-я Идрицкая стрелковая дивизия оказалась вначале на варшавском направлении, а потом на берлинском. А вместе с нею и помощник командира взвода пешей разведки старший сержант Лысенко.

Однако, как известно, по первоначальному замыслу роль 3-й ударной армии была иной. Только потом, когда в городе начались трудности, её ввели в бой непосредственно в берлинских кварталах, а затем она оказалась в самом центре Берлина.

Разведка шла впереди. Бывший разведчик Степан Гаврилович Орешко (разведгруппа лейтенанта Сорокина) вспоминал: “Утром к нам, разведчикам, пришёл сам комполка подполковник Плеходанов с замполитом майором Субботиным. Мы уже знали, что Военный совет 3-й ударной армии учредил знамёна, которые нужно водрузить над рейхстагом как знак нашей победы.

Комполка говорил убедительно и просто:

— Товарищи бойцы, вам выпала большая честь — штурмовать центральное здание рейхстага. Вчера на совещании у генерала Шатилова, командира нашей дивизии, решался вопрос, какому штурмовому подразделению вручить девять полотнищ. Первые, водрузившие знамя, будут представлены к званию Героя. Скажу сразу — нашему полку жребий не выпал. Но моё личное мнение: над рейхстагом может развеяться не обязательно знамя Военного совета. Подыщите подходящий материал — вот вам и Знамя Победы.

В штурмовую знаменосцев отобрали самых храбрых и испытанных разведчиков. В одной из комнат разрушенной канцелярии Гимmlера нашли два куска добротного красного материала и сшили большое полотнище.

— Ну, теперь, — сказал парторг Виктор Правоторов, — или грудь в крестах, или голова в кустах, но мы должны быть первыми”.

В штурмовую знаменную группу лейтенанта Сорокина вошли десять человек. Во время штурма погиб рядовой П. Долгих и тяжело ранен рядовой Н. Санкин. В строю остались лейтенант С. Сорокин, старшие сержанты

В. Правоторов, И. Лысенко, рядовые Г. Булатов, П. Брюховецкий, М. Габидуллин, С. Орешко, М. Пачковский.

На полотнище пустили наперник от перины, на которой до прихода Красной армии в Берлин, как не без шуток предполагали разведчики, спал сам Гиммлер. Отыскал ту перину Григорий Булатов. Парторг пощупал, оценил добротную материю — пойдёт. Главное, что красного цвета. Вначале хотели заштопать дыру на красном фашистском полотнище. Такие гражданские немцы называли “Хайль Сталин!” Чего проще было заделать куском такой же красной материи вырезанный белый круг с чёрной свастикой. Но парторг идею сразу забраковал. Шили полотнище из наперника перины Гиммлера, оставили его из двух частей. Получилось довольно большое, внушительное. Знай наших — разведку 674-го полка!

Из воспоминаний Орешко: “До самой Королевской площади с разведчиками шёл Субботин. Ему не повезло, уже на ближних подступах к гитлеровской твердыне он был ранен в ногу. Санинструктор Анна Кононенко (ныне Яковлева) бросилась к упавшему замполиту, оказала помощь, но идти дальше майор уже не мог.

До рейхстага было полтора-два метра. Из амбразур прямо на нас смотрели стволы пулемётов и автоматов. В тринадцать часов наша артиллерия открыла огонь, а потом в атаку пошли штурмовые подразделения. Мы тоже ринулись вперёд. Но дорогу преградил шестиметровый ров, заполненный водой. Сорокин и Брюховецкий прикрыли нас огнём, и мы — кто вплавь, кто по металлическим трубам — переправились через ров, смяли огневые точки и ворвались в здание. Помню, в стене зияла огромная дыра. Прежде чем проскочить в неё, запустили туда гранату, залегли. Как только дым и пыль рассеялись, бросились вверх. Схватки шли на всех этажах и лестничных клетках, горели паркет, мебель. Дорогу приходилось прокладывать гранатами, штыками, автоматными очередями. Коридоры были завалены горами трупов, битого кирпича, щебня, стекла, сорванными со стен картинами, коврами, пустыми бутылками, ящиками из-под патронов и гранат — и всё вокруг бумагами. Особенно отличилась рота Петра Греченкова (впоследствии Героя Советского Союза) из батальона Давыдова. Она поддерживала и прикрывала пулёмётным огнём нашу группу, пробивавшуюся со знаменем на крышу. Рука об руку с нами шёл взвод автоматчиков под командованием Леона Литвака.

Наконец мы выбрались сквозь снарядную пробоину на фронтон и здесь на какой-то скульптурной группе (потом уже узнали — Вильгельма Первого) водрузили своё победное знамя. Увидев его, наши бойцы, прижатые кинжальным огнём к площади, поднялись в атаку”.

А вот как вспоминает историю с самодельным полковым знаменем Виктор Николаевич Правоторов: “Выполняя приказ, мы встали. Бросок, другой, третий... Оглядываясь — рядом Булатов. Остальных отсек огонь... На пряжке ремня пуля оставила вмятину. Немного передохнули, делаем последний бросок. Вот и стена рейхстага. Залегли, смотрим, нет ли где свободного от кирпича окна. Находим одно. Улучив момент, мы влезли в окно, предварительно бросив туда по гранате. Коридорами вышли на лестницу, забрались на второй этаж. Здесь мы с Булатовым подошли к разбитому окну, посмотрели на Королевскую площадь, за которой в домах и прямо на улицах залегли наши бойцы, приготовившиеся к решительному штурму. Гриша Булатов просунул знамя в окно, помахал им, затем мы укрепили его. В это время внизу слышались выстрелы, взрывы гранат, стук сапог. Мы приготовились к бою. Гранаты и автоматы — на чеку. Но схватка не состоялась. Это по нашим следам пришли Лысенко, Брюховецкий, Орешкин, Пачковский. С ними лейтенант Сорокин. Он подошёл к нам, пожал руки и снял флаг.

— Отсюда его плохо видно, ребята, — сказал он. — Надо пробираться на крышу.

По той же лестнице стали подниматься всё выше и выше, и нашли выход на крышу. Цель достигнута. Где поставить знамя? Решили укрепить у скульптурной группы. Подсаживаем Гришу Булатова, и наш самый молодой разведчик привязывает флаг к шее огромного коня”.

Воспоминание командира 674-го стрелкового полка подполковника А. Д. Плеходанова: “Через несколько минут отважная горстка солдат из роты лейтенанта Греченкова и разведчиков взвода Сорокина достигла главного входа в рейхстаг и скрылась в нём. Остальные были отрезаны. Одни из них залегли на площади, другие отошли назад. Что было в это время в рейхстаге, я не знал. Незвестной была и судьба ворвавшихся в него смельчаков. И вдруг я услышал радостный крик моего связного:

— Товарищ подполковник! Посмотрите на крышу рейхстага! Вон туда, где возвышается всадник!

Я поднял бинокль и увидел Красное Знамя, а возле него движущиеся крохотные фигурки.

Как я узнал позже, движущимися фигурками были сержант Правоторов и рядовой Булатов...

В это время мне позвонил командир дивизии В. Шатилов и спросил, какова обстановка. Я доложил: часть солдат — из батальона Давыдова и взвода полковой разведки — проникла в рейхстаг. Остальные отошли назад. Многие залегли на Королевской площади.

— Есть связь с теми, кто в рейхстаге? — спросил командир дивизии.

— Нет, — ответил я. — Но беспокоиться за них не стоит. Они уже проникли на крышу и водрузили там Красное Знамя Победы.

— Какое знамя? — удивился генерал. — Ведь оно в штабе Зинченко!

— Знамя моих разведчиков. Самодельное. Они его подготовили перед штурмом...”

Генералу Шатилову нужно было поскорее свести концы с концами. А они, эти концы, болтались в разных местах... “Самodelки” в зачёт не шли. Нужно установить одно из знамён Военного совета армии. Только за него можно было получить Героев. В том числе и им, непосредственным командирам, генералам... В сущности, командиру дивизии было всё равно, чей полк отличится, 756-й полковника Зинченко или 674-й подполковника Плеходанова. Это были его, генерала Шатилова, полки. Но в донесении, которое ушло наверх, фигурировал 756-й полк и фамилия его командира. Вышло так, что инициативу перехватил Плеходанов и установил на рейхстаге свою “самodelку”.

Опытный разведчик, лейтенант Сорокин постоянно контролировал ситуацию. Знамя установлено, надо спускаться вниз. Что там, внизу, неизвестно. Шум, выстрелы, взрывы гранат. “Лысенко, — обратился лейтенант к старшему сержанту, — возьми двух солдат, спустись на первый этаж и посмотри, что там. Если там немцы, очистить путь”.

Задача нелёгкая. Разделились на две группы. Одна действовала гранатами, другая прокладывала путь автоматным огнём. Когда очистили весь отсек первого этажа от немецких автоматчиков, Лысенко приказал проверить все смежные комнаты и закутки, где могли прятаться затаившиеся одиночки. Обнаружили дверь, ведущую в подвальное помещение. Приготовили автоматы и гранату. Резко распахнули дверь. Внизу в свете свечей увидели немецких офицеров. Те испуганно смотрели на разведчиков. Лысенко скомандовал: “Хенде хох!” Те мгновенно подняли руки.

Пленниками оказались два генерала со своими адъютантами. Никто из них даже не попытался применить оружие. Кобуры пистолетов были застёгнуты. Пленные тут же передали личное оружие разведчикам.

Вскоре спустилась группа лейтенанта Сорокина. Лейтенант осмотрел пленных, мгновенно оценил их достоинство и приказал Лысенко срочно доставить генералов в штаб полка.

Всё пространство вокруг рейхстага по-прежнему простреливалось. Противник вёл огонь одновременно из нескольких направлений. Так что пулю можно было получить в любой момент и неизвестно откуда. Разведчики выполнили приказ и возвращались. Таков был приказ командира полка. Изменить его никакой возможности не было: связь отсутствовала, и доложить о выполнении задания можно было только лично. Да и пленных надо выводить. Снова разделились на несколько групп.

Из рассказа лейтенанта Сорокина: “Мы салютовали знамени несколькими автоматными очередями и спустились вниз. Через несколько часов удалось разыскать подполковника Плеходанова и доложить о выполнении задания...”

Рассказ скупой. В нём, как недавно выяснилось, много недоговорок. А точнее — целая трагедия с сюжетом, который тянется до сего дня...

На выходе из рейхстага, когда разведгруппа лейтенанта Сорокина объединилась, немцы, пережив в укрытиях огневой налёт нашей артиллерии, вылезли из своих щелей и контратаковали ворвавшихся в здание бойцов из разных частей и подразделений. Разведчики обнаружили свой пролом, через который они проникли в рейхстаг, блокированным. Пришлось вступать в бой, чтобы очистить выход из здания. Обошлось без потерь.

Расстояние от рейхстага до здания Имперского министерства внутренних дел, уже захваченного подразделениями 150-й стрелковой дивизии, составляло 360 метров. Где броском, где ползком, где по-пластунски, а где на карачках, разведчики, наконец, добрались до своих. Вывели и пленных, их конвоирование оказалось задачей не из простых. По разведчикам вели огонь и немцы, и наши. Во всяком случае, до того момента, пока не поняли, что это возвращаются свои. Пыль, копоть от взрывчатки, дым от пожаров. Многие разведчики по пути назад оторвались от основных групп, потерялись и лишь потом вышли на ориентиры. Старший сержант Лысенко позволить себе действовать произвольно, заботясь только о своей безопасности, не мог. Вёл, подталкивал к зданию МВД, а порой и волок по кирпичной крошке своих генералов.

Старший сержант дошёл. И пленных в штаб полка привёл. Конечно, ждал, что наградят, отметят его старания и умелые действия при штурме рейхстага и во время прикрытия знаменной группы. Но награды не последовало, и Иван Никифорович вскоре о своих чаяниях постарался забыть. Ни к чему душу беречь. Война большая, жестокая, она разлила среди народа много несправедливости, и его личная обида ничего в этом громадном пространстве не значит.

О боях в Германии и штурме Берлина Иван Никифорович рассказывал брянскому журналисту Владимиру Павлову: “Мы заходили в дома и видели, как немки готовились принять смерть. Они сидели, не шелохнувшись в углу комнаты, нарядно одетые, не говоря ни слова и не сопротивляясь. Мы успокаивали: “Не бойтесь, мы вас не тронем”. Проверяли дома и шли дальше. Гордые женщины! Хотели умереть красивыми! Они очень боялись русских. Не знали, чего от нас можно ожидать. Их мужей тоже отправили на фронт, многие из них погибли. Жители Германии, как и мы, устали от войны... В окрестностях Берлина было много заброшенных домов. Мы спускались в подвалы, находили там разнообразные вина, продукты. Многие жители Германии уходили из своих домов, оставляя всё своё имущество на произвол судьбы.

Накануне взятия рейхстага мне приснился сон. Будто я переплываю канал и неожиданно попадаю в бункер или какое-то подземелье. И плыву, плыву, плыву... А потом вижу, как навстречу мне по воде движется икона Божьей Матери. Я начинаю стрелять по ней из автомата, долго стреляю, в несколько очередей, а она не тонет...

Проснулся я в страхе. Господи, что я наделал и что бы это могло значить? Может, дурное предзнаменование? Я неверующий, но воспитала меня монахиня. Бункер, как подземелье, икона, да ещё я по ней стрелял... Поделился я тогда с товарищем, он был у нас в отряде за повара, сны умел толковать, в Бога верил. Тот выслушал мой рассказ и успокоил: “Иван, ты пройдёшь всю войну, останешься жив и в итоге получишь высокую награду, будешь жить долго...” В ту ночь, когда мне снилась икона Богородицы, мы ещё не знали, что Гитлер будет уничтожен, что совсем скоро война закончится и наступит мирная жизнь. Обидно было, когда во время взятия рейхстага погибли наши солдаты. А ведь много ребят погибло в тот день. Вот так: войну прошли и умерли в самом её финале”.

В ноябре 1945 года во время очередной волны демобилизации Иван Никифорович завербовался на стройку в Донбасс, восстанавливать разрушенные

войной шахты. В нашей армии это велось издавна: при демобилизации предлагали поехать туда, где страна нуждалась в рабочих руках, надёжных и здоровых. Но на шахте Иван Никифорович заскучал по родине, по земле, по жене и семье... Зарабатывать неплохо и решил вначале так: поеду домой, заберу своих, купим где-нибудь на окраине домик с садом и огородом, так и заживём на новом месте. Поехал в родные Кузнецы. Да так и не вернулся на шахту.

“Татьяна сказала, что никуда не поедет из родного села, — вспоминал бывший разведчик. — А куда мне без родных?.. Ещё по пути домой мне встретился один мой приятель из Кузнецов. Первые слова, которые я от него услышал, были такими: “Ну что, Иван, ты теперь герой...” Я удивился: “Все, кто прошёл войну, герои. И я ничем от других не отличаюсь”. В ответ он воскликнул: “Как?! Ты ещё не знаешь? Тебе же присвоили звание Героя Советского Союза! Недавно собственными глазами видел заметку в газете!”

Через пару дней после приезда отправился я в Гордеевку, нашёл ту газетку, где действительно было написано: “Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1946 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество старшему сержанту Лысенко Ивану Никифоровичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда”. Так я получил сообщение о высокой награде”.

Долго же читали в штабах и наградных отделах представление подполковника Плеходанова! В те победные дни на волне восторга Великой Победы много было написано представлений на звание Героя Советского Союза. Солдатам, сержантам, старшинам, офицерам, генералам. В том числе — что греха таить? — и чтобы “порадеть родному человеку”... С окончанием боёв штабы забирали в свои руки многое. Война окончена, и место солдата занял чиновник, канцелярская жилетка с надёжной партийной подкладкой. Он дождался своего часа, выжил в тылу, далеко от железного огня, и теперь решал практически всё.

Многим представления на Героя скостили до ордена Красного Знамени. Офицерам — до ордена Отечественной войны 1-й степени, он тогда ценился высоко. Генералам — до орденов Суворова степеней, соответствующих их должностям. А кое-кого и вовсе забыли.

Ивану Никифоровичу повезло.

Подполковник Алексей Дмитриевич Плеходанов — это отдельная история, накрепко связанная с завершающими боями в Берлине, в том числе со штурмом рейхстага. Имя командира 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии тесно связано и с той несправедливостью, с историческим подлогом, которые были допущены в мае сорок пятого.

Родился в 1909 году в деревне Шагарово Курской губернии. Участвовал в Финской войне и в тяжёлых боях 1941 года, окончил Высшие офицерские курсы “Выстрел”, уже офицером воевал на Псковщине и дошёл до Берлина. На пути к центру немецкой столицы батальоны 674-го полка, прикрываясь огнём артиллерии и танков, ворвались в Имперское министерство внутренних дел и приступили к его зачистке. Министерство — это целый комплекс зданий, почти квартал, превращённый в единый узел сопротивления, в крепость с тщательно продуманной системой огня и жизнеобеспечения. Для разгрома этой твердыни полку Плеходанова потребовались сутки.

От МВД до рейхстага было рукой подать. Но на несколько суток это пространство стало пространством смерти. Именно здесь в ходе первых атак на рейхстаг был почти целиком выбит соседний 756-й стрелковый полк полковника Зинченко.

Тридцатого апреля начался штурм рейхстага. В этом штурме после артподготовки приняли участие боевые группы из многих других частей и подразделений, в том числе отважная четвёрка разведчиков-артиллеристов капитана Макова. Не сразу удалось штурмующим прорваться к рейхстагу. Артиллерия поддержки вынуждена была повторять арталёты по неподдавленным огневым точкам, которые препятствовали продвижению пехоты к зданию рейхстага. Пока готовился очередной огневой налёт, генерал

Шатилов приказал ввести в бой 756-й полк полковника Зинченко. Полка-то, понятное дело, у Зинченко не было. Но в ряды атакующих влился батальон Неустроева числом до роты. Надо же было кому-то нести знамя Военного совета. Правда, куда его неустровцы потом дели, до сих пор не ясно.

Из боевого донесения начальника штаба 674-го стрелкового полка майора Жаворонкова 2.5.45 года: “1. Первые люди нашего полка ворвались в рейхстаг в 14:25 мин. 30.04.45 г. 2. Водружено знамя над рейхстагом в 14:25. 3. Бой в рейхстаге длился с момента входа в рейхстаг целую ночь. 4. Во время входа наших подразделений в рейхстаг там никаких других частей не было. Наши подразделения вошли в рейхстаг одни”.

И ещё один документ: “Итоговое боевое донесение 674 сп 150 СИД. 29.4.45.—02.5.45 г. ...Ведя ожесточённые бои, подразделения полка к 5:00 30.4.45 г. заняли министерство внутренних дел — канцелярию Гимmlера — и к 9:00 заняли исходный рубеж перед штурмом рейхстага. После артподготовки, начавшейся в 14:00, начался штурм рейхстага. В 14:25 30.4.45 г. ворвались в здание рейхстага с северной части западного фасада 1 стр. рота и взвод 2-й стр. роты 1 стр. батальона 674 сп, с которыми было 6 человек разведчиков для установления флага над рейхстагом.

Командиром взвода разведки 1 стр. батальона мл. лейтенантом Кошкарбаевым и бойцом разведвзвода полка Булатовым было водружено знамя над зданием рейхстага. Героизм и храбрость при водружении знамени проявили бойцы разведвзвода полка: ст. сержанты Лысенко, Правоторов, Орешко, красноармейцы Габидуллин, Пачковский, Брюховецкий во главе с командиром разведвзвода лейтенантом Сорокиным”.

Однако случилось так, что вся слава взятия рейхстага досталась не тем, кто его брал в действительности и кто под пулями устанавливал над ним победное знамя. Семён Егорович Сорокин, бывший командир разведгруппы, после войны в Центральном музее Вооружённых Сил СССР разглядывал Знамя Победы, узнавал в нём то самое, шитое его лихими разведчиками из наперника, найденного в “Доме Гимmlера”, и молчал... Кому что докажешь? Как начальство решило в мае сорок пятого, так и записали в историю...

Но, по всей вероятности, бывший командир разведчиков 674-го стрелкового полка молчал неспроста, посоветовали, убедили, что так для него будет лучше. Вот записанные на магнитофонную плёнку беглые воспоминания Семёна Егоровича Сорокина о тех днях: “Дал это знамя Булатову. Хотел он в окно. Выше, выше, выше надо, говорю. И пошли выше. Вылезли, видим: конная масса лошадей... Я говорю: вот это самое подходящее — центральный вход. Привязали кое-какими верёвками. Когда я докладывал Плеходанову: “Водрузили знамя, вот это, наше...” — вырвал у меня трубку Зинченко и этой трубкой ударил по голове мне. Я мог расстрелять всех там... И тогда пошла молва: “Вот они водрузили то знамя...” А уже первого числа, когда наше знамя было там, Рюмкин — корреспондент, Роман Кармен со своими работниками начал снимать эту эпопею, сказал: “Кто водружал-то? Они водружали? — Нет, — говорит, — мы не пойдём сниматься. Вы водружали там, вы, — говорит, — и меняйте его”. Вот как они сами сказали, Егоров и Кантария. А только ихний командир батальона Неустроев пошёл туда с нами и попросился просто: “Семён Егорович, разреши, — говорит, — мне сняться с вами для истории...” А если бы я знал, что он такую подлость будет делать, я бы его оттуда... с коней спустил бы...”

Командир дивизии генерал Шатилов в своих мемуарах “Знамя над рейхстагом” напишет: “...в 14 часов 30 минут я принял почти одновременно два доклада — от Плеходанова и Зинченко:

— Полторы наших роты ворвались в рейхстаг! — доложил один. — Время — четырнадцать двадцать пять!

— В четырнадцать двадцать пять рота Съянова ворвалась в главный вход рейхстага! — доложил другой. — Знамя Военного совета поставлено у колонны, справа от входа.

— Знамя вижу! — ответил я.

И снова, если давать ответ на вопрос: “Кто же был первым?” (а вопрос этот вызывает подчас чрезмерно повышенный интерес), я бы ответил:

“А так ли уж это важно? Играют ли здесь роль минуты и секунды? Важно, что каждый стремился быть первым и делал всё, чтобы быть им, не прячась за спины товарищей”. Первыми были в полном составе рота Петра Греченкова, группа Ивана Лысенко и рота Ильи Сьянова”.

О знамени Военного совета Зинченко своему командиру сказал неправду. Знамя №5, как утверждают исследователи, в рейхстаг по неизвестной до сих пор причине так и не попало. Как его мог видеть генерал Шатилов? Что касается проблемы “кто же был первым?”, то здесь можно согласиться с генералом, что, действительно, не столь и важно, это же не спортивные соревнования в скорости и быстроте, когда победу решают минуты и секунды. Но почему одним наградили обещанными Золотыми Звёздами, а другим дали утешительные ордена? Финал с награждением решили по-чиновничьи, не по-солдатски.

В ночь на 1 мая 1945 года рейхстаг был очищен. Гарнизон его частично истреблён, частично пленён. Потери нашей стороны тоже оказались значительными. Надо отдать должное защитникам Берлина: сражались до последнего патрона и до последнего солдата.

В очищенный от противника рейхстаг со всего Берлина хлынули бойцы и офицеры, делегации армий, корпусов, дивизий и дивизионов, полков и различных служб. Устанавливали свои флаги, флажки и вымпелы. Делали на стенах и колоннах надписи: “Учтено за кур”; “Привет Москве! Берлину крышка!”; “Одессит Пескин. Ленинградец Житмарёв. Осмотрели развалины Берлина. Остались весьма довольны”; “За Ленинград заплатили полностью”; “Урал-Москва. Мы привезли снаряды, бомбы, людей и разбили это гнездо зверей!” Среди прочих была и такая надпись: “Слава героям, водрузившим Знамя Победы над Берлином!”

А настоящих героев отнесли в сторону. Других назначили...

По сценарию, написанному кем-то из работников политорганов, настоящим Знаменем Победы могло быть только знамя Военного совета 3-й ударной армии. Такие знамёна были изготовлены заранее и розданы в дивизии. В каждую дивизию по одному. Знамёна были пронумерованы. 150-й Идрицкой дивизии досталось знамя под номером 5. Командир дивизии генерал Шатилов через политотдел передал его в полк полковника Зинченко, который, растеряв в боях личный состав, был сильно удручён. А тут ещё на НП забрёл командир разведгруппы лейтенант Сорокин и начал докладывать по телефону в штаб соседнего полка о том, что Знамя Победы установлено... У полковника вначале сдали нервы, поднял руку на младшего по званию. Если бы нервы сдали и у лейтенанта, то лежать бы жизненному Фёдору Матвеевичу Зинченко в луже крови изрешечённым автоматной очередью в упор... Сорокин сдержался. Видимо, слишком велика была радость только что свершённого его разведгруппой. А Зинченко, охваченный завистью в соседу, тут же позвонил Шатилову и в горячке доложил о том, что его бойцы водрузили над рейхстагом Знамя Победы. Примерно в это же время, возможно, чуть раньше, в штаб дивизии позвонил подполковник Плеходанов. Но знамя Военного совета №5 по-прежнему находилось на НП Зинченко...

Военный журналист Евгений Кириченко несколько лет назад опубликовал в интернете статью-исследование “Молчание знаменосца”. В ней он затронул многие аспекты истории штурма рейхстага. Рассказал правду и о знаменосцах.

“...Виктор Тёмин сделал увеличенный снимок для юбилейной выставки, посвящённой Дню Победы. Под ним стояла короткая подпись: “1 мая 1945 года”. Знамени над рейхстагом на этой фотографии не было. Да и не могло быть, потому что Егоров и Кантария, как потом выяснится, перенесли победный флаг с фронта на купол только к вечеру 2 мая, когда здание перестало гореть. Эту историю с водружением снимал уже другой человек, корреспондент “Фронтовой иллюстрации” Анатолий Морозов.

Спустя почти 60 лет после Победы, — пишет далее Евгений Кириченко, — он рассказал в газете “Известия”, как утром 2 мая выгнали Егорова и Кантарию на крышу из подвала рейхстага, где те отсыпались вместе с остальными разведчиками батальона Неустроева. Приказ сфотографировать их

пришёл в телеграмме из Главпура. Правда, в Москве ещё не знали фамилий знаменосцев, и найти их должен был сам Морозов.

Сам он их нашёл или кто помог, но, по воспоминаниям командира 756-го полка Зинченко, приказ доставить к рейхстагу Егорова и Кантария поступил ему от командира 150-й дивизии Шатилова. Знаменосцы должны были установить на куполе знамя Военного совета №5, которое таинственным образом куда-то исчезло. Официально считается, что оно, установленное на куполе рейхстага утром 1 мая, было сбито огнём фашистов или сгорело от пожара. Хотя по воспоминаниям участников штурма рейхстага, его там и не было. Поэтому Егорову и Кантарии пришлось снимать с конной статуи Вильгельма то самое знамя, сшитое из эсэсовской перины разведчиками группы Сорокина, и пробираться с ним к куполу, закинув за плечи автоматы.

Собственно говоря, именно эта деталь — заброшенные за плечи автоматы знаменосцев — и выдаёт постановочный характер фотографии. Щёлкая затвором камеры, направленной на героев штурма рейхстага, обходящих древко с развевающимся на пороховом ветру флагом, корреспондент предположить не мог, что ни Егоров, ни Кантария в этом самом штурме как раз и не участвовали. Их просто назначили знаменосцами 150-й дивизии и привели в рейхстаг в сопровождении автоматчиков роты Сьянова, когда сопротивление немецкого гарнизона фактически было сломлено.

В ту первую ночь мая путь знаменосцам на крышу рейхстага автоматом и гранатами расчищал замполит батальона Алексей Берест. По идее, главным героем снимка как раз должен был стать именно он. Но в подвале рейхстага его не оказалось, и в кадр фотокорреспондента Берест не попал. Как не попал и в указ Президиума Верховного Совета о присвоении звания Героя Советского Союза участникам штурма рейхстага из 756-го стрелкового полка. Говорят, его вычеркнул Жуков, который не сильно жаловал политработников...

Вычёркивал или не вычёркивал Жуков Береста, неизвестно. Ни свидетельств нет, ни документальных подтверждений. Демонизировать лишний раз Маршала Победы не будем, без нас на этом поприще кропотливых работников хватает. К тому же, если предположить, что командующий войсками 1-го Белорусского фронта знал имена тех, кто первым поднял над рейхстагом Знамя Победы, то уменьшить количество тех, кто ворвался в здание рейхстага вслед за разведчиками, повод у него был.

А теперь снова вернёмся к подполковнику Плеходанову: “Вскоре в честь героев штурма рейхстага командование корпуса решило устроить банкет. Это было на даче Геринга. Командир корпуса, глядя на листок бумаги, провозгласил тост, назвав командира дивизии В. Шатилова, воинов 756-го полка: Ф. Зинченко, С. Неустроева, И. Сьянова, Береста, Егорова и Кантария. А затем лишь упомянул меня, моего заместителя по политчасти Субботина, командира батальона Давыдова, командира роты Греченкова.

Тогда из-за стола встала врач медчасти Р. Дроздова, которая отлично знала, кто штурмовал рейхстаг, кто первым проник туда и водрузил Знамя Победы. Она сказала:

— Так это и есть все герои штурма рейхстага? Позвольте, а где же остальные герои и, в частности, разведчики 674-го полка, которые первыми ворвались в рейхстаг и водрузили на нём Знамя Победы?

— На банкет приглашены только офицеры, — ответил В. Шатилов.

— Но я вижу вон Егорова и Кантария. Какое отношение они имеют к Знамени Победы? Если говорить честно, я больше на это имею право. Во время всех трёх штурмов рейхстага я находилась на НП полка Плеходанова. Вместе с Плеходановым вошла в рейхстаг. А Егоров и Кантария пришли туда на много часов позже меня. Да вдобавок к тому — под охраной...

Среди собравшихся произошло замешательство. Люди стали переглядываться, шептаться. Назревал скандал. Чтобы избежать его, мы, офицеры 674-го полка, убрались восвояси. Банкет не получился...

Не забуду я и дня, когда в дивизии отбирали в Москву воинов для участия в первом параде в честь Победы над фашистской Германией. Делалось всё втихомолку, скрытно и в спешном порядке. Помню, В. Шатилов отобрал

тогда Сьянова, Егорова, Кантария и ещё кого-то из полка Зинченко, несколько воинов из других частей дивизии. И в отместку нам, ни одного представителя 674-го полка, взявшего рейхстаг!”

Вот так плонули в душу Героям. Настоящим героям штурма рейхстага.

Роль маршала Жукова в этой истории неясна. Однако известно, что он распорядился Знамя Победы на параде 24 июня 1945 года не проносить, сдать его как реликвию в Центральный музей Вооружённых Сил на вечное хранение. Не были включены в полк 1-го Белорусского фронта комбат Неустроев и знаменосцы Егоров и Кантария. Во время Парада они среди зрителей сидели на гостевых трибунах. И ещё один штрих. Когда Жукову положили на стол пачку представлений к званию Героя Советского Союза участников штурма рейхстага, он просмотрел их и сказал, что список слишком большой, отобрал листы генералов, а по поводу остальных заметил:

— Надо разбираться.

Почти все из списка получили ордена Красного Знамени. Однако некоторые спустя год были всё же удостоены звания Героев. Среди них старший сержант Иван Никифорович Лысенко.

Представление на Героя подполковнику Плеходанову генерал-майор Шатилов подписал 4 мая 1945 года. Командир корпуса генерал-майор Перевёрткин своей подписью подтвердил представление, и оно ушло в штаб армии. По всей вероятности, дальше штаба армии документ не пошёл. Подполковнику Плеходанову была утверждена награда орденом Красного Знамени.

Младший сержант 756-го стрелкового полка Пётр Николаевич Пятницкий в историю штурма рейхстага вошёл под другим именем — Забытый Солдат. Родился он в 1913 году в селе Мужинове Клетнянского уезда Орловской губернии, ныне Брянской области. Учился в сельской школе. Как и все деревенские дети, рано начал трудиться. Работал в колхозе. Летом 1941 года — уже на фронте. Воевал в 267-й стрелковой дивизии. В июле 1942 года тяжело ранен в очередном бою и попал в плен. Дважды пытался бежать, но оба раза неудачно. После каждого из побегов подвергался жесточайшим наказаниям, пыткам. В 1944 году наступающие войска Красной армии освободили концлагерь. Наступающие войска несли большие потери, нуждались в пополнении, а тыл уже не восполнял редуемые роты и батальоны. В подразделении зачислены бывших военнопленных, предварительно прошедших фильтрацию. В числе таких “призывников” оказался и Пётр Николаевич Пятницкий.

Капитан Неустроев взял его в свой штурмовой батальон связным, а 30 апреля передал ему красное знамя и приказ: вместе с подразделениями, штурмующими рейхстаг, ворваться в здание и поднять знамя над рейхстагом.

Из воспоминаний однополчанина Пятницкого Анатолия Джугаша: “Среди имён солдат и офицеров — людей, бравших рейхстаг, — несправедливо забыто одно — Петра Николаевича Пятницкого. А между тем он первым выпрыгнул на мостовую из окна дома Гимmlера в Берлине, когда начался штурм рейхстага 30 апреля 1945 года при самой первой атаке. Потом под перекрёстным огнём на улице Ландер-канал, когда роты 756-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта залегли, то вдруг в полный рост встал один из бойцов, развернул полотнище красного знамени и увлёк за собой своих товарищей. Это был младший сержант одной из передовых рот 756-го стрелкового полка Пётр Пятницкий. Оставшиеся в доме Гимmlера бойцы увидели, как Пётр Пятницкий бежал уже на ступени главного входа рейхстага, взмахнул опять знаменем. Секунда, другая, ещё немного — и он в яростном прыжке зацепился было носком сапога за кромку последней гранитной ступени лестничного марша, но в этот момент его срезала пулемётная очередь...”

Сражённого пулемётной очередью товарища подхватил бежавший за ним младший сержант Щербина. Подбежали другие бойцы. Тело Пятницкого они отнесли к колонне, чтобы не затоптали бегущие по ступеням вверх солдаты и командиры других подразделений. Знамя, как воспоминание Анатолий Джугаш, закрепили на верхней части колонны над парадным входом в рейхстаг.

По другой версии, тело Петра Пятницкого лежало весь день на ступеньках рейхстага, пока не началась следующая, вечерняя атака, во время

которой подразделения 150-й стрелковой дивизии и других частей ворвались в здание рейхстага. Он лежал мёртвый, сжимая в одной руке древко развёрнутого знамени, в другой — автомат с пустым диском. Никто не мог подойти к нему, ни его боевые товарищи, ни те, кто продолжал яростно оборонять рейхстаг. Огонь вели и те, и другие. Была артиллерия, танки, миномёты, пулемёты.

Военный корреспондент Василий Субботин написал о подвиге Петра Николаевича Пятницкого заметку. Но в печать она не пошла. К тому времени в штабах уже начали делить Золотые Звёзды, младший сержант Пятницкий в “золотой” список не вошёл. Более того, тело его похоронили в безымянной могиле и семье ушло извещение о том, что их отец, муж и сын пропал без вести... Но та неопубликованная заметка в набросках и черновых записях сохранилась в блокноте Василия Субботина. Впоследствии, когда начала возвращаться правда о штурме рейхстага, он рассказал о герое.

Существует версия и о том, что Пётр Николаевич Пятницкий какое-то время воевал в составе партизанского отряда французского Сопротивления и отличился в боях как храбрый пулемётчик.

Из воспоминаний командира батальона капитана С. А. Неустроева: “Кто пойдёт первым? После короткого раздумья я пришёл к твёрдому решению, что следует послать младшего сержанта Петра Пятницкого. Вместе с ним мы прошли большой боевой путь. Я любил его за храбрость, безупречную исполнительность, за хватку в бою. Пятницкий был моим ординарцем. Но когда требовалось выполнить особо важное поручение в масштабе отделения или взвода, я смело поручал его Петру. Вызвав его к себе, я сказал: “Придётся тебе, Петя, со взводом резерва первому преодолеть Шпрее по мосту, за тобой повзводно пойдёт весь батальон”. Он волнения на скуластом лице младшего сержанта заходили желваки. Я понимал, что он не боится ни гибели, ни ранения, а озабочен в эту минуту только одним: сможет ли он исполнить то, что ему поручено? Пятницкий ответил: “Задача ясна”.

Взвод, который вёл младший сержант Пятницкий через Шпрее по полуразрушенному мосту, попал под заградительный артиллерийский огонь немцев. Их артиллерия и миномёты били из Тиргартен-парка и со стороны Бранденбургских ворот. Большие потери заставили капитана Неустроева ввести в дело резервный взвод младшего лейтенанта Лебедева. Разведчики из группы капитана Макова в это время срочно перегоняли по рации в штаб своей артиллерийской бригады координаты обнаруженных целей. И вскоре огонь немецких батарей стал слабее. Артиллеристы подавили многие огневые точки на противоположном берегу. И пехота пошла по мосту смелее.

“Настал решающий момент для форсирования Шпрее, — вспоминал Неустроев. — Взвод Петра Пятницкого и взвод Николая Лебедева бросился вперёд. Следуя за разрывами наших артиллерийских снарядов, солдаты устремились к мосту. Затем вперёд бросились бойцы роты старшего лейтенанта Панкратова. Тем временем Пятницкий перебрался на другой берег реки. За ним Лебедев. Вскоре на тот берег перебралась вторая стрелковая рота лейтенанта Михаила Гранкина, за ней пулемётчики, миномётчики и остальные подразделения моего батальона”.

Пётр Николаевич Пятницкий погиб во время первой атаки на рейхстаг на ступеньках главного входа. В суматохе победного ликования, парадов и других торжеств о нём, погибшем, забыли. И дело вовсе не в награде. Дело в том, что — забыли. Хотя награда и не позволила бы забыть.

Однако память, как и правда, а правда, как и память, — обе эти стихии, со временем переходя в категорию нравственную, имеют свойство возвращаться, и порой тогда, когда их уже не ждут.

А теперь — самая трагичная страница этой главы — Григорий Петрович Булатов. Родился 16 ноября 1925 года в деревне Черкасово Берёзовского района Свердловской области. Как отмечают исследователи, свой род Булатовы ведут из староверов, сосланных в Курганскую область. В 1929 году семья Булатовых, как и многие крестьяне в этот период советской истории, из деревни перебралась в город — бежали от коллективизации, попали

в индустриализацию... Сперва Булатовы поселились в городе Кунгуре Пермского края. Потом переехали в городок Слободской под Вяткой. Родители Пётр Григорьевич и Анна Михайловна устроились на работу на спиртзавод. Семья жила в бараке, принадлежащем спиртзаводу. Восьми лет Гриша пошёл в школу. Родители по крестьянской привычке держали хозяйство — корову, свиней, кур. Пока родители на работе, на Грише лежала забота о скоте: покормить, убрать, напоить, досмотреть. С отцом и матерью косил сено. Любил лес, прекрасно в нём ориентировался, попадая даже в незнакомое место. Был страстным грибником. Много времени проводил на реке Вятке. Рыбачил. Плавал, как рыба. Несколько раз спасал тонущих. Среди друзей-товарищей, несмотря на свой невеликий рост, был заводилой и авторитетом. Брал энергией, сообразительностью, способностью мгновенно и точно действовать в самых сложных обстоятельствах.

Друг детства Виктор Шуклин вспоминал такой случай. Однажды во время купания на реке он, Виктор, сильно порезал о стекло ногу. Кровь хлестала так, что стало страшно. Гриша первым пришёл в себя, схватил свою рубашку, разорвал её и перевязал рану, перетянул скрученным жгутом ногу. Взвалил друга на спину и на себе потащил домой. Всё обошлось. Шрам на ступне остался на всю жизнь. А Грише досталось от матери за разорванную рубашку.

Перед самой войной пошёл работать на комбинат “Красный якорь”. Цех, в который приняли Григория, выпускал фанеру для нужд советского авиапрома. Должность у Григория в цеху была самая “чёрная” и ответственная — кочегар котельной. Без тепла в цеху качественную фанеру для боевых самолётов не склеишь.

Когда началась война, отец Пётр Григорьевич ушёл на фронт. В 1942 году на него пришла похоронка. Григорий тут же метнулся в военкомат. Хотелось поскорее попасть на фронт, отомстить за отца. Военком заглянул в свидетельство о рождении — шестнадцать лет. Посоветовал немного подрасти и выпроводил домой. Целый год он обивал пороги военкомата, всерьёз занялся самоподготовкой. Физзарядка, бег, плавание, подтягивание на турнике. Выучился на шофёра. Потом, на фронте, это не раз помогало, гонял и на своих машинах, и на трофейных. В июне 1943 года военком, наконец, сдался, Григория призвали в Красную армию. Но всё же, учитывая его малолетство, на фронт не отправили, хотя там, между Орлом и Курском, заваривалась густая каша, — направили в команду по охране военных складов. Склады те находились неподалёку, в посёлке Вахруши.

Весной 1944 года ему выпало неожиданное поручение: сопровождать эшелон лошадей, конечный пункт — Великие Луки. Назад рядовой Булатов уже не вернулся — зачислен рядовым стрелком в роту 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 79-го корпуса 3-й ударной армии.

Войну начал в стрелковой роте. Бои северо-западнее Невеля. Под непрерывным огнём противника вброд через реку своевременно доставлял боеприпасы на передний край и получил медаль “За отвагу”. За высоту 228,4 дивизия дралась несколько суток. Не зря её прозвали “Заозёрной”, по аналогии с той, памятной, у озера Хасан... Когда полки дивизии овладели высотой, немцы предприняли серию контратак при поддержке танков и артиллерии. Все они были отбиты с большими потерями с обеих сторон. Захват “Заозёрной” открыл корпусу путь на Идрицу. После освобождения Идрицы 150-я стрелковая дивизия получила почётное наименование Идрицкой.

Пятого июля в бою у озера Учёное Булатова впервые ранило. Через пять дней он уже вернулся в роту. Вскоре познакомился с разведчиками. Командир отдельного взвода пешей разведки младший лейтенант Семён Сорокин сразу приметил в молодом пехотинце качества, необходимые разведчику, и настоял на переводе рядового Булатова из роты в свой взвод.

В сентябре захватил “языка”, и Булатова наградили второй медалью “За отвагу”. В октябре получил свой первый орден — Славы 3-й степени. Из наградного листа: “Тов. Булатов — участник всех наступательных боёв, проведённых полком с 10.7.44 г., в боях действовал смело и решительно. В бою 20 сентября 1944 г., выполняя приказ командира, смело выдвинулся вперёд

и гранатным огнём уничтожил пулемётную точку противника вместе с расчётом...”

В берлинских боях Григорий Булатов по-прежнему воевал в составе разведгруппы лейтенанта Семёна Сорокина. Привожу документ, созданный 6 мая 1945 года. Это представление к званию Героя Советского Союза на рядового Булатова Григория Петровича, подготовленное командиром 674-го стрелкового полка. В нём “краткое, конкретное изложение личного боевого подвига” разведчика Булатова: “В бою 17.4.1945 года противник, используя водную преграду — канал Фридландерштрот, — пытаясь приостановить продвижение наших подразделений, стянул много огневых средств и оказал яростное сопротивление. Тов. Булатов в числе группы разведчиков при поддержке мощного налёта нашей артиллерии вклавь переправился на западный берег и стремительным броском ворвался в траншею противника, захватив несколько его огневых точек, группа разведчиков своими резкими и самоотверженными действиями посеяла замешательство в стане врага. Используя успех разведчиков, через канал было переброшено ещё несколько штурмовых взводов, чем был обеспечен прорыв обороны немцев на участке полка. Тов. Булатов в группе разведчиков, пользуясь тем, что линия обороны противника нарушена, обошли крупный населённый пункт Куненсдорф и отрезали путь отхода его гарнизону. При попытке отхода немцы были встречены сильным огнём из пулемётов и фаустпатронов и загнаны в подвалы каменных зданий. В результате чего подошедшее наше подразделение захватило в плен более 250 немецких солдат и офицеров и много вооружения. 29.04.1945 г., когда полк, ведя ожесточённые бои на подступах к рейхстагу, вышел на р. Шпрее, тов. Булатов был из тех, кому было приказано при поддержке артиллерии на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробраться к зданию рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 года <они> ворвались в здание рейхстага, сходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона рейхстага. Пробившись на верхний этаж, тов. Булатов в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над рейхстагом Красное знамя. Достоин присвоения звания “Герой Советского Союза”. 6 мая 1945 года командир 674 стрелкового полка подполковник Плеходанов...”

Этот документ, хранящийся в архиве Министерства обороны Российской Федерации в подмосковном Подольске, — свидетельство не только подвига и скрытой от нас правды штурма рейхстага, водружения над ним Знамени Победы, он ещё и начало трагедии самого юного знаменосца, и не только его, а десятков воинов, которых забыли в угоду сценарию, придуманному в штабах и партийных кабинетах, которых вытерли из истории самой яркой страницы битвы за Берлин.

Булатову в мае 1945 года было 19 лет. Габидуллину — тоже 19. Кошкарбаеву — 20. Лысенко — 28. Удостоен звания Героя Советского Союза. Орешко — 26 лет. Правоторову — 24. Сорокину — 23. Пятницкому, погибшему со знаменем в руках на ступеньках рейхстага, — 32 года. Пачковскому — 21. Гвардии капитану Макову из артиллерийской группы, которая второй, следом за группой лейтенанта Сорокина, водрузила знамя над рейхстагом, — 23 года. Лядову — 28 лет. Лисименко — 23 года. Минину — 23. Ковалёву — 20 лет. Исмаилову — 26. Загитову — 24 года. Долгих из группы лейтенанта Сорокина (убит при штурме рейхстага) — неизвестно. Капитану Давыдову, командиру батальона 674-го стрелкового полка, ворвавшегося в рейхстаг, — 26 лет. Удостоен звания Героя Советского Союза. Лейтенанту Греченкову, командиру роты 674-го стрелкового полка, — 30. Удостоен звания Героя Советского Союза. Брюховецкому — неизвестно. Боброву — 26. Бересту — 24 года.

Как можно понять из этого списка знаменосцев и командиров штурмовых подразделений (список далеко не полный), Золотую Звезду получили немногие, и то не за Знамя Победы. Вот почему подполковник Плеходанов, буквально за хвост пытаясь уловить ускользающую ситуацию, основной упор в представлении на Булатова делает на бои, а не на установление знамени полка над рейхстагом. Но и это не прошло.

Сам Булатов, как и его боевые товарищи, в эти дни испытывал тяжёлое чувство горечи: обманули. Обещали одно: кто первым поднимает над рейхстагом Знамя Победы, тому — Героев. Подняли они, группа Сорокина. Древко устанавливал он, Булатов. Ему помогал Правоторов. Остальные прикрывали их манёвр. Но все они были единой группой под командованием лейтенанта Семёна Егоровича Сорокина, который и руководил ими, и одновременно вёл огонь из автомата, бросал гранаты, пробивая путь наверх, а потом на выход. Так где же их обещанные командованием Золотые Звёзды? Почему знаменосцами назначили тех, кого они не видели ни в бою во время штурма, ни в самом рейхстаге 30 апреля? Почему не получил звание Героя их командир полка? Вдобавок ко всему сыпанули соли на рану — никого из 674-го полка не зачислили в группу участников московского Парада Победы. Поехали полковник Зинченко, Егоров, Кантария, Неустроев... А ведь 30 апреля никого из них не было в рейхстаге!

Булатову 30 апреля довелось ещё и возвращаться в рейхстаг. Со штурмовым флагом. Вместе с лейтенантом Кошкарбаевым. И штурмовой флаг он установил. Хотя многие погибли тогда, во время очередного штурма и второй волны установки флагов и вымпелов. Был убит младший сержант Пятницкий, посланный к рейхстагу командиром батальона соседнего 756-го полка Неустроевым. Многие не вышли из того боя. И некоторых потом, впопыхах, похоронили безымянными. А он дважды пересекал простреливаемое косоприветельным огнём пространство площади перед рейхстагом и уцелел. Счастье жизни после такой кровавой бойни, конечно, выше всех наград. Но всё же...

С этой горечью и вернулся домой в городок Слободской на Вятке бывший лихой и удачливый разведчик 674-го стрелкового полка 150-й Идрицкой стрелковой дивизии. Вернулся героем — грудь в орденах. Самый высокий — орден Красного Знамени. Весьма почитаемая награда, считалась офицерской. А уж рядового солдата награждали этим орденом редко и только за особые заслуги. За орден Красного Знамени ежемесячно государство выплачивало его владельцу по 20 рублей. За другие ордена и медали — от 5 до 15. За 20 рублей после войны можно было купить килограмм краковской колбасы или три пачки “Казбека”. С 1 января 1948 года выплаты были отменены и “высвободившиеся средства направлены на подъём народного хозяйства”. Но Булатова это не утешало.

По возвращении домой устроился на работу — снова на фанерный комбинат “Красный якорь”, откуда был призван в армию. Вначале работал слесарем в механическом цехе, потом мотористом на катере. О войне, как и многие фронтовики, старался молчать. Но люди, видя на его груди боевые ордена, расспрашивали — за что. Медали “За отвагу” — за бои под Великими Луками и Идрицей. “Славу” — за уничтожение немецкого пулемёта вместе с расчётом. “Красное Знамя” — за Красное Знамя над рейхстагом 30 апреля сорок пятого года... Не все верили ветерану. “А где же Звезда Героя? Ведь всем, кто первым поднял Красное Знамя над рейхстагом, присвоили звание Героя Советского Союза...”

Всем... кто первым поднял...

Земляк Булатова и фронтовик Виталий Петрович Лупшов, долгие годы работавший вместе с Булатовым на фанерном комбинате, вспоминал: “...Все вокруг считали Булатова кто чудачком, кто обманщиком, а кто обычным забудьгой”. Что ж, ничто человеческое не было чуждо бывшему разведчику, не раз глядевшему в глаза смерти. В том числе и на крыше здания рейхстага 30 апреля 1945 года. Мог и выпить, и крепкое словцо запустить в адрес тех, кто сотворил с ним и его товарищами злую несправедливость. “Помню одно ранее утро, — вспоминал В. П. Лупшов, — когда на рыбалке мы разговорились, и я спросил:

— Григорий, ты ведь знаешь, что в городе у тебя прозвище “Гришка-Рейхстаг”? Скажи правду — оно не кажется тебе обидным?

Григорий в ответ неохотно бросил:

— Герои не умирают.

Странными показались мне тогда его слова. Непонятно было, то ли это горькая ирония над собой, то ли намёк на известные мне обстоятельства. Но шли годы, историки открывали всё больше правды о событиях весны 1945-го — и наконец мне стало ясно: в тот день на рыбалке Григорий говорил искренне, без шуток и намёков.

Пуускай в 1945-м его не наградили Золотой Звездой Героя, но кто может ставить под сомнение героизм Булатова, если в шаге от Победы боец не побоялся рискнуть жизнью ради того, чтобы установить штурмовое знамя на рейхстаге и поднять таким образом боевой дух товарищей?

Рассуждать об этом легко в мирное время, но поверьте мне, фронтовику, — трудно шагнуть под пули навстречу смертельной опасности, когда ураганный огонь врага косит твоих однополчан, а до мирной жизни считанные дни остались.

Потом Булатов рассказал мне и про такой эпизод:

— Позднее Кантария отыскал меня, и мы поговорили. Он недоумевал: “Ведь ты, Гриша, первым водрузил знамя, а мне и Егорову присвоили Героя Советского Союза”. Я спросил: “А как же мне? — Тебе присвоят позднее”, — сказал Кантария”.

Теперь, когда Министерство обороны Российской Федерации опубликовало многие документы, касающиеся штурма рейхстага, на родине Булатова знают правду о своём земляке.

“Григория давно нет среди нас, — вспоминает Луппов. — сколько же изменилось со дня его ухода! Был схоронен безвестным вдали от глаз людских, а сейчас его памятник виден издали каждому, кто идёт на городской погост через центральные ворота.

Когда я в День Победы прихожу к могиле Булатова, здесь бываетлюдно, слышны разговоры людей, пришедших поклониться Знаменосцу. Но мне сквозь годы звучат в памяти его собственные слова, сказанные с такой убедительностью: “Герои не умирают”.

Ему было уже за тридцать, когда женился на местной девушке Римме Тарнавских. В 1956 году родилась дочь Людмила. Но с годами наметился разлад с женой, и Римма Андреевна от него ушла, забрала дочь. К тому времени мать Анна Михайловна и сестра Наталья уехали на родину, на Урал. Григорий Петрович остался один. По праздникам его приглашала к себе семья Винокуровых. Зинаида Винокурова, племянница Риммы Андреевны, и её муж Виктор, как могли, опекали “дядю Гришу”. Зинаида вспоминает некоторые врезавшиеся в память эпизоды: “Рассказывая на людях о своём подвиге, дядя Гриша нередко слышал насмешки в ответ. Неудивительно, что впоследствии он замкнулся, в компаниях старался сдерживаться и лишний раз не упоминать о своей роли в штурме рейхстага.

Выговориться он позволял себе только в узком кругу родни, где не поднимут на смех. В этот круг входили и мы с мужем Виктором Васильевичем. Вот почему, заглядывая к нам (иногда сразу после работы), дядя Гриша так часто возвращался мыслью в победную весну 1945-го.

С горечью пересказывал Григорий Петрович эпизоды, которые сегодня подтверждены многими документами, а тогда некоторым казались огульным хвастовством: как после взятия рейхстага, над которым Булатов первым водрузил флаг, сам маршал Жуков жал ему руку и обещал: твой подвиг не будет забыт, солдат!”

Вскоре и сам маршал Жуков попал в опалу. И его долгие годы оттирали от Победы, не упоминали даже, когда писались, а затем издавались и распределялись по библиотекам и учебным заведениям исторические фолианты, по которым целые поколения изучали историю Великой Отечественной войны. “Вот, мол, тебе, строитивец с наполеоновскими замашками!..” Метили в неугодного маршала, а попали в родную историю...

Жизнь у Григория Петровича Булатова не задалась. Признание его подвига и награждение по заслугам откладывалось, оттягивалось под разными предложениями. Земляки тоже поучаствовали в травле. Отказали в приёме в партию. Высказали недоверие в родном комбинатовском коллективе. Он снова

обиделся, уволился с родного предприятия. Новая травма была едва ли менее чувствительной той, которую он получил в мае сорок пятого.

В 1965 году, когда он ещё работал на комбинате “Красный якорь”, сверху пришло указание: дать характеристику на Григория Булатова. В Москве решили запустить новую волну награждений — к 20-летию Победы. И многих действительно наградили, многим дали Героев. Подняли старые представления, пересмотрели ранее принятые решения. Коснулось это и штурмовавших рейхстаг. Но положительную характеристику на комбинате своему работнику и герою последних дней войны так и не дали. Затянули, спустили на тормозах. Конечно, после консультаций с руководящими товарищами...

Судьбу Булатова окончательно перекосила тюрьма. А кого она делала лучше?.. Вначале один срок, потом другой. Обзавёлся татуировками — орлом и медведем на груди и плече.

Во время одного из допросов к нему пришёл сотрудник госбезопасности. Провёл нужную беседу на тему мая 1945 года, предложил подписать некий документ. Так Булатов дал подписку о неразглашении.

Работал он и на спиртзаводе, и на фанерном комбинате, и на лесосплаве. На лесосплаве однажды произошёл такой случай. “Матки” — сцепки из плотов — с верховьев Вятки сплавливали в пору весенней большой воды. Задачей сплавщиков было перехватить “матки” перед Слободским, подвести под них мощные тросы, а затем выводить с мощной речной стремнины на “глухари” — прибрежные крепления, находившиеся напротив фанерного комбината уже на его территории. Сплавщики на катерах и лодках перехватывали идущие с верховьев на крейсерской скорости огромные “матки” и заводили их, гася скорость, на прибрежные “глухари”. Работа опасная. Частенько “матки” зажимали лодки сплавщиков, купали их в ледяной воде. Сплавщикам выдавались сто граммов спирта — согреться после очередной смены, прийти в себя. Из-за спирта и произошёл скандал, в центре которого в очередной раз оказался Григорий Булатов.

После истории со Знаменем Победы он стал особенно раним и вспыльчив, когда сталкивался с несправедливостью.

Заканчивалась смена. Последняя “матка” оказалась особенно норовистой. Брёвна гуляли, выворачивались, били по бортам лодки. Тросы, натянутые в струну, звенели, готовые с любой момент лопнуть. Сплавщики с трудом справились с плотами, промокли, устали. Прибыл начальник со свитой. Под хмельком. Бригадир напомнил ему про “сплавные”. А тот: “Хрен вам, а не спирт! Чуть “матку” не упустили...” Сплавщики оторопели. И тут из их рядов выступил Булатов. Он подошёл к начальнику, взял его за ворот куртки и сказал, что самое последнее дело для начальника крысятничать по карманам бортаг... В ответ тот обозвал Булатова “фашистом”.

— С фашистами я встречался штык в штык и не бегал от них, а дрался в открытую! Я рейхстаг штурмовал! А тебе откуда знать, как выглядит настоящий фашист? Ты ведь, говорят, конвоировал штрафников к передовой и подолгу там не задерживался! А ну, гони спирт, канцелярская душа! — И встряхнул начальника.

Говорят, после того случая и прилипло к Булатову прозвище “Гришка-Рейхстаг”. Возникло оно на волне уважения к фронтовику, который сумел защитить себя и своих товарищей. Это потом оно наполнилось ироничным и насмешливым смыслом.

Кого тогда напомнил Григорию Петровичу подвыпивший начальник, зажавший “сплавные”? Генерала Шатилова? Полковника Зинченко?

О войне чаще приходилось рассказывать в пивной. Там его фронтовой эпопеей интересовались чаще и там он видел больше сочувствия и понимания.

Какое-то время после войны в небольшой часовенке на берегу Вятки ютилось городское кафе, а попросту — пивная под названием “Голубой Дунай”. Однажды в пивную зашла компания курсантов речного училища. Курсанты балагурили, десятый раз пересмеивались каким-то старым шуткам, когда услышали чью-то реплику:

— Гришь, глянь-ка, наши водоплавающие. Никак, новое поколение на

подходе. — Говоривший выглядел добрым парнем с косою саженью в плечах... — Верно, салаги?

Вокруг добродушно загудели, а один из курсантов шутку поддерживал.

— Верно, батя, — кивнул он.

— Нормальные парни, нашенские, — продолжал новый знакомец, — с юмором — это хорошо. А мы вот тут с Гришей пивом балуемся. — Он указал в сторону невысокого человека со стрижкой полубокс, который всё это время не проронил ни слова. — Знаете хоть, что за человек перед вами? Нет? Это же сам Гришка Булатов!

Булатов опять никак не среагировал, взгляд был устремлён куда-то мимо всех, а вроде и смотрел в упор, но всё равно мимо.

Повисла пауза, только знакомец никак не мог уговориться. Когда пиво закончилось, он принялся разливать по кружкам водку.

— Гриш, Гриш, ну, что ты, ей-богу, расскажи пацанам. Про знамя расскажи, про рейхстаг, они же нашенские, они же поймут.

Булатов обвёл всех взглядом, разом выпил, что было налито в кружке, резко отодвинул её в сторону, встал и, уже не обращая ни на кого внимания, вышел из пивной.

Вокруг сразу всё ожило, зашевелилось. Народ торопился рассказывать и пересказывать друг другу то, что слышал не однажды, то, что не стал рассказывать Булатов. Припоминали всё подряд: и то, что непросто судьбу такую нести на плечах, и несмело костерили власть за то, что не хочет видеть в нём настоящего знаменосца, кто-то хвастался, что работает с героем на фабричном комбинате, кто-то говорил, что ещё до войны с Гришкой знаком был, достойный он человек — Булатов, а вот приклеилось — Гришка-Рейхстаг...

В 1957 году Булатов вместе с другом детства Виктором Шуклиным уехал работать на Север. Эта поездка с переменой места жительства была попыткой убежать от своего прошлого, от вопросов, сочувственных взглядов и насмешек. Прожил на севере около пяти лет. Но снова потянуло на родину.

А тут ещё в 1961 году, в ноябре месяце, в Институте Маркса, Энгельса, Ленина прошла встреча участников штурма рейхстага, а затем, через два года, будто затянувшимся эхом вышел в свет 5-й том “Истории Великой Отечественной войны”. В очередном томе “Истории...” среди знаменосцев названы Рахимжан Кошкарбаев и Григорий Булатов. Эхо конференции, проведённой ИМЭЛ, отозвалось в обществе. Начались публикации, разговоры, дискуссии. В 1964 году в газете “Комсомольская правда” вышла статья в то время известного корреспондента Игоря Клямкина “Знаменосцы”. Снова прозвучало имя Булатова: “Флаг Кошкарбаева и Булатова вспыхнул над входом в рейхстаг...”

В 1965 году начались разговоры о новой попытке представить героя к давно заслуженной Золотой Звезде.

Но постепенно Булатов и тут разглядел подоплёку недобросовестности и подмены. Говорили о штурмовом знамени, установленном им и лейтенантом Кошкарбаевым. О первом же, о сорокинском, снова советовали молчать. На сделку с совестью пойти не мог. Предать своих боевых товарищей? Группу лейтенанта Сорокина? Переступить через своих разведчиков?

В сентябре 1966 года Булатов снова получил срок. На этот раз по статье о хулиганстве — два с половиной года колонии усиленного режима. Сидел недалеко, в Кирово-Чепецке. Колония с историей. Здесь сидел знаменитый футболист Эдуард Стрельцов — “Стрелец”. А ещё раньше Эрих Хартманн — самый выдающийся немецкий лётчик-ас.

Когда Булатов получил свой первый срок, за него заступился маршал Жуков. Теперь в дело вмешался генерал-полковник Шатилов. Приехал сам, разыскал родных. Потом поехал к начальнику колонии. Срок скостили до полутора лет. Генерал чувствовал свою вину в незадавшейся судьбе своего бывшего солдата.

Но будет у Булатова ещё и третий срок — за воровство.

Весной 1969 года в канун Дня Победы он, наконец, выбрался в Москву. Встреча с командиром Семёном Егоровичем Сорокиным, бывшим командиром

второй роты Петром Афанасьевичем Греченковым, братьями Виктора Правоторова. Самого Виктора к тому времени уже не было в живых.

Сорокин, наконец, добился того, о чём мечтал, наверное, с мая сорок пятого, — проведения экспертизы и опознания Знамени Победы, хранящегося в Центральном музее Вооружённых Сил СССР.

Ещё четыре года назад сорокинцы составили письмо-опознание: “В ноябре 1965 года мы вместе с Героем Советского Союза Иваном Никифоровичем Лысенко побывали Центральном музее Вооружённых Сил СССР, где внимательно осмотрели хранившееся в нём Знамя Победы и обнаружили, что это Знамя Победы НАШЕ, т. е. именно то, которое мы, разведчики 674 полка, сами сделали из перины. Об этом нам напомнили оставшиеся не снятыми на его кромке чёрные нитки, стёганные вручную неравномерными стежками, а также грубо струганное кинжалом древко.

В момент водружения на нашем знамени не было ни серпа, ни молота...”

У Булатова была переписка с маршалом Жуковым и Романом Карменом. Хранилась фотография Жукова с его автографом: “На память Герою рейхстага!” Именно так — с прописной. Пока отбывал третий срок, всё из дома пропало.

Девятнадцатого апреля 1973 года тело Григория Петровича Булатова нашли в петле в туалете ремонтного цеха ремонтно-механического завода. Предсмертной записки не обнаружили.

В декабре 2004 года тело торжественно перезахоронили у ворот Трофимовского кладбища города Слободского.

В областном Кирове в парке Победы 8 мая 2015 года открыли памятник Григорию Петровичу Булатову. Деньги на монумент собрали земляки Героя. Автор композиции — скульптор Салават Щербаков. В народе памятник так и называют — “Знаменосец”.

Даже после кропотливого и капитального исследования Григория Киселёва и публикации его антологии “Неудобная правда о взятии рейхстага” история боёв за это здание в центре Берлина полна загадок, предположений и чревата новыми и новыми открытиями.

Впрочем, такова история всей войны. Потому-то и возник в читающем обществе в последние годы интерес к событиям Второй мировой и Великой Отечественной войнам. Историки, исследователи, писатели шагнули глубже в осмысление военной истории, иногда в запретные темы. В книгах публикуются документы, которые долгие годы утаивались под грифом “секретно”.

Возвращение из забвения героев штурма рейхстага — это ведь никакая не сенсация, а всего лишь преображённая тоска по правде. Которая, как известно, рано или поздно занимает то место, которое ей принадлежит изначально.

Разведчика из 82-й стрелковой дивизии Алексея Леонтьевича Ковалёва на штурм рейхстага командование не посылало. Но он туда всё же попал. С ним и его боевыми товарищами из 8-й гвардейской армии произошла вот такая метаморфоза.

Как известно, 8-я гвардейская армия генерала Чуйкова бои закончила в районе Бранденбургских ворот. Там, на триумфальной арке и подняла она свои знамёна Победы. Однако разведчикам 83-й отдельной гвардейской разведроты старшему сержанту Абдулхакиму Исмаилову, рядовому Леониду Горячеву и младшему сержанту Алексею Ковалёву однополчане дали поручение — поднять над рейхстагом и свой стяг как свидетельство того, что и они, чуйковцы, штурмовали “логово” и сделали для Победы ничуть не меньше других. 2 мая, когда войска, вошедшие в Берлин, ликовали, интернациональная знаменная группа 8-й гвардейской армии — кумык, белорус и русский — пришли к рейхстагу с порученным им знаменем. Здесь их увидел фотокорреспондент ТАСС Евгений Халдей.

Историк и военный реконструктор Григорий Киселёв, тщательно исследовавший эту историю, написал в своей книге: “По сути, чуть ли не каждая новая группа, прибывающая на смотрины поверженного здания, прихватывала с собой свой флаг и норовила воткнуть его если не на крыше, то на сте-

не или на колонне у входа. Халдей, с присущей ему сноровкой, действовал не колеблясь. Наткнувшись на нескольких глазающих бойцов, он достал свой припасённый флаг, и те вызвались помочь забраться на крышу. Надо сказать, взбираться на сам купол, где свято место ещё пустовало, он не рискнул. Рейхстаг ещё дымился, некоторые конструкции купола скрипели и готовы были обрушиться. Но не унывающий фотокор ТАСС не ступевался. Найдя удобную точку для съёмки — пьедестал конного рыцаря у юго-восточной башни “Бавария”, он выполнил свой фоторепортёрский долг, отсняв в действительности очередную серию постановочных снимков.

Дело в том, что 3 мая 1945 года в газете “Правда”, которая была тогда главной газетой страны, появилась фотография другого фотокорреспондента — В. Тёмина, — на которой был запечатлён разбитый снарядами рейхстаг с дымящимися окрестными кварталами. Над рейхстагом развевалось полотнище флага. Под фотографией подпись: “Флаг Победы над рейхстагом”. Снимок был сделан с самолёта 1 мая. Флага над рейхстагом ещё не было. Его пририсовали в редакции, рассчитывая, что, когда выйдет очередной номер “Правды” с фотографией, флаг над рейхстагом уже наверняка установят. Так и случилось.

Флаг удерживал отчаянный сержант Алексей Ковалёв, реально рискуя сорваться с высоты. Это он бесстрашно взобрался на верх двухметрового скульптурного украшения, торчащего на краю крыши с её восточной стороны, и, балансируя, уткнул древко халдеевского флага. Помогал ему старший сержант 101-й отдельной механизированной разведроты 82-й гвардейской Краснознамённой ордена Богдана Хмельницкого Запорожской стрелковой дивизии Абделхаким Исмаилов из Дагестана и гвардии рядовой Леонид Петрович Горячев, разведчик 83-й разведроты из той же дивизии”.

Сам Е. А. Халдей о своих культовых снимках, о том, как удалось их сделать, когда бои в Берлине уже отгремели и все флаги и флажки на рейхстаге, рейхсканцелярии, Бранденбургских воротах и других зданиях в центре поверженной твердыни уже были поставлены, рассказывал следующее: “Я влетел в здание утром 2 мая, выгнал флаг. Это увидели солдаты: “Эй, лейтенант, пошли на крышу, там ему место”. На крыше дым, гарь, языки пламени. Нашёл композицию, еле пристроился на узенькой ступеньке и отснял “лейкой” две кассеты. Об опасности не думал. Спустился с крыши, глянул вверх и ужаснулся — мог ведь загреметь. Этот снимок часто именуют “водружением Знамени Победы”. Но это не так. Кантария и Егоров водрузили знамя 150-й гвардейской дивизии. Но прав был маршал Баграмян, как-то заметив, что у Победы не может быть одного стяга-символа. Безымянные флаги над рейхстагом бойцы поднимали за тех, кто не дошёл, кто не дожил. Полотнищ было много. У поверженного рейхстага обнимались солдаты, доставали флажки с припасённой водкой. Кто плакал, кто смеялся. Но было у всех, в том числе и у меня, ещё какое-то чувство, трудно даже сказать — какое.казалось, что всё то, к чему мы шли все эти 1418 дней, должно было окончиться чем-то более грандиозным. А здесь стоял чёрный от копоти рейхстаг, стояла удивительная тишина. На крыше рейхстага и в проёмах стен адели флаги, красные косынки, куски красной материи. И все — флаги Победы”.

Снимок Е. Халдея “Красный флаг над рейхстагом” оказался самым удачным и облетел весь мир. А ведь в Берлине в это время работали фотокорреспонденты многих изданий, газет и журналов, информационных агентств, в том числе иностранных. Рейхстаг и окрестные здания, улицы, берлинские руины фотографировали все, в том числе и фотографы-любители, которых в войсках по мере приближения к немецкой столице становилось всё больше. Фотоаппарат был хорошим трофеем. К тому же солдат, сержантов и офицеров награждали фотоаппаратами, часами, портсигарами. Но постановочные снимки Е. Халдея оказались лучшими. Впрочем, они так же достоверны, как и те, которые сделаны чуть раньше, когда под куполом ещё гремели выстрелы.

Алексей Леонтьевич Ковалёв родился 10 мая 1925 года. Таким образом, через неделю после своей экскурсии в рейхстаг он отметил своё двадцатилетие.

Родился и вырос в посёлке Бурлин на западе Казахстана. Как видите, и малая родина солдата называлась почти что Берлином. О том, как неполных семнадцати лет Алексей Ковалёв попал на войну, история умалчивает. На фронте с 1942 года. Определили в 321-ю стрелковую дивизию. Её называли Читинской. Формировалась в Чите и окрестностях. Это было уже второе формирование дивизии. Среди бойцов много бурят и якутов. Основу же составляли сибирские казаки, в том числе и выходцы из районов Северного Казахстана. Дивизия сильная, хорошо оснащённая, полностью укомплектованная. Летом 1942 года по железной дороге её перебросили в район Сталинграда и ввели в состав 21-й армии Сталинградского фронта.

Алексей сразу проявил свой боевой характер: энергичный, любопытный, инициативный, храбрый до безрассудства. Куда такого казака? Известное дело, в разведку. Так и определили разведчиком 83-й отдельной разведроты, которая напрямую подчинялась командиру полка.

После Сталинградской битвы, когда с армией Паулюса было покончено, дивизию передали 65-й армии, затем 5-й танковой. В марте 1943 года 321-й стрелковой дивизии было вручено гвардейское знамя, и она стала именоваться 82-й гвардейской стрелковой. Дивизия вошла в состав 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова. С этой армией она и дойдёт до Берлина.

Алексей Леонтьевич Ковалёв — полный кавалер ордена Славы. Солдатскую Славу 3-й степени получил в декабре 1944 года. В наградном листе говорится, что во главе группы в ночь на 15 декабря 1944 года юго-западнее населённого пункта Грабув Залесны в пяти километрах западнее Магнушева младший сержант Ковалёв ворвался в траншею противника, гранатами и из автомата вывел из строя вражеский пулемёт и его расчёт. Разведгруппа захватила пленных и доставила в расположение штаба полка.

Орден Славы 2-й степени разведчику вручили уже после Победы — 18 мая 1945 года. “29.3.45. младший сержант Ковалёв Алексей Леонтьевич, — говорится в наградном листе, — с разведчиками на окраине г. Кюстрин при отражении контратаки пр-ка гранатами и из автомата уничтожил ок. 10 враж. солдат, остальных обратил в бегство”.

Славу 1-й степени отважный разведчик и знаменосец получил год спустя 15 мая 1946 года. “28-29.4.45. младший сержант Ковалёв Алексей Леонтьевич, действуя во главе группы разведчиков в тылу врага на подступах к Берлину, внезапно атаковал дом, занимаемый пр-ком, уничтожил свыше 10 солдат, двоих взял в плен. При штурме укрепл. здания на вост. окраине парка Тиргартен истребил много гитлеровцев, фаустпатронами подавил 4 огн. точки”.

Что и говорить, Алексей Леонтьевич солдат лихой. Сорвиголова.

После окончания войны он прошёл медкомиссию. Поскольку тяжёлых ранений не имел, а возраст подходящий, призывной, его оставили дослуживать. 82-я гвардейская дивизия вошла в состав Группы Советских оккупационных войск в Германии. Летом 1946 года её расформировали. В 1950 году Алексей Леонтьевич демобилизовался. Приехал на родину. Некоторое время работал в колхозе комбайнёром. Потом перебрался в Киев, работал на стройке, восстанавливал разрушенное войной. В ноябре 1951 года восстановился в армии. В 1964 году окончил Львовское военное инженерно-техническое училище. Служил в Управлении пожарной охраны Киева. В 1988 году присвоено воинское звание подполковника внутренних войск.

Награждён орденами Славы трёх степеней, орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Красной Звезды, медалями.

Участвовал в Параде Победы в Москве в 1985 году в честь 40-летия Великой Победы.

Умер Алексей Леонтьевич Ковалёв 8 сентября 1997 года.

Как и большинство фронтовиков, бывший разведчик о войне вспоминал неохотно. О многом просто-напросто помалкивал. Касалось это и последних боёв в Берлине. Служба у него проходила в хорошем городе, в хорошей конторе. Семья обеспечена. Рядом — верная жена Любовь, с которой в итоге

прожил сорок семь лет. У героя было всё, чтобы, как говорил один известный киногерой, спокойно встретить старость.

Но кое о чём старый солдат всё же проговорился удивлённой старухе своей... Историку Григорию Киселёву Любовь Ковалёва уже после смерти Алексея Леонтьевича пересказывала то, что слышала от мужа в минуты откровения: “Супруг был разведчиком. В ночь на 30 апреля 1945 года он с товарищами уже шёл по Берлину. Этой же ночью они попали в рейхстаг. Туда вошли 7 человек. В их числе были Абдулхаким Исмаилов и Леонид Горячев. Они не знали, что попали в рейхстаг. На улице стояла тёмная ночь, Берлин бомбили и обстреливали со всех сторон. Сплошной огонь и грохот. Вошли в здание с тыльной стороны. Начался бой, три часа выбивали оттуда генералов. Едва не погибли...”

Муж рассказывал, как в годы войны водрузил несколько знамён в разных городах. Всегда носил с собой полтора метра красного полотна, летом — под гимнастёркой, зимой — под фуфайкой. И на этот раз имел красную материю и искал выход на крышу. Поднялся по винтовой лестнице, а там высоко окошко. Оглянулся, думая, как бы повыше подпрыгнуть, и увидел, что немец ведёт его обезоруженного товарища Михаила Грушина. Прицелился, в общем, сделал своё дело. И оба полезли на купол. Алексею и 20 лет не было. Молодой, ловкий, глазастый. Был левшой, но хорошо стрелял и правой, и левой...

Конечно, это были знаки для наших, ведь разведчики часто ходили на задание ночью, в тыл врага, чтобы очистить дорогу для наступления войск. Алексей и Миша залезли на крышу, чтобы оставить флаг в знак того, что здание уже наше. Муж увидел громоотвод и хорошенько привязал к нему знамя, да и спрыгнул. А зрелище было страшное — сплошной грохот и огонь. Уже брезжил рассвет. Они нашли остальных и вышли из здания...

Когда уже рассвело, во дворе какого-то дома встретил немку. Спросил у неё: “Где рейхстаг?” Та и показала на купол, где красная тряпка болтается. Разведчики, понятное дело, поспешили назад, а там наши части уже оцепили здание. И никого не пускают внутрь. Обида-то какая! Ковалёв давай бегать вокруг рейхстага да показывать: вот, мол, мой автограф — мы были здесь. Да толку никакого. Вот тогда и увидел его Халдей, которому было дано задание: сфотографировать того, кто первым поднимется со знаменем на рейхстаг. Знамя у него было свое: он взял черенок от лопаты, красную скатерть наподобие той, что накрывали столы в президиуме, нарисовал серп и молот, прикрепил полотнище к палке и с таким знаменем вылетел в Берлин. А как увидел моего Ковалёва, как тот мечется у рейхстага, так попросил его показать, как разведчики заходили в здание. Алексей Леонтьевич согласился и взял с собой двоих своих товарищей — Исмаилова и Горячева...”

Группа младшего сержанта Ковалёва действительно оказалась в рейхстаге, забрела совершенно случайно, даже не предполагая, что этот тот самый рейхстаг, который вот уже несколько суток безуспешно штурмуют ударные части целой армии. И красный флаг эта группа над зданием водрузила. И — не первой ли?..

Так что вот сколько их, а кто первым, кто не первым был — неважно, главное другое — то, что оно было водружено, Знамя Великой Победы!

ВИТАЛИЙ МУХИН

ПЛАЦКАРТНАЯ РУСЬ

* * *

Пришёл солдат домой с войны,
а дом в сиянье снов и вишен,
в цветенье пёстрой тишины
стоит, высок и неподвижен —
как смысл и дрёма всех дорог,
себя вернувшая потеря...

Придётся ли ты сюда без ног,
иль уцелевшими измеришь
понтонь через две страны,
и срам, и гнев бессильной дрожи,
с виной придёшь ли, без вины —
снуют стрижи, стучат желны:
пришёл, пришёл солдат с войны!
День обещает быть хорошим.

Пришёл солдат, пришёл с войны,
грудь в пятаках парадной меди...
Что, брат, свершились наши сны?
Так что же в дом войти мы медлим?

МУХИН Виталий Олегович родился в 1948 году в Москве. С 1951 по 1962 год жил в Казахстане (Петропавловск, Караганда, Алма-Ата). Первая публикация стихов — в газете “Ленинское знамя” ЛКСМ Казахстана. Член Союза писателей России.

Ночь так темна, что в десяти шагах
сплошной стеной загадочная бездна.
Тугие травы тянутся к ногам,
затишье давит тяжестью железной.
Ночь так темна, что хочется кричать,
авось, хоть чей-то голос отзовется.
Подмокший ельник цапнет сгоряча —
и сердце кувывается в колодце.

Колочий лес пронзил тебя насквозь,
он дышит мхом, густым настоем хвои
и фыркает прогалиной, как лось,
и ёжится обманчивым покоем.
Его хребет окутан млечной мглой,
во лбу — звезда, кровь запеклась на лапах.
И он ползёт, змеится над землёй,
как будто вверх, а всё равно на запад.

Плывут стволы, плывёт тяжёлый дым,
скрипят верхи и чавкают корни.
И ты плывёшь, и ты ползёшь по ним —
по мордам луж своим же отраженьем.
Глаза залиты едкою росой,
в глазах — туман, а в горле — листьев шорох.
Ты прорастаешь радостью босой
и буреломом спишь на косогорах.
Ты — как цветы, ты — сгусток белых гроз,
и зов лощин, и сумрачные чащи...

Глухая полночь. Час метаморфоз.
Нечистый дух, ощерившийся ящер.

ВИНА

И в мёрзлом окопе — о ней,
в бреду, под наркозом — о ней.
Зачем же он снова о ней?
Чтоб сердцу стало больней?

Но в том ли её вина,
что ходит с другим она?
Легла меж нами стена,
и эта стена — война.

Эй, друг! Я её вину
тебе под культи швырну.
Как знамя, шумит Восток,
и ты не так одинок.

И в шуме том не слышна
какая-то там вина,
а если кому слышна,
то жизнь, друг, она — одна.

У всех и за всех одна.
Но в том ли её вина?
Спешит за колонной грач,
а ты, брат, поплачь, поплачь...

ПЛАЦКАРТНАЯ РУСЬ

Всё детство моё прошло на колёсах —
платформы, гудки, поезда.
В плацкартных вагонах, а может быть, в общих
мы едем незнамо куда.
И мама моя молода и красива,
с тяжёлою русой косой.
И папа чуть пахнет махоркой и пивом,
как ёжик — небрит и босой.
Я мало что помню, но помню, но помню
безжалостный, подлый свой страх,
когда шёл солдат-инвалид по вагону
с протянутой кепкой в зубах;
весёлого парня с губною гармошкой —
он маму упрашивал спеть
хотя бы куплет, ну, хотя бы немножко
про вольную русскую степь.
И степь начиналась. И лето кончалось.
Спадала к полудню жара.
Эпоха вокзалов державу качала —
наждачные дули ветра.
А навстречь им с песнями, с матом и свистом
несли свою удаль и грусть
крестьяне,
строители,
авантюристы —
плацкартная нищая Русь.
Всё дальше от Бреста, всё ближе к Ишиму
в надежде на хлеб и жильё
летели составы, летели машины,
а с ними и детство моё.
Летело-летело и где-то пропало,
но разве я ведал тогда,
гребни
какого
девятого вала
нас гнали незнамо куда?

* * *

По-августовски свежий и глубокий
лимонный свет стреноженной луны.
Хребты домов и вербы вдоль дороги
густейшей тенью вкось отражены.

В такую ночь собаку тянет в поле.
В такую ночь — предчувствие беды...
Пересчитав штакетники околиц,
луна струит над речкой белый дым.

Стоишь-стоишь и вздрогнешь ненароком,
когда в саду, скатившись по листьям,
опадыш стукнет в корень мокрым боком
и заблестит, похожий на кристалл.

Седая груша оперлась о крышу,
хрустят ежи примятою травой.
А на стекле рушник крестами вышит —
рушник звезды холодной, но живой.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

ВСПОМНИЛАСЬ ВОЙНА

РЕКВИЕМ

Браток, налей перед обедом,
Я не вернулся с той весны,
Убитый за день до Победы,
Объявленной после войны...

Из жести кружки поднимая,
Коль “горькой” нет — пьём “самопал”
За всех, кто пал восьмого мая,
Кто до восьмого мая пал...

Я в землю вмят машиной адской,
По мне прошли её плуги
В окопах битвы Сталинградской,
В траншеях Огненной дуги.

Я пойман пулей на излёте,
Сгорел в мучительном огне
К земле на бреющем полёте,
В кипящей танковой броне.

ПАВЛОВ Юрий Сергеевич, поэт и прозаик, родился в 1950 году. Окончил факультет русского языка и литературы Владимирского пединститута, по окончании которого работал учителем сельской школы. Член Союза писателей России. Автор девяти книг поэзии и прозы. Лауреат литературных премий. Живёт в городе Владимире.

И смерть не выдавила стона
И даже слёз из наших глаз,
Когда открыли мы кингстоны,
И вены лопнули у нас...

Не ведал райские я кущи,
Была тоска моя остра
В чащобах Беловежской пуши
У партизанского костра.

Я не зарыт в могиле братской,
Не сплю в могиле мировой,
Исторгнут пастью бухенвальдской,
Иду дождём по мостовой.

Я многолик — солдат Победы,
Дозорный всех дорог войны.
Я слишком многое изведал,
И в этом нет моей вины...

В любой избе в российской дали
Жива та память о войне:
Кругом медали да медали
И рамки, рамки — на стене...

Я жив, пока живёт на свете
Святая память о войне,
Когда кругом смеются дети,
Не убивайтесь обо мне!

Ты слышишь, там, в дубравах чистых,
Под ветерком, на склоне дня,
Где о любви лепечут листья —
Там поминают и меня...

Налей, браток, налей к обеду
Себе — полней, немного — мне
За радость светлую Победы!
За всех погибших на войне...

ХАТЫНЬ

Здесь люди жили, сеяли хлеба,
И детский смех звенел, как колокольчик.
Кто мог подумать, что в их жизни прочерк
Поставит скоро жуткая судьба...

И вот однажды варвары пришли
И, не щадя ни малых и ни старых,
Ломая руки, бросили в амбары
И, обложив соломой, подожгли...

Как жуток был и страшен дикий вой —
Зверьё в лесах шарахалось в испуге.
Мгновенно пламя поглотило звуки,
И ветер поднял пепел над землёй.

Была деревня — и ни изб, ни хат,
И ни одной травинки чахлой близко,

И только трубы, словноobelisks,
Чернея, над пожарищем стоят...

Вглядитесь, люди, в страшные слова,
В таблички скорби, горечи и боли, —
Ведь против каждой Светы или Оли:
“Три года. Три. Два с половиной. Два”.

Скорбит здесь всё: и лес, и неба синь,
И колокольчики на трубах тонко-тонко
Звенят-звенят, и голосом ребёнка
Поёт и плачет вечная Хатынь...

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА

Вновь дяде Пете вспомнилась война —
Всю жизнь не заживающая рана,
Давно душа седого ветерана
Недугом этим тягостным больна.

Боль затаив в морщинах возле глаз,
Затягиваясь крепко «Беломором»,
Что видел он вдали за косогором,
Так тяжело вздыхая всякий раз?!

Шла дружная весна в цветенье трав,
И день сиял — и радужен, и светел,
А дядя Петя мрачен был, и ветер
Трепал его подоткнутый рукав.

* * *

Моему дяде, не пришедшему с войны

Мы с ним не встретились на свете
По той причине роковой.
Гудит над полем ратным ветер,
Колышет буйный травостой...

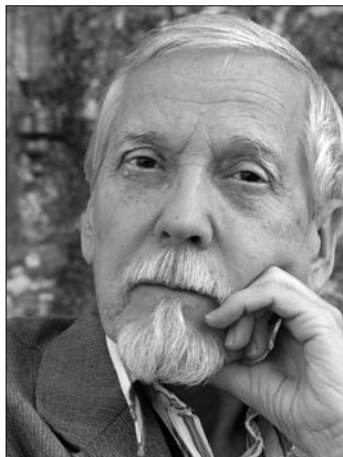
Он стал травой, небом синим
И светом Вечного огня,
Всё тот же — молодой и сильный,
Похожий чем-то на меня...

Прости, что ждал ты — не дождался,
Когда шагну тебе вослед.
Рассвет кровавый нарождался
По горизонту ваших лет...

Россия! Жить когда ж ты будешь?!
Куда полынь-тоску избыть,
Чтоб успевали в жизни люди
Доцеловать и долюбить?!

Взрослеют дети, крепнут руки,
Их снова в спину крестит мать.
Молю: дожить бы им до внуков,
И лучше нечего желать!

НИКОЛАЙ КОКУХИН

ПАРАД ПОБЕДЫ

РАССКАЗ

До полудня был туман, а потом выглянуло солнце, и океан сразу преобразился, став нежно-ласковым и такой насыщенной, яркой голубизны, что в это трудно было поверить — на материке такой цвет встретить невозможно. Солнцу доставляло большое удовольствие купаться в этой голубизне, расщепляя её серебряными искрами.

Кругом, куда ни глянь, великое множество “петушков”. Так моряки прозвали маленькие частные боты с парусом, который походил на гребень петуха. На таких судёнышках американцы выходили в океан, чтобы порыбачить или же просто отдохнуть на просторе. “Петушки” были разного цвета — красные, зелёные, синие, жёлтые, — они двигались в разных направлениях, но так, чтобы не мешать рыболовным судам.

Около одного из траулеров, который только что поднял трал с рыбой, кружились киты, надеясь полакомиться дармовой рыбой. Изредка они уходили в глубину, а потом шумно выныривали на поверхность и отфыркивались, как лошади. Небольшие, похожие на дельфинов, с гладкой лоснящейся кожей и широкими раздвоенными хвостами. Нельзя сказать, что им много перепало, но и не скажешь, что они оставались ни с чем.

Рыболовная флотилия уже около месяца вела лов скумбрии, окуня, хека на банке Georges-bank, вблизи берегов Америки; по ночам моряки хорошо видели зарево огней Нью-Йорка. Руководитель промысла Александр Григорьевич Петраков, находившийся на флагмане флотилии — плавбазе “Атлантика”, — находился в прекрасном расположении духа: рыбалка шла успешно,

КОКУХИН Николай Петрович родился в 1938 году в Красноярском крае. Закончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей России. Автор многих книг. Лауреат премии “Имперская культура” имени Эдуарда Володина. Живёт в Москве.

все восемнадцать траулеров брали хорошие уловы. В непосредственной близости от русских судов океан бороздили траулеры Испании, Португалии, Англии, Польши, Германии, но Петракова это мало беспокоило — рыбы с избытком хватало на всех.

Капитаны больших морозильных траулеров подобрались как на подбор, настоящие морские волки, с большим опытом. С такими капитанами и работать приятно. А завтра День Победы, и надо его как-то достойно отметить. Кроме Петракова, на промысле было ещё несколько участников войны: Сергей Васильевич Серебряков, капитан “Полярной звезды”, бывший командир орудийного расчёта, кавалер нескольких орденов; Рябинин Павел Леонидович, старпом “Веги”, лётчик-штурмовик, сбивший около двух десятков “юнкеров”; несколько рядовых бойцов, которые трудятся матросами на разных судах, — всех и не упомнишь.

Петраков обеими руками пригладил волосы на голове. Надо как-то так всех поздравить, чтобы запомнилось. Александр Григорьевич крупно зашагал по рубке, а потом остановился у правого иллюминатора, с интересом наблюдая, как к двум соревнующимся в скорости “петушкам” присоединились ещё два, а вскоре ещё один, и теперь их соревнование походило на малую океанскую регату.

— До чего молодцы! — восхищённо воскликнул Петраков. — Морские джигиты! Посмотрите, что вытворяют! — обратился он к первому штурману и рулевому.

— Действительно, джигиты! — прищёлкнул языком первый штурман. — Чего доброго, и “Полярную звезду” скоро догонят!

— Догонят и перегонят! — уточнил рулевой.

— Вот тебе и “петушки — золотые гребешки”! — проговорил Петраков, отходя от правого иллюминатора и направляясь к левому. — А что, если... — Он остановился, как вкопанный, осенённый оригинальной мыслью. — Что, если завтра, в день Победы, в юбилейную, да ещё и круглую дату, провести здесь, в Атлантике, парад Победы. На Красной площади, как обычно, пройдут воинские подразделения, наводя страх и трепет на наших недоброжелателей, а тут — мирные промысловые суда.

Всё устроилось так, как и предполагал Петраков: начальник главка дал “добро”, капитаны траулеров высказались “за”. Девятого мая не только командный состав, но и рядовые матросы оделись в лучшую, праздничную одежду — об этом никто не объявлял, да и зачем объявлять, когда и так всё ясно.

Суда выстроились в колонну: впереди — плавбаза “Атлантика”, за ней — шесть рядов больших морозильных траулеров, в каждом ряду — три судна. Впечатляющая колонна! На целую милю! На корме каждого судна развевался флаг Родины! Гремела музыка — марш “Прощание славянки”, марш “Суворов”, “Марш победителей” Джузеппе Верди, гимн Михаила Глинки “Славься”, а также марши Моцарта, Чайковского, Прокофьева и других композиторов. Колонна шла на восток, в сторону любимой Отчизны.

Такого Атлантика ещё не видела!

Петраков стоял в рулевой рубке, рядом с капитаном Ястребовым и другими членами командного состава. Палубы всех судов были запружены свободными от вахты моряками.

“Разве мог я мечтать о таком событии?! — размышлял Петраков, глядя то вперёд, на растягивающуюся на много-много миль сверкающую гладь океана, то назад, на колонну траулеров, которая, соблюдая ровные, почти идеальные интервалы как с боковыми, так и впереди идущими судами, оставляя после себя редеющие струи дыма, продвигалась навстречу набирающему силу солнцу. — Даже думать об этом не мог! Какая радость сияет на лицах! Как преобразился Ястребов! Как он гордо смотрит на восток! Какая важность заключена в каждом его движении! А как рады матросы, механики, мотористы, пекари! Праздник растопил каждое сердце! Каждая душа полна ликования!”

— Идём малым ходом, — распорядился он по радиотелефону.

Вдруг слева по борту показался военный самолёт. Американец. Он сделал один круг над колонной судов, затем другой, круто развернулся и, прой-

дя низко над плавбазой и другими судами, исчез за линией горизонта. Не иначе — разведчик, наверняка что-то последует за этим. И в самом деле, не прошло и десяти-пятнадцати минут, как над колонной появился другой американец. Штурмовик, определил опытным глазом Петраков.

Самолет ушёл далеко вперёд, сделал разворот и, постепенно снижая высоту, пошёл в атаку на колонну, нацеливаясь, прежде всего, на флагманский корабль. С каждой секундой он приближался, увеличиваясь в размерах, вот уже можно различить пилота. Создавалось впечатление, что столкновения не избежать и штурмовик вот-вот врежется в плавбазу, но он не врезался, а пронёсся очень низко над ней, оглушив людей шумом двигателей; плавбаза задрожала от сильного удара воздушного потока.

— Ну, злодей! Ну, разбойник! — вслух произнёс Петраков. — Это называется психическая атака! Хочет напугать нас, разрушить колонну, испоганить парад. Посмотрим, кто кого!

Между тем штурмовик сделал новый заход и пронёсся над плавбазой и над траулерами на ещё более низкой высоте.

Если плавбаза, водоизмещение которой составляло более десяти тысяч тонн, зашаталась, как пьяная, то траулеры затрясло, как во время серьёзного шторма.

— Курса не меняем! — скомандовал Петраков, сжав микрофон так сильно, что побелели костяшки пальцев. — Право, лево не ходить! Не падайте духом, братья! И не такое с нами бывало!

— Снова заходит! — наблюдая за штурмовиком в бинокль, доложил Ястребов.

— Бандит он и есть бандит! Увеличиваем ход до среднего!

Буруны, оставляемые винтами судов, заметно побелели.

Штурмовик пронёсся над колонной ещё раз.

Петраков вызвал на связь “Полярную звезду”, с капитаном которой его связывала давнишняя дружба и в стойкости которого он несколько не сомневался.

— Сергей Васильевич, как ты, дорогой?

— Держусь! Нам, старым солдатам, не впервой держаться! Если бы он, бандюга, знал русский характер, то не стал бы затевать эту катавасию.

— Не на тех напал.

— Вот именно. Покуражится, покуражится, да и уйдёт ни с чем.

— Я тоже так думаю.

— Команда как?

— Как капитан, так и команда.

— Молодцы!.. Приказ для всех судов — полный вперёд! Во время одной из очередных атак морозильный траулер “Винсент Ван Гог” не выдержал и покинул колонну, образовав в ней брешь. Петраков тут же вышел на связь с молодым капитаном, который совершал свой первый самостоятельный рейс:

— Вадим Юрьевич, я от тебя этого не ожидал!

— Я тоже от себя этого не ожидал, — честно признался капитан. — Нервы не выдержали! Последний раз, когда он проходил надо мной, мне показалось, что я умру.

— Но ведь не умер?

— Пока нет.

— Собери свою волю в кулак и держись! Как Нахимов! Как Макаров! Они побеждали врага, и мы победим!

— Всё это так, но...

— Что “но”?

— Команда ропщет... Нервишки... Один матрос сдрейфил и хотел кинуться за борт; хорошо, что ребята вовремя заметили и скрутили ему руки... А что было бы... да об этом и говорить не хочется...

— Вспомни Родину, вспомни Москву, там сегодня уже был парад, да такой, что...

— Знаю...

— Нам нельзя посрамить флаг Отчизны. Тому параду никто не угрожал, вражеские самолёты не пикировали... А у нас — иное... здесь, у берегов

Америки, почти настоящая война. — Петраков помолчал, давая возможность капитану переварить сказанное. — Мы русские, нас не взять голыми руками! Кто против русского идёт, тот огненные уголья высыпает себе на голову! Не нашлась ещё на земле такая сила, которая одолела бы русскую силу! Так что, Вадим Юрьевич, не позорь ни себя, ни нас...

— И на старуху бывает проруха.

— Бывает, не спорю. Вставай в строй, капитан.

— Слушаюсь, товарищ руководитель промысла.

Петраков подошёл к иллюминатору и увидел, как “Винсент Ван Гог” делает маневр, чтобы занять место, которое он недавно покинул.

Моряки звали Александра Григорьевича Петракова асом Атлантики. И не зря. Он посвятил ей последние тридцать лет своей жизни и знал все её особенности, повадки, капризы, знал, в каком районе Атлантики, в каком квадрате водится та или иная рыба, знал время её появления и миграции; знал как южную, так и северную Атлантику, но лучше, пожалуй, северную, так как здесь чаще всего ловил рыбу; хорошо знал один из самых трудных районов вблизи полуострова Лабрадор, где лов рыбы частенько проходил в очень сложных условиях, во льдах, — трески тут было много, но и льда немало, в этих условиях могли работать только суда с усиленным корпусом.

Первый раз много лет назад Петраков вышел в море в качестве рядового матроса, узнал, что такое фунт морского лиха, что такое десятибалльный шторм, когда траулер мотает с боку так, что света белого не видишь, и это могло продолжаться несколько суток подряд; узнал, что такое матросская вахта и подвахта, что такое аврал, когда хорошо шла рыба и приходилось простаивать у рыбодола по многу часов и шкерить, шкерить треску, а ей нет ни конца, ни края.

Больше всего мучило постоянное недосыпание, когда хотелось спать в любое время суток. Кажется, такой режим выдержать невозможно, но он каким-то чудом выдерживал, как выдерживали и другие матросы.

Вскоре он поступил в Высшее морское училище рыболовного флота. Как участника войны его приняли вне конкурса. Выбрал судоводительский факультет — хотелось научиться водить рыболовные траулеры по морским просторам.

Каждый год после весенней сессии он выходил в море на практику под руководством опытных судоводителей. А через пять лет, получив диплом об окончании училища, вышел в первый самостоятельный рейс — четвёртым помощником капитана.

Быстро летели годы, и вот наступил момент, когда он стал капитаном большого морозильного траулера. А если точнее, то капитаном-директором, потому что он не только водил судно, но и ловил рыбу. Очень скоро о нём заговорила вся Атлантика как о думающем, инициативном капитане, для которого не существовало трудностей — он находил рыбу там, где другие опытные капитаны никогда о ней и не слыхали. Поговаривали о его необыкновенном чутье, которое его выручало, другие говорили, что он родился в рубашке, — везёт человеку, только и всего.

А дело совсем в другом. Прежде чем выйти в море, Петраков тщательнейшим образом готовился к рейсу, анализируя обстановку как в районе предполагаемого промысла, так и в других местах. Кроме того, он всегда брал в море ихтиолога Карасёва, с которым познакомился ещё в училище и с которым разработал новый, прогрессивный метод охоты за рыбой. Их сотрудничество приносило поразительные результаты — тралы приходили на слип судна всегда или почти всегда с хорошей добычей.

И ещё один момент, который мало кто учитывал, но без которого успех невозможен: команда траулера была как бы единой дружиной семьёй. Каким образом удавалось капитану сплотить разношёрстный состав в единый монолитный организм, не знал никто, но факт оставался фактом.

Более пятнадцати лет командовал Петраков большим морозильным траулером “Модест Мусоргский”, а когда его назначили капитаном-директором плавбазы, он расстался с ним, как со своим лучшим другом.

На плавбазе проработал всего несколько лет, а затем начальник главка поручил ему новую, более ответственную работу — должность руководителя промысла. Теперь Петраков отвечал не за одно судно, а за многие. Здесь его организаторский талант блеснул новыми гранями, и молва по всей Атлантике пошла такая, что, мол, если Петраков возглавил промысел, будь то в начале весны, в разгар лета или в зимние месяцы, то о выполнении плана как отдельными судами, так и главком в целом нечего и беспокоиться.

Дуэль продолжалась уже не менее получаса, штурмовик ушёл в сторону от колонны, и Петраков подумал, что спектакль подошёл к концу, но ошибся. В небе появился ещё один военный самолёт, такой же, как и первый, который промчался высоко над колонной, держа курс на восток.

Оба самолёта, совершив подготовительный манёвр, кинулись, как два хищника, на судовую колонну. Они шли рядом, бок о бок, приближаясь с каждой секундой к колонне, и шум их двигателей всё нарастал. Петраков ожидал их приближения, стоя у переднего широкого и длинного иллюминатора, сжав кулаки и стиснув зубы.

Самолёты пронеслись всего в пятидесяти-шестидесяти метрах над колонной, обдав их рёвом двигателей и запахом выхлопных газов; плавбаза, а особенно траулеры закачались, как во время непогоды.

— Право, лево не ходить! Так держать! — проговорил в микрофон Петраков, стараясь, чтобы его голос не дрогнул и не выдал его внутреннего волнения.

Самолёты между тем, вернувшись на исходную точку для атаки, снова приближались к колонне. И когда они поравнялись с плавбазой “Атлантика” и их рёв, казалось, расплющил её, Петраков воскликнул:

— Господи, помилуй!

Эти же слова он прокричал в сорок третьем, когда танк, которым он командовал, вёл неравный бой с тремя немецкими “пантерами”. Его танк шёл впереди пехоты, поражая огневые точки противника и расчищая ей путь. На опушке леса замаскированный немецкий орудийный расчёт вёл непрерывный огонь по цепям наших наступающих солдат, и им пришлось залечь. Быстро сориентировавшись, Петраков занял удобную позицию и одним точным выстрелом уничтожил орудийный расчёт.

Наступление продолжалось.

На высокой скорости Петраков миновал разрушенную мельницу, засады в ней, к счастью, не оказалось, и выскочил к хутору, состоящему из жилого дома и нескольких подсобных строений. И ахнул: из недалёкого лесочка показались сразу три немецких “пантеры”. За ними двигалась пехота.

— Господи, помилуй! — воскликнул Петраков.

Эти слова возникли как бы сами собой, как вдох или выдох.

— Огонь! — заорал он и в следующую секунду увидел, как головная “пантера” замерла на месте, поражённая метким снарядом, и сильно задымила — наводчик Фигуровский был, как всегда, на высоте.

— Скорость не сбавляем! — крикнул Петраков. — Следующая мишень — левая!

У Петракова, точнее, у его танка был важный козырь: непробиваемая броня, чего нельзя было сказать о “пантерах”. В следующую секунду по машине, словно кувалдами, застучали вражеские снаряды. “Врёшь, не возьмёшь!” — мелькнуло в голове командира.

— Огонь! — снова заорал он, когда танк, совершив очередной неожиданный манёвр, выскочил из-за жилого дома.

Вторая “пантера”, словно загнувшись, прекратила движение, уткнувшись носом в глубокую яму. Третья, почуяв неладное, сбавила ход и тем самым усугубила свою участь: очередной меткий снаряд вывел её из строя; пламя охватило башню, и теперь “пантера” не представляла никакой опасности ни для Петракова, ни для пехоты.

Всё было кончено в каких-нибудь несколько минут.

— Право по борту судно! — доложил вахтенный штурман.

“Наверняка американский эсминец или ракетный крейсер, — предположил Петраков, направляясь к правому иллюминатору. — Пришёл на помощь штурмовикам”.

Каково же было его удивление, когда он увидел восьмипалубный круизный лайнер-красавец “Королева Виктория”, направляющийся из Нью-Йорка в Барселону с туристами на борту. Они заполнили все палубы левого борта, наблюдая за редким зрелищем.

— Смотрите! — закричал вахтенный штурман. — Смотрите! Наши туристы!

Петраков взял бинокль и на одной из палуб, то ли шестой, то ли седьмой, увидел несколько человек, которые размахивали российским флагом!

Как взыграло сердце у старого солдата! Как он обрадовался, увидев это зрелище! Как он был благодарен этим русским людям, которые поддержали дух не только его, руководителя парада, но и всех моряков без исключения. Петраков не относился к людям сентиментальным, но даже у него, немало пережившего на своём веку, на глазах показались слёзы. Он отвернулся, чтобы никто не заметил его маленькую слабость, и ладонью смахнул навернувшиеся слёзы.

— Отдать честь русским патриотам! — приказал он.

В то же мгновение над океаном разнесся громкий, зычный, густой гудок флагманского судна. Его тут же подхватили гудки абсолютно всех траулеров.

Такого Атлантика ещё не слышала! Гудки морских судов слились в торжествующую симфонию, заполнив, кажется, весь океан. Она звучала долго, до тех пор, пока красавец-лайнер не отошёл на порядочное расстояние.

Штурмовики прошли плавбазу и, поравнявшись с “Полярной звездой”, неожиданно взмыли круто вверх и ушли в сторону Америки. Петраков подумал, что это ещё один, пока непонятный манёвр воздушных пиратов, и они наверняка через некоторое время появятся снова, но, к его большому удивлению, самолёты не появились ни через пять минут, ни через десять, ни через полчаса.

— Вот то-то же! — воскликнул он. — Это вам не Голливуд, а парад Победы!

АЛЕКСАНДР ЩЕРБАКОВ

ЭТО БЫЛО НАЯВУ

ДЕВЯТОГО МАЯ

Я знаю, что в сегодняшнее утро
Отец проснётся раньше, чем обычно,
Побреется с тройным одеколоном
И, сняв с гвоздя армейский старый китель,
Воинственно медалями блеснёт.
За завтраком нальёт в стакан гранёный
Настойки той, что с осени берёт,
И потекут его рассказы-были,
Которыми богата память ран.
Вот, партизан в папахе с лентой красной,
Отец стоит у штаба на дозоре,
И, подходя к калитке, сам Щетинкин
Ему, как другу, руку подаёт...
А вот отец в Крыму, в степи сожжённой,
Прижав к груди винтовку, как ребёнка,
Ползёт вперёд, до боли стиснув зубы,
Под пересвистом врангелевских пуль...
А вот его без чувств, едва живого
Под Сталинградом через Волгу-реку
Переправляет незнакомый парень,
Чтобы в ближайший госпиталь отдать...

ЩЕРБАКОВ Александр Илларионович родился в 1939 году в селе Таскино Красноярского края. По образованию учитель словесности, журналист. Автор многих книг поэзии, прозы, публицистики. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда премий. Неоднократно публиковался в журнале "Наш современник". Живёт в Красноярске.

И, человек суровый и неробкий,
Отец заплачет тягостно и мокро
И станет сокрушённо удивляться
Тому, как смог остаться он в живых.
Потом закурит, по избе пройдётся,
Молодцевато ус седой подкрутит
И скажет бодро: “Да, несутся годы...
Но только у солдата порох сух.
И, если что (не дай тому случиться) —
Ещё тряхну, ей-богу, стариной!”

ПОСЛАНИЕ ЮНЫМ

Не ждите, друзья, слишком много
От жизни, доставшейся вам.
О неких “открытых дорогах”
Не верьте лукавым словам.
Навряд ли вам выпадет счастье,
Скорее — лишь отблеск его.
Господь отмечает не часто
Любимца в толпе своего.

Но ежели всё же отметит
Красою иль мудростью вас,
На этом неправедном свете
Удачи в придачу не даст.
И вы не надейтесь на чудо,
Что перехитрите судьбу.
Всё будет: Пилат и Иуда,
Голгофа и крест на горбу.

НАЧАЛО

“За лесом солнце воссияло,
Где чёрный ворон прокрича-ал...”
Под вздохи песни мама пряла,
Сестра ткала, отец тачал...

Никак не верится сегодня,
Что это было наяву.
Ушли все волею Господней,
А я пока ещё живу.

Какую странную судьбину
Мне Всемогущий начертал!
Подумать только: при лучине
Я книжки первые читал.

Подумать только: домотканый
Носил кургузый армячок.
Спал на печи, где неустанно
Скрипел невидимый сверчок.

Молол на жёрновце убогом
Вручную горсточку зерна,
Благодаря украдкой Бога
За то, что кончилась война.

В какой стране всё было это,
В какие “средние века”?
Воображение поэта
Бессильно здесь наверняка...

Но вот — село за перевалом,
Начало всех моих начал.
Над лесом солнце воссияло
И чёрный ворон прокричал.

ХОТЕЛ БЫ ВЕРИТЬ

Хотел бы верить в тот из сказки
Сентиментальный милый вздор,
Что голубь свил в военной каске
Миролюбивое гнездо.

Штампуют каски... К огорченью,
Не для гнездовой голубка.
Их по прямому назначенью
Ещё используют пока.

К земле прильнувши, где-то рядом
Не воркованье слышу я —
Грохочут дни железным градом
О кровли мирного жилья.

И при зарницах ночью грозной
Глядит тревожно со стены
В тяжёлой каске красnozвёздной
Брат, не вернувшийся с войны.

НАТАЛЬЯ РОМАНОВА-СЕГЕНЬ

КНИГА

РАССКАЗ

На самом деле якута звали не Пьером, а Петром Досифеевым, а якутски — Бэргэном, что в переводе означает “меткий”. Бэргэн не обижался, когда его окликали французским именем. Пьером его называли, конечно же, не за внешнюю схожесть с французом, а из-за того, что он был неразлучен с третьим томом “Войны и мира”. Бэргэн очень любил читать. Как только выпадала свободная минута, доставал из полевого мешка свой самый ценный груз, открывал его наугад и принимался читать вслух. Читал он серьёзным голосом, но это было так смешно и несуразно, что его однополчане покатывались со смеху.

— Чего смеётесь? Великий вещь! — отрывисто говорил он и продолжал чтение.

Когда Бэргэн читал от имени Пьера, его голос становился не таким резким, как обычно.

— Хороший человек! Тоже якут, наверное, — закрывая книгу, каждый раз говорил Бэргэн.

Книгу он берёт. Если кто-то просил дать её почитать, якут отвечал:

— Потеряешь вдруг. Сам почитаю тебе. Садись, слушать будешь. — И он открывал книгу, принимал важный вид и неспешно читал: — “Пьер

РОМАНОВА-СЕГЕНЬ Наталья Владимировна родилась в Тюменской области, окончила Уральский педагогический университет по специальности “социальный работник”. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах “Смена”, “Юность”, “Литературная учеба”, “Наш современник”, “Простор”, “Север” и многих других. Лауреат премий “Русский позитив” Российского Фонда мира, “Патриот России” Федерального агентства по печати, имени Л. М. Леонова журнала “Наш современник”. Автор книг “Гефсиманский сад”, “Рецепт хорошего настроения”, “Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Земная и небесная”, “Великий стряпчий”.

оглядывался на первый дым, который он оставил округлым плотным мячиком, и уже на месте его были шары дыма, тянущегося в сторону, и пуф... (с остановкой) пуф-пуф — зарождались ещё три, ещё четыре, и на каждый, с теми же расстановками, бум... бум-бум-бум — отвечали красивые, твёрдые, верные звуки...

Солдаты гоготали во весь голос, особенно, когда якут сказал “не по-нашему, не по-русски” и когда он произносил “пуф-пуф” и “бум-бум-бум”, а тяжеловатый в движениях Бэргэн медленно поднимал руку со сжатым кулаком и грозил им.

— Пьер, говорят, что вы, якуты, совсем не отличаете цвета друг от друга, — вдруг ни с того ни с сего спросил рядовой Уланов.

— Какие? — сощурился якут.

— Синий, голубой, зелёный. У вас даже и названий-то таких нет.

— Что от меня хочешь?

— Ты вправду не видишь, что небо и трава разного цвета? — подивился солдат. — Вы все дальтоники что ли?

— Плохой слово. Чего дразнишься? Отстань, — насупился якут, — книжку читать не буду.

Было не ясно, то ли он и впрямь не различает эти цвета, то ли обиделся, что обозвали непонятым словом.

— Пьеро, а где ты взял книгу эту? Из юрты привёз? — не унимался Уланов и тут же получил увесистый подзатыльник от старшины Ермакова.

Якут молчал.

— Не обращай внимания на дурака, — Ермаков кивнул в сторону притихшего Уланова, — а Толстого мы любим не меньше твоего.

— Э-э! — встрял рядовой Пятов. — Кто это его, безбожника, любит? Его этой... афеме предали. Против Бога он был. А ты — любим!

— Много ты понимаешь! — закипел Ермаков. — При чём тут религия? Мне хоть десять раз его анафеме предали, а вот “Войну и мир” кто бы так смог написать? Кто? Якута вон даже не оторвать.

— Аи-тоён не любит эту книгу? — Пьер-Бэргэн часто-часто моргал ресницами.

— Это ещё кто? — не расслышал Пятов.

— Бог! Самый главный! Он землю придумал.

— Не Бог же его анафеме предал, — буркнул Ермаков.

— Значит, Аи-тоён любит книгу? — не успокаивался якут. — Хочет, чтобы я книгу читал?

— Хочет, хочет, — проворчал Ермаков, — а ты, якут, сам-то чего хочешь?

— Я? — заулыбался Бэргэн. — Хочу ничего не делать, пить кумыс, есть кобылье мясо и стать толстым.

— И написать “Войну и мир”! — сказал Пятов под дружный смех однопольчан.

— Опять смеются! — покачал головой якут.

— А вот возьмёт и напишет! — вступился за Бэргэна Ермаков. — Там была одна война, теперь другая. Кто-то же должен о нас написать.

— Напишут, — горько вздохнул Пятов, — правду бы только писали.

Книгу якут нашёл в Новгороде. Город тогда ещё не был занят немцами. Тёплым августовским вечером рядовой Досифеев бродил по Антониевому монастырю, расположенному на правом берегу Волхова. Когда-то здесь находилась Духовная семинария, а затем в бывших монастырских постройках обосновался учительский институт. В то время здесь было шумно, весело. Сегодняшним вечером, несмотря на войну, в человека вторгалась тишина. Бэргэн слушал её сердцем и никак не мог поверить, что музыка тишины, разливавшаяся по его телу, слишком временна. Скоро снова начнутся стрельба, грохот, будет опять шумно, но по-другому. Этот шум весельем не называется. А пока только шумит полусвежая листва, ветер взлохмачивает гривы деревьев и распускает веером страницы лежащих на земле журналов. Якут склонился над журналами и среди них увидел книгу. На бледно-зелёном фо-

не обложки золотом горели тиснёные буквы в синей рамке с вензелями по углам.

— Лев Николаевич Толстой, — прочитал Бэргэн. — “Война и мир”.

— Ух, как!

— Сейчас вот война, — подумал он, — а здесь как будто и нет войны, покой. Мир, получается. А на самом деле есть война. Выходит, война и мир”.

Досифеев взял книгу. Увесистый томик был чуть больше его ладони. На задней стороне обложки значилась цена — 3 руб. 75 коп. Бэргэн снова посмотрел на фасад книги, где под заглавием значился год издания — 1939. “Мало успела в мирное время пожить”. — Пётр провёл ладонью по книге, словно глядя маленького ребенка, и бережно открыл. Текст предваряла картинка со скачущими всадниками. Пётр, рассмотрев её, принялся искать другие рисунки, но в книге их было всего три, только перед частями. Досифеев нашёл в конце тома оглавление, ознакомился с ним. Увидел вклеенную бумажечку с опечатками. И, полистав книгу, открывая её в разных местах, сунул за пазуху.

С этого дня с книгой Толстого якут не расставался.

— Пьер, когда Толстого прочитаешь, кого будешь следующего читать, Маркса? — подтрунивали над якутом.

— Я буду забивать свой священный мозг ерундой? — искренне удивлялся якут.

Его чтение приходилось и к месту, и не к месту. Иной раз Досифеева гнали, стоило ему лишь открыть том.

— Мы от своей войны устали, — говорил кое-кто из бойцов на привале, — а он нам ещё одну подсовывает.

— Так та тоже наша была, наших отцов и дедов, — заступался Пётр за книгу.

— Читай, читай, — поддерживало его большинство солдат.

И якут читал:

— “Один раненый старый солдат с подвязанной рукой, шедший за телегой, взялся за неё здоровой рукой и оглянулся на Пьера.

— Что ж, землячок, тут положат нас, что ль? Али до Москвы?”

А в одном из боёв рядовой Досифеев и сам получил ранение. Пуля угодила якуту в живот, его отправили в госпиталь. Пролежал долго, рана никак не хотела заживать. В госпитале Пётр узнал, что его полк расформировали, так как от полка мало что осталось. Уцелели немногие. Погиб старшина Ермаков, погибли рядовые Пятов и Уланов, погибли другие боевые товарищи. В те минуты, когда горечь захлестывала якута, он открывал книгу и сквозь набегавшие слёзы, затуманивавшие взор, читал “Войну и мир”: “Та странная мысль, что из числа тех тысяч людей живых, здоровых, молодых и старых, которые с весёлым удивлением смотрели на его шляпу, было, наверное, двадцать тысяч обреченных на раны и смерть (может быть, те самые, которых он видел), — поразила Пьера”.

Накануне выписки Бэргэну сообщили, что из Сибири на Северо-Западный фронт направлены несколько бригад, наполовину сформированных из охотников-якутов. Рядовой Досифеев написал командованию просьбу включить его в состав того корпуса, в котором будут выполнять боевые задания земляки. Возвращать якута после ранения было некуда, поэтому его просьбу удовлетворили и направили в 19-ю отдельную лыжную бригаду 12-го гвардейского стрелкового корпуса.

Бригада получилась интернациональной — полторы тысячи русских, шестьсот якутов, двести пятьдесят украинцев, сто татар, семьдесят белорусов и около двухсот человек других национальностей. Тем не менее, это была по существу воинская часть, сформированная в основном из посланцев Якутской республики.

19-я лыжная бригада прибыла на Северо-Западный фронт 15 февраля.

— Сегодня праздник, — весело сказал Пётр, обнимаясь с земляками и с наслаждением говоря по-якутски, — Сретенье Господне.

— Что значит Сретенье?

— Встреча. Вот и мы встретились.

— Ты Бога-то с нами не равняй.

— Не равняю. У него своя была встреча, у нас своя.

Рота, к которой был приписан рядовой Досифеев, находилась в подчинении капитана Подпорова Тимофея Ивановича, человека с дерзким лицом, железным взглядом и несгибаемой волей. Белокурый, статный Подпоров был внешне симпатичен, но глаза чуть навывкате придавали ему не то рыбий, не то жабий вид. И когда он злился, то смотрел не мигая, выкатывая и без того выпученные глаза. И в то же время в этих глазах сквозили такие решимость и отвага, что взгляд Подпорова заставлял выпрямиться и солдата, и старшего по званию. В редкие мгновения Тимофея Ивановича пронзала беспросветная тоска, а именно тогда, когда он писал домой письма. У него в тылу находилась жена с двойняшками, родившимися накануне войны, в мае. Подпоров был кадровым военным. Как и других, его мотало по всему Советскому Союзу. Ярославль, Тула, Харьков. За полгода до начала войны он попал в лагеря, и жена родила детей без него. За что его туда определили? А поменьше бы языком молот не при тех. Личная бдительность всё же должна присутствовать. А то давай говорить, что война скоро начнётся. Чутьё, видите ли, у него на этот счёт. Хорошо ещё не расстреляли за такие речи, за подрыв авторитета армии и всё такое. Его выпустили через год после начала войны и дали в командование штрафную роту. Капитан Подпоров доблестно выполнял свой долг пред Родиной и к началу 43-го командовал уже не штрафниками. А дома он так и не побывал и своих почти двухлетних детей ещё ни разу не видел, только на фотографиях. Сына назвали в честь Подпорова Тимошей, а дочь, как и жену, — Алечкой.

Подпоров был внутренне раздосадован, что в его роте почти одни якуты. Трудное дело. Нет, против якутов он ничего не имел. Трудность состояла в том, что многие не говорили по-русски. А капитан не говорил по-якутски. И времени нет научиться кумекать на этом языке. Якуты прибыли вчера, а через несколько дней идти на боевое задание. Будут ли они хорошими воинами, не зная языка?.. Утешает то, что хоть кто-то среди них всё же понимает русскую речь. Досифеев, например.

Капитан взглянул на Петра. Сидит, читает. Словно не на войне, а в библиотеке, — подумалось Подпорову.

— Рядовой Досифеев.

Тот вскочил, натянулся, словно тетива в луке.

— Что читаете? Позвольте взглянуть.

Петр протянул ротному книгу.

— Та-ак. “Война и мир”. Откуда русский хорошо знаете?

— Учил.

— Сам?

— Сам учил. В школе учил. Мама, отец знают русский. Хороший знание русского языка может привести к возвышению якутского народа, так нам говорят.

— О как! — подивился сознательности якута Подпоров, отдавая книгу.

В своей роте Бэргэна сразу зауважали. Давно на фронте. Даже ранение есть. Он был среди бойцов гидом по тропам войны. Рассказывал про боевых друзей, про то, как воевали. Его слушали, словно он пришёл в их мир из другого мира — из мира войны. К тому же Бэргэн в оставшиеся дни пытался хоть немного научить русскому своих собратьев. И постоянно читал. Вслух.

“Для чего было дано Бородинское сражение? Ни для французов, ни для русских оно не имело ни малейшего смысла. Результатом ближайшим было и должно было быть — для русских то, что мы приблизились к гибели Москвы (чего мы боялись больше всего в мире), а для французов то, что они приблизились к гибели всей армии (чего они тоже боялись больше всего в мире). Результат этот был тогда же совершенно очевиден, а между тем Наполеон дал, а Кутузов принял это сражение”.

Некоторым бойцам выдали снайперские винтовки. Объяснили, как стрелять. Дали всем по три патрона. Каково было удивление, когда все до одной мишени в самые сердцевинки поразили именно якуты.

— Так они же охотники, — бурчали те, кто промахнулся.

Якуты отличались от всех своей наблюдательностью.

— Какая им разница, кто зверь — фашист или волк, — шутили над ними.

Приближалось 23 февраля. Командование 27-й армии Северо-Западного фронта готовило к празднику наступление на Старую Руссу. Настроение в ротах было приподнятое. Ждали, когда же начнётся это наступление.

— “Что ж, мы на зимние квартиры, не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские штыки?” — весьма грамотный якут Сёмка Яровой готов был хоть сейчас пуститься в бой.

— Не торопи события, поживи ещё, — отвечали ему, а мысли всех только и были о наступлении.

— Ждать и догонять хуже некуда, — вздыхали солдаты.

За эти несколько дней Бэргэн успел со многими сойтись. Но больше всех подружился с рядовым Андреем Бусыгиным. Несмотря на то, что якуты приняли православие и носили христианские имена и фамилии, они сохраняли также и свои традиционные имена. Андрея Бусыгина по-якутски звали Эркином, что означает “честный”. Эркин был безграмотен. Недавно ему исполнилось восемнадцать, вдвое моложе тридцатилетнего Петра Досифеева. С виду крепкий, но в глазах сидели детская наивность и лобопытство, словно не на войну пришёл, а поиграться в войну. А вот молодцовая прыть, жажда охоты не сидели в нём, а настоятельно просились наружу.

— Родился бы чуть попозже, — сказал Бэргэн, — дома был. Мы бы и без тебя управились.

— Якут сам решает, когда ему родиться, — хмурил брови Эркин.

— Прыткий ты больно, горячий.

— Холодно, вот и прыгать приходится.

Эркин любил слушать, когда Бэргэн читал ему русскую книгу. Он почти ничего не понимал, но его завораживало само чтение.

— Почему я плохо знаю русский? — расстраивался он.

— Вгучишь ещё. Жизнь длинная, а ты только вчера на свет появился.

— Почитай ещё, — просил Эркин.

К ним подсаживался Сёмка Яровой, якут с русыми волосами.

“Приказание на завтрашнее сражение были отданы и получены им. Делать ему было больше нечего. Но мысли, самые простые, ясные и потому страшные мысли не оставляли его в покое. Он знал, что завтрашнее сражение должно было быть самое страшное из всех тех, в которых он участвовал, и возможность смерти в первый раз в его жизни, без всякого отношения к житейскому, без соображений о том, как она подействует на других, а только по отношению к нему самому, к его душе, с живостью, почти с достоверностью, просто и ужасно, представилась ему”.

— Про что написано? О чём читаешь? — перебил Бусыгин.

— О чём, о чём. О нас. Не слышишь, что ли? — ответил Сёмка.

Иногда Андрей просил книгу у Петра, но тот хмурился и не давал.

— Подержать только, — просил тот.

Конечно же, он её открывал и с умным видом пытался прочитать хотя бы строчку.

— Книгу не так держишь! Переверни, — усмехался Досифеев, — грамотей!

Февраль славился своими метелями. Без устали сутки напролёт стонала над окрестностью вьюга. А этой ночью она так нестерпимо выла, словно собака перед покойником, да не перед одним... Поэтому Подпоров долго не мог уснуть, а когда уснул, ему приснилось, будто он дома, а дочь и сын не зовут его папой, а дядей и с таким зазнайством к нему относятся. Тимофей Иванович проснулся. Доведётся ли увидеть детишек-то? Закурил и сел писать письмо жене.

“Здравствуй, родная жена. Шлю горячий красноармейский привет и нежно целую тебя и наших деток. Как вы там? Только что видел сон про них. Не желали знаться со мной. Горюю, что ни разу их не видел, но думаю о них часто. Ничего, выгоним фашистов с нашей земли, я вернусь с фронта

и будем жить все вместе весело и счастливо. Но пока вы так от меня далеко... а до смерти четыре шага”.

Он преувеличил. До смерти ему оставалось тридцать километров.

На следующий день, двадцать второго метель стихла. А в ночь на двадцать третье февраля 1943 года бойцы нескольких отдельных лыжных бригад, в том числе и 19-й, костяк которой составляли призывники из Якутии, вышли на задание. Перед ними была поставлена боевая задача: форсировать озеро Ильмень и овладеть его южным побережьем. Пользуясь внезапностью удара, лыжный десант должен был взять под контроль дорогу Старая Русса—Шимск, перерезать коммуникации, ведущие на Шимск, и тем самым обеспечить успех главной группировке 27-й армии, которая готовила наступление на Старую Руссу с севера и юго-запада. Идти предстояло тридцать километров по льду Ильменского озера от острова Маяк Железный до берега. В полночь бригады прибыли к Железному Маяку. Он являлся пунктом сосредоточения.

— Средняя полоса России и маяк. Странно как-то, — Сёмка Яровой недоверчиво разглядывал высокую конструкцию.

— Не смотри, что лёд кругом. Маяк-то на острове стоит, — ответил Подпоров.

— Понятно, — протянул якут, — чтоб корабли об остров не бились.

— С Богом, — тихо произнёс Досифеев, выкатываясь на ильменский лёд.

Лыжники шли в белых маскировочных халатах, которые надёжно укрывали их в крошечной тьме. Советские бойцы несли на себе автоматы, артиллерийские орудия и снаряды.

— Мы привыкли к снегу. Выросли на лыжах, — храбрились якуты, двигаясь по замершему озеру.

— Большой этот Ильмень, — подивился кто-то.

— Длина сорок пять километров, ширина тридцать пять, глубина десять, — отчеканил молоденький боец по фамилии Бояров.

— Почём знаешь?

— Я с этих мест.

— Хорошая будет могила, просторная, — сказал кто-то в темноте.

— Отставить упаднические настроения! — грозно скомандовал капитан Подпоров.

— Лед-то тонкий, однако, — заметил рядовой Бусыгин, но его слова ротному не перевели.

С той минуты бойцы молча разрезали темноту. Так получилось, что 19-я отделилась от остальных частей корпуса. Бездорожье, глухая ночь, ориентир только по компасу....

К пяти утра был замечен высокий берег.

— Это Ильменский глинт, — сказал Бояров.

— Какая же это глина? — удивился Пётр Досифеев.

— Обрыв значит.

— Гэта па-якому? — спросил Смолич, белорус с пышными усами.

— Чего-о? — не понял Бояров.

— По-каковски это, тебя спрашивают, — вступил в разговор ефрейтор Бабич.

— По-датски.

Однако Бабичу послышалось “по-бабски”, и он страшно удивился.

Идти до глинта предстояло километра три. На высоком берегу стояли несколько деревень, занятых немцами. Из них ближе всех — деревня Ретлё. Первыми дойдя до берега, второй батальон и часть третьего бросились на деревню. После короткого боя немцы, ошеломленные внезапностью, отступили.

В том коротком бою погиб Сёмка Яровой, гранатой взорвав дзот фашистов. Своей гибелью якут расчистил дорогу наступавшей роте.

Первый батальон и большая часть третьего пытались атаковать деревню Устрека и Заднее поле. Эти населённые пункты, занятые противником, представляли собой отдельные опорные укрепления с целым рядом дзотов и хорошими наблюдательными пунктами.

Бойцы не успели захватить деревни до рассвета. Враг оказал жесточайшее сопротивление. Фактор внезапности нападения был упущен... Противник прижал наших массированным артиллерийским огнём ко льду. Немцы удобно расположились на высоком берегу Ильменя, и бойцы на открытом ледяном пространстве были у них, как на ладони. Одновременно шла бомбёжка с воздуха.

Бойцы же 2-го батальона и части 3-го, развивая наступление из деревни Ретлё, отбили у немцев деревни Горка и Конёчек. Воины дрались с беспримерной отвагой, вступая в рукопашные схватки с противником. Никто и ничто не могло остановить их.

Подвиг якута Ярового повторил белорус Смолич, бросившись с гранатой на дзот.

Завладев Горкой и Конёчком, бойцы кинулись нашим на подмогу, предприняв атаку с фланга на немецкие позиции в деревне Устрека. Однако эта попытка была сорвана немецкой контратакой.

Во второй половине дня немцы, подтянув резервы и теперь значительно превосходя советских бойцов в численности, предприняли новую атаку. При поддержке авиации в бой вступили артиллерия и минометы. Немцам удалось занять освобождённые деревни и оттеснить советских бойцов к озеру. Остатки 2-го и 3-го батальонов, истратившие боеприпасы, оказались прижаты к берегу.

Немецкие самолеты бомбили наших. Одновременно в небе кружили по двадцать пять — тридцать бомбардировщиков. Фашисты сбросили свыше десяти тысяч авиабомб. Белая территория превращалась в кровавую равнину.

Людам негде было укрыться на голом льду. Погибали и от пуль, и от осколков, и под ломающимся льдом тонули в водах Ильменя. Был убит ротный Подпоров, мечта которого увидеть своих детей так и осталась мечтой. Погиб на своей малой родине молодой, неженатый Бояров. Бабича проглотила воды озера, и могилой ему стало ильменское дно. Потери оказались огромные, но советские воины держались стойко.

Боец 2-го батальона рядовой Пётр Досифеев умирал на “огненном” льду. К нему, уклоняясь от пуль, подобрался Андрей Бусыгин. Белый маскировочный халат Петра на животе был окрашен в кровавый цвет.

— Всё в живот мне пули норовят, — с трудом сказал якут, — русские говорят, не жалеть живота своего. Правильно говорят.

Он говорил отрывисто.

— Я умираю.

— Бэргэн, живи, живи, Бэргэн! — Бусыгин, видя столько смертей за сегодняшний день, не допускал мысли, что Досифеев может умереть.

— Послушай меня. Не перебивай. Навести моих, — умирающий якут назвал место, — скажи, где погиб.

Силы покидали его. Он еле выговаривал слова.

— Подними.

Бусыгин выполнил просьбу. Бэргэн застонал от боли.

— На спине у меня под халатом книга. Достань.

Кругом свистели пули, рвались снаряды. Бусыгин не расслышал.

— Книга. Достань. На спине.

Бусыгин медлил.

— Ну!

Андрей вспорол Петру ножом маскхалат на спине и вынул книгу.

— “Война и мир”. Тебе, Эркин. Читай. А теперь уходи.

Бусыгин снова медлил.

— Иди!

Эркин начал отползать.

— Эркин! — вдруг громко позвал Бусыгина умирающий якут.

Бусыгин приподнялся.

— Непотухающего огня тебе, — это были последние слова рядового Петра Досифеева.

Нет, Пётр Досифеев перед смертью не пожелал рядовому Андрею Бусыгину долгой войны. Бэргэн завещал Эркину другое. Ведь пожелать таёжному человеку непотухающего огня значит пожелать долго жить.

Бой шёл целый день, к вечеру лёд оказался усыпан павшими. В ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое февраля остатки войск отошли к Железному Маяку. А двадцать пятого перед уцелевшими была поставлена новая задача — овладеть деревней Взад Старорусского района. Эта деревня казалась крепким орешком, до зубов вооружённые гитлеровцы укрепили её — водная преграда, широкие минные поля, проволочные заграждения с током делали место неприступным. Однако бойцы 19-й отдельной лыжной бригады овладели сначала соседними деревнями, а затем, окружив с юго-запада Взад, заняли и его. Но какой ценой! Бригада понесла невосполнимые потери. Старая Русса ещё год оставалась в лапах фашистов и была освобождена только в феврале 1944-го. В том памятном бою при взятии деревни Взад особо отличился рядовой Андрей Бусыгин, уложив дюжину фашистов.

— Разбудили в парне зверя, — говорили о нём солдаты.

Эркин мстил за Бэргэна, за якутов, за всех тех, кому никогда уже не суждено прийти в свой дом и обнять родных.

Через две недели остатки бригады расформировали. Андрей Бусыгин вместе с горсткой оставшихся бойцов влился в 150-ю стрелковую дивизию. Дивизия дошла до Берлина. Ей выпала честь штурмовать рейхстаг.

Бусыгин был хорошим солдатом. Выносливым и храбрым. К концу войны он выучил русский язык. Не так чтобы уж совсем хорошо знал, но всё же объясняться мог, а кроме того понемногу овладевал грамотой. С ним всё время была книга. Та самая, которую перед смертью ему отдал друг. Поначалу, когда Эркин лишь мечтал о том, когда он прочтёт первую страницу, то просил боевых товарищей почитать книгу. На удивление, никто не отказывал. Солдаты садились кружком и слушали, о чём поведывал им Лев Николаевич Толстой из прошлого века.

“Сражение выиграет тот, кто твёрдо решил его выиграть... Для меня на завтра вот что: стотысячное русское и стотысячное французское войско сошлись драться, и факт в том, что эти двести тысяч дерутся, и кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит. И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни пугали там вверху, мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение!”

Несмотря на войну, книга выглядела образцово. Только на обложке в слове “война” осыпалась позолота, и теперь это тяжелое слово не переливалось в лучах солнца. Его буквы мрачного болотного цвета выглядели блеклыми и состарившимися.

Эркин помнил ту минуту, когда он смог прочитать первый абзац книги “Война и мир”: “С конца 1811-го года началось усиленное вооружение и сосредоточение сил Западной Европы, и в 1812 году силы эти — миллионы людей (считая тех, которые перевозили и кормили армию) двинулись с Запада на Восток, к границам России...”

Домой Эркин пришёл в орденах и медалях. Все награды достались потом и кровью, но дорожке всех старшине Бусыгину была самая первая — “За отвагу”, полученная в Ледовом побоище на Ильменских просторах.

Первым делом он навестил родственников Петра Досифеева. Они знали о том, что Бэргэн погиб — на имя матери пришла похоронка: “Здравствуйте, неизвестная Мария Никитична. Сообщаем вам, что ваш сын Пётр Васильевич погиб на озере Ильмень в сражении с немецкими оккупантами 23 февраля 1943 года. Он упорно сражался за освобождение оккупированного района с фашистскими гадинами, немецкими изуверами, которые напали на нашу страну”. Далее сообщалось, где похоронен рядовой Досифеев. Эркин рассказал матери и жене Бэргэна, о том, как доблестно сражался сын якутского народа, о его последних минутах. Обе женщины, внимательно слушая, сначала сидели с каменными лицами, а потом в голос разрыдались. У Бэргэна осталось четверо детей — два сына и две дочери. А старший сын и сам уже три дня назад стал отцом. Своего сына назвал Петром. Петром Досифеевым. Традиционное якутское имя мальчику дали тоже в честь деда — Бэргэн.

Эркин же после войны настолько хорошо овладел русской речью, что даже стал учителем этого языка, преподавая его детям в школе. Наверное, первым шагом к этой профессии стала печать на начальной странице книги,

которая была с ним повсюду. На штампе значилось: “Библиотека Новгородского Государственного учительского института”.

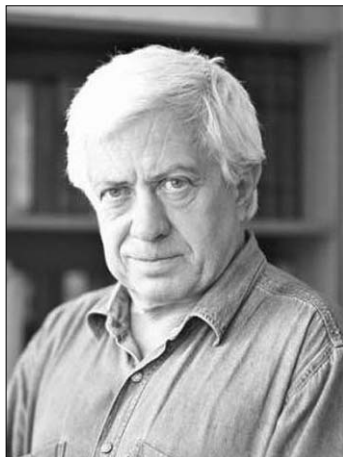
Прошло много лет. В честь якутских стрелков на новгородской земле были поставлены памятники. На открытии одного из них были сказаны такие слова:

— Нам просто необходимо помнить об этом подвиге, о совершивших его людях, чтобы любить нашу страну, учить любить её наших детей и внуков из поколения в поколение, чтобы сохранить дружбу между народами страны, которые отстаивали нашу общую свободу и счастье.

Каждый год проводится “Лыжный десант” в честь битвы на озере Ильмень. Традиционно в День защитника Родины лыжники бегут по тем местам, по которым пришлось пройти бойцам отдельных лыжных бригад 12-го гвардейского стрелкового полка 27-й армии Северо-Западного фронта. В прошлом году приезжал поклониться праху своего деда и всем сложившим головы в той страшной ледяной битве Пётр Досифеев. Приехал он не один. С ним была вечная спутница сначала его деда, а потом и его боевого товарища Андрея Бусыгина — великая книга великого писателя великого народа. “Война и мир” возвращалась туда, откуда в августе 41-го ушла на фронт и, пройдя всю войну, победила. В книгу было вложено письмо, написанное крупным школьным почерком.

“Дорогие будущие учителя, пишет вам ваш коллега — преподаватель русского языка и литературы Бусыгин Андрей Викторович, якут по национальности. Когда вы будете держать эту книгу в руках, возможно, меня уже не будет на белом свете, ибо болен и явно слышу зов предков. Перед уходом в мир иной возвращаю вам книгу Льва Николаевича Толстого “Война и мир”, самую лучшую книгу в мире. Долгие годы она шагала со мной бок о бок. Прочитав много раз том от корки до корки, я в течение жизни открывал его наугад и читал, читал, читал. Когда я читал 33-ю страницу, ещё будучи на войне, внезапно началась бомбёжка, когда 219-ю — объявили о полёте Гагарина в космос, однажды читал на 12-й странице — объявили об открытии Храма Христа Спасителя. Эту книгу читали на ступенях рейхстага и в якутской урасе, на привале между боями и в школьном классе. Вот и сейчас, в последний раз, открою “Войну и мир” и прочту знакомые строки. Эту книгу вам доставит внук доблестно сражавшегося и погибшего на Ильменском озере якута Петра Досифеева — Пётр Досифеев. В 1941 году рядовой Досифеев нашёл её на новгородской земле, и до самой его гибели в феврале 1943 она была с ним. Отдавая перед смертью мне книгу, он под огнём пуль пожелал незатухающего огня, значит, пожелал долгой жизни. А теперь настала моя очередь пожелать незатухающего огня вам и могучему творению Льва Николаевича Толстого”.

ВЛАДИМИР ХОМЯКОВ

ДВА ПОСЛЕДНИХ ТЮЛЬПАНА ПОБЕДЫ

* * *

Поцелуи твои холодили,
их надолго осталась печать.
Помню, в сад мы с тобою ходили
снегопад новогодний встречать.

Снег спускался, лучист и доверчив,
на ладони и плечи твои.
И не думали мы в этот вечер,
что последний он в нашей любви.

Словно ангел иконный Рублёва,
снег сокрыл нас прощальным крылом.
И теперь нам осталось влюблённо
говорить и молчать о былом.

Но когда закручинишься взглядом
и окажешься в давнем саду,
обернусь,
 обернусь снегопадом
и неслышно на землю сойду.

ХОМЯКОВ Владимир родился в 1955 году в селе Косиха Алтайского края. Служил в армии, окончил Рязанский филиал МГИК. Автор множества стихотворных и краеведческих сборников. Лауреат премии губернатора Рязанской области. Член Союза писателей России, в журнале печатается с 1996 года. Живёт в городе Сасово Рязанской области.

ДВА ЦВЕТКА

Помрачнело вино...
И понять ли, друзья,
не пора нам
 то, что доблесть
 давно
по регалиям чтут —
не по ранам.

Боль боёв далека.
И неспешно забыты обеты.
Но — горят два цветка,
два последних тюльпана Победы.

В небо смотрят они.
В чистых взорах не высохли зори.
Как в нездешние дни,
слёзы полнятся светом лазори.

В тех слезах
 на века —
все мои непрощённые беды.
И горят два цветка,
два прощальных тюльпана Победы.

Слышу мамину грусть,
слышу скорби отцовской дыханье.
Помню я наизусть
поднебесной травы колыханье.

И, как взлёт ветерка,
все слова,
 что покуда не спеты...
Два последних цветка,
два незримых тюльпана Победы.

ЛИСТАЯ “ИЛИАДУ”

...Седых коней встревоженное ржанье.
Предсмертный свист стрелы —
 посторонись!

Вся ночь —
 до звёзд —
 пронизана мерцаньем
торжественных гомеровских страниц.

И здесь — война.
И что тому виною,
читаем вновь и знаем, кто убит.
Настигнуты гексаметра волною,
кружимся в вихре нынешних орбит.

И здесь — война.
И сонмы убиенных.
И горе сведено до пустяка,
И постигаем
 в отблесках геенны
несовершенство мира
 и стиха.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

НАТАЛЬЯ АХПАШЕВА

ПТИЦА-СЛАВА

Спохватился, а жизнь на исходе —
у последнего края стою.
А давно ли носило в народе
развесёлую славу мою?!
И подумаешь, годы считая,
мол, теперь-то не всё ли равно?
Слава — птица залётная, злая,
не летит на простое пшено.
Я её полюбил, как родную,
за размах позолоченных крыл,
приманил на казну дорогую,
из серебряной плошки поил.
Сколько было с тех пор позабыто
по дорогам в иные миры!
Сколько выпито! Сколько пропито!
Камнем кануло в тартарары!
Спохватился у самого края
и стою, как последний дурак...
Что ж теперь ты, моя удаляя,
раскудахталась яростно так?!

* * *

Старый поэт областного значения —
грустный масштаб для маститого гения.
Всё же не спился и жив.
Не отрицая возможность спасения,
курит умеренней, а в воскресение
пиво берёт на разлив.

Не обучился надёжной профессии,
не наварился на хитрой концессии,
в партию власти не зван,
и оттого без особой депрессии
месяц от пенсии тянет до пенсии,
муз и чернил ветеран.

В библиотеке села отдалённого
глядит со стенда, ему посвящённого,
на юбиляра в упор
фото юнца, никому не знакомого,
злого, уверенного, одарённого:
— Выполнен ли договор?

Что же, судьба до итога не пройдена,
тихая струнность души не расстроена,
и свой бесхитрый стих
слово за словом, стараясь, выводит он —
всё же читает вся малая родина,
не принимая других...

*г. Абакан
Республика Хакасия*

СВЕТЛАНА СУПРУНОВА

* * *

Часы, минуты — как их мало,
И думы, думы о былом...
Всё снимки прошлые искала
В комодке стареньком своём.

Нехитрый скарб перебирала,
Как утешалась от обид.
Невестка толстая ворчала,
Что много света нагорит.

Она задумалась немного,
Рукой махнула на дела
И, в новом платье, у порога
Оставив тапочки, ушла.

И странной виделась разлука:
Стоит комод, но из угла
Уже ни шороха, ни звука.
И снова день... Она ушла.

Как будто соль купить забыла
Или ещё чего купить
И дверь тихонечко закрыла,
Чтоб никого не разбудить.

г. Калининград

ОЛЬГА КОЗЛОВЦЕВА

ИНКУБАТОРСКИХ ВЕДУТ!

Я помню, как шагали с песнями,
И были все мы на виду.
Кричали вслед ребята местные:
— Вон инкубаторских ведут!

На нас показывали пальцами,
А мы в ответ им — языки.
Готовы были и подражаться мы,
Но лишь сжимали кулаки.

И так под взглядами-иголками
Шагали мы плечом к плечу
По улице Максима Горького
До памятника Ильичу.

Там, как по щучьему велению,
Мы дружно становились в ряд.
А пацаны кричали Ленину:
— Вон интернатские стоят!

ЧЕРЁМУХА

На улице серо и сыро,
Тропинки листвой занесло.
Черёмуха странницей сирой
Скребётся ветвями в стекло.
На рваной промокшей одежде
Заплаты углами пестрят.
Родимая, где же твой вешний,
В цветах белоснежных наряд?
Стучишь, как незваная гостья,
Устав на исходе пути,
И резко срывают лохмотья
С тебя проливные дожди.
Ни удали прежней, ни силы...
Неужто и юность моя
Похожею странницей сирой
Стоит за окном у меня?

*г. Рязск
Рязанской области*

КИРА МАРЧЕНКОВА

* * *

Всё это не о тебе, но для
Тебя, мой далёкий друг.
Здесь небо всюду — куда ни глянь, —
Лишь небо одно вокруг.

Здесь ветер носится, теребя
Не простыни — паруса.
Весь этот город — он для тебя...
А вот для кого ты сам?

Позволь же выпить живой воды —
Небесной и дождевой
За то, чтоб не заросли следы,
За то, чтоб ты был живой...

И этот город, и ты, о ком
Я снова пишу и для
Кого тот замёрзший в горле ком
Земли и сама земля.

* * *

Всё встанет на свои места,
И чем не шутит чёрт!..
Вода у Чёрного моста
Течёт, течёт, течёт...

Склонилась ива над мостом
До самых до перил.
Я долго помнила о том,
Что ты мне говорил.

От ветра гнётся и дрожит
На берегу осот.
Вода бежит, бежит, бежит,
Печаль мою несёт.

Скрипит на каждый новый шаг
Прогнившая доска.
Неужто всё и будет так?
Тоска, тоска, тоска...

Я Чёрный мост, как будто храм,
Ночами стерегу.
А как тебе живётся там,
На дальнем берегу?..

*г. Сельцо
Брянской области*

КРАЕВА МАРИЯ

* * *

Мы по жизни ходим, как по морю,
Выше только небо и мечта.
Позади — утихнувшее горе,
Впереди — встающая волна.

Мы, порой, свою приметив гавань,
И её не можем сохранить.
Вёсла — для того, кто хочет плавать,
Компас — для того, кто хочет плыть.

* * *

А людям чёрное и белое к лицу
Идёт, пожалуй, всем без исключенья,
И тонкости такого совпадения
Покажутся пустыми мудрецу.

Но чёрное охотней выбирают,
Едва ли из желания форсить,
Скорее оттого, что понимают,
Как светлое не просто сохранить.

*п. Вохма
Костромской области*

ЕЛЕНА ФРОЛОВА

* * *

За поворотом — тихие сады,
уютный домик, чайник со свистком,
сверчок, прохлада, бархат лебеды
и крошки хлеба мышке под столом.

За поворотом — тоненький ручей
от слив, промытых в синеньком ведре,
и пыльный пёс, и общий, и ничей,
оставленный не нами в сентябре.

За поворотом влажная гроза,
пришедшая к нахмуренному дню,
и девочка с косичками назад
и пыльными ладошками к дождю.

За поворотом долгий, долгий день.
И я смотрю в него который год,
в грозу, в дождём прибитую сирень,
в судьбу, к которой девочка идёт.

* * *

Поговори со мной про белый свет.
Про тихий день. Про розовость улыбки.
Про то, что, может, через тыщу лет
Мы перестанем совершать ошибки.

Поговори про радость бытия
С помытыми окошками в апреле,
Где всё не повзрослевшие друзья
Раскачивают старые качели.

Поговори со мною о тоске,
Которую приносит белый аист,
Где крошечная жизнь на волоске,
Но больше ничего не означает...

Поговори о маме и отце,
Которые становятся, как дети.
Я знаю, что случается в конце
На этой грустной маленькой планете.

Поговори... Но если одинок
Ты, как и прежде, в эру Водолея,

Иди ко мне, усталый тихий Бог.
Я слушаю тебя.
Люблю.
Жалею.

г. Москва

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРЕНКО

ЗДЕСЬ Я СВОЙ ЧЕЛОВЕК

Наши корни здесь,
Глубоко они в русской земле.
Как сорваться мне с этого места
В далёкие дали?

Без корней сердце высохнет,
Будет болеть и болеть,
И умрёт на чужбине
От долгой тоски и печали.

Понимаю лишь русский снег
Над тайгою певучей.
И по-русски здесь русла рек
Говорят со мною.
Здесь я свой Человек,
Здесь мой русский язык могучий!
Я наполнилась им
И срослась со своею странюю.

И какой бы она ни была,
И какой бы ни стала,
В ней дыханье моё,
Восхождение, покой и сила.
Если вдруг я уйду,
Чтобы жизнь начинать сначала,
Это будет моя голубиная Русь —
Россия!

ОДУВАНЧИК

Весел был, покуда солнцелик,
Улыбался небу и траве,
Оглянуться не успел — старик
С пышной сединой на голове.

Голова его — воздушный шар
Разлетится вдруг, как тёплый снег...
И он счастлив даже тем, что стар,
Не обижен на короткий век.

О полёте долго он мечтал,
Отраженьем солнца ввысь глядел
И на облако похожим стал,
Знать, так сильно этого хотел.

Одуванчик новый, золотой
Был на стебле, как на пуповине.
Шмель переполнялся теплотой,
Утопая в сладкой сердцевине.

Превращений тайна не видна,
Остаётся нам лишь удивиться:
Одуванчик — Солнце и Луна,
Одуванчик — облако и птица.

Башмаками по земле пыля,
Шар цветка так нежно держит мальчик.
Одуванчик круглый, как земля.
А земля хрупка, как одуванчик.

*г. Владивосток
Приморского края*

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

“К ПРЕДАТЕЛЬСТВУ ТАИНСТВЕННАЯ СТРАСТЬ...”

Глава восьмая

“РАДУЮСЬ, ЧТО НЕ ВОЗРОС НА АРБАТЕ”...

Май 1968 года. В Париже начались студенческие беспорядки, подхваченные молодёжью чуть ли не всей Европы, и, что поразило своими масштабами весь западный мир, на улицы Франции тогда вышли 10 миллионов человек — четверть населения страны. “Молодёжная революция”, как лесной пожар, перекинулась в Северную Америку, где её очаги тлели со времён Селинджера и проклинавших войну во Вьетнаме битников, вспыхнула в Чехословакии, в Польше и даже в Японии, ознаменовав конец эпохи благополучного капитализма с его наспех замаскированной хищностью, с политическим лицемерием и ханжеской стабильностью. При внимательном изучении глубинных причин этой революции всемирного шестидесятиничества обнаруживалось нечто поразительное: самые радикальные и разрушительные её цели исходили из самых древних, почти мифологических времён человеческой истории — из ветхозаветной эпохи “восстания ангелов” и содомитской свободы от всяческих табу, воцарившейся в Содоме и Гоморре. “Освобождение человека должно быть тотальным!” — вопили толпы парижских студентов и студенток. “Запрещается запрещать!”, “Пролетарии всех стран — развлекайтесь!”, “Никогда не работай!”, “Нам нужен мужчина каждый день!”, “Алкоголь убивает, принимай ЛСД!”, “Че Гевара — герой, буржуазия — дерьмо!”, “Последнего капиталиста задушим кишкой последнего бюрократа!” “Sex, drugs, rock-n-roll!” (“Секс, наркотики, рок-н-ролл”). Идеологами новой мировой революции стали известные политики и философы старшего поколения — Жан-Поль Сартр, Адорно, Ортега-и-Гассет, Герберт Маркузе, Маклюэн и многие фигуры более мелкого масштаба, вроде Вацлава Гавела. “Молодёжная революция”, как это ни парадоксально, была одновременно и антибуржуазной, и антикоммунистической, и антихристианской... Любой порядок был ненавистен ей. Так или иначе, но все перемены, возникшие в мировой жизни в эту инфантильную эпоху, подготовили человечество к созданию общества потребления, вслед за которым должно было возникнуть общество одичания. Однако в 60-е годы основы русско-советской жизни эти западные соблазны полностью расшатать не смогли. Мы ещё жили памятью о войне и Великой Победе, мы ещё помнили мудрость наших пословиц и поговорок: “Делу время, потехе час”, “Терпенье и труд всё перетрут”, — в сознании нашей молодёжи ещё

Продолжение. Начало в №11-12 за 2019 год и №1-4 за 2020 год.

была жива Божественная истина: “В поте лица своего будешь добывать хлеб свой” (Быт. 3,19). Я уж не говорю об антибуржуазном лозунге “Кто не работает, тот не ест”! А наиболее прозорливые русские умы сознавали, что хиппи и тунеядцы, думающие, что они восстают против несправедливого миропорядка, на самом деле бросили вызов Божественному мироустройству, а их восстание было похоже на восстание жителей Содома и Гоморры, жаждущих прожить всю жизнь в мире тотального секса и вечного велфера. Если называть “шестидесятниками” всех творческих людей, созидавших литературную, театральную, киношную и общественную жизнь той эпохи, то становится очевидным явный раскол среди них. Нас, русских почвенников, государственников, патриотов, выбившихся “в люди” из простонародья, отделяла от “детей Арбата” и “Дома на набережной”, представлявших партийно-чиновничью, “энкавэдэшную”-военную и административно-культурную элиту общества, целая пропасть. Несмотря на то, что мы в основном были людьми одного поколения, росли и мужали в одну и ту же эпоху, наши мировоззренческие устои были совершенно разными и даже враждебными друг другу. “Мы” и “они” по-разному понимали и толковали историю России. “Мы” и “они” находили в этой истории разных кумиров. “Мы” и “они” по-разному оценивали события русской революции 1917 года, судьбу крестьянства в годы коллективизации, смысл, масштабы и цели репрессий 30-х годов, наши поражения и победы в Великой Отечественной войне. В конце концов, “мы” и “они” с противоположных позиций оценивали феномен авторитарной власти в СССР. И, конечно же, “мы” и “они” окончательно разошлись по разные стороны баррикад сначала в эпоху XX съезда и “оттепели”, а потом в роковые 1990-е. На протяжении всей жизни нас разделяло отношение к Православию и к многострадальной судьбе в XX веке Русской Церкви. Трещины этого раскола мы нащупывали в нашем Серебряном веке, который страстно обожали “шестидесятники” арбатского разлива и о котором Иоанн Кронштадтский с горечью писал в книге “Путь к Богу”: *“Наши светские литераторы при жизни своей сами себя делают богами и по смерти желают своим собратьям по перу дорогих памятников на видных местах... Вот характер наших борзописцев: живя в постоянной прелести самообмана, они прельщаются или стараются прельстить всех и сделать участниками своего самообмана <...> Сеяли суету, суету и пожнут...”*

Вспоминаю, как в начале третьего тысячелетия я, издав книгу “Шляхта и мы”, оказался под градом площадной брани со стороны шляхетских националистов, и как охотно к ним присоединилась наша “пятая колонна”! В майском номере варшавского журнала “Новая Польша” за 2005 год было опубликовано коллективное письмо российского Пен-центра, подписанное Вознесенским, Ахмадулиной, Аркановым, Ерофеевым и прочими лидерами либеральной тусовки, в котором перечислялись все преступления России: “катынское злодеяние”, “Варшавское восстание”, “стираемая с лица земли Варшава” – с истерическим воплем: *“Как же странно признавать, что начало этому кошмару практически положил чудовищный пакт Риббентропа–Молотова!”*.

Надо было бы знать пен-клубовским подписантам этого письма, что они защищают открыто фашистовавшую в предвоенное время страну, которая задолго до августа 1939 года вела переговоры с тем же Риббентропом. А до него в Варшаве то и дело гостили министры Третьего рейха Геринг и Франк, множество немецких генералов и дипломатов. Польский министр иностранных дел Ю. Бек ездил на свидание к Гитлеру... Да и сам фюрер после оккупации Польши приказал поставить в Кракове почётный военный караул у гробницы Пилсудского в Вавельском замке, как бы отдавая дань благодарности его профашистской политике и, видимо, вспомнив, что в 1933 году Польша стала первым (после Ватикана) государством, заключившим с Германией договор о ненападении, чем поспособствовала международному признанию фашистского режима.

Нынешние поляки до хрипоты рвут глотки, осуждая сталинское государство за соглашение с Гитлером в августе 1939 года. Но вспомним, что до этого каждый кусок Европы, проглоченный фашизмом, Польша приветствовала с восторгом: оккупацию Рейнской области, аншлюс Австрии, вторжение Италии в Абиссинию, итало-германскую поддержку фалангистов Франко в Испании... Гитлеровскую Германию исключают из Лиги Наций – Польша тут же услужливо предлагает фашистам представлять их интересы в этой предшественнице ООН. А когда произошла мюнхенская драма и Гитлер с согласия Англии и

Франции отхватил у Чехословакии Судеты, Польша решила, что за заслуги перед Германией ей тоже положена часть добычи – и отрезала у чехов Тешинскую область.

Из двадцати четырёх российских подписантов письма, опубликованного в “Новой Польше”, более половины – это советские евреи, глаза которых затуманились от ненависти к советскому государству. Ну хоть бы вспомнили, по какой довоенной Польше 1939 года, разорванной “чудовищным пактом Риббентропа–Молотова”, они проливают слёзы. Я тогда посоветовал бы им прочитать отрывок из воспоминаний гражданина Польши, поляка по матери Андрея Нечаева, ныне живущего в Щецине:

“В конце 30-х годов Польша начала склоняться к фашизму – “Фаланга”, ОНР (национально-радикальный лагерь), увлечение Гитлером... У меня в университете был друг-поляк, который бегал на кинохронику в кинотеатр и с удовольствием смотрел гитлеровские парады. Молодёжь из ОНР в дни антиеврейских акций кричала: “Еврей – бешеная собака, которую надо убить!”

Ещё на первом курсе я стал свидетелем ужасающих сцен. В ноябре я пережил в университете антиеврейские дни. Представьте себе такую сценку: из двухсот студентов на медицинском факультете пятеро были евреями. Аудитория заполнена не только студентами, но и уличной шпаной. Почти все орут: “Убей еврея!” Профессор заявляет, что в таких условиях он не может читать лекцию, и уходит. Евреи спасаются бегством, перепрыгивают через балюстрады. Кое-кто из них был сильно избит.

Меня это повергло в шок...

Вскоре в университете ввели гетто – выделенные места для евреев в аудиториях, а затем *numerus nullus* (запрет евреям поступать в высшие учебные заведения). Евреев вообще не принимали на медицинские факультеты” (Новая Польша, № 11, 2004).

Ни в какие времена, даже самые трудные для советских евреев – ни в тридцатые, ни в сороковые годы, ни в эпоху “борьбы с космополитами” – такое в России и СССР представить было невозможно.

Это было подражанием гитлеровским “хрустальным ночам”, но лишь с одной особенностью: в Польше тех времён преследовало и загоняло евреев в угол не столько государство, сколько само общество, население, “соседи”, если вспомнить трагедию местечка Едвабне, в котором осенью 1939 года местные поляки сожгли живьём в громадном бревенчатом сарае около полутора тысяч своих соседей – местных евреев. Государственную практику легко прекратить, общественные нравы искоренить или исправить чрезвычайно трудно, почти невозможно, чего наши “шестидесятники” от Высоцкого до Евтушенко не понимали.

* * *

Поучительно и даже интересно сравнить образы женщин-матерей у поэтов и прозаиков, выросших на Арбате или в Доме на набережной, с материнскими образами из книг многих моих друзей – выходцев из простонародья.

* * *

У Анатолия Передреева старенькая мать, крестьянка, родившая семерых детей, трое из которых не вернулись с войны, а четвёртый вернулся без ног, молится на ночь, вспоминая их всех:

*Уляжется ночь у порога,
Уставится в окна луна.
И вот перед образом Бога
Она остаётся одна.*

*Туманный квадратик иконы,
Бумажного венчика тлен.
И долго роняет поклоны
Она, не вставая с колен.*

*И пламя лампадки колышет,
Колеблет листочек огня.
Ночной её вздох — не услышит
Никто его, кроме меня!*

*Лишь сердце моё шевельнётся,
Сожмётся во мраке больней...
Никто никогда не вернётся
С кровавых и мёртвых полей!*

*Не будет великого чуда,
Никто не услышит молитв...
Но сплю я спокойно, покуда
Она надо мною стоит.*

1961

Ни у кого из “солистов” Политехнического или Лужников нет ни стихов, ни воспоминаний такой веры, такого чувства. Есть трогательное стихотворенье у Булата Окуджавы, но это стихи не о молящейся матери, а о революционерке, похожей на девушку из рассказа Алексея Толстого “Гадюка”, или на женский образ из некогда знаменитой светловской “Каховки” — “...и девушка наша в солдатской шинели // горящей Каховкой идёт”... У Окуджавы причастность героини к главному делу её жизни — революционной борьбе — обозначена талантливо и точно: “...но привычно пальцы тонкие // прикоснулись к кобуре”. Юная мать нашего героя — это “комиссарша в пыльном шлеме”, по убеждениям — родная сестра Розалии Землячки, Ларисы Рейснер и прочих фурий революции. Так уж стихийно получилось, что мои друзья по литературе и искусству, которых я уважал и ценил, почти все, за исключением Вадима Кожинова, были крестьянского происхождения. Николай Тряпкин — из подмосковной деревни Лотошино, Валентин Сорокин — из челябинского села Ивашла, Виктор Боков — из подмосковной деревни Язвицы, Юрий Кузнецов — из станицы Уманьской Краснодарского края, Анатолий Передреев — из поволжского села Старый Сокур, Николай Рубцов — из вологодской Николы, Фёдор Сухов — из нижегородского Красного Осёлка, Иван Переверзин — из якутского посёлка Жатай, Василий Белов — из вологодской Тимонихи, Валентин Распутин — из приангарской Аталанки, Василий Шукшин — из алтайского села Сростки, Виктор Астафьев — из красноярского села Овсянка, Вячеслав Клыков — из курской деревни Мармыжи, Владимир Солоухин — из владимирского села Алепино, Фёдор Абрамов — из пинежской Верколы. Все значительные вологодские поэты — Сергей Викулов, Александр Романов, Виктор Коротаев, Ольга Фокина, Сергей Орлов — вышли из своей деревни или села сначала в Вологду, а потом в Россию. А каково было происхождение “детей XX съезда? Оба деда у Евгения Евтушенко по отцу и по матери были из революционной интеллигенции. О деду Рудольфе Гангнусе Евтушенко писал: **“Рудольф Вильгельмович прекрасно говорил по-русски, по-немецки, по-латышски, но, конечно же, был немцем”**, он работал учителем в московских школах и писал учебники по математике. В 1938 году был арестован по 58-й статье, но вскоре был освобождён и умер своей смертью. А дед по матери, Ермолай Евтушенко, — из рода польских шляхтичей, после Первой мировой войны сделал выдающуюся военную карьеру: дослужился до заместителя начальника всей артиллерии нашей страны, но сложил свою голову в 1938 году как участник военного заговора. Иногда он, встречаясь с внуком Евгением, пел ему свои любимые революционные песни: “По диким степям Забайкалья...”, “Дубинушку”, “Варшавянку”.

Я сам, работая над этой книгой, не ожидал, сколько талантливых детей русской деревни мне придётся вспомнить, чтобы осознать правдивую картину жизни нашей литературы во второй половине XX и в начале XXI веков. Все они честно отслужили в армии положенное время срочной службы (Анатолий Передреев, Василий Белов, Владимир Крупин, Сергей Поликарпов) или на флоте (Николай Рубцов, Василий Шукшин). В суворовских училищах отучились Олег Михайлов и Анатолий Ланщиков, в Нахимовском был спасён от участи беспризорника военных лет Анатолий Штыров, ставший впоследствии

знаменитым командиром подводной лодки, а потом – контр-адмиралом, поэтому и прозаиком. А что же “дети XX съезда”? Насколько мне известно, никто из них – ни Василий Аксёнов, ни Евгений Евтушенко, ни Роберт Рождественский, ни Андрей Вознесенский, ни Иосиф Бродский, ни Виктор Ерофеев, ни Александр Галич, ни многие другие – не попробовал солдатской каши и не узнал, что такое военная присяга. “Шестидесятник” Роберт Рождественский, носивший фамилию отчима, офицера советской армии, на самом деле бывший сыном сотрудника НКВД, поляка по происхождению Петкевича, был назван Робертом в честь одного из самых жестоких партийных руководителей 30-х годов, латыша Роберта Эйхе.

Отец Беллы Ахмадулиной был генералом таможенной службы, подчинявшейся НКВД, а матушка Беллы Ахатовны – штатной переводчицей сначала на знаменитой Лубянке, а потом – в Америке, в Организации Объединённых Наций. Отец Андрея Вознесенского – сын врача и внук священника – вступил в шестнадцать лет во время гражданской войны в партию большевиков, стал секретарём райкома в городе Киржач, подавлял в 1921 году Кронштадтский мятеж, а после гражданской выучился на строителя гидростанций, которые в 30-е годы возводились, как и Беломорканал, руками заключённых под руководством высших чинов НКВД. “Двадцать послевоенных лет, – сообщает автор книги о Вознесенском И. Вирабов, – Андрей Николаевич возглавлял Гидропроект”, был награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и т. д., строил гидростанции на Волге, не раз брал на эти стройки сына и был, естественно, похоронен в знаменитом сталинском пантеоне – на Новодевичьем кладбище, где рядом с ним лежит и его “антисталинист” сын, что вполне естественно: номенклатура – она и на кладбище номенклатура... У крестьянских “неноменклатурных” поэтов память о предках выглядела естественнее и проще:

*...где же погост — вы не видели?
Сам я найти не могу.
Тихо ответили жители:
“Это на том берегу”.*

(Н. Рубцов)

Известные поэты-“шестидесятники” Межиров и Слуцкий происходили из местечковых еврейских семейств, занимавшихся торговлей и банковским бизнесом и перекочевавших в 1920-е годы, в эпоху нэпа, с Харьковщины и из Чернигова в столицу – Москву, где обосновалась с 1916 года сбежавшая из Польши в разгар Первой мировой войны семья врача-венеролога, в которой выросла ещё один из главных поэтов “оттепели”, “шестидесятник” Давид Кауфман, ставший впоследствии Дезиком Самойловым. Вся эта троица воспитывалась в своих семьях с помощью русских нянек и домработниц, покинувших раскулаченные деревни и уехавших в большие города в поисках работы и куска хлеба.

Я родился в 1932-м, в разгар коллективизации, и с малых лет узнал цену куску хлеба и чугунка картошки. До сих пор помню, с каким чувством после отмены карточной системы в 1936-м попробовал первые лакомства: белый хлеб, шипучее сидро и чашку холодного густого кефира. Иная жизнь была у баловня нэпа Дезика, сына врача-венеролога и матери – сотрудницы Внешторгбанка. Вот как он вспоминает о своём детстве:

“Папа консультирует на кондитерской фабрике Андурского. Он приносит громадные торты и плетёные коробки с пирожными. У папы лечится рыбник. Жирные свёртки с икрой остаются в передней после его посещения. Приносят сало, ветчину, виноград, сливки, телятину, цветную капусту... Я испытываю отвращение к еде”... Представьте себе, с какими чувствами могли читать эти воспоминания Дезика крестьянские дети Михаил Алексеев, Виктор Кочетков, Анатолий Передреев и многие другие, чудом выжившие в обезлюдевших от голода во время коллективизации поволжских сёлах. У любимца “шестидесятников” историка Натана Эйдельмана отец был партийным и политическим журналистом, обслуживавшим судебные процессы 30-х годов. Он, в частности, как газетчик сделал всё, чтобы поэт Павел Васильев погиб в застенках НКВД. Он же печатно проклинал как врагов народа Бухарина, Радека и Зиновьева, судьбу которых в годы перестройки безудержно оплакивали Евтушенко, Межиров, Антонов-Овсеенко и другие “шестидесятники”. Отцами

известных писателей-“шестидесятников” Чингиза Айтматова и Камилла Икрамова были первые секретари коммунистических партий Киргизии и Узбекистана, оставившие на родине тяжёлую память о себе, поскольку оба беспощадно руководили коллективизацией в родных республиках. У Марлена Хуциева (Хуцишвили), автора культового “шестидесятнического” фильма “Застава Ильича”, отец во время гражданской войны служил комиссаром гаубичной дивизии, а в 30-е годы дослужился до кресла заместителя наркома внутренней и внешней торговли СССР. Семья Булата Окуджавы в 30-х годах вселилась в “дворянско-буржуазную” квартиру на пресловутом Арбате, о чём впоследствии не раз вспоминал Булат Шалвович: “Я дворянин с арбатского двора...”, “арбатство, растворённое в крови...”, “Ах, Арбат, мой Арбат, ты моя религия...”, “Ах, Арбат, мой Арбат, ты моё отечество...” и т. д. Конечно, все эти привилегированные семейства имели гораздо большие возможности выводить своих отроков в люди, нежели отцы и матери рабоче-крестьянского простонародья, из которого вышли почти все друзья моей литературной молодости.

Мне могут возразить, что, мол, отроки из “знатных семей” больше всех пострадали в эпоху “большого террора”. Возможно. Хотя отцы Шукшина, Распутина, Бородина погибли в том же тридцать седьмом... Но те “дети Арбата” и “Дома на набережной”, чьи отцы и матери были репрессированы в 1930-е годы, после хрущёвского XX съезда, осознав себя потомками “комиссаров в пыльных шлемах” и продолжателями великих ленинских традиций, воспользовались своими возможностями сполна. Перед ними, как в сказке, растворились двери издательств и киностудий, театров и журналов, кабинетов на Старой площади и всяческих зарубежных посольств. Они снова, как четверть века назад, почувствовали себя единственными законными “детьми Арбата”, навсегда забыв или умолчав о том, кто жил на этом старом Арбате до них и кому он до них принадлежал. Но известный русский писатель из первой эмиграции Борис Зайцев помнил, как расселялись в 1920-е годы отцы и матери “дворян с Арбатского двора”, и вспоминал об этом времени с точностью очевидца:

“Полусумасшедшая старуха в рваной кофте и матерчатых полусапожках, широко расставив ноги, бредёт с палкой и бессмысленно бормочет: “Помогите! Помогите!” – и протягивает руку. Старый человек, спокойный, важный, полузамерзающий, в очках, сидит на выступе окна и продаёт конверты близ Никольского. А у Николы Чудотворца, под иконой его, что смотрит на Арбат, в чёрных наушниках и пальто старовоенном, с золотыми пуговицами, пристроился полковник с седенькими, тупо заслезившимися глазками, побелевшим носом и неукоснительно твердит: “Подайте полковому командиру!” Рыцарь, задумчивый, задумчивый рыцарь с высот дома в Калошином вниз глядит на кипение, бедный и горький бег жизни на улице и цепенеет в седой изморози на высоте своей. А внизу фуры едут, грузовики с мебелью. Люди в ушастых шапках, в солдатских шинелях, в куртках кожаных въезжают и выезжают, из одних домов увозят, а в другие ввозят, вселяют, выселяют, всё перерывая, вороша жизнь старую”.

Один из самых лояльных по отношению к “детям Арбата” литераторов нашего круга Олег Михайлов так вспоминал об авторе культовых “арбатских” песен тех лет:

“В 1964 году небольшая группа молодых писателей приехала из Москвы в тогдашний Куйбышев. Гвоздём программы был, конечно, Булат Окуджава и его песни. Как-то после очередного концерта, за ужином я рассказал о моём (ныне покойном) друге Дмитрие Ляликове. Он, в частности, говорил, что когда на Кавказе узнали, что будто бы Сталин убил Кирова, то начали лучше относиться к Сталину. Слишком много зла натворил в тех краях “мальчик из Уржума”. И услышал от Окуджавы:

– Этого человека надо расстрелять!

Я был поражён:

– Но почему же?

И Окуджава тихо, но непреклонно ответил:

– С Кировым работала моя мама...”

После этого остаётся только вспомнить строчку из стихотворенья Окуджавы о своей матери: **“...но тихонько пальцы тонкие // прикоснулись к кобуре”** или из его гимна: **“Поднявший меч на наш союз // достоин будет худшей кары...”** – или признание Кирова о том, что **“мы шли к победе революции по**

колено в крови". Много раз я встречался с подобного рода признаниями "пламенных революционеров" и ненавистью их потомков к "тридцать седьмому году", сделавшему их сиротами. Почти все они, за редким исключением, так и не поняли, что судьбы их отцов и матерей вершились согласно закону всех великих революций, гласящему, что революции рано или поздно "пожирают своих детей". Этот закон знал наш выдающийся композитор Георгий Свиридов, кстати, происходивший из простонародья. Отец Георгия Васильевича, почтовый работник, был убит во время гражданской войны денкинцами. Но тем не менее, когда он прочитал ставший сенсационно модным в годы "перестройки" роман А. Рыбакова "Дети Арбата", то сделал в своих дневниках такую запись:

"Их родословная, всегда ли они были "детьми Арбата"? Кто их отцы, населявшие Арбат и др. привилегированные "престижные" улицы Москвы и Ленинграда? Страшная участь подлинных "детей Арбата". Цель романа – свалить с себя вину за истребление людей на одного человека, которому "дети Арбата" служили за страх и выгоду. Они служили бы и за совесть, если бы она у них была. (Новый поток лжи)" ("Музыка как судьба". М.: Молодая гвардия, 2002).

* * *

Почти все известные советские писатели-"шестидесятники", будучи отпрысками профессиональных революционеров, выходцами из семей чекистов и детьми местечковых "комиссаров", в шестидесятые-семидесятые годы, как по команде, стали авторами книг, выпускаемых в серии "Пламенные революционеры" Издательством политической литературы. Тиражи книг этой серии и соответственно гонорары были для советского времени сумасшедшими. Кроме вышеупомянутых Окуджавы и Аксёнова (книги о Пестеле и Красине), в этой серии издали книги все именитые "шестидесятники": А. Гладилин (о Робеспьере и Мышкине), В. Войнович (о Вере Фигнер), Е. Парнов (об Эрнсте Тельмане и Яне Райнисе), Э. Миндлин (о Коллонтай), Р. Орлова-Либерзон (о Джоне Брауне), К. Икрамов (об Амангельды Иманове), Ю. Трифонов (об А. Желябове), Л. Славин (о Домбровском, Белинском и Герцене), В. Корнилов (о В. Обнорском), А. Бормаговский (о Полежаеве и Бабушкине), Н. Эйдельман (о Муравьёве-Апостоле и Пущине), И. Минутко (о Розе Люксембург), Я. Гордин (о Б. Хуаресе), Э. Кардин (об А. Бестужеве-Марлинском), Ст. Рассадин (об И. Горбачевском), М. Лохвицкий (о нескольких второстепенных профессиональных революционерах и террористах), И. Гуро (о К. Цеткин), М. Поповский (об И. Морозове), Р. Фиш (о каком-то мелком провокаторе)... Не счастье количество книг, изданных, как на подбор, авторами этой "могучей кучки", из уст которой во все советские времена неслись жалобы на притеснения по "пятому пункту", на зверства цензуры, на всяческие проявления государственного давления. Несколько авторов серии "Пламенные революционеры" успели в октябре 1993-го подписать письмо "42-х", многие "свалили", кто – на "благословенный Запад", кто – в "Землю обетованную". И серия "Пламенные революционеры" по этим причинам в начале перестройки прекратила своё существование. Все её авторы без исключения после 1993 года, словно по команде, забыли обо всех *пламенных революционерах*, которых они прославляли и за страх, и за совесть, и за большие деньги. Впрочем, я думаю, что они тогда уже знали поговорку, возникшую в нашем обиходе в 1990-е годы: "Только бизнес – и ничего личного!" Интересно так же то, что их герои – революционеры самых разных народов и национальностей, но список авторов, сплотившихся вокруг Политиздата, состоит на 95 процентов из писателей, *ущемлённых* присутствием в их советских паспортах "пятого пункта".

* * *

13 июня 2019 года. В популярной передаче "Зелёная лампа" был показан фильм о Булате Окуджаве, беседующем с ведущим передачу Феликсом Медведевым. Заключение передачи состоит из документальных кадров, запечатлевших концерт Булата в Политехническом в середине 1960-х. И когда Булат Шалвович запел:

*Но если вдруг когда-нибудь
мне уберечься не удастся,
какое б новое сражение
ни всколыхнуло шар земной,
я всё равно паду на той,
на той единственной гражданской,
и комиссары в пыльных шлемах
склонятся молча надо мной, —*

в последних кадрах фильма вся аудитория встаёт, как один человек, и подхватывает слова легендарного гимна “комиссаров в пыльных шлемах”...

Глядя на этот всколыхнувшийся зал, я понял, почему деды и отцы этой молодёжи из Политехнического победили в “единственной гражданской” и, вышвырнув на арбатскую мостовую “полусумасшедших старух” — всяческих дворянок, чиновничьих жён и матерей московских юнкеров, защищавших безнадежное белогвардейское дело, вытолкали пинками из наследственных родных домов и квартир состарившихся полковых командиров, некогда служивших согласно присяге в войсках крестьянского сына генерала Деникина...

Сыновья и внуки победителей “единственной гражданской” встали во весь рост в Политехническом, потому что у них появился Окуджава, сплотивший их своей песней. А исконные русские жители Старого Арбата стали в 1920-е годы изгнанниками, потому что кумиром их молодости был всего лишь навсегда Вертинский, не желавший или не сумевший сплотить эту публику словами той же силы, какая была в песне Окуджавы... Глядя на ряд голов в зале Политехнического, разом выросших в полутьме, услышав, как они мощным хором подпевают своему кумиру, я понял, что они готовы продолжать и гражданскую войну, и третью мировую. В конце концов, чтобы понять неизбежность, силу и последствия закона революций, “пожирающих своих детей”, я, собравши в памяти все подобного рода истории, в том числе и происшедшие с моей собственной роднёй, “разродился” в 1987 году то ли большим стихотворением, то ли маленькой поэмой, эпиграфом к которой взял окуджавскую стихотворно-музыкальную строчку “Ах, Арбат, мой Арбат, ты моё отечество...” Стихотворение для поэта, какими бы чувствами оно ни было продиктовано, всегда является поступком. А каждый поступок (в лирических ли стихах, в гражданских ли одах, в исторических ли поэмах) — словно выстрел, сопровождается отдачей. Многие мои стихи-поступки обладали этим свойством. И конечно же, к такого рода сочинениям я причисляю “Размышления на старом Арбате”, где попытался проникнуть в душу и судьбу не только “дворян с арбатского двора”, но и просто людей, живших в то же время. Это стихотворение печаталось в моих поэтических сборниках 1990-х годов. Но тиражи тогда были крошечными, к тому же прошло время, сменилось поколение не только писателей, но и читателей. Нынешний читатель, скорее всего, не знает этих “Размышлений”, поэтому я осмеливаюсь впервые опубликовать их в нашем журнале.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СТАРОМ АРБАТЕ

Ах, Арбат, мой Арбат, ты моё отечество...
(из популярной песенки)

*Где вы, несчастные “дети Арбата”?
Кто виноват? или Что виновато?..
Жили на дачах и в особняках —
Только обжили дворянскую мебель,
Время сломалось, и канули в небыль...
Как объяснить? — Не умею никак...*

*Сын за отца не ответчик, и всё же
Тот, кто готовит кровавое ложе,
Некогда должен запачкаться сам...
Ежели кто на крови поскользнулся
Или на лесоповале очнулся,
Пусть принесёт благодарность отцам.*

*Наша возникшая разом элита,
Грозного времени нервная свита,
Как вам в двадцатые годы спалось?
Вы танцевали танго и чарльстоны,
Чтоб не слышать беломорские стоны
Там, где трещала крестьянская кость.*

*Знать не желают арбатские души,
Как умирают в Нарыме от стужи
Русский священник и нищий кулак...
Старый Арбат переходит в наследство
Детям... На Волге идёт людоедство.
На Соловках расцветает ГУЛаг.*

*Дети Арбата свободой дышат
И ни проклятий, ни стонов не слышат,
Любят чекистов и славят Вождя,
Благо пока что петух их не клюнул,
Благо из них ни один не подумал,
Что с ними станет лет семь погода.*

*Скоро на полную мощность машина
Выйдет, и в этом, наверно, причина,
Что неожиданен будет итог...
Кронос, что делаешь? Это же дети —
Семя твоё! Упаси их от смерти!..
Но глух и нем древнегреческий рок.*

*Попировали маленько — и хватит.
Вам ли не знать, что история катит
Не по коврам, а по хрупким костям.
Славно и весело вы погостили
И растворились в просторах России,
Дачи оставили новым гостям.*

*Всё начиналось с детей Николая...
Что бормотали они, умирая
В смрадном подвале? Всё те же слова,
Что и несчастные дети Арбата...
Что нам считаться! Судьба виновата.
Не за что, а воздаётся сполна.*

*Чадо Арбата! Ты злобою дышишь,
Но на грузинское имя не спишешь
Каждую чистку и каждую пядь —
Ведь от подвала в Ипатьевском доме
И до барака в Республике Коми,
Как говорится, рукою подать.*

*Тётка моя Магадан оттрубила,
Видела, как принимала могила
Дочку наркома и внучку Шкуро.
Всё, что виновно, и всё, что невинно,
Всё в мерзлоту опустили взаимно,
Всё перемолото — зло и добро.*

*Верили: строится прочное дело
Лишь на крови. Но кровица истлела,
И потянулся по воздуху смрад,
И происходит ошибка большая —*

*Ежели кровь не своя, а чужая...
Так опустел предвоенный Арбат.*

*Новое время шумит на Арбате,
Всюду художники, как на Монмартре,
Льются напитки, готовится снесь...
Я прохожу по Арбату бесстрастно,
Радуюсь, что беззаботно и праздно
Можно на древние стены смотреть.*

*Помнишь, Арбат, социальные страсти,
Хмель беззаконья, агонию власти,
Храм, что взорвали детишки твои,
Чтоб для сотрудника и для поэта
Выстроить дом с магазином “Диета” —
Вот уж поистине храм на крови...*

*Радуюсь, что не возрос на Арбате,
Что обошло мою душу проклятье,
Радуюсь, что моя Родина — Русь —
Вся: от Калуги и аж до Камчатки,
Что не арбатских страстей отпечатки
В сердце, а великорусская грусть!..*

1987

И иногда мне кажется, что не всё у меня написано и осмыслено точно и убедительно в этом произведении. Иногда хочется какие-то части стихотворной ткани перешить, дописать, домыслить. Но, подумавши, каждый раз отказываюсь от этой затеи. Стихи, как сама жизнь, — заново её не проживёшь. У Евтушенко эти операции “переживания и переписывания” жизни получались. А у меня... нет. Слово не воробей, вылетит — не поймаешь...

Впрочем, судьба неожиданно помогла мне, подарив встречу с женщиной, муж которой — видный военачальник — сгинул в 30-е годы, а всё, что она рассказала мне о своей жизни, дополнило не до конца осмысленные мои стихотворные “Размышления на старом Арбате”.

* * *

В начале семидесятых годов я приехал подлечиться в один из санаториев осенней Прибалтики. Сестра-хозяйка привела меня в столовую и посадила за стол к двум пожилым дамам. Вскоре я понял из застольных разговоров, что они были давние подруги — ещё с тридцатых годов — и принадлежали к привилегированному слою молодой советской бюрократии. Мужья их были репрессированы в тридцать седьмом году, обе подруги также узнали вкус тюремной похлёбки, но выжили и сохранили в своей цепкой женской памяти многое из того, что крайне интересовало меня.

Одна из них, высокая, молчаливая, всегда в строгой серой шерстяной кофте, разговаривала мало, за едой всё больше смотрела через стеклянную стену столовой в морскую даль, загромождённую глыбами намёрзшего у берегов грязного льда.

Её дочка Елена Игнатовна Калина работала в Иностранной комиссии Союза писателей. Радужная, спокойная, деловая, с ней было приятно встречаться в казённых коридорах. Другая моя соседка по столу, Алла Израилевна — хохотушка, каждый день менявшая наряды, болтала без умолку, чем навлекала на себя неудовольствие старинной подруги.

— А муж у моей Кати был дипломат, уполномоченный Наркоминдела Украины, когда ещё столица в Харькове была... Когда Катю арестовали и в тюрьме как-то повели в душ, то она совершенно случайно на стене увидела надпись, что её муж Игнат Калина в эту ночь расстрелян. Они в одной тюрьме, оказывается, сидели...

— Алла, прекрати! — Екатерина Ивановна резко встала, отодвинула стул и быстро пошла к выходу...

— Да что ты! Что с ней? — возмущённо зашебетала Алла Израилевна. — Мы столько раз на эти темы говорили — и ничего!

Но тем не менее, Алла Израилевна поспешила вслед за подругой, видимо, чтобы успокоить её. В результате я не видел их за ужином, а на другой день Алла Израилевна с искренним возмущением докладывала мне:

— Она меня до сердечного приступа довела. Мы в двухкомнатном номере живём. Ночью мне стало плохо — весь вечер со мной не разговаривала, так я едва доползла до её двери и говорю: “Катюша, дай мне таблеточку валидола!” Представляете, что слышу в ответ: “Не мешай мне спать!” Какая жестокость... — Алла Израилевна закручинилась, закрывая лицо ладонью, но ненадолго: — Да, молодой человек, воспитывалась я всё-таки с боннами и гувернантками и помню, как где-то в середине тридцатых годов попала в деревню и впервые увидела, как хлеб пекут, как коров доят! Но тогда я уже замужем была... О, муж был тоже из интеллигентной семьи. Родом из Одессы. Был близок к литературе, лично знал Багрицкого, Олешу, Бабея... Но пошёл он по юридической части. И карьеру сделал какую — до начальника Особого отдела всей Красной армии! Но был справедливым. Пришёл как-то к начальнику одесского ЧК и сказал: “То-то у вас не по закону и то-то”. Так мат такой стоял в управлении, что чуть стёкла не повывлетали.

Как он меня любил! Помню, жили мы в Белорусском военном округе, на границе с Польшей... Какие балы для офицерского состава муж устраивал! Сколько молодых офицеров вокруг меня увивалось... Лошадь у меня была своя, дамское седло — и вот представьте: я на лошади, в длинном платье, а за мной целая кавалькада молодых людей в военной форме... А потом я стала кататься по-мужски, в мужском седле! Лихачка я была, лихачка! Словом, жила “среди шумного бала”...

Но мужа перевели в Москву, и поселились мы в Столешниковом переулке, в доме из двух квартир, как сейчас говорят, на двух уровнях... А в тридцать седьмом мужа послали в Минск, в командировку, ликвидировать какой-то заговор в связи с испанскими событиями. Отдельный вагон, их семь человек, я провожаю их с Белорусского вокзала, и вот, представьте себе, меня с вокзала секретарь мужа везёт не домой, а в Бутырскую тюрьму... А мужа с его штабом, как я потом узнала, взяли в дороге, до Минска он не доехал... (Позже я узнал, что её муж — одессит по фамилии Карелин — был действительно в те годы крупным военным чиновом. — **Ст. К.**)

В тюрьме срезали с моих туфель из змеиной кожи пряжки, чтобы вены себе не вскрыла, и представьте себе: хожу я каждый день по ночам на допросы в чёрном с блёстками платье, и туфли без пряжек цокают по цементу, и французскими духами от меня пахнет! Так все в тюрьме говорили, что на допросы по ночам водят красавицу — французскую шпионку!.. — Алла Израилевна захохотала от восторга. Отсмеялась, вытерла слёзы. — А муж покончил с собой в камере. Стёклами от очков перерезал вены. Меня, правда, выпустили через полтора года — настрого приказали, чтобы никому ни слова, где сидела...

Ах, как трудно мне жилось первое время. Вертинский, помню, говорил: “Всё, что угодно, но с авоськой выйти на улицу не могу!” Вот и я то же самое. Выпустили меня девятого февраля, в холод, во французском платье — чёрное, в блёстках, — в туфлях из змеиной кожи, без пряжек... Холод! Начальник распорядился: “Одеть её в телогрейку и женщину дать, чтобы довезла до дому”... А я как вышла за порог — и плечами так сделала, — Алла Израилевна повела плечами, — сбросила тюремную телогрейку! Весь трамвай на меня смотрел — откуда такая взялась, зимой в чёрном платье и в туфлях. Но я молчу, смотрю в трамвайное окно, головы не поворачиваю. Приехала к своему дому, а консержка руками всплеснула и шепчет: “Куда вы, Алла Израилевна?! Мы тут плакали, глядячи, как женщины, то одна, то другая, в ваших туалетах выходили из вашей квартиры”. Это кэзэбэшницы приезжали, якобы для работы, искать чего-то в бумагах и в моих платьях уходили...

Жила я раньше, как птица в золотой клетке, а после тюрьмы устроилась кое-как машинисткой, угол сняла. Но не унывала. Один раз только заплакала. В моей квартире стояла мебель из Аничкова дворца. Не потому, что я требовала антиквариата, а потому, что так положено было. И вот когда меня освободили, еду я как-то с новым мужем — он у меня был кинооператор, а потом,

после него, был ещё переводчик с каких-то европейских языков — ах, сколько покойников вокруг меня! — и вижу: в окне комиссионного магазина стоит моя мебель, с мрамором и инкрустацией... Тут я и заплакала. В первый раз за всё время!

Мы заканчивали нашу очередную прогулку. С Балтийского моря дул свежий ветер, серые волны с однообразным шумом набегали на скопища льда возле берегов, чайки вились над нашими головами, требуя привычных подачек. Одинокие фигурки людей маячили вдоль горизонта по громадному полукругу песчаной косы, теряющейся в туманной дымке. Пахло прелыми водорослями, солёным льдом, соснами...

— А что вы торопитесь в Москву, Алла Израилевна, продлите путёвку, поговорим ещё о былом, морем подышим...

Алла Израилевна кокетливо смеялась, прижимаясь плечом к моему плечу, — я прогуливал её под ручку, — поправляла мизинцем седой локон, выбившийся из-под шляпки...

— Нет, что вы! Мне пора домой, я соскучилась по своему обслуживающему персоналу: маникюрши, педикюрши, парикмахерши... Да и питание здесь весьма однообразное. Мне пора садиться на свою диету...

Много лет минуло с той поры, но я слышал, что Алла Израилевна ещё жива и работает в каком-то театре художником по костюмам, вернее, консультирует, поскольку сама на пенсии; но когда я вспоминаю о ней, то представляю её не иначе, как стремительно идущей по ночным, плохо освещённым бетонным коридорам Бутырской тюрьмы с поднятой головой, в чёрном французском платье с блёстками, в туфлях из змеиной кожи, с которых срезаны пряжки... Туфли цокают по цементному полу, будят женщин в соседних камерах, те припадают к глазкам и решёткам и шепчутся, что опять ночью, когда в тюремных коридорах тишина и безлюдье, на допрос водили красавицу, французскую шпионку, взятую чуть ли не с какого-то правительственного шумного бала...

Когда же я думаю о том, что случилось с Россией в тридцатые годы, то неизменно вспоминаю очаровательную по своей наивности эпохальную фразу из повествования Аллы Израилевны:

— Увидела я в окне комиссионного свою мебель из Аничкова дворца и расплакалась!..

* * *

Вот какова была судьба “детей Арбата”, детей Столешникова, детей из “Дома на набережной”.

Но не будем злословить. “Что нам считаться? — судьба виновата, // не за что, а воздаётся сполна”, как сказано у одного поэта.

ЕЛЕНА ЛАРИНА, ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

COVID-19 И КОНТРОЛЬ ЗА ЛЮДЬМИ

Возможности и пределы применения

С первых шагов противостояния эпидемии коронавируса сначала Китай, а потом и другие страны активно используют технологии искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных (БД).

Борьба с эпидемией коронавируса включает четыре этапа – обнаружение, изоляция, профилактика и контроль. На всех этих этапах большое внимание отдаётся ИИ и БД. Интеграция различных источников информации с помощью этих технологий позволяет упорядочить и обработать идентификационную информацию о людях, их действиях, траекториях движения и состоянии здоровья.

Профессор Института журналистики университета Цинхуа Шэнь Ян пишет, что это “первый в истории человечества случай объединения данных общенационального характера, и такая унификация основана на авторизации пользователей” (Насколько эпидемия приблизила будущее. ИНОСМИ.РУ, 03.04.2020). Непрерывное развитие эпидемической ситуации приведёт к дальнейшему развитию технологий ИИ и БД и улучшению способности людей использовать их для понимания общества.

Применение ИИ и БД включает в себя поддержку мер по контролю за эпидемиологической обстановкой, прогнозированию эволюции вспышек заболеваний, защите населения, наблюдению за его перемещениями, в том числе и в целях их ограничений, проведению исследований для разработки вакцины или лечения. Что касается последнего аспекта, ИИ используется для ускорения секвенирования геномов, более быстрой постановки диагноза, проведения анализов с помощью сканеров или для управления роботами для технического обслуживания и доставки всего, для этого необходимого.

Медицинский аспект использования ИИ в борьбе с пандемией ещё ни разу не стал предметом критического обсуждения в СМИ и социальных сетях, при опросах общественного мнения. Но социальные проблемы использования ИИ при проведении всего комплекса ограничительных мероприятий, наоборот, вызвали волну обсуждений, связанных с тревогами о соблюдении прав и свобод граждан.

Эта проблема активно обсуждается и у нас в стране, особенно после принятия в субъектах федерации правил оформления и использования цифровых пропусков для передвижения в период действия режимов повышенной готовности (см., например, Указ мэра Москвы №43 – УМ от 11.04.2020).

С введением чрезвычайных мер, связанных с карантином, самоизоляции, закрытием границ и другими мерами по сдерживанию распространения вируса, операционная среда и функционал правоохранительных органов

и спецслужб становятся всё более сложными. Они оказываются в центре беспрецедентной ситуации, играя часто не менее важную роль в сдерживании распространения вируса, чем медицинские работники. При этом выполняют весь привычный объём работы по обеспечению общественной безопасности. В ответ на растущий кризис многие из этих структур обращаются к ИИ и БД, а также связанным с ними технологиям. Расширение возможностей наблюдения, мониторинга и обнаружения занимает одно из первых мест в списке приоритетов.

Обострение эпидемиологической обстановки вызовет ещё более активное использования ИИ и БД.

ИИ и БД как инструменты контроля за населением

Большую эффективность в осуществлении контроля за больными людьми, а также теми, кто находится на карантине или самоизоляции, показывает практика цифрового отслеживания контактов через сигналы с мобильных телефонов (digital contact tracing) с помощью специального приложения или через мобильных операторов.

Как отмечено в обзоре ВВС в “Коронаслежка: “Большой брат” как выход из карантина” (ВВС, 12.04.2020), в эпидемиологии отслеживание контактов используется десятилетиями для борьбы с заразными болезнями.

Но если раньше эпидемиологи расспрашивали пациентов о том, где они были и с кем встречались после развития симптомов болезни, а затем составляли список контактов, оповещали людей и наблюдали за ними, то сейчас цифровые инструменты в течение нескольких минут дают точную и детальную информацию о встречах и перемещениях.

Для справки

Прототип современных технологий отслеживания контактов при эпидемии был разработан ещё в 2011 году в рамках проекта FluPhone в компьютерной лаборатории Кембриджского университета. Испытания на волонтерах выпали на вспышку свиного гриппа и продемонстрировали успех этой технологии.

Поскольку пандемия началась в Китае, то, естественно, здесь нарабатывались и первые виды контроля над населением для локализации эпидемии. Получила распространение практика распознавания больных людей, оснащения в этих целях представителей правоохранительных органов “умными” шлемами, способными отмечать людей с высокой температурой тела. Кроме того, в Китае разработанная властями система Health Check действует через популярные платформы Alipay and WeChat. Она генерирует специальные QR-коды, которые в зависимости от статуса человека горят разными цветами: зелёным (свобода передвижения), оранжевым (семь дней карантина) или красным (14 дней карантина).

В Израиле был разработан план использования индивидуального наблюдения по телефону, чтобы предупреждать пользователей об опасности контактов с людьми, которые потенциально могут быть носителями вируса. Приложение, разработанное Минздравом Израиля, посылает оповещения пользователям, если они находились рядом с заразившимся человеком. Кроме того, полиция и служба контрразведки ШАБАК получили право следить за передвижениями израильтян и определять тех, кто контактировал с заразившимися.

В Южной Корее предупреждение передаётся органам здравоохранения, когда люди не соблюдают период изоляции, например, находятся в людных местах, таких как общественный транспорт или торговый центр. Южная Корея обошлась без всеобщей изоляции, но власти пошли на жёсткие меры для отслеживания контактов у носителей вируса: они получают данные GPS у мобильных операторов и данные об операциях по банковским картам, а также могут смотреть записи с камер видеонаблюдения.

В Сингапуре разработанное властями приложение TraceTogether заменило массовую изоляцию. Система работает не через геолокацию, а через Bluetooth-соединение, и следит лишь за близкими контактами, а не за всеми перемещениями человека. Когда два пользователя оказываются на расстоянии двух метров, их телефоны устанавливают связь. Если встреча длится больше получаса, оба телефона сохраняют запись о ней. Если человек

заболевает, правительство оповещает всех, с кем он встречался за последние 14 дней.

В Италии одна из компаний по заказу государства также разработала приложение для смартфона, с помощью которого можно проследить маршрут заражённого вирусом человека и предупредить людей, контактировавших с ним. Конфиденциальность гарантирована тем, что приложение не раскрывает телефонные номера или личные данные. В Ломбардии телефонные операторы предоставили данные о передвижении мобильных телефонов с одного терминала на другой.

Правительство США обратилось к компаниям с просьбой предоставить доступ к агрегированным и анонимным данным, особенно в отношении мобильных телефонов, для борьбы с распространением вируса. Компании Apple и Google объявили, что объединятся для разработки технологии отслеживания контактов владельцев телефонов, которая поможет замедлить распространение коронавируса.

Цель проекта состоит в том, чтобы владельцы смартфонов использовали приложения, благодаря которым потенциально заражённые люди могут узнавать, что им следует пройти тестирование или соблюдать карантин

Согласно плану, телефоны будут использовать Bluetooth, чтобы обмениваться информацией с телефонами, находящимися поблизости. Инфицированные коронавирусом владельцы телефонов смогут передавать Apple и Google перечень телефонов людей, рядом с которыми они находились. Благодаря этому те, кто оказался в группе риска, будут проинформированы об этом.

Данные о номерах телефонов будут зашифрованы, чтобы сохранять анонимность пользователей, в том числе для Apple и Google. Компании также заявили, что их система не будет отслеживать координаты по GPS.

ИИ и БД после пандемии

Как можно было убедиться, цифровые технологии, включая ИИ и БД, являются важными инструментами для содействия принятию скоординированных ответных мер в связи с этой пандемией.

Совет Европы в своём обзоре “ИИ и контроль коронавируса COVID-19” (март 2020 года) подчёркивает, что необходимо оценить принятые чрезвычайные меры по окончании кризиса, чтобы определить преимущества и проблемы, проявившиеся при использовании цифровых инструментов ИИ и БД. На это же обращают внимание многие видные учёные современности, которые считают, что временные меры по контролю и массовому мониторингу населения с помощью этих технологий не должны считаться тривиальными и не должны стать постоянными (см., например, Юваль Ной Харари: Мир после коронавируса, The Financial Times, 20 марта 2020).

В США, например, защитники гражданских свобод обращают внимание на то, что после терактов 11 сентября 2001 года полномочия спецслужб по слежке были расширены. Террористическая угроза в основном миновала, однако полномочия постоянно продлеваются.

7 апреля 2020 года Совет Европы принял Набор инструментов для государств-членов “Уважение к демократии и правам человека, верховенство закона в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19”.

Этот документ является важнейшим ориентиром для правового обеспечения принимаемых государством мер по сдерживанию пандемии, в том числе и мер, касающихся контроля над населением.

Цель этого документа – в предоставлении правительствам инструментария для борьбы с нынешним беспрецедентным и массовым эпидемиологическим кризисом таким образом, чтобы уважать основополагающие ценности демократии, верховенство законов и прав человека.

В качестве базовой посылки признаётся, что правительства сталкиваются с огромными проблемами в своём стремлении защитить население от угрозы COVID-19. Кроме того, имеется в виду, что “нормальное функционирование общества не может быть сохранено в полной мере в свете основных защитных мер, необходимых для борьбы с вирусом, а именно в условиях соблюдения различных форм социального дистанцирования”. Также признаётся, что “принимаемые меры неизбежно ограничивают права и свободы граждан,

которые являются неотъемлемой и необходимой базисной ценностью демократического общества, управляемого верховенством закона”.

В документе говорится, что “масштабы мер, принимаемых в ответ на нынешнюю угрозу COVID-19, и способы их применения значительно различаются в зависимости от этапа борьбы с вирусом”. Хотя ограничительные меры, предпринимаемые государствами-членами, оправданы на основании обычных положений Европейской конвенции о правах человека, “могут понадобиться меры исключительного характера, предполагающие отступления от обязательств государств-членов в части соблюдения Конвенции. Каждое государство должно оценить, соответствуют ли принятые им меры отступления от предусмотренных Конвенцией прав и свобод граждан масштабам угрозы”.

Именно государства определяют, находится ли жизнь нации под угрозой “чрезвычайной ситуации”, и если да, то как далеко необходимо зайти для преодоления чрезвычайной ситуации.

Некоторые конституционные права не допускают каких-либо отступлений даже в условиях чрезвычайной ситуации. Это право на жизнь, за исключением случаев, когда это происходит в контексте законных актов войны (ст. 2); запрещение пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 3); запрещение рабства и работорговли (ст. 4-1) и правила “без наказания, без закона” (ст. 7).

Отступления в соответствии со ст. 15 не зависят от официального объявления чрезвычайного положения или какого-либо аналогичного режима на национальном уровне. В то же время “любое отступление должно иметь чёткую основу, предусмотренную в национальном праве с тем, чтобы защитить граждан от произвола в условиях борьбы с чрезвычайной угрозой”.

Принцип законности

Даже в чрезвычайной ситуации должно обеспечиваться верховенство права. Основопологающим принципом верховенства права является то, что действия государства должны осуществляться в строгом соответствии с законом. “Закон” в этом контексте включает в себя не только акты парламента, но и, например, чрезвычайные указы исполнительной власти, при условии, что они имеют конституционную основу. Многие конституции предусматривают особый правовой режим (или режимы), расширяющий полномочия исполнительной власти в случае войны или крупного стихийного или другого бедствия. “Законодательные органы также могут принимать чрезвычайные законы, специально разработанные для урегулирования нынешнего эпидемиологического кризиса, которые выходят за рамки существующих правовых норм”.

Ограниченная продолжительность режима чрезвычайного положения и чрезвычайных мер

Во время чрезвычайного положения правительства могут получить общие полномочия по выпуску декретов, имеющих силу закона. Это приемлемо при условии, что эти дополнительные полномочия имеют ограничения по срокам. Основная цель режима чрезвычайного положения заключается в сдерживании развития кризиса и скорейшем возвращении к нормальной жизни.

Во время чрезвычайного положения не только полномочия правительства по законодательному обеспечению должны быть ограничены сроком действия чрезвычайного положения, но и любое законодательство, принятое в период чрезвычайного положения, должно также включать чёткие временные ограничения на продолжительность этих исключительных мер.

Принцип необходимости

Принцип необходимости требует, чтобы чрезвычайные меры были способны обеспечить достижение конечной цели при минимальном изменении нормальных правил и процедур демократического принятия решений.

Распределение полномочий и проверка исполнительных действий

Исполнительная власть должна быть в состоянии действовать быстро и эффективно. Это может потребовать упрощения процедур принятия решений

и смягчения системы сдержек и противовесов. Это может также потребовать в рамках, предусмотренных конституцией, изменения стандартного распределения полномочий между местными, региональными и центральными органами власти в решении конкретных проблем по борьбе с вирусом. “Обычный порядок должен быть восстановлен, как только этого позволит ситуация”.

Конфиденциальность и защита данных

В документе особо подчёркивается, что “новые технологии доступа к персональным данным и их обработке могут способствовать сдерживанию и прекращению пандемии. Мониторинг, отслеживание и прогнозирование являются важнейшими функциями эпидемиологической политики. Необходимо использовать для борьбы с вирусом все наиболее эффективные инновации последних лет, включая искусственный интеллект, технологии распознавания лиц, анализ социальных сетей и данных геолокации”.

В то же время потенциал использования современных технологий не должен быть применён для несбалансированного вторжения в частную жизнь. Принципы защиты данных и Конвенция Совета Европы 108 позволяют сбалансировать высокие стандарты защиты персональных данных и общественных интересов, а также информации, связанной со здоровьем, с потребностями борьбы с эпидемиологической угрозой.

Конвенция допускает исключения из обычных правил по защите данных в течение ограниченного периода времени и с соответствующими гарантиями (например, анонимизации), с эффективной системой надзора с тем, чтобы обеспечить сбор, анализ, хранение и прогнозирование на основе данных. Указанный документ Совета Европы подчёркивает, что “крупномасштабная обработка персональных данных с использованием искусственного интеллекта должна осуществляться только тогда, когда научные данные убедительно покажут, что потенциальные выгоды для общественного здоровья перекрывают риски утечки персональных данных или их использования сторонними организациями”.

* * *

Сделанный выше обзор цифровых и других высокотехнологичных инноваций, помогающих различным странам противостоять пандемии COVID-19, и беспрецедентный для Совета Европы подход, не просто информирующий, а рекомендуемый временно ограничивать различные права и свободы для решения этой задачи, ориентирует на необходимость повышения готовности к реагированию на новые вызовы и угрозы, например, к биологической войне.

Хотя по своим масштабам ситуация с COVID-19 беспрецедентна, в условиях отсутствия международного регулирования и контроля за высокими технологиями самой различной направленности – от ИИ, БД до синтетической биологии – нет оснований полагать, что впереди нас не ждут новые испытания. Поэтому важно по завершении борьбы с эпидемией в стране, а в этом нет сомнений, внимательно проанализировать собственные достижения, ошибки и просчёты и постараться взять лучшее из зарубежного опыта, чтобы встретить новые угрозы во всеоружии.

АЛЕКСЕЙ ТИМОФЕЕВ

“Я ГОВОРИЛ С НЕМЦАМИ ПО-РУССКИ”

Глава из книги “Как русские научились воевать”

18 сентября 1942 года группа разведчиков, выполнявшая задание на мысе Могильный, оказалась в безвыходной ситуации. Командиры и комиссары бежали, у оставшегося лейтенанта перебиты пулемётной очередью обе ноги. Разведчики окружены двойным кольцом горных егерей. Осталось всего несколько патронов и гранат. Немцы буквально не дают поднять головы пулемётным и миномётным огнём... Командование берёт на себя старшина 2-й статьи (по-армейски – сержант) Виктор Леонов. И он эту, казалось, невыполнимую задачу решил! Именно начиная с этого боя немцы заговорили о “чёрных дьяволах”, возникающих и бесследно исчезающих в ночи. Хотя обычно разведчики облачались в белое. Гранаты – в белых сумках, автоматы обмотаны марлей.

За голову названного немцами “Полярным лисом” командира 181-го особого разведывательного отряда разведотдела штаба Северного флота они предлагали сто тысяч марок.

Леонов совершил около 50 походов в тыл к немцам, в боях с элитными горными егерями был несколько раз ранен, но, начав войну в её первые дни, командовал отрядом вплоть до Победы, которую встретил капитан-лейтенантом. А затем прославился и на Дальнем Востоке в противостоянии с японскими самураями, заслужив здесь вторую Звезду Героя Советского Союза. После войны популярность командира разведчиков стала всенародной, мальчишки бредили его походами...

Всё это я узнал, побывав осенью 1994 года в Российской государственной библиотеке, где заказал книги самого Леонова и написанное о нём. Журнал “Слово”, в котором я работал, готовился к 50-летию Великой Победы, которую тогда как только ни пытались принизить и оболгать. Хотелось начать 1995 год ударной публикацией о войне. И тут мой друг – поэт и журналист Андрей Устименко возьми, да и скажи мне: “Напиши про Леонова! Это личность легендарная”. Андрей в подростковые годы читал книги писателя-североморца Николая Панова “Боцман с “Тумана” и “В океане” – о подвигах “орлов капитана Людова”, прообразом которого и был Леонов. Изучив в РГБ литературу о нём, я ахнул – вот это фигура!

Как сказал мне один художник, посмотрев на фотографию Леонова 1945 года: “Сила так и прёт!” Непокорная буйная шевелюра, пронзительный, прямо-таки огненный взгляд, железная воля и мощный темперамент в очертаниях подбородка и большого чувственного рта. На лбу к тридцати годам уже прорезались морщины...

Не выдерживали его взгляда и боевого напора ни немецкие егеря, ни японские самураи. Леонов, несомненно, входит в самый первый ряд героев Великой Отечественной, рядом с лётчиком Александром Покрышкиным и разведчиком Николаем Кузнецовым...

В 1994-м я был поражён тогда своим невежеством, ведь знал о многих героях, прежде всего, лётчиках. Впрочем, о Леонове давно уже не появлялось никаких сообщений. На телевидение таких, как он, в ту пору не приглашали, вообще держали в глухой тени. Книги его изданы в основном в семидесятые годы, последнее издание – 1985 года.

Узнав номер телефона Леонова, позвонил ему и услышал в трубке глуховатый голос: “Приезжайте”. Так я оказался в скромной двухкомнатной квартире ветерана на улице Докукина у ВДНХ. Принял журналиста Леонов доброжелательно, но сдержанно, видимо, присматриваясь к незнакомому человеку. Сидели мы в тот день, 18 ноября 1994-го, за беседой около четырёх часов. Виктор Николаевич, покуривая, охотно отвечал на вопросы. Из-под рубашки виднелась тельняшка, на ногах – валенки (мучили боли в простреленной ступне и жестокий артроз).

В 77-летнем больном старике виделся отблеск былой неимоверной мощи, отваги и бесстрашия.

Публикацию “Батя Виктор Николаевич” в журнале “Слово” Леонов одобрил. Ему, кстати говоря, понравилось, что на обложке номера был портрет Бунина, творчество которого он ценил.

С тех пор ещё несколько раз я побывал у Виктора Николаевича: разные издания просили сделать о нём материал, я приезжал, записывал новые детали его биографии. Эти статьи и беседы появлялись в журналах “Воин”, “Русский дом”, газете “Красная звезда”, в день 80-летнего юбилея Виктора Николаевича центральное издание Минобороны дало материал на половину первой полосы под редакционным заголовком “На таких и держится Россия”. Отрывки из тех бесед и сегодня вижу в интернете, как правило, без ссылки на первоисточник.

Хотя надо сказать и то, что особо никто к Леонову не рвался, не были такие герои популярны в прессе “лихих девяностых”. Это уже при Путине начали всё громче отмечать День Победы, зашагал “Бессмертный полк”. А в 1997-м, помню, привёл я к Леонову тележурналиста из популярной передачи, отсняли около часа уникальной встречи, а в эфир пошло всего лишь несколько минут...

Зато приезжал к нему не раз с расспросами некий “тихий американец”, майор армии США, издавший затем на английском языке книгу воспоминаний Леонова под названием “Кровь на берегах” (“Blood on the Shores”) с подзаголовком “Советские морские командос во Второй мировой войне”. Приезжали норвежцы, которые чтут одного из своих освободителей от немецкой оккупации.

Лишь в 2005 году наконец-то нашёлся издатель, выпустивший после 20-летнего перерыва книгу Леонова “Лицом к лицу” (М.: Центриздат). В предисловии, кстати говоря, было отмечено: “В Заполярье отряд Леонова обеспечивал защиту главной артерии всей мировой войны... Участие отряда в обеспечении доставки в наши порты северных морских конвоев по ленд-лизу можно уверенно назвать выдающимся... Просто удивляет, насколько высок в системе западных представлений об элитном спецназе, о суперменах так называемый рейтинг легендарного разведчика. В иноязычной части Всемирной паутины имя Леонова встречается гораздо чаще, чем в русской. Там он назван корифеем советских морских командос и сравнивается только с диверсантом номер один Третьего рейха Отто Скорцени”.

А в 2010 году из телепередачи “Виктор Леонов – советский Джеймс Бонд” я узнал, что портреты нашего героя как пример для подражания размещены на базе американских “морских котиков” (спецназ ВМФ США). Леонова сравнивали и раньше с персонажами западных кинобоевиков. Он в одной из наших бесед усмехнулся: “Почему меня с ними сравнивают, а не наоборот? Я-то воевал гораздо раньше, чем эти фильмы появились”.

Вспомним же сейчас, в дни празднования 75-летия Победы главные из заповедей и уроков Виктора Николаевича, которые всегда останутся на вооружении русского бойца.

Итак, на северо-западе советско-германского фронта, в Заполярье, немцам не удалось продвинуться вперёд, линия фронта практически не изменилась

до нашего наступления. В мемуарах командующего Северным флотом в годы войны Арсения Григорьевича Головки, казака из станицы Прохладной, читаем, что в ответ на вопрос о том, трудно ли на Севере, многие отвечали: “Все тяжёлое: климат, море, материальные условия, но хорош дух на флоте...”

“Нет уз святее товарищества”

В книге “Уроки мужества” Леонов писал: “Для старых, повоевавших на своём веку солдат войсковое товарищество — понятие святое и нерушимое. И вдохновенную, как песня, гоголевскую строку “нет уз святее товарищества” многие могли бы поставить эпиграфом к своим боевым биографиям”.

И на один из моих вопросов Виктор Николаевич ответил:

“Что значит, вы спрашиваете, особая сплочённость отряда? По существу, наш отряд был как одна семья. Вот с Могильного осенью 1942-го мы лейтенанта Фёдора Шелавина выносили... Мы из-за него и не смогли сразу вырваться из немецкого кольца. Лейтенант был тяжело ранен. Он хотел застрелиться, чтобы развязать нам руки. Но я знал: если оставим Шелавина, в следующем походе кто-то будет думать: офицера бросили, а уж если я буду ранен, тем более оставят. Если такая мысль хоть чуть-чуть запала в голову человеку, то он уже не воин настоящий, не боец. Эта мысль будет давить, преследовать тебя, хочешь ты того или нет.

— Как у Суворова: сам погибай, а товарища выручай.

— Да. Вот, к примеру, когда нас высаживали торпедные катера, очень важно было — кто высаживает. Если мой довоенный друг Саша Шабалин (родом он был с Русского Севера, с Беломорья), ставший в 1944 году дважды Героем, то ребята идут спокойно. Если же кто-то другой, в голове остаётся маленькая мысль: а вдруг удерёт?... А с Шабалиным мы были спокойны, знали, что он не оставит, пока катера его живы.

— Виктор Николаевич, если не секрет, как называли вас бойцы отряда между собой? Об этом в книгах не пишется...

— Называли батей. В любых условиях. Мне и сейчас один мой боец пишет на открытках: “Здравствуй, батя Виктор Николаевич...” А как у нас было с дисциплиной? Вот провинился кто-то в увольнении. Я, допустим, об этом знаю и буду с ним разбираться. Но прежде всего с ним будут говорить сами ребята. Иван Лысенко, он пожертвовал собой в бою на Крестовом, о нём я ещё скажу, был у нас судья. Провинившийся докладывает. Иван решает: пять горячих на воздухах. Кто-то подставляет спину, тот своей спиной ложится на него, живот оголяют. Бьет Семён Агафонов, мастер этого дела. Рукой по оттянутой коже, живот становится синим.

Я знаю, что произошло, но ещё подожду с вызовом. Потом вызываю. “Батя, виноват, так и так, случилось...” Сам я почти никого не наказывал. Зачем мне это нужно? Получил он от ребят? Получил. Я только показываю ему, что мне всё известно и что я его прощаю. Порядок у нас был твёрдый.

Были в отряде бойцы и постарше меня, мне в 1941 году исполнилось 25 лет. Но в начале войны — никого старше 30. Хотя совсем молодых мы тоже не брали. До 20 лет жидковаты ещё ребята... Видел я, как они воюют в морской пехоте. Жалко. Что он знает? Что понимает? А ему: “Вперёд! Ура! За Родину! За Сталина!...” Он и бежит вперёд, а что делать, он ещё не подумал... У нас в отряде, если разведчик идёт вперёд, то всегда знает, что делать. А необученный и сам погибнет, и для других действия его опасны.

Я брал сначала новичков в походы не очень опасные и тяжёлые, чтобы они учились. Разборы ошибок обязательно делались командирами групп. Довольно часто собирались и все вместе. Комсомольские и партийные собрания у нас тоже в основном посвящались работе. У нас вообще не было ни одного не комсомольца. Вот приходит такой, мы говорим — надо вступать. Подаёт заявление. Если его вдруг потом собрание не принимает, из отряда он должен уйти. Доверие товарищей, как я уже говорил, самое важное. Необходимо уверенность, что с тобой в поход идут товарищи, которые тебя не оставят в любых условиях”.

Первую Золотую Звезду Героя Леонов получил за самую крупную операцию отряда в ноябре 1944 года. Перед началом общего наступления на Севере отряд получил приказ разгромить стратегически важный мощный опорный пункт

немцев на мысе Крестовый. Система дотов, две четырёхорудийные батареи (88-мм – зенитная и противокатерная, 155-мм – тяжёлая), находившиеся там, перекрывали дорогу десантным катерам наступающего Северного флота.

Две недели отряд тренировался, штурмывая сопку, похожую на ту, где находился немецкий гарнизон. Операция готовилась в режиме повышенной секретности. Задача трудновыполнимая. Проводить отряд на причал пришёл член Военного совета Северного флота вице-адмирал А. А. Николаев.

Из воспоминаний Героя Советского Союза Макара Андреевича Бабикова, в октябре 1944-го – командира отделения отряда:

“Идём Варангер-фьордом. Стараемся проскочить к чужому берегу незамеченными. Моторы переключены на подводный выхлоп, сигнальные огни погашены, радиопереговоров никаких. Погода с нами заодно: метёт пурга, снежные заряды укрывают катера от чужого глаза.

До рассвета прошли километров десять – это хорошо, в крошечной тьме, по такой дороге. Как рассвело – залегли, затаились в камнях. При свете идти опасно, можно запросто напороться на вражеских егерей.

Груз на плечах как будто все прибавлялся и прибавлялся. Пятисуточный паёк, полные диски с патронами, по десятку гранат, пачки патронов в рюкзаках, автоматы и пулемёты – всё это навьючено на плечи, давит на спину, на поясницу. И тащить этот “сидор” шаг за шагом, переход за переходом. Тридцать километров, что прочерчены на карте по прямой, уже на исходе. Цель где-то близко. Но тут снова занимается день, и мы снова ждём, лёжа без движения на мокрых и холодных камнях...

Наступила третья ночь. Отряд вплотную подошёл к вражеским батареям на мысе Крестовом.

В крошечной темноте мы спустились с обрывистых утёсов. В некоторых самых крутых местах ползли вниз по канату. Миновали лощину между сопками. Взобрались ещё на один крутой, почти отвесный утёс – его одолевали живой лестницей: один взбирался другому на плечи, цеплялся за какой-нибудь уступ, подтягивался, а потом, ухватившись за руку или за верёвку, помогал подняться товарищу.

Наконец последний спуск. Одолевать его оказалось всего труднее. Канатов для всех не хватало. Один десантник, уцепившись руками за гранитный карниз, повисал над обрывом. Другой по его спине сползал вниз и, нащупав ногами опору, принимал товарища на руки.

До сих пор не понимаю, как ни один из нас не упал, не грохнул оружием о камни... Случись такое здесь, под самым носом у врага, – всем нам бы ла бы крышка”.

“И всё-таки нам не удалось застать противника врасплох, – рассказывает Леонов. – В последний момент была задета сигнализация, немцы обнаружили нас и открыли сильный огонь из орудий и пулемётов. Всё освещено, перед нами – мощное проволочное заграждение... Резать его времени уже не было. Я отдал приказ: действовать кто как может, сообразуясь с обстановкой, по группам, но через минуту всем быть на батарее!”

От тяжёлых потерь нас спас Иван Лысенко, сибиряк, чемпион по борьбе, самый сильный физически в отряде, всеми любимый за доброту и справедливость. Он вырвал из земли рельсовую крестовину, весом она было килограммов сто, на которой крепились мотки колючей проволоки, и взвалил себе на плечи. Сказал только: “Пролазьте, пока стою!” После войны, в 1968 году один художник с наших слов написал картину “Подвиг старшины Лысенко”, но зрители часто не верили, что это было в реальной жизни... В образовавшийся проход мы и пошли. Когда Лысенко уже не мог стоять (огонь шквальный, в Ивана попало больше двадцати пуль), ему помог наш врач Алексей Луппов. Оба они погибли... Но мы ворвались на прикрывающую батарею и, захватив орудия, открыли из них огонь, благо трофейное оружие знали неплохо.

Лысенко ещё жил, когда я к нему подошёл после боя. Он только спросил меня:

- Как, много погибло наших?
- Нет, Иван, немного, – ответил ему.
- Значит, я правильно поступил... – были его последние слова.

Когда мимо пленных проносили тела погибших разведчиков, я приказал поставить немцев в шеренгу на колени”.

Из интервью сайту “Я помню” бойца-разведчика (после войны – полковника) Павла Гордеевича Колосова (1922–2015), участника операции на Крестовом, кавалера двух орденов Красного Знамени:

“Есть книжка Маклина “Пушки острова Навароне”. У него 12 человек чуть ли не целый остров Крит захватили. В первом издании было признание, что написать эту книгу автора подвигла статья, которую он, будучи в городе Мурманске, куда пришёл с союзным конвоем, прочитал в газете “Североморец”. Статья о том, как наши разведчики в глубоком тылу захватили укрепленный, состоящий из двух батарей – тяжёлой артиллерийской и зенитной. И продержались двое суток до подхода главных сил...

Когда я был на Севере, меня ребята спрашивали:

– Что-то о вас мало пишут...

Я отвечал: был бы у нас Маклин, он бы знает, как расписал.

...Наша авиация – “Илы” – на Крестовом нам помогла. Это просто спасение было. Мы смогли подняться на сопку... Мне тогда по ногам попало, а до этого ещё был ранен осколками гранаты в голову. Я потом оклемаюсь, а Рябчинский погиб. Лежим с ранеными на сопке. Немцы собрались нас добивать. И в это время вызвали “Илы”. Они нас окружили, одни уходят, другие приходят с реактивными снарядами... Вот это была организация – научились воевать. Палёным мясом запахло – это немецкая пехота, которая обложила нас, горела.

Операция на Крестовом – это действительно венец всех операций флота на Севере. Эту операцию потом изучали в Генеральном штабе”.

Психологический закон таков: в схватке двух противников один обязательно сдастся. В ближнем бою следует, прежде всего, приковать его взгляд к своему – твёрдому и властному.

В одной из своих книг Леонов писал: “Наш отряд, действуя в тылу врага, всегда уступал ему в численности, в техническом оснащении и в огневой мощи, но мы всегда побеждали в рукопашном бою. Ни немцы, ни японцы в подобных ситуациях никогда не действовали так решительно, как мы. Те, кто соприкасался с нами вплотную, только защищались, в глазах у них был страх...”

“Не бывает рукопашных боев, – говорил Виктор Николаевич, – когда двое людей, две группы дерутся с одинаковой энергией. Кто-то обязательно дрогнет, будет только защищаться, а кто-то выполнит задание, которое перед ним стоит. У меня в своё время был спор с маршалом Ерёменко. Мы выступали перед молодыми офицерами, и Ерёменко рассказывал, как они в гражданскую дрались в окружении. Я говорю: вы защищались, а они хотели вас уничтожить. Слабость их, что они не сумели этого сделать, и вам, хотя и не всем, однако удалось вырваться... Но с маршалом разве можно спорить? А офицеры поняли эту мысль, после выступления подходили позвать мне руку.

Очень важный момент – нужно стараться увидеть глаза противника. Он должен сразу испугаться. При внезапном столкновении необходимо знать и некоторые особые приёмы. Нельзя в этом случае хвататься за кобуру, уже поздно, враг выстрелит раньше. После войны, в 1949 году так погиб один наш разведчик Владимир Ляндэ. Он вернулся в родной город Ростов-на-Дону, пошёл работать в отдел по борьбе с бандитизмом. Ловили главаря банды. Ляндэ открыл калитку, а тот стоит напротив и уже пистолет у него в руках. И тут Володя допустил ошибку, начал доставать своё оружие. Но было уже поздно... Если я встретался один на один, то сразу бросал свой маузер, который, однако, не падал на землю, а на пружинке болтался у самых ног. Мне показывают – выше руки поднимай, и тут я делаю обманное движение, после которого немец если и выстрелит, то уже промахнётся. А мне этих двух-трёх секунд достаточно, чтобы он упал.

Когда на Крестовом немцы бросились прорываться, а их оказалось больше, чем предполагалось, мы лежали цепью. Нас было человек 80, а их – масса, только в плен попало в этом бою 127 солдат и офицеров. Боеприпасов в тот момент у нас не осталось. Здесь мне пришлось идти на большой риск. Ничего говорить я уже не имел возможности, я просто встал, бросил оружие и стал поднимать руки. Я знал, что то же самое сделают все до единого из тех, кто со мной. Какое у противника создалось впечатление? Что мы сдаёмся, стрелять не надо, путь свободен. И вдруг – один из них падает, второй. А у нас уже оружие появляется в руках. Конечно, у немцев паника, таких вещей они не выдерживали...

— На Крестовом ваши разведчики, когда кончились патроны, поднимались навстречу атакующим, когда те подходили вплотную, при этом распахнув ворот, чтобы показать тельняшку, и улыбаясь. Немцы, не вступая в рукопашную схватку, отбегали назад, чтобы открыть автоматный огонь.

— Да, приходилось действовать и так. Боезапаса нередко не хватало, хотя каждый нёс в походе на плечах до 40 килограммов груза. А на Крестовом нам уже во время боя сбрасывали с самолётов и боеприпасы, и продукты.

...Среди германских горных егерей было много спортсменов, австрийцев с горнолыжной подготовкой, но они, повторю, не выдерживали рукопашного боя. И о нашем отряде они знали. В части “Эдельвейс” не брали солдат ростом ниже 176 сантиметров, у нас же в основном были ребята пониже, но психологически они подавляли врага. Как-то я даже ругал нашего бойца Алексея Каштанова, ростом всего 160 см: он взял в плен двух егерей, на лодке отплыл с ними от берега и даже сам сел за весла. А те были так деморализованы, что уже ничего не могли предпринять. Хотя потом оказалось, что у одного был даже пистолет “вальтер” в кармане...

Хотя и немцы были не робкого десятка. Воевали они расчётливо и умело. Но, конечно, больше опирались на своё техническое превосходство. Немцы впереди обязательно танк поставь.

У меня была беседа с одним немцем во время съёмок фильма, который должен был выйти к 300-летию Российского флота. Снимали у нас, но режиссёр — немецкий адмирал, он был министром в ГДР, а после объединения Германии занялся кинематографом. Он у меня всё допытывался — что, как? Я отвечаю: почему я добивался успеха? У вас, немцев, всё было слишком чётко, расписаны все уставы, все пункты. Я их отлично знал, и если мне нужно было какой-то штаб разгромить, я делал ложный удар и знал, какой план обороны вы будете выполнять. Сам же действовал другими группами, которым вы сами открывали путь. Немец говорит: ну, теперь всё по-другому. Я в ответ: но ведь я-то тогда воевал...

Пленные вели себя по-разному. Помню, привели ещё в самом начале войны пленного офицера. Я уже переоделся. Тут из комнаты, где допрашивали, выскочил наш начальник отдела информации и говорит: “Ой, сволочь, ничего не говорит! Смеётся только...”. Я ему: “Сейчас заговорит”. Пошёл, скинул китель, оделся в то, в чём офицер тот в руки ко мне попался. Вошёл в ту комнату, он сидит нога на ногу и курит сигарету. Увидел меня, встал. Я говорю переводчику: “Передайте этому прохвосту, что вот эти адмиралы (показываю на штабистов, а там был и один адмирал) уйдут скоро, пусть они ничего не узнают, но он останется со мной...” Повернулся и вышел. Немец заговорил.

Ко мне командование прикрепило одно время двух переводчиков из штаба — учить меня немецкому языку. Они приходят, я им даю по плитке шоколада и отправляю обратно. Дошло это до члена Военного совета флота. Он и говорит: “Что ты делаешь? Ты немецкий должен знать на отлично!” — “Я, — отвечаю, — с немцами по-русски говорю. И они меня по-русски понимают лучше, чем вас по-немецки”.

Сначала немцы были самоуверенны и заявляли: всё равно вас уничтожим, пусть даже меня вы расстреляете. А в 1944 году, например, я привёл двух немцев, и член Военного совета Николаев прибыл на Рыбачий, сам захотел видеть пленных. Наши войска тогда только перешли границу, он спрашивает у них: ну, знаете, где сейчас линия фронта проходит? А они показывают на карту уже где-то под Берлином...

Одно из самых громких дел леоновского отряда — пленение в корейском порту Вонсан трёх с половиной тысяч японских солдат и офицеров. Как вспоминал один из участников этой операции, замполит отряда Иван Гузненков, большого страха и напряжения он не испытывал за всю войну.

“Нас было сто сорок бойцов, — рассказывал Леонов. — Мы внезапно для противника высадились на японском аэродроме и вступили в переговоры. После этого нас, десять представителей, пригласили в штаб к полковнику, командиру авиационной части, который хотел сделать из нас заложников.

Капитуляция была уже объявлена, но сдаваться нам японцы не желали. Они хотели уйти в американскую зону и там сдаться в плен. Но у нас не было случая, чтобы мы не выполнили задания, которое нам давали, каким бы оно ни было. Мы умели в любых условиях бороться до последнего.

Я подключился к разговору тогда, когда почувствовал, что находившегося вместе с нами представителя командования капитана третьего ранга Колюбакина, что называется, припёрли к стенке. Глядя в глаза японцу, я сказал, что мы провоевали всю войну на западе и имеем достаточно опыта, чтобы оценить обстановку. Что заложниками мы не будем, а лучше умрём, но умрём вместе со всеми, кто находится в штабе. Разница в том, добавил я, что вы умрёте, как крысы, а мы постараемся вырваться отсюда... Герой Советского Союза Митя Соколов сразу встал за спиной полковника, остальные также знали свое дело. Герой Советского Союза Андрей Пшеничных запер дверь, положил ключ в карман и сел на стул, а богатырь Володя Оляшев (после войны – заслуженный мастер спорта, неоднократный чемпион страны по лыжным гонкам) поднял Андрея вместе со стулом и поставил прямо перед японским командиром. Иван Гузненков подошёл к окну и доложил, что находимся мы невысоко, а Герой Советского Союза Семён Агафонов, стоя у двери, начал подбрасывать в руке противотанковую гранату. Японцы, правда, не знали, что запала в ней нет. Полковник, забыв о платке, стал вытирать пот со лба рукой и спустя некоторое время подписал акт о капитуляции всего гарнизона.

Построили три с половиной тысячи пленных в колонну по восемь человек. Все мои команды они исполняли уже бегом. Конвоировать такую колонну у нас было некому, тогда командира и начштаба японцев я посадил с собой в машину. Если хоть один, говорю, пленный убежит – пеняйте на себя. Пока вели колонну, в ней стало уже до пяти тысяч японцев.

После Крестового отряд представили к ордену Красного Знамени, но это не было утверждено. Кто-то считал, что мы – временная часть, которая после войны не будет нужна. На Дальнем Востоке я прямо спросил у наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова:

– Почему вы считаете нас временной частью?

– Так не я один считаю. – А потом всё же сказал: – Гвардейское звание получите.

И обещание выполнил”.

Прав был Суворов: “Удивил – победил”

“Нужно ошеломить врага, сделать что-то эффектное даже, чтобы они не сразу догадались, что перед ними, в сущности, горстка людей, не успели подтянуть подкрепление, – говорил Виктор Николаевич. – Например? Входим в штабную землянку. Громко приказываю: “Ну-ка, ты, иди сюда!” Потом удар, тот летит и уже не встаёт. Мы выходим спокойно и идём как на параде”.

А теперь – рассказ об операции на мысе Могильном, с которой начинается этот очерк. Поход на Могильный, откуда немецкий гарнизон засекал наши корабли и самолёты, складывался крайне неудачно. Командир батальона морской пехоты, сопровождавшего отряд, был потом отдан под суд военного трибунала. Его батальон под огнём немцев поспешно отступил. Командир разведотряда и комиссар также бежали... Небольшую группу разведчиков на Могильный повёл Леонов.

Атака была успешной, опорный пункт разгромлен, но на небольшом пятачке (самая широкая часть мыса не превышала ста метров) оказались лишь пятнадцать моряков. Немецкие егеря окружили их двойным кольцом, перекрыли путь отхода двумя пулемётами, подвергли интенсивному миномётному обстрелу, от которого лопались и рассыпались каменные валуны. Немцы торопились, как понял слышавший их команды матрос, знавший немецкий язык, закончить дело до наступления темноты. Боеприпасов у разведчиков почти не осталось. Один из них, крикнув в отчаянье: “Всё, песенка спета... Нам отсюда не выбраться!” – подорвал себя гранатой. Ещё один хотел сделать то же. “Трус! Застрелю!” – остановил его Леонов.

“Мы были прижаты к земле теми двумя пулемётами, стрелявшими непрерывно. Надо было что-то решать. Я вскочил на ноги и последними патронами ударил по камню, за которым лежали пулемётчики. Мне важно было, чтобы они спрятались, перестали вести огонь. А один из лучших наших бойцов Семён Агафонов по моему приказу бросился к этому камню метрах в двадцати от нас... Он успел прыгнуть на камень и оттуда – вниз на немцев. Когда я, раненный в ногу, доковылял туда, один пулемётчик уже был мёртв, с двумя другими Семён, схватившись, катался по земле. Я ударил одного, потом другого

по голове прикладом, мы захватили эти пулемёты и вырвались из первого кольца окружения.

Агафонов считался бесстрашным. Когда его спрашивали об этом случае, он со смехом говорил, что, когда увидел с камня, как у немцев руки дрожат, понял, что с такими руками они в него не попадут. Но друзьям признавался, что в момент после приказа подумал: ну вот, Семён, на этом твоя боевая карьера и закончилась... Страх испытывал каждый, но нужно было действовать, как положено.

Агафонов, кстати, отлично стрелял, метал ножи. Однажды спас мне жизнь. Мы вошли в немецкий блиндаж. Один из немцев, я его не видел, достал пистолет. Но Агафонов молниеносно поразил его точным броском ножа с нескольких метров.

Потом Юрий Михеев последней связкой гранат удивительно точным дальним, на двадцать метров, броском подорвал немецкий блиндаж. Гранаты ещё летели в воздухе, а он уже погиб, сражённый очередью. Но мы прорвали второе кольцо и пошли по протоптанной немцами тропинке к берегу. Поваливший снег скрывал наши следы. Последним шёл Агафонов. Забрались в прибрежный кустарник, несколько раз цепочка егерей проходила вблизи от нас, а мы сидели затаившись, сжимая рукоятки ножей. Долго ждали своих. Ведь батальон не только отступил, они ещё доложили, что из нас, разведчиков, никого в живых не осталось! Наконец пришли два «морских охотника», увидели со второго раза наши сигналы и забрали нас с Могильного. Остались в живых одиннадцать человек, и почти все были ранены...»

Тогда и пошла по Заполярью слава о Леонове. Позже, во время советского наступления в Норвегии, немецкое командование предлагало за голову уже хорошо известного им разведчика значительное вознаграждение. Леонов рассказывал, что в 1944-м в него стрелял неизвестный в матросской форме, который был убит ответным выстрелом. В кармане матроса нашли немецкую листовку с обещанием вознаграждения за голову командира отряда.

— Виктор Николаевич, — спросил я у Леонова, — вы были несколько раз ранены — пулями, осколками...

— Почему-то ранения я получал по праздникам, то на Первое мая зацепит, то под Новый год... Но, по существу, все ранения — это результат ошибок. Немцы тоже ведь были опытные солдаты. А если не ошибаться, в идеале, то и ранен не будешь. Попадало мне в основном в первый год войны, когда опыта ещё не хватало.

Первого мая 1942 года нас окружили на сопке. Во время снежного заряда немцы залезали на сопку, маскировали пулемёты. Где они? Я тоже во время заряда выбрался вперёд камня, за которым скрывался. На мне всё серое, и камень серый, думаю — не увидят, хоть и сижу прямо перед ними (остаётся только удивляться точности расчёта, выдержке и дерзости Леонова. Ясно, на чём был основан его авторитет в отряде. — А. Т.). Всё тихо. И вдруг один разведчик подбегает ко мне: «Закурить нет? — Не курю я, — говорю ему. — Беги отсюда». Он нашёл табак чуть дальше и побегал по снежной полосе, тут в него ударил один пулемёт, который я засёк. У меня нервы не выдержали, инстинктивно вскочил, и моя голова оказалась выше камня. Немцы решили, что я нахожусь за ним и ударили. Я был ранен рикошетом пулей в лицо, а если бы они догадались, что я перед ними, то, конечно, был бы убит. Но оба пулемёта я засёк, заполз за камень и показал ребятам, где они. Пуля торчала из щеки, зубы раздроблены. В тот день я и закурил...

После первого ранения, когда была у меня прострелена ступня, в госпитале в Архангельске меня списали было в нестроевые. Мы с одним лётчиком сбежали оттуда. Я уже был объявлен дезертиром, когда явился в отряд, а потом к члену Военного совета. Тот сказал: будем считать, что дезертирства не было».

“Право подбора разведчиков возлагается на командира отряда”

“Как я попал в отряд? Очень сильный я был человек. Со мной бороться никто почти не брался. Хотелось мне посмотреть — что это за егеря такие? Был уверен, что один на один уложу кого угодно.

Перед самым началом войны я заболел, положили в госпиталь с аппендицитом. Моя подводная лодка ушла в плавание. Операции мне так и не

сделали, но остался я на берегу, работал в мастерских, так как имел хорошую квалификацию слесаря-лекальщика и моториста. Немцы уже подходили. Что же мне, сидеть в мастерской?! С кораблей набирали в отряд. Меня не отпускали из мастерских, но я прорвался к члену Военного совета флота. И меня взяли.

А на второй день группа, человек двадцать, уходила в тыл к немцам. Один заболел. Мне предложили пойти... Заменял морскую форму на какую-то рваную армейскую и пошёл. Атаковали немецкий опорный пункт, во время боя я попал в тяжёлое положение. Винтовку СВТ я ещё не знал. Немцы бегут на меня, я выстрелил, убил офицера. Они остановились. Потом заметили меня, начали палить. А винтовка не стреляет, что-то заело. Я вскочил и бросился бежать к другому офицеру, думаю, добегу до тебя, сволочь, и тобой прикроюсь. Он вдруг бросился от меня бежать, солдаты за ним. Я загнал их в укрепление, хочу бросить туда гранату, а запал вставить не могу (устройства толком ещё не знал). Тут ещё один наш подбежал, лёжа мне кричит, как делать. Бросаю гранату, она обратно вылетает. Наш боец кричит: “Встрягнуть надо, чтобы зашипела!” Встрякнул, подтянулся на бетонной стене, бросил. Там взрыв, стоны. Бросил ещё одну. За этот бой получил медаль “За отвагу”. Начал думать, как надо воевать...

В том первом бою страха не испытывал. Но когда, выполнив задачу, стали отходить, когда увидел наших ребят убитых, вот тогда стало страшно. Сидели на берегу, ждали катер, который нас должен был забрать, и я спросил командира: “Товарищ старший лейтенант, а чего они побежали от меня? Я один был, а их – больше десятка”. Он мне и отвечает: “А ты на себя в зеркало посмотри!” Весь я был измазан, волосы всклокочены.

Наш отряд выполнял задания штаба Северного флота. Был ещё и отряд Северного оборонительного района – морская пехота. У них меньше опыта, выучка не та. Как-то командующий вызывает меня. Три раза ходили морские пехотинцы к немцам. Нужен пленный, а взять не могут, уже несколько человек потеряли. Я послал туда своих молодых ребят с опытным Никандровым. Пошли и взяли “языка” без потерь.

Читал я про такой же отряд Балтийского флота, хорошо знал командира отряда Черноморского флота. Всё у них было как-то не так... В первую очередь, думаю, сказывалось здесь то, что умное у нас командование. Командующий флотом Арсений Григорьевич Головкин, начальник разведки Леонид Константинович Бекренёв – очень грамотный в своём деле, замечательный, интересный человек, он готовил Зорге, Абея. Об этих людях ещё будут писать...

Прихожу, бывало, из похода, Бекренёв звонит: “Ну как, сегодня вечером приходишь? В преферанс сыграем?” – “Давайте”, – говорю. Жена у меня была гостеприимная, кулинар хороший. Посидим. Он анекдоты расскажет, а карточные фокусы такие показывал, что в цирке можно выступать. Очень хорошие у нас были отношения. И работе это, безусловно, способствовало. Был я на последнем 90-летнем юбилее Леонида Константиновича. Когда уходил, он зовёт: “Леонов, подойди сюда”. Обнял и поцеловал. “Что такое?” – спрашиваю. “Так, не знаю, на всякий случай...” И вскоре умер”.

За прошедшие после этого разговора годы о Бекренёве почти ничего не написано. Видно, сроки ещё не подошли. Слишком секретная у него была работа. Тогда, в 1994-м, Виктор Николаевич дал мне его телефон, я звонил, но мне сказали, что Леонид Константинович плохо себя чувствует. Встреча не состоялась, а жаль. Сегодня в Википедии можно найти только информацию из послужного списка. Л. К. Бекренёв (1907–1997) – выходец из рабочей семьи, родом из Ярославля. С 1932 года служил в Разведупре Красной армии, в 1937–1938 годах, как и Головкин, участвовал в гражданской войне в Испании, там они, вероятно, и сработались. В апреле 1941–сентябре 1942-го и с августа 1944-го по ноябрь 1945 года – на Северном флоте, начальник отдела боевой подготовки штаба СФ, начальник разведотдела. Инициатор создания отряда, которым и командовал потом Леонов. После войны Бекренёв поднимается в звании до адмирала с тремя большими звёздами на погонах, с 1955 года – начальник стратегической разведки ГРУ, в октябре 1962-го, на пике Карибского кризиса, направлен военно-морским атташе в США, в 1963–1967 годах – замначальника ГРУ, в 1967–1973 годах – начальник Военно-дипломатической академии. В отставке многие годы возглавлял комитет ветеранов ГРУ.

“У меня был свободный доступ в штаб флота, – рассказывал Виктор Николаевич, – хорошие личные отношения с начальством. Хотя член Военного совета заставил меня два года ходить в младших лейтенантах за Агафонова. Тот был осуждён за дезертирство – сразу после появления соответствующего указа не успел вернуться вовремя на свою подводную лодку. Мы с флагманским физруком ходили умолять, чтобы Семёна отдали нам в отряд, мы-то знали, что он за человек. А после Могильного я представил его к ордену Красного Знамени, и ему вручили награду. Тут член Военного совета вскипел, ему на ухо шепнули, мол, осуждённый, дезертир, а ему вместо справки об освобождении – орден... И мне сказали: будешь два года ходить в младших лейтенантах. И я ходил. Замполит мой – старший лейтенант, начальник штаба – капитан-лейтенант. Впрочем, на дело это не влияло...”

Адмирал Головкин отдал приказ – право подбора разведчиков возлагается на командира отряда. Назначить к нам никого не могли. У меня была связь с управлением кадров, они присылали ко мне тех, кто вроде бы подходил. Я беседовал с человеком и смотрел, как он реагирует на мои вопросы. Самое важное для меня при этом – его глаза и руки. Приходит ко мне как-то кандидат на должность помощника по тылу, говорит, что у него связи, что всё у меня будет... А я ему говорю: а вот если тебе на плечи положить килограммов сорок груза, на лыжах двадцать километров пробежишь? Он: мне это необязательно, я буду кормить людей. Я говорю: а мне обязательно, чтобы ты это мог делать тоже, потому что кормить надо не только здесь, за столом. В общем, не сговорились. Смотрю на него: глаза бегают, руки трёт... В “Красной звезде” была однажды статья, где показывалось, как по положению рук можно определить психологическое состояние человека, его характер. Мне нужно было, чтобы руки не хватались ни за что, чтобы они были готовы к действию, но оставались спокойны. Человек может молчать, но руки говорят за него: то он за стол схватится, то скрестит их...

А первый мой приказ, когда я стал командиром в мае 1943 года, такой – уполномоченного особого отдела в отряд не пускать! А то – приходим из похода, и он тут как тут, занимает кабинет и начинает вызывать по очереди, допрашивать, кто как себя вёл... Потом второй приказ. Почти всех “стукачей” в отряде я уже знал, потому что меня самого вербовали, и я отказался от этого дела. Хочешь проверять – иди с нами на задание, там каждого видно как на ладони... Я их собрал и сказал: “Пишите что угодно, придумывайте любую болезнь, но чтобы через сутки вас в отряде ни одного не было”. И всех их выгнал. После этого мне член Военного совета Николаев сказал: “Они тебя посадят скоро”. Я говорю: “А вы для чего?” Он: “Они и меня могут обойти”. А я знал – таким образом они сажали Лунина, ставшего потом знаменитым подводником. Я говорю: “Мне не нужно, чтобы вы меня защищали, но подпись ваша нужна в приказе. Вы мне сообщите только и дайте самолёт. Я прыгну с парашютом в Норвегию и буду оттуда руководить отрядом. Пусть они там меня возьмут”. Он засмеялся: “Ну ты, говорит, авантюрист...”. Я говорю: “Какой же я авантюрист, это я так...”. Но если надо было помочь, член Военного совета отряду помогал”.

Кто-то не верил, что Леонов мог себе позволить так обходиться с могущественным СМЕРШем. Однако, как я понял из разговора с ним, он как опытный разведчик заполучил “компромат” на одного из особистов и благодаря этому проводил свою линию и в отношениях с данным ведомством.

Из воспоминаний Героя Советского Союза М. А. Бабикина о командире: “Выглядел он колоритно, держался степенно... Переступая через порог дверей начальников, у которых нашивки на рукавах золотились чуть не до локтей, входил в кабинеты без робости, о ковры не спотыкался. И говорил ровно, не заикаясь от страха... Новички обращались к нему по уставу. Позже они стали звать его батей. Командование, Военный совет флота уделили отряду особое внимание. Разведчики получали всё, в чём нуждались”.

“Мы готовили людей только так, как это будет в бою”

Задаю такой вопрос: “В описаниях боевых действий отряда нередко есть случаи, в которые действительно верится с трудом. Трое разведчиков во главе со старшиной 1-й статьи Владимиром Ляндэ в течение восьми с половиной (!) месяцев, с 10 февраля по 27 октября 1944-го, в тылу у немцев

на полуострове Варанзер, не заходя ни разу ни в один населённый пункт, ночуя под снегом, уходя от преследования, переживая голод и цингу, успешно наводили по радио на немецкие самолёты и корабли, регулярно давали метеосводки для наших лётчиков и моряков... (Командующий Северным флотом А. Головкин представил В. Ляндэ за этот потрясающий подвиг к званию Героя Советского Союза, но был утверждён лишь орден Красного Знамени). Группа из 33-х человек высадились на надувных лодках на берег. Три с половиной километра до дороги, по которой должна была пройти немецкая колонна, преодолела бегом по глубокому снегу, бросив рюкзаки и лишнюю одежду. За 20 минут разгромив штаб зенитного полка и караульную роту, разведчики захватили пленных, всю штабную документацию и без потерь вернулись на базу... Во время наступления в Норвегии за 55 часов отряд совершил с боями переход в 200 километров по сопкам и болотам, под дождём и снегом, с грузом у каждого не менее 25 килограммов! И таких примеров не один. Как достигался такой уровень выносливости?"

— Закалка в отряде была спартанская, страшно тяжёлая. Каждое утро — лыжный поход на 30-50 километров, а иногда и на 70. В последнем случае после половины дистанции мы выпивали по кружке шоколада с молоком на одной из баз разведуправления, отдыхали минут десять и шли обратно. Когда оставалось километров пять до финиша, тут я говорил: дальше, кто как может! Кок готовил победителю приз.

После этого проводили боевую разминку, у нас была своя система, включавшая приёмы джиу-джитсу и других видов борьбы. При отработке схватки вооружённого с невооружённым всегда использовалась боевая винтовка с настоящим, а не спортивным эластичным штыком. Член Военного совета как-то это увидел и говорит: "Прекратите, вы же убьёте друг друга!" Но мы готовили людей только так, как это будет в бою.

— А несчастных случаев во время таких тренировок не было?

— Нет. Чему же его учат?..

Были ли мои ребята суперменами, как сейчас говорят? Я бы не сказал. Обычные русские люди. Главное, чтобы здоровье было стопроцентное и на лыжах крепко стояли.

Отряд в основном формировался из моряков-подводников, спортсменов. Я с 1938 года служил на подводной лодке, считался одним из лучших лыжников Северного флота, перед самой войной представлялся к званию мастера спорта, был чемпионом бригады по боксу, инструктором рукопашного боя. Ещё до службы, на заводе "Калибр" в Москве окончил курсы снайперов. На заводе особенно много занимался лёгкой атлетикой, бег на средние дистанции у меня получался. На футбол любил ходить, знал игру всех игроков "Динамо" и ЦДКА. Любил игру Константина Бескова. Главное — он соображал, что делал. Как-то динамовцы долго не могли забить гол, чтобы выйти в финал Кубка страны. Бесков два раза выходил один на один, вратарь забирал мяч. Вышел опять, вратарь приготовился. А Бесков пробегает мимо мяча, и бегущий за ним динамовец, видно по договоренности, ударил и забил. Тонко было сыграно. Помню хорошо игру Григория Федотова, Всеволода Боброва...

Я мечтал одно время о небе, о самолётах, как и большинство ребят в те годы. Даже летал на планере в Тушино. Но в лётную школу не прошёл, обнаружили плоскостопие. А в авиатехники идти отказался — хотел только летать. Решил проситься на флот, хотя при призыве туда сначала и разрядки не было. "Почему на флот?" — спросили меня. "Ну, как же! Море!" — отвечаю я, язык-то у меня тогда был неплохо подвешен. А вот спортсмены в отряде не всегда задерживались. Когда началась война, к нам в отряд приехали из ленинградского физкультурного института Лесгафта несколько человек. Кое-чему мы у них научились и в лыжах, и в рукопашном бое. Но всех их потом списали. Знать-то они знали, но для того, чтобы по-настоящему где-то драться, слабоваты были...

— Виктор Николаевич, а вы в детстве часто дрались?

— Нет, почти никогда. Как-то мне удавалось, как правило, дипломатическим путём решать все вопросы.

...Был у нас на флоте один из лучших лыжников, мой друг Андрей Жиров. Прекрасно подготовленный, помог мне стать хорошим лыжником, но оказался патологически труслив. Как идти в поход, у него обязательно

находится какая-нибудь болезнь. Потом его списали в морскую пехоту. Там отправили сопровождать двух раненых в тыл, а он бросил их, ушёл и сдался в плен. Я узнал о том, что у немцев появился некий инструктор Андрей. С заданием мы ушли в тыл к немцам, нашли их лыжную базу. Наблюдаю за тренировкой, вижу — действительно Жирнов. Тренировка у немцев закончилась, но я знал, что сейчас он должен, как обычно, пойти ещё на круг в одиночестве, как это делал наш довоенный тренер. Ребята мои залегли неподалёку, а я встретил Андрея на лыжне... Он упал на колени, просил взять его с собой. “Зачем? — говорю. — Из тебя же наши особисты все жилы вытянут...”. Предатель был расстрелян.

Ведь почему иногда стремились в отряд? Идёт, скажем, наш Агафонов в увольнение, а у него на груди несколько орденов, ни у кого на флоте из матросов такого нет. Смотрят и думают — ах! Пришёл и получил. А у нас как раз очень трудно было орден заработать.

— Были ли у вас любимые песни в отряде?

— Любимая — “Землянка”... Когда уходили в поход, к нам приходил артист из ансамбля Северного флота и исполнял на дорожку... А из послевоенных песен не могу переносить “Алёшу”. Во время празднования моего юбилея дочь Татьяна говорит артистке, что “Алёша” — любимая песня отца. Та запела, у меня потекли слёзы. Слова-то какие: “Из камня его гимнастёрка, из камня его сапоги...” Полонез Огинского тоже не могу переносить...

— Каким было питание, снабжение отряда?

— Морской паёк, как на кораблях. Полагался и походный паёк, довольно солидный. Но ведь когда человек идёт и знает, что придётся и пострелять, и подраться, он лучше вместо продуктов лишнюю гранату возьмёт. Поэтому на базе оставались всегда излишки.

Как-то раз член Военного совета после вручения орденов говорит, мол, зайду к вам завтра, чем будете угощать? Я говорю: “Будет гусь с яблоками”. Пришёл к коку, тот: “Что ты, командир, гуся-то мы достанем, а вот яблок где взять?” Кока я для своих ребят держал лучшего на флоте, у меня его хотели отобрать в штабную столовую, приказ уже подписали. Но я отправил его на Рыбачий — идите, возьмите... Так он из компота яблок натаскал, как-то их распарил, что они как свежие стали. И угостили-таки члена Военного совета.

... Определённой формы одежды для походов у нас не было. Были очень удобные зимой американские шерстяные тельняшки — тёплые, пот хорошо впитывали. Имели мы и прекрасные костюмы из оленьих шкур, делали их для нас в одном совхозе на Кольском полуострове. Брюки мехом наружу, жилетка мехом внутрь и рубашка с варежками мехом наружу. В такой одежде можно и в снегу спать. Встал, встряхнулся, как олень, и пошёл дальше...

Из интервью сайту “Я помню” бойца отряда П. Г. Колосова:

“Во-первых, изучали топографию. В большом объёме занимались физической подготовкой... Тренировались высаживаться на шлюпках. На Севере море не замерзает и зимой, и летом, а температура воды всегда четыре-шесть градусов. И редко бывает тишь и гладь — обыкновенно волна с накатом. Короче, приходишь вымотанный, снимешь вещи — в сушилку бросишь, поешь и спать...”

Табельным оружием были автомат и мосинский карабин. За всё время пребывания в отряде я ни разу не использовал карабин по назначению, чистил только. А в основном с автоматами ходили. ППШ у нас были с диском и рожком. Трофейное оружие не сдавали, в отряде, например, оставляли шикарные станковые пулемёты МГ.

Пистолет был табельным оружием у командира. Тогда были ТТ. А у рядовых, если были, то трофейные. У меня был наган и бельгийский “вальтер”. У всех были финки и кастеты трофейные. Кастеты мы где-то в полицейском управлении у немцев набрали.

Мы имели норвежскую лыжную мазь — у них была смазка на все случаи жизни. И наш отряд всегда имел первое место на всех соревнованиях по лыжам”.

Спрашиваю у Леонова: какое оружие брал с собой в поход он, командир отряда? Ответ: “У меня был маузер, который стрелял, как автомат, а также парабеллум и маленький маузер в кармане, так, на всякий случай, как говорится, для себя. Парабеллум, захваченный в первом бою, был со мной всю войну, хороший пистолет, вся тяжесть в кулаке, я из него стрелял не из кармана, а с бедра. Ствол короткий, но метров на 50 бил точно”.

“В июне 1945-го, — рассказывал В. Н. Леонов, — я прибыл на Дальний Восток. Там тоже был разведотряд. Но кто туда входил? Ведь все опытные моряки уехали на запад. Хотя в отряде по сравнению с другими ещё получше остались. Меня нарком назначил туда, а я поначалу отказался ехать, хотя сам же и просился. Как с этими мальцами я встречу с японцами? Скажут — какой ты Герой? Тогда мне разрешили пятьдесят человек своих взять. Их я перемешал с теми молодыми из расчёта двое новичков к одному ветерану. Нас направили на остров Русский, там лес, горы, подходящее для занятий место. Часов по двенадцать в день — тактика, стрельба... За два месяца мы этих молодых натаскали, и в настоящем бою они потом работали уже не так плохо. А из моих североморцев стали Героями Советского Союза Александр Никандров, Макар Бабикив...

Основа всего — патриотизм

“Моя родина — Зарайск, очень красивый город. Славился садами, яблоками торговали не на килограммы, а мерой или мешками. Жили мы на первом этаже, в полуподвале. Окно откроешь и шагнёшь в сад... Отец мой был человеком самой мирной профессии, разводил фруктовые сады. Работал по найму у помещиков, после революции — в садовом товариществе.

Летом я жил у деда в деревне Протякино. Любил гонять голубей, рыбачить на реке Осётр. Время было голодноватое. Помню, в детстве один раз убил большую щуку. Она грелась на солнышке в омуте, я взял палку, ударил, она и всплыла. Схватили мы её с другом и вытащили на песок о трудом. Привязали рыбину на палку, палку на плечи и потащили. Рост наш невеликий был, щучий хвост по земле волочился...

Зимой — лыжи, на санках мчались с любимого нашего Крутого бугра. Как-то, было мне лет десять, шёл я зимой из Протякино в город, это километров восемь. Смотрю, впереди два мужика повернули обратно и мне говорят: куда ты, парень? А мне в школу надо. “Не ходи, там волки”. Но я пошёл дальше. Знал, что там ветла у мостика. Если волки нападут, успею забраться на дерево. Уже рассветало, кто-нибудь поедет, не будут же волки сидеть и смотреть. Иду осторожно и вижу — бегают две лисицы, я свистнул, они убежали. Мужики догнали, в благодарность даже взяли и потащили мой мешок с продуктами. Почему я пошёл? У меня был расчёт, а не то что — пойду и всё, ничего не боюсь.

Отличником в школе я не был, выделялся только по математике, физике, обществуведению. Тянуло меня к технике, дядя позвал в Москву учиться на слесаря-лекальщика. Замечательная профессия — изготовление точного инструмента”.

Добавлю к рассказу Виктора Николаевича, что высококвалифицированным слесарем-лекальщиком стал в юности и А. И. Покрышкин. Характерен также штрих из интервью Леонова журналу “Юнга”: “У нас на заводе один начальник зажимал рационализаторские предложения рабочих. А я был председателем совета изобретателей цеха. Что делать? Я и повесил ему на дверь табличку: “Здесь сидит бюрократ”. Он увидел, но снять не решился, побежал к секретарю парторганизации. А тот ему отвечает: “Леонов повесил — с ним и разбирайтесь”. Мне, правда, потом в райкоме такой “фитиль вставили”... Но начальник тот к предложениям рабочих стал относиться по-другому”.

Так что задатки новатора, лидера, способного просчитывать варианты, разумно рисковать, проявились у Леонова ещё в детстве. А то, что зарайские люди — особо одарённые, показывает такой необычный труд, как “Зарайская энциклопедия”, которую всю жизнь составлял местный краевед Владимир Иванович Полянчев. Как он установил — каждый сотый житель района чем-то известен или знаменит! Неспроста бытует здесь шутка, в которой есть и некий вызов: “Есть в России три столицы: Зарайск, Москва и Луховицы!” В. И. Полянчев констатировал: “По моим подсчётам, из Зарайского края только за последние три четверти века вышли семь академиков, 26 профессоров, 52 доктора и кандидата наук, 28 лауреатов Ленинской, Государственной премий и премии Совета Министров СССР, 12 Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда...”

Кстати говоря, под Зарайском, на Великом Поле, былинный богатырь Евпаний Коловрат сформировал свой знаменитый отряд.

Спрашиваю у Виктора Николаевича:

— Перед походом на Крестовый в 1944-м командующий Карельским фронтом Мерецков сказал о вас: “Коли зарайский, пусть идёт, будем надеяться”. Рязанский городок Зарайск (ныне в Московской области) известен в русской истории, у него даже герб боевой — меч, крепостная стена. Что вы знали о родном городе в детстве?

— Кирилл Афанасьевич Мерецков — мой земляк. Зарайские всегда как-то особенно гордились своим городом, который был поставлен как форпост между Рязанью и Москвой. Татары шли с юга и всегда в первую очередь попадали на Зарайск. Название своё город получил, когда рязанская княгиня Евпраксия, узнав о гибели мужа и не желая сдаваться хану, который прельстился её редкой красотой, бросилась с ребёнком с высоты и, как тогда говорили, “заразилась”, то есть убилась насмерть...

Прославил Зарайск и его воевода князь Дмитрий Пожарский. Когда в Смутное время наступали поляки, им присягнули все окрестные князья, а он отказался. Пришли к нему купцы, говорят, мол, надо присягнуть, а то разграбят наш город. А князь говорит — нет. Тогда его пообещали убить. На эту угрозу он ответил, что лучше погибнуть от руки предателя, чем самому быть предателем. Эти и другие истории я слышал ещё в школе, наш директор, учитель обществоведения Сергей Ефимович рассказывал...

— Виктор Николаевич, а как сложилась ваша судьба после войны?

— Я хотел демобилизоваться. Ещё до войны я многое из Пушкина знал наизусть, поэму “Руслан и Людмила”, а также “Конёк-Горбунок” Ершова, писал стихи, печатался. Мечтал пойти в Литературный институт... Меня направили к адмиралу Исакову, начальнику штаба флота. Исаков — это же умница был... Слушал он меня, слушал, потом говорит: ты Айвазовского знаешь? Он окончил военно-морское училище. Римского-Корсакова? Станюковича? Чем ты-то лучше? И я попал в Баку, в Каспийское высшее военно-морское училище. После учёбы был назначен командиром дивизиона торпедных катеров в Новороссийске, но потом меня взяли в Морской генштаб, где я занимался обобщением опыта, хотя все отряды, подобные нашему, расформировали. Долго мы вместе с Героем Советского Союза генерал-майором Бановым из армейского Генштаба пробивали нашу идею о том, что разведчиков тоже надо учить.

(Банов Иван Николаевич (1916–1982) — разведчик, в годы Великой Отечественной войны создал в Белоруссии несколько партизанских отрядов, затем партизанское объединение, которым командовал. В 1949–1957 годах — замначальника, начальник спецназа ГРУ. — **А. Т.**)

Будет война, и опять люди будут гибнуть, не имея опыта, как это было у нас. В конце концов, мы добились своего, было принято решение создать такие отряды на флотах и в округах. Этим я и занимался. Потом пошёл учиться в академию в Ленинграде и тут тяжело заболел. Наступил 1956 год — начали резать корабли, Хрущёв к флоту известно как относился. Служба пошла наперекосяк везде. Думаю — надо уходить. Пора...

Приехал в Москву, поработал в НИИ инженером, а потом как-то меня отпустили на Северный флот, выступать. Оттуда прислали бумагу, что лучше лектора они не слышали. Так я и объездил весь Советский Союз, от Дальнего Востока до Молдавии. Везде принимали хорошо. Уставал только — по нескостью выступлений в день... Но просили все, а особенно школьники. Как ребятам откажешь? Мы сейчас плохо относимся к патристическому воспитанию. Когда я в те годы выступал — везде залы были полные, особенно в российских крупных городах. И молодых ребят много. А сейчас, в 1990-е, те, кто выступает, рассказывают — всё не то. Да и мало осталось тех, кто по-настоящему прошёл войну. Ведь чтобы продуманно рассказывать, надо самому пережить всё это.

А потом здоровье совсем начало подводить. Кто на войне думал о перегрузках? Думали: а выживешь ли?

— Но тогда все знали, за что воевали.

— Знали. На флоте в нашу победу верили буквально все с самого начала войны. Другое дело, что после войны всё пошло не совсем так, как надо бы...

— А ваши бойцы кричали “за Сталина”?

— Мои нет. Когда кричать — ночью? Перед внезапной атакой? Хотя не

скажу, что мы Верховного главнокомандующего не уважали. Мы гордились его мужеством, тем, что он в Москве остался осенью 1941 года.

– Первую свою Звезду Героя вы получили за Крестовый?

– Да, за Крестовый присвоили звание Героя мне, Александру Пшеничных и Семёну Агафонову.

– А Иван Лысенко не был удостоен этого звания?

– Нет... Не стали Героями и Алексей Луппов, и Володя Фатькин, который первым бросился на Крестовом на колючую проволоку. Володю называли самым красивым матросом Северного флота. Иногда, правда, был храбр до безрассудства. Однажды высадились в Норвегии. Подошли к обрыву. Ночь, бросили вниз камень, звука никакого. Вдруг Фатькин говорит: “Сейчас я вам скажу”. Взял и прыгнул вниз. Кричит оттуда: “Высоковато, Пашке Барышеву (это был друг его) страшно будет. А так снег мягкий, рыхлый, можно прыгать”. Все прыгнули, хотя было там метров 20, никто не разбился.

Такой человек был Володя Фатькин. Помню, как он однажды на моих глазах, оставшись без автомата, сумел ножом уложить двух здоровенных егерей...

У нас ведь не было ни одного человека из Героев, который не имел бы до этого два-три ордена, только потом представляли на Героя. Эти ребята совершили подвиг на Крестовом, а сколько они до этого-то ещё сделали... И Саша Манин, который на Крестовом после гибели Фатькина взорвал себя с немецкими пулемётчиками, достоин самой высокой награды.

Был ещё один отряд, который с нами шёл, но ничего не сделал, а командир его получил-таки звание Героя.

Но не из-за орденов ведь воевали. Помните ответ Ивана Лысенко перед смертью: “Я правильно поступил”. Никто ведь ему такого задания не давал – поднимать эту крестовину под огнём. Он сам так решил.

Вот что надо воспитывать в человеке. Чтобы он думал не о жизни своей, а о деле, которое ему поручено...

Полистаем наградные документы, которые теперь в массе своей общедоступны благодаря сайту Министерства обороны РФ “Память народа”.

Вот представление В. Н. Леонова после похода на Могильный к ордену Ленина, который был заменён с понижением на орден Красного Знамени. “Товарищ Леонов 8 раз ходил в тыл врага, был всегда впереди в самых опасных местах. Смелый и решительный, даже после ранений никогда не оставлял своего места в бою и оказывал помощь тяжелораненым бойцам... Вывел группу из окружения”.

А вот строки из наградного листа на орден Александра Невского (10.4.1944). Этот орден, кстати говоря, вместе с медалью “За отвагу” были любимыми наградами героя.

“... Командовал отрядом при его действии в глубоком тылу противника. Благодаря умелым и решительным действиям отряд разгромил немецкую колонну автомашин из 6-ти единиц. Свыше 15 немцев уничтожено, 6 немцев взяты в плен, из которых четверо – работники штаба зенитного дивизиона. Захвачены трофеи и ценные штабные документы”.

Владимир Васильевич Фатькин был награждён единственным орденом – Красного Знамени (15 января 1944 года). Уроженец города Спасск-Рязанский, где его помнят. Виктор Николаевич говорил, что бывал там, встречался с сестрой своего бойца, погибшего в 24 года. Его сравнивали с соколом – красивое тонкое лицо с яркими синими глазами и статная сильная фигура. “Эх, Володя, до чего ты и мёртвый красив”, – писал Леонов.

Скупое, считаю, награждали участников отряда. В Первую мировую войну, уверен, значительная часть отряда стали бы полными Георгиевскими кавалерами.

Трёх наград был удостоен боец-разведчик, старшина 2-й статьи Иван Николаевич Лысенко из деревни Большеречка Болотнинского района Новосибирской области. Родился он 18 ноября 1917 года. В первом наградном листе на медаль “За боевые заслуги” указана национальность – белорус. И действительно, в эту деревню в годы Столыпинской реформы переселялись крестьяне из Белоруссии. Дважды ранен. За участие в трёх операциях в немецком тылу награждён орденом Красного Знамени. В третьем, посмертном, наградном листе на орден Отечественной войны I степени за мыс Крестовый отмечено: “Участвовал во всех проводимых за это время операциях отряда в глубоком и ближнем тылу противника”. Но почему-то описание подвига не соответствует тому,

что пишут В. Н. Леонов и М. А. Бабилов, что публиковалось ещё в 1950-е годы, когда были живы многие участники операции... Сам Леонов, правда, говорил мне, что не всегда в документах, по разным причинам, все описано так, как было на самом деле. Жаль. Очевидно, что подвиг Лысенко — один из символов Великой Отечественной. Он погиб, не исправляя чьи-то или свои ошибки. Это была продуманная в те краткие мгновения у колючей проволоки сознательная жертва — за други своя. Не зря так доверяли Ивану товарищи, верили в его справедливость. Его подвиг высвечивает до конца суть леоновского отряда, главный секрет его невероятных побед.

Просматривая документы, я был поражён. Оказывается, впервые приехал я к Виктору Николаевичу именно 18 ноября — в день рождения Ивана Лысенко!..

Разговор с Леоновым продолжался.

— А как вы встретили День Победы?

— Ещё восьмого мая, у себя на базе. Англичане-союзники прибежали поздравить. Выпили, постреляли вверх малость... Но у нас на Севере всё уже кончилось задолго до этого. Второй раз встречал Победу в Японии, после разгрома японцев слетал в Порт-Артур, Дальний. Седьмого ноября на Параде Победы на Дальнем Востоке прошёл и наш гвардейский отряд.

— Как вы оцениваете день сегодняшней? Преодолеет наш народ новую смуту?

— Народ-то преодолеет... И смута не первая в нашей истории. Народ, если почувствует, что дело ставится по-настоящему крепко, здорово, народ с радостью это поддержит. Переживёт и эту заваруху, но видно — тяжело переживёт. Можно было бы как-нибудь полегче... Всё пойдёт непросто, но Россия обязательно возродится. И люди найдутся.

Сейчас я редко выхожу из дома, смотрю по телевизору в основном только новости. Зачем нам все эти американские фильмы, наркотические сериалы по 250 серий? По-моему, с ума от этого можно сойти. Деньги начинают играть всё большую роль. Слава Богу, у меня их нет. В выступлениях политиков вижу пока только борьбу за власть. И в войну такие были, но там быстро становилось ясно, кто чего стоит”.

“Много у нас на Руси было святых людей, чудо-богатырей, — сказал Виктор Николаевич, когда я попросил его дать напутствие для читателей журнала “Воин”. — Я был воспитан на их примере и говорю вам: не забывайте эти традиции, берегите их и приумножайте!

Мечта о подвиге, о том, чтобы отличиться, — это мечта каждого человека. Но для того чтобы это осуществить, нужно, прежде всего, уметь управлять собой. Должна быть железная воля. Как её воспитать? Для этого нет специальных упражнений... Основа всего — патриотизм. Тот, кто безразличен к судьбе Родины, ничего не совершит! Конечно, необходимы знания, умения. И вера в товарищей, которые также должны верить в тебя. Когда будут воспитаны эти качества, то и воля появится как бы сама по себе... А если есть воля — путь к славе, путь к подвигу вам открыт”.

С того дня, как Леонов стал командиром, и до конца войны отряд потерял погибшими совсем немного, из них восемь — на Крестовом, в основном в момент преодоления проволочного заграждения.

“Я вообще не любил терять людей. Спросите у любого: все знали, что я буду бороться за жизнь каждого человека до последнего. Как-то попросили меня проконсультировать автора сценария о действиях моряков-разведчиков в годы войны. Я посмотрел, ошибок хватало. А главное — писатель всех погубил к концу фильма! Я говорю — так не пойдёт. Меня же назначили консультантом. И оставил им в живых несколько человек...”

Таким и был Виктор Николаевич — боец, вожак, тонкий психолог и поэт. Однажды он с юмором рассказал мне такой эпизод из своих послевоенных выступлений: “На одной из встреч с научными работниками получаю записку с вопросом: как же так, вы прошли такие бои, а у вас такая шевелюра и седины почти нет. Мы же не воевали, а сидим тут седые и лысые? Ответил учёным тоже с юмором. Может быть, человек теряет волосы, когда не может подавить чувство страха. Идёт, например, по улице, а навстречу трое подгулявших хулиганов. Он ищет переулочек, куда бы свернуть, дрожит. Или сидит в высоком кабинете, в тёплом мягком кресле и всё время трясётся, как бы его не согнали с этого кресла. Домой приходит запоздавший — тоже дрожит, жена на него, как тигрица, набрасывается. А я спокоен. Идут на меня трое, я их всегда

разгону. Ни в каком кресле не сижу. Когда командовал отрядом — снимай меня, пожалуйста! Садись в моё “кресло” и иди в тыл к немцам. Жена меня за опоздания не ругала, во время войны по месяцу меня ждала...”.

Или такое его тонкое размышление: “Осталось у меня одно незаконченное стихотворение об улыбке. Ведь это тоже оружие. Когда я внезапно сталкивался с врагом лицом к лицу, я ему мило улыбался. Он замешкается на несколько секунд, и это давало мне возможность остаться живым и что-то сделать. И если от тебя уходит любимая, не злись. Пожми плечами и улыбнись ей вслед. Не только розы будут на её пути, тогда она вспомнит твою улыбку и прольёт слезу...”.

Норд-вест и “Норд-ост”

И ещё об одном эпизоде из последних лет жизни В. Н. Леонова хочу рассказать. Было это в начале июня далёкого 1999 года. Я только что вернулся с Кубани, где прошли дни памяти трижды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина.

— Звонил майор Константин Васильев. Он читал в журналах “Воин”, “Русский дом” твои материалы о дважды Герое Викторе Николаевиче Леонове. Хотел бы с ним встретиться с твоей помощью, — сообщил мне отец.

Слышал Леонов неважно, говорить в трубку следовало чётко, не торопясь и погромче. Если Виктор Николаевич не понимал чьей-то скороговорки, он в разговор не вступал. Ветеран был дома, я решил для начала съездить к нему один. “Приезжайте...” Встреча прошла хорошо, и в свои 82 года Леонов сохранял ясный ум, говорил, как всегда, сжато и интересно. Я записал на диктофон ещё половину кассеты, уточняя те или иные детали фронтовой деятельности Леонова и его отряда. На встречу с незнакомым майором, который занимается боевыми единоборствами и хотел бы поговорить о различных приёмах, Леонов согласился сразу. Вынужденное из-за болезни сидение в стенах квартиры тяготило его, встречам, вниманию к себе он, особо не показывая виду, сдержанно радовался...

Вечером вновь позвонил Васильев. В его голосе слышалось что-то даже детское и простодушное. Майор, а называет себя Костей... Договорились о встрече в центре зала станции “ВДНХ”. Я решил для себя: если в первом впечатлении от майора будет что-тостораживающее, к Леонову его не поведу. Мало ли что...

Но появившийся в метро Константин сразу развеял все сомнения. Вызывал он к себе полное доверие. Пожимая ему руку, я невольно улыбнулся — вот это парень! Таких сейчас нечасто увидишь в толпе. Высокий и широкоплечий, но вместе с тем стремительный и лёгкий. Во всей его фигуре была незаурядная мощь. Открытое лицо из тех, которые называют чисто русскими, прямой взгляд. Одет был в летнюю офицерскую форму, ладно сидела на нём зелёная рубашка с погонами. А ведь в то время, как известно, вне службы офицеры редко носили форму.

Сели в трамвай, чтобы проехать несколько остановок до улицы Докукина. Как всегда, проезжая мимо северного входа на ВДНХ, я наклонился, чтобы увидеть в полный рост легендарную скульптуру Веры Мухиной “Рабочий и колхозница”. Посетивший в 1937 году павильон СССР на Всемирной выставке в Париже Ромен Роллан дал об этом произведении такой отзыв: “На берегах Сены два молодых советских гиганта возносят серп и молот, и мы слышим, как из груди льётся героический гимн, который зовёт народы к свободе, к единству и приведёт их к победе”.

Эта скульптура с первой поездки к Леонову стала для меня как бы и прологом, и эпилогом встреч с ним. Потрясённый первой беседой с ним в 1994 году, возвращаясь к ВДНХ, я словно в первый раз увидел эту пару стальных гигантов... Неслучайно посетивший...

В моей папке с материалами о Леонове осталась краткая запись, сделанная в тот день: “6 июня 1999 года. Встреча у В. Н. с Костей Васильевым. Костя — интересный парень. Таких православных, воцерковлённых военных я встречал единицы”. Он рассказывал Леонову о своём батюшке-духовнике. А Леонов неожиданно для меня признался, что любит смотреть передачу “Слово пастыря”, которую вёл митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл (с 2008 года — Патриарх Московский и всея Руси). Зашла речь о воз-

можной войне России с агрессивным блоком НАТО (1999 год, напомним, был годом бомбардировок Югославии). Леонов по этому поводу сказал: “Если бы такое случилось, и были бы силы, организовал бы партизанский отряд в Подмосковье...” Вспоминал по просьбе Константина хрестоматийные уже эпизоды из действий своего отряда на Севере и в Корее. Видно было, что майор старику по душе. Когда Васильев попросил уточнить особенности какого-то приёма рукопашного боя, Леонов, увлечшись, начал было вставать, забыв о ранениях и болезнях!

Константин рассказал о своём учителе рукопашного боя Алексее Алексеевиче Кадочникове, офицере, преподавателе военного училища в Краснодаре, где учился Васильев.

Все остались довольны той встречей. Когда мы с Константином вышли на улицу, он сказал: “Ну, и руки у Виктора Николаевича. И врага, если надо, удавит, и землю вспашет”. Узловатые цепкие кисти рук ветерана действительно запомнились. Как и его пристальный взгляд из-под нависших седых бровей, суровый облик, а также неизменный юмор и нечастая, а потому неожиданная, добрая улыбка...

День был жаркий. В ожидании трамвая предложил Константину выпить пива. Когда выпили по бутылке, спросил: “Может, ещё по одной?” И вдруг Константин ответил: “Нет. Не надо. Нельзя расслабляться”. В этих словах прозвучала спокойная твёрдость, заставившая меня взглянуть на его лицо. В ходе разговора я спросил: “А есть ли, остались ли в нашей армии люди, способные, как Леонов и его соратники, встретить врага?” Васильев так же спокойно ответил: “Есть”. Вообще он был серьёзен, я вдруг понял, что не услышал от него ни одной двусмысленной шутки, ни одного, нередкого у военных, ругательства.

Какое-то время помолчали. Тогда и подумалось вполне определённо: “А ведь этот Васильев – человек совсем не обычный...”

В метро на переходе мы попрощались. Я подарил Константину несколько номеров журнала “Слово”. Он сам вписал в мою записную книжку, которую храню и сейчас, свой номер телефона. Константин жил в общежитии. А родом, как оказалось, он из Сарова, славного на Руси преподобным Серафимом Саровским и крупнейшим ядерным центром. Родиной своей Костя явно гордился. Как позже я узнал, он писал в конце своих писем: “Россия великая, Саров могучий”.

Договорились созваниваться, навестить ещё Виктора Николаевича. Но встретиться нам больше не довелось...

Константин звонил несколько раз, говорил о том, что есть трудности по службе, не знает – оставят ли его в Москве после учёбы. Потом – он хоронил отца. Последний звонок от Васильева был летом 2002 года. Приезжал из Краснодара на презентацию своей книги его учитель А. А. Кадочников. Константин хотел, чтобы на презентацию был приглашён и я, но через день расстроенным голосом извинялся – меня, не шибко известного невоенного журналиста, кто-то из начальства вычеркнул из списка.

Я просил его не огорчаться, потому что тем летом, совершенно не укладываясь в отведённые сроки, работал над биографией А. И. Покрышкина для серии “Жизнь замечательных людей”. Книга должна была выйти к 90-летию трижды Героя, к 6 марта 2003 года. Времени оставалось совсем немного.

Константин сообщил, что работает в системе Военных судов, в переулке Хользунова (бывшем Большом Трубецком, переименованном в честь погибшего лётчика, Героя Советского Союза В. С. Хользунова). Этот переулок, от метро “Фрунзенская” до Большой Пироговской, мне давно и хорошо знаком. По нему я когда-то ходил в институт, где учился на историческом факультете, а в последние годы – в церковь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, что стоит за Плющихой, почти на берегу Москвы-реки.

“Позвони как-нибудь с вахты, я выйду, поговорим”, – предложил тогда Константин. Мне хотелось также показать ему наш храм, восстановленный общиной.

...Книга моя была завершена к назначенному времени, вышла в свет и презентовалась на родине А. И. Покрышкина в Новосибирске. Довольно долго я собирался подарить книгу Константину, как обещал. Наконец, 19 августа, в день Преображения Господня, после службы в храме я позвонил Константину по его рабочему телефону. Идти от церкви до его Управления, как я

понимал, всего несколько минут. Затянувшееся более чем на год молчание Константина не удивляло, созванивались мы, как уже говорилось, редко.

Набрал номер на телефонном аппарате из комнаты настоятеля храма отца Александра. Кругом празднично шумели прихожане. Попросил к телефону Константина Ивановича. Слышимость была неважная.

– Кто вы? – как мне показалось, резковато спросили меня после паузы.

– Да... Представитель прессы, – ничего лучшего не пришло мне в голову.

– Васильев погиб... .

– А что случилось? – спросил я, потрясённый, прижимая трубку к уху.

Мне что-то ответили, я не расслышал, переспросил:

– Авария?!

– Вы про “Норд-Ост” слышали?

– Да, да, конечно. Извините... .

Спросить ещё что-либо я не успел. Да и не разобрал бы я объяснений в окружающем шуме и гомоне. Ведь собирался я только договориться о встрече.

Тут же рассказал об этом батюшке и его гостям. Все горестно вздохнули. Но это была не первая жертва кошмарного теракта на Дубровке, чьи судьбы как-то связаны с нашим храмом. Очень уж много людей пришло тогда на представление популярного мюзикла... . Находилась там и группа ребят из соседней с храмом школы. Погибла девочка Даша. В соседней церкви у дьякона Александра погиб зять – музыкант оркестра. У моего друга жена сидела прямо рядом с бомбой, подготовленной террористами к взрыву. Когда всё завершилось, друг Юра позвонил мне, рассказал о случившемся, о том, что, слава Богу, Татьяна осталась жива.

Попрощавшись в тот праздничный день с друзьями, я брёл по Хользунову переулку к метро, всматриваясь в окна, за одним из которых работал подполковник Васильев. Каково было сослуживцам услышать просьбу позвать к телефону Константина Ивановича спустя почти год после его гибели... .

Эх, Костя! Давили тягостные мысли. Виделось в этом человеке большое будущее... .

Дома сразу взял с полки книгу о трагедии “Норд-Оста”. На последних страницах помещён список погибших в Театральном центре. Я уже читал этот список... . 13-й номер – Васильев Константин Иванович. Но мало ли в России людей с такими фамилией, именем и отчеством. Была ведь у меня задумка подарить Константину набор открыток с репродукциями картин его полного тезки, талантливого художника, трагически погибшего в 1976 году, всего в 34 года. Когда-то, в 70–80-е, русские темы его картин стали открытием для многих.

Подполковнику Константину Ивановичу Васильеву было 35... . Расспросить о его судьбе мне было не у кого. Звонить на службу не стал – меня там никто не знал. Ни в одном из телевизионных и газетных репортажей я о Васильеве ничего не слышал и не читал. Мой друг и его жена, бывшая заложница “Норд-Оста”, рассказывали мне, что при спасении людей, отравленных при штурме газом, больше погибло именно молодых сильных мужчин, которых выносили из зала в последнюю очередь, после женщин и детей.

Наверное, с кем-то из знакомых Костя оказался на этом мюзикле по мотивам романа “Два капитана”. Нелепая смерть, но кто застрахован от подобного в сегодняшнем мире? И на войне люди гибнут по-разному, далеко не всегда успев что-то совершить.

Два месяца вспоминал я о Константине почти каждый день. В церкви подавал записки об упокоении его души.

Наступили 20-е числа октября, годовщина гибели заложников “Норд-Оста”. Во всех храмах особо поминали убиенных в терактах. И вдруг слышу, на службе в нашем храме отец Александр отдельно поминает убиенных отроковицу Дарью и воина Константина. Что-то дрогнуло в душе. А может, это Костя подаёт весточку о себе?! На мой вопрос батюшка ответил, что перед литургией к нему подошёл наш постоянный прихожанин Яков Яковлевич Ленюк, преподаватель из той школы, где училась Даша. Он принёс статью из журнала “Русский дом” о подвиге какого-то подполковника Константина. “Как его фамилия? Васильев? – Кажется, да. Там и фотография есть”.

Читаю ксерокопию статьи Н. Е. Сухиной “За други своя” с подзаголовком “Освободите детей. Я готов остаться здесь вместо них” (“Русский дом”, 2003, № 2). На снимке – Константин Васильев, молодой, ещё в капитанских погонах... .

Через несколько дней Яков Яковлевич подарил мне кассету с записью передачи радиостанции “Радонеж”, посвящённой подвигу К. И. Васильева. В передаче принимали участие Алексей Алексеевич Кадочников – академик, профессор, учитель Константина, а также хорошо знавший Васильева Андрей Николаевич Митрофанов – офицер запаса, директор Академии безопасности человека.

Была проведена реконструкция тех событий. 24 октября Васильев, пользуясь своим офицерским удостоверением, один прошёл в Театральный центр. В переговорах с террористами заявил, что он как государственный служащий, подполковник представляет для них больший интерес, чем дети, которых просил отпустить.

Далее А. Н. Митрофанов рассказывал:

“Мне позвонили и сказали, что Константин не вышел на работу. Это было абсолютно на него не похоже. Он был настоящим офицером, который все-го себя отдавал службе. Мы начали его искать. Проверили всё, но не нашли никаких следов. Причём самое первое, что я спросил, когда мне позвонили: “А не может ли он быть на Дубровке?..” Наверное, это была интуиция. Да и убеждения, характер Васильева всем нам были известны.

Как мы потом посмотрели, тяжело это говорить, судя по многочисленным входным пулевым отверстиям, его расстреляли, отойдя на определённую дистанцию. Они боялись его, даже безоружного.

...Только потом, после героической гибели Константина Ивановича, мы поняли, что он внутренне готовился к подвигу. Ездил по монастырям – святыням России, беседовал со священниками.

Константин прошёл школу Кадочникова, очень серьёзную подготовку, как минимальными силами выполнить боевую задачу, сохранив при этом жизнь подчинённых и свою жизнь. Но в той ситуации речь шла о спасении детей. Он решил вступить в переговоры с вооружённой бандой, сознательно шёл на предельный риск, почти на верную смерть”.

А. А. Кадочников сказал: “Мы повторяем слова Александра Невского: “Не в силе Бог, а в правде”. Побеждает не физическая сила, а дух человека. Боец должен быть физически силён. Должен знать, как действовать и применять оружие. Но только сочетание духовных, физических, интеллектуальных сил даёт возможность победить. Именно благодаря высокому духу мы выстояли во всех войнах, которые обрушились на Россию. Мы видим это на примере наших отцов и дедов, победивших в Великую Отечественную войну. На примере дважды Героя Советского Союза Виктора Николаевича Леонова, сумевшего в 1945 году с десятью товарищами заставить капитулировать несколько тысяч японцев”.

Слушая эту радиопередачу, я понял, почему Константину Васильеву надо было встретиться с Леоновым. Наверное, не только для того, чтобы услышать рассказ от первого лица о действиях и приёмах разведчиков. Константин читал все книги дважды Героя, все публикации о нём. Ему надо было посмотреть в глаза Леонову, пожать ему руку. И как бы получить напутствие на подвиг, к которому Константин себя готовил. Мне показалось, что на той встрече в июне 1999-го Леонов принял Васильева в свой отряд.

Из бойцов леоновского отряда Константин напомнил богатыря Ивана Лысенко. В том бою на Крестовом Лысенко лично не сразил никого из врагов. Но своим самопожертвованием открыл товарищам путь к победе. Подвиг Васильева – из того же ряда. Для воцерковлённых людей вполне очевидно огромное влияние таких незримых поначалу для большинства людей деяний на реальные земные события.

Своей гибелью Константин словно приподнял чёрную плиту безысходности. В тот просвет и пошли бойцы группы “Альфа”. Перед глазами стоит то раннее утро в тусклом свете фонарей. Бойцы в камуфляже крушат стекло входных дверей. Слышится срывающийся голос теледиктора: “Всё! Пошли наши спецы!” Начался штурм.

“Безверное войско учить – что перегорелое железо точить”

Виктор Николаевич Леонов умер 7 октября 2003 года. Я не увидел о его кончине ни одного сообщения по телевидению, в центральной прессе. А ведь ушёл из жизни один из ярчайших национальных русских героев! В те осенние

дни 2003-го я проходил, ничего не зная о смерти Леонова, мимо северного входа на ВДНХ. Было тепло и солнечно. Огромные массы людей передвигались между бесчисленных торговых павильонов. Но что резануло по душе – начался демонтаж, как писали в газетах, для реставрации скульптуры Мухиной. Стальные гиганты ещё стояли на своём постаменте, но уже без головы, без рук... Зрелище было тяжкое, какой-то мрачный сюрреалистический символ.

На одной из неофициальных встреч тогда же, в начале 2000-х, я слышал, как один действующий генерал, выступая после ветеранов, говоривших о сегодняшнем состоянии армии и как бы отвечая им, сказал: в нашей истории бывают времена суворовские, наступления и натиска, и кутузовские, отступления и утрат, когда главное – соединить и сохранить силы. Говорил генерал весомо, продуманно. Ветераны, было видно, его поняли...

Но не может не свершиться возвращение из беспамятства имён таких героев, как Виктор Николаевич Леонов, Константин Иванович Васильев... О многом говорит день рождения человека. В. Н. Леонов родился 21 ноября, в день Собора Архистратига Божия Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. К. И. Васильев – 6 мая, в день великомученика Георгия Победоносца.

В 2006 году на стене дома, где жил Виктор Николаевич, была установлена достойная мемориальная доска. В составе Северного флота состоит разведывательный корабль “Виктор Леонов”. На Дальнем Востоке, на острове Русский установлен памятник. Переиздаются его книги, появляются новые телепередачи – жаль, их не снимали, когда он был жив и мог многое ещё рассказать.

Опыт Леонова используется спецназом России. Он говорил мне, что в годы работы в штабе обобщил военный опыт и своего отряда, и отрядов Черноморского и Балтийского флотов. Написал большую работу о программе подготовки, составе и вооружении таких подразделений. Под его руководством был снят фильм “Высадка и действия разведгруппы на побережье противника”. Фильм, снятый на Ленинградской киностудии, был засекречен. Виктор Николаевич вспоминал: “Фильм игровой, с удовольствием смотрели бы ребяташки...”

Так что дело великого разведчика живёт. А Константин Васильев был похоронен на Аллее Героев в родном Сарове. Посмертно был удостоен ордена Мужества. По сообщениям СМИ, собираются материалы для его канонизации в лике святых. Фотографии его мироточат...

“Рабочий и колхозница” в 2009 году вернулись на свой постамент у ВДНХ.

Вновь зададимся вопросом: подойдёт ли опыт леоновского отряда для иноземных спецназовцев? Он говорил: “Нигде я не учуял, чтобы у них была такая дружба, как у нас. Ведь мы на Могильном из-за раненого Шелавина попали там в окружение, но не бросили его, а несли на руках. Спрашивал я у пленных немцев: могли бы вы так остаться, зная, что можешь погибнуть? Один их полковник попал к нам, был сильный шторм, мы несколько дней сидели на Рыбачьем, беседовали. Он отвечает: какой смысл гибнуть из-за одного? Можно пристрелить одного, чтобы не мучиться. Значит, не ценили они так товарищество”.

Виктор Николаевич всегда говорил об опоре на заповеди великого А. В. Суворова. Вспомним же ещё одну: “Безверное войско учить – что перегорелое железо точить”. В 1941–1945 годах решающим было святое чувство патриотизма, что Леонов подчёркивал.

Знакомый капитан 1 ранга, когда зашёл у нас ним разговор о Леонове, рассказал, что как-то спросил у разведчика: что же двигало вами в ходе рискованных боевых операций в немецком тылу, в полярной тьме? Леонов ответил: “Ненависть клокотала!” Оккупантов следовало уничтожить.

Отряд Леонова – это, действительно, были народные мстители. П. Г. Колосов вспоминал: “В отряд приходили те, кто рвался воевать. Мне пришли письма из Ленинграда, я узнал, что отец, брат и бабушка погибли. Я стал проситься из зенитного дивизиона в разведку... Мы ходили на операции вне формы, без погон и даже без всякого признака-то, что мы советские люди. Мы отлично знали, что никакая конвенция нас не спасет, если мы попадём в плен. Каждый разведчик чётко это знал. Поэтому, чтобы не попасть в руки врага живым, кто-то где-то бритву зашьёт или ещё что-то такое... Немцы нас боялись как огня. Считали нас неуловимыми, “чёрными дьяволами””.

Вот что двигало теми бойцами, что их сплачивало. И какие немцы, какие самураи могли их одолеть?! Не говоря уже об американских “морских котиках”...

СТЕПАН СМЫШЛЯЕВ

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

(Записки алтайского конника)

Наша деревня Широкий Луг расположилась прямо на границе между Горным Алтаем и Горной Шорией в Кузбассе, на правом берегу реки Кондомы. Колхоз, маслобойня и пасека моего отца, которая когда-то принадлежала ему лично, но после революции его оставили на ней просто пасечником, – вот всё, что было в деревне. Да пять-шесть десятков домов.

Отец Смышляев Филипп Павлович прошёл Великую войну, где его заверстали в казаки, хотя по рождению он из вятских, но хорошо знал и любил коней. В 1917 году вернулся домой хорунжим. Тогда я впервые подержал в руках его боевую шашку. И думать не думал, что самому придётся помахать ею целых четыре года, пройдя на коне от Москвы до Берлина.

Все мы, Смышляевы, из Вятки. Наша ветвь фамилии приехала оттуда на Алтай, а затем сюда, в деревню Широкий Луг, в 1906 году. Мне тогда был только год.

По отцу и мы с братом стали казачьими детьми. Брат Иван погиб в 1919 году в сабельной рубке под Кузнецком, там и похоронен в братской могиле над крепостью. Я младше его, мне гражданская не досталась, я служил срочную в 1927–1929 годах в Новосибирске и Тано-Туве. Наши кавалерийские разъезды охраняли в Туве границу.

Вернувшись со срочной, жил одиночно, но в 1930 году вступили с отцом в колхоз. А через год я ушёл в старатели в Спасское приискное управление. Но в 1940 году вернулся в Широкий Луг, работал бригадиром в колхозе. Там и застала война.

25 августа 1941 года я уходил на фронт. Всех, кто из бывших сибирских казаков, бывших кавалеристов гражданской войны собрали по таёжным деревням и селам и привезли в Бийск. Не думал я тогда, что мать больше не увижу, она умерла в 1943-м, похоронена в Широком Лугу. И сынок мой старший Коля рядом с ней. Не всем военная голодуха позволила выжить.

Меня определили в 235-й кавалерийский полк 73-й отдельной Сибирской кавалерийской дивизии. Дивизия была только-только сформированной, поэтому нас поселили в специальном учебном лагере и обучали сабельному и ружейному бою. Вскоре из Монголии прибыли кони, их начали объезжать.

В ноябре мы отбыли на станцию Бийск, погрузились в эшелоны и отправились на фронт. Но сначала прибыли в деревню Смолево под Шатурой, охраняли электростанцию. Конными разъездами прочёсывали лес, задерживали диверсантов. Нас боялись, особенно наших нагаек и наших крепких рук, один даже сошёл с ума, когда поймали. Всё тараторил: “Не надо, не надо, я больше не буду”.

Казарм не было, жили в палатках или просились к местным в дом. Для коней соорудили загоны, настроили им кухню, кормили сеном и запаренным овсом. Но корма стало не хватать, скоро и яблоки закончились, паданок поначалу собирали мешками, но коней много, они голодали.

У меня был хороший вороной по кличке Бек. Укрою попонкой, он пригреется и дремлет, только ушами прядает. Один раз я неожиданно подошёл, так он аж затрясся от страха спросонок. С тех пор я тихонечко к нему подходил, ласково, как к мальчишке. Собственно, он и был ещё молодым конём. А мне уже тридцать седьмой шёл. Хлопцы меня Филиппычем звали, не иначе. А молодые ребята к концу войны и вовсе батей стали звать. Из-за возраста меня вскоре определили в команду коноводов. В конной атаке мы вместе со всеми, а в пешей забираем коней и уводим в укрытие. При арналётах и бомбёжках кони тоже на нашей ответственности. Хлопотное, очень тяжёлое дело, враг всегда стремился в первую очередь конский состав положить, поэтому забот хватало, и смертность среди коноводов была высокая, как и среди коней. Моего Бека также подстрелили – с самолёта. Тогда у нас целая бойня получилась, около сотни коней полегло. Это когда битва под Москвой разгоралась, немец остервенел, бомбами забрасывал по несколько раз в день. Куда мы только ни прятали коней – бесполезно.

Перед уходом на передовую к нам в дивизию прибыл Семён Михайлович Будённый. Лично я его близко так и не видел, в строю стоял во второй линии, а он далеко, напутствовал нас. С тем мы и ушли воевать. Это был уже январь 1942 года. Как раз где-то в это время неожиданно умер наш командир дивизии, и прислали другого по фамилии Чаленко. Говорили, что он личный друг Будённого, вместе воевали в гражданскую.

Нас сильно мучили глубокие снега. Враг атаковал часто, воевали пешим строем против пехоты и танков, поэтому кони гибли массой. Удерживать их в укрытии не было никакой возможности. Тогда было принято решение отвести конский состав глубже в тыл. Нам дали строгий приказ: сохранить коней во что бы то ни стало, ценой своих жизней.

Январь 1942 года оказался очень морозным, а мы – в лесу. Тогда было много обморожений. На ночь выкапывали ямы в снегу на полметра, сооружали навес, забрасывали ветками и все вместе спали. Да так тесно ложились, что поворачиваться с боку на бок можно было лишь одновременно. Телу-то тепло, а ноги мёрзли. Днём – нога об ногу, а ночью из сапог вытекает, и они вместе с портянками к ногам пристывают. Недели две так было. Правда, удалось съездить в деревню и помыться в бане.

А вскоре приказ: двигаться вперёд на Воронеж, затем – на Луганск. Опять полк сел на коней. За нами шли танкисты, связисты, медики. Шли с боями. Под станцией Бутурлиновской я получил пулевое ранение в ногу и до лета пролежал в госпитале.

А в конце лета наша 73-я сибирская дивизия вошла в состав 55-й кавдивизии, сменила её и приняла её номер. Рядом с нами постоянно находились казаки-башкиры. Вот уж великолепные бойцы, совершенно бесстрашные! Но и мы, сибиряки-алтайцы, не подводили. Особенно летом в оборонительных боях навострились бить немца из окопов по-снайперски. Мы же таёжники, все как один – охотники, нам это ничего не стоило. Командиры хвалили: “Вот, сукины дети, алтайцы! Что клинком, что пулей!”

Осенью 1942 года весь наш 8-й кавалерийский корпус из трёх дивизий двинулся на Дон.

На нас возлагали задачу прорыва под Сталинградом и чистку тылов противника.

Дон встретил нас неласково – снарядам и пулей. Перед нами были румыны. Народ трусоватый, чуть что – руки поднимал, но пуль они не жалели, били густо. Немец – он в любом случае драться будет. Они в этом на нас похожи, русских – жутко в драке заводные; позже, в Польше, мы с немецкими уланами в сабельную остервенело схватывались, и тогда я понял, что немец – рубака что надо, он не уступит, его только разить, или он тебя. А румын – нет, он и не лезет, и не бежит. Он или падает и руки тянет, или голову закрывает и кричит: “Хорош, хорош! Я румын, брат!” Конечно, они воевать не хотели, их силой гнали.

Но в Усть-Медведице на Дону они крепко засели. Мы несколько атак положили, и если бы не наши танки, долго бы ещё кровью умывались. Танки на-

шого корпуса подошли и в упор расстреливали их в ключья. А уж мы добивали и брали станицу.

С Усть-Медведицы дело под Сталинградом и пошло. На запад пошло. Мы действовали совместно с танкистами и пехотой. Это усиливало натиск. Танки проложили нам дорогу через фронт, и мы лавами тремя кавалерийскими дивизиями ушли в тыл противника.

Масса ретивых боевых коней и злых, потных конников с оголёнными шашками наводили ужас на румын и немцев. Как пройдемся вдоль села, где они квартируют, да как посечём с ходу десяток-другой, да ещё с гиканьем, так они чёрными тараканами от нас во все стороны разбегаются. А вечером сидишь у костра, жмёшься к огню и отогреваешь клинок шашки, чтобы очистить его от намерзшей крови. И так почти каждый день. Страшно уставали. Да ещё простуды начались, чирьи стали мучить.

В таком рейде плохо то, что обоза с тобой нет, он отстаёт. Пшено, сухари, сало — при тебе, на вьючных лошадях — овёс. Снег уже лежал повсюду, но его глубина позволяла коням копытить жухлую осеннюю траву. Но не хватало и им, и нам. Выручали только трофеи. Порой специально вырубали немцев в деревне, чтобы только пожрать да в домах погреться и отоспаться.

Вообще лихие у нас бойцы были. В основном молодёжь, кровь играет, руки сильные, шашка как влитая лежит. И на скаку хорошо из карабина стреляли. Тренироваться было где, вот только патронов не хватало, приходилось всё больше на клинок брать. А клинок у шашки доводили ремнём, что бритву. Махнёшь — и как в масло, сама идёт.

А от Сталинграда наши уже пошли восток. Навстречу тоже шли, сближение стало неизбежным, мы проделывали дыры в тылу противника, обескровливали его, пугали. В самых неожиданных для него местах появлялись. Авиация постоянно за нами охотилась, но удавалось в основном уходить. Румыны стали полностью деморализованными. Мы забирали у них оружие, строили и отпускали “за горизонт”. Их там немцы ловили, опять вооружали и тоже гнали за горизонт, но уже в нашу сторону. Тогда уж они сами разбегались, потому что мы грозили: если ещё раз с оружием в руках пленим — перебьём.

Дважды, кажется, крепко схватывались с моторизованной пехотой немцев. Но эти клали нас хорошо, хотя, как всегда, выручали смекалка и натиск сибиряка.

Долго мы так воевали. Уходить бы уже надо, сил не осталось, а нам всё приказа не дают. Как-то в очередной раз эскадрон опять спешился. Нам оставили коней, а хлопцы в атаку пошли. Мы спрятали коней поглубже в лесу. Наш эскадрон опять обескровел, поэтому выделил только двоих коноводов, и мы с товарищем намучились с табуном, прежде чем наступил вечер. Но тут пришёл связной и огорошил:

— Нет вашего второго эскадрона, всех до единого побили. И вы уходите, немец прёт прямо сюда, озверел весь. И наши от Сталинграда навстречу прут. Сейчас тут молотилка будет.

— Но как коней оставить?

— А вот так. Приказ!

Что делать? Как коней бросить? Напарник тянет:

— Уходим, Степан. Спешить надо.

Берём в повод несколько коней и уходим.

А я смотрю: в снегу валяется целенький немецкий пулемёт. Нет, думаю, с ним-то я коней выведу.

— Давай, — говорю напарнику, — распутывай коней, гони к нашим, а я прикрою.

Но не успели — налетел немецкий пикировщик. Сразу застрочил, кони забились, стали падать. Мы с напарником прыгнули в какую-то старую траншею. Я к борту что есть силы прижался. Очередь сантиметров десять выше моей головы прошла. Я начал по немцу стрелять. Он бы, может, и ушёл, а тут развернулся и опять на нас. И мне вновь угодило в правую ногу. В ту же, что лечил, чуть ниже. А напарнику руку и грудь пробил. Сразу его и убило...

Я голову поднял, завозился, силясь сапог снять, а самолёт опять на меня. Я снова его из пулемёта, да никак у меня не получается. Раз шесть мы с ним на дуэль выходили, потом он отстал.

Живые кони ушли куда-то спутанными. Только один раненый жеребчик всё мучился, стонал.

Я долго напарника по голове гладил, уж больно жалко было казака, земляка, фамилию теперь уж не вспомню, он из новеньких был, только призвали перед походом на Дон, но тогда помнил и документы его забрал, позже отдал куда надо.

Совсем стемнело. Слышу: русская речь. Слава Богу! А я голодный и от потери крови ослаб, в сон клонит. Да ещё холодно, где-то минус десять, не меньше. Кричать боюсь, а наши не идут, не ищут. Так всю ночь в полузабытьи и пролежал. А как рассвело, решил ползти. Слышу: опять голоса. К костру выполз. Наши бойцы сидят, из боя вчера вышли, отдыхают. Похудевшие, обтрёпанные.

— Алтайцы?

— Они! Какого эскадрона, товарищ?

— Второго. С конями я был.

— Ты, похоже, один остался, ваших положили, искрошили всех, эскадрон-то прямо на пулемёты вышел, засада была, а место открытое.

Тут их лейтенант подошёл, спрашивает:

— Не ты вчера самолёт из пулемёта зацепил?

— А разве зацепил? — удивился я.

— Зацепил! — начали меня хлопать по плечу бойцы. — Он и улетел сразу.

Мы видели, как ты врезал ему в боковину. Вот, думаем, молодец, не испугался!

— Раз так — это ему за товарища моего и побитых коней. Там, в траншее напарник мой остался, тоже коновод. Вы бы схоронили его, хлопцы.

— Фамилия ваша, товарищ боец? — спрашивает лейтенант.

Я сказал. Он всё записал, и про напарника тоже, и про самолёт, и ушёл.

Я спрашиваю:

— А чего сидим так спокойно, как будто бы и не в тылу у немца? Выходить надо.

— Уже не в тылу, — засмеялись хлопцы. — Вчера немца далеко отбросили. Сталинградцы прут, не остановишь. Мы теперь в нашем тылу, Степан Филиппович!

Вскоре их на построение позвали. Стали мы прощаться.

— Поправишься, догонишь, — говорят хлопцы. И на всякий случай мне бумажки суют с фамилиями и адресами. Все — алтайцы да кузнецкие, земляки. Каждый надеется: вдруг мне отпуск дадут или подчистую спишут, приеду, расскажу его жене и детям, как живого видел.

— Я за подводой послал, — сообщил мне лейтенант. — Увезут тебя в госпиталь. Так что сиди, жди.

Весь день я просидел. Тихо стало, лишь самолёты немецкие — туда-сюда.

Тут связисты катушку тянут. Мне говорят:

— Ползи по проводу, как раз к штабу Башкирской кавдивизии попадёшь, а там отвезут к медикам. Ваши, алтайские, уже вперёд ушли.

Я пополз. Дорога на пути попалась. Я поднялся, по ней пошкандылял, опираясь на карабин и шашку. В штабе подводу дали. И повезли меня в госпиталь. А там все выпившие, радостные. Только и слышно: прорыв, прорыв! Сталинградскую пробку наши окончательно прорвали, два фронта встретились, погнали немца на запад, и в котёл взяли целую армию. Как тут не порадоваться! Налили и мне.

— Вам, конникам, поклониться надо, — говорит военврач. — И танкистам поклониться. В эти-то холода, да при вашем натиске вы его и сломали. Вон, танкистов к нам везут — чёрные, как головешки. А все в бой рвутся. Сознания нет, обгорелый, а всё друга зовёт, заводи, говорит, вперёд надо, сталинградцы ждут, часы считают. Вот ты сибиряк! Какие же вы крепкие да надёжные, сибиряки! Цельный народ, одним куском кованный. За вами страна, как за стеной. А башкиры! А наши, украинцы, а белорусы! Да что говорить, весь наш народ теперь — крепкий кулак, не разожмёшь!

И снова мне подливает — я самый лёгкий из раненых оказался, меня и тискали. А перед операцией ещё дали. Проснулся я уже в чистых бинтах. Ногу мне спасли, но болит всю жизнь, в непогоду криком кричу... И не только от ноги кричу, ведь и душа болит, а ей ещё больнее — столько навидался за годы войны. Кавалеристам всегда тяжело: рубки страшные были, глаза в глаза, сатана меж нами постоянно крутился, только крепостью духа да крестом

нательным, завёрнутым в материнский платочек, и держались. Да крепкой рукой опытного рубаки.

После госпиталя догнал я свой полк, сел на коня. И как раз вовремя при- был. Опять наша дивизия вместе с Башкирской в прорыв вошла. Это уже фев- раль 1943 года. Наш второй эскадрон полностью обновился. Хлопцы в ос- новном с Дона, на месте призваны, молодёжь зелёная, но казачья, лихая. Тогда-то они меня и стали батей называть и Филиппычем – я единственный от прежнего эскадрона, да и под сорок мне было, седины много появилось.

Прорыв неудачным получился. Ушли мы без танковой поддержки, да и обозы порастеряли. А в них не только продовольствие, но и боеприпа- сы. И опять пришлось брать врага в основном на клинок. Неожиданными уда- рами нам удавалось уничтожать одно немецкое подразделение за другим. Но воткнулись в село Чернухино, где в атаке полёг целый эскадрон разведчи- ков нашего полка. Чернухино вообще запомнилось нашими сплошными не- удачами. Спасла положение соседняя горно-кавалерийская дивизия. Они от- резали противнику железную дорогу между Дебальцево и Ворошиловградом, оставив его без боезапаса и подкрепления. И только тогда мы всеми силами навалились на Ворошиловград и вошли в него.

Мы двумя эскадронами остановились на краю города в частном секторе. Люди встречали нас, как героев, у некоторых даже стопочка-другая на- шлась. Спать улеглись по сараям, офицеры ушли в дома по приглашению хо- зяев. А утром вдруг прискакал из штаба полковник Макаров и объявил пост- роение. Коней держали в поводу. Стояли смирно. Макаров был серьёзен. Громко зачитал нам приказ Народного комиссариата обороны о том, что наш 8-й кавалерийский корпус за героизм, проявленный в боях за советскую Ро- дину, переименован в 7-й гвардейский кавалерийский корпус. Мы стали гвардейцами! Дружно закричали “Ура!”

– Но это ещё не всё, – громко и радостно сказал полковник. – Все три наши дивизии получают тоже другие, потому что это гвардейские, номера. Сибиряки получают номер 14, алтайцы – 15, башкиры – 16. Теперь вы гвар- дейские кавалерийские дивизии и полки! И скажу по секрету, рассматрива- ется вопрос о присвоении нам наименования казачьих кавалерийских диви- зий. Пока рассматривают, так что рано радоваться. А вообще, молодцы, хлопцы! Поздравляю!

И пошёл обнимать командиров дивизий и полков. Мы опять дружно кри- чали “Ура!”

Подъехал обоз, раздали водочку, накормили. На сердце радостно, гор- дость в душе. “Вот мои узнают, что я теперь гвардеец”. Все дружно сели пи- сать письма.

Но тут появилась немецкая “рама”. Скинула листовки прямо нам на голо- вы. Под русским текстом подпись Манштейна. “Хотите скрыть свой разгром путём переименования в гвардейцев. Не выйдет. Мы вас истребим. Предла- гаю сложить оружие и прекратить сопротивление. Штыки в землю”.

Ах ты, сука! И ведь как быстро узнали. Но бумага хорошая, мягкая, как раз для подтирки. Бойцы брали горстями. Где ещё такую возьмёшь?

К вечеру нам в тыл вышла немецкая мотопехота. Мы спешили. Я, как старший коновод эскадрона, с двумя помощниками погнал коней в лес. Хлоп- цы залегли к обороне. К темноте немецкую атаку отбили. С рассветом атака повторилась. Подошли немецкие танки. У соседей в 14-й дивизии полностью полёг 1-й эскадрон, была разбита артбатарея полка. Ребята бросались под танки с гранатами. Стало горячо. Мы отошли к Чернухино и всем корпусом за- няли круговую оборону. Манштейн и вправду озверел, держал слово.

Немецкая разведка коней нащупала. Артиллерия стала бить по нам при- цельно. Меня контузило, ничего не слышу. Кажется, и глаза вылезли. Тут прискакал личный коновод командира эскадрона, кричит, а я не пойму. Тог- да он пишет на немецкой листовке: “Гони коней как можно дальше, спасай. Жизнью ответишь”.

Так это и так понятно. Погнали мы табун подальше от взрывов. Навстре- чу немцы, человек пять. Мы с хлопцами вынули шашки, да на них. Они шты- ком, мы клинком. Со злостью порубали всех. У нашего Василия, кажется, Огородова, только рана штыковая в плече, а так ничего.

Ушли далеко. Но это же Донбасс – ни лесочка, ни кусточка, авиация нас видит, как на ладони. Снег глубокий. Как можем, понукаем табун, гоним.

Только слышно, что в Чернухино дерутся: взрывы, выстрелы. Тяжело там хлопцам. Позже они рассказывали, что немец всё прибывал и прибывал: и мотопехота, и танки, и артиллерия. Наш корпус оказался практически в кольце. Боеприпасы заканчивались. Командир нашей 15-й дивизии полковник Чаленко предложил командиру корпуса не обороняться, оставить Чернухино и ночью уйти, пока кольцо не закрылось. Так и сделали. Шли без коней, по пояс в снегу, но вскоре догнали нас. А у нас все кони не только нашего полка, но и башкир, мы постепенно нашли друг друга и гнали огромный табун в тысячу голов, а то и больше.

Наша 15-я кавдивизия прикрывала отход корпуса, поэтому я не сразу понял, где же наши алтайцы, неужели все полегли? Но вот и Чаленко на коне!

— Смышляев, ты? Кони с тобой? Молодцом! Сгоняй сюда, ребята на походе!

Я задёргал головой, и тут понял, что слух вернулся, контузия прошла. Хлопцы сели на коней — и вперёд! Одним рывком ворвались мы в Стрюково.

Я читал, что после войны в Чернухино поставили памятник конногвардейцам. Сам там не был, не видел, и фото не видел. Но если так, то это справедливо. Чернухино стало для нас действительно геройским и трагическим местом. Ведь чуть весь корпус там не потеряли. Вот вам и Манштейн, собака! Вцепился, еле оторвался.

Но, увы, и в Стрюково нас догнал Манштейн. Окружил с высот. Наша дивизия пошла в бой, частично на клинок. Шёл и я. На высотах они поставили артиллерию, и мы её вырубали. Только спустились в Стрюково, как показались немецкие танки. Пришлось отходить опять. Наша дивизия шла в авангарде и первым — наш второй эскадрон. Уж больно боевым и энергичным, да и везучим был наш командир эскадрона гвардии старший лейтенант Макареня. Ему и доверили. Шли к посёлку Артём, наткнулись на танки. Сами танкисты обедали, мы на всём скаку их и положили. Потом подсчитали, что это была танковая рота, убитых немцев было более сотни.

Не задерживаясь, мы устремились в Красный Кут. Село огромное, немцев полно, но мы подошли поздно вечером, они отдыхали. Наш Макареня без задержки дал клич, и мы рванули по селу, вырубая часовых и всех, кто выскакивал на улицы. У них началась паника. Подошли наши эскадроны других полков, подтянулись артиллеристы и миномётчики. К ночи село стало нашим. Пленили и целый штаб пехотной немецкой дивизии, разбили несколько самолётов, уничтожили учебный артиллерийский батальон фашистов. Взяли мы и ценный для нас трофей — отбили у немцев около трёх сотен их коней.

В Красном Куте мы сутки отдыхали, с честью похоронили погибших товарищей.

А через сутки опять бои. Донбасс помнится сплошными боями. Что ни село, что ни городок — полон немцами: то пехота, то танки, то артиллерия, то кавалерия. Бои, бои, бои. И мы одни, мы в тылу, мы в рейде. Сейчас, по прошествии многих лет многое слилось в одну общую тяжёлую картину. К тому же тогда у меня кончилась бумага, и я долго не записывал, но прежние записи хранил, а позже переправил с раненым товарищем домой; всё, что до Красного Кута, у меня сохранилось, поэтому я так подробно сейчас пишу. Дальше — только воспоминания.

Хорошо помню Штеровку, где мы попали в кольцо автоматчиков, которые не давали поднять головы. Хорошо, что мы, коноводы, нашли глубокую балку и в неё загнали коней всей дивизии. Коней сберегли, а вот хлопцев много погибло.

Чаленко выстроил дивизию в цепь. Показался противник. У нас были две “Катюши” и зарядов на один залп. После удачного залпа немцы залегли. Понеслась команда комдива: “По коням!”

Мы тут же подогнали коней, бойцы попрыгали в седла, не разбирая, чей конь.

“Шашки к бою! — гремел голос Чаленко. — За мной, галопом марш!”

И первыми он и его заместитель гвардии подполковник Бабий понеслись на врага. Вскоре сабельники обогнали их, прикрыли. Те, кому коня не досталось, держались за стремяна скачущих коней и бежали рядом. Загремели пулемёты врага. Но нас уже было не остановить. Мы врзались в их ряды и с остервенением стали рубить. Хлопцы бросали в машины противника бутылки с горячей смесью. Немец запаниковал и побежал. Мы вырвались в глубокую

и протяжённую балку и ушли по ней к Ивановке. Здесь узнали, что почти весь командный состав нашего 7-го кавкорпуса погиб. Да и от нас остались жалкие осколки. Командование корпусом взял на себя гвардии полковник Чаленко. Из остатков корпуса он сформировал три полка. Наша дивизия стала полком под командованием капитана Олейника. То же произошло и с 16-й дивизией, там получилось два полка. 14-я дивизия нашего корпуса действовала отдельно, и мы не знали её судьбы.

Необходимо было выходить из прорыва, иначе мы могли все погибнуть и остаться здесь, в тылу врага, безвестными солдатами. Атака за атакой. Нас оставалось всё меньше. Вскоре и коней практически не осталось. Дрались штыком и клинком, патронов уже не было. Хорошо, если кто-то придержал гранаты.

Многие вышли к партизанам и остались с ними. Но ещё больше наших товарищей попало в плен. Многие затем бежали. Были и такие, которые попали в лагеря в Германии и Франции, а сбежав, участвовали в сопротивлении и показали себя героями. По-разному сложились судьбы конников 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. Позже мы узнавали о героизме отдельных групп, прорывавшихся к нашим. Прорывались и мы во главе с Чаленко. Я чудом оказался в его группе, потому что сильно простыл, температурил, задыхался, сил не было, и лекарь, само собой, не было. Чаленко уважал меня, как умелого и опытного коновода, сохранившего сотни и сотни боевых коней, ценил, в шутку называл то Смышляичем, то Мудряичем, поэтому приказал, чтобы меня не бросали.

Нам навстречу шли передовые части 3-й гвардейской армии. Они спешили помочь нам вырваться, перейти фронт. И вскоре мы встретились. Но при последнем прорыве погиб любимец конников, командир 16-й Башкирской кавалерийской дивизии генерал Шаймуратов. Был ранен Чаленко, сильно ранило подполковника Бабия, и мы по очереди несли его на себе.

Позже этот наш тяжёлый и трагический рейд по тылам врага получил наименование Дебальцевского рейда. Из него вышли немногие, но знамя корпуса вынесли, чести не потеряли.

Весь март 1943 года мы находились во втором эшелоне и приводили себя в порядок. Корпусом теперь командовал генерал-майор Шарабурко, а наши гвардейские полки получили пополнение и новую нумерацию. Наш полк стал 55-м сабельным полком 15-й гвардейской Алтайской кавалерийской дивизии. Меня опять назначили старшим коноводом нашего 2-го эскадрона. Пополнили наш корпус в основном конники расформированного из-за больших потерь 4-го кавалерийского корпуса. Там было много туркменов, узбеков и казахов, корпус и формировался, по-моему, где-то в Ташкенте или Алма-Ате. После слияния двух корпусов опять сменился командир нашего уже общего 7-го кавкорпуса. Им стал генерал-майор Малеев. Наш командир дивизии Чаленко тоже получил генерал-майора. Обмывать погоны пригласил и меня – не так уж и много нас осталось в дивизии из тех, кто дошёл сюда от Шатуры с 1941 года. Да и выходили мы из кровавого Дебальцевского прорыва вместе, стали практически товарищами.

Всё лето мы обучались, притирались друг к другу и готовились к дальнейшим боям. В конце августа 1943 года корпус вошёл в подчинение Центрального фронта, конкретно – 61-й армии – и прибыл железной дорогой под город Львов. Вскоре нам поставили задачу по освобождению Левобережной Украины. В первую очередь надо было наступать на Чернигов и форсировать Десну.

Нашему 55-му полку необходимо было захватить железнодорожный мост возле города Щорс и удерживать его до подхода частей, которые шли на Чернигов. Что мы тогда и сделали. Бой за мост был ожесточённым. Не менее жаркими были и схватки при удержании нами моста. Таким образом, мы внесли свой вклад в овладение советскими частями городом Черниговом.

После завершения Черниговской операции перед нами был Днепр. Предстояло выполнение тяжелейшей задачи – форсирование могучей реки. Сначала поступила команда тщательно подготовиться к форсированию, изготовить плавсредства, получить лодки и понтоны от командования пехотных частей. Но верхние командиры почему-то решили ускорить переправу и дали команду форсировать немедленно. Причём первыми должны были пойти мы, конники, захватить плацдарм на правом берегу и удерживать его, продвигаясь к Речице.

Тут же застучали топоры, делали плоты из всего, что попадало под руку. Неподдалёку были брошенные деревни с разбитыми домами. Бревна и доски пошли в ход. Хорошо, что наш берег был густо заросшим высоким кустарником, и противник долго нас не обнаруживал. Ширина Днепра — около полукилометра, глубина, как оказалось, — 5-6 метров.

К каждому плоту привязывали длинную верёвку, конец которой оставался на берегу. Это для того, чтобы плот можно было вернуть для следующего рейса. Я же нашёл себе пустую бочку из-под горячего, привязал к ней длинную доску, а к ней — коня, чтобы он был спрятан за бочкой.

Первыми пошли сибиряки из 14-й кавдивизии, за ними башкиры и мы, алтайцы. Сибиряки дошли до правого берега скрытно, без единого выстрела, а когда завязали бой, захватывая плацдарм, немец стал освещать реку и ударил по ней из артиллерии. Мы пошли уже под пулями и снарядами. Вода просто кипела. Моя бочка не крутилась только потому, что я привязал к ней доску. Конь мой плыл спокойно, на разрывы не реагировал. Я держался за уздечку. Попону ещё на берегу свернул и тоже привязал к доске, как и вещмешок.

Но вот немец применил минометы. Плоты разлетались в щепки, люди и кони гибли массами. Кувыркнуло и мою бочку, доска от неё отвязалась и поплыла вниз вместе с моими вещами. Мы с конём поплыли сами. Вскоре вышли на мель, отдохнули, поплыли дальше. До берега оставалось немного, когда мина ударила прямо перед мордой коня. Меня спасло то, что я был за его крупом. Конь мой погиб, а я всё же выплыл. Без сил распластался на камнях под высоким обрывом. Здесь была мёртвая зона, можно было расслабиться. Но недолго. Подплывали другие бойцы и командиры, торопили.

Этот кусок берега был уже наш, сибиряки его удерживали, хотя немец активно контратаковал. Всех выплывших коней оставили под берегом, в мёртвой зоне. Я, как старший коновод, выпросил у командира какого-то башкирского эскадрона трёх конников, и мы стали собирать коней и сгонять их под кручу. Остальные ребята стали забираться наверх, на крутой берег и вливались в ряды воюющих сибиряков.

Всё больше и больше выплывало наших к берегу. И кони пошли массой. Это радовало. Следом стали подходить плоты и понтоны с артиллерией и миномётными расчётами. Пришла и кухня, а там и фураж. Значит, мы форсировали Днепро-батюшку! Значит, наша взяла!

Но немец наседал. Оборону он выстроил заранее, пробить её было не просто. Но когда за дело взялись наши миномёты, враг дрогнул. Тогда и настало время сабельников!

Я не поэт и никогда не пробовал сочинять, но немногим позже, когда бои на Днепре немного стихли, я спустился поздно вечером к воде, сел на валун, и в голову стали приходить строчки, которые я записал. Они у меня сохранились. Нескладные, зато из души излились прямо после боев:

*Ой, Днепро, Днепро, ты широк, глубок!
По тебе, Днепро, вода серебристая идёт.
Но вот навязался лихой враг
И замутил воду Днепра,
И сейчас по Днепру вода с кровью идёт.
Но наша русская страна велика и сильна,
Пошла на зачистку Днепра
И погнала врага от берегов Днепра.
Наши танкисты смелы, и танки быстры,
И пушки метки, и конники лихие.
И заблестели клинками, погнали врага
С нашей русской земли.
И загоним в Берлин, в берлогу его,
Победим и скажем ему:
— Не топчи русскую землю,
Не мути воду Днепра.
Посмотри на Днепро —
Какая вода чистая да серебристая стала.
И теперь ходят люди на Днепр,
Чтобы освятить себя его водой да напиться,*

*Да умыться, чтобы здоровой была душа.
Пусть Днепр святой мирно течёт,
А берега его всегда будут в цветах.*

Нашему полку была поставлена задача войти в рейд в районе села Колыбань и бить противника с тыла. Но немец не дал нам возможности пробить фронт и сам стал активно контратаковать. 2 и 3 октября наш 2-й эскадрон отбил несколько яростных немецких атак. Мы и сами несколько раз переходили в атаки, но ни он нас, ни мы его сдвинуть с места не смогли. К тому же между нами была железная дорога, открытое место, перескочить её не получалось. В одной из наших пластунских атак на железную дорогу погиб смертью храбрых наш доблестный командир эскадрона гвардии капитан Макареня. От самого Дона он командовал нами. Лихой, везучий и справедливый был командиром, мы его любили. Хоронили и плакали. Командование нашим 2-м эскадром принял гвардии лейтенант Тюрин.

Неожиданно 3-му эскадрону нашего полка удалось с боем пробиться на другую сторону железной дороги. Они закрепились там и дали возможность остальным перебраться через «железку». Немец остервенел и наседали с удвоенной силой. Выручали наши пулемётчики, «максимам» работы хватало. Но немцы подогнали бронетранспортёр, и он своими пулемётами не давал нам поднять голов. Тогда и отличился туркмен, гвардии старшина сабельного эскадрона Ораз Аннаев. Он подполз к бронетранспортёру и взорвал его связкой гранат. Однако погиб и сам. Ораз стал первым Героем Советского Союза из нашего корпуса. Но об этом я узнал уже после войны. А тогда мы и фамилии его не знали, говорили, что какой-то боец из туркменов собой подорвал бронетранспортёр.

Так мы и не смогли уйти в прорыв на Речицу. Вскоре нам на смену пришла пехота, а нас, весь корпус, переправили на понтонах назад, на левый берег Днепра и отправили на отдых. Здесь мы узнали, что у корпуса опять сменился командир. Малеева перевели в Москву, а 7-м конногвардейским корпусом теперь командовал генерал-майор М. П. Константинов. К концу войны у меня скопилось много письменных благодарностей за его подпись. Он же вручал мне и орден Красной Звезды за форсирование Днепра и удержание плацдарма. Тогда многие наши бойцы и командиры получили награды. Одних только Героев Советского Союза в корпусе стало 75 человек.

В конце октября 1943 года нас переподчинили 65-й армии и опять переправили на правый берег Днепра в районе города Лоева. В результате нескольких ожесточённых сабельных атак мы взяли хутор Смелый.

В один из ноябрьских дней нам приказали приготовиться в прорыв в тыл врага. Мы приготовили коней, обозы, артиллерию, медиков и рано утром, сосредоточившись в лесу, сели в седла, ожидая команды. Наши начали долгую артподготовку, затем в бой пошли пехота и танки. Они прорвали фронт, немец отошёл, и мы на рысях, без задержек ушли в прорыв. Не останавливаясь, мы брали хутор за хутором, село за селом, вырубая немца подчистую. К ночи вошли в Бабичи, и только здесь наш полк встал на отдых.

Тем временем враг оправился от наших внезапных ударов, и дальнейшее наше продвижение уже не было столь быстрым и успешным. Теряя товарищей и боевых коней, мы всё же шли вперёд, освобождая село за селом. Не было дня, чтобы мы не входили в какой-либо населённый пункт. Правда, несколько дней выбивали врага из укреплённого Зашебья. Дело решили артиллеристы нашего 55-го полка.

Этот наш прорыв был удачным. Следом за нашим корпусом шли пехотные и танковые части 65-й армии. Вскоре они догнали нас, и мы, сдав им занятые нами рубежи, встали на отдых в селе Новинки. Здесь мы получили хорошее пополнение и в людях, и в конском составе и опять ушли в подчинение 61-й армии.

Сразу после новогодних праздников, в первых числах января 1944 года мы совершили почти стокилометровый марш до хутора Красный, откуда ушли в очередной прорыв в тыл врага. Нашей целью был Мозырь.

В Полесье активно действовали партизаны, поэтому фашисты сожгли здесь все сёла и хутора, сожгли мосты, а дороги заминировали. Это затрудняло наше продвижение. Находясь в тылу врага, весь наш корпус стал теперь тоже своеобразным партизанским отрядом, правда хорошо вооружённым

и с артиллерией. Параллельно с нами здесь действовал и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Доватора, таким образом, силушка у нас была могучая.

Но неожиданно наступила оттепель, дороги поплыли, наши обозы встали. Брички по самый верх колёс тонули в грязи, кони выбивались из сил. К тому же приходилось восстанавливать мосты и строить гати через болотистые местности, которые встречались повсеместно.

Корпус практически полностью спешился, и коней передали нам, коноводам. Этот огромный табун кормить было нечем. А тут от пленных немцев была получена информация, что впереди нас ждут немецкие кавалеристы полка “Митте” численностью до 3 тысяч сабель. Пришлось собрать весь наличный овёс, чтобы вволю подкормить коней хотя бы одной дивизии – 14-й, которая в результате схватилась с немецкими уланами в Прудках. Позже ребята рассказывали, что немец в сабельной атаке мастак, но у них кони – битюги, малоподвижны, перекармливали они их. В результате наши наголову разбили полк “Митте”, чем необычайно гордились. Правда, и у нас потери были большими.

Их оставшиеся живыми битюги влились в наши табуны, и при отсутствии добрых харчей вскоре превратились в прекрасных, поджарых боевых коней. Тем более что многие из них были забраны немцами у белорусских крестьян.

Наш неожиданный выход из лесов и болот, да при нашей огромной численности, да ещё после взятия Прудков и разгрома полка “Митте” посеял у немцев страх и панику. Они отступали, выставляя только заслоны, которые мы легко подавляли. Вскоре вышли к окраинам Мозыря. Здесь мы узнали, что наш корпус непосредственно и напрямую подчинили 1-му Белорусскому фронту.

Немец переправлялся через Припять, выставив на нашем берегу перед железнодорожным мостом сильнейшую группировку, с которой мы провозились несколько дней. Вместе с нами воевали белорусские партизаны. Сил у нас хватало, и мы постепенно отрезали немцам все пути отхода, а башкиры форсировали Припять и били немца на другом берегу.

Вскоре наш 55-й кавполк при содействии партизан вошёл в Мозырь. Город оказался сплошь заминированным, поэтому наше продвижение в уличных боях сильно тормозилось. Выручали партизаны-минёры. А тут ещё и плотный снегопад начался, упала видимость, хлопцы шли вслепую.

Мы с табуном стояли на окраине, ожидая команды. Кузнецы, не теряя времени, перековывали коней. Слышно было, как гулко била артиллерия – и наша, и противника. Стреляли, похоже, наугад.

Двое суток наш полк, партизаны и стрелки 415-й дивизии брали улицу за улицей и вскоре вышли на противоположную окраину города.

В это же время наши соседи из 14-й и 16-й дивизий овладели станцией Мозырь, перерезав немцам железную дорогу.

Что мы увидели в Мозыре, не поддается описанию. Это сплошные блиндажи и окопы. Настоящая крепость. Всё это делалось руками пленных и жителей Мозыря. Как они радовались приходу Красной армии! Даже нам, на окраину, где мы держали коней, женщины принесли молоко и хлеб и рассказывали, как тяжело им жилось в оккупации, сколько молодых девчат немец угнал в Германию, сколько расстрелял парней и мальчишек.

– Дядечка, вы теперь не уйдёте? – со слезами спрашивала меня одна из женщин.

– Да не уйдём, милая, не уйдём, – успокаивал я её. – Всё, конец немцу, гоним мы его в берлогу!

Но мы ушли. Закончился наш рейд. В Мозыре остались стрелковые части и танковая рота. Во время недолгой передышки мы узнали, что нашим 14-й и 15-й гвардейским кавалерийским дивизиям присвоено почётное наименование Мозырских. А 16-я Башкирская гвардейская кавалерийская дивизия стала Краснознамённой.

Всё-таки я запустил, не залечил свою простуду, она постепенно переросла в двустороннее воспаление лёгких, и меня отправили в армейский госпиталь. Болезнь протекала тяжело, я буквально задыхался, думал, что и не выкарабкаюсь, плохо ел, потерял в весе, но лекарства и уход сделали своё дело, через месяц я пошёл на поправку.

Наш корпус тем временем находился в резерве 2-го Белорусского фронта, и я легко нашёл свой полк после выписки из госпиталя. Буквально перед моим приездом корпус посещал маршал Семён Михайлович Будённый, и я

долго сожалел, что не застал и не увидел его. Медаль “За боевые заслуги” мне бы вручил он, как вручал многим нашим бойцам и командирам, а теперь передал её мне командир полка гвардии майор Мишуков. Но при этом пояснил:

— Из рук маршала Будённого. Гордись, Степан Филиппович!

Всю весну и часть лета 1944 года мы вели ожесточённые бои под Ковелем. Немец там зацепился крепко, и 1-й Белорусский фронт, которому нас подчинили, теряя силы, пытался выдавить его за речку Турью. Речка-то — пустяк, а форсировать её не получалось. Здесь мы не раз схватывались с немецкими егерями и венгерской пехотой. В результате встали в оборону и до мая сдерживали натиски противника.

Коней мы отогнали подальше, и они вволю паслись на свежей траве. Хотя в этом был плюс. А хлопцы дрались пешими, укрепившись в траншеях.

1 мая, зная, что у нас праздник, немец поднял авиацию и весь день, меняя самолёты, густо бомбил наши позиции и наших коней. В тот день мы потеряли много бойцов и треть конского состава. Как я остался жив, даже не знаю, — головы поднять было невозможно. И в это же время пошли немецкие танки. Хлопцам пришлось жарко. И только под вечер прилетели наши, схватились с немцем, подожгли несколько их штурмовиков и отогнали фашистских асов. Стало легче.

И всё же нам удалось переломить ситуацию, мы взяли Ковель и пошли дальше, а в июле в Белоруссии началась операция “Багратион”. Это я позже узнал об этой операции и её названии, врать не стану, а тогда мы просто кожей почувствовали, что наши затеяли большое наступление, и были рады этому.

К концу июля 1944 года наши 14-я и 15-я кавалерийские дивизии вышли к Западному Бугу с целью форсировать его.

— Постойм ещё хоть немного на родной земле, — говорили хлопцы, докуривая самокрутки. — За речкой — Польша. Как-то она нас встретит?

— Ясно, как. Огнём фашистов! — посмеивались другие.

Нашу переправу прикрывала артиллерия и зенитчики, отгонявшие “мессеры”, которые тут же налетели, словно оводы. Нашему полку выпало форсирование уже в сумерках, поэтому мы переправились вместе с конями относительно благополучно. Вышли на правый берег уже в темноте. Следом за нами пошли башкиры, затем танкисты и артиллерия на понтонах.

— Польша, братцы! — весёлым возгласом поддержал нас комиссар полка Байдаченко. — Освободили мы свою Родину, теперь наш долг освободить братскую Польшу и идти дальше, на Берлин!

Нашей дивизии была поставлена задача выйти на польский город Хелм. Не дожидаясь рассвета, мы сели в сёдла и пошли вперёд. Разведка докладывала, что немец быстрым темпом отходит. Сопrotивления не было, и к утру перед нами открылись окраины Хелма. Быстрой конной атакой мы вошли в город. Сопrotивлялись лишь отдельные группы автоматчиков, но нам удавалось их быстро ликвидировать.

К вечеру к командиру нашего гвардейского конного корпуса генералу Константинову прибыли генералы Войска Польского. Собрали и наших командиров дивизий и полков. Речь шла, как потом нам рассказал командир полка, о совместных боевых действиях. Звонили маршалу Рокоссовскому — командующему 1-м Белорусским фронтом, которому мы подчинялись. Маршал одобрил план Константинова преследовать противника, сев ему на плечи, до самого Люблина. Таким образом, мы, конники, далеко оторвались от основных сил фронта и действовали в глубоком тылу немца, пробивая в его обороне брешь. Первыми в Люблин ворвались наши танкисты и сабельники-башкиры.

В это время конники 14-й кавдивизии и танкисты освободили пленников немецкого концлагеря Майданек, который находился под Люблином. Мы позже встречали этих несчастных узников, колонны которых шли на восток, навстречу нашим. Были среди них и советские пленные. Изнурённые, отрешённые от всего, они только смотрели на нас полубезумными глазами и поднимали вверх два пальца: “Виктория! Спасибо!”

Наша 15-я дивизия как раз прошла на городок Майдан, чтобы перекрыть фашистам выход из Люблина на юг. 2-я танковая армия зачистила Люблин полностью, фашисты массово сдавались в плен.

За взятие Люблина наши 14-я и 15-я кавалерийские дивизии стали Краснознамёнными, а 16-я Башкирская дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени. И весь наш 7-й кавкорпус стал Краснознамённым.

В августе 1944 года мы всем корпусом заняли оборону широкой полосы в районе городов Голомб, Пулавы, Влосовице. Я перечисляю эти названия так легко, потому что они вписаны в благодарности от командира корпуса генерала Константинова. Тогда такие благодарности получили многие бойцы. Мы не дали немцу контратаковать и вернуться на прежние позиции вплоть до Люблина и даже Хелма, хотя он и крепко наседавал. Враг скопил здесь много танков и держал их на той стороне реки Вислы, которую нам предстояло форсировать.

Висла — река широкая, тот же Днепр. Нашим разведчикам из отряда гвардии старшего лейтенанта Козлова удалось перебраться на ту сторону, но немец обнаружил их на берегу, и они вернулись назад израненными и без “языка”. Их рейды не удавались ещё несколько раз. Мы все переживали за разведчиков. Козлов оказался настырным, и вскоре его группе и параллельно с ним группе гвардии старшего лейтенанта Дягилева всё же удалось уйти в тыл врага. На этот раз разведка удалась. Они несколько дней вели наблюдение.

6 ноября, как сейчас помню, перед праздником, разведчики снова ушли за Вислу на рыбацких лодках. После их сигнальной ракеты ударили по левому берегу наши “катюши” и артиллерия, постепенно переноса огонь вглубь обороны противника. Это была только разведка. После этого разведчики ещё не один раз переплывали реку. Тщательно изучалась вся оборона немца.

И всё-таки нам не досталось форсирование Вислы на этом участке. Мы передали свои позиции пехоте и в первых числах января 1945 года совершили марш в район города Войшин. Наш корпус включили в состав войск, которые должны были провести Варшавско-Познанскую наступательную операцию. Нам предстояло войти в прорыв и действовать в тылу противника. Перед нами опять была Висла, только уже в другом месте. Переправа прошла спокойно, корпус осуществил её без потерь. И тут же мы ушли в прорыв, проделав марш почти в сто километров. Наш полк вышел к какому-то городу, не помню названия, где мы взяли на клинки оборонявшегося противника и вместе с другим, нашим 57-м кавполком очистили город. Немец отошёл и напоролся на наших артиллеристов. Там завязалась рукопашная, из которой наши “боги войны” вышли победителями. А вскоре им на помощь пришли наши танки, которые окончательно добились врага.

Но это был временный успех. Враг опомнился, и вскоре прямо на наш полк вышло несколько десятков немецких танков с пехотой. Мы, коноводы, быстро собрали коней и угнали их в укрытие, а хлопцы ввязались в тяжелейший бой. Он был настолько тяжёлым, что после него бойцы вынуждены были пластами лежать, не вставая, — все силы ушли. Но ведь выстояли! Отличились наши артиллеристы, которые сожгли все немецкие танки. После этого боя в нашей дивизии прибавилось Героев Советского Союза.

Сев на плечи отступающего врага, наш корпус, в том числе и наша 15-я дивизия, вышел на берег реки Варта и с ходу форсировал её.

После этого нас направили на Варшаву. Мы шли с юга, со стороны городов Радом, Варка, Пясечно. Мощным кавалерийским наскоком всеми тремя дивизиями корпуса мы вошли в Варшаву, разгромив несколько опорных пунктов противника. Дошли до местечка Охота — запоминающееся название. Но увязнуть в уличных боях нам не дали, вывели на окраину и направили на город Калиш.

Нас наградили медалями “За освобождение Варшавы”, но это было уже после войны, специально вызывали в военкомат, и я горжусь этой наградой. А наша 15-я дивизия за Польшу была награждена орденом Суворова 2-й степени.

После этого с боями обошли Лодзь и взяли город Калиш, затем Яроцин. Отступавшего врага мы преследовали без перерыва. Даже ночью командование не давало нам отдыхать, чтобы мы действовали скрытно и неожиданно — именно в этом была сила конницы. Бойцы устали, кони тоже. Но надо было развивать и развивать успех. Тем более что нам давали силы поляки, встречавшие наши части с восторгом, женщины поили нас молоком, дарили цветы. Это нас, конечно, подбадривало, мы видели, что поляки действительно счастливы, рады освобождению, и нам хотелось идти и идти вперёд.

К концу января 1945 года мы подошли близко к Одере, неподалёку был город Грюнберг, сейчас это Зелёна-Гура. За рекой была уже Германия.

Не верилось, что, форсировав Одер, мы вступим на землю ненавистного врага. Хлопцы то и дело спрашивали командиров, доверят ли нам брать Берлин. Всем этого хотелось. Командиры неизменно отвечали: “А как же без нас! Мы ведь гоним его от самой Москвы. И загоним в логово!” И, шутя, добавляли: “Кто самолично Гитлера возьмёт на клинок – сразу дважды Героя дадут! Вдвоём возьмёте – Звёзды поделят. Так что старайтесь в одиночку его поймать”.

29 января 1945 года первым форсировал Одер 56-й гвардейский кавалерийский полк 14-й дивизии. За ними пошли и мы. С этого времени наши кони уже топтали германскую землю провинции Бранденбург. Командиры говорили, что именно в этой провинции находится Берлин.

Весь февраль мы преодолевали упорное сопротивление немца. Но упорно шли вперёд, освобождая город за городом. Все они вписаны в моих благодарностях от командира корпуса, а то и самого Сталина. Шли на север, обходя Берлин. В середине марта мы вышли к Балтийскому морю. В эти дни от нас ушёл комдив Чаленко, его направили учиться в академии генштаба. Дивизией теперь командовал гвардии полковник Рышков. С ним мы и закончили войну.

Но прежде, начиная с 1 апреля, наш корпус вывели в резерв 1-го Белорусского фронта. “Когда на Берлин?” – с нетерпением гадали мы. И предполагали, что в резерве мы не просто так. Наконец нам объявили, что в составе 47-й армии наш 7-й кавкорпус должен овладеть северо-восточными окраинами Берлина. Бойцы не могли сдержаться и трижды прокричали “Ура!”

Нам предстояло переправиться через Одер и уйти в прорыв, чтобы выйти на Берлин с севера. В районе города Целлин (Целле) сохранились мосты через Одер, немец почему-то их не взорвал, и мы перешли по ним. Сосредоточились в лесу и 19 апреля ушли в прорыв. Перед нашей дивизией были небольшие немецкие города Цюльсдорф и Басдорф. Немцы их здорово укрепили, и нам не удавалось пробить их оборону. К тому же против нас активно работала авиация. Выходить на дороги не было смысла, так как они были забиты беженцами из Берлина. И мы искали обходные пути. Через сутки боёв мы всё же взяли эти немецкие городки и упёрлись в канал, который, собственно, находился уже на окраине Берлина. Здесь нас снова достала авиация, но мы, используя надувные лодки и самодельные плоты, всё же форсировали канал и вышли к пригородному району Берлина Ораниенбург. Этот город мы брали вместе с поляками из Войска Польского.

За Ораниенбургом – снова канал. И опять пришлось форсировать его. Здесь мы познали силу фаустпатронов.

А до Берлина, как на грех, – посёлок за посёлком, городок за городком, а то и замок какого-нибудь барона. Всё это бралось штурмом с нашими потерями. Коней мы оставили ещё перед первым каналом, я уже не был в конноводах, нашлись дядьки постарше, поэтому шёл в атакующих рядах.

Вскоре пришёл приказ нашим дивизиям развернуться и идти брать Бранденбург. Мы вернулись к коням, сели в седла и прошли в этот день почти сотню километров. Переправившись через канал, вечером мы стояли уже перед Бранденбургом. Нашему полку приказали обойти город и взять другой – Ратенов. Но перед ним мы напоролась на минные поля и встали. Бой за Ратенов был тяжёлым и кровавым. Вскоре к нам подошли остальные полки нашей дивизии, а также вся 14-я дивизия. Под Бранденбургом осталась только 16-я дивизия.

Мы единым кулаком всё же вошли в Ратенов, но на его улицах увязли из-за снайперов и фаустников. Немцы вообще дрались отчаянно, понимая, что конец у них один. Наконец в небе появились наши самолёты. Под ударами бомб посыпались немецкие укрепления Ратенова. После бомбометания мы пошли в атаку. Штурмом лично руководил командир корпуса генерал-лейтенант Константинов. Пришлось брать дом за домом, улицу за улицей. 1 мая башкиры уже взяли Бранденбург, а мы и 3 мая ещё зачищали Ратенов. И вот 4 мая бои закончились. Ратенов лежал в руинах – так мы размолотили его из трофейных фаустпатронов. А что было делать, если немец не сдавался и бился отчаянно?.. Приходилось брать его даже поэтажно, загоняя на чердаки и крыши и уничтожая затем гранатами и автоматным огнём.

А сколько же наших погибло, не дожив буквально считанные дни до Победы... В Ратенове и Бранденбурге мы оставили большие братские могилы.

9 мая пришла весть о Победе! Мы так и не вошли в сам Берлин, но почтили его пригороды, и это нам засчитали как участие во взятии Берлина.

Позже я получил медаль “За взятие Берлина”. Наш 7-й гвардейский кавалерийский Краснознамённый, ордена Ленина, ордена Суворова корпус получил наименование Бранденбургский.

Берлин брали и другие конногвардейские корпуса. Командование разрешило конникам пройти колонной через поверженный Берлин. И мы шли и шли бесконечной вереницей, огибая развалины. Путь нам показывали девчонки-регулирующие. Это про нас Даниил Покрасс написал песню: “Казаки, казаки, едут, едут по Берлину наши казаки!”

Выйдя из Берлина, мы отправились к месту постоянной дислокации корпуса на территории Советского Союза. Но по пути многих из нас отпускали домой по демобилизации. Попал под это и я. Каждому оставили боевого коня и шашку. С ними я и прибыл домой в Широкий Луг и обнял жену, детей и отца.

(Рассказ, в основном, написан автором в 1978 году, дополнен устным рассказом под запись внуку Александру Смышляеву в 1981 году. Литературная обработка внука).

Смышляев Степан Филиппович (1905–1986) родился в Уржумской волости Вятской губернии. С 1906 году с семьёй переехал в Барнаул, затем в д. Широкий Луг Кузнецкой волости Томской губернии. С августа 1941-го по июль 1945-го — служба в 15-й Алтайской гвардейской Мозырско-Бранденбургской Краснознамённой, ордена Суворова кавалерийской дивизии 7-го гвардейского Бранденбургского ордена Ленина, Краснознамённого, ордена Суворова кавалерийского корпуса. Конногвардеец. Награды: орден Красной Звезды (№ 2532408), медаль “За боевые заслуги” (№ 579349), медаль “За освобождение Варшавы” (А “148705) и медаль “За взятие Берлина” (№ 017610), медаль “За победу над Германией”.

После войны работал слесарем на руднике Темиртау в Кемеровской области. На пенсии переехал в г. Ленгер Южно-Казахстанской области. Там и похоронен.

ОЛЬГА КОРЗОВА

“ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ ДАНО...”*

Да, на войне у них было особое задание, у девчонок, которые пришли “на фронт от школьных парт”. Военное дело — это во все времена мужская работа. Из глубины памяти встаёт образ — воин, прежде чем вскочить в стремя, обнимает мать, прощается с женой, поднимает высоко-высоко дитя. Миг — и он уже в седле. А там запели трубы, развернулись знамёна, и вот уже топот копыт стихает вдали. А она — мать, сестра, любимая, дочь — остаётся ждать, смотреть на дорогу, считать дни.

Но двадцатый век перевернул все эти представления. Да, и раньше бывало иное: и Василиса Микулишна, своими косами мужа из беды выручившая, и Авдотья-рязаночка, и кавалерист-девица Надежда Дурова, и старостица Василиса Кожина, и баронесса Юлия Вревская, и сестра милосердия Даша Севастопольская... И раньше дивились женской отваге, стойкости и милосердию. Но только в веке двадцатом девушек стали призывать на фронт.

На моём рабочем столе лежат записки моей родственницы. Я видела её лишь однажды, в 1987 году, когда мы с мамой решили побывать в городе Бор, что стоит напротив Нижнего Новгорода, на другом берегу Волги. Двумя годами раньше умер брат деда, “дядя Ваня”, как называла его моя мама. Мы поехали навестить тётю Олю, его жену, и Наташу, старшую из двух дочерей в семье Зыковых, жившую вместе с матерью. Нас очень радушно приняли, было много разговоров, рассказов, но, честно говоря, меня, ещё совсем девчонку, тогда больше интересовал Нижний Новгород, его старинный Кремль, набережная, места, связанные с именем М. Горького. Я, конечно, знала, что тётя Оля — участница войны, но о войне часто вспоминали и дома. Юность безрассудна, о многом жалеешь впоследствии: не спросил, не сказал, не сделал. Особенно когда знаешь, что уже не спросить и не сказать.

Тётя Оля умерла в один год с мамой, в 2007-м. Записки написаны давно, но читаю и точно слышу её голос.

О девушках, войне и белых сухариках

...Я никаких героических подвигов не совершала, а просто выполняла боевые задания, которые мне поручали... Последовательно изложить не получится. Записи делать и отметки, даже письма хранить было не положено, а поэтому в памяти удержать весь пройденный путь просто невозможно. Всплывают в памяти разные эпизоды, а какие пункты, названия местности —

* Так звучит строчка из стихотворения о войне героини очерка Ольги Степановны Козловой.

многого не помню. Топографическая карта была только у командира, и ночевать нам приходилось почти каждую ночь на другом месте.

1942 год — это был год самый тяжёлый. Родина в опасности. Тогда было массовое добровольное поступление на фронт. Много пошло девушек, в том числе и я.

Не забыть 11 сентября 1942 года: нас, целый эшелон девушек, провожали с Московского вокзала города Горький. Мужчин, как правило, отправляли ночью, отец поцелует своих спящих детей и уходит.

Нас же, девчонок, провожали днём. Было очень много народу около каждого вагона, все в слезах. Гудок прогудел, поезд тронулся, и некоторые матери так и рухнули на землю, крича вдогонку: “Доченька! Доченька!”

Девчонки тоже кто ткнулся на лавку, кто рухнул прямо на пол — все плачут. Когда мы приехали на Калининский фронт, майор Леонов, который нас сопровождал, сказал: “Кто мне первый бросился в глаза из девушек — это Козлова. Она одна не плакала, а ходила по вагону и всех уговаривала: “Девушки, не плачьте! Девушки, не плачьте!”

В 1942-м я окончила культпросветшколу, это, конечно, повлияло на мою устойчивость. Надо силы беречь, едем не на прогулку.

Ольгу Козлову заметили, но не сразу она получила своё особое задание. Сначала её, как и других девушек, поместили в деревне.

Сделали нары, постелили соломы — наша постель. Всех остригли машинкой, оставили только чёлку, а Лида Козмина говорит: “Меня же стригите наголо, мы ж солдаты”.

Мы были писарями и выполняли другие работы. Пилили дрова, воду носили.

Я подружилась с Капой Васильевой. Это была худенькая девочка, здоровьем слабенькая, а такая старательная. При такой нагрузке часто болела. Мне хотелось ей помочь, я была крепкая. Бывало, напилим дрова, говорю ей: “Капуленька, не таскай помногу, а то сядь, посиди, я сама всё перетаскаю”. Однажды она тяжело заболела, я пошла к майору Леонову, доложила. Он мне говорит: “Поди сходи в столовую, там беленькие сухарики есть, скажи, что я приказал”. Я бегом побежала, дали мне два поклёванных сухарика. Прибегаю, говорю: “Капуленька, я тебе беленьких сухариков принесла”. Она: “Ой, Лёленька, я не хочу”. Я говорю: “Врёшь! Как ты не хочешь белых сухарей?” Она заплакала. Я стала её уговаривать. Я ж никогда в жизни не болела.

Нас кормили очень плохо, в основном овсянкой. Утром овсянка, днём суп из овсянки и вечером. Притом она горькая — склады горели. А сухарики: утром — два, днём — два, вечером — два, мы как прянички ели.

Так трудно было, что девчонки иногда плакали. Особенно Шура Новожилова: встаёт — плачет и ложится — плачет. Мы же с Лидой Михайловой начнём плясать, я подпеваю: “Капусту с картошкой я очень люблю!” Шура сидит на нарах, ковыряет на ремне ещё одну дырку, говорит: “Козлик, не пой про еду, у меня и так кишка кишке кукиш кажет”.

А когда встанем в строй, Шурка кричит: “Козлик, запевай!” Запеваем: “Эх вы, кони, вы, кони стальные!” С песней легче: не чувствуешь ни голода, ни усталости.

Без сомнения, замечены были командованием стойкость, выносливость Ольги Козловой, её жизнерадостность, готовность помочь другу. Все эти качества были необходимы для трудного военного дела. Вскоре Ольгу отправили для обучения оперативной работе. Так она стала шифровальщицей.

В феврале 1943 года в составе группы майора Губанова Ольгу направили ближе к передовой под Смоленск. Группа попала в окружение.

Три дня ничего не ели. Приказ — прорвать оборону противника. Солдаты, одетые в шинели, в обмотках, зимнее — только шапка-ушанка на них. Тянут на себе по глубокому снегу пушки. . . Страшный грохот, а в душе радостно: наши застучали.

С группой майора Губанова была под Смоленском, под Новгородом, под Ленинградом, под Старой Руссой.

В июне 1944 года её отправили на передовую в группу старшего лейтенанта Канцелярского.

Не забыть мне страшные первые обстрелы. От взрыва бомб и снарядов земля дрожит, как живая. Канцелярский кричит: “Прыгай в траншею, рот не закрывай”. Я быстро прыгнула, там вода, грязь. Шинель длинная, растопырилась по воде, как у павлина хвост. Кругом гудит, воздух чёрный, во рту земля на зубах скрипит. Лёша Шадриков кричит: “Лёля! Иди скорее сюда, у тебя руки почище – перевяжи”.

Сидит солдат, в голову ранен. Вся голова и лицо залиты кровью. Я так напугалась, я ведь не медик. У меня руки и ноги задрожали, и сама вся дрожу. Глянула кругом – ребята-то все заняты. Сразу мелькнула мысль: “Что ж я, дура, стою, ведь он ждёт от меня помощи”. Куда страх девался. Волосы у него длинные, бинта мало. Думаю, обрежу сначала волосы. Быстро взяла ножницы, срезаю волосы, стараюсь тихонько. Спрашиваю его: “Очень больно Вам? Потерпите немножко, я сейчас!” Он сидит на земле, зубами скрежещет, говорит мне: “Режь, дочка”. Забинтовала...

Работа оперативной группы заключалась в доставке советскому командованию сведений о противнике. Для перехвата ценной информации приходилось подходить на близкое расстояние к врагу, а иногда бывать и на вражеской территории. На каждом шагу подстерегала опасность взорваться на минах: гитлеровцы минировали дороги при отходе. Не было возможности долго находиться на одном и том же месте, так как враг мог обнаружить работу советской группы и уничтожить её. Всё надо было делать быстро. Ночевали где придётся, не раздеваясь, не разуваясь, шагали по разбитым дорогам, по топким болотам, в дождь и слякоть, в мороз и зной.

Никогда не забудутся прибалтийские болота и леса, чудом уцелевшие сараи, где нам приходилось укрываться, чтобы набраться сил и двигаться вперёд. До сих пор в ушах звенит команда: “Быстрее, быстрее, ребята, – немцы!”

... Я всё время думала: рано или поздно нас схватят или уничтожат. Я одного боялась: только бы не попасть живой к немцам. А под Ригой они меня оставили у немцев. Мы уже сделали своё дело, только бы уйти. Ребята были в сарае, а я в блиндаже, метрах в 100–150 от них. Слышу, кто-то из ребят крикнул: “Лёля, немцы! Мы уезжаем”. Сарай взлетел в воздух, а я из блиндажа бросилась в кусты. То ли я запнулась, то ли волной меня сшибло, я упала. В глазах темно, потом появились разноцветные радуги. Лежу, тру, тру обеими руками глаза. Посмотрела на небо, а верхушки деревьев кружатся. Мелькнула мысль, что я убита. Ведь когда я напугалась первого обстрела, Лёва Журкин мне сказал: “Не бойся, Лёля, снаряд свистит – он мимо летит, а убьёт – не услышишь”. А тут только в голове гудит и кружится перед глазами. Я быстро тронула руками ноги, туловище – всё на месте, быстро вскочила – и в кусты. Я бежала вдоль дороги по лесу. Одна мысль меня не покидала: если заметили немцы, собаки меня догонят. Бежала что есть силы, потом уже не бежала, а ползла, за каждую кочку спотыкалась и падала.

Километров на десять отошли ребята. В лесу мне попался солдат и говорит: “Вон там на развилке ваши стоят – переживают». Видимо, всей части стало известно, что я там одна осталась, потому что этого солдата я не знала. Я вышла на дорогу, ровное место, а ноги не шагают. Подхожу к ребятам, они брюкву едят и все молчат. Лёва Журкин отрезал, даёт мне кусочек: “На, Лёля”. А Лёша Шадриков говорит: “А мы уже думали: тебя немцы терзают”. Я ответила: “Ну да! Я убежала!”

Было трудно бежать. Ноги скользили в сапогах. Вынула ноги из сапог – они в кровь стёртые. Думаю, сейчас обмою, тут рядом лужа. Взяла кружку, только капнула на ногу водой, так задрало – силы нет, у меня хлынули слёзы. Я в первый раз заплакала. Я не знала, что нельзя водой стёртые ноги. Сижусь, и слёзы у меня ручьём льются. Никто ко мне не подходит, никто ничего не говорит. Ноги утихли, я перестала плакать, натянула на окровавленные ноги чулки и пошла. Лёва Журкин ко мне подошёл: “Лёля, тебе умыться надо”. Я в этой луже умылась, и дальше тронулись.

Нелегки дороги войны, и нам, послевоенным поколениям, остаётся только удивляться: как они вынесли, как сумели перестоять...

Насколько мы были измотаны, и сами не замечали. Например, вошли в Велиж, он весь сожжён, одни печки стоят, не греют и не дымят. Единственная на горке гостиница каменная тоже обгорелая, без окон, без дверей. Ребята на самом входе к окну приставили железную кровать, накрыли её плащ-палаткой, чтобы не дуло. Затопили печку, чтоб маленько согреться. Я прильнула щекой к тёплой печке и рухнула камнем на пол, на угли и обгорелую грязь. Кто-то из ребят спросил: “Лёля, что с тобой?” Я валяюсь на этом грязном полу и сама не пойму, почему я тут свалилась. Мне так стало стыдно. Быстро вскочила и стала помогать ребятам.

Больше всего, когда я была свободна от своей работы, я помогала Акулову. Он отвечал за еду. У нас было два ведра, в которых мы варили суп, кашу, чай. Нам давали пачки каши. Вода закипит, бросим, и готово, потом опять нальём воды или снегу на чай. С водой не всегда легко. Стоит деревянная, одни печки и пепел, посередине колодец. Качнём бадьёй, а в колодце людей накидано...

Солдаты на земле лежат необрунные. Думаешь, ждут от него дома уголочка, а он лежит. И обидно видеть: наш солдат лежит с винтовкой, а фриц — с автоматом...

Нам каждый день давали фронтовые сто грамм водки, но я никогда не пила, даже в страшный холод. Ребята говорят: “Выпей, немножко согреешься!” Я говорю: “Нет, а вдруг сводку передавать, я могу ошибиться”. Я знала, какую ценность имеет наша шифровка — точные данные. Добывали их ребята, и я старалась им во всём помогать.

Ребятам табаку не хватает. Как они нервничают, дожидаясь пайка... Девчонкам вместо табака давали конфет. Говорю ребятам: “Получайте за меня табак, обойдусь я без конфет”.

Осенью под Ригой на полях везде картошка, нароем. Однажды Акулов ко мне подходит: “Лёля, ребята картошку не чистят”. Я говорю: “Как не чистят?” Они видят: я ничего не делаю, хотят, чтобы и я с ними села. Взяла ножик, и быстро дело пошло, уже полное с верхом ведро. Акулов говорит: “Хватит!” А они всё кидают: “На, Акулов. Не жалуйся!”

Окружили нас танкисты, говорят: “Что это у вас младший лейтенант (это про меня) картошку чистит? За что она у вас провинилась?” Говорю старшине: “Прогони всех!” Костёр тухнет, прямо кольцом стоят, как на зверушку смотрят. Я ушла, спряталась. Вижу: наш костёр и только наши ребята...

После боя тяжело было смотреть на раненых солдат, перевязанных не только бинтами, а и нижними своими рубашками, рвут их и перевязывают. Они сидят на бугорке, ждут, когда за ними придут. Мы с ребятами бежим мимо, на сапогах грязи налипло, тащишь, как пудовые гири. Ребята бегут — ничего, а мне кричат: “Дочка! Сестричка!” Я им ответила: “Я не медик”. Как они начали меня ругать, какими словами только не обозвали. “Чего тебе тут делать-то, в этой мясорубке, раз ты не медик!” Значит, они подумали, что я ППЖ. Около других бежим, я уже не говорю им, что не медик, а отвечаю: “Сейчас! Сейчас!” А сама бегу за ребятами...

Заскочили в землянку, все не влезает. Старшина говорит: “Ляжем боком, поворачиваться будем по команде”. Я легла около двери. Уснули — как нажали, аж кости больно. Вылезти не могу. Расстегнула шинель — вылезла. Сразу ребята подвинулись и моё место заняли. Стала тащить шинель, и шинель не могу вытащить: она примёрзла за рукав и подол. Вытащила, а угол подола оторвала. Пришлось обрезать шинель. Лоскутки пригодились, в сапоги стельки положила, тем более у меня портянок не было. Из портянок я лифчик сшила. Да и другие кусочки пригодились мне. Губы обмётаны, все мы в чирьях, под пазухой, на спине — больно, но терпим. Проткнётся, засохнет и пилит, как пилой.

Однажды вскочил чирей на левой брови, на переносице, голова трещит от боли, опухоль закрыла глаза. Лёва Журкин бежит: “Лёля, скорей передай!” Говорю: “Лёва, я не вижу!” Беру пальцами, раздвигаю глаз — слеза течёт.

Он говорит: “Пойду командиру скажу”. Я говорю: “Да что ты скажешь? Он только заругается. Скорее надо передавать. Прочитай, я вслепую буду делать”. Ключ простучал – сразу уходим.

На другом месте разожгли костёр, вода стала нагреваться. Я зачерпнула в кружку, полотенце обмакнула в тёплой воде, стала прикладывать к чирью. Сколько мне ещё с тобой мучиться?! Взяла ногтями за головку, дёрнула, как гвоздь жёлтый вытатила. Адская боль, искры из глаз, и кровь по щекам хлынула. Закрыла полотенцем и так долго сидела. Потихоньку успокоилась, и опухоль стала сходить – огромная радость.

Ребята некоторые не выдерживали – заболели, их заменяли, а меня они звали – каменная.

О фронтовой любви, начальниках и газетах

В фильмах о войне девушка окружена особым романтическим ореолом. Вспомним фильмы: “А зори здесь тихие”, “В бой идут одни старики”, “Звезда”, “Белорусский вокзал” и мн. др.

Но жизнь не всегда совпадает с фильмом или книгой, и отношение мужчины к женщине может быть иным.

Много говорят о фронтовой любви, это вопрос сложный, кому как повезёт. Меня этот вопрос шокировал – это же эгоизм, всяк дурак хочет любви. А когда в такой сложной обстановке, когда их пятнадцать, а ты одна! Лёва Журкин мне в любви признался, почву под собой потерял, также и другие ребята по-разному мне говорили...

А старшина Феладоненко по-другому действовал. Стою около машины, он подошёл ко мне и положил руку на плечо. Я ему сказала: “Не забывайте!” Он ответил: “Подумаешь, младший лейтенант, да вас после войны в бочках солить будут”. Говорю: “Солонину будете есть”. Он: “Ну да, там, в тылу, молоденькие, свеженькие подрастут”. Я ответила: “Свеженькие быстро стухнут, а мы, просолённые и прокопчённые, всегда будем вкусны”. Он: “В гражданке на вас и смотреть никто не будет. Кто из девушек служил в армии, тот последний человек, вас за 10 километров обходить будут”. Говорю: “Вот кончится война, вы увидите меня – не за 10 километров обходите, а за 100”. Он: “Смейтесь-смейтесь, а будет так”. Потом ребята Феладоненко “напрасный страдатель” звали.

Однажды мы подъехали на машине, ребята кричат: “Лёля, скорее передать надо!” Я стала с машины слезать, поставила ногу на колесо – холодно, да под мышками чирьи, больно – не удержалась, упала и поехала по ледяной корке. Шинель загнулась. Канцелярский: “Ха-ха-ха! Ляжки-то какие красивые!” Я быстро посмотрела на ребят, кто как реагирует. Лёша Шадриков склонил голову, Вася Чалый тоже и другие ребята, только весело Канцелярскому и Феладоненко. А я так замёрзла, что костям больно. Скорее взяла депешу и стала делать. Руки карандаш не держат. Себе внушаю – жарко. И пальцы грею, только во рту и губы тоже обмётаны, больно рот разевать...

А то и так бывало: ругает меня Канцелярский нецензурной бранью, кричит, аж слюна брызжет. Я стою по стойке “смирно”, его не слушаю, сама себе шепчу: “Пусть мои силы маленькие, я должна помочь Родине”. Он накричится, даст мне депешу – скорее надо делать, бегом побежала.

Я старалась при любых обстоятельствах держаться и никогда не плакала. Мне нельзя. Если я расстроюсь, наплачусь, я же могу ошибиться.

Я шифрую, знаю, что значит для нашей армии даже самое маленькое донесение. Для примера приведу наступление на Ригу. Наши подтягивают войска к хутору Сисени. И вот перехватываем: одиннадцать ноль-ноль – огонь по Сисени, а время половина одиннадцатого. Скорее передать! Мы, как правило, не знаем, какое решение примет командование и какие результаты. А это помню, пришёл Канцелярский и говорит: “Живую силу успели отвести, хозяйственные части пострадали”. И только наша сводка, переданная советскому командованию, сохранила жизнь солдат.

Поэтому я расстраиваться не имела права, ни при каких обстоятельствах. А потом меня не покидала мысль: рано или поздно нас немцы схватят, будет ещё трудней, а тут все свои.

Мы, вся группа, заняты своим делом — добываем сведения о противнике. А как дела идут на фронтах, мы не знаем, фактически изолированы. Ребята меня избрали комсоргом, иногда бывали моменты сходить в политотдел и попросить там газеты. Но это очень редко случалось, потому что всегда мы были от них далеко. Однажды командир говорит: “Лёля, сходите с Шадриковым в политотдел, попросите газеты, здесь близко, километров семь-восемь”.

Лёша вскинул автомат на плечо, и мы пошли. По дороге он рассказал о себе, говорили обо всём. Он мне посоветовал изменить отношение к командиру. А что мне изменять? Я выполняю всё, справляюсь со своей службой, за всё время ни разу запросов не было. С первого раза передала — поняли. Не нужна — пусть отправляют в другое место. Куда ж с передовой отправлять? Разве только в тыл к немцам. Куда пошлют, туда и поеду.

А то я знаю, какое хорошее отношение у девочек с начальством. Через пять месяцев тебе вручат чёрный паспорт, и езжай домой. Зачем мне это надо?

... Пришли в политотдел, я майору доложила, что мы из спецгруппы, изолированы и не знаем, какая обстановка на фронте. Он мне дал две газеты: центральную “Правду” и фронтовую. Ребята обрадовались, прочитали все статьи — хоть стали в курсе событий. Потом газеты порвали аккуратно, сложили для курева. На другой день пошли мы с Колей Новицким. Сказала майору, что ребята ваши газеты на курево изорвали. Он сказал: “Ну, я вам больше не дам газет, они мне нужны. — Потом, улыбаясь, говорит: — Приходите ещё”. Дал мне журнал, свежие газеты и старых — это ребятам на курево. Но нам больше не удалось прийти, всё осталось у нас.

По дорогам войны

“Каменной” приходилось несладко. Читаю воспоминания, и поражает её выдержка, стойкость, умение перетерпеть, — наверное, правильнее сказать “претерпеть” — любые боли и испытания.

Дожди, холод, изморось, шинель мокрая, сушиться негде, а солнышко выглянет — смотришь, от солдатских шинелей пар идёт: всю зиму невытые. Тело какой-то коркой покрыто. Вши кусаются, особенно в поясе, под пазухами чешется до изнурительной боли. Ребята на костре вытрясают свою одежду. А я как? — Так и хожу. Правда, при малейшей возможности я старалась стирать. Я стирала в ведре, в котором мы обед готовили. Конечно, я не купала в нём, а делала так. У меня была фанерочка с тетрадный лист, всегда в планшете лежала с шифром. Я на этой фанерке шифровала, и в стирке она меня выручала. Я на дощечку положу штаны, потом рубашку, лифчик и сверху полотенце — все мои вещи. Нагреется вода, кружкой зачерпну, поливаю полотенце, потру его, вода проходит на лифчик, потом лифчик потру, опять кружечкой полью, водичка на рубашку стечёт. Так два раза кружечкой полью, водичку видело — и хватит. Рубашку, она же мужская, и полотенце на кустик повешу, где придётся. А лифчик и штаны расстелю на вещмешок и закрою плащ-палаткой. Неудобно же, одни солдаты кругом. А когда ложусь спать, на себя положу, плащ-палаткой прикроюсь, чтобы скорее подсохло. А бывало и так: дождь промочит, всё сырое, так и ходишь, на себе, пока не высохнет — костёр выручает, но не всегда можно костёр разжигать. Так же и голову мыла. Когда поедим, попрошу Акулова, чтобы он водички принёс и на костёр поставил, я голову помою или стирать буду. Из ребят никто мне никогда не возражал, что я так из ведра стираю и голову мою. Я скажу Акулову: “Принеси водички”, — он всегда ответит: “Сейчас, Лёля”. И вообще ребята ко мне доброжелательно относились.

Заскочили как-то в сарай вечером, а утром смотрим: из соломы фриц вылезает. Мы сразу не поняли, то ли в плен попали, то ли что, а фриц видит — нас много, поднял руки и говорит: “Гитлер капут!” Такая была стрельба, грохот страшный, а он уснул и не слышал, как немцы отошли. Немцы тоже измучены до предела.

А то и так бывало. Снег сыплет в щели сарая, дует, холодище, невозможно спать. Если уснёт кто, будим — боимся, как бы совсем не уснул. Но ребята такие смывлёные на всё, что-нибудь да придумают, особенно Володя Оськин — наш Тёркин. Валялась тут скрипка с одной струной. Он взял её, подал Николаю Новицкому и ещё железяку дал и говорит: “На, Колька, сыграй, а я

спляшу”. Николай взял скрипку и этой железякой на одной струне – “пик, пик”, а Оськин разулся и босиком начал плясать. Мы все засмеялись, так насмеялись, что жарко стало. А Володя говорит: “Вот и я нагрелся, можно поспать”.

Только легли, уснули, меня дёрнули за рукав: “Лёля, передать надо”. Ключ простучал – Канцелярский кричит: “Ребята, скорее, уходить надо!” Побежали, а ветер со снегом в лицо, аж режет.

Остановились у лесочка, ночь, даже не верится, что так тихо. Воздух едучий, сырой – зябко, холодно, кости ноют, спать не могу. Ребята на земле около машины спят. Распластались кто как. Один Лёва Журкин ходит, на плече автомат. Подходит, спрашивает: “Вы, Лёля, не спите?” Говорю: “Нет, зябко, не могу уснуть”. (Спросили бы меня, чего тебе хочется, я бы сказала: “Выспаться и поспать в тепле, раздетой”. А то я на машину то залезу, то слезу). Смотрю кругом: зарево, зарево, языки в разных местах, горит что-то, насчитала девять очагов. Лёва говорит: “Немец отступает, деревни жгёт”.

Подъехали к деревне. В деревне стоят одни печки да угли. Ребята где-то под мостом нашли мешочек с мукой. Говорят мне: “Лёля, умеешь печь хлебы?” Говорю, что умею, а сама никогда не пекла, видела, как мать делала. Акулов был болен, лежал на машине. Мы с Магером, с шофёром, стали печь хлебы.

Я в ведре замесила, поставила к костру подниматься. Легли спать. Магер меня будит: “Лёля, вставай, будем хлеб печь”. Я посмотрела в ведро, а тесто нисколько не поднялось. Подлила водички, положила соли и замесила всю муку, полное ведро. Магер печку истопил и подмёл жар к одной стороне – печка большущая. А как тесто туда класть, не знаем. Нет ни противня, ни ухвата. Говорю ему: “Я буду делать лепёшки, шарики, а ты кидай прямо в печку. Я скатываю шарик, даю ему, он со всего размаха – бултых! – в печку. Ребята смеются: “Посмотрите, как Лёля с Магером хлебы пекут!” Говорю: “Уходите, не мешайте, а то и хлеба не получите!”

Испеклись пресные, тёпленькие, мягонькие, а где и пригорели – всё съели. Мы уж не помним, когда хлеб-то ели.

Едесь, видишь: не только солдаты убитые лежат, а много гражданских. Старики, старушки, женщины, дети – убирать некому. Немец тифом заражал гражданских. У нас тоже ребята двое заболели, их сразу отправили.

На краю банка, там бабушка жила и Лёшенька, пяти лет. Бабушка увидела нас – замолилась, заплакала: “Сыночки! Сыночки!”

Лёшенька был в тифу. Бабушка пошла в баньку, и я за ней. На лавке лежал Лёшенька. Мне показалось, что ему лет пятнадцать, длинный такой, глаза чёрные, большие, умные. Увидел меня, обрадовался, тихим голоском: “Наши пришли, наши...” А бабушка стала молиться и говорит: “Ты бы умер у меня, Лёшенька, а потом я, старая, за тобой – кормить-то мне тебя нечем”. А Лёшенька говорит: “Нет, бабушка, я не умру – наши пришли!”

Бабушка на поле собирала прошлогоднюю картошку, варила в консервной банке и тем кормилась с Лёшенькой. У меня был в кармане кусочек сахара, я положила его в ротик Лёшеньке, думала, он обрадуется, сосать будет. А он стал заглатываться, в ротике-то у него сухо. А бабушка взяла у него из ротика сахар и говорит мне: “Дочка, а он и не знает, что за сахар...” Бабушка в печке всё время поддерживала огонь, спичек-то у неё нет. Мы дали бабушке спичек, соли, сухарей, брикет каши – чем солдат богат. Бабушка рухнула на землю, в ноги кланяется: “Сыночки... Господь вас спаси...”

Мы, девчонки, скромные были, по нужде сходить ждём от темна до темна – кругом солдаты. Остановились, рядом разваленный сарай, бурьян высокий, думаю: сбегая скоренько. Только подошла – бежит бегом солдат, остановился, пистолет приставил к виску, выстрелил и рухнул камнем на землю. Я так напугалась!.. Лежит он вверх лицом, руки в стороны и пистолет в руке. На выстрел быстро солдаты подбежали, и капитан бегом бежит. Как схватил у него гвардейский значок у груди, так вместе с куском гимнастёрки и выхватил. Тут же понесли его. Это оказался танкист, повар. Я всё думала, как он мог так дешёво жизнь отдать.

А может, он с ума сошёл... Немало солдат с ума сходило. Без отдыха вперёд, вперёд, не давая врагу передышки, под пулями, под снарядами, под бомбёжкой. Это же не один день. Находиться в нечеловеческих условиях, ночевать где придётся, хорошо – в землянке, в блиндаже, в сарае, а то

и под открытым небом, длительное время не раздеваясь, не разуваясь, все в чирьях, болячках, во вшах.

В деревне Засигово в Белоруссии стоит Соня, учительница, у неё правую руку оторвало при бомбёжке, в левой руке — четырёхмесячный Вовочка, Боря, полтора года, за подол держится. Она вся в слезах — кормилицу-то у меня убили. Старшему сыну Саше было 10 лет, он сбегает в деревню к бабушке, наберёт варёной картошки за рубашку и бежит к матери в лес, она была у партизан. По дороге остановил Сашу немец, посмотрел, что у него за рубашкой, сказал: “Партизан!” — и убил его. В деревне нет ни одного дерева, все спилены вплоть до леса, чтобы было видно как на ладони.

Командир очень беспокоился и заботился о ребятах во всех отношениях. Однажды перед боем на передовую приехали артисты. Канцелярский говорит: “Лёля, возьмите ребят, пойдите посмотрите концерт, мы тут недалеко”. А сам всегда остаётся с половиной ребят за делами.

Подходим: солдат — море, кто сидит на земле, кто стоит. Концерт на машине. Солдаты хохочут. Комические вещи, как Гудериан сменил фамилию на Удериан и т. д. Я стояла в кругу ребят. Подходит ко мне лейтенант, надо что-то спросить, старший лейтенант, капитан, майор — оказалась в кольце офицеров. Получилось так: ко мне подходит офицер — ребята шаг назад, подходит другой офицер — опять шаг назад. Я не хочу с ними разговаривать, смотрю на машину. Оглянулась кругом: где у меня ребята-то? Напугалась — нет их. Они стоят сзади, далеко от меня, так кучкой и стоят. Я швырк от этих офицеров к ребятам, говорю им: “Больше не пячьтесь”. Я везде только со своими ребятами.

Где-то ребята подхватили лейтенанта немца. Смотрю: Шадриков и Акулов около него. Немец снимает хромовые сапоги, Акулов обул их, а свои кирзовые отдал немцу, а Лёшка взял у него часы. Немец всё смотрит и смотрит на меня, но я к ним не подхожу.

Акулов, наш признанный повар, около костра готовит кашу, а ребята: “Поглядите-ка, поглядите, наш Акулов-то в хромовых сапожках, когда наш командир в кирзовых”. А брат у пленных ничего не положено. Ребята сказали Канцелярскому: “Лёля видела, как Акулов с Шадриковым разували его”. Командир меня спрашивает: “Младший лейтенант Козлова, скажите, как Шадриков с Акуловым раздевали немца”. А я ответила: “Они сидели на кочке, и ребята давали немцу закурить, и больше ничего я не видела”. Думаю: подумаешь, сапоги, вон они у нас что делают, всё жгут, а на виселицах наши гражданские старички босиком висят, болтаются на верёвке, да ещё и подход к ним минируют, подойдешь и взорвешься.

...Страшно грязные, непроходимые наши русские дороги. Наступление, подтягиваются войска. Колонны машин, крытые брезентом. Колёса наполовину в грязи, буксуют. Солдаты на себе машины вытаскивают, вымотаны все до предела, ноги вязнут в грязи до колен. Обычно колонны машин передвигаются ночью, а эти днём застряли в грязи. Бомбёжка — как полетело всё в воздух! Солдаты в разные стороны, всё в месиво превратилось. А у нас была машина “студебеккер”, американская. Она, как танк-вездеход. Думаешь: ну, сели в грязи, а она, как поросёнок — хрю-хрю — и попёрла. Мы никогда нигде не застревали, и тут мы от бомбёжки уехали — спаслись.

Рига

13 октября 1944 года вошли в Ригу. Утром из подвала вылезают женщины и дети, увидели меня. Ребята говорят мне: “Лёля, там женщины вас просят”. Подумала, зачем им я понадобилась. Я подошла, а они чуть не хором: “Девушка, вы женщина, и мы женщины, скажите, нас будут убивать и вешать русские солдаты? Нам немцы сказали”. Я никак не ожидала такого вопроса, говорю: “Не бойтесь, никто вас не тронет. Мы освободили ваш город, вы свободны, вы хозяйка своего города”. Они: “Девушка, вам трудно одной среди солдат?” Я ответила: “Нет, мне не трудно, я среди своих. Вот кто в застенках у фашистов, тем трудно. Всеми силами стараемся скорее их освободить. — Девушка, нам немцы сказали, что русская армия с голоду подыхает”. Я ответила: “Посмотрите на наших ребят. У нас тыл крепкий, свою родную армию всем необходимым снабжают. Скоро придём в фашистское логово”. Они ещё хотели со мной поговорить, но ребята меня крикнули, надо было передавать шифровку.

Командир мне сказал: “Лёля, возьмите ребят, идите посмотрите город”. Восемь ребят быстро встали по двое, автоматы на плечо и пошли посредине улицы. Из подвалов вышли старушки, старички и дети. Мы идём по улице, а старики и старушки при виде нас встают на колени и головой в землю кланяются. Я сначала подумала: “Какие религиозные...” А потом слышу: “Смотрите! Смотрите! Девушка-офицер солдат ведёт!” Так это они нам в ноги кланяются. Мне как-то неудобно стало. Я ребятам сказала: “Идите вольно”. А старшина Феладоненко одёрнул гимнастёрку и говорит: “Что нам вольно идти? Нас офицер ведёт!” Я сказала: “Идёмте обратно, я останусь, а вы пойдёте одни город смотреть”. И повернули обратно.

Канцелярский поехал в дивизион, сказал мне: “Лёля, остаётесь за меня, приеду завтра”. Меня пригласили две женщины, а ребята в другой комнате. Женщины положили меня спать на кровать, на перину. Мне казалось, что это во сне, я тут же уснула. Просыпаюсь: свет горит, обе женщины не спят. Спрашиваю: “Вы почему не спите?” Они: “Мы боимся. — Кого? — Там солдаты”. Я: “Что, немцы?” Они: “Нет, русские”. Я встала, пошла к ребятам. Дом четырёхэтажный, и по всей лестнице сидят с котомками старики, старушки, дети. Пришла в комнату ребят, шум у них, они борются, выпивши. Я сказала старшине: “Товарищ Феладоненко, идите, посмотрите в коридоре! Люди вас боются, не спят”. Вышла, обратилась к этим людям на лестнице: “Идите спать! Вас русские солдаты не тронут, не бойтесь!” Они: “Спасибо, девушка, спасибо...”

Приехал командир, двинулись дальше.

Отпуск

Я знала: кое-кому, кто находится на передовой, когда наши берут города, улыбается счастье — дают отпуск. И я написала рапорт. Мне дали отпуск на 10 суток. Какая радость...

В Горький приехала рано 7 ноября 1944 года, на 27-ю годовщину Советской власти. Только сошла с поезда, люди видят — девушка в полевых погонах, все с такой тревогой спрашивают: “Откуда, девушка?” Говорю: “Из Риги”. Всем хочется узнать, как дела на фронте. И в первую очередь спрашивают: “Совсем приехала?” Говорю: “Нет, на 10 дней. Кто на передовой был, кое-кому выпадает счастье, вот и мне выпало”. Около вокзала шофёр на грузовой машине говорит мне: “Садитесь, я вас доведу до пристани”.

Он довёз. А на пристани такая очередь машин, лошадей переправляться через Волгу на Бор. Шофёр взял мой вещмешок и понёс на первую машину, которая сейчас будет грузиться на пароход. На переправе меня тоже окружили люди, особенно мужчины, всем хочется узнать, как дела на фронте.

Переехали Волгу, добрались до Бора. Шофёр спрашивает меня, где я живу. Он меня подвёз прямо к дому. Шесть часов утра, стучу, открывает мама — радость необыкновенная...

Возвращение

Нет в воспоминаниях ни строчки, хотя бы кратко повествующей о днях отпуска, о разговорах с матерью во время его. Не каждая мать, проводившая на фронт сына или дочь, увидела вновь своё дитя. А тут — отпуск... Конечно, были счастливыми эти дни, но сторонится настоящее счастье рассказов о себе. Берегут люди от чужих глаз самое главное...

Десять дней быстро пролетели. Вернулась в часть в Ригу. Вместо меня в группу послали Машу Болдышеву. Я подумала: вот и хорошо, а я в Риге буду. Пошла обедать, мне кричат: “Козлова, собирайся! Канцелярский приехал!” Он вылезает из машины и говорит мне: “Лёлочка, скорей, некогда, там поедим!” Я быстро взяла вещмешок и села в машину в кузов, там был Витя Торошин.

К передовой подтягивались войска, идут колонна за колонной. Едем по дороге, догоняем столб пыли, идут солдаты, на себе несут полное снаряжение и ручные пулемёты на себе тащат, глотают эту пыль. Солдаты усталые. Мне бросился в глаза маленького роста солдат из последней шеренги. Мне казалось, он сейчас упадёт от усталости.

Машина поравнялась с колонной, этот солдат посмотрел на машину, увидел меня — сидит девчонка. Распрямился, голову поднял, да как крикнет: “Воздух! Воздух!” Как начали солдаты в нас яблоки кидать, и вся колонна кричит: “Воздух! Воздух!” Яблоко они набрали в садах в Прибалтике. Яблоки попадают по спине, по голове, по борту машины стучат. Витя говорит: “Так мы с вами и до передовой не доедем, нам свои головы снесут!”

Приехали на передовую — ребята обрадовались, что я опять к ним приехала. И Канцелярский такой добрый, ласковый стал, говорит: “Ведь Лёличка для нас как мать, сестра и подруга”.

У него с Болдышевой за время моего отпуска завязалась “любовь”, которая оказалась никому не нужна, особенно ребята встревожились. Да и сам он почувствовал: в такой напряжённой обстановке всё должно быть направлено на большое дело для Родины.

Акулов около костра, и я к нему подошла, помогать стала, а старшина говорит: “Ведь Лёля у нас чистенькая, из её рук приятно и взять”.

Ребята ко мне всегда хорошо относились. Только вот старшина Феладоненко и Канцелярский — у них свои запросы, начальствующие. А после моего отпуска их обоих как подменили, стали такие добрые и ласковые. Канцелярский больше меня никогда не ругал.

Уже холод, осень, ребятам привезли зимнее обмундирование, а мне нет, не привезли. Лёва Журкин мне отдал свои ватные брюки, говорит: “Нате, Лёля, а я пока в этих похожу. Вам привезут, я возьму”. А когда привезут — дней через десять. А холод, каждый день кости ноют...

Кёнигсберг

И опять перед глазами кровь и смерть. До победы надо ещё дойти, надо ещё дожить. И самыми тяжёлыми были последние месяцы войны. И выдержки не всегда хватало даже у сильных мужчин.

7 апреля 1945 года вошли в Кёнигсберг. Грохот пушек, скрежет танков, гул самолётов. Это был ад кромешный. Стоят подбитые танки, пушки, наши и немецкие, валяются убитые лошади, убитых солдат санитары подбирают. А укрепления какие! Траншеи добротные, ежи, противотанковые рвы, надолбы. Во сне не приснится!

Стоят на улицах колонны пленных немцев. 92 тысячи. Стоят, смиренно опустив головы. А сколько наших — все пьяные, шатаются, начиная от солдата до генерала...

Город горит, никто его не тушит. Идёт полковник, еле на ногах стоит, смотрит на меня и говорит: “Дочка, да у тебя и медальки-то нету! Если бы ты была у меня, да у тебя вся грудь была бы в орденах!” Я скорее подвинулась к ребятам, к машине. (Подальше от царей, голова будет целей).

Приехал к нам начальник первого отдела 5-го управления МГБ, подполковник Муха. Видит, какой кошмар, говорит мне: “Козлова, от машины никуда не отходите”. Я села в кабину машины, стекло закрыла плащ-палаткой, чтобы не видеть мне этого кошмара. Ухватилась руками за руль, на руки голову положила и уснула. Мы же всю ночь не спали, да и предыдущие ночи спали на ходу.

Проснулась, смотрю: пушка, тянули три лошади в упряжке. Одна лошадь убитая лежит, средняя на коленках стоит, а третья прямо стоит. Сколько солдат, видимо-невидимо, а освободить лошадь некому, все вдрызг пьяны. Я сказала Новикову: “Лёша, освободи лошадей”. Он только распряг, как средняя лошадь вскочила на ноги.

Победа

Двинулись на Берлин. Подтягиваются войска всех родов: танкисты, артиллерия, пехота. Жара 30°. Солдаты бегут, все грязные, у некоторых губы растрескались, изо рта кровь течёт, гимнастёрки выгорели — белые, от соли на спине сопрели, треснули.

Город горит, посередине улиц немцы сделали завалы — не проехать на машине. Из домов стреляют. Жара — асфальт плавится, сапоги прилипают. А танки идут — такие вмятины на асфальте...

Слышатся команды: “Вперёд! Вперёд! Не давать передышки врагу!” Обгорелые дома рушатся, иногда на бегущих солдат.

2 мая я была у майора Губанова, мы поехали к рейхстагу, там был митинг. Столько солдат — туда не добраться. Мы остановились у Бранденбургских ворот. На землю встала, ничего не вижу — стена солдат. Встала на машину, теперь вижу: солдат видимо-невидимо, вся площадь — одни солдаты.

После митинга солдаты кидают пилотки вверх. Выстрелы в воздух. Качают офицеров, кричат: “Ура! Победа!” А многие рухнули на землю — спать.

Ольга Козлова, как и многие бойцы в те дни, расписалась на рейхстаге. Казалось бы, скоро домой. Но судьба решила иначе.

Я вернулась в 1-й полевой отдел 5-го управления МГБ. Война закончена, но мы знали: не закончена. Подполковник Муха говорит: “Второй отдельный дивизион спецслужбы МВД передислоцируется на Дальний Восток”.

Надо кого-то посылать связь поддерживать, а кого? Мужчин на пониженную должность не пошлешь. Смотрит на меня. Я говорю: “Ладно, значит, война ещё не кончена. Я с ними поеду, до полной победы”. А так хотелось домой...

Но ещё не пора. Поехала с дивизионом на Дальний Восток. Война там быстро кончилась. Дивизион расположился в местечке Шкотово, а меня перевели в УМГБ города Владивостока.

Владивосток

Нам, родившимся после войны, не нюхавшим пороха, трудно представить, каково было человеку, прошедшему сквозь ад, возвращаться к обычной жизни. Особенно, когда тебя, солдата Великой Отечественной, встречают во все не цветами.

Мы помним у поэта:

*Вы наплюйте на сплетников, девочки.
Мы сведём с ними счёты потом.*

Но это песня. А со сплетниками лицом к лицу оказывались они, порой совсем беззащитные, несмотря на свой фронтовой опыт, очень ранимые, забывшие, как носить туфельки, девчонки.

Меня стали помещать в общежитие, комендант привёл меня в комнату девушек и говорит девушкам, чтобы подвинули койки, ещё одну надо поставить. В комнате было пять коек. Девчонки в общежитии как закричат: “Не надо нам! Вселяли хоть бы девушку, а то фронтовичку!” Особенно громко и раздражённо кричала Аня Коврижина: “Койку двигать не буду, вселяли хоть бы девушку, а то фронтовичку, позорить наше общежитие”. Все кричат, как в курятнике напуганные курицы.

Я стояла около двери молча, смотрела на их беленькие с простынками коврики и думала: “Они спать ложатся, раздеваются в тепле...” Мгновенно мысли перенеслись на фронт, в лес, где мы приготовили в ведре кашу, ведро не моем, опять снегу наложили — вскипятили чай. Размели на костре угли, положили ветки ели, устроили себе постельку, холод страшный. Командир где-то нашёл домбру без струн, стал на ней играть и припевать: “Вот мы нагреемся, немцам жару поддадим!” Всех нас заставил плясать: “Шадриков, ноги выше поднимайте! Новиков, присядку не забывайте!” Всем пример нам подаёт — играет, пляшет и поёт. Нагрелись...

А потом скомандовал: “Ложись!” И мы все легли на эти ветки немножко отдохнуть. Но спать нельзя: можно замёрзнуть. Лёша Шадриков меня дёрнул за рукав: “Лёля, передать скорее надо!” А у меня в руках не держится карандаш. Стала себе внушать: жарко, и только пальцы грела во рту, чтобы скорее зашифровать. Губы обмётаны, болячки, рот разевать больно...

А здесь, в общежитии, тепло, и только девчонки кричат одна громче другой: “Не надо вселять!” Надя Царенко видит, что я молчу, ни слова на их возражения, говорит мне: “Ложитесь на мою койку, я ухажу дежурить, а там разберёмся”. Мы с Надей долго спали на одной койке.

В выходной девчонки пошли на танцы в клуб моряков и меня пригласили. У меня гражданской одежды нет, я в форме младшего лейтенанта. Вошли мы в зал, здесь ничего не разрушено, духовой оркестр играет вальс. Как я обрадовалась...

Ко мне подходит пьяный капитан. Я думала, он хочет пригласить меня танцевать, а он встал, осмотрел меня с ног до головы и говорит: “А где у вас муж? Кто он, полковник, генерал?” Я ответила: “У меня нет мужа”. Он спрашивает: “Что, он оставил вас? Ничего. Война всё спишет!” Я больше не хотела с ним разговаривать и пошла от него в сторону. Он как схватил меня за руку, дёрнул с силой к себе, да как ударил по щеке и говорит: “Что, рангом ниже?”

Сколько народу – никто ни слова. Как же, ударили фронтовичку – это же последний человек! Я выскочила из клуба, вся в слезах, бегом побежала в общежитие. Всю дорогу плакала и всю ночь не уснула – всю ночь плакала...

На девчонок-фронтовиков все гражданские смотрели с таким пренебрежением. Даже в отделе УМГБ города Владивостока нас было 11 человек, и я появилась – одна девушка, и здесь пришлось пережить позор за то, что я фронтовичка. Особенно капитан Кондратюк, тоже фронтовик, как начал рассказывать разные вульгарные вещи, противно слушать. А что тут стесняться, тут же фронтовичка – последний человек... Я обращаюсь к начальнику Михаилу Савельевичу Солякову: “Можно за чернилами сходить?” Он скажет: “Сходите”. А я пойду в туалет, постою там минут десять – пусть поговорят без меня. Иду, сажусь и снова работаю. И это несколько раз было. Начальник Соляков потом поругал Кондратюка, и он прекратил свои рассказы.

Прихожу в общежитие – Аня Коврижкина лежит на койке, бледная, истекает кровью. Я говорю: “Девочки, Ане же плохо, надо “скорую”!” А Зоя Чикмарёва говорит: “Ну её к чёрту! Даст ей моряк американские зупки, она уже и готова”. Я говорю: “Ей же плохо!” Вызвала “скорую” и повезла её. В больнице меня спрашивают: “Что с ней?” Отвечаю: “Я не знаю”. Как начали меня медсёстры и врачи ругать, какими словами не обозвали... “Вот эти военные, им не воевать, а только...” Опять моя форма, я – последний человек.

Я ни с кем старалась не разговаривать, сажусь и молча выполняю свою работу. И в столовую так же иду – молча. Там большинство мужчин заговаривали со мной. Я посмотрю в глаза и тут же отхожу, ни слова не отвечу, будто я немая.

В столовой питались по талонам, встану в хвост, подойдёт моя очередь – мне уже ничего не достанется. Особенно в дефиците был винегрет. Это ведь не один день. Официантки видят, что девушка стоит, головы никуда не повернёт, стали мне оставлять. Подходит моя очередь – мне говорят: “Вот одна порция винегрета есть или салата”. Я села есть винегрет – у меня покатались слёзы. Я не хочу плакать, а как-то сами. Значит, до людей стало доходить, что фронтовичка тоже человек...

Во Владивостоке мы с девчонками пошли в театр на постановку Симонова “Под каштанами Праги”. Там Машенька была в плену, убежала. Когда пришла к своим, её старались накормить, она говорит: “Воды дайте! Воды! Помыться!” По сцене несут таз с горячей водой, пар идёт. Я как заплачу, слёзы ручьём потекли. Девчонки мне говорят: “Лёля, что с тобой?” Я ответила: “Вон таз с водой...” Они как захохотут!

А я подумала: Симонов – мужчина, а как тонко подметил первую необходимость для женщины. Я весь спектакль плакала. И надо сказать, во Владивостоке я часто стала плакать, по каждому поводу. На фронте было невыносимо трудно – я никогда не плакала. А тут...

Кукла

В управлении в отделах было много холостяков. Они старались со мной заговаривать, но я, как немая, даже слова не отвечу. Когда дежурю по отделению в выходной, опять нашествие идёт – один, второй, но я уткнусь в свою работу и ни слова.

Зыков оказался серьёзнее и умнее. Он приходит, посмотрит, сколько у меня работ, тут же садится, берёт сложные дела и их сделает. В течение дня мы вдвоём сделаем много работы. У меня есть время ночью поспать.

Мне как-то невольно с ним пришлось разговаривать. Он сирота, и так судьба нас соединила. Мы в 1946 году поженились. Мне как невесте дали ордер на платье: вольт синий с цветочками и кирзовые туфли за 34 рубля.

Я сшила платье и поехала в Шкотово – соскучилась по ребятам. Подхожу: ребята сидят на лужайке, у них была политбеседа. Они увидели меня, радостно заговорили: “Лёля идёт! Лёля!” Я подошла, поздоровалась. Они говорят: “Лёля, садись с нами!” А как я буду садиться? – Я же в новом платье. Володя Оськин снял с себя гимнастёрку и постелил её на траву, говорит мне: “Садись, Лёля!” Я говорю: “Что ты, Володя!” Он сказал: “Да этой гимнастёркой, пока мы шли до Берлина, во всех сараях всю немецкую грязь пособирали, а здесь травка чистенькая, садись”. Я села.

Ребята уже узнали, что я замуж вышла. Саша Сизов говорит мне: “Эх, Лёля, Лёля, каких ты ребят променяла на этого рыжего!” Я ответила: “А он мне нравится!” Он: “Прошу прощения!”

Когда у меня родилась Наташа, я долго лежала в больнице. Муж приходит ко мне и говорит: “Надо доверенность, посылка из Москвы пришла”. Я сказала: “Из какой Москвы? Я Москву только по картинкам видела. Из Горького!” А когда вышла из больницы, посмотрела: да, посылка из Москвы, ул. Чкалова. Её прислала Александра Дмитриевна Оськина – мать Володи. В посылке записочка: “Лёля, поздравляю с дочкой!” И вещи детские: распашонки, пелёнки, костюмчик и большая кукла.

После, когда я приехала в Москву, заехала к Александре Дмитриевне – поблагодарить её за посылку. Она мне сказала: “Когда Володя прислал письмо и просил что-нибудь купить, то расписались все ребята и просили, и заверяли, что они деньги со своей солдатской получки вышлют. А что я могу купить? Ведь в магазинах после войны на полках хоть шаром покати. Я с этим письмом ходила к директору центрального ГУМа Москвы. Он мне сказал, когда прийти, и вот мне дали”.

Изо всех моих наград эта посылка – самая дорогая награда, она от ребят! До сих пор кукла хранится...

Послесловие

Ольга Степановна работала в управлении МГБ Владивостока до января 1949 года, уволилась из-за продолжительной болезни дочери Натальи. Врачи посоветовали уехать в Центральную Россию. Ольга Степановна уехала в г. Бор, на родину, затем туда приехал и муж. С 1952-го по 1958 год Ольга Степановна с мужем Иваном Фёдоровичем Зыковым находилась в служебной командировке в Берлине. Там у них родилась ещё одна дочь – Елена.

В ноябре 1958 года семья вернулась в СССР. Построили свой дом в городе Боре, где и прожили до смерти. С 1963-го по 1990 год Ольга Степановна работала воспитателем в молодёжном общежитии завода “Теплоход”. Умерла в октябре 2007 года после продолжительной болезни в возрасте 86 лет.

МИХАИЛ ФЕДЧЕНКО

НАРКОМ ВООРУЖЕНИЯ БОРИС ВАННИКОВ

1940 год принял эстафету двух предыдущих лет по ускоренному развитию народного хозяйства и особенно тех отраслей, которые связаны с укреплением обороны страны.

Как и прежде, главной заботой партии и правительства были ведущие отрасли промышленности: угольная, металлургическая, машиностроительная и нефтяная. Потребности страны в угле, металле, станках, машинах и нефти с каждым годом росли. Металл, топливо и электроэнергия в большом количестве требовались оборонной промышленностью.

Сложившаяся к этому времени главная военно-промышленная база размещалась на линии Ленинград–Москва–Тула–Брянск–Харьков–Днепропетровск. Здесь находились основные военные заводы.

Угроза нападения требовала сделать в 3-й пятилетке (1938–1942) всё возможное для создания второй военно-промышленной базы, недоступной для ударов авиации противника. Такая база создавалась в районе Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Здесь расширялась угольно-металлургическая база, нефтяная – между Волгой и Уралом. Ускоренными темпами строились новые и расширялись старые оборонные и другие заводы, создавались предприятия-дублёры. К началу войны в восточных районах страны находилась почти пятая часть всех военных заводов (Вдовин А. И. История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2011, с. 172).

“В те годы, – пишет Б. Л. Ванников, – для всей промышленности главные задачи состояли не только в увеличении объёма и повышении качественного уровня производства, но и в коренном изменении дислокации предприятий... Страна готовилась к возможной войне на два фронта” (Ванников Б. Л. Мемуары. Воспоминания. Статьи. М., 1997, с. 74).

На всех заводах оборонной промышленности СССР создавались мобилизационные запасы специального металла, металлургических заготовок, полуфабрикатов (заделов), других материалов, сырья и инструмента, необходимых для изготовления соответствующей военной продукции.

ФЕДЧЕНКО Михаил Алексеевич родился в 1946 году на Среднем Урале. В 1979 году окончил заочно Московский государственный историко-архивный институт. В течение 37 лет работал заместителем начальника и начальником архива ФГУП “Российского федерального ядерного центра ВНИИ экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ)”. С 2015 года на пенсии. Почётный ветеран предприятия. Живёт в г. Сарове Нижегородской области.

В сельском хозяйстве также учитывались задачи укрепления обороноспособности страны. Расширялись посевы технических культур (сахарной свёклы и, в первую очередь, хлопка, необходимого для производства взрывчатых веществ), велись работы по расширению посевных площадей в Сибири и Казахстане. К началу 1941 года были созданы значительные продовольственные резервы. И всё же, несмотря на наметившуюся стабилизацию в развитии сельского хозяйства, оно не обеспечивало всё возрастающих потребностей городского населения в продуктах питания, одежде и обуви. Промышленность испытывала недостаток в сырье: хлопке, шерсти, коже.

У государства было много неотложных дел. На всё сразу не хватало ни сил, ни средств. Надо было спешить. Международная обстановка не давала времени на раскачку.

Приоритет отдавался развитию оборонной промышленности, часто в ущерб остальным отраслям. Например, если ежегодный прирост всей промышленной продукции в мирные годы 3-й пятилетки составлял в среднем 13%, то оборонной – 39%. Ряд машиностроительных и других крупных заводов был переведён на производство военной техники (Вдовин А. И. Указ. соч., с. 172).

Общая линия партии и правительства в перевооружении Красной армии накануне войны была направлена на увеличение количества автоматического стрелкового вооружения, улучшение артиллерийских систем, создание новых образцов танков и самолётов.

Развёртывание работ на предприятиях Наркомата оборонной промышленности СССР, созданного в 1936 году, сопровождалось рядом существенных недостатков. Это длительный период освоения производства новых образцов вооружений и боевой техники, боеприпасов к ним, а также неразвитая система кооперации с родственными предприятиями гражданских промнаркоматов. Эти и другие причины в условиях расширения военного производства привели к необходимости принятия партией и правительством решения о разукрупнении наркомата.

11 января 1939 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О разделении Наркомата оборонной промышленности СССР» создаются 4 самостоятельных общесоюзных специализированных наркомата: авиационной промышленности (М. М. Каганович), судостроительной (И. Ф. Тевосян), вооружения (Б. Л. Ванников) и боеприпасов (И. П. Сергеев). Каждый из них представлял собой целостный производственно-технологический комплекс по изготовлению соответствующей военной продукции.

Народный комиссар (наркомат) вооружения СССР возглавил Борис Львович Ванников – опытный и волевой организатор промышленности, талантливый инженер-механик, выпускник МВТУ им. Н. Э. Баумана, занимавший до этого пост замнаркома оборонной промышленности СССР. Его назначение состоялось в день выхода Указа после 25-минутной встречи со И. В. Сталиным в кремлёвском кабинете; это была вторая встреча, первая состоялась 31.05.1935 года, когда Борис Львович был директором Тульского оружейного завода. (На приёме у Сталина. Тетради /журналы/ записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008, с. 580).

В марте этого же года 41-летний нарком вооружения Б. Л. Ванников, член партии с 1919 года, в составе большой московской партийной организации (208 делегатов) участвует в работе XVIII съезда ВКП(б). На съезде принимается третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР и ряд других важных решений. В частности, в отчётном докладе секретаря ЦК И. В. Сталина было сказано: «Новая империалистическая война стала фактом». Раз так, то перед партией и правительством в области внешней политики ставилась задача «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» и «всемерно укреплять боевую мощь Красной армии и Военно-Морского Красного флота» (отчётный доклад ЦК ВКП(б) XVIII съезду. М., 1939, с. 15). На съезде из наркомов выступили А. Н. Косыгин (текстильпром), В. А. Малышев (тяжмаш) и А. И. Шахурин (авиапром). Здесь же произошло омоложение партийно-хозяйственных кадров. В состав ЦК, минуя стаж кандидата в члены ЦК ВКП(б), были избраны Н. А. Вознесенский, Б. Л. Ванников и другие наркомы, недавно назначенные руководителями. Новые наркоматы (накануне съезда их стало 34 вместо 15) возглавили бывшие производственники (такой

кадровый подход во многом предопределил силу советской промышленности, включая военную. — М. Ф.) (Чалмаев В. А. Малышев. М, 1978, сс. 94, 97, 103). Партия и правительство готовили новое поколение руководящих кадров к грядущим испытаниям. В Европе и на Дальнем Востоке уже зрели очаги будущей войны.

Огромный объём работы и персональной ответственности на высоком посту наркома вооружения не пугали Б. Л. Ванникова. Его заместителями были опытные, высококвалифицированные специалисты, прошедшие, как и он, школу заводской руководящей работы: В. М. Рябиков (первый заместитель), И. А. Барсуков, П. Н. Горемыкин (с 03.03.1941 — нарком боеприпасов), И. А. Мирзаханов, А. Н. Сергеев и другие.

В структуре наркомата вооружения к этому времени находилось 14 артиллерийских заводов, 9 заводов по производству стрелкового вооружения, 8 патронных заводов и 12 оптико-механических — всего 43, а также 8 НИИ и КБ, 4 строительных треста, 8 институтов и 13 техникумов. (Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР 1920–1950 годы... М., 1996, сс. 40, 159). Все заводы подчинялись Главным управлениям (ГУ) наркомата.

Немногим известно, например, что боеприпасы для стрелкового и некоторых видов авиационного вооружения, а также для противотанковых ружей изготавливал не Наркомат боеприпасов, а Наркомат вооружения. Этим занимался патронный главк.

Шефство над “хозяйством” Б. Л. Ванникова осуществлял председатель Госплана СССР, зампреда СНК СССР Н. А. Вознесенский (он же председатель Хозяйственного совета оборонной промышленности).

В структуре военной промышленности особое место занимала промышленность (наркомат) вооружения — детище индустриализации СССР. Эта отрасль зарождалась, когда других видов вооружения не было. Ко времени появления новых танков и самолётов старые артиллерийские и оружейные заводы после модернизации представляли собой уже крупные комплексные объединения, имеющие своё металлургическое и машиностроительное производство, хорошо оснащённое оборудованием, преимущественно импортным, с опытными, устоявшимися кадрами специалистов и рабочих.

Среди таких заводов были артиллерийские — ленинградские “Большевик” и им. М. И. Калинина, киевский “Арсенал”, Мотовилихинский им. В. И. Ленина (г. Пермь), сталинградский “Баррикады” — и оружейные — Тульский и Ижевский. В предвоенные годы они играли основную роль в оснащении Красной армии и флота всеми видами артиллерийского и стрелкового вооружения до введения в строй новых заводов (Оружие победы. / Под общ. ред. В. Н. Новикова. М., 1987, с. 40).

Одновременно с модернизацией старых артиллерийских и оружейных заводов велось строительство новых. При этом был взят курс на максимальное развитие заводов со своей базой специальной металлургии. “Потребности металлургии вооружения, — вспоминает Б. Л. Ванников, — удовлетворялись в первую очередь. Для этого выделялись крупные средства, лучшее отечественное и импортное оборудование” (с. 84).

Например, построенный незадолго до войны новый артиллерийский завод №92 (г. Горький, ныне — Н. Новгород) имел мощную металлургическую и машиностроительную базу, а также специальное конструкторское бюро ствольной артиллерии (директор — А. С. Елян, главный конструктор — В. Г. Грабин).

Реконструкции подверглись многие заводы, в том числе крупнейший на Урале Ижевский оружейный завод-гигант, где работало 50 тысяч человек. В начале 1939 года по решению Правительства и соответствующему приказу Наркомата вооружения он был разделён на два завода: машиностроительный №74 и металлургический №71. Оба завода были рядом и находились под “крышей” Наркомата вооружения. Вспоминает бывший главный инженер оружейного завода, с февраля 1939 года, директор Ижевского машиностроительного завода №74 с июля 1941 года, а в годы войны — замнаркома вооружения, Герой Социалистического Труда (1942) Владимир Николаевич Новиков: “Обсуждали всё терпеливо... хотя проблем было много... Объём реконструкции, даже по современным масштабам, был значительным и оценивался на нашем заводе в один миллиард двести миллионов рублей”.

Реконструкция огромного завода не могла остаться без внимания наркома вооружения Б. Л. Ванникова. Владимир Николаевич продолжает: “Вскоре после разделения завода к нам приехал Борис Львович Ванников. Он побывал на машиностроительном заводе, затем на металлургическом... Борис Львовичу на заводе многое понравилось... Нарком дал ряд полезных советов. Главным было сокращение трудоёмкости винтовочного производства, совершенствование технологии, улучшение условий труда, рост его производительности... “Не забывайте, — говорил Ванников, — о быте рабочих, улучшайте жильё и питание. Смелее развивайте подсобные хозяйства...” Как нарком вооружения Ванников, конечно, прикидывал, что потребуется в военное время, и, посещая завод за заводом, смотрел не только на то, как налажено дело, а думал о резервах...” (Новиков В. Н. Накануне и в дни испытаний: Воспоминания. М, Политиздат, 1988, сс. 21, 25, 27).

В это время централизованное снабжение рабочих и служащих оборонных и других предприятий важных для страны отраслей продуктами питания дополнялось продуктами, полученными с подсобных хозяйств. Поэтому неслучайно Б. Л. Ванников обратил внимание руководства двух ижевских заводов на имеющиеся резервы. Через год, 7 сентября 1940 года выйдет Постановление партии и правительства “Об организации подсобных хозяйств... на предприятиях в городах и сельской местности”, сыгравшее важную роль в улучшении продовольственного снабжения рабочих и служащих предприятий в военное и послевоенное время.

Б. Л. Ванников не был кабинетным руководителем. Он часто посещал заводы, встречался не только с руководством, но и с инженерами, мастерами и рабочими, пытаясь таким образом понять истинное положение дел. Он не связывал инициативу людей, а когда надо, решительно вмешивался, помогал выйти из сложного положения. Обладая интуицией инженера, энергично поддерживал новые начинания. Его характерной деловой чертой была тяга к новому, к совершенствованию технологического процесса производства. Борис Львович умел спросить и потребовать, но делал это в уважительной форме. Организаторский и инженерный талант Ванникова способствовал росту его авторитета. Небольшой штрих к этому. “...При той огромной ответственности, что лежала на его плечах, человеком он был весёлым, любил пошутить... Манера общения наркома, — вспоминает В. Н. Новиков, — создавала обстановку непринуждённости, что помогало в решении сложных вопросов” (с. 37).

По решениям партии и правительства была создана мощная материально-техническая база Наркомата вооружения, включая конструкторские бюро (КБ) и научно-исследовательские институты (НИИ). В её создание и развитие, подготовку и воспитание квалифицированных кадров — руководителей, инженеров, рабочих — немалый вклад внёс Борис Львович, будучи в 1936 году начальником Главного артиллерийского и танкового управления Наркомата оборонной промышленности СССР, а с 1937 года — замнаркома.

В те годы заводы военной промышленности были своего рода локомотивом развития других отраслей народного хозяйства. Так, заводы Наркомата вооружения, имея хорошую материально-техническую базу, не только обеспечивали текущие заказы армии и флота, но и изготавливали лучшие в стране станки для предприятий ряда отраслей народного хозяйства. Металлургическое производство крупнейших артиллерийских заводов — “Большевик” (Ленинград), “Баррикады” (Сталинград), Мотовилихинский им. В. И. Ленина (Пермь) — обеспечивало высококачественными поковками, штамповками и специальным металлом не только заводы своего наркомата, но и турбиностроение, судостроение, горное машиностроение и другие гражданские отрасли (Ванников Б. Л. Указ. соч., с. 81; Оружие победы. Указ. изд., с. 42). Металл был основой, “хлебом” для производства военной и гражданской продукции.

Руководство наркомата вооружения придавало большое значение укреплению производственной базы заводов, в том числе закупкам оборудования за границей. Такая возможность появилась при заключении германо-советского торгово-кредитного соглашения от 19 августа 1939 года. Германия предоставляла Советскому Союзу кредит в размере 200 млн марок на 5 лет для закупки станков и оборудования в основном для военного производства.

Для реализации этого соглашения Москву (30 сентября—8 октября 1939 года) посетил руководитель реорганизованного немцами чехословацкого

концерна “Шкода”* Громадко. Он встречался с нашими наркомом Б. Л. Ванниковым (вооружения) и И. Ф. Тевосяном (судостроительной промышленности). Советской стороне были предложены гаубицы, зенитные и морские пушки, оборудование, станки и прессы для стрелкового и артиллерийского вооружения и многое другое в обмен на советские поставки железной и марганцевой руды, железа, стали, никеля и других стратегических материалов, а также продовольственных товаров. Германия поставляла оборудование и машины, а Советский Союз главным образом стратегическое сырье. К концу 1940 года поставки с немецкой стороны становились всё более неаккуратными.

Можно не сомневаться в том, что по упомянутому выше соглашению Б. Л. Ванников как крупный специалист-оборонщик отобрал для наркомата всё самое необходимое, насколько позволяли выделенные средства. Возможно, тогда и состоялась его встреча со Сталиным (без него такие вопросы не решались. — М. Ф.), когда Борис Львович в конце заметил: “Если станки не будут своевременно заказаны, то в случае войны золото их не заменит. Наркомат внешней торговли получил указание обеспечить закупку станков для заводов вооружения. И они были закуплены”. Эти и часть других воспоминаний Б. Л. Ванникова цитируются в книге В. Н. Новикова (см. указ. соч., с. 385).

Сделаем небольшое отступление и заметим, например, что инициатива в заключении советско-германского договора о ненападении сроком на 10 лет от 23 августа 1939 года принадлежала Германии, а не Советскому Союзу. Договор был подписан только после того, как СССР не смог договориться с Великобританией и Францией о создании системы коллективной безопасности в Европе. Появилась возможность в условиях мира готовиться к неминуемой схватке с фашизмом. Правда, сейчас об этом как-то не принято говорить. При этом следует учесть, что первым документом было уже упомянутое торгово-кредитное соглашение от 19 августа, а последним — договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 года (Вдовин А. И. Указ. соч., с. 166–167).

Вот как оценивал подписание документов “давний друг” СССР премьер-министр Великобритании У. Черчилль в своих воспоминаниях: “... Пакт о ненападении и секретное соглашение были подписаны поздно вечером 23 августа... Оба сознавали (Гитлер и Сталин. — М. Ф.), что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами... Если их политика (Советов. — М. Ф.) и была холодно-расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной” (Черчилль У. Вторая Мировая война. / Пер. с англ. В 6 тт. М., 1955. Т. 1, с. 355–358).

В то время и до начала войны 22 июня 1941 года под воздействием необходимости между Советским Союзом и Германией шла “большая игра” (выражение В. Молотова). Её вели руководители этих стран так, как умели. Летом 1940 года Франция капитулировала. Обстановка кардинально изменилась. Оценивая её, И. В. Сталин говорил осенью 1940 года военному советнику при китайской армии генерал-лейтенанту В. И. Чуйкову, будущему маршалу Советского Союза (1955): “Не надо думать, что после поражения Франции западные соглашатели уйдут со сцены... Они каждую минуту готовы пойти на новые уступки, лишь бы агрессор повернул своё оружие против Советского Союза” (Чуйков В. И. Миссия в Китае. Новый мир. 1979. № 11, с. 202).

Надо сказать, что неизбежность войны с Германией отчётливо осознавалась партийно-государственным руководством страны и подавляющей частью советского народа. Вот лишь несколько свидетелей событий того времени. Один из друзей Б. Л. Ванникова А. И. Шахурин пишет: “К тому времени, когда меня назначили наркомом авиапромышленности (10.01.1940. — М. Ф.), было совершенно ясно, что войны нам не избежать. Никто не ошибался и в отношении предполагаемого противника. Это могла быть только Германия” (Шахурин А. И. Крылья Победы. 2-е изд., доп. М., 1985, с. 47).

Н. К. Байбаков, замнаркома нефтяной промышленности с 1940 года, нарком с 1944-го, вспоминает: “Страна спешно и упорно готовилась к неизбежной схватке с фашизмом, и военный аспект был определяющим в развитии нашей отрасли. Это мы обсуждали на строго закрытых совещаниях у Сталина: вещи

* Чешские заводы выполняли советские военные заказы еще до германской оккупации Чехословакии. Она имела высокоразвитое военное производство и занимала первое место в мире по экспорту новейших вооружений.

назывались своими именами (естественно, протоколы не велись. — **Прим. авт.**)” (Байбаков Н. К. От Сталина до Ельцина. М., 1998, с. 51).

“Партия и правительство, — вспоминает видный советский конструктор артиллерийских систем, Герой Социалистического Труда (1940) В. Г. Грабин, — готовили страну к обороне. Мало кто был посвящён в это дело ввиду строжайшей его секретности, но мы знали — работа велась неустанно и последовательно изо дня в день...” (Грабин В. Г. Оружие победы. 2-е изд. испр. М., 2000. — С. 120).

Замначальника Оперативного управления Генштаба Красной армии А. М. Василевский, впоследствии маршал Советского Союза, как военный эксперт в составе советской делегации (председатель В. М. Молотов), посетившей 9–13 ноября 1940 года Берлин, пишет: “Все члены делегации вынесли общее впечатление от поездки: Советский Союз должен быть, как никогда, готов к отражению фашистской агрессии...” (Василевский А. М. Дело всей жизни. 5-е изд. М., 1984, с. 90).

В это время ряд отраслей народного хозяйства — металлургическая, химическая промышленность, электроэнергетика и сельское хозяйство, — от которых зависело развитие военного производства, ещё не удовлетворяли в полной мере потребностей страны.

Наряду с этим “наиболее слабыми местами советской экономики в предвоенные годы, — пишет известный российский ученый-историк, профессор А. И. Вдовин, — была низкая квалификация большинства рабочих и инженерно-технических работников основных отраслей экономики... плохая организация труда и низкое качество продукции” (с. 179). Быстрый рост промышленного производства, особенно военного, оснащённого новым оборудованием, не обеспечивался нужным количеством квалифицированных кадров рабочих и ИТР.

Б. Л. Ванников пишет: “...темпы подготовки рабочих, особенно квалифицированных, а также инженеров, техников и хозяйственников не обеспечивали новых потребностей.

...Недостаток квалифицированных производственных руководителей восполняли за счёт неопытных работников, поэтому на заводах, особенно на новых, были различные производственные и организационные неполадки, а также простои и даже аварии.

...Всё это вызывало текучесть рабочей силы и массовые прогулы. В лучшем положении находились предприятия оборонной промышленности, где был установлен ряд льгот, хотя текучесть могла захватить и их” (с. 69).

Для исправления такого положения в условиях нарастающей военной опасности партия и правительство принимают ряд дополнительных жёстких мер мобилизационного характера. Среди них наиболее важными были указы Президиума Верховного Совета СССР:

— от 26.06.1940 года “О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений”;

— от 10.07.1940 года “Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями”;

— от 02.10.1940 года “О государственных трудовых резервах СССР”.

По последнему указу устанавливалась новая система организованной подготовки рабочих кадров. Предусматривалось ежегодно подготавливать для промышленности от 800 тысяч до 1 млн человек молодёжи, обученных производственным профессиям в ремесленных и железнодорожных училищах, а также в школах ФЗО (История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6 тт. Т. 1. М., 1960, с. 419).

Со второй половины 1940 года рабочий режим промышленных предприятий становится ещё более жёстким. Если в 1939 году опоздание на работу на 20 минут без уважительной причины считалось прогулом, то теперь за это рабочий мог быть осуждён на шесть месяцев “условно”: он продолжал трудиться на своём месте, но у него вычитали до 25% заработка в пользу государства (ст. 5 Указа от 26.06.1940).

Упомянутые меры имели непосредственное отношение и к оборонной промышленности. Проект закона о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с работы обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) с участием

наркомов – членов ЦК. (Б. Л. Ванников был членом ЦК ВКП(б) с марта 1939 года. – М. Ф.)

После справедливой критики Сталина в адрес руководителей наркоматов и заводов Б. Л. Ванников вспоминает*: "...Как и мои коллеги, ныне покойные В. А. Малышев, А. И. Ефремов, И. Ф. Тевосян, В. В. Вахрушев, я отчётливо понял, что наше умение руководить нужно непрестанно совершенствовать и что ключом к решению всех задач производства является забота о людях, создание благоприятных условий их труда" (с. 70). Такого подхода к работникам Борис Львович придерживался всегда: и будучи затем наркомом боеприпасов СССР с 16.02.1942 года и наркомом атомпрома (начальником ПГУ при /СНК/ СМ СССР) с 20.08.1945 года.

В те годы, благодаря агитационно-массовой работе партийных и профсоюзных организаций, в промышленное производство (большинство профессий были мужскими) всё больше стало вовлекаться женщин. Для них создавались соответствующие условия труда и быта. Так постепенно создавался резерв рабочих кадров на военные годы.

К началу 1941 года меры принуждения наряду с мерами убеждения и поощрения возымели действие. Трудовая и производственная дисциплина на большинстве предприятий и в учреждениях улучшилась, как и работа всей промышленности страны. Большинство советских людей с пониманием отнеслись к мероприятиям партии и правительства по укреплению трудовой и производственной дисциплины.

В 1939–1941 годах принимается ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б) об увеличении производства новых типов боевых самолётов, танков, артиллерийского и стрелкового вооружения, кораблей военно-морского флота, организации производства литой многослойной брони, развития промышленности искусственного жидкого топлива и пр.

Среди этих постановлений партии и правительства, недавно рассекреченных, такие, как "О производстве танков Т-34 в 1940 г.", "Об увеличении выпуска самолетов и авиамоторов на период август–декабрь 1940 г." и "О плане военных заказов на 1941 г. по вооружению" (все имели гриф "Сов. секретно. Особой важности"). Постановления подписаны секретарём ЦК ВКП(б) И. Сталиным и председателем СНК СССР В. Молотовым.

Позже вышел ещё ряд постановлений СНК СССР и ЦК ВКП(б): "О программе выпуска самолётов и авиамоторов в 1941 г.", "О производстве танков Т-34 в 1941 г."

Обращаем внимание читателя на первый документ. Решение о принятии танка Т-34 на вооружение было принято после долгих колебаний в конце 1939 года (постановление Комитета обороны при СНК СССР от 19.12.1939 № 443), а серийное производство началось спустя пять месяцев (с июня 1940).

По постановлению от 07.06.1940 года должно быть изготовлено в 1940 году 600 танков Т-34, из них 500 штук – на Харьковском, остальные 100 – на Сталинградском тракторных заводах. Всего на 01.01.1941 года было изготовлено 115 штук на Харьковском тракторном заводе (за невыполнение плана и других решений Правительства нарком Средмаша А. И. Лихачёв был снят с должности (Ильинский И. Великая Отечественная война: правда против мифов. "Наш современник". 2016. № 5, с. 137–138).

Возможно ли было такое положение в условиях, когда Сталин жёстко требовал и лично контролировал вопросы принятия на вооружение новых образцов вооружения и боевой техники и их серийного производства? Оказывается, возможно.

Невольно напрашивается вопрос, в чём причина затяжки с началом серийного освоения нового танка Т-34, другой техники и вооружения и кто в этом виноват? Ответ находим в уже упомянутом шеститомном труде "История Великой Отечественной войны..." (см. указ. изд.), где критически оценивается деятельность военного ведомства. Процитируем часть текста:

"...принятие на вооружение новых образцов и их внедрение в производство протекали недопустимо медленно. Руководящие работники Наркомата обороны не поняли настоятельной необходимости оснастить Вооружённые

* Часть воспоминаний Б. Л. Ванникова "Записки наркома вооружения" впервые была опубликована в Военно-историческом журнале за 1962 год, в № 2.

Силы СССР новейшей военной техникой и не смогли разобраться в представленных на их рассмотрение образцах.

...Заместители наркома Г. И. Кулик, Л. З. Мехлис и Е. А. Щаденко, которым партия и правительство специально поручили работу по оснащению Вооружённых Сил СССР новой военной техникой, снимали с производства старые образцы, но подолгу не решались одобрить новые” (с. 415).

Начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) Наркомата обороны, замнаркома обороны, маршал, Герой Советского Союза (1940) Г. И. Кулик, да и другие “конники” – Ворошилов, Будённый, Шаденко, – “болели” старой болезнью, догматически цеплялись за опыт гражданской войны, когда не было ни автоматов, ни миномётов, ни многого другого. И только резкая критика “конников” Сталиным по итогам советско-финской войны на совещании высшего командного состава РККА 14–17 апреля 1940 года в ЦК ВКП(б) начала менять положение в руководстве вооружёнными силами. Здесь же Сталин впервые назвал артиллерию “богом войны”. В мае 1940 года наркомом обороны назначается маршал Советского Союза С. К. Тимошенко вместо К. Е. Ворошилова (стал председателем Комитета обороны при СНК СССР).

Советско-финская война многое изменила не только в руководстве Красной армией. С учётом её опыта сразу же было принято решение о создании танковых корпусов, новых видов вооружения и ряд других мер. Партия и правительство в ускоренном темпе начали готовить армию к современной войне.

Устаревшие взгляды на методы ведения войны были основной, но не единственной причиной отставания в перевооружении Красной армии и флота новой боевой техникой и вооружением (учитывались возможности экономики).

Например, к началу войны было произведено всего 1861 новый танк и 2739 самолётов, что составляло от 8 до 10% от их общего парка. Новой техники могло быть произведено больше. Довоенные заказы не полностью загружали мощности военной промышленности, в том числе и заводов вооружения. Многие заводы работали в одну смену. Экономика страны находилась на мирных рельсах. (Канун и начало войны: Документы и материалы. / Сост. Киршнер Л. А. Л., 1991. с. 25–26).

Вернёмся к постановлению, которое приводится ниже с небольшим сокращением:

“Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР “Об увеличении выпуска самолётов и авиамоторов на период август–декабрь 1940 г.” от 27 июля 1940 г. №1668–583сс.

...1. Утвердить постановление Комитета обороны при СНК СССР “Об увеличении выпуска самолётов и авиамоторов...”.

2. Обязать народных комиссаров: Чёрной металлургии – тов. Тевосяна И. Ф., <...> Вооружения – тов. Ванникова Б. Л. – <...> взять под личное особое наблюдение выполнение заказов для Авиационной Промышленности за период август–декабрь 1940 года и обеспечить их выполнение в количествах и сроки в соответствии с утверждённым постановлением Комитета обороны при СНК СССР (дата и номер не указаны. – М. Ф.).

3. Обязать первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов Харьковской, Днепропетровской... областей:

а) взять под личное особое наблюдение выполнение заказов авиационной промышленности на всех заводах, поставляющих Наркомавиапрому материалы, оборудование, полуфабрикаты и прочие изделия;

б) оказать всестороннюю помощь заводам Наркомавиапрома в выполнении программы второго полугодия 1940 года и освоении новых машин... комплектованием рабочей силы и усилением партийно-массовой работы на предприятиях Наркомавиапрома.

Секретарь Центрального комитета ВКП(б) И. Сталин
Председатель Совета Народных Комиссаров
Союза ССР В. Молотов”

В тексте документа отсутствуют количественные показатели военной продукции. Вероятно, они в приложении к п. 1 (не публикуется). Заметим также, что важность выполнения государственного задания подчёркнута словами “взять под личное особое наблюдение”. Ответственность за его выполнение возлагалась, в первую очередь, персонально на наркомов различных отраслей народного хозяйства (их фамилии в п. 2–19 человек). В это время

спрашивали строго, порой даже жестоко, если это касалось вопросов обороны страны.

Постановление опубликовано в сборнике рассекреченных архивных документов “1941 год”: В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л. Е. Решин и др. / М.: Межд. фонд “Демократия”, 1998. С. 132–133.

Из перечня вооружения, представленного в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О плане военных заказов на 1941 год”, видна огромная работа, проделанная руководством и специалистами Наркомата вооружения, его конструкторскими организациями и НИИ совместно с Наркоматом обороны в 1938–1940 годах не только по разработке новых образцов оружия, но и по принятию их в серийное производство. Одновременно широко велись работы по модернизации штатного вооружения, как пишет Б. Л. Ванников, “начиная от винтовки, кончая средней и тяжёлой артиллерией” (с. 50). Созданное в эти годы стрелковое и артиллерийское вооружение по своему качеству не уступало, а по ряду данных превосходило вооружение капиталистических армий.

Партия и правительство высоко оценили самоотверженный труд создателей нового артиллерийского и стрелкового вооружения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28.10.1940 видные советские конструкторы В. А. Дегтярёв, Ф. В. Токарев (стрелковое вооружение), В. Г. Грабин, И. И. Иванов, М. Я. Крупчатников (артиллерийские системы), Б. Г. Шпильный (авиавооружение) были удостоены звания “Герой Социалистического Труда” (Грабин В. Г. Указ. соч., с. 11).

По этому указу высокой награды были удостоены также конструкторы А. С. Яковлев (самолёты), А. А. Микулин и В. Я. Климов (авиадвигатели) в области самолётостроения, одной из самых молодых отраслей промышленности. Здесь трудились талантливые конструкторы и инженеры А. Н. Туполев, А. С. Яковлев, С. В. Ильюшин, С. А. Лавочкин, А. И. Микоян, В. М. Петляков и другие. Возглавляемые ими коллективы создали новые боевые самолёты Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2 и другие.

В целом успешно, хоть и с задержками, развивалось и танкостроение. Талантливыми конструкторами М. И. Кошкиным, Н. А. Кучеренко, А. А. Морозовым, Ж. Я. Котиним, Л. И. Горлицким и др. и их коллективами были созданы средний танк Т-34 и тяжёлый КВ (признаны лучшими боевыми машинами Второй мировой войны).

Немногим читателям известно, например, что упомянутые выше учёные, конструкторы, другие видные специалисты, руководители и организаторы производства, работавшие на оборону страны, долгие годы, а порой и навсегда, оставались неизвестными (в таком положении находился Б. Л. Ванников). Их рабочие будни, да и праздники, проходили в обстановке строгой секретности. И лишь узкий круг людей, в основном коллеги по работе, знали их имена, трудовые достижения и награды. Так было в те и последующие годы не только в нашей, но и в других странах.

Уже в эти годы шло незримое, острое состязание научно-технической мысли, производственных возможностей экономики и организаторских способностей руководящих кадров двух противоположных социальных систем. В итоге, несмотря на громадные трудности и вопреки прогнозам и надеждам реакционных сил, как показали дальнейшие события, Страна Советов это состязание выиграла.

Наркомат вооружения обеспечивал авиационные и танковые заводы пушечным и стрелковым вооружением. Нарком авиапромышленности, Герой Социалистического Труда (1941) А. И. Шахурин вспоминает: “Все наркоматы работали сплочённо, дружно.

... Наиболее близок в этот период я был с народным комиссаром вооружения Борисом Львовичем Ванниковым. Ему подчинялись опытно-конструкторские бюро, разрабатывавшие авиационное вооружение, а также заводы, выпускавшие для нас пулемёты, пушки, бомбы и реактивные снаряды.

... На прежних самолётах ставили только пулемёты, а теперь их вооружали пушками и реактивными снарядами, понятно, почему споров между самолётчиками и вооруженцами было немало... Однако претензии разрешались быстро. И только иногда иногда работники наркомата просили меня переговорить с Борисом Львовичем. Я звонил ему по телефону и рассказывал о наших затруднениях, а он спокойно отвечал:

— Хорошо, выясню.

Больше к этому вопросу мы, как правило, не возвращались” (с. 97–98). Деловитость и высокий профессионализм Б. Л. Ванникова не остались незамеченными в конструкторской среде.

Главный конструктор КБ артиллерийского завода №92 В. Г. Грабин пишет: “Ванников добился, чтобы нам разрешили самостоятельно вносить необходимые изменения в чертежи и технические условия. Это значительно ускорило дело. Гаубицу мы доработали. Завод к концу 1940 года программу выполнил...”

В. Г. Грабин продолжает: “...Человек, на редкость сведущий в артиллерии, разбирающийся в специфике артиллерийской техники, вдумчивый, масштабный руководитель. Это вселяло надежду, что нарком поддержит наше КБ в реализации новых планов.

И я не ошибся...”

“Борис Львович Ванников многие годы был нашим надёжным союзником в борьбе за совершенствование артиллерии, его помощь всегда оказывалась оперативной и действенной” (с. 328, 333, 394).

Несмотря на отдельные недостатки в организационной, хозяйственной и производственной деятельности, наркомат вооружения, как и вся военная промышленность, развивался в целом успешно. По предварительным итогам работы народного хозяйства СССР за 1940 год (информация Госплана СССР в ЦК ВКП(б) от 21.01.1941), увеличилась продукция следующих наркоматов по сравнению с 1939 годом:

– по вооружению – 132%, по боеприпасам – 132%, по авиапромышленности – 133%, судостроительной промышленности – 139%.

Выросла производительность труда в промышленности Наркомата вооружения – на 16%, Наркомате боеприпасов – на 15% (1941 год. Указ. соч. Кн. 2, с. 551–554).

По планам полное перевооружение и укомплектование Красной армии и Военно-Морского флота должно было завершиться к середине 1942 года. Сталин обещал военному командованию, что до 1942 года военного столкновения СССР и Германии не произойдёт.

По свидетельству тогдашнего начальника Генштаба Красной армии, генерала армии, Героя Советского Союза (1940) К. А. Мерецкова, в начале 1941 года Сталин говорил, что “пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не сумеем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны” (Мерецков К. А. На службе народу. 3-е изд. М., 1983, с. 188).

В большом и сложном деле, каким было перевооружение Красной армии и флота, были допущены и серьёзные просчёты. “...По моему глубокому убеждению, – пишет Б. Л. Ванников, – ошибки были исключительно результатом принятых в спешке решений, подчас продиктованных не знаниями и опытом, а дилетантским верхоглядством” (с. 86).

Вот некоторые примеры.

В воспоминаниях Б. Л. Ванникова приводится эпизод с винтовками, когда Наркомат обороны в начале 1941 года неожиданно изменил свой годовой заказ.

В Наркомате обороны, зная о большом резерве обычных мосинских винтовок обр. 1891/30 (около 8 млн шт. – сведения Б. Л. Ванникова. – Прим. авт.), пожелали вместо 2 млн винтовок, в том числе 200 тыс. самозарядных, увеличить число последних до 1 млн. Для этого наркомат готов был отказаться даже от обычных винтовок.

В Наркомате вооружения это требование посчитали непонятным и ошибочным. Вопрос в таком случае был передан на рассмотрение комиссии в составе В. М. Молотова (председатель), Н. А. Вознесенского, Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, С. К. Тимошенко, Г. К. Жукова и других.

“... Вывод комиссии, – вспоминает Б. Л. Ванников, – ... гласил: дать заказ только на самозарядные винтовки и поручить Наркомату вооружения совместно с представителями Наркомата обороны определить максимальное количество СВ, которые могут выпустить заводы в 1941-м и последующих годах” (с. 44).

Решение комиссии считали крайне ошибочным, кроме наркома, его опытные заместители – В. М. Рябиков и И. А. Барсуков, а также директор

Ижевского оружейного завода В. Н. Новиков. Они настоятельно просили Бориса Львовича обратиться с доводами наркомата вооружения к И. В. Сталину, пока не принято официальное решение. Этот, как и другие серьезные вопросы, в то и военное время мог решить только Сталин. Его слово, как правило, было последним и решающим.

После разговора Бориса Львовича по телефону со Сталиным доводы Наркомата вооружения были признаны правильными. Решение комиссии В. М. Молотова отменено. В окончательном варианте было принято компромиссное решение по самозарядным и обычным винтовкам (оно в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 07.02.1941, указано выше).

Вообще-то выступать против решения высокой комиссии, когда вопросы обороны страны стояли остро, было очень непросто и даже небезопасно. Б. Л. Ванников, хорошо зная состояние дел на оружейных заводах, взял на себя смелость опротестовать решение комиссии, которое сначала поддерживал и Сталин, и добился его отмены. Такой шаг наркома мог задеть самолюбие некоторых членов комиссии, например, В. М. Молотова, Председателя Совнаркома СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б). На заседании комиссии он сказал: "Нам не нужны ваши устаревшие винтовки" (с. 44). Ошибался Вячеслав Михайлович. Оказывается, нужны. "Ни одна самозарядная винтовка не пользовалась таким спросом, — пишет В. Н. Новиков, — как старая русская трёхлинейка. Такого долголетия в оружии не было и нет. Многие солдаты предпочитали её любому другому стрелковому оружию" (с. 118). "...Вес этого подлинного шедевра инженерной мысли — 3,5 кг без патронов", — отмечается в книге "Гриф секретности снят. Статистическое исследование" (под ред. зам. начальника Генштаба Российской армии Г. Ф. Кривошеева, М.: Воениздат, 1993, с. 367).

В дальнейшем Борис Львович часто вспоминал этот день и думал, что в случае согласия с комиссией (он был близок этому — выручили В. М. Рябинов, И. А. Барсуков и В. Н. Новиков) последствия такого решения для Красной армии в первые месяцы войны были бы ещё тяжелее.

Ижевский завод снял бы с производства мосинские винтовки, а Тульский, эвакуированный, только начал бы производить самозарядные. Но, к счастью, ошибки удалось избежать.

У заинтересованного читателя может возникнуть вопрос: как получилось, что на фронте и в тыловых частях не хватало винтовок, хотя запас их, как уже отмечалось, был значительным?

Вот как об этом говорит В. Н. Новиков: "Что же касается запасов винтовок, то они хранились в приграничных районах и были потеряны на первом же этапе войны. Большие потери винтовок несла тогда наша отступающая армия" (с. 91). В этом, видимо, была основная причина острой нехватки винтовок. "Мы недосчитались 200 окружных и центральных складов из 340, находившихся в приграничных районах", — отмечается в книге "Канун и начало войны..." (с. 36). По этой же причине было потеряно значительное количество артиллерийского и другого стрелкового вооружения, боеприпасов к ним, включая противотанковые пушки 45 и 76 мм. Их остро не хватало для борьбы с немецкими танками отступающим частям Красной армии. Положение усугублялось ещё тем, что производство этих пушек было ошибочно прекращено в начале 1941 г. (Ванников Б. Л. Указ. соч., с. 18).

В. Н. Новиков вспоминает такой эпизод: "...Звонили из Москвы и предупредили: "Товарищ Новиков, положение на фронте таково, что одни бойцы дерутся, а другие ждут освобожденные винтовки. Надо увеличить производство обычных винтовок до 12 тысяч в сутки. Вы специалист и должны решить эту задачу" (указ. соч., с. 92). Не приводя здесь каких-либо доводов директора Ижевского завода, отметим лишь, что тогда, летом 1941 года, нарастало производство авиационных пушек, противотанковых ружей, пулемётов Максима и другого вооружения. Поэтому заказ в 12 тысяч (выпускали 5 тысяч штук в сутки) оказался нереальным. Он стал выполняться лишь в конце лета 1942 года (с. 93, 132). Было и такое, когда некоторые высокие руководители давали задания, не зная реальных возможностей производства, как в данном случае.

По свидетельству Б. Л. Ванникова, потеря запасов винтовок привела к тому, что "вновь формируемые дивизии были обеспечены винтовками на 30%, а в тылу обучали призванных с помощью деревянных макетов личного оружия. К сожалению, действительно, было много таких случаев..." (с. 75).

Однако полной ясности в том, как были использованы 8 млн винтовок (численность армии и флота на 22.06.1941 была 5378 тысяч человек. — “Канун и начало войны...”, указ. изд., с. 29) и где они хранились, — пишет Борис Львович, — до сих пор нет (имеется в виду на момент написания воспоминаний к 1962 году. — Прим. авт.). Использованная нами военно-историческая литература ответа не даёт. Похоже, этим вопросом никто не занимался.

Только, казалось бы, улеглись страсти по винтовкам, как в начале этого же года Наркомату вооружения и его руководителю пришлось пережить более суровые испытания. Начальник ГАУ Г. И. Кулик предложил Наркомату вооружения снять с производства 76 мм пушку, а взамен неё быстро разработать и запустить в производство 107 мм танковую пушку. По данным, которыми он располагал, немецкие танки перевооружаются с броней большей толщины и повышенного качества, поэтому наша артиллерия калибра 45–76 мм окажется против них неэффективной. В связи с этим возникал вопрос о прекращении производства этих пушек всех вариантов, обладавших хорошими боевыми и эксплуатационными качествами. Наркомат вооружения обоснованно возражал, ведь взамен 45 и 76 мм пушек пока ничего не было создано.

В связи с возражениями Б. Л. Ванникова дело было доложено И. В. Сталину. Вот лишь отдельные фрагменты двух встреч Ванникова и Сталина, которые повлияют на дальнейшую судьбу Бориса Львовича (он будет арестован 7 июня 1941 года. — Прим. авт.).

Б. Л. Ванников вспоминает: “К концу моих объяснений в кабинет вошёл Жданов. Сталин обратился к нему и сказал:

— Вот Ванников не хочет делать 107 мм пушки для ваших ленинградских танков (это были тяжёлые танки КВ — “Клим Ворошилов”. — М. Ф.). А эти пушки очень хорошие, я знаю их по гражданской войне”.

Сталин говорил о полевой пушке времён Первой мировой войны; она, кроме калибра, ничего общего не могла иметь с пушкой для современного танка (Некрич А. М. Указ. соч., с. 81).

Ванников продолжает: “Жданов ответил:

— Ванников всегда всему сопротивляется — это стиль его работы”.

Вторично этот вопрос рассматривался на заседании комиссии в составе А. А. Жданова (председатель), от военных — Г. И. Кулика, генерал-майора технических войск М. М. Каюкова и др.; от Наркомата вооружения — Б. Л. Ванникова, И. А. Мирзаханова (замнаркома), директоров артиллерийских заводов А. С. Еяна, Б. А. Фрадкина и др.; от Наркомата боеприпасов — П. Н. Горемыкина и его заместителя, а также и других.

На этом совещании опять произошла стычка со А. А. Ждановым. “Он резко заявил, что “Ванников саботирует” и закончил фразой: “Мертвый тянет живого”.

В ответ я сказал А. А. Жданову:

— Вы перед войной допускаете разоружение армии.

Он встал, прекратил совещание и заявил, что пожалуется на меня Сталину. Комиссия ничего не решила”.

Вернёмся к воспоминаниям Б. Л. Ванникова.

“... Вскоре меня вызвал Сталин и показал подписанное им постановление ЦК ВКП(б) в духе предложения Кулика.

— Я попытался возражать, но Сталин прервал мои объяснения <...> они основаны на нежелании перестраиваться на выпуск новой продукции, а это наносит ущерб государственным интересам.

— Нужно, чтобы вы не мешали, — сказал Сталин, — поэтому передайте директорам указание прекратить производство пушек калибра 45 и 76 мм и вывезти из цехов всё оборудование... Указание Сталина было выполнено...” (с. 16–17). Борис Львович побаивался вспыльчивости и жестокости Сталина. Выдержка и хладнокровие иногда изменяли ему.

Следует отметить, что из-за возражений Наркомата вооружения этот вопрос трижды рассматривался в ЦК партии. Для этого создавались комиссии под председательством: первая — Г. М. Маленкова, вторая — В. М. Молотова, третья — А. А. Жданова (о ней пишет Б. Л. Ванников).

Две первые комиссии приняли предложение Наркомата обороны и его ГАУ о снятии с производства 45 и 76 мм пушек (Куманёв Г. А. Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005, с. 262). А по работе третьей комиссии,

как видим, решение принял И. В. Сталин. Он уважал мнение профессионалов (эпизод с винтовками), но в данном случае произошло досадное исключение.

Начальник Генштаба Красной армии с января по июль 1941 года Г. К. Жуков пишет: “Маршал Г. И. Кулик, являясь главным докладчиком Сталину по вопросам артиллерии, не всегда правильно ориентировал его в эффективности того или иного образца артиллерийско-миномётного вооружения” (Воспоминания и размышления. 4-е изд. М, 1974, с. 201).

Выше было отмечено, что противотанковые пушки калибра 45 и 76 мм и противотанковые ружья в заказ вооружения на 1941 год не попали (постановление партии и правительства от 07.02.1941).

Так незадолго до войны было принято некомпетентное решение, имевшее тяжёлые последствия для армии. Война вскоре заставила отменить это решение. Производство 45 и 76 мм пушек и боеприпасов к ним* было возобновлено по решению ГКО от 12.07.1941 года. В первые недели войны Сталин будет искать виновников этого решения. “На ковер” будут вызваны нарком боеприпасов П. Н. Горемыкин и замнаркома вооружения полевой артиллерии И. А. Мирзаханов, но, к счастью для них, жёстких мер не последует. Видимо, Сталин чувствовал и свою вину.

Заметим также, что некорректные высказывания А. А. Жданова** и Б. Л. Ванникова в адрес друг друга на заседании комиссии, а затем профессиональная настойчивость Бориса Львовича в разговоре со Сталиным вряд ли могли остаться без последствий для Ванникова. Время было сложное.

В книге “Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939–1956 гг.” (Лондон, 1994, с. 186–187) американский профессор Д. Холлоуэй пишет: “В начале июня 1941 года Ванникова посадили в тюрьму после спора со Ждановым и Сталиным о производстве артиллерийского оружия... и вскоре прямо из тюрьмы его привезли в кабинет Сталина в Кремле. Сталин послал его обратно в Наркомат вооружения заместителем Д. Ф. Устинова, нового наркома”. И хотя ссылок на источник не даётся, данное драматическое событие имело место в жизни Б. Л. Ванникова. Об этом он пишет в своих воспоминаниях, но причин и места ареста не называет (с. 5, 6). Вот как описывает это событие военный историк, доктор исторических наук, профессор В. А. Анфилов (см. в книге “Дорога к трагедии сорок первого года”, М., 1997, с. 100). Он пишет: “Согласно решению Сталина, эту пушку (107-мм. – М. Ф.) поставили на конвейер, а оборудование для производства 76 и 45-мм орудий вывезли из цехов. Ванникова за непослушание посадили в тюрьму, к счастью, не расстреляли... Ванников, будучи ещё на свободе, выступил в защиту Б. И. Шавырина (о нём ниже). Но и эта строптивость наркома не осталась без внимания. Её пристегнули ему к “делу” о 107-миллиметровых пушках”. Как видим, главные причины необоснованного ареста Б. Л. Ванникова названы. Были, конечно, и другие. Читатель может убедиться в этом по событиям, описанным ниже.

К артиллерийскому вооружению относятся и миномёты. Их созданием занималось единственное в стране Специальное конструкторское бюро №4 (СКБ-4) при артиллерийском заводе №7 (г. Ленинград) под руководством талантливого конструктора-бауманца Б. И. Шавырина. В 1937–1938 годах здесь были созданы 50 мм – ротные, 82 мм – батальонные и 120 мм – полковые миномёты, обладающие хорошими боевыми качествами. Однако из-за недооценки этого вида вооружения военным командованием отработка образцов миномётов и их серийное производство затягивались. Советско-финская война 1939–1940 годов показала эффективность миномётов, как и автоматов, но их явно не хватало. После известной уже критики И. В. Сталиным командного состава в апреле 1940 года отношение к миномётам стало меняться в лучшую сторону. Производство миномётов – “трубы и плиты”, как их иронически

* Во многом благодаря этим грабинским пушкам, особенно знаменитой 76 мм образца 1936 года (Ф-22), модифицированной в 1939 году (УСВ), – составляла основу полевой артиллерии, – танковые армады Гитлера были остановлены под Москвой осенью 1941 года. О ней 1 января 1942 года Сталин скажет лично Грабину: “Ваша пушка спасла Россию”. Вряд ли в этих словах есть преувеличение (Великая Отечественная война. 1941–1945. Иллюстрированная энциклопедия. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005, с. 208).

** В то время он занимал высокую партийную должность – секретарь ЦК и член Политбюро ЦК ВКП(б).

называли, — стало нарастать. Всевозможные затяжки их производства привели к тому, что виновником всего был выставлен их создатель — конструктор Б. И. Шавырин. В 1940 году на него было заведено уголовное дело по обвинению во “вредительстве, злом и преднамеренном срыве создания миномётов”, было подписано распоряжение о его аресте, но Б. И. Шавырина спас Б. Л. Ванников (указ. соч., с. 34). Он не дал согласия органам госбезопасности на арест талантливого конструктора, ставшего впоследствии главным конструктором миномётов, Героем Социалистического Труда (1945).

Смалодушничай тогда Борис Львович, дай согласие на арест, и судьба Б. И. Шавырина могла бы оказаться такой же трагической, как и конструктора авиавооружения Я. Г. Таубина (о нём речь ниже). Сентиментальность тогда была не в моде.

Благодаря усилиям работников промышленности вооружения производство шавыринских миномётов было быстро освоено. К началу войны было выпущено 14200 82 мм миномётов и 3200 — 120 мм (Некрич А. М. Указ. соч., с. 84).

Своя нелёгкая судьба была практически у каждого вида артиллерийского и стрелкового вооружения. Не составляют исключения и самозарядные винтовки С. Г. Симонова и Ф. В. Токарева, пистолеты-пулемёты В. А. Дегтярёва, Г. С. Шагина и оружие других конструкторов.

В начале 1939 года сначала в Наркомате обороны, а затем в Совнарком (правительстве) страны обсуждался вопрос о прекращении производства пистолета-пулемёта В. А. Дегтярёва (ППД).

Начальник ГАУ Г. И. Кулик, и его коллеги — “конники” К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый и другие считали ППД малоэффективным оружием, с малой областью применения.

Г. И. Кулик говорил, например, кому, дескать, нужна эта “пукалка”, которая бьёт на двести-триста метров? Зачем выпускать пистолет-пулемёт (ППД) “в ущерб государственным интересам” — вот как ставился вопрос. Но автомат Дегтярёва был хорош для ближнего боя (пограничникам, разведподразделениям, войскам НКВД). Представители Наркомата вооружения возражали. Ведь производство автоматов было хорошо налажено, вложены крупные средства. Они указывали военным специалистам на ошибочность оценки ППД как неперспективного оружия.

Настоятельная просьба Наркомата вооружения сохранить хотя бы небольшой заказ для армии не была удовлетворена. Производство автоматов для армии было прекращено.

Нарком вооружения Б. Л. Ванников тяжело переживал отказ армии от автоматов. Он пытался найти выход из положения. Встречался с начальником личной охраны Сталина генералом Н. С. Власиком и просил его сохранить заказ ППД для пограничных войск. Генералу Н. С. Власику это удалось. Производство автоматов продолжалось, хотя и не в таком количестве, сохранилось и оборудование.

Начавшаяся вскоре советско-финская война 1939–1940 годов протрезвила военных. Она выявила большую потребность подразделений в автоматах, но их не хватало. По указанию Сталина большая часть автоматов была передана из НКВД на фронт действующей армии. По его же указанию производство автоматов стало нарастать и достигло к концу войны 20 тысяч в месяц. 21 декабря 1940 года постановлением Комитета обороны при СНК СССР 7,62 мм пистолет-пулемёт системы Шагина (ППШ-41) с круглым барабанным магазином, вмещающим 71 патрон, принимается на вооружение Красной армии. В годы войны он станет самым распространённым автоматическим стрелковым оружием — легендарным ППШ.

Прошедшая война с финнами показала слабую техническую оснащённость Красной армии, в том числе и автоматическим оружием: автоматами, самозарядными винтовками и другими видами оружия. Из-за ошибочной недооценки роли автоматического оружия в современной войне со стороны ГАУ и Наркомата обороны производство его шло медленно и не в том количестве. Например, за один только 1941 год немцы произвели 325 тысяч автоматов, а мы за весь довоенный период выпустили 100 тысяч. (Канун и начало войны. Указ. изд., с. 28). В этом была одна из причин, приведших к большим потерям в Красной армии в первые месяцы Великой Отечественной войны.

Стиль и методы работы начальника ГАУ Г. И. Кулика, его недостаточная техническая грамотность не способствовали успешному решению сложных

задач по перевооружению Красной армии и флота. Вот лишь некоторые штрихи к его портрету. Обратимся опять к шеститомному труду «Великая Отечественная война...» (указ. изд., с. 416): «Неоднократно признавая на авторитетных совещаниях свою вину, он говорил: «Отсутствие автоматов в войсках — результат моей ошибки, я в этом повинен... но обязуюсь коренным образом выправить положение». Эти свои обещания Г. И. Кулик не выполнял».

Вот как характеризует начальника ГАУ его заместитель с 1940 года, с июля 1941-го — начальник артиллерии Красной армии, впоследствии — Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов: «Г. И. Кулик был человеком малоорганизованным, много мнившим о себе, считавшим все свои действия непогрешимыми... Лучшим методом своей работы он считал держать в страхе подчинённых. Любимым его изречением при постановке задач и указаний было: «Тюрьма или ордена»* (Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1961, с. 166).

Надо отметить, что у генерал-полковника Н. Н. Воронова были хорошие дружеские отношения с наркомом вооружения Б. Л. Ванниковым, начиная с декабря 1937 года, когда он был замнаркома оборонной промышленности СССР. Они сохранились и в последующие годы большой и напряжённой работы по перевооружению Красной армии и флота новой боевой техникой и вооружением.

Н. Н. Воронов пишет: «Б. Л. Ванников со своим большим практическим опытом и постоянным стремлением к новому очень помогал в работе» (Воронов Н. Н. Указ. соч., с. 166). Благодаря решительной поддержке замначальника ГАУ удалось сохранить работы по конструированию и производству противотанковых ружей (ПТР) В. А. Дегтярёва и С. Г. Симонова (производство их прекращено в конце 1940 года).

Попутно заметим, что отношения Г. И. Кулика и Б. Л. Ванникова, давно знакомых по совместной работе, не всегда были равными. Они были разными по характеру и методам морального воздействия на людей. Непростыми были взаимоотношения известного конструктора артиллерии В. Г. Грабина с маршалом Г. И. Куликом. Однажды даже пришлось обращаться за помощью к И. В. Сталину. И, хотя споры и стычки имели сугубо профессиональный характер, они в определённой степени отрицательно сказывались на общем деле перевооружения армии и флота.

Как известно, развитие народного хозяйства происходило в условиях нарастания военной опасности. Это требовало огромного напряжения сил и средств по укреплению обороны страны. Советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 года не изменил агрессивных планов фашистской Германии. «С февраля 1941 года, — пишет А. М. Василевский, — Германия начала переброску войск к советской границе» (с. 90). В этой обстановке в ЦК ВКП(б) было принято решение о проведении 15–20 февраля 1941 года в Москве XVIII Всесоюзной партийной конференции. В ней, кроме секретарей партийных организаций разного уровня, участвовали наркомы и директора крупных предприятий. Среди них были наркомы, члены ЦК ВКП(б) Б. Л. Ванников (вооружения), В. А. Малышев (средмаша), И. Ф. Тевосян (черной металлургии) и многие другие.

Как отмечают историки С. С. Хижняков и О. В. Хлевнюк, стенограмма конференции не публиковалась, а ее работа освещалась в газете «Правда» (см. «XVIII партконференция: Время. Проблемы. Решения». М., 1990). Вопрос о работе промышленности и транспорта был основным в повестке дня конференции.

С докладами выступили:

«О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта» — Г. М. Маленков, секретарь ЦК ВКП(б);

«Хозяйственные итоги 1940 года и план развития народного хозяйства СССР на 1941 год» — Н. А. Вознесенский, зам. председателя СНК СССР (указ. соч., с. 42).

* Судьба Г. И. Кулика оказалась трагичной. После ряда военных неудач Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19.02.1942 года он был лишен званий Маршала и Героя Советского Союза, снят с поста замнаркома обороны СССР, в июне 1946 года уволен в отставку, а 11.01.1947 года арестован. По приговору военной коллегии Верховного суда СССР от 23.08.1950 года он был приговорён к смертной казни и расстрелян (Залесский Г. А. Кто есть кто в истории СССР. 1924–1953. В 2 кн. Кн. 1. М., 2009, с. 331, 332).

В докладах были отмечены не только успехи, достигнутые за 3 года пятилетки, но и серьёзные недостатки в развитии промышленности и транспорта.

Наибольший интерес представлял доклад Н. А. Вознесенского, который говорил о том, что современная война является войной моторов, и вместе с тем она является в значительной степени и войной резервов.

Было отмечено, что “в результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая оснащённость Красной армии и Военно-Морского Флота новейшими видами и типами современного вооружения”. Однако, несмотря на всё напряжение в работе промышленности, она не поспевала за требованиями тревожного времени. Ряд заводов по производству танков не выполнял план, о чём было сказано выше; плохо обстояло дело с боеприпасами для новых артиллерийских систем, медленно шло серийное освоение новых самолётов (указ. соч., с. 50).

Не менее важным был доклад Г. М. Маленкова о состоянии кадрового потенциала страны и его практическом использовании в работе промышленности и транспорта, о бюрократическом стиле руководства предприятиями, безхозяйственности, браке в работе, текучести кадров и т. п. (указ. соч., сс. 48, 52, 78).

Кроме того, на конференции выступили наркомы В. А. Малышев, А. Н. Косыгин, директор Кировского завода И. М. Зальцман. Сведений о выступлении Б. Л. Ванникова, равно как и критики в адрес работы наркомата вооружения в этой брошюре и других использованных нами источниках не содержится.

На конференции были подвергнуты резкой критике наркомы М. Ф. Денисов (химическая промышленность), И. П. Сергеев (промышленность боеприпасов), С. С. Дукельский (морской флот) и другие. Они были предупреждены, что если не наладят работу своих наркоматов, то будут сняты с работы и выведены из ЦК (указ. соч., с. 52).

Конференция указала, что главной хозяйственной задачей 1941 года является “дальнейший рост основных отраслей промышленности <...> особенно необходим дальнейший рост производства чугуна, стали, цветных металлов, угля, нефти и максимальное развитие машиностроения всех видов” (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: Т. 7. 1938–1948. М., 1985, с. 205).

Итоги конференции закрепили роль партийного контроля как дополнительного рычага руководства в сложившейся командно-административной системе управления экономикой.

На контроль партийных организаций возлагались большие надежды. В тех конкретных исторических условиях эта мера себя в целом оправдала.

После конференции развернулась активная работа по преодолению негативных явлений на производстве, в развитии экономики. Важную роль в этом процессе играл энтузиазм рабочего класса и инженерно-технических работников. Несмотря на материальные и бытовые трудности, людей, которые умели и хотели трудиться добросовестно, отдавая делу все силы и знания, в нашей стране было немало. Именно они выступали инициаторами многих начинаний, которые позволяли повысить производительность труда и качество продукции.

Много делалось и для решения оборонных задач. Уже на второй день после конференции (22 февраля) в кремлёвском кабинете Сталина состоялось расширенное совещание политического и военного руководства страны, наркомов и конструкторов. В совещании, которое началось в 17 часов и закончилось в 21 час, участвовало 27 человек. Среди них были Молотов, Маленков, Ворошилов, Буденный, Тимошенко, Жуков, Кулик, Мерецков и другие; наркомы Ванников, Шахурин, Сергеев, конструктор Яковлев; руководство ВВС: Рычагов, Жигарев, Проскуров, лётчик-испытатель Громов и другие.

Берия и Мехлис отсутствовали.

Судя по составу участников совещания рассматривались вопросы технической оснащённости Красной армии новой техникой и вооружением, трудности серийного освоения новых самолётов, работа наркомата боеприпасов и другие.

Записи посетителей кабинета Сталина (На приёме у Сталина. Указ. изд., с. 580) говорят, о том, что Б. Л. Ванников был принят И. В. Сталиным в 1940 годы 20 раз, из них 12 – в первой половине года.

Чаще всего вместе с ним были наркомы А. И. Шахурин, И. Ф. Тевосян, В. А. Малышев; от Наркомата обороны – К. Е. Ворошилов, Г. И. Кулик,

Г. К. Жуков, от НКВД Л. П. Берия, постоянные участники всех совещаний В. М. Молотов и Г. М. Маленков, реже А. А. Жданов (указ. соч., с. 580).

Записи в тетрадях позволяют уточнить многие детали советской истории, включая предвоенные годы. Нарастание военной опасности, начиная с 1939 года, наложило свой отпечаток на деятельность высшего партийно-государственного руководства страны. В эти годы в кремлёвском кабинете Сталина всё чаще появляются наряду с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и руководством Наркомата обороны командующие родов войск, чаще ВВС, наркомы, конструкторы и директора предприятий оборонной промышленности, лётчики-испытатели и другие специалисты.

Здесь рассматривались не только вопросы создания новых танков, самолётов, вооружения к ним, другой военной техники и вооружения, но и их серийного освоения. А оно шло медленно. Выясняли причины, указывали на недостатки, наказывали за неисполнение сроков работ и т. п. Эти и другие вопросы обсуждались также на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) и в ЦК партии.

Требования к руководителям всех уровней, а также к создателям новой техники и вооружения становились всё жёстче, а сроки работ короче, порой без учёта реальных технических и производственных возможностей.

“Производственники понимали, — пишет В. Н. Новиков, — что освоение многих видов боевой техники нужно завершить в возможно <более> короткое время... Работа, развернувшаяся особенно в больших масштабах в 1940 году, продолжалась и в следующем, 1941 году...” (с. 56)

Руководители наркоматов военной и других отраслей народного хозяйства работали в обстановке интенсивного давления, оказываемого на них сверху, и переносили это давление на своих подчинённых по цепочке вниз. Деятельность предприятий оценивалась, прежде всего, по тому, как выполнялись или не выполнялись приказы и планы, спущенные сверху.

Примечателен в связи с этим такой факт, неизвестный массовому читателю. Нарком торговли РСФСР с 1939 года, в годы Отечественной войны — начальник Главного управления продовольственного снабжения Красной армии, генерал-лейтенант Д. В. Павлов писал: “В Москве я столкнулся с необычным режимом работы. Руководители наркоматов, центральных учреждений приходили на работу к 11, а то и к 12 часам дня и трудились до 3-4 часов ночи, а работники аппарата начинали свой трудовой день в установленное расписанием время. Получалось так, что руководители часть дня работали без сотрудников, а те — без руководителей. Многие были недовольны существующим режимом, но что-либо изменить не могли” (см. в кн.: “Стойкость”. 2-е изд., доп. М., 1983, с. 14).

Не повторяя Д. В. Павлова, а несколько дополняя его, А. И. Шахурин пишет: “Вероятно, можно было работать и по другому расписанию. Но тот, кто был непосредственно связан со Сталиным, работал именно так, потому что так работал и сам Сталин” (указ. соч., с. 99). Наверное, по своей подпольной привычке Сталин работал по ночам.

Уже много лет спустя, находясь на пенсии, В. М. Молотов (второе лицо в государстве) в беседе 22.04.1970 года с писателем Ф. И. Чуевым говорил о том периоде: “Условия жизни в стране были трудными, а мы требовали: “Давай, давай!” Давай производительность труда, давай то, давай это... Шла упорная подготовка к войне, но всё учесть и успеть было просто невозможно, а страна работала без выходных, и струна напряжения и терпения у нашего народа была натянута до предела” (Чуев Ф. И. Член Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов. Герои и антигерои Отечества. / Сост. В. М. Забродин. М., 1992, с. 439).

В общей структуре перевооружения Красной армии и флота особое место занимала боевая авиация. Руководство страны придавало большое значение её развитию и постоянно контролировало ход выполнения всех работ. Неофициально “шефом” авиации был И. В. Сталин.

Одним из сложных вопросов в создании новых самолётов было и создание авиамоторов, и авиавооружения. Тактико-технические требования (ТТТ) к нему были выше, чем к наземному, пишет Б. Л. Ванников (указ. соч., с. 23). Поэтому и требования к качеству отработки опытного образца также были высокие.

Разработкой авиавооружения (пулемётов калибра 12,7, авиапушек 23 и 37 мм и др.) занималось несколько конструкторских коллективов, в том

числе и Я. Г. Таубина. Сопровождение этих разработок осуществлял замначальника Управления вооружений ВВС И. Ф. Сакриер.

В воспоминаниях Б. Л. Ванникова и В. Н. Новикова описывается печальный эпизод с разработкой только одного из образцов пушки 23 мм, хотя Я. Г. Таубин работал и над пушкой калибра 37 мм согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 04.10.1940 года №1822-779сс. (1941 год. Кн. 1. Указ. изд., с. 219).

Ход разработки пушки 23 мм, содержащей, по мнению Б. Л. Ванникова, “много хороших технических решений”, обсуждался в кремлёвском кабинете И. В. Сталина дважды (22.07 и 04.10.1940 года), а позже, 15.11.1940 года там же обсуждалось начало работ над пушкой калибра 37 мм (На приёме у Сталина. Указ. изд., с. 580). Возможно, на первом совещании Я. Г. Таубин пообещал Сталину доработать конструкцию пушки 23 мм до нужных параметров, “хотя в данном случае не имел твердых оснований для такого обещания”, вспоминает Б. Л. Ванников (указ. соч., с. 27).

Несмотря на технические, производственные и другие трудности, эта пушка была доработана на Ижевском оружейном заводе и как МП-6 (первые буквы фамилий конструкторов) передана в серийное производство. В. Н. Новиков пишет: “Незадолго до войны эту пушку заменили на пушку 23 мм конструкторов Волкова и Ярцева (ВЯ-23) – она оказалась надёжней”. Далее он продолжает: “Многие конструкторы за создание пушки МП-6 были награждены, в т. ч. Я. Г. Таубин и М. Н. Бабуриным орденом Ленина. Однако после того, как МП-6 была снята с вооружения, оба руководителя от конструкторской работы были отстранены и арестованы” (указ. соч., с. 198).

Б. Л. Ванников вспоминает: “Конечно, Таубин, которого поддерживал и я, был... безусловно, талантливым конструктором... Он мог принести неоценимую пользу обороне страны. И его неудача, а затем и гибель были результатом непоследовательных и неоправданных действий, нередких в сложившейся тогда обстановке” (указ. соч., с. 30).

Уточним и дополним воспоминания Б. Л. Ванникова и В. Н. Новикова. Оба конструктора – Я. Г. Таубин и М. Н. Бабуриным – были арестованы не столько за пушку МП-6, сколько за медленные и неудачные работы по пушке 37 мм. Прошло почти полгода с начала работы, а опытный образец оказался “сырым”. Документы свидетельствуют: “Пушка Таубина калибра 37 мм с мотором М-105П не увязана и на самолёт ЛаГГ-3 не вмещается” (записка наркома А. И. Шахурина замначальника ГУ ВВС генерал-лейтенанту Жигареву от 17.04.1941 года).

“...Самолёт ЛаГГ-3 с пушкой Таубина-Бабурина испытания не выдержал...” (записка Воронина из наркомата авиапромышленности зам наркома обороны СССР генералу армии Жукову от 25.04.1941 года /1941 год. Кн. 2. Указ. изд., сс. 91, 113).

И. В. Сталину было известно об этих испытаниях. Он был крайне недоволен результатом. Последовали действия работников Наркомата госбезопасности (с 03.02.1941 по 20.07.1941 – НКГБ, затем опять НКВД. – М. Ф.). Как часто бывало тогда, заводились “дела” по обвинению во вредительстве*.

Из более поздних, чем у Б. Л. Ванникова (1962) воспоминаний В. Н. Новикова (1988) известно, что Я. Г. Таубин и М. Н. Бабуриным были посмертно полностью реабилитированы за отсутствием состава преступления (Новиков В. Н. Указ соч., с. 198). После их ареста КБ возглавил А. Э. Нудельман. Он вместе с конструктором А. С. Сурановым успешно доработал пушку 37 мм. Она была принята в серийное производство под индексом НС-37.

Можно лишь предполагать, что в случае с Я. Г. Таубиным Борис Львович не предпринимал каких-либо действий в его защиту, ибо сам уже был под подозрением. Заметим в связи с этим, что состоявшееся 21.04.1941 года

* В группе из 25 арестованных военных и партийных руководителей значится фамилия конструктора Я. Г. Таубина. Все они, возможно, среди них были М. Н. Бабуриным и И. Ф. Сакриер, были вывезены из Москвы и расстреляны 28 октября 1941 года под г. Куйбышевом по предписанию наркома НКВД Л. П. Берии без суда и следствия. (См. в научном справочнике “Кто был кто в Великой Отечественной войне 1941–1945. Люди. События. Факты.” / Под ред. О. А. Ржевского. 2-е изд., доп. М., 2000, с. 314. Более полный перечень фамилий расстрелянных генералов авиации и Наркомата обороны дан в кн.: “Канун и начало войны”. Указ. изд., с. 294. Предписание Л. П. Берии см. в кн.: Карпов В. В.. “Расстрелянные маршалы”. М., 1999, с. 232.)

в Кремле совещание у Сталина было крайне узким по составу. Здесь были Молотов, Маленков, Жданов, Кулик и Ванников. Возможно, наряду с вопросами серийного освоения новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения рассматривались и другие. Какие вопросы обсуждались в течение двух часов, мы никогда не узнаем. На таких и других совещаниях, где решались важные государственные вопросы, ни протоколов, ни записей не велось. (На приёме у Сталина. Указ. изд., сс. 19, 580).

По имеющимся документам это было последнее совещание в Кремле, в котором участвовал Б. Л. Ванников до своего ареста 07.06.1941 года.

В ЦК партии понимали, что от мобилизации всех ресурсов страны зависит и её способность выстоять в грядущих испытаниях. Поэтому 4 мая секретным постановлением Политбюро, а затем на пленуме ЦК ВКП(б) 05 мая 1941 года было принято следующее постановление: “В целях полной координации работы советских и партийных организаций и безусловного обеспечения единства в их руководящей работе...” назначить И. В. Сталина, секретаря ЦК партии, одновременно и председателем Совета Народных Комиссаров СССР.

В приложении №2 — Результаты голосования к протоколу пленума ЦК ВКП(б) от 05.05.1941 года за №6 — под номером 10 значится фамилия Б. Л. Ванникова, голосовавшего “за”. Методом опроса членов ЦК ВКП(б) единогласно проголосовали 71 человек (1941 год. Кн. 2. Указ. изд., сс. 155–157).

В этот же день в 18 часов Сталин выступил в Кремле перед выпускниками военных академий и профессорско-преподавательским составом. Здесь же было высшее руководство Красной армии и флота, аппарат и члены ЦК, члены и кандидаты в члены Политбюро, депутаты Верховного Совета СССР. Его выступление в связи с секретностью не стенографировалось* и не освещалось в газетах и по радио. Он говорил: “Мы перестроили нашу армию, вооружили её современной военной техникой... Теперь у нас в составе армии 300 дивизий... третья часть механизированные. Об этом не говорят, но это вы должны знать. Из 100 дивизий — две трети танковые, а одна треть — механизированные”. Заявляя о такой боевой мощи, Сталин, видимо, рассчитывал на утку информации (Карпов В. В. Указ. соч., с. 304–309).

В действительности, как пишет писатель-фронтовик В. Карпов, этих дивизий пока не было, их ещё предстояло создать, равно как и перевооружить армию и флот современной боевой техникой и вооружением (первооружение началось со второй половины 1940 года. — М. Ф.). Сталин говорил о новых танках, самолётах, артиллерии и их скором освоении, о нашей и германской армиях, о командных кадрах и многом другом. В своей речи Сталин показал итог работы военной промышленности за последние годы. Наиболее вероятно то, что Б. Л. Ванников в числе других наркомов отраслей военной промышленности (они же члены ЦК) присутствовал на высоком собрании (в его воспоминаниях и наркома авиапромышленности А. И. Шахурин об этом не упоминается. — М. Ф.).

В дальнейшем события развивались не в пользу Б. Л. Ванникова. В. Н. Новиков пишет: “Его хороший друг, нарком авиапромышленности А. И. Шахурин вспоминает, как, оказавшись в кабине Сталина, услышал от него:

— Вы знаете, что Ванников — немецкий шпион?

— Удивлён! — ответил Шахурин и дал Борису Львовичу самую положительную характеристику.

На это Сталин ничего не сказал...” (Новиков В. Н. Указ. соч., с. 383).

В воспоминаниях В. Н. Новикова не называется время данного эпизода, хотя это могло быть в середине или в конце мая 1941 года.

Выражаясь образно, можно сказать, что гром пока не грянул, но тучи уже сгущались над головой наркома вооружения Б. Л. Ванникова.

Много разных событий происходило не только в стране, но и в оборонной промышленности. Вот лишь один из малоизвестных случаев. Его описывает бывший главный конструктор НИИ измерительных систем (г. Горький), доктор технических наук, профессор Н. З. Трёмасов со слов парторга ЦК наркомата вооружения С. В. Мамиконяна. “В мае 1941 года Ванников на коллегии своего наркомата предложил снять с директоров Ленинградского завода “Большевик”

* Позже текст выступления Сталина восстанавливался по конспектам и воспоминаниям участников совещания (Карпов В. В. Генералиссимус. В 2 кн. Кн. 1. М, 2002, с. 305).

молодого Устинова за то, что тот, успешно выполняя важный оборонный заказ, изготовил береговые орудия, но не нарезал стволы, т. к. задерживается поставка из Германии специальных станков. Вместо того чтобы принять все меры, ждёт от немцев подарки, которые прекрасно знают, зачем нам эти станки” (Тремасов Н. З. Назначение отменяется. Позвоните по телефону. Н. Новгород, 2000, сс. 381-382). Чем закончился неприятный разговор для Д. Ф. Устинова, вскоре ставшего наркомом вооружения, неизвестно.

В это время шло активное наращивание вооружённых сил фашистской Германии вдоль всей линии западной границы СССР. Для рассмотрения нарастающей военной опасности в конце мая (точной даты нет) в кремлёвском кабинете И. В. Сталина состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК ВКП(б)*. В. М. Жухрай приводит фрагменты рассекреченной стенограммы заседания (её вел А. Н. Поскрёбышев – секретарь И. В. Сталина. – Прим. авт.), на котором обсуждались вопросы подготовки страны к обороне (см. в кн.: В. М. Жухрай. “Просчёт Адольфа Гитлера. Новое о И. В. Сталине”. М., 1995).

В заседании участвовали члены Политбюро ЦК ВКП(б), заместители председателя правительства (СНК), наркомы обороны, Военно-Морского флота, оборонной промышленности и начальник Генштаба Красной армии Г. К. Жуков. Фамилии участников заседания не указаны.

Выступая, Сталин сказал: “Обстановка обостряется с каждым днём, и очень похоже, что мы можем подвергнуться внезапному нападению со стороны фашистской Германии” (с. 60). Он дал анализ обстановки в Европе, отметил значение договора о ненападении, заключённого с Германией в 1939 году. В частности, Сталин сказал: “... Он дал необходимую передышку для более лучшей подготовки страны к обороне... Общего похода империалистических держав против СССР не получилось. Это главный результат”. Затем выступил начальник Генштаба Г. К. Жуков. Он кратко охарактеризовал состояние родов войск Красной армии и Военно-Морского флота. Вот основные фрагменты его критического выступления.

“Бронетанковые войска.

...некоторые танковые заводы план не выполняют, вооружение войск танками КВ и Т-34 идёт крайне медленными темпами. Пока сформировано 9 мехкорпусов, надо ещё 20.

Артиллерия. С 01.01.1941 <года> по настоящее время Красная армия получила 29 637 полевых орудий, 52 407 миномётов, а всего орудий и миномётов, с участием танковых пушек, – 92 578.

...ГАУ недооценивает такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 (“катюша”). Необходимо... немедленно принять решение об их срочном серийном производстве.

... В существенном ускорении нуждается производство 82 и 120 мм миномётов.

... Крайне слабым нашим местом являются войска связи, в которых не хватает современных средств связи... Особенно плохо с боеприпасами для новейших артиллерийских систем.

... В начале 1941 года вооружённые силы получили 2 650 самолётов новых конструкций, свыше 600 тяжёлых танков “КВ” и 1 440 лучших в мире средних танков Т-34 (эти цифры немного отличаются от приведённых выше. – М. Ф.).

... На сегодня в составе нашего флота более 600 боевых кораблей... 218 подводных лодок... военно-морская авиация насчитывает 2 529 самолётов.

... К 1 января 1941 года в сухопутных войсках, военной авиации, на флоте, в войсках ПВО насчитывалось 4 млн 200 тысяч человек” (с. 64–69).

В докладе Г. К. Жукова не приводятся сведения о количестве стрелкового вооружения, хотя известно, что накануне войны ежегодно в среднем производилось 1 млн 800 тысяч единиц (История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 4. М. 1975, с. 14).

* Возможно, речь идёт о совещании 23 мая 1941 года. В нём участвовали 15 человек, в том числе и замнаркома вооружения полевой артиллерии И. А. Мирзаханов (Посетители кремлёвского кабинета И. В. Сталина. Исторический архив, 1996. № 2, с. 48). Отсутствие на совещании наркома Б. Л. Ванникова можно объяснить лишь тем, что он находился под подозрением органов госбезопасности и И. В. Сталина. Невольно вспоминается фраза Сталина (она приведена выше), сказанная наркому авиационной промышленности А. И. Шахурину. Борис Львович чувствовал прохладное отношение И. В. Сталина и не ожидал от этого ничего хорошего.

В заключение выступил Сталин. Он сказал: "...Руководители наркоматов авиационной, химической промышленности, боеприпасов... и других отраслей народного хозяйства... должны извлечь уроки из сегодняшней критики и коренным образом улучшить свою работу. В противном случае они будут сняты с занимаемых постов" (с. 79).

Как видим, непосредственно критики в адрес наркомата вооружения, обеспечивающего армию и флот артиллерийским и стрелковым вооружением, здесь нет. Сталин знал истинное положение дел в армии, на флоте и в военной промышленности ("Мы знали, что слабее Германии", — говорил В. М. Молотов) и старался всеми дипломатическими силами отодвинуть её нападение. А между тем до роковых событий в жизни нашей страны — начала Великой Отечественной войны 22 июня — оставался один месяц. И около двух недель — до ареста наркома вооружения СССР Б. Л. Ванникова.

В последние месяцы перед войной невольно приходится касаться драматических событий в жизни страны. В мае-июне 1941 года и ранее подверглась репрессиям большая группа руководителей и специалистов оборонной промышленности, военно-воздушных сил (ВВС), противовоздушной обороны (ПВО) и Наркомата обороны.

Б. Л. Ванников вспоминает: "В 1941 году искусственно создали ряд крупных "политических" дел <...> репрессиям были подвергнуты многие ответственные руководители промышленности вооружения — заместители наркома, начальники главков и некоторые директора заводов" (Ванников Б. Л. Указ. соч., с. 71). Борис Львович, к сожалению, не называет фамилии своих коллег. Их мы узнаем из воспоминаний В. Н. Новикова (магнитофонная запись 02.07.1989, г. Москва). После освобождения Б. Л. Ванникова (20.07.1941) по его просьбе были освобождены его заместитель И. А. Барсуков, начальник Главного патронного управления С. И. Ветошкин, директор завода Ф. К. Чарский (Куманёв Г. А. Указ. соч., с. 520).

В мае-июне 1941 года были арестованы руководители ВВС П. В. Рычагов и Я. В. Смушкевич, начальник ПВО Г. М. Штерн, командующий Прибалтийским округом А. Д. Локтионов (все они и ещё 16 генералов и командиров были вывезены из Москвы и расстреляны 28.10.1941 года на полигоне НКВД под г. Куйбышевом). Арест генералов начался после того, как 15 мая 1941 года немецкий самолёт "Юнкерс-52", не замеченный ПВО, совершил перелёт от западной границы и приземлился в Москве.

Позже, в первые дни войны у руководителей ВВС, ПВО и других генералов авиации обнаружилось немало грехов, приведших к тяжёлым последствиям для Красной армии. Только 22 июня советские ВВС потеряли 1200 самолётов, из них 900 на аэродромах (Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991, сс. 84, 115).

Были арестованы по ложному обвинению также бывший начальник Генштаба РККА К. А. Мерецков и нарком вооружения Б. Л. Ванников, которые, как и названные выше генералы, сознались в преступлениях, которых не совершали (в военном заговоре и шпионаже в пользу Англии и Германии). Им повезло: оба были освобождены по указанию И. В. Сталина (Соколов Б. В. Истреблённые маршалы. — Смоленск: Русич, 2000, с. 449).

Судьба оказалась благосклонной к Б. Л. Ванникову. Схожая судьба у К. А. Мерецкова, будущего маршала Советского Союза, освобождённого из тюрьмы на Лубянке 28.08.1941 года и назначенного командующим 7-й армией на Карельском фронте.

Бывали такие счастливые исключения. Обычно они распространялись на специалистов, в которых очень нуждались военная промышленность и вооружённые силы.

Выше уже было сказано, что из Москвы в г. Куйбышев было вывезено 25 заключённых, которых, как пишет советский писатель В. В. Карпов, "готовили в качестве участников грандиозного процесса, похожего на "военный заговор" 1937–1938 годов..." (Карпов В. В. Генералиссимус. Историко-документальное издание. Кн. 1. М., 2002, с. 433–434).

Тогда враг стоял у стен Москвы, и не время было проводить подобный процесс, прежде всего по политическим соображениям. Поэтому и было принято решение (предписание Л. П. Берии от 18.10.1941 года) о расстреле "генералов-заговорщиков" и некоторых партийных руководителей.

В военно-исторической литературе это событие получило у одних исследователей название “дело авиаторов” (Соколов Б. В. Истреблённые маршалы. Указ. изд., с. 425), у других – “заговор военных”. Например, в научно-справочном издании “Большая Российская энциклопедия: в 30 тт. (т. 4. М., 2006) в биографической справке на Б. Л. Ванникова читаем: “07.06.41 арестован как участник “военного заговора”. По личному указанию И. В. Сталина 26.07.41 (ошибочно, фактически 20 июля. – М. Ф.) освобождён и назначен замнаркома вооружения” (с. 584). Его восстановили в партии и ЦК ВКП(б), вернули звание генерал-майора инженерно-артиллерийской службы. Возможно, накануне и во время войны Ванников относился к числу немногих незаменимых. Сталин это знал.

В чём же мог провиниться нарком вооружения СССР Б. Л. Ванников? “Дело” на него было заведено не в мае-июне 1941 года, а, вероятно, раньше. В 1930–1932 годах он был в командировках в Германии на ружейных заводах Маузера. Тогда многие руководители и специалисты заводов, фабрик и строек приобретали опыт и знания за границей. Все они, естественно, были под контролем органов НКВД.

В феврале 1937 года сразу после смерти своего руководителя – наркома тяжёлой промышленности Г. К. (Серго) Орджоникидзе – Б. Л. Ванников был вызван к наркому внутренних дел Н. И. Ежову. Здесь от него потребовали написать докладную записку о “вредительских” действиях, якобы произведённых С. Орджоникидзе (Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990, с. 355–356). Сведений о том, как поступил в этом случае Б. Л. Ванников, не имеется. Очевидно другое: Борис Львович с большим уважением относился к С. Орджоникидзе как к руководителю и человеку, их отношения были дружескими.

Позже, будучи наркомом вооружения, он настойчиво (отмечено выше) как профессионал отстаивал свою точку зрения по вопросам вооружения Красной армии, а также защищал специалистов от необоснованных арестов. Некоторые высокие партийные и военные руководители усматривали в этом возможную вредительскую деятельность. Примерно так мог сложиться образ “шпиона” Б. Л. Ванникова к моменту ареста.

Судя по воспоминаниям (других источников нет), существует две версии о том, где был арестован нарком вооружения Ванников. Одна гласит, что в Кремле у Сталина, другая – в рабочем кабинете наркома.

В начале июня 1941 года у Сталина в здании ЦК партии проходило совещание по вопросу ликвидации отставания в производстве артиллерийских снарядов тяжёлого калибра*. В совещании участвовали нарком Госконтроля СССР Л. З. Мехлис, нарком вооружения Б. Л. Ванников, нарком внутренних дел Л. П. Берия и другие.

Вот небольшой фрагмент из воспоминаний участника того совещания, бывшего наркома путей сообщения СССР генерал-лейтенанта И. В. Ковалёва. “Много лет спустя после смерти Сталина, вспоминая тот прискорбный тюремный эпизод, Ванников говорил мне: “Кто им приказал взять меня сразу за дверьми его кабинета? Может, он кнопку нажал? Ты же там сидел, должен был заметить?” Нет, ничего я не видел. И Берия тут сидел и никаких движений не делал. Видимо, Сталин заранее отдал распоряжение насчёт Ванникова” (Куманёв Г. А. Указ. соч., с. 305).

Это наиболее достоверная версия, поскольку сам Борис Львович говорит о ней. Она частично подтверждается высказываниями парторга ЦК, которые приводит Н. З. Трemasов. “Как-то Ванников собрался в Тулу. Заехал по дороге в Кремль и был арестован. За ним последовательно в КГБ “пошли” его замы и другие высокие чины. Через несколько дней в наркомате стало пусто. По указанию Маленкова Устинов был вызван в Кремль и назначен наркомом вооружения” (с. 382).

Другая версия – в статье журналиста М. Ф. Реброва “Из министров – в “шпионы”, из “шпионов” – в министры”. Со слов сына Ванникова Рафаэля

* Производством таких снарядов занимался наркомат боеприпасов (нарком П. Н. Горемыкин), а наркомат вооружения – орудиями крупного калибра. Возможно, о последних и шла речь на совещании. Воспоминания И. В. Ковалёва были написаны много лет спустя, 28.05.1988, и переданы профессору Г. А. Куманёву. В них могла быть ошибка. Это косвенно подтверждается упомянутым выше эпизодом по ленинградскому заводу “Большевик”.

Борисовича, участника Великой Отечественной войны, описываются обстоятельства ареста, нахождения в тюрьме на Лубянке и освобождения Б. Л. Ванникова. В основном это достоверное изложение драматического эпизода в его жизни, кроме места ареста.

М. Ф. Ребров пишет: “В кабинет без стука вошли двое и предложили следовать за ними. Куда? Он не спрашивал, но предчувствие не обмануло: его берут...” (Ребров М. Ф. Из “министров” – в “шпионы”, из “шпионов” – в “министры” // “Спутник”, 1995, №10, с. 114).

Частично эпизод ареста подтверждается воспоминаниями Д. Ф. Устинова (с 09.06.41 года – нарком вооружения*.) – М. Ф.)

Он пишет: “На понедельник, 9 июня 1941 года, у нас на заводе было намечено открытие нового дома отдыха.

...я задал вопрос, который возник у меня ещё вчера, после разговора в кабинете Маленкова:

– А где Ванников?

– Борис Львович уехал, ничего никому не сказав.

Шестую страницу газеты (“Правда” от 09.06.41 года. – М. Ф.), где в хронике сообщалось, что Б. Л. Ванников освобождён от поста наркома вооружения, ни я, ни Рябиков (первый замнаркома вооружения. – М. Ф.) к тому моменту ещё не читали.

Позднее мы узнали, что Б. Л. Ванников был арестован” (Устинов Д. Ф. Указ. соч., с. 112).

В другом источнике находим: “07.06.1941 <года> Ванников был арестован, а через два дня официально снят с должности наркома. Причиной стало то, что он “не справился с работой” (Залесский К. А. Указ. соч. Кн. 1, с. 100).

Наверно, многие, кто хорошо знали Б. Л. Ванникова по работе, были немало удивлены, прочитав в газете “Правда” причину снятия с поста наркома вооружения. Хотя критики по работе наркомата вооружения не было ни на XVIII партконференции, ни на последнем расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в конце мая 1941 года.

Время было сложное и противоречивое. Никто никому не гарантировал ни личной, ни политической неприкосновенности, несмотря на должностное положение и заслуги перед государством.

Знаменитых людей, а также генералов и маршалов арестовывали по личному указанию И. В. Сталина. Органами НКВД разрабатывался индивидуальный сценарий, чтобы создать элемент неожиданности, предотвратить огласку и возможность сопротивления. Например, генерал армии К. А. Мерецков был арестован на второй день войны прямо на вокзале в Москве и препровождён на Лубянку (Шевеленко А. Я. Кирилл Афанасьевич Мерецков. // Вопросы истории. 2000, №4, с. 77).

Итак, несмотря на огромные трудности, просчёты и ошибки, благодаря самоотверженному труду советских людей, повседневным заботам партии и правительства во главе с И. В. Сталиным, удалось сделать многое для укрепления обороны страны, но не всё. Заключив договор с Германией, СССР выиграл 22 месяца драгоценного времени. Была увеличена численность вооружённых сил, частично реорганизована и перевооружена армия. Расширено военное производство, созданы новые образцы военной техники и вооружения. Отодвинуты на 250–300 километров западные границы, а на северо-западе – на 150 км от Ленинграда, что позволило улучшить стратегическое положение страны.

К предстоящей войне промышленность вооружения, несмотря на организационные и технологические трудности и просчёты, была хорошо подготовлена. Она имела большую и прочную материально-техническую базу,

* Назначение Д. Ф. Устинова оказалось весьма удачным. В течение всей войны он показал себя крупным организатором военного производства и талантливым инженером. Все задания ГКО СССР по обеспечению Красной армии и флота артиллерийским и стрелковым вооружением Наркоматом вооружения были успешно выполнены. После войны вся его плодотворная деятельность на высоких военных, государственных и партийных постах была связана с укреплением обороноспособности СССР. Высшее руководство страны высоко оценило заслуги Д. Ф. Устинова в этом важнейшем деле. Он был удостоен высоких званий: Героя Социалистического Труда (1942, 1961), маршала Советского Союза (1976) и Героя Советского Союза (1978). Был лауреатом Сталинской (1953), Ленинской (1982) и Государственной (1983) премий (Залесский К. А. Кн. 2. Указ. соч., с. 595).

подготовленные высококвалифицированные кадры руководителей, инженеров, техников и рабочих.

Забегая вперёд, скажем, что уже с первых месяцев войны стал ясен, как никогда ранее, огромный масштаб работы, проделанной в предвоенные годы Наркоматом вооружения во главе с Б. Л. Ванниковым и руководством заводов. О том времени замнаркома вооружения В. Н. Новиков пишет: "... За первые три месяца войны, когда последствия эвакуации ещё не так были значительны, выпуск пистолетов и револьверов увеличился в 1,5 раза, винтовок – в 2 раза, крупнокалиберных пулемётов – почти в 5 раз, пулемётов Максим – в 7,5 раза, пистолетов-пулемётов Шпагина – в 9,2 раза, некоторых видов орудий – в 1,5–2 раза и т. д." (Новиков В. Н. Указ. соч., с. 379).

Все военные заводы были переведены на режим военного времени (полная трёхсменная работа и непрерывная неделя).

Несмотря на эвакуацию 32 заводов в глубокий тыл, Наркомат вооружения (нарком Д. Ф. Устинов) в тяжелейших условиях войны к лету 1942 года восстановил производство на новых местах, перепрофилировал ряд гражданских предприятий и стал наращивать выпуск артиллерийского и стрелкового вооружения, всё полнее удовлетворяя возрастающие потребности Красной армии и флота.

Партия и правительство высоко оценили труд вооруженцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 июня 1942 года "За исключительные заслуги перед государством в деле организации производства, освоения новых видов артиллерийского и стрелкового вооружения и умелое руководство заводами" звание Героя Социалистического Труда было присвоено директорам заводов Быховскому Абраму Исаевичу, Гонору Льву Робертовичу, Елян Амо Сергеевичу, народному комиссару вооружения Устинову Дмитрию Фёдоровичу, бывшему заместителю наркома вооружения, народному комиссару боеприпасов Ванникову Борису Львовичу, заместителю наркома вооружения Новикову Владимиру Николаевичу (Новиков В. Н. Указ. соч., с. 377).

Первыми в указе названы фамилии директоров крупнейших артиллерийских заводов в Перми, Сталинграде и Горьком, а затем – тогдашнего наркома вооружения Д. Ф. Устинова и его заместителя В. Н. Новикова, ранее возглавлявших крупные предприятия. И это неслучайно. Вся тяжесть работы по выполнению заданий ГКО и груз персональной ответственности за их выполнение в суровых условиях войны лежали, в первую очередь, на них. Участвуя в подготовке указа по поручению И. В. Сталина, Б. Л. Ванников высоко оценил работу каждого, особенно выделив первых. Он хорошо знал их по совместной работе, посещая эти и другие заводы.

Свою первую высокую государственную награду Б. Л. Ванников получил за умелое руководство наркоматом вооружения и успешное начало работы на сложном и ответственном посту наркома боеприпасов СССР. Будут ещё две (1949, 1954), но уже за героические дела в Атомном проекте СССР. Вот так работал Б. Л. Ванников и другие "сталинские наркомы" в предвоенные и военные годы вместе со всем народом, самоотверженным трудом создавая промышленную и военную мощь СССР – фундамент Победы 9 мая 1945 года.

После окончания войны многие из них, как и прежде, напряжённо трудились, участвуя в работах по Атомному проекту, который завершился созданием атомной промышленности и успешными испытаниями первых советских атомной и водородной бомб в 1949 и 1953 годах. Так было положено начало созданию ракетно-ядерного щита современной России.

Судьба страны воплощается в судьбах отдельных людей. И одна из них – легендарного наркома (с 1946 года – министра) Бориса Львовича Ванникова, одного из выдающихся организаторов и руководителей оборонной и атомной промышленности СССР, трижды Героя Социалистического Труда, двукратного лауреата Сталинской премии, генерал-полковника инженерно-артиллерийской службы. Он всю свою жизнь посвятил делу укрепления оборонной мощи нашей Родины, пройдя тернистый путь от слесаря до государственного деятеля.

АНАТОЛИЙ ФЕТИСОВ

БОЕВОЙ ПУТЬ 70-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Первое формирование

70-я стрелковая дивизия была сформирована в 1934 году в городе Куйбышеве (тогда и теперь – г. Самара) в качестве территориальной дивизии в составе Приволжского военного округа. Стрелковые полки размещены в Ульяновске, Сызрани, Куйбышеве, артиллерийский полк – в Пензе. В 1936 году дивизия была передислоцирована во Всеволожский район Ленинградской области, обеспечивала оборону государственной границы от берега Финского залива до Елизаветинки. Принимала участие в советско-финской войне с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года. Участвовала в операции по прорыву “линии Маннергейма” и в битве за острова Финского залива. За форсирование в ночное время Выборгского залива и захват плацдарма на северном берегу награждена орденом Ленина, шестнадцать солдатом и офицерам присвоено звание Героя Советского Союза.

С первых дней Великой Отечественной войны дивизия была в действующей армии. В начале июля 1941 года дивизия, имея в своём составе около 14 тысяч военнослужащих и 200 артиллерийских орудий и миномётов, размещена в состав Лужской оперативной группы. Участвовала в контрударе под Сольцами, ликвидации немецкого плацдарма на левом берегу реки Шелонь. Попав в окружение, дивизия лесами вышла в район Чудово, затем перебросена на защиту Тосно, Пулково. В составе 55-й армии и Невской оперативной группы она участвовала в тяжёлых боях по обороне Ленинграда, в Синявинских операциях 1941-1942 годов. 26 сентября 1942 года в составе ударной группы форсировала Неву в районе Невской Дубровки. За массовый героизм 16 октября 1942 года в числе первых на Ленинградском фронте дивизия получила звание гвардейской и была преобразована в 45-ю Гвардейскую стрелковую дивизию¹.

Второе формирование и боевая учёба (1943 год)

Спустя пять месяцев в соответствии с директивой Верховного Главнокомандующего 146-я и 47-я Отдельные стрелковые бригады развёрнуты в 70-ю стрелковую дивизию (второго формирования). 14 апреля 1943 года командиром дивизии назначен полковник Абилов, начальником штаба – подполковник Иванов².

Части дивизии формируются в районах деревень Стопкино, Воскресенское, Песочня, Михайловка, Грабцево и др. вблизи Калуги³. Первым приказом

полковник Абилов обязывает командиров всех частей и подразделений в минимально короткий срок принять людей, материальную часть, немедленно приступить к обучению и боевому сколачиванию личного состава. Продолжительность рабочего дня устанавливается в объёме 12 часов, из них 10 часов учебного времени, 2 часа самостоятельной подготовки. Особое внимание обращается на подготовку штурмовых групп, истребителей танков и снайперов. Занятия проводятся в поле с мерами предосторожности от воздушного нападения противника.

К 20 апреля сформированы взводы, численный состав стрелковых рот доведён до 125 человек. Стрелковые подразделения довооружены автоматами ППШ. По штату численность дивизии составляла 8 тысяч человек и 960 лошадей, на 22.04.1943 года некомплект составлял 1 435 человек.

Проверка боевой подготовки личного состава дивизии по программе месячного обучения показала, что командный состав получил хорошую практику в управлении своими частями и подразделениями, а рядовой и сержантский состав овладел личным оружием, научился окапываться, маскироваться, делать перебежки, переползания в условиях, приближенных к боевым. Дивизия приняла активное участие в армейских учениях.

В конце мая тремя ночными переходами дивизия в составе 3-й Резервной армии перемещена в район западнее Калуги⁴. На рубеже рек Угра и Сохна построена глубокоэшелонированная система обороны с учётом местности и танкоопасных направлений. В течение июля 1943 года дивизия ночными переходами продвигалась на запад, пройдя пешим ходом более двухсот километров.

Большое внимание уделялось политподготовке, повышению боевого духа бойцов и командиров. 16 мая 1943 года частям вручены боевые знамена. 22 июня 1943 года проведены митинги, посвящённые 2-й годовщине начала Великой Отечественной войны. Участникам боёв командиром дивизии вручены медали “За оборону Одессы”, “За оборону Сталинграда”, “За оборону Ленинграда”.

До военнослужащих доведена информация о том, что командованием установлены денежные премии за каждый подбитый или подожжённый танк противника до 1500 рублей. Оружейные мастера премируются за умелую организацию и качественный ремонт оружия. Также выплачиваются премии за сбор медных гильз от снарядов и патронов.

В мае-июне 1943 года военной прокуратурой осуждены 22 военнослужащих, в том числе 2 человека приговорены к высшей мере наказания за дезертирство.

Дивизия в течение четырёх месяцев в составе Резервного фронта проходила курс боевой подготовки, прикрывая дальние подступы к Москве. В начале августа дивизия направляется во второй эшелон 21-й армии для участия в Спас-Деменской наступательной операции.

Участие в Смоленской операции (7 августа – 2 октября 1943 года)

7 августа 1943 года началась Смоленская наступательная операция. 227-й артиллерийский полк 70-й стрелковой дивизии участвовал в артиллерийской подготовке в районе Стрельное. Стрелковые подразделения дивизии находились во втором эшелоне Западного фронта.

13 августа был освобождён Спас-Деменск. К 17 августа дивизия сосредоточилась в районе деревень Чувакшино, Терпилово, Обирог, Есиная, что в 15–20 км западнее Спас-Деменска. 19 августа состоялось боевое крещение дивизии – силами двух батальонов была освобождена деревня Соболи, подбито 3 танка противника, подавлен огонь нескольких батарей, взято в плен 4 немецких солдата⁵. Немецкие части ожесточенно сражались, контратаковали по нескольку раз в день. Потери дивизии за 18–19 августа: убито 264 человека, ранено 633. Немецкой диверсионной группой убит начальник штаба дивизии подполковник Иванов, похищена полевая сумка с секретными документами и печатью⁶.

28 августа вышел первый наградной приказ. Медалью “За отвагу” награждены наводчик 45-мм пушки сержант Окладнов Д. Е., телефонисты, санитар. Медалью “За боевые заслуги” награждены помощники командиров взводов, командиры отделений за то, что они в наступательных боях первы-

ми поднимались в атаку и увлекали за собой своих бойцов, заменяли вышедших из строя командиров, лично из автоматического оружия уничтожили десятки врагов. Награды также получили наводчик миномёта, пулемётчики и снайперы. Шесть сержантов и красноармейцев награждены знаком “Отличный разведчик”.

Дивизия производила работы по укреплению оборонительных рубежей, несколько дней провела на отдыхе в 4–5 км от линии фронта, затем штурмовала и 29 августа взяла под свой контроль высоту 243.2, деревни Починок, Алферово. В ходе наступления дивизией были освобождены 9 деревень Спас-Деменского района Калужской области и 122 населённых пункта Смоленской области.

К 12 сентября дивизия вышла к реке Десна⁷. Затем, с боями переправившись на правый, западный берег реки, дивизия в течение двух недель преследовала противника, освобождая Смоленскую область.

Ветеран дивизии Литовченко Василий Петрович вспоминает: *“... Осенью 1943 года после форсирования реки Десна мы шагали без остановки четверо суток подряд. Утром на полчаса привал и вечером на полчаса привал, всё остальное время – шагай. Конечно же, без сна и без пищи, так как тылы как всегда отставали. Сколько километров мы прошли за этот переход, я не знаю, но под конец все были в таком состоянии, что если сел, то сам уже не встанешь. Поэтому при кратковременных остановках привалились к дереву или чему другому, что есть поблизости, и стоишь...”*

2 октября дивизия подошла к реке Проня в Белоруссии⁸. Река Проня являлась частью мощной немецкой оборонительной полосы “Пантера”. На этом рубеже дивизия оставалась до июня 1944 года.

Оборона под городом Горки

Позиционные бои в октябре 1943 года носили ожесточённый характер и характеризовались переходом отдельных рубежей из рук в руки по несколько раз в день. За 10 дней октября потери составили убитыми – 119 человек, ранеными – 306 человек.

12 октября в дом, где размещался штаб 227-го артполка, попала бомба. Убиты начальник штаба полка, офицеры, красноармейцы, сгорело знамя полка, штабная документация, радиостанция, личное оружие погибших. За день отмечено до 400 самолёто-вылетов противника.

Дивизионная газета “В атаку” распространяет боевой опыт снайпера И. Григорьева, который истребил свыше 200 гитлеровцев, за что был награждён орденом Славы 3-й степени⁹.

В период формирования дивизии среди пополнения было 210 человек осуждённых. Военный трибунал дивизии направил в военный трибунал Западного фронта 51 ходатайство на снятие судимости с отличившихся в боях бойцов.

В каждой роте был выделен писарь для ведения учёта и отчётности. Запрещено вводить в бой писарей, отвечающих за учёт личного состава. Приказано своевременно выписывать прибывающему пополнению красноармейские книжки.

Отделом тыла дивизии и медицинским составом проведена проверка тылового хозяйства стрелковых полков: пищевых блоков, санитарного состояния и быта, интендантской обеспеченности (обмундирование, обувь, погоны, выдача керосина, конская упряжь и др.), состояния конского состава и артвооружения.

Дивизионным ансамблем художественной самодеятельности подготовлена большая концертная программа: литературно-музыкальный монтаж “Вперёд на Запад” с любимыми песнями, юмористическими рассказами, плясками, музыкой (аккордеон, баян).

В журнале боевых действий дивизии за период август–декабрь 1943 года приведены следующие цифры потерь: убитыми – более 1074 человек, ранеными – более 3159 человек.

На 4 декабря в дивизии состояло 3159 человек, из них в стрелковых подразделениях – 600 человек.

От штаба 113-го корпуса получено приказание на разведку с целью захвата контрольных пленных в полосе корпуса, уточнения нумерации, силы и состава частей противника, стыков до батальона включительно, мест расположения

резервов и штабов. Также поставлена задача по уточнению огневой системы противника, выявлению инженерных заграждений, новых видов вооружения и своевременного обнаружения момента возможного отхода противника.

Командиры подразделений обязываются организовать регулярную помывку личного состава в двух построенных банях, а также принять предупредительные меры по карантину от вшивости. За неприятие мер – наказание домашним арестом на трое суток с удержанием 50% зарплаты за время ареста.

Командир дивизии издал приказ об организации комендантской службы в населённых пунктах, о создании специальных команд по заготовке дров, обустройстве сушилок для просушивания белья и обуви с целью пресечения заболеваний гриппом и другими болезнями простудного характера. Приказано не допускать общения военнослужащих и гражданского населения. Нарушителей строго наказывать.

Командир корпуса приказал отобрать из прибывающего пополнения лучших бойцов, отвечающих требованиям несения службы в разведке, и доукомплектовать ими разведроту дивизии и разведзвезды полков.

Командиры подразделений обязывались ежедневно предоставлять донесения о питании личного состава, в которых освещать, сколько раз готовилась пища, из скольких блюд, обеспеченность чаем, все ли положенные продукты заложены в котёл, одновременно ли приготовлена и выдана пища личному составу, выделен ли наряд на кухню, были ли случаи воровства, какие были приняты меры. Приказано выделить по два сапожника из батальона и по одному сапожнику из батареи и организовать ремонт обуви при взводах снабжения.

Командиром дивизии в штаб 113-го стрелкового корпуса предоставлена справка о численности населения, проживающего в полосе 70-й стрелковой дивизии по состоянию на 16.01.1944 года: всего проживает 4 739 человек, в том числе трудоспособных 1 980.

Проведены беседы с сержантским составом на темы “О воинской присяге” и “Как советский закон карает изменников Родины”.

В дивизии создана снайперская команда, в которую вошли лучшие стрелки из рядового и сержантского состава. Проведена учёба снайперов, которая включила в себя политподготовку, огневую, тактическую и строевую подготовку, стрелковое и инженерное дело, уставы.

Штаб корпуса приказал выявить личный состав, знающий немецкий язык, для назначения переводчиками.

Объявлена директива Военного Совета 49-й армии о фактах избиения красноармейцев, сержантов и даже офицеров старшими начальниками, имеющих случаи самовольного расстрела военнослужащих в обстановке вне боя. Указано, что подобное поведение некоторых офицеров является прямым нарушением приказа наркома обороны СССР № 0391 “О фактах подмены воспитательной работы репрессиями”¹⁰ и свидетельствует о плохом их воспитании, бездействии командиров и политорганов соединений, где эти факты имели место. Всех виновных в рукоприкладстве строго наказывать.

26.01.1944 года в 7 часов утра двумя отрядами с участием 465 военнослужащих была произведена разведка боем, которая велась весь день. Развитие событий боя сложилось крайне неудачно для нашей стороны, потери составили 81%, в том числе ранен 261 человек, убито 117 человек. Линия связи перебывалась немецкой артиллерией через каждые 5–7 метров, восстанавливалась через 1–2 часа со значительными потерями связистов. Две рации были разбиты ручными гранатами в траншее противника, радисты убиты. Приказом командира дивизии полковника Абилова отмечено, что в течение боя отряды действовали смело, храбро дрались, ведя сражение в траншеях противника, отразили в течение дня 7 контратак. Однако командир 68-го стрелкового полка, командир штрафной роты и начальник отряда, имея информацию о больших потерях, не приняли необходимых мер по введению в бой резервного батальона. В результате противник в 19:30 перешёл в контратаку с трёх сторон силами до 100–120 человек, и остатки отряда самостоятельно отошли на исходное положение. Дело подполковника Кузнецова, капитана Пономаренко, капитана Одоховского (пропавшего без вести, возможно, убитого) командиром дивизии передано в Прокуратуру для привлечения их к ответственности¹¹.

Следующие плановые разведки боем командир 113-го корпуса наметил на 8 февраля усиленной стрелковой ротой и до 20 февраля – усиленным стрел-

ковым батальоном с задачей захвата контрольных пленных, уточнения огневой системы противника и стыков между его подразделениями.

Проведено собрание партийного актива с повесткой дня: “О воспитании офицерского состава и работе офицеров среди бойцов”.

До командиров и бойцов доведён приказ маршала Жукова Г. К. об устранении существенных недостатков по работе с пленными. Все документы противника без исключения направлять, в первую очередь, в разведывательные органы штабов дивизий, армий, фронтов и лишь после этого – в другие органы. Пленных офицеров и генералов немедленно доставлять в разведотдел штаба армии или штаба фронта на автомашине с целью получения важных военных сведений без опозданий. Приводится случай, когда после допросов в штабах полка, дивизии и армии у пленного немецкого генерала пистолет был обнаружен только в штабе фронта.

В связи с данными агентурной разведки об отходе противника на заранее подготовленный рубеж по берегу Днепра подготовлен комплект документов с планами преследования отходящего противника.

За несвоевременное снятие пробы с приготовленной пищи командир санитарного взвода арестован на трое суток домашнего ареста с удержанием 50% зарплаты.

Для строительства дороги Быстрианское-Каменка и для погрузки и выгрузки лесоматериала из урочища Тёмный Лес выделены 500 человек в полной боевой готовности и с необходимыми инструментами (пилы, ломы, топоры и др.).

Зафиксирован случай перехода двух солдат на сторону врага. Перед уходом ими были расстреляны в блиндаже командир роты и пятеро красноармейцев, похищены документы¹².

Ранним утром 6 марта противник осуществил разведку боем численностью до 50-ти человек, но был отброшен с потерями до 15-ти человек¹³.

Дивизия занимает оборону на фронте 17 километров. Численный состав дивизии на 15.03.1944 года 4881 человек, из них 86 – на откормочном пункте.

В расположении дивизии потерпел аварию немецкий самолёт-разведчик “Дорнье-217”, который совершил жёсткую посадку в районе деревни Быстрианская. Обнаружены четыре погибших немецких лётчика, топографические карты, удостоверения личности.

В 2 часа ночи 14 апреля при проходе нейтральной полосы со стороны противника задержан немецкий шпион в форме старшего сержанта Советской армии¹⁴.

При проведении наступательной операции каждую дивизию обязали иметь в своём тыловом районе пункт сбора военнопленных и размещать его на удалении 10–12 километров от передовой линии. Обеспечивать питанием военнопленных по утверждённой норме, не допускать случаев расстрела пленных, изъятия у них личных вещей, одежды и обуви.

Командующий 33-й армией генерал-лейтенант Крюченкин В. Д. приказал включать в план боя применение маскирующих дымов, на каждую операцию разрабатывать план дымового обеспечения войск на всю глубину действий.

21.05.1944 года на участке 252-й стрелкового полка был задержан немецкий разведчик в форме младшего лейтенанта, который сказал на допросе, что он прибыл в числе группы из 12-и человек. Остальные лица должны пересечь линию фронта в ближайшее время.

15.06.1944 года звание Героя Советского Союза присвоено младшему лейтенанту Илье Григорьеву за уничтожение более 300 гитлеровцев (15-е место по результативности среди советских снайперов)¹⁵.

Личный состав дивизии проинформирован о прибытии частей американских военно-воздушных сил, которые будут вести боевые действия с наших аэродромов. В состав 3-го Белорусского Фронта прибыл истребительный авиаполк “Сражающаяся Франция – Нормандия”. В случае вынужденной посадки или спуска на парашютах американских и французских лётчиков немедленно оказывать необходимую помощь и направлять лётчиков на ближайший аэродром.

За период с 29.09.1943 года по 22.06.1944 года убито 419 человек, ранено 1119.

Могилёвская и Минская наступательные операции

На начало операции боевой состав дивизии — 5270 человек.

23-го, 24-го, 25 июня дивизия вела ожесточённые бои, штурмовала первую и вторую линии траншей обороны противника на подступах к городу Горки¹⁶.

В 3.30 часов 26 июня противник начал общий отход в западном направлении, прикрываясь огнём станковых и ручных пулемётов с третьей линии траншей. В 4.30 часов дивизия начала преследовать противника. К концу дня части дивизии вышли на рубеж реки Бася¹⁷.

27 июня дивизия форсировала Днепр, с боем освободила город Шклов. Были захвачены трофеи: 2 паровоза, 110 вагонов, в том числе гружённые картофелем, склады с мукой (40 тонн), с продфуражом, 2 трактора-тягача и 8 самоходных орудий. Взято в плен 74 солдата и офицера противника¹⁸.

Противник, прикрываясь арьергардными отрядами, продолжал отход в западном направлении.

29 июня в районе Трилесино, Говораки части дивизии были четырежды контратакованы противником силами до трёх батальонов пехоты с 10-ю танками и самоходными орудиями. Подтянув боеприпасы для артиллерии, дивизия пошла в атаку и к 10.00 часов возобновила наступление. Уничтожено 5 немецких танков, 5 артиллерийских орудий и 12 автомашин. Захвачено в плен 47 солдат противника¹⁹.

Дивизия в составе 33-й армии вела боевые действия по уничтожению группировки немцев из остатков 260-й и 110-й пехотных и 25-й моторизованной дивизий, а также специальных и охранных подразделений с 40–50 танками, полуокружённых в районе Круча.

1 июля дивизия форсировала реку Друть. На пути отступления противник взрывает мосты, разрушает и сжигает населённые пункты и свою военную технику²⁰.

2 июля дивизия переправляется через Березину. Командующий армией приказал каждой дивизии выбросить на пути отхода противника мелкие радиофицированные разведпартии с задачей доносить о направлениях отхода противника и районах скопления его живой силы и техники, а мелкими диверсионными группами осуществлять нападения из засад²¹.

Получена задача параллельным преследованием противника по указанным ранее маршрутам выдвинуться на рубеж Волма и ударом в южном и юго-западном направлении окружить и уничтожить противника в районе Лозовый куст, Червонный берег, Синяя Гира. В связи с этим приказом 3-й стрелковый батальон (командир Филимонов Иван Гаврилович) 252-го стрелкового полка выделен для выброски на автомобильном транспорте в район Пекалин с задачей отрезать пути отхода противника. Батальон был усилен дивизионном противотанковой артиллерии и миномётной ротой под командованием Мартынука А. Д.

Вечером 4 июля колонна автомашин с личным составом, боеприпасами, пушками на прицепах была готова начать движение в тыл противника. В этот момент телефонистка (бывший снайпер) Татьяна Барамзина подбежала к командованию десанта и настойчиво попросила взять её с собой, офицеры согласились и помогли ей забраться в кузов автомобиля.

К утру 5 июля усиленный батальон занял позицию на окраине деревни Шеметово в 4 км к западу от Пекалина. К сожалению, артиллерийская часть из соседнего соединения, обещанная командованием, не смогла вовремя прибыть на позицию, так как приняла бой с другой немецкой колонной.

Батальон, подпустив немцев как можно ближе, по сигналу красной ракеты открыл уничтожающий огонь из всех видов оружия. От неожиданности в плотной колонне противника началась паника, немцы отступили, оставив на поле боя убитых, раненых, горящую технику. Примерно через час немцы перегруппировались, выдвинули на огневые позиции самоходные установки, артиллерию, крупнокалиберные пулемёты, миномёты. Начался массированный обстрел нашей обороны. Через некоторое время стали кончатся боеприпасы у наших стрелков и артиллеристов. Был дан приказ на отход. Татьяна Барамзина приняла решение остаться в землянке с ранеными солдатами, которые не могли передвигаться или были без сознания. Она отстреливалась, пока не кончились патроны. Тяжелораненую Татьяну расстреляли немцы. За этот подвиг ей было присвоено звание Героя Советского Союза²².

6 июля дивизия сосредоточилась на восточной окраине Минска, в районе Цна Хмаринская, Цна Иодково, Зелёный Луг, заняв круговую оборону. Ежедневно до 9 июля подразделения дивизии участвовали в уничтожении отдельных групп противника.

Военный совет армии рекомендует засылать к сопротивляющимся частям ранее захваченных военнопленных с целью убедить в бессмысленности сопротивления и принудить противника к капитуляции.

Передислокация в Литовскую ССР

Дивизия с 22:00 9 июля совершала марш в направлении на Каунас²³. 13 июля пересекла границу с Литвой, 17-18 июля форсировала Неман, на плацдарме была трижды атакована немцами при поддержке 20 танков. За 18-19 июля уничтожено до 410 солдат противника, подбито 7 танков, 5 самоходных орудий, 3 бронетранспортёра, 5 артиллерийских орудий, 2 миномёта, 8 автомашин²⁴.

Для подвоза лесоматериалов на постройку моста через реку Неман от каждого стрелкового полка выделено по 5 парных повозок на одни сутки.

24 июля прибыло пополнение 700 человек и 450 человек штрафников²⁵.

После пополнения численный состав 68-го стрелкового полка составил 916 человек, в том числе 137 офицеров, 163 сержанта и 616 рядовых.

25 июля командиром 70-й СД назначен Красновский Серафим Андрианович²⁶.

Приняв активное участие в освобождении Вильнюса (освобождён 13.07.1944 года) и Каунаса (01.08.1944 года), дивизия в составе 33-й армии продолжала наступление в западном направлении. В начале августа дивизия приблизилась к границам Восточной Пруссии. В боевых донесениях тех дней отмечался особенно упорный характер наступательных боёв. Так, 7 августа 1944 года 329-й стрелковый полк подвергся контратаке немцев в 4:00 утра, в 5 часов враг предпринял вторую контратаку при поддержке 3 танков, в 7 утра – третья контратака силой до 200 солдат пехоты, 13 танков и самоходных орудий, поддерживаемых сильным артиллерийско-миномётным огнём. Потери в 329 стрелковом полку: убито 17 человек, в том числе командир 2-го стрелкового батальона, ранено 56 человек, в том числе командиры 1-го и 3-го стрелковых батальонов.

252-й стрелковый полк контратакован в 7:30 утра при поддержке 4 танков, в 8:40 – повторная контратака при поддержке 8 танков. Убито 5 человек, ранено 17.

Подразделения 68-го стрелкового полка в течение суток вели наступление на противника, отражая с 4:00 утра неоднократные его контратаки, ведя рукопашные бои. Потери личного состава – до 130 человек, вышли из строя все командиры батальонов и большинство офицерского состава стрелковых рот.

К исходу дня все контратаки противника были отбиты, уничтожено до 450 солдат и офицеров, 3 танка, 3 самоходных орудия, 8 автомашин, подавлен огонь 2 миномётных батарей и 7 пулемётных точек противника.

К концу августа командование принимает решение на этом направлении перейти к обороне и дивизию передислоцируют в Латвию для участия в Рижской (освобождена 13.10.1944 года) наступательной операции. 14.09.1944 года дивизия переправилась через реку Лиелупе и с ходу атаковала немецкие части. Противник отчаянно сопротивлялся. Так, 21.09.1944 года немецкая пехота при поддержке танков произвела 9 контратак, зачастую переходивших в рукопашные схватки. 68-й стрелковый полк после одной недели боёв имел в своём составе стрелков – 26 человек, миномётчиков – 30 человек, артиллеристов – 40 человек.

В полевые кассы Государственного банка СССР регулярно сдавалась трофейная иностранная валюта и золотые изделия. С 10 по 27.08.1944 года сдано 15,9 млн дойчмарок, 330 карбованцев, 420 французских франков, 2 052 польских злотых, 4 норвежские кроны, 324 венгерских форинта, 1500 румынских лей, 12 греческих драхм и 45 золотых монет.

Далее дивизия стремительным маршем снова переброшена в Литву на штурм Мемеля (ныне г. Клайпеда). При наступлении на город дивизия преодолела 9 линий траншей, 4 ряда проволочных заграждений и сплошные минные поля. К двум часам 28.01.1945 года передовой отряд 329-го стрелкового

полка ворвался на окраину Мемеля, а к трём часам части дивизии полностью овладели юго-восточной частью города до реки Дане, вышли на побережье залива. Противник, оказывая сопротивление, отходил по льду залива на Куршскую косу, откуда производил сильный артиллерийско-миномётный обстрел боевых порядков дивизии. Уничтожено до 180 немецких солдат и офицеров, подавлен огонь пяти пулемётов и двух орудий, подбито четыре танка и самоходки. Взято трофеев: орудий разных калибров – 30, пулемётов – 50, один четырёхмоторный самолёт “фокке-вуйф-200”, винтовок свыше 200, вагонов до 1000, один повреждённый морской транспорт, два склада с продовольствием и военным имуществом.

С 30.01.1945 года, согласно боевому распоряжению, дивизия занимает оборону по побережью Куршского залива, несёт боевую службу, ведёт наблюдение за противником, оборудует огневые точки и огневые позиции для артиллерии²⁷.

Командование принимает меры по укреплению дисциплины в войсках, пресекает факты грабежей мирного населения, случаи пьянок. За развал дисциплины арестован и предан суду военного трибунала начальник разведки дивизии подполковник Стефановский Н. Н. и ряд его подчинённых.

Штурм Кёнигсберга, передислокация в Польшу

26.03.1945 года дивизия получила боевую задачу прорвать глубоко эшелонированную полосу Кёнигсбергского укрепрайона в границах: справа – Транквитц, Гросс-Фридрихсберг, Прегель, слева – Сар, пруд Филипс, вдоль канала Ланд-Грабен, Вильки. Началась усиленная подготовка штурмовых отрядов и групп, тщательно изучался передний край противника. 05.04.1945 года дивизия двумя стрелковыми ротами разведкой боем заняла первую немецкую траншею и достигла канала Ланд-Грабен. С рассветом 06.04.1945 года дивизия атаковала Гросс-Фридрихсберг, Вильки, форсировала канал Ланд-Грабен. Вскоре были перерезаны железная и шоссейная дороги Кёнигсберг – Фишхаузен. Штурмовая группа в составе пятой стрелковой роты с двумя 76-мм орудиями и батареей 120-мм миномётов захватила форт № 5а “Лендорф”, взяв в плен 40 солдат и 3 офицеров²⁸.

Успешно завершив взятие Кёнигсберга, дивизия участвовала в Земландской наступательной операции, которая стала последней операцией для дивизии. В один из дней было взято в плен около 5 000 немцев.

25.04.1945 года дивизия, совершив семь суточных переходов общей протяжённостью 310 км, была переброшена на территорию Польши в район города Гдыня для охраны побережья Померании. Здесь был встречен долгожданный День Победы. Постепенно части дивизии переводились в места постоянной дислокации в район города Лауэнберг²⁹.

Для командира дивизии Красновского С. А. война окончится нескоро: он отбыл на Дальний Восток, где принял командование 371-й стрелковой дивизией и участвовал в войне с Японией³⁰.

В январе 1947 года 70-я стрелковая Верхнеднепровская ордена Суворова II степени дивизия была расформирована.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. М.: Воениздат, 2011. С. 136, 137.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 7.

⁷ Там же. Л. 17.

⁸ Там же. Л. 23.

⁹ Красноармейская газета “В атаку”, 1943. №187. 12 декабря. Л. 1.

- ¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 11. Д. 66. Л. 149–152.
- ¹¹ Там же. Л. 29–31.
- ¹² Там же. Л. 49.
- ¹³ Там же. Л. 44.
- ¹⁴ Там же. Л. 56.
- ¹⁵ Там же. Л. 99.
- ¹⁶ Там же. Л. 102–107.
- ¹⁷ Там же. Л. 107–108.
- ¹⁸ Там же. Л. 1081–09.
- ¹⁹ Там же. Л. 110–112.
- ²⁰ Там же. Л. 113.
- ²¹ Там же. Л. 114.
- ²² Там же. Л. 118.
- ²³ Там же. Л. 122.
- ²⁴ Там же. Л. 124.
- ²⁵ Там же. Л. 131.
- ²⁶ Великая Отечественная. Комдивы. Военный биографический словарь. Т. 4. / Под ред. В. П. Горемыкина. М.: Кучково поле, 2015. С. 421.
- ²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
- ²⁸ Там же. Ф. 983. Оп. 1. Д. 227. Л. 110–115.
- ²⁹ Там же. Л. 121–122.
- ³⁰ Великая Отечественная. Комдивы. Указ. изд. С. 421.

ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

*ректор Московского гуманитарного университета,
доктор философских наук,
академик Российской Академии военных наук*

Я РОДОМ ИЗ БЛОКАДЫ

(три антимифа о битве за Ленинград и блокаде)

Вступление

Известно, что миф – это древнейшее сказание народов об их происхождении и истории, о богах, явлениях природы и легендарных героях, в переносном смысле – вымысел.

В наши дни древние мифы воспринимаются снисходительно, как наивные сказки. Но – помнятся! Удивительная особенность мифа – его устойчивость, долгая живучесть. Как отрубленная голова Орфея, мифы многие столетия “поют” и, проникая в человеческие умы и сердца, влияют на мышление, образ жизни и подведение не только отдельных личностей, но целых народностей и наций.

Нередко миф – не безобидная и увлекательная сказка, а великий враг истины. Ибо, в отличие от достоверных и полных сведений о тех или иных событиях прошлого, он выдумывается и создаётся впоследствии на слухах и малой частице правды, а порой представляет собой чистый вымысел. Миф – это способ идеологически зашоренных “историков” обрести известность.

Миф – это холодное боевое оружие политиков, с помощью которого без бомбёжек и артобстрелов разрушается и завоёвывается национальное сознание народов, а с ним и все их географические пространства со всеми наземными и подземными богатствами.

История всегда была политизированной наукой. Широко известен афоризм: “История – это политика, опрокинутая в прошлое”.

Сегодня, в год 75-летия Великой Победы, история Великой Победы, история Великой Отечественной войны превратилась в настоящее поле исторической битвы, в которой с бешеной злостью участвуют бывшие союзники СССР – США и Великобритания, некоторые социалистические страны Восточной Европы и даже бывшие республики СССР – Украина, Грузия, Латвия, Литва и Эстония.

И конечно же, русофобы самой России.

О неизвестных событиях Великой Отечественной войны “историки” этого ряда создали уже свою мифологию – испытанное оружие “холодной войны”.

Сколько “историков”, “философов”, “социологов” и прочих лжеучёных воюют на фронтах мифологии об Октябрьской революции, СССР, Великой Отечественной войне, о Ленине и Сталине, вряд ли кому-нибудь ведомо. Многие мифы сочинены людьми способными, отдавшими свой талант этой неблагородной работе. Поэтому и разрушить их совсем не легко, даже людям, посвящённым в тайны прошлого. Тут нужны не просто “железные”, а стальные факты...

В мифологии о Великой Отечественной войне есть несколько мифов о битве за Ленинград и ленинградской блокаде. Эта история особо близка мне: я родом не из детства – из блокады...

Миф первый: “Сталин прямо приказывал сдать Ленинград”

В 2012 году Л. Лурье и Л. Маляров писали: “Ленинградское руководство, как и их шефы в Москве, “проспали” наступление немцев, довели город до блокады. Сталин прямо приказывал командованию Ленинградского фронта сдавать Ленинград. . .”¹

Однако никаких ссылок на такой “приказ” авторы не давали. И не смогли бы сделать это, потому что такого “приказа” не существует.

Между тем, ещё в 2004 году, то есть за 8 лет до рождения мифа “Сталин прямо приказывал сдавать Ленинград” была опубликована книга “Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов” объёмом в 766 страниц². В этой книге публикуется 472 документа, разработанных в Ставке ВГК в период с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944 года. За подписью И. В. Сталина числится около 180 документов; из 111 директив на 44 стоит личная подпись Сталина. Ниже мы обратимся к этим документам. . .

. . . Гитлеровская стратегия “молниеносной войны” (“блицкриг”) строилась из расчёта завершить поход за пять-шесть недель и имела три главных направления вторжения немецких войск в Советский Союз: Ленинградское (группа армий “Север”), Московское (группа армий “Центр”) и Киевское (группа армий “Юг”).

Группа армий “Север” под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба была развёрнута в Восточной Пруссии на фронте от Клайпеды до Голдапа. В неё входили 16-я и 18-я армии, 4-я танковая группа – всего 29 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных. Им ставилась задача разгромить советские войска в Прибалтике и в дальнейшем захватить Ленинград и Кронштадт.

Наступление группы армий “Север” поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 1070 боевых самолётов. Этой группе войск при захвате Ленинграда содействовали две финские армии, включавшие 15 пехотных дивизий и 3 бригады. Действия финских войск поддерживали 400 самолётов 5-го немецкого воздушного флота и 500 самолётов финских военно-воздушных сил. Кроме того, группу армий “Север” при наступлении на Ленинград должна была поддерживать самая мощная группа армий “Центр”³.

В директиве № 21 от 18 декабря 1940 года “План Барбаросса” говорилось: “Таким образом, должна быть создана предпосылка для поворота крупных подвижных сил на север с тем, чтобы во взаимодействии с группой армий “Север”, наступающей из Восточной Пруссии в направлении Ленинграда, уничтожить войска противника, действующие в Прибалтике. Лишь после выполнения этой важнейшей задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим военно-индустриальным центром и узлом коммуникаций – Москвой”⁴.

Но к всеобщему удивлению генералитета, Гитлер, словно забыв о прежних планах, повернул главные силы своих войск на юг и в центр. В середине июля советским армиям был нанесён громадный урон: уничтожены 28 дивизий, а 70 лишились половины своего состава и техники.

Над СССР нависла огромная опасность.

Фельдмаршал Гальдер записал в своём дневнике 3 июля: “. . . кампания против России выиграна в течение 14-ти дней. . .”⁵.

Но он ошибался. Война ещё только начиналась. За все предшествующие годы сражений в Европе и Африке фашисты никогда ещё не сталкивались с таким яростным сопротивлением и мужеством, как на советской земле. Потери немецких войск были весьма ощутимы. Близилась осень, а там и зима. . .

И тут Гитлер вернулся к своей изначальной стратегии, стал вновь упорствовать, “что на первом месте по важности стоит Ленинград, на втором месте – Юг и лишь на третьем месте – Москва”⁶. Фельдмаршал Йодль в оперативной сводке от 10 августа 1941 года пытался убедить Гитлера в ошибочности его мнения, но бесполезно⁷.

Некоторые генералы вермахта также считали, что сначала всё-таки надо взять Москву, но это вызывало у фюрера гнев, изо дня в день он повторял одну и ту же мысль: “Сначала – Ленинград, потом – Москва”.

Вот несколько выдержек из дневника Верховного главнокомандования вермахта.

30 июня 1941 года: “Фюрер по-прежнему намерен *вернуть* крупные танковые группировки, действующие на фронте *группы армий “Центр”*, на север, на Ленинград... Затем танковые соединения должны наступать из района Ленинграда *в направлении Москвы*”⁸.

17 июля 1941 года: “... Фюрер снова вернулся к мысли, не дожидаясь дальнейшего продвижения на Москву, выдвинуть крупные танковые силы группы армий “Центр” (3-я танковая группа) в северо-восточном направлении... *Окружить Ленинград*”⁹.

12 августа 1941 года. Дополнение к Директиве ОКВ № 34: “До начала наступления на московском направлении следует завершить операции против Ленинграда...”¹⁰.

15 августа 1941 года:

“1. Группе армий “Центр”: *...наступление на Москву приостановить...*

2. Наступление группы армий “Север” должно в ближайшее время привести к успеху. *Только после этого можно будет думать о возобновлении наступления на Москву...*”¹¹.

Указание Ставки фюрера от 23 июля 1941 года:

“2. О возобновлении решительного наступления в направлении Москвы... *не может быть речи до начала сентября. Достижения быстрого успеха можно ожидать лишь в том случае, если в наступлении на Москву будут участвовать 2-я и 3-я танковые группы (участвовавшие в наступлении на Ленинград. — И. И.). А это станет возможным лишь в начале сентября*”¹².

Катастрофические последствия падения Ленинграда вполне понимало Верховное главное командование Красной армии: битва за Ленинград оттягивала на себя 20 процентов вражеских сил на Восточном фронте и всю финскую армию. Сдача Ленинграда открывала врагу прямую дорогу с Севера на Москву.

Непосредственное наступление на Ленинград началось 10 июля...

Как же действовали в этой ситуации Ставка Верховного главнокомандования и Верховный главнокомандующий И. В. Сталин?

Первый документ (директива Ставки Верховного главного командования № 91/НГШ Военному совету Северного фронта) о подготовке обороны на подступах к Ленинграду за подписью начальника Генерального штаба Красной армии Г. К. Жукова датирован 2 июля 1941 года, то есть через 9 дней после начала войны. Директива обязывала Военный совет “немедленно занять рубеж обороны на фронте Нарва–Луга–Старая Русса–Боровичи”, создать на этом рубеже “сплошные заграждения и минные поля глубиной 10–15 км”¹³.

5 июля 1941 года: “В целях создания морской обороны города Ленинграда” отдан приказ наркома Военно-морского флота № 00170¹⁴.

22 июля 1941 года Председатель Государственного Комитета Обороны (ГКО) И. Сталин подписал постановление “Об усилении противовоздушной обороны г. Ленинграда”. В этом постановлении количество самолётов-истребителей увеличено с 244 до 540; орудий для ПВО – с 88 до 120; артыстрелов – с 70 тысяч до 120 тысяч; аэростатов – с 253 до 756; прожекторов – с 228 до 324 штук¹⁵.

17 августа 1941 года Ставка Верховного главнокомандования (ВГК) за подписью Сталина отправила Военному совету Северо-Западного фронта Директиву о мерах по предотвращению окружения Ленинграда¹⁶.

23-го и 24 августа за подписью Сталина направлены ещё две директивы об обороне г. Ленинграда¹⁷.

26 августа Сталин направил в Ленинград Комиссию: В. М. Молотова (зам. председателя ГКО), Г. М. Маленкова (член ГКО), А. Н. Косыгина (зам. председателя Совнаркома СССР), Н. Н. Воронова (начальник артиллерии Красной армии), П. Ф. Жихарева (командующий ВВС Красной армии), Н. Г. Кузнецова (нарком ВМФ). В мандате этой комиссии было сказано, что названные лица уполномочиваются ГКО для рассмотрения и решения совместно с Военным советом ГК Северо-Западного направления и с Военным советом Ленинградского фронта всех вопросов обороны Ленинграда и эвакуации предприятий и населения Ленинграда¹⁸.

В результате работы комиссии Главное командование Северо-Западного направления было расформировано, маршал Ворошилов был назначен

командующим Ленинградским фронтом с непосредственным подчинением Ставке ВГК, то есть лично Сталину¹⁹.

После того как немцы 29 августа захватили г. Тосно, Сталин направил Ворошилову и Жданову телеграмму, в которой в резкой форме выразил своё недовольство командованием Ленинградским фронтом. «Только что сообщили, — писал Сталин, — что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Они заняты исканием новых рубежей отступления и в этом видят свою задачу»²⁰.

Может, эту телеграмму Сталина мифотворцы считают его приказом сдать Ленинград? На мой взгляд, в ней нет и намёка на это. Я вижу в словах Сталина гнев и угрозу в адрес Ворошилова, который вскоре был освобождён от должности командующего Ленинградским фронтом.

В первом томе книги «Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов», начиная с 22 июля, кроме директив Сталина как Верховного главнокомандующего, содержится одиннадцать записей его переговоров по прямому проводу с командующими войсками и членами Военного совета Ленинградского фронта. В этих переговорах Сталин спрашивает, советует, указывает, обязывает, критикует, требует, приказывает, обещает помощь новыми дивизиями, полками, батальонами; танками, самолётами, автоматами, пулемётами, снарядами, патронами и всем, что необходимо для фронта, информирует о том, что уже исполнено или вскоре поступит на фронт.

Вот выдержка из записи переговоров Сталина с командующим войсками Ленинградского фронта генерал-лейтенантом Поповым 26 августа 1941 года:

«СТАЛИН. Бронетанковую продукцию ваших (Ленинградских. — И. И.) заводов — трёхдневную порцию — мы уже передали вам. Можете взять ещё 3-х- или 4-дневную порцию. Хватит ли?.. Количество маршевых батальонов увеличим, но не могу сказать сейчас, на сколько. Количество автоматов тоже увеличим. Дивизий Клыкова передать не можем, они совершенно сырые, несколоченные, и было бы преступно бросать их на фронт... Недели через две, пожалуй, сумеем две сколоченные дивизии передать вам. Если бы ваши люди... недели две назад потребовали бы от нас 2-3 дивизии, сейчас они были бы готовы для вас... Я обязываю вас навести порядок в 48-й армии, особенно же в той дивизии, командир которой вчера трусливо отскочил с района Любани чёрт знает куда. Обязываю вас, чтобы Московское шоссе было минировано и чтобы по всему району севернее Любани была пущена в ход система минных заграждений. Обязываю далее, чтобы основные силы авиации были использованы не для действий по тылам врага, а на помощь войскам. Считаю нужным, чтобы вы сосредоточили максимум авиации, особенно же штурмовиков, в районе Любани, на помощь нашим войскам. Требую, чтобы любой ценой и какими угодно средствами район Любань — Чудово был очищен от врага. Возлагаю на вас лично ответственность за это дело... Я только что получил сведения, что, кроме 18 маршевых батальонов, уже прибывших к вам начиная с 15 августа, ещё получите в ближайшие дни 43 батальона. Если этого мало, мы можем добавить ещё 10 батальонов. Все батальоны вооружены. Я только что получил сведения, что полк штурмовиков уже прибыл к вам в район левее Тихвина, как просили ваши люди. Остальные три полка будут у вас завтра, они сейчас в Бологом. Полк пикировщиков можем послать вам на днях»²¹.

На мой взгляд, как стратег Сталин рассматривал различные варианты исхода битвы за Ленинград, в том числе и его потерю. Особенно в первые месяцы войны, когда Красная армия отступала с тяжёлыми потерями, теряя города и села.

О том, что такая мысль присутствовала в голове Сталина, свидетельствует запись его переговоров по прямому проводу с командующим 54-й армией маршалом Куликом 20 сентября 1941 года.

Из разговора понятно, что Сталин хочет включить 54-ю армию в состав Ленинградского фронта, то есть подчинить маршала Кулика генералу армии Жукову, которого Кулик уже один раз подвёл в задуманной Жуковым операции. Судя по тексту разговора со Сталиным, Кулик не хочет идти в подчинение Жукову, ищет отговорки.

Сталин раздражён. Вот фрагмент из их переговоров:

“СТАЛИН. Какая вам рекогносцировка нужна? Вам надо все силы направить на разгром противника в районе Мги и дальше.

КУЛИК. ... Хочу найти фланг противника, чтобы [его] не терять.

СТАЛИН. В поисках флангов вы можете упустить время, а за этот период немцы могут взять Ленинград, и тогда никому не нужна ваша помощь. В эти два дня, 21 и 22, надо пробить брешь во фронте противника и соединиться с ленинградцами, а потом уже будет поздно. Вы очень запоздали. Надо наверстать потерянное время. В противном случае, если вы ещё будете запаздывать, немцы успеют превратить каждую деревню в крепость, и вам никогда уже не придётся соединиться с ленинградцами.

КУЛИК. Я имел в виду перейти в наступление после прихода новых дивизий, так как существующие силы оказались недостаточными.

СТАЛИН. Новые дивизии и бригада даются вам не для взятия станции Мга, а для развития успеха после взятия станции Мга. Наличных сил вполне достаточно, чтобы станцию Мга взять не один раз, а дважды...

... Как видно, вы даёте передышку побитому противнику. Этим вы укрепляете противника и затрудняете для ближайшего времени своё продвижение вперёд. Это очень плохо. Давайте поскорее ваш план дальнейшего наступления с обозначением сроков продвижения... ”²²

Как видим, ни о какой сдаче Ленинграда Сталин не говорит, напротив, повелительно требует не допустить этого, приказывает наступать.

8 сентября гитлеровцы взяли Шлиссельбург и тем самым полностью блокировали Ленинград на суше, прижав его к Ладожскому озеру.

В те же дни финская армия, преодолев советско-финляндскую границу 1939 года и продвинувшись далее ещё на 20 км, остановилась в 30 км от Ленинграда (по реке Сестре), блокировав город с севера. Тем самым германские и финские войска полностью замкнули кольцо блокады Ленинграда.

Вопрос о падении Ленинграда для генерал-фельдмаршала фон Лееба, командовавшего группой армий “Север”, казался решённым. В этом был убеждён и Гитлер, благоволивший к Леебу. Ещё 21 июля Гитлер прилетал в штаб-квартиру Лееба, чтобы лично разобраться с обстановкой войск на Лужском рубеже²³. 30 июля 1941 года фюрер издал директиву №34, в которой, отдав приказ о переходе к обороне войскам группы армий “Центр”, наступающим на Москву, потребовал продолжать наступление на Ленинград.

Уверенность фашистов в быстром захвате Ленинграда была столь велика, что был даже намечен день банкета в гостинице “Астория”, назначен комендант города и отпечатаны специальные пропуска на автомашины для въезда в город. Гитлер прислал в штаб Лееба офицера, обязанного немедленно доложить ему о вступлении войск в Ленинград... ”²⁴

Но ничего не выходило. Тогда задержку со взятием Ленинграда Гитлер стал объяснять немцам варварски просто: “Петербург мы не штурмуем сейчас. Он сожрёт себя сам”²⁵.

Как же действовал в этой ситуации Сталин? 9 сентября он вызвал в Кремль генерала армии Жукова из-под Ельни, где под его командованием советские войска одержали первую крупную победу над немцами...

Историю своего назначения командующим Ленинградским фронтом Г. К. Жуков рассказывает в первом томе книги “Воспоминания и размышления”. Он пишет: “Верховный Главнокомандующий внимательно рассматривал карту обстановки под Ленинградом... Наконец, оторвался от карты и, обращаясь ко мне, сказал:

— Мы ещё раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссельбург, 8 сентября разбомбил Бадаевские продовольственные склады. Погибли большие запасы продовольствия. С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население оказалось в тяжёлом положении. Финские войска наступают с Севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий “Север”, усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга...

После некоторых отвлечений Сталин вдруг без всякого перехода сказал:

— Вам придётся лететь в Ленинград и принять от Ворошилова командование фронтом и Балтфлотом.

Я ответил, что готов выполнить это задание.

Затем Верховный молча взял со стола блокнот и размашистым твёрдым почерком что-то написал. Сложив листок, он подал его мне.

– Лично вручите товарищу Ворошилову эту записку.

В записке значилось: “Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву”²⁶.

11 сентября на Центральном аэродроме, перед тем как садиться в самолёт, Жуков сказал генералам, которых он отобрал для работы на Ленинградском фронте: “Сталин сказал мне: либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у вас нет”²⁷.

Когда Жуков вошёл в кабинет маршала в Смольном, шло заседание Военного совета фронта.

Жуков сообщил, что назначен командующим Ленинградским фронтом и Балтийским флотом²⁸, предложил закрыть совещание Военного совета и принять все меры для того, чтобы отстоять город. Закончил словами:

– Будем защищать Ленинград до последнего человека!²⁹

Повторю слова Сталина, которые Жуков передал своим генералам, отправляясь на Ленинградский фронт: “...Либо отстоите город, либо погибнете там вместе с армией, третьего пути у вас нет”.

Понимал ли Сталин, какую задачу он ставил Жукову? Безусловно. Он говорил о победе любой ценой. Это был приказ всем войскам, защищавшим Ленинград, всем его жителям, находившимся в блокаде.

Назначение Жукова командующим Ленинградским фронтом в самый решающий момент – с первых дней блокады – не было случайным. Сталин знал, что Жуков – жестокий, но талантливый военачальник, способный находить выходы из самых “безвыходных” положений.

Прошло меньше месяца (25 дней), как Жуков принял командование Ленинградским фронтом, но к началу октября руководимые им войска уже выполнили главную задачу – непосредственная опасность захвата Ленинграда была ликвидирована.

Как сумел Жуков добиться этого? Ведь в единоборство с фон Леебом Жуков вступал в неравных условиях, с неравными силами.

Лееб имел в распоряжении достаточное количество войск, воодушевлённых предшествующими победами, поддерживался с тыла хорошо организованным снабжением.

А у Жукова – истекающие кровью остатки воинских соединений, которые с момента нападения гитлеровцев 10 июля вели с ними непрерывные бои, не имели в своём распоряжении достаточного количества боеприпасов, всего необходимого для обороны, тем более – для наступления. За спиной – трагический тыл: горящий город, гибнущие в нём женщины и дети.

И тогда Жуков решился отдать свой страшный, но в тот момент единственно спасительный приказ... Вот его текст.

“ПРИКАЗ

Командующего войсками Ленинградского фронта № 0064

об ответственности за несанкционированное оставление занимаемых рубежей.

17 сентября 1941 года

1. Учитывая особо важное значение в обороне южной части Ленинграда рубежа Лигово–Кискино–Верх–Койрово, Пулковских высот, района Московская Славянка, Шушары, Колпино, Военный совет Ленинградского фронта приказывает объявить всему командному, политическому и рядовому составу, обороняющему указанный рубеж, что за оставление без письменного приказа Военного совета фронта и армии указанного рубежа все командиры, политработники и бойцы подлежат немедленному расстрелу.

2. Настоящий приказ командному и политическому составу объявить под расписку. Рядовому составу широко разъяснить.

3. Исполнение приказа донести шифром к 12:00 18.9.41.

Командующий войсками ЛФ генерал армии ЖУКОВ; Члены Военного совета фронта: секретарь ЦК ВКП(б) ЖДАНОВ; дивизионный комиссар КУЗНЕЦОВ; начальник штаба ЛФ генерал-лейтенант ХОЗИН³⁰.

Жуков заставлял свои войска удерживать каждый метр ленинградской земли, укреплял оборону и наносил генерал-фельдмаршалу Леебу фланговые удары, где у немцев, казалось, намечался успех.

Между тем, ещё к началу сентября 1941 года Гитлер, заявивший в начале войны, что немецкие войска будут в Ленинграде через три недели, понял, что

это не удалось, и надо сосредоточиться на главной цели операции “Барбаросса” — наступлении на Москву. Для этого необходимо было создать мощный кулак из трёх танковых групп: 2-я и 3-я — от группы армий “Центр” и части сил 4-й — от группы армий “Север”.

Поскольку начало операции “Тайфун” намечалось на середину сентября 1941 года, то у фон Лееба в распоряжении было недели две, а то и менее, чтобы танковым клином проломить оборону ленинградцев и штурмом овладеть городом.

Между войсками фон Лееба и Жукова завязались упорные и кровопролитные бои.

Вот выдержки из книги Ю. Лебедева “По обе стороны блокадного кольца”³¹, в которой содержатся некоторые оценки изменений в положении немецких войск после фактического вступления Жукова в должность командующего Ленинградским фронтом.

Уже 9 сентября командующий группой армий “Север” генерал-фельдмаршал фон Лееб записывает в дневнике: “...Противник предпринимает попытки выйти в тыл войскам, блокировавшим Неву. Большими силами он атакует 12-ю танковую дивизию у железнодорожной линии Волховстрой—Мга и превосходящими силами — 18-ю пехотную дивизию на Волхове. В ходе сегодняшнего наступления 4-й танковой группы и 38-го корпуса возникли тяжёлые бои. По всему видно, что противник имеет чёткое намерение удерживать всеми силами внешний пояс обороны...”³².

Именно с 9 сентября начался наиболее кризисный этап боёв за Ленинград. Несмотря на приказ Гитлера не брать город, командование группой армий “Север” всё делало для того, чтобы создать благоприятную ситуацию для изменения этого решения. Если бы не кардинальные, даже жестокие меры, принятые Г. К. Жуковым, исход боёв мог бы быть другим³³.

Оценки, которые последовательно даёт Лееб положению дел в своих войсках и их действиях, подтверждают это.

10 сентября 1941 года: “Отказ от наступления 28-го корпуса”; “нехватка боеприпасов”; “50-й корпус притормозил перед Красногвардейском”³⁴.

11 сентября 1941 года: “Ответи назад 4-ю танковую группу, заменив её пехотой, равносильно проигранному сражению”³⁵.

14 сентября 1941 года Лееб побывал в расположении 4-й танковой группы. Там узнал от начальника штаба, что, “в отличие от предыдущих оценок о том, что между 41-м корпусом и Ленинградом противника почти нет, на самом деле Пулковские высоты представляют собой укрепленный район обороны, плотно занятый войсками противника. Дальнейшее наступление 41-го корпуса через Пулково до ближнего рубежа окружения, как было приказано вчера, должно было бы привести к сильным потерям”³⁶.

17 сентября немецкие части вышли к Финскому заливу, отрезав 8-ю советскую армию от Ленинграда в районе Ораниенбаума, где образовался небольшой плацдарм. 18 сентября немцы захватили Пушкин, но дальше продвигаться не смогли. Жуков остановил их во многих местах, в частности, у подножия Пулковских высот, с высоты которых просматривался город.

20 сентября 1941 года: “Критический район — это зона ответственности 39-го корпуса.

В 17:00 у меня был разговор с генерал-полковником фон Кюхлером. Он подчёркивает, что в боях под Ленинградом пехота уже очень измотана. Командир 28-го корпуса заявляет, что он не в состоянии продолжать наступление. Он жалуется на большой урон от огня тяжёлой артиллерии русских боевых кораблей, которые ежедневно выводят из строя около сотни солдат. Из-за этого резко сокращается численность боевого состава”³⁷.

22 сентября 1941 года: “...Дальнейшее наступление в районе Кронштадтской бухты приведёт к затяжным и, видимо, действительно кровопролитным боям. Это имеет гораздо большее значение, чем уже наблюдающийся очень крупный некомплект личного состава в нескольких дивизиях. А замены им ожидать не приходится”³⁸.

23 сентября 1941 года: “...39-й корпус вновь не имел успеха в продвижении”³⁹.

24 сентября 1941 года: “Напряжённая ситуация в полосе 39-го армейского корпуса приобрела кризисный характер. 8-я танковая дивизия сегодня вновь несколько раз подвергалась сильным атакам и вынуждена была отойти

за речку Чёрная. 39-й армейский корпус перешёл к обороне, наступление прекращено.

Общая обстановка складывается следующим образом: ... атаки противника направлены, в первую очередь, против 39-го корпуса с тем, чтобы вывести Ленинград из осады...

В группе армий "Север" резервов больше нет. Мы можем опираться только на наличные силы. Позднее ускоренным порядком будет выведена из Кронштадтской группировки одна из дивизий, которая совершит марш в направлении 39-го корпуса. Это создаёт предпосылки к тому, что как кронштадтская, так и ленинградская группировки, в конечном итоге, перейдут к обороне"⁴⁰.

25 сентября 1941 года генерал-фельдмаршал Лееб сделал в своём дневнике такую запись: "День 24.9 был для ОКВ⁴¹ в высшей степени критическим днём. Причиной этому была неудача наступления 16-й армии у Ладожского озера, где наши войска встретили серьёзное контрнаступление противника, в ходе которого 8-я танковая дивизия была отброшена и сужен занимаемый участок на восточном берегу Невы".

В тот же день фон Лееб проинформировал командование сухопутных сил вермахта, что из-за высоких потерь наступать больше не может. Это означало, что подчинённые фельдмаршалу войска не только не выполнили свою задачу, но не смогли помочь и стратегической операции "Тайфун".

Из-за этого контрудара, организованного Жуковым, Гитлер закатил в Верховном командовании сухопутных войск невероятную истерику. И как ему было не взбеситься, если вместо взятия Ленинграда его войска отброшены? А он уже включил их в расчёт для наступления на Москву. Жуков ломал планы фюрера, ставил под угрозу срыва главную операцию: захват Москвы, а затем и всей территории СССР.

Гитлер считал, что с Ленинградом он разделается в кратчайшие сроки. И потому ещё за два дня до того, как Ленинград был блокирован на суше 8 сентября, двумя днями раньше – 6 сентября – фюрер подписал директиву № 35 под кодовым названием "Тайфун" по захвату Москвы. Эта операция должна была завершиться до начала осенней распутицы и тем более – зимних снегопадов и морозов...

Вскоре начальник разведотдела Ленинградского фронта доложил Жукову о перемещениях в расположении противника. Но на этот раз мотопехота перебрасывалась не в пределах фронта, а от Ленинграда на Псков. Кроме того, противник грузил танки на платформы и тоже отправлял их куда-то...

Гитлер был вынужден снять часть танковых и моторизованных сил из-под Ленинграда, из группы армий "Север". Эти передвижения и заметила разведка Жукова...

Однако основная часть группы армий "Север", вся финская армия и испанская "Голубая дивизия", которые были так нужны Гитлеру под Москвой, оставались под Ленинградом, блокировали его.

Гитлер, возглавлявший так много надежд на быстрый захват Ленинграда, не простил Леебу эту неудачу и в январе 1942 года принял его отставку.

В одном из документов вермахта от 29 сентября 1941 года говорилось: "... Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для дальнейшего существования этого большого населённого пункта. Финляндия точно так же заявила о своей незаинтересованности в дальнейшем существовании города непосредственно у её новой границы.

Предложено тесно блокировать город и путём обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбёжки с воздуха сравнять его с землёй. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты..."⁴².

5 октября 1941 года Жукова вызвал к аппарату Сталин:

— Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки на левом крыле Резервного фронта, в районе Юхнова, Ставка хотела бы с вами посоветоваться...

Этот срочный вызов Жукова в Москву некоторые отечественные фальсификаторы пытаются представить как его провал в командовании войсками Ленинградского фронта, представляя при этом командующего 54-й армией маршала Кулика как "спасителя Ленинграда"⁴³.

В обоих случаях они ошибаются либо неведомо зачем лгут, сочиняют новый миф.

В годы войны Сталин бросал Жукова с одного фронта на другой. Там, где был Жуков, там, фигурально выражаясь, был сам Сталин: его ум и память, его стратегический замысел и тактическая изворотливость, его железная воля, жёсткость и жестокость. И там была победа...

... Вот один из примеров. 19 сентября 1941 года сложилась ситуация, когда войска маршала Кулика, находившиеся за спиной у окружавших Ленинград немцев, могли пробить брешь во фронте противника и соединиться с Жуковым. Вполне вероятно, блокада была бы прорвана. Но маршал Кулик опасался неудачи, не решился на удар, попросту говоря, струсил.

20 сентября Сталин отправил Кулику телеграмму, в которой указывал, что тот "очень опоздал", что 21 и 22 надо пробить брешь во фронте противника, а потом уже будет поздно! Кулик не выполнил и этот приказ. И был тут же освобожден от командования 54-й армией. Сталин подчинил её Жукову.

После Жукова за семь месяцев Сталин сменил на Ленинградском фронте ещё пятерых командующих, пока не остановился на Л. А. Говорове, который с июня 1942 года по июнь 1944-го вырос в воинском звании от генерал-лейтенанта до маршала Советского Союза.

И Сталин отозвал Жукова с Ленинградского фронта, поскольку Жуков нужен был Сталину на московском направлении.

При встрече в Москве Сталин сказал Жукову: "Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжёлая обстановка. Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел. А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне оттуда в любое время. Я буду ждать"⁴⁴.

Получив соответствующий мандат, Жуков ночью 7 октября приехал в штаб Западного фронта, где находились будущие маршалы Советского Союза И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Н. А. Булганин. И он разобрался в ситуации, проинформировал Сталина.

... Да, Сталин не сразу обрёл качества Стратега и Полководца. Но, будучи от природы умным, имея феноменальную память, что отмечали многие его соратники, в том числе Жуков, он чрезвычайно быстро учился.

Можно сказать, что в битве за Ленинград Сталин, в конце концов, лично переиграл не только фон Лееба, но и самого Гитлера. Лично. Дело в том, что после снятия фельдмаршала Браухича с поста командующего сухопутными войсками Гитлер взял командование ими на себя и сам руководил боевыми действиями под Ленинградом... Но и у него ничего не получилось.

... Я скептически отношусь как к яростным ненавистникам, так и к оголтелым защитникам Сталина, не берусь ни обелять, ни, тем более, очернять эту крайне сложную, противоречивую, но великую фигуру советской и мировой истории. Своё слово скажет Время. И уже, как видим, говорит...

Миф второй: "Жители Ленинграда требовали сдать город немцам"

В уже упоминавшейся книге Л. Лурье и Л. Малярова "Ленинградский фронт" авторы повествуют: "Мифом является и представление о том, что ленинградцы единодушно любой ценой стремились отстоять город... И наши материалы, и обстоятельное исследование Никиты Ломагина "Неизвестная блокада" демонстрируют другую картину. Понимая, что всех ждёт мучительная и неизбежная смерть, многие надеялись, что немецкая оккупация будет меньшим из зол... Пораженческие настроения, грозившие перерасти в бунт, пошли на убыль, только когда голод притупил все чувства и не оставалось сил на борьбу..."⁴⁵

В феврале 2020 года "историк" Марк Солонин разместил в соцсетях статью, в которой утверждает, что "никакой блокады Ленинграда не было", что "Сталин приказал вывезти из Ленинграда продовольствие и обречь его жителей на голодную смерть". Ссылки на "приказ" Сталина, естественно, нет, потому что такого приказа не было.

А вот поди ж ты: вокруг этого зловонья в сетях разгорелись страсти: на 19 февраля 2020 года – 6,5 тысячи просмотров!..

Поговорим о том, что же на самом деле произошло в Ленинграде с жителями блокированного города и как они вели себя...

Сказать о ленинградской блокаде, что это просто “трагедия”, значит уравнивать единицу с множеством, значит, не сказать о блокаде ничего. Тут нужны целостная, объёмная панорама событий, достоверные факты, обобщающие цифры. Статистика.

Я прочитал о блокаде сотни статей и разного рода научных и художественных книг и понял главное: среди тысяч языков человечества нет того единственного слова, которым можно было бы выразить и определить происшедшее с миллионами людей в блокадном Ленинграде.

В мире не было, нет и не будет человека, ум и воображение которого позволили бы ему охватить запредельный масштаб и безмерный трагизм блокады, будь он дважды Данте или трижды Шекспир. Можно гениально описать ужасы загробного ада. Кто удостоверит подлинность воображаемого?..

Земной ад Ленинградской блокады был чудовищной реальностью, но весь целиком он – невообразим: действительность всегда богаче любой фантазии...

Чтобы ворваться в Ленинград, враг не жалел ни солдат, ни бомб, ни снарядов. Таких жестоких бомбёжек и артобстрелов города, которые пришлось на начальную пору блокады, не было за все её оставшиеся дни...

17 сентября артиллерийский обстрел беспрерывно длился 18 часов 33 минуты.

13 октября на Ленинград было сброшено 12 тысяч зажигательных бомб. В разных концах города полыхали огромные костры.

14 октября воздушная тревога объявлялась десять раз. Это значит, что люди, по сути дела, безвылазно находились в бомбоубежищах целые сутки, и единственной мыслью, которая наверняка свербил мозг каждого, был вопрос: “Пронесёт – не пронесёт?..” Иногда, особенно поначалу, к городу за день прорывались сотни фашистских самолётов...

Зимой сорок первого – сорок второго года в Ленинграде случился немыслимый для этих мест мороз – от минус двадцати до тридцати, а то и сорока градусов по Цельсию. И небывалый снегопад. Холод не щадил никого. Это был самый холодный период блокады.

Иссякли запасы топлива. В жилые дома прекратилась подача электричества. Город погрузился во тьму. Встали трамваи. Ленинградцы замерзали в неотапливаемых квартирах. Спали не раздеваясь, навалив на себя всё, что могло сохранить тепло тела. Многими неделями. Наладили производство “буржук”. Топили мебелью, паркетом, книгами, тряпьем, старой обувью, матрацами – всем, что может гореть. Деревья, кустарники, деревянную обшивку домов, беседки в скверах поглотили “буржуйки”. В январе перестала работать последняя водонапорная станция. Вышла из строя канализация...

Осень 1941-го и зима 1942 года – это самые голодные месяцы из 872 дней блокады. С самого её начала в Ленинграде были введены продовольственные карточки: с повышенными нормами – для работающих, с пониженными – для иждивенцев и детей. Нормы эти день ото дня уменьшались.

Уже в середине сентября из продовольственного рациона исчезли крупа, мясо, масло, жиры. Единственной пищей стал хлеб. 1 октября 1941 года хлебный паёк для работающих снизили до 400 г в день, для иждивенцев и детей – до 200 г. С 20 ноября (5-е снижение) работающие получали по 250 г хлеба в день, все остальные – иждивенцы, в том числе дети, – по 125 г.

Что такое эти 125 граммов? Взвесьте такой кусочек хлеба, положите на стол, разрежьте на три части, – и поймите: это ваш завтрак, обед и ужин. Больше ни-че-го... Но и этот “хлеб” нельзя было назвать настоящим хлебом. Муки в нём была самая малость – около двадцати процентов, остальное – пищевые заменители: целлюлоза, хлопковый и льняной жмых (дуранда), технический альбумин. “Хлеб” этот не имел хлебного запаха и вкуса.

Бывали дни, когда бомбёжки и артобстрелы срывали работу хлебозаводов. Тогда булочные не открывались. Иногда день, два, три... И матери возвращались к детям с пустыми руками.

В Ленинграде разразился дикий голод.

Наука подразделяет голод на три стадии: голод неполный, когда пищи в организм поступает недостаточно по отношению к общему расходу энергии; полный, когда в организм поступает только вода; и голод абсолютный, когда в организм не поступает ни пища, ни вода. Предельным сроком жизни при неполном голоде считается 60–70 суток, при абсолютном – несколько дней.

Зимой сорок первого–сорок второго года житель Ленинграда получал в сутки не более 1300 килокалорий. При таком количестве энергии человек мог прожить около тридцати дней. Гитлеровцы считали, что через несколько месяцев Ленинград вымрет. И Ленинград вымирал. В ту пору из каждой тысячи ленинградцев только от голода умерли четыреста человек. . .

Умирили в квартирах, на улицах, в очередях, на ходу, у станков, умирали поодиночке и целыми семьями.

За 872 дня блокады (в основном за её первую половину) в Ленинграде погибло 632 тысячи человек. Только три процента из них погибли от бомбёжек и артобстрелов; остальные умерли от голода. Эти цифры были названы на Нюрнбергском процессе. Потом они уточнялись в официальных документах в сторону увеличения. В своих “Воспоминаниях и размышлениях” маршал Жуков называет цифру 800 тысяч человек. Исследователи считают её неточной, говорят о миллионе и более погибших.

Почему же в Ленинграде не вымерло всё население? Люди спасались, как могли. Варили “студень” из стolarsкого клея. Разрезали на куски и готовили “бульон” из кожаных сапог и туфель. Вываривали кожаные ремни и жевали их.

Начались цинга и дистрофия – наладили производство пищевых дрожжей из древесины, витамина С из лапок хвой. По весне, когда появилась трава, искали лебеду и крапиву, но этих “деликатесов” было слишком мало, а голодных – слишком много. Другие травы желудок не принимал. . .

Ленинград не вымер и потому, что власти страны и города не потеряли контроля над ситуацией, делали всё возможное, чтобы доставлять продовольствие сражающимся войскам и жителям Ленинграда.

Прежде всего, надо сказать, что никакого вывоза продовольствия из Ленинграда не происходило. Вот данные из текста доклада штаба Ленинградского фронта в штаб тыла Красной армии от 8 декабря о перевозке грузов в Ленинград железнодорожным и автомобильным транспортом, самолётами, на катерах по воде и ледовой “Дороге жизни” через Ладожское озеро⁴⁶.

Какие это грузы? Конечно же, не только продовольствие, но и вооружение, боеприпасы, горюче-смазочные материалы и т. д. В основном это таблицы, наполненные цифрами. Желающие могут найти в интернете книгу “Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов”, где они представлены на страницах 661–672.

В докладе есть раздел “Мероприятия по мобилизации ресурсов продовольствия”.

В этом разделе говорится: “С первого же дня блокады первостепенное значение приобрело выявление всех возможных ресурсов продовольствия и обеспечение их наилучшего использования.

Ещё 29 и 30 августа 1941 года продовольственный отдел интендантского Управления фронта собрал от всех держателей продовольственных фондов сведения о наличии ресурсов продовольствия и фуража и сделал продовольственные подсчёты обеспеченности.

Перед этим Продовольственный отдел принял меры к эвакуации продовольствия из южных районов Ленинградской области, находившихся под угрозой оккупации. Собранные ресурсы были вывезены в Ленинград и сосредоточены на разных складах. Работа эта была закончена к 25 сентября 1941 года⁴⁷.

Вот правда: продовольствие в Ленинград перед угрозой его окружения ввозили, а не вывозили, как лжёт г-н Солонин.

Только хлебных ресурсов выявили и завезли, на первый взгляд, немало. Вот цифры, взятые из таблицы (в тоннах): муки – 20 052; ржи – 1 034; пшеницы – 336,9; овса – 3 547,5; ячменя – 471,5; сои – 3 195,9; солода – 6 279; отрубей – 175,7; жмыха – 1 282,7⁴⁸.

“Значение хлебных примесей в мобилизации внутренних ресурсов было очень велико: в совокупности с уменьшением норм они позволили удлинить снабжение населения и войск хлебом более чем на полтора месяца.

Но даже при всех этих мерах к концу 1941 года хлебные ресурсы были поглощены полностью⁴⁹.

До полной блокады завозились, разумеется, и другие продукты: мясо, концентраты, масло, сахар, яичный порошок, но в гораздо меньших объёмах.

“Таковы были меры, – говорится в докладе, – которые оказалось возможным провести по подвозу снабженческих грузов в период до наступления на Ладожском озере ледостава. Проведение их потребовало большого напряжения и при господстве противника в воздухе было связано с большими опасностями и жертвами.

Всё же, несмотря на приложенные усилия, подвоз грузов водою и по воздуху не мог заметно ослабить лишения населения, вызванные блокадой. Тем более он не мог обеспечить создание каких-либо запасов, достаточных для того, чтобы продержаться до возобновления навигации.

В таких условиях была открыта и начала свою деятельность военно-автомобильная дорога через лёд Ладожского озера⁵⁰.

Менее чем через три месяца после сооружения Ладожской трассы отпуск хлеба населению увеличился: для рабочих и ИТР – в 2 раза, для служащих – в 3,2 раза, для иждивенцев и детей – в 2,4 раза.

Одновременно было улучшено качество и питательность хлеба. В общей выпечке хлеба в течение первого квартала 1942 года хлебные примеси всех видов составили только 1,7% всей ссыпки. Целлюлоза же за этот период составила лишь 0,06% общей ссыпки, так как уже в самом начале 1942 года введение её в хлеб было совершенно прекращено.

В результате ещё до закрытия ледовой трассы население вновь стало получать хлеб нормального качества и питательности.

Были увеличены нормы выдачи и по всем остальным нормируемым продовольственным товарам⁵¹.

Доклад подписали командующий Ленинградским фронтом Хозин, члены Военного совета Ленинградского фронта Жданов и Кузнецов.

А когда 18 января 1943 года блокада (с пятой попытки!) была прорвана, голод в его крайних выражениях практически исчез...

И что ж, это даёт кому-то право сказать, что блокада Ленинграда – это миф?..

Сегодня чрезвычайно трудно, но всё-таки надо хотя бы частично воспроизвести духовную, психологическую и политическую атмосферу блокадного Ленинграда. Без всяких исследований можно утверждать: она была крайне сложной и противоречивой.

Из всего прочитанного мною о ленинградской блокаде можно делать вывод: абсолютно доминирующей была уверенность жителей города, особенно в начале блокады, что немцы не войдут в Ленинград, а война будет недолгой и победной.

В отчёте городской эвакуационной комиссии от 26 апреля 1942 года говорится, что первой и главной особенностью эвакуационного периода ещё задолго до блокады, в конце июня, в июле и первой половине августа 1941 года было “нежелание жителей эвакуироваться из Ленинграда”.

Но после того как немцы блокировали город, под прессом нагрянувших голода и холода, авиабомбёжек и артобстрелов настроение населения стало изменяться в худшую сторону, хотя основная масса людей и в этой адской ситуации вела себя стоически, мужественно, героически.

В последние дни войны Геббельс говорил: “Ленинград не пал потому, что все его жители превратили в крепость каждый дом. И то, что смогли сделать жители Ленинграда, смогут сделать и берлинцы”. Теперь мы знаем: немцы этого не смогли. Не хватило ни сил, ни духу, ни мужества, ни героизма.

Однако представлять мысли и поступки умиравших от голода, замерзавших ленинградцев только в розовых красках было бы нечестно.

Теперь не секрет, что в заблокированном Ленинграде возник новый вид преступлений – людоедство. Об этом мне, уже взрослому, рассказывала моя мама.

Однажды в мои руки попал журнал “Огонёк”, где опубликованы выдержки из рукописного дневника, который вела в блокаде некая Клавдия Наумовна (фамилия неизвестна), работавшая врачом в одном из госпиталей. Дневник случайно нашли на свалке, куда его выбросили внуки во время ремонта бабушкиной квартиры.

22 февраля 1942 года Клавдия Наумовна записала: “Патологоанатом профессор Д. говорит, что печень человека, умершего от истощения, очень невкусна, но, будучи смешанной с мозгами, она очень вкусна. Откуда он знает???”

Он же утверждает, что случаи продажи человеческого мяса участились. Один его друг пригласил его на ужин, угостил на славу на второй день после смерти своей жены...⁵²

Такие же факты я встретил в одной из книг, в которой блокадник вспоминал: “У меня жена жила на проспекте Майорова, так у них в квартире один предлагал котлеты в 1942 году. Откуда мясные котлеты? А он был людоед. Его жена умерла, лежала завернутая несколько месяцев на морозе, а он с неё мясо срезал и котлеты делал”⁵³...

15 ноября мать убила полуторамесячную дочь, чтобы накормить других своих детей⁵⁴. Воистину: измученный голодом не ведает жалости...

Всё это – страшные, ужасные факты.

А вот статистика из докладной записки военного прокурора г. Ленинграда А. И. Панфиленко секретарю обкома партии А. А. Кузнецову от 21 февраля 1942 года: “. . . С начала декабря 1941 года по 15 февраля 1942 года. . . привлечено к уголовной ответственности за эти виды преступлений (людоедство. – **И. И.**): в декабре 1941 года – 26 человек, в январе 1942 года – 366 человек и за первые 15 дней февраля 1942 года – 494 человека. . . В ряде убийств с целью поедания человеческого мяса, а также в преступлениях о поедании трупного мяса участвовали целые группы лиц.

Состав лиц, преданных суду: 332 человека (36,5%) – мужчины; 564 человека (63,5%) – женщины. Рабочих – 363 человека (41%), безработных – 202 человека (22,4%), лиц без определённых занятий – 275 человек (31,4%). Коренных жителей Ленинграда – 131 человек (14%). Остальные 755 человек (85,3%) – приезжие из других областей”⁵⁵.

Да, от голода некоторые блокадники зверели. И всё же думать, будто блокадный Ленинград превратился в город людоедов, было бы большой ошибкой: даже тысяча человек на два с лишним миллиона жителей – незначительная часть.

Нагрывув врасплох, нахрапом, Смерть косила жатву, ежедневно унося тысячи человеческих жизней. Но ей оказалось не под силу убить в людях то духовное состояние, когда в человеке даже в невыносимых обстоятельствах проявляются его собственно человеческие качества: самоотверженность, самоотречение из любви к другим, ради своей Родины.

Вот три многозначительных факта.

По данным статистики, смертность среди блокадных детей в возрасте до 14 лет была ниже смертности взрослых. Почему? Ведь дети наиболее чувствительны к голоду. . . Многие из них выжили только благодаря тому, что в каждой семье взрослые спасали в первую очередь своих детей. Последние крохи еды они отдавали малышам. И не только женщины – матери, бабушки. Наш папа, вырываясь домой два-три раза в месяц с завода, всегда приносил маме, Ирине и мне сэкономленную им еду. Так поступали и в других семьях многие, очень многие. . .

Разве это не удивительно: с 1 января 1942 года, в самую голодную пору блокады по решению Ленинградского горисполкома стали открываться новые детские дома и ясли. За пять месяцев было создано 85 детских домов, приютивших 30 тысяч детей. Из скудных запасов продовольствия власти выделяли им повышенные фонды.

Теперь известно: погибая от голода, многие жители Ленинграда помогали фронту, жертвуя своими личными сбережениями. Только за два месяца (в сентябре-октябре) сорок первого года ленинградцы сдали в фонд обороны города 62 млн рублей, 21 кг золота, больше тысячи килограммов серебра, свыше 300 г платины⁵⁶.

22 января 2020 года во время визита в Израиль президент России Владимир Путин рассказал о поразившем его историческом факте. Изучая исторические документы, президент наткнулся на то, что ленинградцы за годы блокады сдали для нужд фронта 144 тонны крови. “Это потрясло меня”, – признался Путин⁵⁷. Не удивительно. . .

Чем дольше длилась блокада, тем хуже становилось настроение многих блокадников. Органы НКВД и контрразведки регулярно направляли руководителям города спецдонесения о политических настроениях в Ленинграде

и Ленинградской области. Под грифом “Совершенно секретно” эти донесения составили несколько пухлых томов, ныне рассекреченных.

Вот одно из таких спецсообщений из дела №10 №9746 от 6 ноября 1941 года. В нём говорится: “За последнее время в Ленинграде среди рабочих, служащих, инженерно-технической и научной интеллигенции возросли пораженческие настроения.

Значительная часть лиц в своих оценках дальнейших перспектив войны считает, что войну с Германией Советский Союз проиграл и что Красная армия не в силах организовать отпор врагу, Ленинград и Москва будут сданы.

Неверие в победу Красной армии объясняют тем, что:

а) Красная армия к войне с серьёзным противником не подготовлена и не может противопоставить свою боевую технику немецкой;

б) армия деморализована отступлениями и сдачей противнику большой территории и крупных городов...”⁵⁸.

Не сумев захватить Ленинград штурмом, немцы решили взять его измором и обманом.

Вместе с бомбами на головы блокадников ежедневно сыпались сотни тысяч листовок. В них говорилось одно и то же:

“Жители Ленинграда!

Слушайте нас, пока не поздно. Ваши управилы призывают вас на защиту Ленинграда. Если вы последуете этому приказу, вы обречёте сами себя на верную гибель.

Германцы за эту войну заняли столицы многих государств. Все большие города, население которых отказалось от бессмысленной защиты, остались целыми, их жителям не было причинено никакого вреда. Например, Париж...

Города же, жители которых, слушаясь преступных советов, решились на укрепление домов и на военную оборону, были уничтожены ураганом немецких бомб и снарядов. Например, Варшава...

Жители Ленинграда, хотите ли и вы погибнуть под развалинами вашего города? Нет! Вам хочется жить. Поэтому не содействуйте сопротивлению и требуйте мирной передачи Ленинграда германским властям.

Германцы не являются врагами народов СССР. Не верьте наглай лжи, которой вас запугивают ваши комиссары. Германцы – народ культурный и уважают мирное население.

Долой войну!”⁵⁹

Таким же, по существу, было содержание листовок, обращённых к командирам и бойцам, защищавшим Ленинград. Заканчивались эти листовки лозунгом: “Да здравствует мир и процветание свободных народов вашей родины!”

Читая эти фарисейские сочинения сегодня, можно только поражаться масштабам лжи геббельсовской пропаганды. А тогда, в 1941 году жители СССР не знали о приказе Гитлера стереть Ленинград и Москву с лица земли, уничтожить всё живое, что в них есть. И трудно судить некоторых блокадников, попавшихся на удочку фашистского обмана: голодному человеку не до глубоких размышлений, голодный человек не слышит голос рассудка...

В массе населения появились паникёры, нытики, клеветники, что само по себе естественно, но было крайне опасно для заблокированного города.

В Ленинграде распространялись рукописные воззвания. Неизвестные расклеивали их в самом центре города: “Граждане! Требуйте хлеба! Долой власть, от которой мы умираем!” Листовки призывали народ собраться на Дворцовой площади и идти к линии фронта с просьбой к бойцам Красной армии сдать немцам. Назревала угроза голодного бунта.

Надо понимать: пораженческие настроения и антисоветские выступления возникали не только от отчаяния людей из-за голода и холода. В городе существовали профашистские группы, ждавшие прихода немцев. Они составляли списки коммунистов, комсомольцев, евреев, писали воззвания к народу. Одна из таких групп называлась ЗИГ-ЗАГ, что расшифровывалось так: “Защита интересов Германии, знамя Адольфа Гитлера”.

С первых дней блокады в Ленинграде шли аресты шпионов, диверсантов, парашютистов, мародёров, активных пораженцев и паникёров. Нередко это были жители города, завербованные в своё время немецкой разведкой. Среди них – “сигнальщики”, светом ручных фонариков обозначавшие во время авианалётов объекты для бомбардировки и места, на которые можно было высадить десант.

Масштаб “пятой колонны” внутри заблокированного Ленинграда можно представить по некоторым цифрам из справки начальника НКВД Ленинградской области П. Кубаткина в городской комитет ВКП(б) “О числе арестованных и осуждённых за время войны с 5 сентября 1941 года до 1 октября 1942 года”. В ней сообщалось, что Управлением НКВД арестовано 9574 человека, в том числе 1246 шпионов и диверсантов, засланных немецкой разведкой. Вскрыто и ликвидировано 625 контрреволюционных групп, в том числе 169 – шпионско-изменнических, 31 – террористическая, 34 – повстанческих. В числе арестованных 1238 бывших кулаков, торговцев, помещиков, дворян и чиновников; 2070 – рабочих, 2100 – служащих, 559 – интеллигенции.

Органами милиции арестовано и предано суду 22 166 человек, в том числе: за бандитизм и разбои – 940 человек, грабежи – 1885 человек, кражи – 11 378 человек, хищение социалистической собственности – 1553 человека, спекуляцию – 1598 человек. Задержано и передано в прокуратуру города дезертиров и военнослужащих без документов – 10 288 человек.

Всего арестовано и предано суду органами НКВД и органами милиции 31 740 человек. По приговорам военных трибуналов расстреляно 5360 человек⁶⁰.

Наверняка нынешние неолибералы и диссидентствующая публика расцениют такие действия властей как чересчур жестокие. Я же считаю, что в условиях военного времени они были совершенно необходимы. Ведь почти 32 тысячи арестованных – это по численности две полноценные дивизии внутри города!

В то же время с первых дней войны райвоенкоматы были забиты людьми, желавшими уйти на фронт добровольно. В конце июня 1941 года началось создание Ленинградской армии народного ополчения, в которую ушли 130 тысяч человек. В Лужскую оперативную группу были переданы три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тысяча человек. В тыл врага были направлены 227 партизанских отрядов, которые действовали так активно, что фельдмаршал фон Лееб, как он пишет в своих дневниках, стал реже бывать на фронте, перестал ездить по земле, только изредка вылетал в войска на самолёте.

Маршал Г. К. Жуков в своей книге “Воспоминания и размышления” пишет, что только с июля и до конца 1941 года заводы Ленинграда изготовили более 700 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов, свыше 3 тысяч полковых и противотанковых пушек, около 10 тысяч миномётов, свыше 3 млн снарядов и мин, более 80 тысяч реактивных снарядов и бомб.

Уже эти цифры удивляют, кто-то им не поверит. Но это только один пример.

Вот постановление Военного совета Ленинградского фронта № 00513 от 30 декабря 1941 года: “Установить план выпуска артиллерийского и стрелкового вооружения промышленностью г. Ленинграда на 1-й квартал 1942 года в следующем количестве: танки KB-1 – 60 штук, полковые пушки – 1 150, миномёты 120 мм – 1 000, миномёты 80 мм – 3 000, миномёты 50 мм – 5000, пулемёты “максим” – 1 500, автоматы ППД – 29 000, гранатомёты – 225, установки М-8а – 35, установки ЗУРО – 60”⁶¹.

И это далеко не вся номенклатура вооружения. Дальше – снаряды 14-и видов общим количеством 2 миллиона 520 тысяч штук; три вида мин – 2 миллиона 100 тысяч штук; авиабомбы четырёх типов – 62 тысячи штук; гранаты четырёх типов – 1 миллион 950 тысяч штук; взрыватели 8 видов – 3 миллиона 955 тысяч штук. А ещё гильзы, капсули, миноискатели, колючая проволока...⁶²

Мой отец, Михаил Фёдорович Ильинский, пока не эвакуировал нас из блокады, работал начальником одного из оружейных цехов металлического завода им. И. В. Сталина, а мой старший четырнадцатилетний брат Олег учился в ремесленном училище (РУ) при этом заводе и, как рассказывал мне через годы, работал на токарном станке, вытачивал гильзы снарядов и мин.

И как же могло случиться такое, что ленинградцы, якобы желавшие сдать свой город немцам, соорудили на его территории более 4100 дотов и дзотов, а в зданиях – 22 тысячи огневых точек, установили на улицах 35 километров баррикад и различных противотанковых препятствий. Свыше 500 тыс. едва живых ленинградцев ежедневно выходили на строительство оборонительных рубежей. В ополчение города записалось 130 тысяч человек.

Блокированный Ленинград стал городом-фронтом, городом-крепостью. Не вдруг, не сразу, но — стал. . .

Наивно думать, будто блокадники сами по себе разыскивали кто лом, кто лопату, толпами выходили по утрам во дворы домов, по щучьему велению и своему хотению строились в колонны, шли под дождём и снегом строить оборонительные сооружения. Голодные, замерзающие и испуганные люди не склонны к единению. Неведомо почему, но в критический момент жизни в умах многих людей возникает надежда спастись в одиночку или малой кучкой.

Единению ленинградцев предшествовало вдохновенное Слово, железная Воля тех, кому по служебным обязанностям выпала тяжкая доля организовывать тысячи полуживых людей на защиту города. И это были — умолкните, ненавистники правды! — партийные, комсомольские и советские комитеты и их работники. Этим людям было немного, всего несколько тысяч — на два с лишним миллиона таких же голодных, таких же смертных, как все. Но их задача состояла в том, чтобы вывести людей из состояния животного страха, вселить в изуверившиеся души надежду на спасение. Где уговором и внушением, где призывом к гражданскому долгу, где — силой. Но главное — личным примером показать, как надо жить, работать и оставаться человеком в нечеловеческих условиях. Как и все, страдая и умирая от голода и холода, как и все, погибая от бомб и снарядов, они делали своё дело: организовывали и налаживали общую работу.

Да, рыли окопы и траншеи, строили доты и дзоты, стояли у станков сотни тысяч людей. Народ! Но ведь партийные, комсомольские, хозяйственные, военные и прочие работники были не чем иным, как частью этого народа. Той частью породы людей того времени, чья жизнь была освящена чувством Долга, кто создавал внутреннюю мощь своей натуры, вёл народ к спасению и победе.

Теперь представим себе иную картину: Ленинград капитулировал. Что стало бы с жителями города? Попробуем рассуждать об истории в сослагательном наклонении: “что было бы, если бы. . .”

Нет, не остались бы живы ни ленинградцы, ни москвичи, ни русские, ни уж тем более евреи. Ясно это было и во время войны, и особенно сейчас, когда рассекречены документы спецслужб нацистской Германии.

Вот выдержки из книги В. Ямпольского: “...Уничтожить Россию весной 1941 года”, — слова Гитлера, сказанные 31 июля 1940 года. Это — сборник документов спецслужб СССР и Германии 1937–1945 гг. Один из таких документов под названием “Некоторые мысли об обращении с населением на Востоке”, датированный 25 мая 1940 года, составлен Гиммлером. В нём указывалось⁶³, что захваченные восточные территории следует рассматривать как объект колонизации и германизации. С этой целью предлагалось расчленив проживающее здесь население на бесчисленное количество групп, что должно было препятствовать любым попыткам их объединения и дало бы возможность постепенно уничтожить один за другим славянские народы. Оккупационная политика, говорилось в этом меморандуме, должна быть направлена на то, чтобы превратить основную массу “инородческого населения” в полуграмотных рабов, которые могли бы считать не далее, чем до 50, писать своё имя, беспрекословно подчиняться и знать Закон Божий. Процедуру германизации намечалось провести “путём отбора детей, которые должны отниматься у родителей, получать новое имя, посылаться в Германию и там ассимилироваться”. Осуществление всей программы германизации было рассчитано на десять лет, после чего на Востоке осталось бы “неполноценное население”, пригодное только для чёрных работ.

Замыслы германских нацистов по колонизации территории СССР, уничтожению местных жителей, заселению захваченных земель немецкими колонистами отражены и в генеральном плане “Ост”, о котором уже говорилось. Этим планом предусматривалось выселить в течение 30 лет около 31 млн человек с территории Польши и западной части Советского Союза (80–85% польского населения, 65% населения Западной Украины, 75% населения Белоруссии, значительную часть населения Латвии, Литвы и Эстонии) и поселить на эти земли 10 млн немцев. В соответствии с этим планом должны были быть истреблены целые нации и народы — поляки, евреи, русские, украинцы, белорусы, а остальные подлежали онемечиванию и использованию в качестве рабов⁶⁴.

...Есть сторона Великой Отечественной войны и Ленинградской блокады, очень слабо описанная в литературе: это эвакуация миллионов людей,

предприятий и всевозможных ценностей из-под носа у быстро наступавших фашистских войск, в том числе из железного кольца блокированного немцами Ленинграда. Мифотворцы усердствуют и на этой теме.

Между тем эвакуация была ещё одним Великим Подвигом, совершённым советским народом и верховной властью Советского Союза. С первых, самых тяжёлых месяцев войны всего за полгода из западных областей страны, где проживало сорок процентов населения и было сосредоточено более тридцати процентов промышленного потенциала Советского Союза, на Урал, в Сибирь и Казахстан, Узбекистан, Киргизию и другие области было вывезено около 3 тысяч промышленных предприятий. Именно в этих краях, в далёком тылу, ставшем вторым фронтом, ковалось Оружие Великой Победы.

Уже в 1942 году Советский Союз догнал и превзошёл Германию в производстве танков, самолётов, пушек, стрелкового оружия и боеприпасов. Когда Гитлеру доложили, что Советский Союз производит ежемесячно по 600–700 самолётов и танков, он пришёл в бешенство и не поверил этому.

История человечества и мировых войн не знает примера эвакуации людей из осаждённого города, подобного той, которая была осуществлена из блокированного фашистами Ленинграда: за год с небольшим из земного ада воздушным транспортом, по воде и льду Ладожского озера вывезли почти полтора, а в целом из осаждаемых городов СССР – 12 миллионов человек.

Не было бы Великой Эвакуации – не было бы и Великой Победы.

Миф третий:

“30 миллионов погибших – разве это победа? Это поражение”⁶⁵

Нашими неприятелями на Западе и мифотворцами внутри России десятилетиями мусолится вопрос не только о “цене” Великой Победы, но отдельно – о “цене” Победы в битве за Ленинград. И кого же нам при этом ставят в пример? Францию. Дескать, сдались почти без боя – и всё у них хорошо. Никаких вопросов о “цене” Победы. И это – Франция, имевшая сильную трёхмиллионную армию и мощную оборонительную линию “Мажино”, выстроленную специально на случай войны с Германией. А воевала она всего 45 дней. . .

Однажды на вопрос: “Почему Париж был сдан немцам без боя?” – мой собеседник-француз (дело было в Париже) без тени смущения ответил: “Но ведь Париж – это самый красивый город мира! Это достояние мировой культуры! Представьте Париж в руинах. . .”

Исторический факт: президент Франции Петен Анри Филипп и премьер-министр Франции Пьер Лаваль после войны были приговорены Верховным судом Республики к смертной казни за предательство. За предательство!.. Президенту смертную казнь позднее заменили на пожизненное заключение, где он и скончался, а премьер-министр Лаваль был казнён как изменник. . . Париж-то сохранили. А честь нации?..

“Цена” Победы в битве за Ленинград имеет три счёта: первый – жертвы гражданского населения внутри города, второй – погибшие в эвакуации, третий – потери войск, защищавших Ленинград.

В редких случаях, когда в разговоре возникает тема ленинградской блокады, вспоминают о Пискаревском кладбище, иногда называют даже цифру захороненных – 642 тысячи человек (точная цифра – 641 тысяча 803 блокадника, погибших только от голода). И всё.

А ведь умерших хоронили и на других кладбищах – Серафимовском, Волковом, Красненьком. Только на Серафимовском покоится прах более 100 тысяч ленинградцев. Сколько на ещё двух названных? Не знаем. Трупы сжигали в печах кирпичных заводов. Есть данные, что только за 9 месяцев 1942 года (с 7 марта по 1 декабря) в городе было кремировано 117 300 трупов. Но были до этого ещё 6 месяцев 1941 года, 12 месяцев 1943 года, месяц до полного снятия блокады. . . Нередко умерших сваливали неопознанными в снег, в овраги и засыпали землёй: некому было выяснять имена-фамилии, не было сил рыть братские могилы. Сколько их, безвестно где погребённых? Каково же общее количество жертв мирных граждан, погибших в блокаде?

В исторических статьях мне встречались цифры 649 тысяч, 700 тысяч, 750 тысяч, 800 тысяч, 900 тысяч, 1 млн, 1 млн 500 тысяч и даже 2 млн человек. Многие учёные считают, что полной картины нет и не будет. По поводу каждой цифры есть сомнения: одна – мала, другая – слишком велика.

Но какую из этих цифр ни возьми, она ужасна и говорит об одном и том же: о небывалой и страшной трагедии жителей осаждённого Ленинграда...

Было бы ошибкой считать жертвами блокады только тех, кто умер от голода, болезней, бомбёжек и артобстрелов внутри блокадного кольца. Жертвы блокады — и те, кто умер от цинги, дистрофии, болезней сердца и психических потрясений за чертой блокадного кольца — в поездах, которые долгими неделями ползли по стране в “глубинку” — в приуральские, уральские, сибирские и среднеазиатские края.

“Князь мира сего” — Смерть, поселившись в телах и душах блокадников в городе, не выпускала их из своих цепких лап и после того, как они покинули кольцо блокады, тряслась с ними и добивала в “теплушках”, через месяцы, а то и через несколько лет, на новых, уже безопасных местах жительства.

В раскопках эвакуационной истории мне встречались самые разные цифры погибших на эвакуационных пунктах и по дороге в тыл: 20 тысяч человек, 100 тысяч... В интернете значителен умопомрачительная цифра: по дороге к местам назначения умер *каждый четвёртый* блокадник (vip.lenta.ru).

В этом случае к названной цифре жертв блокады (допустим, что это 1 млн человек) надо прибавить ещё одну... Получить её нетрудно простым арифметическим способом.

Известно, что с начала сентября 1941 года по 1 ноября 1942-го из Ленинграда были эвакуированы 1 млн 814 тысяч 151 человек. Четвёртая часть этой цифры — не менее 454 тысячи человек... Тогда можно сказать, хоть в это не хочется верить, что *общее количество жертв блокады — почти полтора миллиона человек.*

Однако и здесь нельзя ставить точку: неучтёнными остаются тысячи и тысячи блокадников, чья смерть наступала через годы в тылу.

Как девочку Таню Савичеву, чей зимний дневничок когда-то потряс души людей всего мира... “Бабушка умерла 25 янв...”, “Дядя Алёша 10 мая...”, “Мама 13 мая в 7:30 утра...”, “Умерли все. Осталась одна Таня”.

В августе 1942 года Таню эвакуировали, но блокада всё-таки догнала её через два года и убила. Уже пятнадцатилетнюю. Таня умерла в эвакуации в июле 1944 года.

Ох, как же тяжело заниматься этой печальной “арифметикой”, но... “Это нужно не мёртвым, это нужно живым!...” Мир должен знать масштаб трагедии Ленинграда.

По официальным данным известно, что на 1 августа 1941 года в Ленинграде и пригородах проживали 2 млн 652 тысячи 461 человек. Известно также, что ещё до начала блокады, с 29 июля по 26 августа, Ленинград покинули 773 тысячи 520 человек. Часть из них — беженцы из Прибалтики. Какова эта часть — неведомо. Допустим, половина, то есть более 380 тысяч человек. Тогда количество жителей Ленинграда, оказавшихся в блокаде, надо сократить на равнозначную цифру. Получается, что в осаде находилось около 2 млн 272 тысячи человек.

Повторимся: из этого числа (по нашему мнению) около миллиона погибли внутри блокадного кольца и, вполне возможно, 454 тысячи — за его пределами, в эвакуации. Иными словами, блокада унесла более половины, а может, двух из трёх ленинградцев...

Чудовищный факт, о котором мир не знает! Или не хочет знать? А ведь это — самый настоящий геноцид нацистской Германии в отношении жителей Ленинграда. Известно, что такой же метод собирался применить Гитлер и к Москве: окружить столицу и уморить всех её жителей голодом... Шла война на полное уничтожение населения СССР, особенно русских.

Принято считать: за годы Второй мировой войны из 15 млн живших по всему миру евреев немцы уничтожили каждого третьего. Мир с гневом признал: это Холокост. Говоря по-русски — катастрофа (англ. — Holocaust). Вина нацистов и их пособников, беда еврейского народа несомненны. Но в чём заслуга еврейского государства? Еврейской армии в те годы не существовало. Некоторые евреи героически воевали в Советской армии. Но — и на стороне Гитлера тоже...

Между тем в качестве компенсации ФРГ выплатила Израилю 5 млрд марок, сотням тысяч евреев Германия назначила солидную пенсию. До сих пор в Израиле действуют разные комиссии, которые не дают покоя то швейцарским банкам, где в годы войны хранились деньги богатых евреев,

то предприятиям разных стран, союзниц Германии, где евреи работали на немцев... И те оправдываются, оправдываются, откупаются, откупаются...

В июне 2008 года, через 63 года после Победы над Германией, парламент Израиля приравнял евреев, переживших блокаду Ленинграда, к жертвам Холокоста... Что тут скажешь? Каждый народ сам определяет свою миссию на земле и относится к себе так, как считает нужным.

А мы – русские. Мы миллионами умирали в боях. И за евреев – тоже. Ну, что с того, что немецко-фашистская орда, финская армия и испанская “Голубая дивизия” уморили голодом миллион–полтора миллиона ленинградцев – двух из трёх блокадников?

А вот ещё один, третий счёт жертвам Победы в битве за Ленинград, за прорыв блокады, ещё более страшный...

За 872 дня битвы за Ленинград погибли 949 тысяч 254 советских солдат, матросов и офицеров, были ранены 1 млн 947 тысяч 770 советских бойцов...

На “Невском пятачке” – узкой полоске земли шириной от 300 до 500 метров и длиной в километр на левом берегу Невы – в непосредственном соприкосновении с врагом за два года погибли 50 тысяч солдат... “Пятачок” этот буквально устан телами советских солдат и офицеров, местами в два три слоя...

Только убитыми в сражениях за Ленинград Красная армия потеряла почти на треть больше, чем США и Великобритания за всю Вторую мировую войну, начавшуюся 1 сентября 1939 года: Соединённые Штаты – 260 тысяч человек, Великобритания – 386 тысяч 200 человек. Вместе взятые невосполнимые утраты США и Великобритании – 646 тысяч человек.

“Вот как надо воевать! – скажут “инакомыслы”. – У двух стран невосполнимые потери – менее 700 тысяч человек за 6 лет, у одного Советского Союза – без малого 950 тысяч за два с половиной года; у них – во всех сражениях, у нас – в битве за один город...”

Однако манипуляция цифрами, игра словами – опасная вещь. Надо знать реальную историю Второй мировой войны и войны Великой Отечественной.

В настоящую кровавую войну, на которой ранят и убивают десятки тысяч воинов каждый день, как уже говорилось, американцы и англичане вступили лишь с открытием так называемого второго фронта только 6 июня 1944 года, всего за год с небольшим до окончания войны, когда всему миру стало ясно, что Советский Союз добьёт Гитлера и в одиночку. А до этого “союзники” выжидали, кто кого: Гитлер Сталина или Сталин Гитлера?..

Между тем, был момент, когда Сталин не исключал поражения СССР в войне с Гитлером, если страна будет воевать в одиночку, без помощи союзников. В этом не было надуманности, а только трезвый взгляд на ситуацию. Ещё 3 сентября 1941 года Сталин писал Черчиллю: “...Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи уверены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет... Советский Союз поставлен перед смертельной угрозой... Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам...”⁶⁶

Даже английский посол в СССР С. Криппс 4 сентября 1941 года писал Черчиллю: “...Опасаясь, что уже сейчас почти поздно помочь...”⁶⁷.

Бывший премьер Великобритании Л. Джордж в августе 1941 года говорил: “Оттягивая на себя почти всю германскую армию, СССР сейчас, как и Россия в прошлую войну, опять спасает Англию... Исход всей войны сейчас зависит от СССР...”⁶⁸.

Не англичанам и американцам, не, тем более, французам учить русских военному искусству. Почему-то все “забыли”, что ещё в самом начале Второй мировой войны, в 1940 году англичане едва не потеряли всю свою армию. От поражения их спасло чудо, точнее – до сих пор необъяснимый приказ Гитлера остановить преследование окружённых английских и французских войск общей численностью в 338 тысяч человек, отступавших к городу Дюнкерку, к берегу Ла-Манша, где их ждал неминуемый конец. Восемь дней войска эти в панике переправлялись на свой берег...

На мой взгляд, именно битва за Ленинград была главным и решающим моментом Великой Отечественной, а значит – всей Второй мировой войны. Именно здесь умерла идея “молниеносной войны”, на которую Гитлер отводил всего шесть недель...

Однако о блокаде Ленинграда и битве за Ленинград европейцы, в том числе англичане, не говоря уж об американцах, не имеют ни малейшего представления.

Если бы СССР проиграл войну, всё было бы так: Париж и Лондон, возможно, носили бы ныне те же названия, но хозяйничали бы в них не французы и не англичане, а немцы; Соединённые Штаты находились бы во внешнем управлении Германии, и страной руководил бы, быть может, всё-таки президент США, но решения свои он согласовывал бы с Берлином... Рука Великой Германской Империи дотянулась бы до США, ибо в её владении уже была вся Западная, Восточная и Северная Европа плюс Советский Союз – практически бо́льшая часть мира. Гитлер зоологически ненавидел Америку, а Япония уже воевала с ней, и атака на Пёрл-Харбор показала: американцев можно побеждать. Даже англичане скептически относились к воинской доблести американских солдат...

Попытки прорыва блокады предпринимались в 1941-м и 1942 годах, но закончились неудачей. И только с пятой попытки 18 января 1943 года блокада была наконец-то прорвана. Однако полностью блокада Ленинграда была снята только 27 января 1944 года, когда Советская армия уже гнала гитлеровцев по территориям европейских стран, по их собственной, германской, земле.

В честь этого знаменательного события в 2004 году была учреждена государственная медаль “60 лет со дня полного снятия блокады Ленинграда”, а гораздо раньше, ещё в советские времена, 23 января 1989 года, Ленгорисполком учредил Знак “Жителю блокадного Ленинграда”. Согласно принятой Государственной Думой России поправке к закону “О ветеранах” от 4 мая 2000 года, награждённые этим Знаком приравнены к статусу “Ветеран Великой Отечественной войны”...

Знак “Жителю блокадного Ленинграда”, медали к 60-, 70- и 75-летию полного снятия блокады, звание “Ветеран Великой Отечественной войны” я имею, горжусь ими. А всё же всякий раз, когда ко Дню Великой Победы 9 мая получаю поздравление Президента России как ветеран той войны, где была жизнь в блокаде и эвакуации, смущаюсь: ну, какой я ветеран войны, в чём моя заслуга? Я был тогда всего-то мальчишкой...

А между тем, с 23 июля 1942 года, когда нашу семью вывезли из блокады, прошло уже семьдесят восемь лет...

Ныне можно услышать порой: “Солдаты Красной армии не хотели воевать, бежали с фронта, отступали в панике. Молодёжь не хотела идти на призывные пункты, пряталась по лесам. Колхозники с радостью встречали немцев и служили им. Среди офицерства царило предательство...”

Боже, чего только не узнаешь сегодня от “историков”-троечников! Да, бывало и такое. Всякое бывало. Но разве это было главным?.. Таких было всё-таки совсем немного...

В массе своей дух времени определяли героизм, отвага и любовь народа к своей Родине. Красная армия была народной, продолжением народа и социалистического Отечества. Народ любил свою армию. Поэтому и война стала поистине Отечественной.

Советский солдат был солдатом совсем иного типа, чем солдат немецкий. Понимание, что война идёт не на жизнь, а на смерть, что он защищает свою семью, свою страну и высокую Идею, возносило простого человека к вершинам Чести, Долга, Отваги и Героизма вплоть до самоотверженности. Такой солдат не принадлежит к категории бездушной “боевой единицы” или “пушечного мяса”. Именно поэтому героизм и подвиг в годы войны были явлением массовым, как на фронте, так и в тылу. Фронт и тыл слились воедино. Фашизму противостояло “военное общество”, где стар и млад были едины в своей любви к Отечеству и готовности на любые жертвы ради его блага в роковой час. А выродки, а нравственные уроды – где их не было и нет? И о них разве речь?..

У нашей семьи Ильинских к той войне, как и у большинства семей, живших в ту далёкую пору, есть свой горький счёт. Я не рассказываю, какие страдания пережили мы в самой блокаде, о мытарствах в эвакуации в глухой таёжной деревеньке Петушихе Маслянинского района Новосибирской области. Это отдельная тема, описанная мною в документальной повести “Живу и помню”, вышедшей из печати в начале 2014 года. Там, в Петушихе, моего брата догнали и добились болезни, полученные в блокадном Ленинграде. Он умер в марте 1947 года, уже после Победы.

А ещё раньше, в начале августа 1944-го погиб на фронте мой отец, Ильинский Михаил Фёдорович, лейтенант, командир взвода батареи 45-миллиметровых пушек 884-го стрелкового полка 196-й Гатчинской стрелковой Краснознамённой дивизии Ленинградского фронта. Воевал и погиб как настоящий герой...

В мае 2014 года на сайте “В памяти народной” моя дочь Наталья нашла два наградных листа, в которых есть графа “Краткое конкретное изложение личного боевого подвига и заслуг”.

В первом наградном листе командир 884-го стрелкового полка майор Таричев, отметив, что лейтенант Ильинский уже награждён медалью “За оборону Ленинграда”, 29 апреля 1944 года написал: “В боях с немецкими захватчиками с 4 по 16 апреля 1944 г. в районе с. Староселье Ленинградской обл. лейтенант Ильинский проявил мужество и отвагу. Сам лично вёл наблюдения и производил наводку орудий. Прямой наводкой из орудия отбил танковую контратаку немцев. Его взвод отлично выполнил боевую задачу, уничтожив 5 пулемётных точек и до 45 немецких солдат и офицеров. Его взвод всё время находился в боевых порядках стрелковых подразделений. Будучи ранен, т. Ильинский не ушёл с поля боя и продолжал громить врагов. Т. Ильинский достоин награждения орденом Красной Звезды”.

Отец был награждён этим орденом, прислал нам в Петушиху фотографию, на которой он, поседевший, стоит в кругу своих боевых товарищей-орденоносцев.

Во втором наградном листе описан подвиг отца, за который он был представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени: “В боях с немецкими оккупантами с 30.07.44 г. по 7.08.44 г. личный состав его взвода работал исключительно хорошо. Уничтожено до шестидесяти немецких солдат и офицеров, восемь пулемётов, четыре наблюдательных пункта, два блиндажа, до восьми снайперов. Тов. Ильинский М. Ф. своим личным примером показал, как надо метко бить, правильно маневрировать орудием. При прорыве обороны немцев делал орудие кочующим, чем позволил сохранить матчасть и давал возможность нашей пехоте продвигаться от рубежа к рубежу. Был ранен, но не ушёл с поля боя, продолжал выполнять задачу и вторично был ранен тяжело, истекая кровью, не хотел уходить в санчасть.

Тов. Ильинский достоин награждения орденом “Отечественной войны” II степени”.

Отец был награждён этим орденом, но не успел его получить – умер в полевом госпитале.

Оба ордена и медаль вместе с “похоронкой” переслали его матери, моей бабушке Татьяне Семёновне Ильинской, в деревню Асужнево Калининской (ныне Тверской) области. Когда после войны мы встретились, она передала нам эти награды, и мы, как святыню, храним их в моей семье...

Боль и память об отце ноют в моём сердце всю жизнь, они же породили в моей душе чувство гордости за то, что у меня был и есть вот такой геройский отец, отдавший свою жизнь за то, чтобы жили мы... Отец и брат – вот “цена” Победы в битве за Родину, “цена” Победы в битве за город Ленинград для нашей семьи. Да годы мытарств моей матери Аделии Ивановны с тремя, а потом, после смерти Олега, с двумя малыми детьми на руках...

Теперь хочу сказать о “цене” Победы в Великой Отечественной войне за все 1418 дней...

Всех поражает, буквально убивает общая цифра людских потерь в ходе Великой Отечественной войны: 26,6 млн человек. Это – официальная цифра, которая несколько раз корректировалась в сторону увеличения. И вот было (и уже давно) вроде бы остановились... Но даже в наши дни президент РФ В. В. Путин в своих выступлениях называет 27 миллионов погибших... Разница в цифрах вроде не очень большая, но это четыреста тысяч жизней...

Однако некоторым “историкам” и журналистам (не стану перечислять имена) и она кажется заниженной. В угаре политической ненависти к советской власти и, прежде всего, к Сталину они берут с потолка цифры потерь в 30 и даже 40 млн человек. Сенсация! А смысл? Сказать всё то же, только снова и громче: “Страной правили, армией командовали недоумки, не щадившие свой народ, своих солдат и офицеров, завалившие путь наступавшей победоносной немецкой армии трупами. Какая же это Победа, да ещё – Великая? Как можно ежегодно праздновать такую “победу”?” И не празднуют,

как на Украине и в Прибалтике, или объявляют День Победы “Днём поминовения павших”... в борьбе с советскими оккупантами, как это сделали правительства некоторых восточноевропейских стран...

Ненависть — гнев слабых. Завидуя с годами всё более самостоятельной и сильной России, эти люди, как и правители ряда стран, их политики, даже не заметили, как их зависть постепенно переросла в ненависть, туманит их ум и застит глаза. Ненависть вдохновляет их днём на страстные речи в парламентах, “радах”, перед толпой, но по ночам, я думаю, она превращается в кошмары.

Оставим в покое разного рода “бешеных”, с их кипящими мозгами, займёмся холодным анализом цифр и фактов, содержащихся в изобилии в тщательно выверенных таблицах и выводах добропорядочных и ответственных исследователей.

Вот фундаментальный труд трёх генералов и двух полковников Министерства обороны РФ, докторов исторических наук В. Ф. Кривошеева, А. В. Кирилина, В. В. Гуркина, В. М. Андроникова и П. Д. Бурикова “Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь”. Все названные авторы — специалисты в области военной истории нашего Отечества. Их научный труд — честный, достойный полного доверия.

Порассуждаем кратко по поводу цифр, фактов и вопросов, содержащихся в этом уникальном справочном издании, не имеющем аналогов в современной военно-исторической литературе.

Авторы указывают, что общие безвозвратные потери военнослужащих и гражданского населения Советского Союза — 26,6 млн человек⁶⁹. В сравнении с аналогичными потерями Германии и её сателлитов — 11,9 млн человек — это в 2,2 раза больше. Теперь уже не только сама по себе огромная цифра потерь СССР вызывает вопрос: “Почему так много?” К этому вопросу добавляется другой, кажется, не менее уничтожительный: “Почему наши потери в два с лишним раза больше?”

Вот тут, если не вдаваться в детали, сам собой и напрашивается вывод: “Воевали плохо, брали не умением, а количеством”. И выходит, будто “новые историки” и “свободные журналисты” всё-таки правы. Цифра в 14,7 млн человек, составляющая разницу между потерями СССР и Германии, и становится базой для самых грозных обвинений военно-политического руководства страны и лично Сталина во всех смертных грехах, а из этих обвинений сам собой вытекает вопрос об их ответственности перед народом.

Однако статистика, как известно, вещь лукавая, если не знать, из каких элементов и как образовалась та или иная цифра. Анализ — это разложение целого на части, и чем глубже расчленение целого, тем точнее выводы.

Для начала цифру 26,6 млн человек необходимо разделить на две крупные части, из которых она складывается: потери вооружённых сил и потери гражданского населения.

Кто как воевал (кто лучше, кто хуже), в конечном счёте можно понять из сравнения, прежде всего, потерь вооружённых сил СССР и Германии на советско-германском фронте за весь период военных действий от начала войны до её конца (с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года). И что же выясняется?

Безвозвратные боевые потери Германии (убито, умерло от ран и болезней, погибли в результате несчастных случаев, расстреляны по приговорам военных трибуналов, не вернулось из плена) в войне с СССР за этот период составили 8 млн 876 тысяч военнослужащих, а вместе с её союзниками — 10 млн 344,5 тысячи человек⁷⁰.

Безвозвратные людские потери СССР, учтённые в оперативном порядке по ежемесячным докладам из войск, составили 11 млн 444 тысячи человек, а вместе с потерями союзников (76,1 тысячи) — 11 млн 520 тысяч человек⁷¹.

Таким образом, соотношение безвозвратных потерь военнослужащих Германии и СССР 1:1,1. Различие не столь разительное, но оно в пользу немцев.

В чём дело? И здесь также есть свои объяснения.

Во-первых, на данное соотношение в пользу фашистской Германии повлияло количество советских военнопленных, погибших и умерших в нацистских концлагерях из-за нечеловеческих условий содержания и питания, бесчеловечного, жестокого обращения — 2 млн 722,4 тысячи человек⁷². Эта цифра в пять раз (!) выше количества военнослужащих противника, умерших

в советском плену, — 579,9 тысячи человек⁷³, хотя количество попавших в плен советских и немецких военнослужащих почти одинаково: 4 млн 559 тысяч человек советских и 4 млн 376,3 тысячи немецких⁷⁴.

Скажут, при чём тут военнопленные, когда речь идёт о безвозвратных потерях? А дело в том, что после войны пленные той и другой воюющих сторон вернулись на свою родину. Однако из 4 млн 559 тыс. советских военнопленных возвратились домой только 1 млн 836 тысяч человек⁷⁵, а у немцев — 3 млн 572,6 тысячи человек⁷⁶. Количество безвозвратных потерь у каждой из воевавших стран соответственно уменьшилось на эти цифры. Вот если бы в Советском Союзе немецких пленнх морили голодом и убивали так же, как это делали немцы с попавшими к ним в плен советскими военнослужащими, то общие цифры безвозвратных потерь не были бы столь разительны. Но советские власти не делали этого. Получается теперь, что во вред самим себе...

В итоге безвозвратные боевые потери СССР составили 8 млн 744,5 тысячи человек с союзными странами (США и Великобритания), а у Германии с её союзниками — 6 млн 771,9 тысячи человек⁷⁷. В любом случае, цифры огромные, и арифметикой тут заниматься вроде бы неловко, но всё-таки...

Если бы в немецком плену не было убито и заморено голодом в пять раз больше советских военнопленных, чем немцев в советских лагерях, и на Родину в СССР возвратилось хотя бы на 2 млн человек больше (т. е. 3 млн 836 тысяч человек), то картина с безвозвратными потерями советских войск изменилась бы существенно и составила бы 7 млн 608 тысяч человек, а не 11 млн 444 тысячи.

Но история не имеет сослагательного наклонения. Человеконенавистническая философия, звериная жестокость стоит за цифрой убитых и заморенных советских военнопленных в нацистских концлагерях, а следовательно, и за соотношением цифр “1:1,1”...

Кроме всего прочего, надо учесть (на это указывают авторы названного труда), что в немецких архивах и разного рода публикациях приводятся приближённые, а не точные и не обобщённые данные людских потерь вермахта⁷⁸. Наиболее достоверны они лишь до января 1945 года. На последнем этапе войны, когда немцы терпели крупные поражения и несли тяжёлые потери, при всей природной педантичности, им было не до статистики и учёта убитых и раненых. Голова болела о пополнении войск.

Захватив страны Европы, Германия использовала их население для усиления мощи вермахта. В этих целях были мобилизованы свыше 1 млн 800 тысяч человек. Из них было сформировано 59 дивизий, 23 бригады, несколько отдельных полков, легионов и батальонов⁷⁹. На 1 июня 1944 года численность этих формирований составляла 486,6 тысячи человек, из которых 333,4 тысячи воевали на советско-германском фронте⁸⁰. В войсках “СС” — 26 добровольческих дивизий, в которых служили албанцы, голландцы, датчане, венгры, бельгийцы, французы, латвийцы, литовцы, эстонцы, украинцы и др. Все эти соединения входили в состав вермахта, и их потери учитывались, но в их точности авторы цитируемой мною книги сомневаются⁸¹. В целом же общие людские потери вооружённых сил Германии по состоянию на 31 января 1945 года, как считают авторы, занижены на 729 750 человек по сравнению с данными на 31 января 1944 года⁸².

Ничего не известно о потерях гитлеровцев в таких чисто немецких формированиях, как военно-полевая полиция, СД (служба безопасности), гестапо (тайная полиция), общие силы СС, в каждом из которых числилось не менее 250 тысяч человек. В целом эта общая цифра может колебаться от 800 тысяч до 1 млн человек⁸³.

Не отмечены потери вермахта за последние месяцы войны в Европе, хотя только с 1 января по 30 апреля 1945 года, по данным немецкого командования, его безвозвратные потери составили 1 млн 277 тысяч человек⁸⁴.

В безвозвратных потерях Германии не отражены людские потери её союзников — Италии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии, чьи войска воевали на стороне Германии на советско-германском фронте, но в состав её вооружённых сил и войск СС не входили.

В состав вермахта также не были включены воевавшие на стороне фашистов Русская освободительная армия генерала-предателя Власова (РОА), Охранный Русский корпус генерала Скородумова, сформированный из бывших

белогвардейцев, 15-й казачий корпус генерала фон Панвица, русский пехотный корпус генерала Штейфона, объединения украинских националистов под руководством Бандеры⁸⁵. Как ни парадоксально, но все эти предатели (500 тысяч человек) тоже включены мифотворцами в число безвозвратных потерь Красной армии⁸⁶.

Одним словом, безвозвратные потери германской армии и других вооружённых сил в действительности значительно больше тех, о которых знает мир и которые приняты всеми в расчёт.

Можно ли не обращать внимания на то обстоятельство, что практически с первых дней нападения на СССР Германия имела в составе своих войск десятки дивизий своих союзников, которые воевали на советско-германском фронте вместе с немцами, а Советский Союз все 1418 дней противостоял им в одиночку? Американцы и англичане на Восточном фронте не воевали. Не удивительно, что безвозвратные потери самих немецких войск на советско-германском фронте за весь период войны (8 млн 876,3 тысячи человек) составляют 85,8% и 1 млн 468,2 тысячи человек (14,2%)⁸⁷ – это (хоть и не вполне точные) потери войск их союзников. Со стороны советских вооружённых сил безвозвратные потери (11 млн 444,1 тысячи человек) на 99,3% – наши, и только 76,1 тысячи человек (0,7%)⁸⁸ – потери войск союзников. О каких союзниках в данном случае идёт речь, не ясно.

Вот так выглядит картина военных действий советских и немецких войск, если измерять её числом безвозвратных потерь и пытаться выстроить их некое соотношение, а через него (через это соотношение) судить о том, чьи войска воевали лучше – советские или немецкие. Если говорить всерьёз, то, на мой взгляд, тут и спорить не о чем, коль победу над фашистской Германией (с запоздалой помощью союзников) с нашими потерями в 99,3% силами своих войск одержал Советский Союз.

Только с 1 января по 30 апреля 1945 года советские войска взяли в плен 20 генералов, 1014 офицеров, 59870 унтер-офицеров и 1 млн 235 тысяч 440 солдат, а в целом – 1 млн 305 тысяч 344 человека. Только с 1 по 9 мая 1945 года советским войскам сдались в плен 634 950 военнослужащих вермахта, в том числе 66 генералов и 10 424 офицера⁸⁹. Уже после 9 мая 1945 года перед Советской армией сложили оружие почти 1 млн 600 тысяч немецких солдат и офицеров⁹⁰.

Хочется думать, что после этого анализа в умах тех, кто прочитает данный текст, произойдёт некоторый поворот в сторону истины.

Конечно, превышение безвозвратных потерь советских войск по сравнению с такими же потерями вермахта, как видно из приведённых цифр, объясняется не только пятикратным превышением погибших и умерших советских военнопленных в нацистских концлагерях в сравнении с количеством умерших немецких солдат и офицеров в советском плену. Здесь сыграл свою роль фактор внезапности нападения фашистской Германии на СССР и, безусловно, в какой-то мере, неизбежные просчёты и ошибки советского политического и военного руководства накануне и в начале войны.

В своём анализе я пока не касался темы так называемых санитарных потерь – количества раненых, контуженных, обмороженных, заболевших, то есть выбывших из строя временно или навсегда (умерших в госпиталях и санчастях, демобилизованных в силу тяжести ранений и т. п.), а также на некоторое время. Их количество в целом за всю войну огромно, превышало безвозвратные потери. Подавляющее большинство этой категории потерь, как в советских войсках, так и в немецких (до 76%) возвращалось в строй или было демобилизовано.

Анализ безвозвратных потерь военнослужащих Красной армии показал: утверждение о том, что соотношение безвозвратных потерь составляет 1:10 в пользу фашистской Германии, не выдерживает более или менее серьёзной проверки. На мой взгляд, соотношение безвозвратных потерь 1:1,1 в пользу немцев при объективном подходе и учёте всех обстоятельств.

Самая страшная цифра – это 26,6 млн человек, советских военнослужащих и гражданского населения, погибших на Великой Отечественной войне. В это число демографических людских потерь входят убитые в бою, умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, умершие от голода, погибшие во время бомбёжек, артиллерийских обстрелов и карательных акций

мирные граждане, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях военнопленные, подпольщики, а также не вернувшиеся в страну рабочие, крестьяне и служащие, угнанные на каторжные работы в Германию и другие страны⁹¹.

Если сравнить общие безвозвратные демографические потери Германии и её сателлитов (11,9 млн человек) с такими же потерями СССР (26,6 млн человек), то наши потери в 2,2 раза больше, чем немецкие⁹². Однако чисто арифметический подход и в данном случае недопустим, он опять вызывает всё те же вопросы: “Почему такой огромный разрыв между потерями СССР и Германии?”, “Кто виноват?” Существовал целый ряд обстоятельств, которые нельзя не учитывать, ибо корень зла кроется во многом именно в них.

Во-первых, это коренное различие в целях войны. Германия была агрессором, а Советский Союз – жертвой этой агрессии. Цели войны Германии вытекали из идеологии фашизма, в основе которой лежала идея расового превосходства германской нации над всеми другими нациями.

Гитлер был единственным за всю историю нашей страны врагом, открыто поставившим задачу физического истребления русских. На карту в битве с каннибалом было поставлено само существование русских и Русского мира, их государства. В отношении русского народа в плане “Ост” (“Восток”) говорилось: “Или полное уничтожение русского народа, или онемечивание той его части, которая имеет явные признаки нордической расы”⁹³.

В сентябре 1942 года, развивая идеи Гитлера относительно плана “Ост”, Гиммлер говорил об обращении с той частью русских, которая будет онемечена: “Принципиальная линия, – сказал он, – для нас абсолютно ясна – этому народу не надо давать культуру. Я хочу повторить здесь слово в слово то, что сказал мне фюрер. Вполне достаточно, во-первых, чтобы дети в школах запомнили дорожные знаки и не бросались под машины; во-вторых, чтобы они выучили таблицу умножения, но только до 25; в-третьих, чтобы они научились подписывать свою фамилию. Больше им ничего не надо”.

Уничтожение гражданского населения в СССР проводилось нацистами самыми изощрёнными способами и средствами. Для этого заранее были отработаны методики массовых расстрелов, использованы “душегубок”, применения газа “циклон” и печей-крематориев в концентрационных лагерях смерти, налажена промышленная утилизация останков миллионов умерщвлённых людей. Для исполнения преступных планов были подготовлены кадры профессиональных убийц. Злодейские правила поведения на оккупированной земле прививались и каждому солдату вермахта.

В конечном счёте гитлеровцами в СССР было преднамеренно истреблено 7 млн 420 тысяч 379 человек. Погибли на принудительных работах в Германии 2 млн 164 тысячи 313 человек. От жестоких условий оккупационного режима (голод, инфекционные болезни, отсутствие медицинской помощи и т. п.) погибло 4 млн 100 тысяч человек. А всего – 13 млн 684 тысячи 692 человека⁹⁴.

Таким образом, из 26,6 млн общего числа жертв войны в Советском Союзе одну треть составила убыль военнослужащих, а две трети – 17,9 млн человек – гражданское население⁹⁵. Это значит, что ещё около 4,3 млн мирных жителей СССР стали жертвами военных действий со стороны Германии.

В отличие от нацистской, коммунистическая идеология утверждала дружбу и равенство всех народов и рас, отвергала теорию национальной исключительности. Именно поэтому перед советскими войсками не стояла задача уничтожения немецкого народа. Наша армия боролась с армейскими соединениями рейха. Когда советские войска вошли на территорию Германии, гибель мирных людей происходила только в ходе боевых действий, но не была преднамеренной. За убийство мирных граждан, мародёрство советских солдат и офицеров судили и сурово карали. Более того, вступив на территорию Германии победителями, наши солдаты кормили немцев из своих полевых кухонь, помогали им налаживать мирную жизнь.

Надо принять во внимание и следующее обстоятельство: к началу 1943 года фашисты оккупировали около 2 млн кв. км советской территории, на которой до войны проживало 88 млн человек⁹⁶. Почти 15 млн человек были организованно эвакуированы на восток СССР, часть призвана в армию. Под властью немцев, румын, венгров осталось не менее 73 млн человек (37% всего населения страны)⁹⁷. По этой территории беспощадный каток войны прокатывался дважды: сначала с запада на восток, до Москвы, Ленинграда

и Сталинграда, а потом в обратном направлении. Бомбёжки и артобстрелы с обеих сторон... В битвах и боях неизбежно гибло гражданское население.

Да, в любом случае дорого обошлась нам Победа. Очень. И потому День Победы для нас – “это праздник со слезами на глазах”.

Но есть и те, кто думает по-другому. Послушаешь иных, считаешь их “труды” и речи, и кажется мне, что это умалишённые люди. Хотя в других случаях они выглядят вполне нормальными. В чём же дело? Они не любят свою страну и наш народ. Это идеологически зашоренные люди. Они ненавидели Советский Союз, советскую власть, компартию, в которой не просто “состояли”, а использовали её для того, чтобы забраться на вершины власти, а потом, пользуясь властными полномочиями, разрушать ненавидимую ими систему.

Я говорю сейчас, в частности, об А. Н. Яковлеве, “архитекторе” “перестройки”. В одном из интервью он заявил журналисту: “Советский Союз проиграл войну”. Журналист только и смог вымолвить: “Как?!” Яковлев заявил: “30 млн погибших – разве это победа? Это поражение”⁹⁸.

Да, цена, которую наш народ заплатил за Победу, огромна. Но кто мне скажет, какой она должна была бы быть? Всерьёз этот вопрос не возьмётся обсуждать ни один здравомыслящий человек. Я скажу так: как вышло, так и вышло. Главное, как мыслят простые люди (я один из них), мы одержали Победу.

Ибо речь шла и о том, быть или не быть советскому общественному строю, которому не дали вызреть и вполне развиться внутренние и внешние враги. Речь шла о ещё более важном: быть или не быть русскому народу, России как таковой со всеми её другими народами, нациями и народностями, которые, по определению Гитлера и его идеологических прихвостней, считались “человеческим мусором”, место которому в душегубках и газовых печах.

В этом смысле рассуждать о “цене” победы перед памятью тех, кто отдал свои жизни за эту Великую Победу, аморально и грешно.

Печаль по отдавшим свои жизни за наше право жить на белом свете, плодиться, растить детей и внуков, возвышать роль России в агрессивном мире теперь уже XXI века не может затмить нашу гордость за павших героев, за погибших за Родину.

В Великой Отечественной войне у Советского Союза никакой иной альтернативы, кроме победы, не существовало. Именно – “любой ценой”. Поражение означало смерть. В этом смысле наша Победа бесценна и, несмотря ни на что, – Великая.

Величие это определяется степенью небывалых, невероятных, невысказанных трудностей, преодоленных Советской армией, советским народом и руководителями Советского Союза вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам. Несмотря ни на что. В том числе и на безмерные потери на фронтах, бесчисленные жертвы в тылу.

Думаю, что в своей реальности история Великой Отечественной войны была ещё страшней, чем известно, ещё ужасней, чем о ней можно думать. А Победа наша – ещё величественней, чем сказано о ней в научных трудах, журналистских очерках, повестях и романах, песнях, стихах и поэмах, пьесах и кинофильмах.

С этой точки зрения, убеждён, надо смотреть и на “цену” Победы в битве за Ленинград, за снятие блокады и в Великой Отечественной войне в целом...

И. Ильинский⁹⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. СПб: БХВ-Петербург, 2012. С. 5.

² Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. / Под редакцией Н. Л. Волковского. СПб: Полигон, 2004. 766 [2] с.; ил. (Военно-историческая библиотека). Используются документы и материалы из фондов Ставки ВГК и Генерального штаба, фронтовых и других фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), из РЦХДНИ, ЦГАИПД СПб и др.

- ³ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. С. 20–21.
- ⁴ Теппельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. / Пер. с нем. СПб–М.: Полигон. 1998. С. 74.
- ⁵ Мировые войны XX века. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк. М.: Наука, 2005. С. 139.
- ⁶ Мировые войны XX века. Кн. 3: Указ. изд. “Молниеносная война, которая не удалась”. С. 75.
- ⁷ Там же. С. 76, 78.
- ⁸ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы в 4 тт. М.: Наука, 2005. Т. 3. С. 268–269.
- ⁹ Дашичев В. И. Указ. изд. С. 271.
- ¹⁰ Там же. С. 284.
- ¹¹ Там же. С. 285.
- ¹² Там же. С. 288.
- ¹³ ЦАМО РФ. Ф. 3. Описание 11556. Д. 1. Л. 71.
- ¹⁴ ЦВМА. Ф. 79. Д. 39786. Л. 154–155. Подлинник.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Описание 3763. Д. 110. Л. 6. Подлинник.
- ¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 3. Описание 11556. Д. 1. Л. 421, 422; ЦАМО РФ. Ф. 3. Описание 11556. Д. 1. Л. 457.
- ¹⁸ Главные документы Великой Отечественной войны. М.: ОАО “Подольская фабрика офсетной печати”. 2015. –С. 64.
- ¹⁹ Война и общество. 1941–1945. Кн. 2. М.: Наука, 2004. С. 34.
- ²⁰ Указ. изд. С. 33–34.
- ²¹ “Блокада Ленинграда...”. С. 16–19. ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 78. Л. 36–41. Сверено с телеграфной лентой.
- ²² “Блокада Ленинграда...”. С. 44–46. ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 120–123. Копия. Сверена с телеграфной лентой.
- ²³ Варшавчик С. Ф. Как кость в горле: три года обороны Ленинграда // [Электронный ресурс] РИА Новости. 11.07.2016. URL: <https://ria.ru/20160711/1463730849.html>.
- ²⁴ Карпов В. Маршал Жуков. М.: Вече, 2005. С. 143.
- ²⁵ Карпов В. Генералиссимус. Янтарный сказ. Калининград, 2002. Т. 1. С. 466–467.
- ²⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1974.
- ²⁷ Карпов В. Маршал Жуков. М.: Вече; 2005. С. 138.
- ²⁸ Блокада Ленинграда в документах... Директивы командующим Ленинградским фронтом. ЦА МО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 93. Л. 35. Подлинник.
- ²⁹ Карпов В. Маршал Жуков. М.: Вече; 2005. С. 139.
- ³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 249. Описание 1544. Д. 112. Л. 144. Подлинник.
- ³¹ Лебедев Ю. По обе стороны блокадного кольца. СПб: Издательский Дом “Нева”, 2005. 320 с.
- ³² Лебедев Ю. Указ. изд. С. 13.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Лебедев Ю. Указ. изд. С. 17.
- ³⁷ Там же. С. 23.
- ³⁸ Лебедев Ю. Указ. изд. С. 25.
- ³⁹ Там же. С. 26.
- ⁴⁰ Там же. С. 27.
- ⁴¹ ОКВ – Объединённое командование войск.
- ⁴² Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М., 1954. С. 783.
- ⁴³ Шишкин К. Маршал Кулик: за что Жуков отстранил от командования “спасителя Ленинграда” // Русская Семерка. <https://russian7.ru/post/marshal-kulik-za-chto-zhukov-otstranil-ot/>

- ⁴⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Указ. изд. С. 6.
- ⁴⁵ Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. Указ. изд. С. 6.
- ⁴⁶ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 227. Л. 25–27, 29, 31, 35, 42, 85, 136, 137, 154–158, 161, 164, 177, 178, 180, 182, 208.
- ⁴⁷ Блокада Ленинграда... С. 667–668.
- ⁴⁸ Там же. С. 668.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 669.
- ⁵¹ Там же. С. 771, 772.
- ⁵² Огонёк. 2011. №18.
- ⁵³ Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. Указ. изд. С. 155.
- ⁵⁴ Там же. С. 150.
- ⁵⁵ ЦГАИПД. СПб. Ф. 24. Оп. 20. Д. 1319. Л. 38–46. Подлинник.
- ⁵⁶ Буров А. В. Блокада день за днём. Л.: Лениздат, 1979. С. 68.
- ⁵⁷ Источник: Сетевое издание “Вести.Ру”. Учредитель: Федеральное государственное унитарное предприятие “Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания” (ВГТРК) <https://www.vesti.ru/doc.html?id=3232492>.
- ⁵⁸ Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. Указ. изд. С. 164.
- ⁵⁹ Лурье Л., Маляров Л. Ленинградский фронт. Указ. изд. С. 164.
- ⁶⁰ ЦГАИПД. СПб. Ф. 24. Оп. 2–6. Д. 1323. Л. 83–85. Подлинник.
- ⁶¹ Блокада Ленинграда... С. 764.
- ⁶² Там же. С. 764–767. ЦАМО. Ф. 217. Оп. 33419. Д. 1. Л. 184–186.
- ⁶³ Ямпольский В. “...Уничтожить Россию весной 1941 г.” (А. Гитлер. 31 июля 1941 года): Документы спецслужб СССР и Германии 1937–1945 гг. С. 233. М.: Кучково поле. 2008. 656 с. .
- ⁶⁴ Ямпольский В. Указ. изд. С. 233.
- ⁶⁵ Яковлев А. Н. Избранные интервью: 1992–2005. М.: МФД, 2009.
- ⁶⁶ Сталин И. Сочинения. Т. 15. Ч. 1. С. 114.
- ⁶⁷ Там же. С. 116.
- ⁶⁸ Там же. С. 115.
- ⁶⁹ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Указ. изд. С. 43.
- ⁷⁰ Там же. С. 376.
- ⁷¹ Там же. С. 373.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же. С. 376.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 359–360.
- ⁷⁹ Там же. С. 367.
- ⁸⁰ Там же. С. 364.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. С. 361.
- ⁸³ Там же. С. 364.
- ⁸⁴ Там же. С. 362.
- ⁸⁵ Там же. С. 367.
- ⁸⁶ Там же. С. 373.
- ⁸⁷ Там же. С. 373.
- ⁸⁸ Там же. С. 369.
- ⁸⁹ Там же. С. 369.
- ⁹⁰ Там же. С. 373.
- ⁹¹ Демографическое сокращение численности населения страны в результате воздействия войны.
- ⁹² Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Указ. изд. С. 45.

- ⁹³ Цит. по ст.: Мельников Д., Чёрная Л. В кн.: Адольф Гитлер. "Моя борьба". М.: АСТ-Пресс, 1999. С. 590.
- ⁹⁴ Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Указ. изд. С. 48.
- ⁹⁵ Там же. С. 377.
- ⁹⁶ Там же. С. 47.
- ⁹⁷ Там же. С. 377.
- ⁹⁸ Яковлев А. Н. Избранные интервью: 1992–2005. Указ. изд.
- ⁹⁹ Житель блокадного Ленинграда. Ветеран Великой Отечественной войны. Удостоверение № П-6492-Аз от 25.01.2000.

ПЁТР МУЛЬТАТУЛИ

КТО ОБОРОНЯЛ БЕРЛИН?

2 мая 1945 года войска Красной армии полностью овладели столицей нацистской Германии городом Берлином.

Никогда ещё в мировой истории такая мощная цитадель не бралась в столь короткий срок – всего за неделю. Германское командование тщательно продумало и отлично подготовило город к обороне. Каменные бункеры в шесть этажей, доты, дзоты, вкопанные в землю танки, укрепленные дома, в которых засели “фаустники”, представлявшие смертельную опасность для наших танков. Особенно сильно был укреплен изрезанный каналами центр Берлина с рекой Шпрее.

Нацисты стремились не дать Красной армии овладеть столицей, зная, что англо-американские войска готовят наступление на берлинском направлении. Однако степень предпочтения сдачи англо-американцам, а не советским войскам была сильно преувеличена в советское время.

4 апреля 1945 года Геббельс записал в дневнике: “Главная задача прессы и радио – разъяснить немецкому народу, что западный противник вынашивает те же гнусные замыслы уничтожения нации, что и восточный... Мы должны снова и снова указывать на то, что Черчилль, Рузвельт и Сталин безжалостно и не считаясь ни с чем осуществляют свои смертоносные планы, стоит только немцам проявить слабость и подчиниться врагу...”

14 апреля фюрер обратился с воззванием к вермахту: “Солдаты Восточного фронта, если в ближайшие дни и часы каждый из вас выполнит свой долг перед Отечеством, мы остановим и разобьем азиатские орды у ворот Берлина. Мы предвидели этот удар и противопоставили ему фронт невиданной мощи... Берлин останется немецким, Вена будет немецкой...”

Другое дело, что антисоветская пропаганда у нацистов была гораздо более изощренной, чем против англо-американцев, и местное население восточных районов Германии испытывало панический ужас при приближении Красной армии, а солдаты и офицеры вермахта спешили пробиться на Запад и сдаться там. Поэтому И. В. Сталин торопил маршала Советского Союза Г. К. Жукова как можно скорее начать штурм Берлина. Он начался ночью 16 апреля с мощнейшей артподготовки и ослепления противника множеством зенитных прожекторов. После долгих и упорных боев войска Жукова овладели Зееловскими высотами, главным оборонным пунктом немцев на пути к Берлину. Тем временем танковая армия генерал-полковника П. С. Рыбалко, форсировав Шпрее, наступала на Берлин с южного направления. На севере 21 апреля танкисты генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина первыми ворвались на окраины германской столицы.

Гарнизон Берлина дрался с отчаянием обречённых. Было очевидно, что ему не устоять против смертоносного огня советских тяжелых 203-мм гаубиц, прозванных немцами “кувалдой Сталина”, залпов “катуш” и постоянных бомбардировок авиации. Советские войска действовали на улицах города в высшей степени профессионально: штурмовые группы при помощи танков выбивали противника из укрепленных пунктов. Это позволяло Красной армии нести сравнительно небольшие потери. Шаг за шагом советские войска подбирались к правительственному центру Третьего рейха. Танковый корпус Кривошеина успешно переправился через Шпрее и соединился с наступающими с юга частями 1-го Украинского фронта, замкнув Берлин в кольцо.

Кто же защищал столицу рейха от советских войск в мае 1945 года?

Штаб обороны Берлина призвал население готовиться к уличным боям на земле и под землёй, используя линии метро, канализационную сеть и подземные коммуникации. На возведение фортификационных сооружений были мобилизованы 400 тысяч берлинцев. Геббельс приступил к формированию двухсот батальонов фольксштурма и женских бригад. 900 квадратных километров городских кварталов превращались в “неприступную крепость Берлин”.

Наиболее боеспособные дивизии Ваффен-СС сражались на южном и западном направлениях. Под Берлином действовала вновь сформированная XI танковая армия под командованием СС-оберстгруппенфюрера Ф. Штайнера, в состав которой вошли все уцелевшие эсэсовские части городского гарнизона, резервисты, преподаватели и курсанты “юнкерских школ СС”, персонал берлинских штабов и многочисленных управлений СС.

Однако в ходе яростных боев с советскими войсками 1-го Белорусского фронта дивизия Штайнера понесла настолько тяжёлые потери, что он, по его собственным словам, “остался генералом без армии”. Таким образом, основную часть берлинского гарнизона составляли всевозможные импровизированные боевые группы, а не регулярные соединения вермахта. Крупнейшим подразделением войск СС, с которым пришлось сражаться советским войскам, стала XI добровольческая танково-гренадерская дивизия СС “Нордланд”. Она комплектовалась в основном из добровольцев Дании, Нидерландов, Норвегии. В 1945 году в состав дивизии входили гренадерские полки “Данмарк” и “Норге”, добровольцы-голландцы были направлены в формирующуюся дивизию СС “Недерланд”.

Также Берлин защищали французская дивизия СС “Шарлемань” (“Карл Великий”), бельгийские дивизии СС “Лангемарк” и “Валлония”. 29 апреля 1945 года за уничтожение нескольких советских танков молодой уроженец Парижа из дивизии СС “Шарлемань” унтершарфюрер Эжен Вало был награждён орденом Рыцарского Креста, став одним из последних его кавалеров. 2 мая, за месяц до 22-летия, Вало погиб на улицах Берлина. Командир LVII батальона из дивизии “Шарлемань” гауптштурмфюрер Анри Фене писал в своих воспоминаниях: “В Берлине есть Французская улица и Французская церковь. Они названы так в честь гугенотов, которые бежали от религиозных притеснений и осели в Пруссии в начале XVII века, помогая строить столицу. В середине XX века другие французы пришли защищать столицу, которую помогали строить их предки”.

1 мая французы продолжали сражаться на Лейпцигерштрассе, вокруг Министерства авиации и на Потсдамерплатц. Французские эсэсовцы “Шарлеманя” стали последними защитниками рейхстага и рейхсканцелярии. За день боев 28 апреля из общего числа подбитых 108 советских танков французы “Шарлеманя” уничтожили 62. Утром 2 мая вслед за объявлением о капитуляции столицы Третьего рейха последние 30 бойцов “Шарлеманя” из 300 прибывших в Берлин покинули бункер рейхсканцелярии, где, кроме них, уже не оставалось никого живого.

Наряду с французами рейхстаг обороняли эстонские СС. Кроме того, в обороне Берлина приняли участие литовцы, латыши, испанцы и венгры.

Латыши в составе 54-й эскадрильи истребителей обороняли от советской авиации берлинское небо. Латышские легионеры продолжали сражаться за Третий рейх и уже мёртвого Гитлера даже тогда, когда немецкие нацисты прекратили борьбу. 1 мая батальон XV дивизии СС под командованием оберштурмфюрера Нейландса продолжал защищать рейхсканцелярию. Известный российский историк В. М. Фалин отмечал: “Берлин пал 2 мая, а “местные бои” закончились в нём десять дней спустя... В Берлине сопротивление советским

войскам оказывали эсэсовские части из 15 государств. Там действовали, наряду с немцами, норвежские, датские, бельгийские, голландские, люксембургские нацисты”.

По словам французского эсэсовца А. Фенье, “здесь на последнюю встречу собралась вся Европа”, и, как всегда, против России.

Свою роль в обороне Берлина сыграли и украинские националисты. 25 сентября 1944 года С. Бандера, Я. Стецько, А. Мельник и ещё 300 украинских самостийников были освобождены нацистами из концлагеря Заксенхаузен вблизи Берлина, куда их в своё время поместили нацисты за слишком рьяную агитацию за создание “Незалежной Украиньской державы”. В 1945 году Бандера и Мельник получили от нацистского руководства указание собрать всех украинских националистов в районе Берлина и защищать город от наступающих частей Красной армии. Бандера создал украинские подразделения в составе фольксштурма, а сам скрылся в Веймаре. Кроме того, в районе Берлина действовало несколько украинских групп ПВО (2,5 тыс. человек). Половину III роты 87-го гренадерского полка СС “Курмарк” составляли украинцы, резервисты XIV гренадерской дивизии войск СС “Галичина”.

Однако не только европейцы приняли участие в берлинском сражении на стороне Гитлера. Исследователь М. Демиденков пишет: “Когда в мае 1945 года наши войска вели бои на подступах к рейхсканцелярии, их удивило то, что они наталкивались на трупы азиатов-тибетцев. Об этом писалось в 50-х годах, правда, мельком, и упоминалось как курьёз. Тибетцы бились до последнего патрона, своих раненых пристреливали, в плен не сдавались. Ни одного живого тибетца в форме СС не осталось”.

В воспоминаниях ветеранов Великой Отечественной войны встречаются сведения, что после падения Берлина в рейхсканцелярии были обнаружены трупы в довольно странной форме: покроем был повседневным войск СС (не полевой), но цвет – тёмно-коричневый, а в петлицах не было рун. Убитые явно были азиатами и резко выраженными монголоидами с довольно тёмной кожей. Погибли они, судя по всему, в бою.

Следует отметить, что нацисты провели несколько экспедиций в Тибет по линии Анзнербе и установили крепкие, дружеские отношения и военный союз с руководством одного из крупнейших религиозных течений Тибета. Между Тибетом и Берлином были установлены постоянная радиосвязь и воздушный мост, в Тибете осталась небольшая немецкая миссия и рота охраны из войск СС.

В мае 1945 года наш народ сокрушил не просто военного противника, не просто нацистскую Германию. Была побеждена нацистская Европа, очередной Евросоюз, до этого создаваемый Карлом Шведским и Наполеоном. Как здесь не вспомнить вечные строки А. С. Пушкина?

*Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда её вела!..
Но стали ж мы пятою твёрдой
И грудью приняли напор
Племян, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.*

Но не менее актуальными становится сегодня следующая строфа из того же стихотворения:

*Свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злоком северных полей!*

ПАВЕЛ РУДЯКОВ

БОРИС ОЛЕЙНИК: НАСЛЕДНИК ПОБЕДЫ

...Я же бегу и бегу с войны и просыпаюсь в мире.

Б. Олейник

Борис Олейник принадлежал к поколению, познавшему Великую войну в раннем детстве. Для него и его ровесников, говоря его же словами, “...чаще, чем святое слово “мама”, // Над колыбелью слышалось: “война”...” (“В зеркале слова”). Может быть, поэтому, а может, не и только, а и по каким-то ещё, менее личным причинам тема войны в его творчестве занимает важное место. Подход поэта к ней отличается многомерностью, многоплановостью. И в то же самое время – удивительным постоянством взгляда, в основе которого, видимо, лежит незабываемость интерпретации войны, оценки её самой, итогов, прямых и косвенных последствий.

Будущий поэт встретил Победу десятилетним мальчишкой. Понять и познать всю её значимость, всё её величие ему тогда, по понятным причинам, было не по силам (да и сами эти значимость и величие тоже ведь не проявились сразу, не так ли?). Но общую атмосферу оплаченного огромной кровью, выстраданного страной “праздника со слезами на глазах” маленький Борис ощутил в полной мере. Слезы без всяких кавычек стояли у него в глазах. Великая война забрала у него и у семьи отца: ушедшему добровольцем на фронт в первые месяцы войны Илье Олейнику суждено было остаться там навсегда. В 1945-м десятилетний Борис ещё ждал отца, похоронка на него пришла только в 1948-м.

Представление о войне у поэта не эпическое, исторически конкретное, достоверное, а лирическое, эмоционально окрашенное, осмысленное философски и символически. В его произведениях не встретишь ни описаний боёв и подвигов наших солдат, ни чего-то такого, что можно было бы определить, как “сводки с фронта”. Зато есть другое: стремление понять войну, увидеть её место в общем движении времени, осмыслить как момент кардинального перелома, разделившего жизнь страны и людей на “до” и “после”. С одной стороны, такой подход обусловлен спецификой поэзии как литературного рода. С другой – собственным, глубоко личным восприятием войны как части собственной биографии. Ну, и, конечно, осознанием непреходящего значения войны и Победы для страны и людей, искренней заботой о сохранении памяти о ней.

Вынесенные в эпиграф слова самого поэта, как представляется, с предельной точностью отражают его отношение к войне: всю свою взрослую,

сознательную жизнь он пытался “бежать” от неё, но так никогда и не убежал. Она настигала его, где бы он ни был, что бы ни делал, о чём бы ни думал. Память о войне – фундаментальная доминанта и человеческого, и поэтического сознания Б. Олейника, один из краеугольных камней личности.

В ранний период его творчества тема войны и Победы появляется не очень часто, хотя с завидной регулярностью. В отличие от некоторых коллег по поэтическому цеху Союза писателей Украины, молодой автор не отработывает тему для “галочки”, погружаясь в неё только тогда, когда для этого наступает подходящий момент, когда наступает его собственное творческое время. Победа для него – это святыня. Она держит в тонусе, вдохновляет, увлекает за собой, эпизодически выходя на первый план. Лирический герой Б. Олейника с головой погружён в бурное кипение и бурление молодой жизни в её современном преломлении. Тема Победы среди других его проблемно-тематических приоритетов – на почётном месте.

Первый серьёзный шаг в поэтическом освоении недавнего трагического и в то же время победного прошлого был сделан им в канун двадцатилетия Победы, в 1963–1964 годах, и в год её двадцатилетия – 1965-й. Затем были новые всплески – в 1975-м, 1985-м. И позже, конечно, тоже.

В стихотворении “Одногодки” в фокусе оказывается проблема выбора. Б. Олейника вряд ли можно зачислить в экзистенциалисты, но она, эта проблема, волновала и вдохновляла его с первых шагов в литературе и на всём долгом творческом пути. Отнюдь не случайно, что один из его ранних поэтических сборников называется “Выбор” (1965). Ещё более показательным, что предисловие к первому тому шеститомника 2007 года названо поэтом “Право выбора”. Одному из персонажей выпало делать жизненный выбор под дулом вражеского пистолета – на войне. Цена такого выбора максимальна: жизнь или смерть. Выбор другого персонажа – совсем иной как по характеру, так и по тому, что он выбирает. “Между вами взорван мост”, – констатирует автор. Нарушилась связь времён, связь поколений.

Поэт уже тогда видел угрозу, пока что только потенциальную, но уже угрозу. Он осознал её возможные страшные последствия и говорил о ней. А с какого-то момента, с какого-то рубежа (может, с того, о котором так точно и проникновенно сказал он в поэме “Трубит Трубез?”) стал уже не говорить, а кричать. Сборник произведений, изданный в Киеве к 80-летию юбилею, назван им “Крик”. И это, как мне кажется, очень важно, значимо, знаково. Б. Олейник был удивительно, потрясающе прозорлив. Ему был дан уникальный дар предвидения. В его поэтическом и публицистическом наследии сохранилось немало следов и результатов разного рода прогнозов, оказавшихся, когда – к счастью, когда – к несчастью, удивительно точными.

В “Одногодках” имеет место прямое противопоставление двух начал. С одной стороны, верность идее, идеалам. Жизненная позиция, основанная на ценностях, готовность к самопожертвованию ради идеала, которую герой доказывает ценой собственной жизни. С другой – сознательный отказ от идеологии, от идеалов, жизненная позиция, основанная на сугубо меркантильном подходе: где больше дадут, туда и идти.

Проблема предательства незримо присутствует в стихотворении. Судьба искушает героя предать ради сохранения жизни. Он отвергает такую возможность без раздумий. По-другому не может, не способен поступить. Тот, кому выпало жить после него, совсем другой. И вдруг оказалось, что для нашей эпохи больше подходит именно он, а не тот, кого Б. Олейник ставит ему в пример. Перефразируя грибоедовское: “Молчалины блаженствуют на свете”, – он мог бы сказать: “Предатели блаженствуют на свете”. Даже Б. Олейник с его уникальным даром предвидения вряд ли предполагал такое развитие событий тогда, когда писал это произведение. В то время шансов у предателя одолеть героя не было ни малейших. Сегодня ситуация прямо противоположная: шансов теперь нет у того, кто отвергает предательство.

Анализ художественного, особенно поэтического текста – это дело ещё более деликатное и тонкое, чем Восток. Известно весьма значительное число способов, как его осуществлять, однако универсального метода так и не обнаружено. Одну из методик такого анализа разработал в 1970-е годы мой отец Николай Александрович Рудяков (1926–1993). Если применить её к “Одногодкам”, то к словесным единицам, наиболее активно и продуктивно используемым в создании идейно-образного содержания, следует отнести те,

что формируют парадигму противопоставления. Её полюсами выступают два персонажа, формально вроде похожие друг на друга, реально очень разные, прямо противоположные по духу. Они – одногодки, хотя и с поправкой на принадлежность к разным поколениям. В синхронии, когда одному из них двадцать шесть, второму – шесть. В ситуации выхода за рамки физического времени, когда один из героев мёртв, а второй – жив, их возраст сравнивается, им обоим по двадцать шесть, они действительно становятся одногодками.

Стихотворение построено на сравнении двух одногодков. Критерий сравнения – выбор, который делает каждый. Один выбирает идеалы, второй – кошёлёк.

Важную роль в формировании идейно-образного содержания играет слово “мост”. Поэт употребляет его в прямом и переносном значении: мост через Днепр – мост между поколениями. Первый герой, поставленный фашистом перед выбором: предательство или смерть в Днепре, под мостом, выбрал “под мост”, сохранив честь и достоинство. Второй – не чета ему, думает только о выгоде. Фигуральный мост между ними взорван (важно: не рухнул сам, а именно “взорван”, уничтожен чьим-то активным действием). Первый персонаж остаётся живым и после смерти, второй – мёртв при жизни.

“Живым – от погибших” (1963). Центральной в произведении является проблема памяти. О войне, о её героях, о жертвах, которые им довелось принести ради Победы. О самой их Победе, которой они поделились с другими, которую разделили со всеми. В контексте высказанных выше соображений об “Одногодках”, тут стоило бы, верно, уточнить: со всеми ли или только с теми, кто был её достоин. Самое главное, о чём хотели бы спросить живых те, кто полёг на войне, что хотели бы они сказать им, сводится, по сути, к вопросу: “Не забыли ли вы?” С него начинается стихотворение. Им же оно и завершается, только уже не в форме вопроса, не с вопросительной интонацией, а в иной модальности – в виде призыва от имени погибших к живым: “Вы же не забудьте только...”

В стихотворении “Пятый член трибунала” (1963) на первый план выходит проблема ответственности, личной ответственности каждого за общее дело, за тех, кто рядом, и даже за тех, кто далеко. Ответственности и высокой цены даже за сиюминутную слабость, обернувшуюся трагедией. Для героя этого произведения, трактуемого автором как герой положительный, испытание ответственностью обернулось огромной бедой. Судьба карает его не смертью, а, наоборот, жизнью, преисполненной терзаниями за то, что не ко времени и не к месту поддался естественному человеческому чувству, вопреки нечеловеческим обстоятельствам войны.

Если взять шире, то эту проблему можно было бы – вполне в духе самого Б. Олейника – представить ещё и как долг всех живых и каждого из них в отдельности перед всеми, кто отдал жизнь, здоровье, молодость для Победы. Проблема ответственности и долга стоит в центре одного из произведений 2000-х – “Полковнику никто не пишет...”. Хронологическая удалённость одного текста от другого свидетельствует о приверженности Б. Олейника некоторым темам и проблемам, к которым он постоянно обращался в течение всего творческого пути.

Первая строка стихотворения, как уже заметил читатель, повторяет название повести Г. Г. Маркеса “Полковнику никто не пишет” (есть и фильм под таким же названием – экранизация повести). Название для своего текста Б. Олейник вроде заимствует, а вот содержательное его наполнение предлагает собственное, оригинальное. Его полковник, в отличие от полковника “колумбийского”, не может найти покоя после смерти. В июне сорок первого, когда его полк пробивался из окружения, он спрятал знамя, чтобы оно не попало в руки врага. Ответственность, от которой героя, в его собственном представлении, не освобождает даже смерть, заставляет его искать тайник со знаменем, чтобы передать реликвию кому-то другому, кто донесёт знамя полка к своим. “...хотя все из его полка // Уже лежат в земле давно”, – с глубокой грустью констатирует автор.

“На берегу вечности” (1975). До боли, до крика пронзительный текст. Перечитывать его и во второй, и в третий, и в десятый раз невозможно без того, чтобы комок не подступил к горлу, а на глаза не навернулись слёзы. Гимн памяти, сопряжённой со страшным, невозполнимым горем утраты близких – мужей, братьев, сыновей. Или, как у лирического героя, – отцов.

Действие перенесено автором из реального пространства в виртуальное – пространство памяти. Именно в нём происходит долгожданная для тех и для других встреча погибших и живых, к кому не вернулись с войны их родные и близкие. Мёртвые проходят перед живыми парадом: “в колоннах, поротно...” Навстречу этому параду со всех сторон выбегают “матери, невесты, жёны”, высматривая в потоке... нет, не людей, конечно, в потоке теней свою, единственную.

Всматривается в колонны идущих и лирический герой. Всматривается в надежде увидеть там пропавшего “в судный час” отца. Удача улыбается ему. Он слышит голос, доносящийся “издали, как с берега вечности”: “Сынок...” Затем видит отца, идущего к нему в обмотках, со скаткой на плече. Отец приближается к сыну, смотрит на него “нежно, печально и горько”, говорит: “Прости меня...” Это – один из знаковых моментов всего стихотворения. Отец мог бы не извиняться, ведь он выполнил свой долг, ценой собственной жизни выполнил. И спас сына от страшной беды, закрыл его от неё своим телом. Но он считает своим долгом извиниться за то, что сын рос без отцовской ласки и опеки. Что им движет? Думаю, двух мнений тут быть не может и не должно: чувство ответственности, готовность брать на себя вину за всё, что происходит вокруг. Автобиографический штрих. Сам Борис Олейник был именно таким: всегда ответственным, всегда винящим себя за то, что не сделал, не доделал, не переделал.

В этом стихотворении появляется новый для Б. Олейника мотив. В пространстве памяти, где происходит действие, царит “великое молчание”. Это словосочетание повторяется в тексте несколько раз, что даёт основания полагать, что автор придавал ему особое значение. Оно, думается, объединяет в себе две стихии. С одной стороны, обусловленное реальностью молчание погибших: смерть лишила их возможности говорить так, чтобы слышали живые. С другой – молчание живых, великое молчание как дань уважения подвигу ушедших из жизни героев, знак благодарной памяти.

В первой части произведения встреча с родными, погибшими на войне, для живых – это только горе, неизбывное, страшное горе. Во второй части это эмоциональное состояние переосмысливается автором, выходя за рамки простого противопоставления по линии “жизнь – смерть” и поднимаясь на более высокий уровень. На этом уровне в фокусе оказывается другая дилемма, сущность которой определяется категорией смысла. Смерть героев имела глубокий смысл, она была не напрасна. Словесное выражение этой идеи автор вкладывает в уста погибших. Они, как отец лирического героя, чувствуя свою вину перед теми, кого оставили в мире живых, обращают их внимание на важнейшее, с их точки зрения, обстоятельство. Оно состоит в том, что их смерть не была напрасной. “С наших плацдармов живые начинали атаку”, – с гордостью говорят они. И эта атака породила Победу.

В условном “эпilogе” автор выходит на близкую ему тему связи поколений, верности памяти. Лирический герой тут уже старше своего погибшего на войне отца. И сам уже – отец. Вспоминая отца, мысленно общаясь с ним, слушая и принимая его наказ, он обращается к сыну: “...нам выпало досеять и долюбить // Отцовское поле...”

Ещё один важный момент. Погибшие на войне “говорят” живым “Слово”. Позже, спустя двадцать с лишним лет в поэме “Трубит Трубей” поэт опять обратится к этому символу. И опять свяжет его с памятью. “Они живы для нас в вечности, // И память их не подвластна ржавчине. // Они стали Словом чистой воды, // Которое исцеляет наши раны и руины...”

В год тридцатилетия Победы поэт пишет ещё одно произведение, в котором теме войны отведена главная роль, – поэму “Урок”. В ней опять красной нитью проходит мысль о том, как сохранить Победу, память о Победе, память Победы для молодых поколений. Герой вспоминает историю о трагедии военного времени в югославском Крагуевце, где фашисты в 1941-м в отместку за действия партизан расстреляли учеников и учителей школы, всех подряд. Вспоминает и пересказывает её своему сыну-школьнику.

“Урок” – хрестоматийное произведение, долгое время входившее в школьную программу. Украинских чиновников от образования, отлучавших Б. Олейника от школы и вузов, как и тех, кто определял государственную политику в гуманитарной сфере, в рамки которой такие действия удачно вписывались, можно понять. Ни им самим, ни их детям и внукам такие уроки не

нужны по определению. В обществе, лишённом идеалов, “Урок” Б. Олейника звучит, как укор. Вот и прячут его, вот и прячутся от него.

Накануне сорокалетия Победы и своего юбилея, в 1984 году Б. Олейник пишет стихотворение “Перед людьми и землёй...” Оно посвящено памяти о войне и навеяно беспокойством поэта, вызванным наблюдениями над окружающей действительностью и тем, что в ней в то время происходило. Лирический герой обращается к читателю с призывом, звучащим и как предостережение, и как этический императив: “Не отступать!”

В качестве критерия, разделяющего Добро и Зло, здесь выступает Вечный огонь. Поэт порицает тех, кто “греет руки над Вечным огнём”, употребляя глагол “греет” не в прямом, а в переносном значении. В 1980-е это был художественный приём, теперь, увы, приём стал элементом реальности. Сегодня в Киеве на Вечном огне кто-то пытается жарить яичницу, и ничего... Страшно! Грустно и страшно! Дар предвидения, к нашему величайшему сожалению, Бориса Олейника не подвёл.

Проблема памяти и её сохранения оказывается в центре внимания в стихотворении “Уже меньше их, ещё живых, во плоти...”, вошедшем в сборник “Основы”, изданный в 2005 году, в год шестидесятилетия Победы и семидесятилетия Б. Олейника. Тут, поднимаясь до самых верхних регистров, звучит голос поэта, предупреждающий об угрозе, диктуемой утратой памяти. Память о войне и о великой Победе теперь уже в руках не детей героев, а их внуков. С её сохранением, по мнению автора, есть большие проблемы. Поэт представляет её в виде аллегии: внуки в погоне за наживой, “забыв самое святое”, сдают на металлолом бронзу с памятников героям войны. Они “убили память”, – говорит он. Именно так – не в дльщемся, а в уже совершенном действии: не “убивают”, а “убили”.

“В державе, где потомки убили память, – констатирует поэт, – // Страшнее войн // грядет Армагеддон”. Опять прогноз. И снова – в точку!

И вот 2020-й – год 75-летия Победы. Мы встречаем его, увы, уже без Бориса Олейника. Не сомневаюсь, что, если бы Борис Ильич дожил до этого дня, он непременно написал бы новое произведение, ему посвящённое. О чём бы оно было? Наверное, о том, что волновало, что не давало покоя Поэту до конца его дней: о памяти, об ответственности, о необходимости нести правду о Великой войне, давая отпор любым попыткам её искажения или извращения. Борис Олейник – наследник Победы. Не потомок, а именно наследник. Приняв эстафету от победителей, он с честью пронёс её через всю жизнь, через все испытания, выпавшие на его долю и долю его поколения.

Киев

ГАЛИНА ОРЕХАНОВА

ЛИЧНОСТЬ ЕГО ОГРОМНА

Залпы военного салюта прогремели 2 апреля 2020 года на Троекуровском кладбище в Москве во славу бессмертия великого Человека, всей жизнью своей и судьбой доказавшего непобедимость и стойкость духа, легендарного русского писателя Юрия Васильевича Бондарева.

Личность его огромна. Размах влияния ума, благородства и жизненной поступи трудно измерить.

... Шёл 1992 год. Потерянный, обескураженный народ в разброде и шатаниях пытался самоопределиться после свершившейся контрреволюции августа 1991-го, искал разумное решение для дальнейшего развития судьбы своей страны. На площади телецентра в Останкино группа анпиловцев, очертив мелом на асфальте границу “Освобождённой территории СССР”, отстаивала своё право на жизнь и свободу. В ночь на 22 июня у костра “ровно в четыре часа...” люди взволнованно слушали голос Левитана: “... без объявления войны, вероломно...”. Неожиданно всё прекратилось – появились автобусы, из них посыпались нелюди в чёрных рубашках, с дубинками бросились на сидящих у костра. Началась бойня... Избитые и окровавленные люди утром скопились в холле редакции “Советской России”, а вечером из Останкино к Кремлю потекла людская река ПРОТЕСТА. Демонстрацию сотрясала речёвка: “Ельцин убийца”. По ходу колонна наполнялась людьми, и на площади у Рижского вокзала вылилась в огромную чашу гнева (как в концлагере, говорили фронтовики, которых в числе демонстрантов было много). Среди них – писатели-сталинградцы: Юрий Бондарев и Михаил Алексеев, не находил себе места в толпе Михаил Петрович Лобанов, потрясённый, с огромными кричащими глазами, метался поэт Юрий Кузнецов...

Скопление людей грозило взорваться: путь к центру столицы был перекрыт со всех сторон тяжёлыми грузовиками, в оцеплении – ОМОН.

А люди всё прибывали и прибывали, казалось, им не будет конца, площадь кипела. Я подошла к Бондареву: “Юрий Васильевич, надо что-то делать!”

– Пойдёмте! – резко сказал он и быстро направился к оцеплению, перегородившему проспект Мира.

Молодые, в основном растерянные лица плыли перед глазами.

– Ребята! Это писатель Юрий Васильевич Бондарев, знаете его книги?

– “Горячий снег”, “Горячий снег”, “Горячий снег”... – покатило по цепочке.

Они понимали, что происходит, в упор смотрели на знаменитого, многими любимого писателя. Затаив дыхание, я ждала, что скажет Бондарев, фронтовик, прошедший всю войну, мужественный, бескомпромиссный человек. Повисла тяжёлая пауза. Он заговорил спокойно, негромким глуховатым голосом: “Ребята, я знаю, что такое приказ. Хорошо знаю. Поверьте. Но вы подумайте, каждый про себя, ведь вечером вы войдёте в свой дом, там дорогие вам люди, жена, сын... или крохотка-дочка.. Че-

рез год-два повзрослевший сын вас спросит: “Папа, а что ты делал, ну, тогда, когда люди восстали?” Свои люди, братцы, соотечественники ваши... Подумайте об этом”, — закончил он неожиданно жёстко. А за оцеплением маячил осатанелый “начальник”, который, надрываясь, шипел: “Не вступать! Не вступать! Не вступать!!!”

Не выдержав, я крикнула: “Это же Бондарев! Неужели не пустите?!”

— Да пожалуйста... — ответил он, шкодливо усмехнувшись (за спиной Бондарева уже скопилась масса людей). — Нет! Нет! Только вы!

— Все! Дайте пройти! — отрезал Бондарев.

— Не-е-ет!! Не пушу!!! — заорал “начальник”.

Бондарев резко развернулся и быстро пошёл к центру площади, которая давно уже была оцеплена со всех сторон, метро закрыто. Это случилось в день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1992 года.

“Юность командиров”, “Батальоны просят огня”, “Последние залпы” — первые повести, с которыми в начале 50-х годов Юрий Бондарев уверенно входил в русскую литературу, любимую им беззаветно с ранней юности. По окончании войны, которую прошёл всю, до самого конца, он поступил в Литературный институт им. М. Горького — жажда учиться была безудержной. Литература приняла его сразу, оценив по достоинству силу незаурядного таланта и бесценного жизненного опыта очевидца тех событий, которым он посвящал свои книги. Роман “Горячий снег”, вышедший в конце 60-х, принёс писателю всемирную известность и славу.

“Мы стали солдатами в восемнадцать лет. В войну моё поколение научилось любить и верить, и ненавидеть, принимать и отрицать, смеяться и плакать. Мы научились ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни...” — писал Юрий Бондарев.

Сегодня его книги, как никогда, современны, но погрязшее в низости и пошлости общество оступело настолько, что не знает, чем занять себя в своём доме. Однако не хочет ни слушать, ни знать, с каким душевным подъёмом, как жадно принимали их соотечественники, едва-едва начинавшие отходить от боли и страданий военного лихолетья, книги Юрия Бондарева, которые буквально взорвали сознание общества тем, о чём в них говорилось: во время войны, на фронте, вопреки жестокости битв и фронтовых будней утверждались нравственные основы советского гражданина с его культом человечности. В книгах писателя-фронтовика естественно переплетались леденящие душу факты фронтового быта и вдохновенные порывы восторженного восприятия мира юношей, входящим в жизнь, по воле рока ставшим солдатом; документальная жестокость войны и восторг вдохновенного поэта, очарованного красотой и всемогуществом жизни. Писатель раскрывал самые сокровенные, самые важные думы народной памяти. Такой подход к осмыслению опыта войны Юрием Бондаревым ставил веху в истории русской литературы. Эту мысль образно выразил Василь Быков: “Все мы вышли из бондаревских “Батальонов...”. Юрий Бондарев стал признанным лидером целого направления советской литературы: произведения “военной прозы” полнились именами Виктора Астафьева, Григория Бакланова, Евгения Носова и Виктора Курочкина, Василя Быкова, Константина Воробьёва, Бориса Васильева, Виктора Некрасова, Владимира Богомолова...

Самое удивительное — книги Юрия Бондарева о войне дают людям заряд огромной силы, в них добро учит такой человечности, какой сегодня, порой, не получишь и толики в мирной и сытой жизни. Герои книг Юрия Бондарева — люди красивые, одержимые мечтой о высоких порывах, думой об идеале, они ценят в других и в себе человеческое достоинство и не мыслят жизни без страдания. Это люди богатые нравственно, мелочность им не знакома. Каких девушек повстречаете вы в его книгах! Величественные и прекрасные, они женственны и отважны. И каким возвышенным и почтительным чувством в отношении к ним наполнены души мужские!

Никогда не забуду голос Юрия Бондарева, прозвучавший ранним утром летом 1991-го, когда в редакции раздался звонок и голос его прохрипел в трубке: “Погибла Юлия Друнина. У меня в руках её записка. В ней строки стихов “...Как летит под откос Россия, не могу, не хочу смотреть!” Она покончила с собой... Это протест”. Он чеканил слова, как отливал пули, в них было спрессовано столько боли и уважения, скупого мужского преклонения: “Она была прекрасным человеком высочайшего благородства. И мужества. Санинструктор. Понимаете, что это такое?! Девочка, юная, хрупкая, нежная,

беззащитная, она бросалась в самое пекло боя и, не зная страха, тащила неподъёмного и неподвижного окровавленного бойца. И спасала ему жизнь. Не одну жизнь. И никогда ни слова упрёка всем нам, сильным, здоровым...”.

Откройте книги Юрия Бондарева, и вы найдёте ответы на те важнейшие вопросы, что не дают нам сегодня покоя.

“В характере людей мы исследуем историю. В событиях истории мы познаём человека. Мы хотим осознать истоки духовной силы – это обостряет наше отношение к жизни, напоминает о мужестве и боевом товариществе, скреплённом общей кровью и борьбой... Принаряжать историю – это значит непростительно забыть о тех, кто под таранным натиском танков в бессилии погиб на изрытых снарядами полях сражений в первые отчаянные месяцы войны... Будущий историк прикоснётся к годам этой священной войны с фашизмом – и будет потрясён мужеством нашего народа”.

Бондарев работал одержимо. Напряжённость творческой загрузки зашкаливала. Работа над романом “Горячий снег” длилась несколько лет, в 1969 году он был опубликован, в эти же 60-е годы вышли повести “Двое” и “Родственники”, параллельно Бондарев писал и ещё одну книгу. Она вышла в 1964 году под названием “Тишина”.

В ней поднята особая, горькая тема, на которой заострить внимание советское общество не решалось очень долго. Юрий Бондарев был первым, кто вошёл в запретные двери. “Тишина” не просто интересная, очень смелая, высокохудожественная книга. Это роман, в основе которого лежит личная судьба и трагедия его автора.

“Да, это очень и очень личное, – подтверждает Юрий Бондарев. – Я вырос в прекрасной семье. Мама украинка, умная, красивая, хлебосольная хозяйка, влюблённая в свою семью. Благодаря ей я стал писателем... Мы жили всегда небогато, но счастливо. Отец был интеллигентом, вышедшим из деревни. В нём было то настоящее мужское, чего так не хватает современным отцам... Я много ездил с ним по России, и я знал, что какие бы трудности ни встретились нам на дороге, мне с отцом не страшно. В семье нашей было трое детей. Я очень любил младшего брата. Он погиб в тот же день, когда посадили отца... И до сих пор я ощущаю ответственность перед памятью отца. Все книги мои связаны с памятью”.

Середина шестидесятых – расцвет таланта и необычайной популярности на родине и за рубежом писателя Юрия Бондарева. Книги расходились молниеносно, огромными тиражами. Он не уставал встречаться с людьми в библиотеках и институтах, по всей стране, вступал в диспуты с иностранными корреспондентами и рабочими коллективами, и везде его книги были прочитаны, их не только знали, их любили, они побуждали людей думать, искать, стремиться к действию, и всегда на диспутах писателю задавали неизменный вопрос: в чём смысл жизни? Зачем работает художник?

Он отвечал, часто обращаясь к примеру Толстого, которого любил и у которого учился, кто был для него непререкаемым авторитетом в искусстве художественного творчества. “Поразительное здоровье исходит от книг Толстого. Послушайте, как звучит, как вырастает крепнущая волна толстовской мысли... Толстой никогда бы не поднялся до роли властителя дум и чаяний, не будь он стойким выразителем дум народа. Но что такое сама литература? Это и память истории, и память народа. Это память и совесть как единое целое”.

В начале 70-х выходит новый роман Юрия Бондарева “Берег”, и он вновь поражает читателя неожиданностью сюжета и масштабом философских раздумий о сущности бытия. Роман покорял пронзительной мелодией любви, пронизавшей всю ткань художественного повествования, образами героев, не только воплотивших красоту личностей участников рассказанной истории, но и отразивших величие идеалов страны, их воспитавшей. По ним, этим героям, будут судить потомки о той великой Державе, которой верным солдатом, защитником до последнего вздоха оставался выдающийся русский художник слова Юрий Васильевич Бондарев.

Богатство его литературного наследия полнится книгами, в которых он не уставал откликаться на самые острые, самые актуальные проблемы текущей жизни страны. Один за другим выходят романы “Выбор”, “Игра”, “Искушение”, “Непротивление”, “Бермудский треугольник”, и в каждом из них читатель находит то главное, что тревожит его, не даёт уснуть по ночам, а именно: стремительную эволюцию общества совсем не в лучшем направлении.

Именно этому противостоял писатель. Настойчиво он ищет причины уродливых проявлений общественной жизни, особой сферой его внимания становится интеллигенция, которой он выставил счёт как творцу той культурной атмосферы в стране, где тревожные процессы деградации художественных идеалов, выходящих под флагом модерна, становятся всё очевиднее. “Настоящее не может быть оторвано от прошлого, — не уставал повторять Юрий Бондарев, — иначе теряются нравственные связи. В настоящем всегда есть прошлое”. Каждой своей книгой он объяснял эту мысль, он восстал против растления, оно становилось всё очевиднее, подминая под себя всё чистое, естественное, жизнелюбивое. Юрий Бондарев продолжал бороться за власть человечности.

Но конец XX века, зверея, неудержимо насаждал новые “идеалы”, и они с иезуитской изворотливостью принуждали общество предавать свою историю, свою культуру, самих себя. Официальная пропаганда, ломая души, привычный, утверждённый веками образ и стиль жизни, впихивала общество в какую-то вновь испечённую этику. Здравый смысл отступал, пасуя перед напором разврата. Юрий Бондарев жестоко страдал: “То, что случилось с нашей страной и нашей историей, — это моя жизнь, и я не хотел бы от этого отрешиться, хотя невыносимо больно и трудно примириться со многим”. Страна сползала в пропасть, деградировала её великая культура, так недавно восхищавшая мир, насаждался культ жестокости и разбоя.

Ночью с 3-го на 4 октября 1993 года тревожный телефонный звонок разорвал тишину. Взяв трубку, я услышала: “Посмотрите в окно, идут танки, в полной боевой выкладке, с полевой кухней. Это очень серьёзно”. Это был голос Юрия Васильевича Бондарева.

Ранним утром 4 октября лучезарное небо Москвы взорвали адские взрывы танковых снарядов. Дом Советов был расстрелян. Америка транслировала этот расстрел на весь мир силой своего телеканала. Россия была унижена, распята, подавлена, оскорблена.

“В том белом здании сидели люди, избранные народом. И плохие они или хорошие, устраивают они кого-то или нет, — это законная власть. И если армия стреляет в эту законную власть, в депутатов, избранных народом, значит, по формальной логике, она стреляет в народ. Значит, там были наёмники, и за спиной их стояли люди, которым не дорог свой народ”.

Такой вывод сделал великий русский гражданин, преданный сын своей многострадальной Родины, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и двух Государственных премий СССР, лауреат Государственной премии Российской Федерации имени маршала СССР Г. К. Жукова в области литературы и искусства, обладатель литературной премии имени Льва Толстого, мысль которого — “в художественной правде — трезвость, влюблённость, элемент фантазии, гротеска, идеал. А идеал — это путеводная звезда, без неё нет твёрдого направления, а нет направления — нет жизни”. Мысль гения русской словесности — опора в основе художественного творчества писателя Юрия Бондарева.

*Москва,
2 апреля 2020 года*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ИЗ ПЛЕМЕНИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

КОНЕЦ ПАМЯТИ...

Уход старых людей теперь принимается без содрогания, без глубоких страданий, да ещё и сопровождается самоутешением – мол, пожил человек и, слава Богу, дело жизни своей справил, достиг поставленных целей. Вечно не живёт никто...

Так-то так, но хотел бы я повидать человека, который скажет перед уходом: я сделал всё! И больше мне тут делать нечего, прощайте, други. А ещё есть прощания, которые сам уходящий и не должен судить. Когда подводятся итоги, от уходящего не зависимый, но миром признаваемый.

Уход Юрия Васильевича Бондарева мне кажется именно таким. Наверное, сам он ни разу о таком не подумал. А я полагаю, что судьба, обстоятельства, ход жизни, не зависимый ни от кого и никому не подчинённый, сделали его последним писателем нашей большой страны, кто не только воевал, но и создал большой кусок литературы о войне, обладающий самодостаточной силой. Он принял на себя ответственность не только такого смысла, как “правда о войне”, не только философского осмысления такого понятия, как “человек на войне”. Он предьявил человека, без лишних слов идущего на гибель осознанно, и во имя не проговариваемой цели: за Родину, за жизнь.

Я полагаю его творчество цельным букетом горьких книг, оставившим новым людям представление о смыслах войны, о смыслах брэнности, о скрепах, приведшим к изумительной страсти слияния людей в народ, сумевший победить, хотя сделать это, казалось кому-то, было невысмыслимо.

После Бондарева не осталось никого в русской литературе, кто сумеет сказать о войне, вкладывая не заёмные, а личные знания. Придётся ждать нового Льва Николаевича, который сподвигся написать “Войну и мир”, не участвуя лично в войне с французами. Но участвуя в Севастопольской страде. Почему-то верится, что и впрямь – не только критике, литературоведению – но и всему общественному сознанию, если оно ещё в нас осталось, – настала пора по-новому, стратегически, так сказать, подвести итоги литературным достижениям писателей-фронтовиков как важному анализу – кто мы, что с нами было, что стало и почему мы – именно мы – выиграли войну.

И ещё стоит осознать – ушёл едва ли не последний свидетель и достойный аналитик минувшего. Может случиться и так, что новые искания захотят если не забыть вовсе, то подзабыть горестные страдания России, урезать память в сознании поколений, как это случилось с Первой мировой войной: что мы знаем о ней, в широком, народном знании той эпохи?

Как же несправедливо, как горько станет небесам и душам, обитающим там, коли незабвенное забудется и явится во всём страхе своём конец памяти!

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

ВАДИМ КОЖИНОВ

Глава 11

Кожинов и Бахтин (окончание)

В письме от 25 мая 1962 года Кожинов обратил внимание Бахтина ещё на две своих публикации:

“Читали ли Вы нашу тройственную статью в № 4 “Вопросов литературы”? и ещё мою рецензию на книгу Л. Пинского в № 5 там же?”

В 4-м номере журнала была напечатана статья Вадима Кожинова, Сергея Бочарова и Петра Палиевского о книге Владимира Турбина “Товарищ время и товарищ искусство” под разящим заголовком “Человек за бортом”.

Владимир Николаевич Турбин был человеком острым, интересным, оригинальным. В это время он вёл Лермонтовский семинар на филологическом факультете МГУ, о котором потом его бывшие студенты писали, как об “оазисе свободомыслия”. Чего-чего, а свободомыслия, нетривиальности, провокативности у Турбина хватало всегда (помню его уже в достаточно пожилом возрасте – создавалось ощущение абсолютной человеческой и интеллектуальной неизменяемости). В 1962-м Турбин приехал к Бахтину и стал, по собственному признанию, “его ординарцем”, заботясь о патриархе и устраивая его быт.

Турбинская книга наделала достаточно шума, многих привела в раздражение своим залихватским тоном и “прогрессистским” содержанием. Автор выступил таким неистовым апологетом “прогресса в искусстве”, что не вызвал соответствующей реакции его труд просто не мог.

Владимир Николаевич по-своему прочёл диссертацию Бахтина, посвящённую Рабле, и возжаждал “возрождения” средневековой карнавальности в современности. “...Книжка моя злополучная, – писал он Бахтину, – книжка о карнавальности искусства; только моцартианская разухабистость её упирается кое-где в заранее заданное сальерианство (здесь уже видны следы своеобразного турбинского прочтения пушкинского “Моцарта и Сальери”. – С. К.) Но Сальери иногда хочется казаться Моцартами – отсюда расплодившийся сейчас тип педанта, сюсюкающего о гуманизме и психологизме (очевидный намёк на авторов “тройственной” рецензии. – С. К.)... А Моцартам время от времени нравится работать под Сальери, например, мне кажется, что вся входящая сейчас в моду возня с семиотическим толкованием искусства является собою типичное моцартианство в сальерианских формах...”

...Пройдёт много лет. И, комментируя свою переписку с Бахтиным, Турбин не преминет, очевидно с немалой горечью, отметить: “...Монографию о

Рабле я прочёл ещё в её первоначальном виде, в машинописи... Я был зачарован ею и, подобно многим, простодушно бросился распространять её посылки и выводы на доступный мне материал. Какось, я был повинен в той вульгаризации и либерализации трактовки карнавальной культуры, которая, как сие ни печально, нет-нет да и сказывается поныне...”

Любопытно вчитаться в позднейшие дневниковые сентенции Георгия Гачева, для которого “статьи Турбина – тоник, в них стимулирующее воздействие”. И под влиянием этого “воздействия” уже совершенно в ином свете видятся “дела давно минувших дней”: **“Демократизм** – вот что противопоставил Турбин смолоду казённому тоталитаризму, что парил в официальном литературоведении 40–70-х годов... Как яркая личность и оригинальный ум и талант, он, естественно, вступил в бой с господствующей казёнщиной, и его “Товарищ время и товарищ искусство” расценивалась как “диверсия на идеологическом фронте” в 1962–1963 гг. – большой скандал и кипеж был по её поводу... Да и стал он герой поневоле, когда Социум на уровне секретаря ЦК набросился на его книгу “Товарищ время и товарищ искусство” в 1962–1963 гг. как на идеологическое обоснование модернизма и держался достойно...” Понятное дело – Гачев, в первую (и единственную) очередь, имеет в виду хрущёвского идеолога Леонида Ильичёва. Но удивительно другое: представители воинствующего “казённого тоталитаризма” философ Владимир Разумный и литературовед Иван Волков, обсуждая эту книгу на редакционном совете издательства “Искусство”, не скрывали своего восторга: “Это книга без наукообразности. В этом смысле Турбин – художник, он образно мыслит. Его книга – дерзкий прорыв”... “Главное положительное в этой книге – её творческий пафос, это не результат научного исследования, а художественного процесса мышления”... Как сообщил Турбин Бахтину в одном из писем, “пригласили меня давеча на одно совещание в ССП. И первым делом представили... Грибачёву – стало ясно, что затем и пригласили. И он увёл меня в уголок и – мир полон тайн и неожиданностей! – стал меня уверять, что он мою книгу читал “с горячим одобрением”, что он ею в общем-то упоён просто, что я пишу как раз так, “как сейчас нужно” и т. д.”... (Грибачёв для всего либерального сообществова – естественно и для литературоведов ИМЛИ – был, что называется, живым воплощением “тоталитаризма” наряду с Анатолием Софроновым и Михаилом Бубенновым, которые периодически поминались в публичных выступлениях и частных разговорах как “громилы” и “антисемиты”. Интересно, что в этом контексте никогда не упоминался Константин Симонов, громивший в конце 1940-х “космополитов” так, как не снилось никакому Софронову. Так же, как и ортодоксальный критик журнала “Октябрь” Соломон Марвич, в устном разговоре “озадачивший” Турбина своей высокой оценкой его книги. В то же время её категорическими противниками выступили декан филологического факультета МГУ Алексей Георгиевич Соколов и Сергей Михайлович Бонди, которых (во всяком случае, последнего) невозможно отнести ни к какой “господствующей казёнщине”.

Допустим, что ни о чём подобном – ни о разговорах в кулуарах, ни о выступлениях на закрытых совещаниях – Гачев не знал. Но о чём он не мог уж точно не знать (и о чём даже не вспомнил) – о “тройственной рецензии” своих друзей, не имевших, естественно, к “тоталитаризму, что парил в официальном литературоведении 40–70-х годов” никакого отношения.

Первым турбинское сочинение среди “триумvirата” прочёл Сергей Бочаров – он-то и подвигнул своих друзей написать коллективную рецензию. Сам он до этого выступал на обсуждении турбинской книги в Институте истории и теории искусства (там же выступал и Эвальд Ильенков, который, по словам Бочарова, “буквально размазал Турбина по стенке”).

В рецензии молодые люди вволю посмеялись над новейшим апологетом “прогресса”.

“...Книга эта, – писали они, – исполненная неудержимого энтузиазма перед научным и техническим прогрессом нашей эпохи и, кажется, вся настроенная на то, чтобы добиться такого же прогресса в искусстве и художественной мысли, стремится начертать этому прогрессу такие пути, которые, по нашему убеждению, привели бы искусство к пленению “законом тесным” и неотвратимому опустошению. И если бы нам удалось “окончательно сорвать с творческого вымысла мистические покровы”, как призывает В. Турбин, то каждый бы тотчас же заметил, что кто-то вдруг “как пленников, их обнажил”.

А отсюда был бы “обнажён” и принижен сам человек. Книга В. Турбина является в этом смысле настоящим манифестом, собирательной мыслью для всех тех “решительных” настроений, которые сопровождают быстрые успехи науки в наши дни и пробиваются то там, то здесь в виде насмешливого, спокойно-презрительного и сурового (ничего не поделаешь!) отношения к так называемым “недоказуемым” ценностям, “лирике”...

И ведь не скажешь, что “суровые критики” зачёркивали книгу целиком. Нет, они начали со “здорового и ценного, что есть во взгляде В. Турбина на искусство”... “С энергией и настойчивостью В. Турбин в своей книге подчеркнул содержательную, идеологическую значимость в произведении искусства его образного строения. Эту идею приходится оберегать от тех решительных выводов, до которых её доводит В. Турбин”... Наступает черёд перейти к критике “решительных выводов”.

“... О борьбе внутри образа В. Турбин нам рассказал затем, чтобы с этой борьбой покончить... И В. Турбин ополчается на наивную веру читателя: он вспоминает Настю из горьковского “На дне”... “Не было Гастона!” — повторяет вслед за Бароном В. Турбин. По существу, его позиция та же: разоблачать читательские иллюзии, доказывая, что “не было ни Гамлета, ни Евгения Онегина, ни Наташи Ростовской и даже Наполеон и Кутузов — совсем не “настоящие” полководцы, а, как это ни прискорбно, всего лишь гениальная имитация... Мы готовы признать за В. Турбиным превосходство генерала Настей в понимании сущности искусства. Но какое-то высокомерное это превосходство; а впрочем, так ли оно абсолютно? Мы начинаем чувствовать, что есть какая-то правда и на стороне бедной Насти, и что эту её правду надо защищать от Барона и от В. Турбина... “Когда ломают игрушки” — вот лозунг новой эпохи, которая наступает... в книге В. Турбина для искусства...”

И вот — игрушки сломаны. Дальше наступает очередь живой природы. И искусства в целом как такового.

“... Апологеты науки обидятся, узнав, что художники шли рука об руку с гениями науки, “сплошь и рядом опережая их”, а защитники “ветки сирени в космосе” явно не примут такого, например, пророчества Турбина о грядущей жизни: “Может быть, о розах не позабудут. Но не “обнюхивать” будут их, а исследовать. Изобретать. Конструировать...”... Очевидно, та же участь ожидает и сирень, и соловья, за которого беспокоился ещё Андерсен...”

И здесь мы подходим к самому главному. В. Турбин исходит в своей книге из того, что единственная, всепоглощающая конечная цель человека и человечества есть знание. Совершенное знание как таковое, наука сама по себе — это самоцель всей человеческой истории. Человек и все люди — только средство, орудие, рабы науки... Так мы узнаём о “Сикстинской мадонне”, что подлинный герой её — Бесконечность, новая идея пространства, предвосхитившая будущие открытия в физике, а не Богоматерь и Младенец: религиозные персонажи, религиозный сюжет — случайны, какая-то маскировка, позволившая живописцу обвести вокруг пальца “кардиналов и пап”, которые были, оказывается, “бездарнейшими искусствоведами” и отличались “тупым неумением проникать в содержание произведения искусства”... Так о них полагает В. Турбин...

В основе книги Турбина лежит представление, что знание о жизни ценнее, чем сама жизнь, а знание о человеке — ценнее человека. Но искусство как раз всегда “доказывает” обратное, и в этом его великая роль...

Автор рекомендует себя: “журналист, публицист, литературный критик” — и почему-то, правда, среди этих трёх профессий чаще всего встречаются наиболее беспощадные технократы. Может быть, тут играет свою роль желание быть сопричастным к делу и не прозевать прогресс — неизвестно; но только сами техники, когда они берутся за перо, бывают, как ни странно, гораздо тоньше и осторожней, касаясь человеческих тем...”

Отметив, что в словаре Турбина понятия “добро”, “зло”, “счастье” — лишь “скудный запасец отвлечённостей”, авторы приходят к убийственному выводу: “В такие мгновения читатель начинает чувствовать уже, как вместо критика и литературоведа с нами разговаривает какой-то отрешённый от нас электронный Лозэнгрин, “святыни той посол” — пришелец из надчеловеческой, кибернетической эры, где чистая мысль, заключённая в магнитные поля, будет бесшумно и стерильно, со скоростью света удовлетворять свои математические потребности, лишь иногда с холодным отвращением вспоминая про своего человеческого предка, как мы вспоминаем ихтиозавра”.

“Передовое мракобесие”, – так, используя слова Н. А. Римского-Корсакова, авторы определили то умонастроение, которое пронизывало не толькоopus Владимира Турбина, но и многие другие сочинения того времени. По сути говоря, турбинская книга идеально соответствовала целому направлению хрущёвской эпохи, обуянному технократизмом и презрением к органической жизни. Другое дело, что в своём увлечении автор, видимо, перешёл некую черту. На него, действительно, обрушились представители тогдашнего “официоза” за “антимарксизм”.

О том, какое впечатление произвела рецензия в “Вопросах литературы” на многих читателей, особенно молодых, можно, в частности, судить по словам бывшего студента семинара Турбина Юрия Лощица:

“... И вдруг... появляется статья “Человек за бортом” за подписью трёх учёных мужей из Института мировой литературы – Петра Палиевского, Вадима Кожина и Сергея Бочарова. Эти, как быстро выясняется (в том числе и по стилю), люди того же поколения, что и наш Турбин, как-то весело, бодро, лихо и не без фельетонной ядовитости разносят в пух и прах турбинскую книгу, находят в ней целую уйму серьёзных изъянов, в том числе формализм, модернизм, левачество, а главное, пренебрежение к человеку как безусловному объекту любого творчества. Оценки эти и приговоры оказались нам настолько несправедливыми, обидными, даже оскорбительными, что мы между собой тут же зачислили имлийскую троицу в ранг старорежимных ретроградов, душителей всякой смелой мысли. А кто-то из “семинаристов” даже предположил вслух, что такой памфлет можно было написать лишь по заданию с Лубянки (“прозорливый” молодой человек, судя по всему, предсказал все сплетни, который вошли “в читательский обиход” десятилетиями позднее. – С. К.) Словом, эта статья, а также другие отзывы подобного рода о нашем преподавателе не могли не возмущать нас. Сам же Турбин как-то стоически молчал, не потакая нашим неловким попыткам высказаться в адрес его “врагов”. Но нам казалось, что и сам он достаточно глубоко переживает по поводу шума вокруг “Товарища...”.

Сам Турбин, надо отдать ему должное, с юмором отнёсся к разному трюих друзей. Один из них получил от него достаточно ироничное по форме послание, и, судя по тональности и смыслу обращения, адресатом был всё-таки Кожин.

“Дорогой гуманист!

Я только что вернулся из Саранска – заехал туда в порыве счастливого вдохновения буквально на несколько часов специально для того, чтобы познакомиться с Михаилом Михайловичем Бахтиным. Впечатление от разговора с ним вынес огромное и светлое, и сейчас я полон всеми хорошими чувствами, на которые, как это ни странно, способен даже я, апологет электронно-кибернетического бездушия, провозвестник крушения всех священных идеалов и т. д.

Но мне хотелось бы, чтобы всё не свелось к одним только эмоциям и пусть даже самым искренним взвизгиваниям. Давай вместе с тобой – вероятно, и твои единомышленники присоединятся – подумаем, как бы лучше и тактичнее помочь саранскому отшельнику активизироваться, а то бесконечно обидно, что о нём знает лишь кружок избранных, что человек такого большого ума всё ещё остаётся в стороне от повседневной литературной жизни, а книжки его когда-то ещё выйдут.

Если твой антитехнический пуризм и твоё гуманистическое целомудрие не возбраняют тебе пользоваться телефоном и даже троллейбусами, метро и такси, – позвони мне, будь добр, и приезжай в гости. Я же, влекомый неуклонно крепнущим во мне чувством братского участия ко всякого рода консерваторам, поглощённым безобидной пикировкой друг с другом, но от этого не утрачивающим своего консерватизма, вздую самоварчик, правда, увы, электрический. Посидим, поговорим. Может, и придумаем что-нибудь...”

Кожин же на заседании общественного редсовета эстетической редакции издательства “Искусство” счёл нужным по-своему защитить Турбина от воистину погромной рецензии в газете “Советская культура” за подписью некоего В. Зименко. При этом опять-таки не упустил случая вставить самому Турбину новую острую “шпильку”:

– Я написал статью с двумя соавторами с очень резкой критикой книги Турбина. Но в зименковской статье безобразны политические обвинения, не

имеющие под собой никакой почвы. Я считаю, что Турбин иногда даже сверхортодоксален. Недопустимы также всякие обвинения издательства. Сделано очень большое дело, которое поможет излечиться от незрелых взглядов. Книга Турбина противоречива, это противоречивость человека, нашего современника. Эта книга личная. Характерно, что ругают Турбина “кибернеты от общественной науки”, не имеющие никакой внутренней, глубокой заинтересованности. Жанр этой книги раскрепощает. Но форма её мне не нравится. Стиль таков, что Турбин сам становится догматиком (подчёркнуто мной. — С. К.). Это особенно касается его пророчеств... Я думаю, что искусство должно бороться против его порабощения кибернетикой. Я думаю, что необязательно искусство будет всё более интеллектуализироваться. Я думаю также, что Турбину не хватает эрудиции. Мне кажется, что сейчас закончился переворот в искусстве и наметились тенденции антитехницизма. У Турбина, однако, много ценных мыслей: о кино, о художественном методе и т. д. Самое ценное — это его личность...

Но две личности, что называется, не сошлись. Делали одно дело — “помогали саранскому отшельнику активизироваться”, — но это их не сблизило. Бахтин писал Кожину о личном свидании с Турбиным: “За два дня до моей болезни заехал на несколько часов (от поезда до поезда) В. Н. Турбин. Он очень милый и интересный человек. Но наша беседа только ещё начала завязываться, как ему уже пришлось уезжать. Он обещал приехать в другой раз”. “Вы пишете о Турбине, — отвечал Кожин Бахтину в начале 1963 года. — Он, действительно, интересный человек. Но он технократ, и это весьма печально. В романе Луи Селина “Путешествие на край ночи” (одна из книг, “зачитанных до дыр” тогдашней молодой советской интеллигенцией наравне с Ремарком и Хемингуэем. — С. К.) есть великолепный эпизод: герой лежит в окопе, над бруствером свистят немецкие пули, а героический полковник ходит по брустверу, не пригибаясь даже. И герой — Бардаму — думает: “Этот полковник был (он вскоре погиб) хуже собаки. Он даже не понимал, что его могут убить”. Это всегда приходит мне на ум, когда я думаю о людях турбинского толка. Впрочем, Турбин гораздо лучше многих своих единомышленников. В частности, он, в отличие от многих других, — человек, безусловно, одарённый”. Здесь весьма любопытно и поучительно наблюдение Кожина над “показной смелостью” не только Турбина, но и многих персонажей тогдашнего кожиновского окружения.

“Мне кажется, — писал Турбин Бахтину 22 сентября 1963 года, — что внутри младшего поколения всё хорошо стабилизировалось: Вадим проталкивает, Сергей редактирует, я хлопочу с чайником и плиткой, исполняя роль распорочного завхоза, — так сказать, “личарда верный”...” (Здесь речь идёт, в частности, о Сергее Бочарове, который стал выпускающим редактором “Проблем поэтики Достоевского” вместо отставленного Льва Шубина). Через несколько десятилетий Турбин напишет, что работы Кожина вызывали у него “недоумение и трудно преодолимую неприязнь”... Впрочем, уже тогда было ясно, что они оба — совершенно полярные люди и писатели.

Через полтора года имя Турбина ещё раз мелькнёт в очередном кожиновском письме: “Читали ли Вы статью в “Литгазете” о В. Турбине? Она, конечно, весьма неприятная, но всё же в чём-то справедливая. Я прочёл несколько статей в “Молодой гвардии” (статей Турбина), и они мне весьма не понравились. Верхоглядство, стремление всё решать сплеча, мессианистский тон и проч., и проч. ... Как это всё устарело — хоть и выступает под маской крайнего новаторства...”

Речь шла о статье Михаила Лобанова “О весёлых эскападах на критической арене”. Разнос книги “Товарищ время и товарищ искусство”, в том числе и с самых высоких трибун, Турбина не остановил. “Покаявшись в грехах” — не исключено, что после внимательного чтения “тройственной” рецензии в “Вестнике МГУ” (“... В сочетании с догматическим ригоризмом методологических установок книги — с ригоризмом, который... благополучно уступил самым нелепым извращениям искусства, — подобный индивидуальный подход в ряде случаев превратился в субъективизм, а энтузиазм автора перешёл в фанатизм, недопустимый ни в строго академическом, ни в “журналистском” искусствоведении”), — он в прежнем духе своего “свободолюбивого” сочинения продолжал резвиться на страницах “Молодой гвардии”. Лобанов вспоминал через много лет, как “в 1963–1964 годах в журнале... из месяца в месяц печатались статьи “Комментирует В. Турбин”. Это была совершенно ошарашивающая

игра в парадоксы, интеллектуальная клоунада... Этот “товарищ искусство”... разгуливал в сверхсовременном эстетическом колпаке по эпохам и литературным, как по цирковой арене, занятый единственной целью – каким бы номером похлеще удивить простаков, заставить их разинуть рты от удивления. Чего только там не было, какими только “проблемами” не угощал автор читателей – от “диалектики” буквально во всём (в том числе и в “весёлых эскападах циркового клоуна” до “репортажей со святок”...)

По “колонкам” Турбина уже прошёлся в “Литературной России” Владимир Пискунов (“Цена парадоксов”). Кожинов же обращал внимание Бахтина именно на статью Лобанова, которая кажется ему и “в чём-то справедливой”, и “неприятной” одновременно. Что покорило Кожинова? Очевидно, преувеличенно-серьёзный лобановский тон, который мог вызвать у того же Турбина и насмешку, и, вместе с тем, ощущение собственной правоты, смешанное с горделивостью “жертвы официоза”. Ни малейшего шанса на это не оставили ему трое друзей!

Бахтин пришёл в восторг от “Человека за бортом”, о чём и написал Кожинову в письме от 2 июля 1962 года: “Я с наслаждением прочитал Вашу тройственную статью о книге Турбина. Статья очень умная и очень нужная: весьма многие увлекаются книгой Турбина (у нас, например, преподаватели, студенты, актёры), но не умеют отделить в ней пшеницы от плевел. Но статья имеет, конечно, и более широкое теоретическое значение”.

... В это время статьи Кожинова одна за другой выходят в “Вопросах литературы”, где, помимо общетеоретических проблем, заостряются вопросы, имеющие самое непосредственное отношение к бурлящей современности: “Должен ли человек быть человеком” (о философском трактате Эвальда Ильенкова), “Отражение жизни и созидание красоты” (об эстетических взглядах Ленина – и, одновременно, полемика с его югославскими интерпретаторами), “Научность – это связь с жизнью”.

“... Марксизм – не сектантское течение, а настоящий и законный наследник всех ценностей, созданных человечеством. Однако слишком часто к его наследию подходят неплотодоворно, нерасчётливо. Так, скажем, обращаясь к эстетике Буало, Канта, Шиллера, даже Гегеля, современный теоретик упорно стремится вскрыть предрассудки, ошибки, пороки, отдавая этому “время”, а действительно ценному – только “час” или, скорее, “минуты”... Но если речь идёт об освоении наследства в теоретической работе, подобный подход просто бессмыслен. Ведь задача как раз в том заключается, чтобы “выжать”, вычерпать до конца всё ценное, полезное содержание; это и будет нашей подлинной победой над теорией, чем-то чуждой или даже враждебной нам...”

Я считаю принципиально важным особо отметить один период в истории эстетической мысли – период, которому, пожалуй, особенно “не повезло”, который осваивается нами наиболее медленно и неплотодоворно. Речь идёт о... советской эстетике 1920–1930-х годов... Ведь в самом деле получается так: мы говорим сколько угодно общих слов о развитии науки после Октября, но как только обращаемся к конкретным работам, в них обнаруживаются лишь неточности, ошибки, пороки... Совершенно несомненно... тот факт, что эстетика театра и кино XX века во всём мире сложилась под мощным и непосредственным воздействием идей Станиславского, Вахтангова, Таирова, Мейерхольда, Эйзенштейна, Пудовкина, Вертова, Кулешова...

Но нельзя здесь пройти и мимо другого вопроса: как это ни странно, во многих наших работах почти не чувствуется сознания величия самого русского искусства.

Мы пережили не столь давно печальный период огульного превознесения русского искусства за счёт зарубежного, печальный, прежде всего, потому, что в результате чрезвычайно затемнилась истина. Ложный патриотизм всё валил в одну кучу, доказывая подчас “превосходство” имеющих узконациональное значение или даже заурядных художников. И в итоге наметилась теперь обратная и столь же ложная тенденция к “скромности”. Между тем вершинные явления русского искусства конца XIX–XX веков действительно представляют собой не сравнимые ни с чем, величайшие художественные достижения целой эпохи. Они не только вошли в “золотой фонд” культуры человечества, но и прямо определили развитие мирового искусства в XX веке”.

Казалось бы, очевидные вещи, к которым невозможно открыто придраться, – и вполне в духе обновлённого времени... Впрочем, смотря как это время

понимать. С одной стороны, явно не желали сдавать своих позиций догматики, “учившие” классиков “марксизму” (кое-кто из них доживёт и до “перестройки”, и до развала государства и примкнёт к оголтелым “либералам”). С другой — “свободолюбивые” товарищи на ниве теории литературы и эстетики не желали видеть ничего ценного в сталинской эпохе в целом (“Что доброго из Назарета?!”) — и их истеричные голоса ещё громче зазвучат на рубеже 1980–1990-х годов. А уж разговор о “сознании величия самого русского искусства” вообще в тогдашней среде — хоть догматической, хоть либеральной — в обрисованном Кожинным ракурсе не мог не восприниматься как сплошное нарушение “приличий” нового времени, когда на страницах тех же “Вопросов литературы” печатались ответы на анкету “Молодые о себе” молодых прозаиков и поэтов (Василия Аксёнова, Рида Грачёва, Андрея Вознесенского, Юсуфа Самедоглу, Юлиана Семёнова и других, влетевших в литературу на фоне “оттепели”):

“Насчёт традиций ничего утверждать не берусь... Симпатизирую всем стремлениям к более динамичному письму”;

“Не думаю, чтобы писателю была полезна близость с литпредшественниками”;

“Русская классика своим величием часто гипнотизирует современного писателя. Опыт же XX века давно требует своего языка, способного художественно синтезировать время”;

“Наиболее перспективными исканиями в области художественной формы мне представляется наследие, которое оставил литературе будущего Хемингуэй”;

“Мы всегда слышим: будьте верны национальным традициям, отстаивайте их... Но... читая произведения большого писателя или поэта, я не думаю о его национальности. Я завидую тем художникам, которые, преодолев национальные барьеры, выходят на арену всего мира. По-моему, какой бы большой любовью ни любил писатель свой народ, он всегда должен считать себя гражданином Земли”.

“Это было, в частности, — через много лет писал Кожин, — прямым следствием той “постыдной компрометации” самой идеи отечественной литературы, которая имела место в конце 1940 — начале 1950-х годов”.

В это же время “Союзкнига” печатала в журналах рекламные объявления — читателям предлагались “в магазинах книоторга и потребительской кооперации” издания стихотворений Боратынского (1957, 30 тыс. экз.), Державина (1957, 20 тыс. экз.), Аполлона Григорьева (1959, 20 тыс. экз.), Ивана Козлова (1960, 8 тыс. экз.).

Очевидно было: в моду вошли стихи, но не поэзия, как таковая. И “литпредшественники” мало кого интересовали.

В это же время в Институте мировой литературы проходят совместные симпозиумы с зарубежными литературоведами... Иван Анисимов, ссылаясь на Ирвина Шоу, рассказывал, как в Соединённых Штатах “переписывают” Достоевского:

— Приходит посол из Гугенхаймовского фонда к Раскольникову: “Поскольку Вы талантливый человек, мы Вас берём на стипендию”. Дрожа от радости, Раскольников становится на колени и опускает голову в знак благодарности... Как будто “Американской трагедии” в природе не было!

Сам Ирвин Шоу говорил, что в Америке “всё атомизируется, растёт пассивность, безразличие ко всему, нигилизм сытости заглушает все порывы человеческого духа”... Профессор Франклин Рив удивлялся тому, что советские критики непомерно преувеличивают значение романа Джерома Дэвида Сэлинджера “Над пропастью по ржи” — “узкого и не столь значительного”, — и признавался, что невысоко ставит и Джека Керуака... Виктор Осипович Перцов, общавшийся с Есениным и Маяковским, догматик и человек огромной начитанности, говорил об апологетах “прогресса в искусстве” на Западе, где Льва Толстого воспринимают как “музей”, а Марселя Пруста — как “лабораторию”. На совместных советско-чехословацких симпозиумах приглашённые гости яростно отрицали “смерть романа”.

“Вопреки пророческим предсказаниям Берля, Анри Масси, Андре Шира и многих других, убеждённых в том, что эра романа ушла в прошлое, что вместо физического времени в центре эпических произведений должно быть

поставлено время лирическое, эгоцентрический или совсем обезличенный герой, — развитие романа не остановилось” (словацкий славист М. Томчик).

* * *

Вокруг Кожинова в это время собрался довольно сплочённый круг людей — самых разных и в иных условиях едва ли представимых в своём единстве, — активно работающий на воскрешение в современной жизни трудов Бахтина. Одна из запомнившихся многим фигур этого круга — Леонид Ефимович Пинский.

Ещё в 1930-е годы он одновременно с Бахтиным исследовал творчество Рабле — и тогда же защитил диссертацию по теме “Смех Франсуа Рабле”. С 1951-го по 1956 год отбывал срок в Унженских исправительно-трудовых лагерях, как он сам говорил, по показаниям главного “свидетеля обвинения” Якова Эльсберга, со всеми подробностями воспроизведшего на суде содержание их личных бесед (в этом же потом Эльсберга обвиняли отсидевшие Сергей Макашин, Евгений Штейнберг и вдова расстрелянного Михаила Левидова). Во время своей реабилитации он заявил: “Превратно излагая содержание многих бесед с ним на литературные темы, Эльсберг охарактеризовал мои убеждения и высказывания в духе, желательном для органов, которыми руководил тогда Л. Берия, лишь на основании этих показаний, повторённых тогда на суде, я был осуждён — недаром в приговоре по моему делу в качестве свидетеля обвинения назван только Эльсберг”.

Конечно, в 1951 году руководил МГБ не Берия, а Игнатъев, впрочем, эти “детали” не интересовали никого: нужен был общий враг и вселенский монстр в лице то ли расстрелянного по суду, то ли убитого без всякого суда Берии. “Превратно излагая” — можно понять эту формулировку в контексте происходящих событий: реабилитация касалась тех, кто, разумеется, не произносил никаких “контрреволюционных” речей и не вёл подобных разговоров (когда Пинский прямо потребовал у Эльсберга, чтобы тот письменно отрёкся от своих ранних показаний — это было необходимо для реабилитации, — Эльсберг, не моргнув глазом, написал всё необходимое, присовокупив устно: “Тогда требовалось одно, а теперь — другое”) ... Кожинов вспоминал потом, что “Леонид Ефимович относился к делу истинно “философски”. Он говорил, что Эльсберг ни в чём не “клеветал”... а суть дела, утверждал Леонид Ефимович, вовсе не в Эльсберге, но в тогдашних порядках, при которых за прозвучавшие в чисто личной беседе критические суждения (и не столь уж суровые) в адрес режима человека запросо могли отправить в ГУЛаг. Разумеется, Леонид Ефимович отнюдь не “оправдывал” Эльсберга, но, например, совершенно спокойно воспринимал тот факт, что я, а также Сергей Бочаров и Георгий Гачев... были сотрудниками сектора теории ИМЛИ, где заведующим до своего разоблачения (это произошло в том же 1962-м. — С. К.) являлся Эльсберг. Помню, Леонид Ефимович говорил, что если исходить из этого факта, вообще нельзя работать в ИМЛИ (да и в других местах), так как, помимо Эльсберга, есть там и целый ряд других людей, притом, как правило, начальствующих, — занимавшихся тем же самым, хотя и не “разоблачённых” во всеуслышание. Позиция Леонида Ефимовича в этом вопросе была для того времени, можно сказать, уникальной. И это, конечно, только одно из проявлений его выделявшейся на общем фоне натуры”.

Тут надо сделать небольшое отступление. Разоблачение Эльсберга и последовавшее его исключение из Союза писателей (через год он был восстановлен) было делом рук его же сверстников, в частности, бывшего пламенно-го комсомольца Ивана Чичерова, бывшего сотрудника Главискусства, ныне — сотрудника ИМЛИ. Кожинов, слушая “динамитные” выступления Чичерова, не мог не задуматься о том, что, как он писал позднее, “двумя десятилетиями ранее именно такие “пламенно активные” комсомольцы и коммунисты разоблачали бесчисленных врагов”... В то же самое время он побывал на одной из многочисленных “квартирных выставок”, где демонстрировалось полотно одного потом мгновенно забытого живописца “Тройка” (почти через тридцать лет его опять вытащили с этой картиной на белый свет, как “несправедливо забытого в годы застоя”, чтобы потом снова о нём забыть и никогда уже больше не вспоминать). “Тройка судей” сидела перед залом, наполненным людьми,

готовясь приступить к своим обязанностям... Эту же картину лицезрели молодые артисты театра "Современник", буйно восторгавшиеся увиденным и превозносившие смелость художника. Кожинов не мог не вставить свою реплику: очень скоро, сказал он, эти же судьи спустятся в зал и смешаются со своими бывшими жертвами, и будут слушать приговор совершенно других судей... Естественно, все присутствующие накинулись на него и завопили, что этого не может быть, что его слова — цинизм и кощунство...

Время от времени Кожинов вспоминал о своём посещении квартиры Пинского, где собирался своеобразный "салон". Его посещали, в частности, Всеволод Некрасов, Оскар Рабин, Анатолий Зверев, Григорий Померанц, Генрих Сапгир, секретарь Эрэнбурга Наталья Столярова из семьи эсеров-террористов, окончившая Сорбонну, репатриировавшаяся в середине 1930-х в СССР и отсидевшая срок с 1937-го по 1946 год, делившаяся у Пинского своими своеобразными воспоминаниями и о зарубежной, и о лагерной жизни... Там же Кожинов познакомился с Борисом Чичибабиным, стихи которого читал раньше, но тут услышал не публикующееся и расходящееся по рукам: "Кончусь? Останусь жив ли? Чем зарастёт провал? В Игоревом Путивле выгорела трава. Школьные коридоры, тихие, не звенят... Красные помидоры кушайте без меня!" Стихи, написанные сразу после ареста поэта в 1946-м, Вадим Валерианович сразу же затвердил наизусть.

В одном из писем Бахтину Кожинов обрисовал свои впечатления от общения с Пинским: "Будет очень хорошо, если Вы напишете Пинскому... Кстати, он — если позволено так говорить о человеке за пятьдесят — всё время "растёт", становится всё более интересным и глубоким. Правда (то есть именно поэтому), он мало пишет, больше думает и (быть может, слишком много) говорит. Мы несколько раз говорили с ним о Вашей книге, и он делал интересные замечания (в частности, критические — со своей субъективной позиции)".

Вспоминаю кожиновские слова: "При Пинском даже знаменитый шекспировед Аникст сидел тихо, как мышь пришибленная, и смотрел ему в рот". В беседе, опубликованной в журнале "Диалог. Карнавал. Хронотоп" в 1994 году, Кожинов об этом же сказал гораздо более "дипломатично": "...Бывал у Леонида Ефимовича театровед и литературовед А. А. Аникст (запомнилась читающей публике статья Аникста в "Литературной газете", где он отчеканил: "Мы говорим: нам нужна своя классика. Но классиками становятся не те, кто подражает классикам. Классиками становятся только новаторы", — и сослался, как было принято, на Маяковского и Шостаковича. — С. К.). Кстати, он имел тогда значительно большую известность, чем Леонид Ефимович, но на собраниях было ясно видно, что он признаёт бесспорное "первенство" Леонида Ефимовича. Часто присутствовал на собраниях историк культуры Г. С. Померанц... Он иногда зачитывал фрагменты из своих философских сочинений, которые тогда "печатались" только на пишущей машинке, — правда, автор сам "издавал" их в виде книжек с переплётами из роскошной ткани..."

Собрания были интересны и "информацией", которую тогда трудно было получить (в частности, рассказывалось о том, что пишут на Западе о нашей стране), и осмыслением происходящего, — чем занимался, в основном, сам хозяин дома. При этом все говорили, не считаясь с тем, что вроде бы сохраняется тоталитарный режим и высказываться надо с оглядкой..."

В последней фразе слышится ехидная насмешка Кожинова над расплывшимися в 1990-е "очевидцами", "ушеслышцами", "наблюдателями" и "историками", всерьёз убеждёнными и убеждающими других, что до конца 1980-х годов в Советском Союзе никто (конечно, за исключением отдельных "героев", печатавшихся, естественно, только "на Западе") не смел ни вдохнуть, ни выдохнуть не в унисон с решениями "партии и правительства"... Но если вернуться к Пинскому, то следующий эпизод чрезвычайно показателен.

К этому времени, наполненному общением (эпистолярным и личным) с Бахтиным, которое перевернуло всё кожиновское бытие, Вадим Валерианович изживал последние остатки повсеместно распространённой в интеллигентских кругах "либеральщины". Слово могучим ураганом вымело из него всякое презрение к "мещанству", которое он демонстрировал в 1958 году и о чём больше не желал вспоминать. А это презрение — даже не презрение, а ненависть к устойчивым традиционным формам жизни, под которыми подразумевалось "мещанство", — было распространено повсеместно, и не только среди "детей XX съезда".

В “салоне” Пинского западная культура превалировала в разговорах как нечто неизмеримо более высокое по сравнению с советской. Сам Пинский, – вспоминал Кожин, – “вставал, начинал ходить по комнате, пересекая её по диагонали и говорил, говорил в весьма своеобразной манере, настоятельно интонируя наиболее важные слова. В его речи было нечто гипнотизирующее”. Так, гипнотизируя слушателей, Леонид Ефимович изверг из себя нечто чрезвычайно презрительное по отношению к “мещанству”. И тут Кожин не смолчал.

– Леонид Ефимович, проблему мещанства однажды прекрасно разрешил Андрей Платонов в рассказе “Фро”. Помните, героиня говорит иронизирующему над ней отцу: считай, мол, меня мещанкой. И слышит ответ отца: “Мещанки хорошие женщины были, тебе до них ещё дорасти нужно!”

– До кого дорасти?! – взвился Пинский. – Да самый заурядный советский (включил издевательскую интонацию. – **С. К.**) человек заведомо лучше всех дореволюционных мещан!

Да, это был уже не “антисоветизм” в какой бы то ни было упаковке. Кажется, Кожин впервые лицом к лицу столкнулся с тем, о чём он позже прочтёт у Тютчева, с тем, что называется “русофобией”.

Сам он говорил, что “именно явление “Бахтин”... побудило меня – поначалу в значительной мере бессознательно – ступить на стезю патриотизма (если взять это простейшее определение). Известно, что существовал так называемый советский патриотизм, который связывали и с Россией, с “русским”, но с его носителями – в отличие от таких людей, как Леонид Ефимович Пинский, – мне вообще не о чём было говорить и даже спорить, – хотя бы потому, что для них ведь не существовали ни Розанов, ни Бахтин, ни даже Достоевский, и они “принимали” Пушкина или Толстого в крайне урезанном и препарированном виде”. В данном случае, он, очевидно, имел в виду иных своих сослуживцев по институту, а также сотрудников таких литературных журналов, как “Новый мир”, “Октябрь”, “Знамя” – ибо при всех “диаметрально противоположных позициях” многие из них были здесь, по сути, “близнецами-братьями”.

Небезынтересно и то, что Бахтин, настоятельно рекомендовавший друзьям “читать Розанова”, о самом Розанове говорил как о “типичном петербургском мещанине”. Что это был за мещанин – с его уникальной свободой и глубиной мысли и изложения – стало ясно при первом прикосновении к его книгам... Тут и само понятие “мещанства” обрело совершенно иной смысл.

“Мы <...> вышли из либеральных 60-х годов и открывали для себя консервативные ценности, национальную тему. И, конечно, религиозную. Две большие темы, которые, главным образом, были открытием 70-х, в гражданские 60-е они еще не так звучали. Мы хотели совмещать либеральное и консервативное, права человека с русской идеей – и совмещали как-то, хоть и сумбурно. Популярное ныне понятие либерального консерватора ещё не было сформулировано, и мы искали чего-то такого ошупью”, – так вспоминал об этом времени Сергей Бочаров, и думается, отчасти подобные устремления были близки, естественно, Кожину, при том, что его духовная эволюция совершалась поистине стремительными темпами.

...Итак, Пинский. Он написал восторженную внутреннюю рецензию на рукопись книги Бахтина о Рабле, которая в крайне непростой ситуации существовала продвижению её к изданию, о чём Кожин никогда не забывал. В это же время сам Вадим Валерианович взялся отрецензировать книгу Пинского “Реализм эпохи Возрождения” для “Вопросов литературы”. В первой её части воздал должное автору за то, что “рецензируемая книга продолжает лучшие традиции предшествующей теоретической работы – масштабность и смелость обобщений, живое ощущение истории, тщательное изучение реального литературного процесса”, если ещё учесть, что “Л. Пинский сделал очень значительный шаг вперёд по сравнению с работами 1930-х годов, в том числе и своими собственными”, когда “сложная и многогранная содержательность самой формы произведения оставалась за пределами внимания исследователя”. Кожин высоко оценивает главы книги, посвящённые “Похвале глупости” Эразма (где “Л. Пинский обнаруживает глубокую ограниченность широко распространённого понимания книги Эразма только как разоблачающей сатиры”), “Гаргантюа и Пантагрюэлю”, “Дон Кихоту” (“едва ли не самой замечательной в книге”), трагическому у Шекспира... А потом плавно

переходит к “недостаткам”, обнаруживая в хвалимом им авторе неизжитого догматика и вульгарного социолога (не могли не произвести на Вадима Валериановича впечатление инвективы Леонида Ефимовича против “мещанства”!): “...Превосходно раскрывая многостороннее богатство смысла шекспировских трагедий, Л. Пинский вдруг словно обрубаёт ход своей мысли штампованной и, в сущности, бессодержательной формулировкой. Он пишет, что в ряде трагедий Шекспира... выступает как “главное основание действия и основной мотив всей драмы *собственническое состояние общества*”... Эту формулу, справедливо замечает Кожин, “можно приложить к десяткам художников XVII–XX веков, и уже это обнаруживает её шаткость”... Ещё более интересная ситуация возникает с анализом “Кориолана”. Пинский обвинял Кориолана в антипатриотизме и утверждал, что “разрыв Кориолана с Римом – не только заблуждение, но и преступление... Патриот Шекспир осуждает Кориолана на гибель”. Это было особенно забавно читать Кожин, наслушавшемуся в “салоне” Пинского совершенно других речей. Он воспроизвёл в своей рецензии то, чего в достаточной мере наслушался и от самого Пинского, и от его гостей: “Автор, конечно, хорошо понимает, что Кориолан порывает не с народом, а с римским государством”... И тут же насмешливая интонация рецензента меняется, и слова обретают совершенно иную тональность (если угодно, *гипнотическую*, по Пинскому), когда дело доходит до самого главного для Кожина: “...Дело даже не в этом, а в существенном упрощении художественного смысла и художественной ситуации трагедии... Кориолан (как это, кстати, *доказывает* сам Пинский) и есть *народ*, – точнее, дух народа, его мудрость... Поэтому Кориолан, в сущности, вообще не может “порвать” с народом; уходя, он вместе с тем уносит с собой его высокий дух и мудрость... Л. Пинский затемняет и мельчит свою собственную мысль, когда он *извлекает* Кориолана из этой художественной ситуации и начинает судить его в прямолинейно социологической системе отсчёта”...

Это выглядело в глазах Пинского как выговор “ученика”, воспринявшего уроки свободолюбия от “учителя” и упрекнувшего его в том, что сам-то преподаватель и несвободен и догматичен, и вообще трусоват, ибо в тексте, явленном на всеобщее обозрение, снабжает ценные наблюдения необходимыми “оговорочками”... Всё это Пинский, можно не сомневаться, запомнил, хотя тогда, судя по всему, и виду не подал. Окончательный его разрыв с Кожинским произойдёт через несколько лет.

* * *

На протяжении ближайшего трёхлетия интенсивная переписка Кожина и Бахтина не прекращается. Они делятся друг с другом всем: житейскими новостями, впечатлениями от прочитанных книг, известиями с “издательских фронтов”.

Михаил Бахтин – Вадиму Кожину, 2 июля 1962 года:

“С интересом прочитал статью Гайдено о Хайдеггере. Статья написана с пониманием дела, и автор, по-видимому, обладает настоящей философской одарённостью (качество – редкое у настоящих профессиональных философов). Самого Хайдеггера я, к сожалению, мало знаю. Из учеников Гуссерля (которого я ценю очень высоко и который оказал на меня определяющее влияние) мне ближе всего был Макс Шелер и его персонализм, Хайдеггер же как-то почти вовсе оставался вне поля моих философских симпатий, но по статье Гайдено я вижу, что кое в чём и он мне близок (читая статью, Вы, вероятно, уловили некоторые созвучия). О Гуссерле и Шелере мы непременно подробно поговорим при личном свидании.

Из Турина я никаких известий не получал. Мне даже не сообщили оттуда о получении моей рукописи.

Г. Д. Гачев оставил у меня только две своих работы: “Национальное своеобразие образа в русской классической литературе” и “Логика вещей и человека”. Вышлю их Вам в ближайшее время.

Здоровье Елены Александровны неважное: она опять болела и сейчас медленно поправляется. Сам я относительно здоров. Боюсь, что летом мы никуда не поедим. Поэтому непременно нужно устроить так, чтобы Вы к нам приехали. Очень прошу Вас серьёзно об этом подумать...”

Михаил Бахтин – Вадиму Кожинову 7 июля 1962:

“Дорогой Вадим Валерианович!

Получил от Гослитиздата предложение немедленно выслать рукопись моего “Рабле”.

... Перед отправкой я бегло просмотрел рукопись и пришёл в совершеннейший ужас. Я дополнял её (около 1950 г.) по “указаниям” экспертной комиссии ВАКа и внёс в неё много отвратительной вульгарщины в духе времени. Переделывать уже нельзя было, так как редакция требовала немедленной высылки. Я смог только заклеить прямые следы культа личности (увы, были и они). Боюсь, чтобы всё это не отпугнуло от книги серьёзных рецензентов (правда, таким, как Книпович, это, может быть, и понравилось бы).

... Нельзя ли как-нибудь – в сугубо дипломатической форме – предупредить редакцию о той обстановке, в которой я переделывал свою диссертацию. Я снова принужден злоупотреблять Вашей исключительной добротой...”

(Трудно сказать сейчас – имел ли в виду Бахтин под “прямыми следами культа личности” отдельную главу под названием “Рабле и Ленин”, где утверждалось, что есть связь между “карнавальностью” стиля Рабле и “карнавальностью” стиля Ленина, и выброшенную им из текста книги).

Из письма Вадима Кожинова Михаилу Бахтину 12 июля 1962 года:

“Дорогой Михаил Михайлович!

Пожалуйста, не беспокойтесь по поводу рукописи, орнаментированной в духе 1950 г. Для редакции это как раз очень удачный вариант. Пусть ничто не отпугивает в самом начале. А потом Вы сможете сделать все необходимые исправления, добавления etc. ...

В Гослитиздате дело должно идти следующим образом: в течение месяца редакция будет изучать присланную Вами рукопись (и пусть именно эту!). В середине августа её собираются (уже договорённость есть) взять на рецензию Пинский. Опять-таки не беспокойтесь, что он что-либо не так поймёт, – я всё ему объясню...

Далее, я толком не знаю, как развиваются Ваши отношения с “Советским писателем”... И как насчёт редактора (имеется в виду книга “Проблемы поэтики Достоевского”. – С. К.). Им мог бы быть, по-моему, Л. П. Гроссман или Ю. Г. Оксман, или Долинин (только не Кирпотин!).

Наконец, у меня есть к Вам большая просьба. Вы говорили о своей небольшой работе “Слово в романе”. Я очень хотел бы познакомиться с ней и, в частности, процитировать её в главе о романе для нашей “Теории литературы”. Очень был бы благодарен, если бы Вы мне её прислали. Пользуясь Вашим любезным приглашением, я обязательно приеду в Саранск вместе с Леной в конце июля–начале августа (как только получу отпуск) и привезу обратно рукопись.

Бочаров и Палиевский всё ещё изучают Вашу главу, но поклялись, что на той неделе вышлют Вам свои отзывы. Не помню, писал ли я Вам о статье Палиевского в № 6 “Нового мира”. По-моему, превосходнейшая вещь. Может быть, посмотрите...”

Из письма Михаила Бахтина Вадиму Кожинову 18 июля 1962:

“... К сожалению, не могу выслать Вам рукопись “Слова в романе”, так как единственный имеющийся у меня экземпляр совершенно не пригоден для чтения: я несколько раз начинал его переделывать, исчеркал, изрезал, разобратся в нём даже мне теперь трудно. Кроме того, работа эта уже не отвечает моим теперешним воззрениям...”

“Фантомы” Палиевского достал и приступаю к изучению...”

Из письма Вадима Кожинова Михаилу Бахтину 20 сентября 1962:

“Дорогие Елена Александровна и Михаил Михайлович!

... Этим летом мы немало повидали. Последняя наша поездка, очень краткая, была особенно прекрасной. Мы были в маленьком ровеснике Москвы – Переяславле-Залесском. Там сохранилась – помимо изумительного собора XII века – почти сказочная улица-река Трубеж, впадающая в похожее на море Плещеево озеро. Её устье (около километра) представляет собою именно улицу, нечто венецианское, но в то же время совершенно до боли русское. Домики северного типа стоят, почти прижавшись друг к другу, а перед ними, у берега, так же тесно стоят в реке лодки. Улица живёт на реке. И всё это

стремится к озеру-мору, у выхода в которое, на самом берегу, высится храм со стройной колокольней; когда-то звон её, наверное, наполнял весь водный простор. И сама эта колокольня — как маяк.

Впрочем, почти невозможно даже намекнуть, как всё это чудесно. И северные лодки — длинные, узкие, изящные, очень напоминающие гондолы. Нам весьма повезло — мы познакомились и подружились с коренным переяславцем, влюблённым в эту реку и озеро, очень милым человеком, который с наслаждением возил нас на своей моторной лодке (там все прикрепляют к своим гондолам небольшие, похожие на примусы моторчики) по реке и озеру. Всё это было как сон.

... Ещё мне хочется немного сказать о том более или менее цельном впечатлении, которое составилось у меня теперь о Ваших работах (всех вместе, которые я знаю, — о Рабле, о Достоевском, о романе — т. е. связанных с позднеантичной прозой). В своей цельности они представляют поразительно глубокую и масштабную концепцию всего развития словесного искусства и даже шире — культуры. Вы раскрыли сущность трёх родственных эпох или культур, символизируемых понятиями “менипповой сатиры”, “раблезианской стихии” и творчества Достоевского. Остальные эпохи — классической античности, официального Средневековья и (пожалуй, можно назвать так) Просвещения — постигаются, выявляются по контрасту с этими эпохами наиболее глубокой и многогранной культуры. Более того, и в эти “внешние” и по-своему ограниченные эпохи (цивилизации) открытое Вами состояние культуры живёт, продолжает развиваться как подспудное, ушедшее вовнутрь течение. В три изучаемые Вами эпохи происходит как бы взрыв, и глубинные воды — даже океан — выплёскиваются наружу...

Но значение и ценность Ваших работ не ограничиваются этим “диахроническим” аспектом. Есть и другая сторона — синхрония, которая относится уже не к движению культуры вообще, а специально к литературе (как “оболочке” — так и в лингвистике синхрония касается самой формы языка) (простите, что я так неуклюже и варварски объясняюсь!).

И в этом смысле поразительно опять-таки широта Ваших результатов. Ибо почти вся проблематика теории литературы получает оригинальное и глубокое решение — в особенности всё, что касается художественной речи как первой и в то же время последней реальности литературы. Но так же и сюжетика, и проблема образа (как структуры художественного мира).

Вы легко бы могли написать интереснейшую и в то же время классическую “Поэтику” — первую подлинно органическую после Веселовского.

Впрочем, что об этом говорить? Если бы Вы хотя бы сделали то, что почти обещали, — статью о слове в романе на материале “Онегина”. Я уже договорился об её немедленном опубликовании в “Вопросах литературы”. Может быть, всё-таки напишете?..”

Эта статья Бахтина будет опубликована через два года в любимом кожиновском журнале.

Проходит ещё полтора месяца. Кожинов подробно пишет Бахтину о работе над томами “Теории литературы”, статьи в которых “пришлось с утра до ночи дописывать, переписывать, готовить к печати”, что “с “Достоевским” всё никак не могут решить вопрос о редакторе — то хотя бы обойтись без него, то начинаю лихорадочно искать среди всяческих кандидатов”, что с “Рабле” “всё идёт превосходно... Теперь дело за главной редакцией издательства. Завредакцией сказал мне, что есть большие основания включить книгу в план 1963 года (а не 1964, как предполагалось вначале)... И, естественно, посвящает Бахтина в круг чтения своей семьи.

Сам Кожинов заповсем читает Розанова. Его супруга Елена Владимировна одержима Бердяевым. “Она читает (разумеется, в библиотеке) его последние работы — такие, как “Русская идея” (1946), “Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого” (1947), “Самопознание (опыт философской автобиографии)” (1948) и другие. Всё это производит на неё громадное впечатление, граничащее с потрясением...”

...А Кожинов со всей читающей страной испытывает новое потрясение. После восторженных слов о только что переведённом и напечатанном в СССР романе Уильяма Фолкнера “Особняк” (“Многие считают, что Фолкнер — крупнейший писатель XX века или, по крайней мере, последних десятилетий”)

разговор заходит о Солженицыне, о только что опубликованном “Одном дне Ивана Денисовича” и прочитанном в машинописной перепечатке рассказе “Не стоит село без праведника”, известного нам как “Матрёнин двор”:

“Наконец, о повести Солженицына. Мне очень интересно Ваше мнение. Мне удалось прочесть ещё другую его повесть — просто о жизни в сегодняшней деревне (м. б., будет напеч.) — и я теперь совершенно уверен, что это поистине великий писатель мирового размаха. И, главное, это вовсе не “лагерная” повесть, какой её стремятся представить. Это о современности вообще. И её подлинное название — “Один день одного зека” (видимо, это название Кожинов услышал от одного из своих тогдашних собеседников. — С. К.) нельзя понимать буквально. Просто люди стали зеками...”

Пётр Палиевский вспоминал, как научный сотрудник ИМЛИ и заместитель Твардовского по “Новому миру” Александр Дементьев приходил в институт с толстым портфелем, где лежала машинопись этой самой повести. “Во!.. Бомба”, — восхищённо-плотоядно облизывался он. “Не подозревал несчастный доброхот, — комментировал Пётр Васильевич, — что эта бомба разнесёт его самого в щепы, откуда уже никогда и никто не сможет его собрать”.

Повесть Солженицына стала главной литературной сенсацией года. В хвалебном хоре, который встретили её появление, смешались все: “сталинисты” и “ленинцы”, “либералы” и “консерваторы”, “правые” и “левые”. Исключений было немного — и мы скажем о них отдельно.

Константин Симонов и Владимир Ермилов, Григорий Бакланов и Александр Дымшиц, Вадим Кожевников и Иван Чичеров, Владимир Бушин и секретарь по идеологии Леонид Ильичёв расхваливали повесть наперебой. “Думается, что А. Солженицын проявил себя в своей повести как подлинный помощник партии в святом и необходимом деле борьбы с культом личности и его последствиями...” “Все эти люди, точные, живые характеры, с такой силой правды и человечностью написанные Солженицыным, — это весь народ, кровная часть его, вырванная насильственно, бессмысленно изолированная от общества. Народ строил, создавал, но такой ли могла быть наша страна сегодня, если бы во все её славные и тяжёлые годы и эти люди были с нами!..” “Повесть А. Солженицына, порою напоминающая толстовскую художественную силу в изображении народного характера, особенно замечательна тем, что автор целиком сливается со своим главным героем, и мы видим всё изображаемое в повести глазами Ивана Денисовича...” Рефреном по всем статьям и рецензиям гремело: “полная правда”, “только такая правда нам и нужна”, “это не должно повториться”, “чтобы это никогда не повторилось”... По рукам ходила “внутренняя рецензия” Корнея Чуковского: “Автор не щеголяет языковыми причудами (курсив мой. — С. К.) (как Даль, Мельников-Печерский, Ал. Ремизов), не выпячивает отдельных аппетитных словечек (как безвкусный Лесков) (курсив мой. — С. К.); речь его — не стилизация, это живая органическая речь, свободная, как дыхание. Великолепная народная речь с примесью лагерного жаргона. Только владея таким языком и можно было прикоснуться к той теме, которая поднята в рассказе”... Чуковский обладал таким литературным авторитетом, что многие и многие из читавших, никогда не открывавших ни Даля, ни Мельникова-Печерского, ни Лескова — могли ему и поверить. Тем более восхитившись его точными наблюдениями именно над солженицынским словом... Кожинов также не остался в стороне. В это время он как раз дописывал 11-ю главу “Происхождения романа” — “О природе художественной речи в прозе”. Заключение абзаца её небесполезно перечитать и ныне, особенно, начинающим писателям.

“Для лучших явлений русской прозы конца 1920-х и 1930-х годов характерно то, что речь, с одной стороны, не подчиняется каким-либо требованиям общего “современного” стиля (то есть стиля поэтической прозы), а с другой — вовсе не повторяет сложившихся форм прозы Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина. Она идёт вперёд, осваивая само движение современной жизни и созидая формы речи как бы непосредственно из форм жизни.

Такова проза Шолохова, в которой вместе с голосами героев звучит голос народа — звучит не рядом, а внутри самих голосов героев, подобно эху. Такова далеко ещё недооценённая проза Андрея Платонова, в речи которой словно бы слышны голоса самой природы, её живых сил — листьев, корней, зёрен — и даже дающей всем жизнь тёмной земли. Такова тончайшая, изящная и в то же время доподлинная, не “поэтическая” проза Олеси... Вообще

для речи новейшей прозы характерно стремление к теснейшему взаимодействию голосов очень разного плана и происхождения — не только человеческих, но и голосов живых существ, вещей, земли, целого народа, мира и вселенной.

В современных поисках в сфере художественной речи прозы наметились две разные устремлённости: с одной стороны, попытки создания ярко выраженного “современного” стиля, напоминающие тенденции прозы начала 1920-х годов, с другой — стремление возвратиться к “истокам”, буквально воспроизвести стиль Чехова и Бунина. Думается, что эти устремления не могут привести к победе, к созданию новой классической прозы. Единственный путь — это упорное, неимоверно трудное и в то же время по-своему “наивное”, “естественное” овладение реальными формами самой жизни, “перевод” этих форм в формы прозаической речи, как бы не опирающейся (во всяком случае, внешне, очевидно) ни на плотный грунт вековой традиции, ни на зыбкое марево “современного стиля”. На этом пути развивается художественная речь прозы Солженицына”.

“Попытки создания ярко выраженного “современного” стиля” (в котором, по сути, не было ничего “современного” кроме введённых в язык автора и героев жаргонных словечек) Кожинов видел в так называемой “исповедальной прозе”, авторы которой (Анатолий Гладилин, Василий Аксёнов и др.) были в это время “на коне” — герои как захваливающей до небес, так и сугубо разностной критики никогда не казались ему заслуживающими серьёзного внимания. Что касается писателей, стремящихся “буквально воспроизвести стиль Чехова и Бунина” — здесь, очевидно, имелся в виду Юрий Казаков, привлёкший внимание уже своими первыми рассказами. В глазах Кожинова это случай более сложный и интересный, но, по сути, так же им отвергаемый. Через несколько лет в статье “Что такое мастерство писателя” он даст своё определение этому понятию, вокруг которого весь XX век ломались критические и научные копья: “Мастерство писателя и поэта — это бесконечное, неисчислимое многообразие способов создания художественного мира. Но всё дело в том, что эти способы должны органически рождаться непосредственно в самом процессе творчества... В том, что мы нередко принимаем за чисто внешние и, так сказать, нейтральные способы обработки слова, именно и воплощается, объективируется художественный мир писателя. Поэтому ввести в своё произведение чужой “приём” — это значит внести кусочек чужого художественного мира и подменить, заслонить им свой собственный”. Как происходит подмена, он и показал на примере Юрия Казакова, его рассказа “Лёгкая жизнь”: “В рассказ Ю. Казакова — вопреки его намерениям — внедряется... сам чеховский художественный мир, в котором запечатлелась так или иначе русская жизнь конца прошлого века, её цельная стихия и структура. И эта давно ушедшая стихия в той или иной мере заслоняет, затемняет современное содержание рассказа...” С этими словами перекликаются позднейшие слова о Казакове его ближайшего друга в литературе Георгия Семёнова: “Он заковал себя в этот стиль и, с поднятым забралом глядя на окружающую реальность, не мог иной раз вырваться на свободу и сказать о всех болях, которыми переполнена была растрёпанная, не укладывающаяся в какие-либо стили, пёстрая, лоскутная наша жизнь. У него, к сожалению (как ни странно звучит это “к сожалению”), не было плохих рассказов, не было явных неудач, провалов.

А эти провалы и неудачи могли бы, на мой взгляд, выбить его из истинного прекрасного седла, в котором он по-рыцарски гордо восседал”.

К более поздним рассказам Казакова Кожинов, судя по всему, отнёсся уже совершенно иначе, во всяком случае, назвал его имя среди писателей, чья проза “принадлежит к поэзии, к художественному творчеству как таковому”... Но вернёмся к Солженицыну.

“Просто человеки стали зеками” — это тогдашний взгляд Кожинова на всю советскую историю, во многом сформировавшийся под впечатлением общения с Бахтиным. Повесть Солженицына пала на вполне подготовленную почву. И все заклинания на тему “не должно повториться” не вызывали у Кожинова ни малейшего отклика. Тем более что он знал: может — и — повторяется. Причём уже в формах, которые не принимало при всевластии Сталина. Разгром подпольных студенческих кружков в МГУ в середине — конце 1950-х ещё можно было проассоциировать с пресловутым “1937-м”, но известия, в том или ином

виде доходившие до слуха о расстреле “сталинской” демонстрации в Тбилиси в 1956-м, и – самые свежие – о расстреле рабочей демонстрации в Новочеркасске, вызывали в памяти уже прославленный во всех исторических сочинениях “красный террор”.

И ничего, кроме брезгливой усмешки, не могло вызвать у Вадима Валериановича опубликованное в “Правде” (! – С. К.) и тут же всеми зачитанное и процитированное, как проявление необыкновенной смелости стихотворение Евтушенко “Наследники Сталина”.

*Он был дальновиден.
В законах борьбы умудрѐн,
наследников многих на шаре земном он
оставил.
Мне чудится,
будто поставлен в гробу телефон.
Энверу Ходжа
сообщает свои указания Сталин.
Куда ещё тянется провод из гроба того?
Нет, Сталин не сдался.
Считает он смерть
поправимостью.
Мы вынесли
из Мавзолея
его.
Но как из наследников Сталина —
Сталина вынести?!*

Это жалкое подражание Маяковскому по своему интеллектуальному и художественному уровню по сути ничем не отличалось от восторгов того же творца десятилетней давности:

*Я знаю:
Вождю
бесконечно близки
мысли
народа нашего.
Я верю:
здесь расцветут цветы,
сады
наполнятся светом.
Ведь об этом
мечтаем
и я
и ты,
значит,
думает Сталин
об этом!*

Изменение “позиции” совершенно не изменило приспособленческой сути. Но и вокруг солженицынской повести клубились свои вихри.

Олег Михайлов рассказывал о реакции на неё многолетнего сидельца, автора “Колымских рассказов” (всерьёз собиравшегося напечатать их в советском издательстве) Варлама Шаламова: “Ну вот, ещё один лакировщик в нашей литературе объявился”. Ещё один многолетний сиделец – Юрий Домбровский – не принял солженицынского Ивана Денисовича Шухова: “... Шестёрка, сукин сын... потенциальный охранник и никакого восхваления недостоин. Крайне характерно, что отрицательными персонажами повести являемся мы, рассуждающие о “Броненосце Потёмкине”, а положительными – гнуснейшие

лагерные суки...” Такая реакция (отразившаяся в частном письме) парадоксальным образом смыкалась с реакцией коммунистических ортодоксов с их печатными страстными возгласами: “А где партия?! Где у Солженицына героико-коммунисты в лагерях?!” И это было ещё не всё. О своём впечатлении от солженицынской повести вспоминал через много лет “младший имлиец” из круга Кожинова Дмитрий Михайлович Урнов. Его рассказ заслуживает того, чтобы привести его в возможно более полном виде:

“Прекрасно помню тот вечер, когда на Пушкинской площади, неподалёку от редакции “Нового мира” мне встретилась наша... соученица..., уже имевшая доступ к редакционным тайнам, и с горящим взором она сообщила, что завтра в очередном номере появится новый Толстой или, может быть, Достоевский! На другой день, читая журнал, то есть повесть о жизни Ивана Денисовича, и не веря глазам своим, я решал для себя вопрос, на кого же из нас нашло затмение? Кто забыл, чему нас учили?... У кого из нас двоих за очевидную литературно-критическую ошибку в суждении следовало бы отнять диплом филолога, литературоведа?... Что было мне обещано в качестве “Мёртвого дома” или “Воскресения”, по моим (я думал, нашим общим) представлениям, не годилось в сравнение хотя бы с “Антоном Горемыкой”! По моим понятиям, из рук вон плохая вещь, психологически невыразительная, стилистически манерная, просто-напросто ёрническая: как можно так писать о таких вещах? Как можно, пережив так много? Это были мои вопросы. Мои, мои – не ваши!... Очередная нелитература, которую подают тебе, приговаривая: лопай, что дают! Я уж не говорю о некоторых критических отзывах по поводу “Ивана Денисовича”, тогда же появившихся, они были ещё хуже, слабее повести, они были высказаны в точности на таком уровне, чтобы повесть сравнительно выглядела шедевром”.

Я не знаю, делился ли тогда Урнов с Кожинным (они тесно общались) этими своими соображениями? Полагаю, что так думал не один Дмитрий Михайлович, но подобные претензии художественного порядка не имели шансов проникнуть на страницы нашей печати, а позже их подменили претензии идеологические... Как бы там ни было, если и состоялся подобный разговор между двумя приятелями, он наверняка принял форму ожесточённого спора. Кожиннов вдохновлялся тем, что его взгляд на Солженицына совпал с бахтинским, чему он получил письменное свидетельство: “Повесть Солженицына я прочитал с истинным наслаждением, – писал ему Бахтин. – Произведение очень значительное и лишённое фальши. Но мне трудно представить себе дальнейший путь Солженицына”... “Дальнейший путь Солженицына уже намечен, – отвечал Кожиннов, – две его небольшие повести печатаются в “Новом мире” № 1. Я их читал; они, по-моему, не менее значительны, чем “Один день...” Кстати, настоящее название “Матрёнина двора” – “Не стоит село без праведника”, а “На станции Кречетовка” – “На станции Кочетовка”. Замечательно, что обе вещи изображают совершенно реальных людей, события и места (всё можно найти на карте)”.

Сюжет “Кожиннов-Солженицын” имел в дальнейшем своё продолжение, даром, что личного контакта между ними так и не возникло. Литературовед (один из наиболее ценимых Кожинным) Владимир Фёдоров вспоминал, как Вадим Валерианович однажды показал ему письмо, полученное от Солженицына, написанное на тетрадном листе в линейку. “Это был ответ Солженицына на письмо... написанное под впечатлением повести “Один день Ивана Денисовича”. Автор письма благодарил за внимание к его творчеству, но вместе с тем выражал сомнение в искренности этого внимания и высказывал подозрение, что на самом деле В. Кожиннов стремится таким образом приобщиться к его славному имени”. Мне, к сожалению, не удалось найти этого документа в личном кожинновском архиве, и я не могу сверить точный текст с фёдоровским его пересказом. Остаётся лишь предположить, что Солженицын к моменту получения кожинновского письма (когда уже всерьёз обсуждалась его кандидатура на Ленинскую премию) начал уже “бронзоветь” настолько, что любое, даже доброжелательное, обращение к нему (разумеется, если не идёт речь о письмах бывших лагерников, на основе которых он воздвигал в это время свой “Архипелаг ГУЛАГ”) воспринимал не иначе, как “приобщение” (или “примазывание”) к его славе.

Ближайшие три года Кожинов проводит в хлопотах по изданию бахтинских книг.

“Ваш “Рабле”, как Вы знаете, переведён в план редподготовки 1964 года. Официально это означает лишь задержку из-за превышения плана выпуска книг по литературоведению. Но я не хочу мириться с этой задержкой. Сейчас М. Б. Храпченко стал и. о. академика секретаря ОЛЯ. С ним легче вести деловые переговоры, чем с В. В. Виноградовым. Потому я решил передать Вашего “Рабле” в издательство АН СССР с помощью Храпченко... Для облегчения сего действия Вадим Валерианович напечатал в “Литературной газете” благожелательную рецензию на книгу Храпченко “Лев Толстой как художник”, не имеющую самостоятельного литературного значения, но тут уже все средства были хороши.

В письме Кожинову, где Бахтин писал о своём “истинном наслаждении” от повести Солженицына, проскользнула тревожная фраза: написав, что в “Советском писателе” приступили к чтению рукописи книги “Проблемы поэтики Достоевского”, Михаил Михайлович добавил: “Но общая ситуация, кажется, резко изменится к худшему”.

Незадолго до этого состоялось знаменитое посещение Хрущёвым Манежа, закончившееся форменным скандалом и необузданной хрущёвской руганью по адресу художников-авангардистов... По сути, это был один из эпизодов многолетней внутрицеховой разборки, когда одна группа художников натравливала высшую власть на другую. Сей “налёт” состоялся 1 декабря, а через 4 дня в “Литературной газете” была опубликована передовая, посвящённая этому “историческому событию” под заголовком “Служить народу!”, статья Бориса Иогансона “Сила искусства” и замечательный в своём роде документ: письмо председателю Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР А. Н. Шелепину группы писателей, приветствующих восстановление “подлинно всенародного контроля, уничтоженного в период культа личности Сталина”: “В годы деятельности ЦКК-РКИ рядом с миллионами добровольных контролёров активно работали советские писатели... Мы считаем себя наследниками этой драгоценной традиции и готовы принять участие в работе Комитета”. В общем, во исполнение мечты Маяковского: “Явившись в ЦКК идущих светлых лет”, писатели готовы поднять “сто томов своих партийных книжек”. Подписали это обращение, в частности, Василий Аксёнов, Николай Асеев, Белла Ахмадулина, Александр Безыменский, Андрей Вознесенский, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Анатолий Гладилин... И никакого “разрыва поколений” между старыми и новыми революционерами, и никакого противоречия “отцов” и “детей”...

А 17 декабря в Доме приёмов на Ленинских горах состоялась встреча руководителей Коммунистической партии и Советского государства с представителями литературы и искусства, где Леонид Ильичёв заявил, что ни Луначарский, ни Ленин не были сторонниками лозунга “Пусть расцветают сто цветов”, и снова обрушился на уже обруганных художников, попутно “проутюжил” Александра Есенина-Вольпина (процитировав его впрямь графоманские стихи, пронизанные чёрной мизантропией) и Новеллу Матвееву... Хрущёв, восхвалив до небес Солженицына, упёрся в проблему “антисемитизма”, взбаламученную к этому времени в писательских кругах, и принялся в этой связи мягко урезонивать Евтушенко (уже напечатавшего свой “Бабий Яр”, связавший грандиозный шум, и прочитавшего уже на встрече строфу из него) и Эренбурга. А заодно произнёс слова, продиктованные старой памятью, но неожиданно оказавшиеся пророческими:

“Если бы этим людям (он имел в виду воинствующих “антисталинистов” и поборников плохо понимаемой “свободы”. — С. К.) дать власть и возможность, вы посмотрели бы, как они с вами поступили бы. Они бы вам показали “свободу” (Аплодисменты). Они сегодня за свободу потому, что их ничтожное меньшинство, но если бы они стали большинством, то они в бараний рог скрутили бы вас. Это была бы свобода в их понимании”.

Бахтин, привыкший к безвестности, с определённым трудом входил в своё новое положение публикующегося автора. А Кожинов торопил события, как только мог. Потому его и тревожило каждое “колебание” идеологической атмосферы — по сравнению с судьбой книг Бахтина, все стычки “либералов”

и “обскурантов”, “правых” и “левых” были для него, что называется, “боем бабочек”.

Каждое новое письмо Бахтину — словно сводки с “издательского фронта” попеременно с обстоятельствами своей жизни.

“27. II. 63.

Рад сообщить Вам, что сегодня пошёл в набор “Достоевский”. Это значит, что отредактированный текст был заново просмотрен и полностью одобрен редакцией. Я при сём присутствовал, замещая Сергея, который уехал отдохнуть недели на три под Москвой — в дом отдыха.

Теперь уже в марте—начале апреля ожидают (если не будет каких-либо неурядиц в типографии) корректуру книги.

1 марта в Гослитиздате будет редсовет, на котором утверждается “Рабле”. Вопрос о включении книги в план, в сущности, совершенно решён. Нет никаких сомнений, абсолютно (редсовет — только формальность). Поэтому я Вам пишу об этом.

У нас всё в порядке. Помним и любим Вас. Живём тихо и что-то пишем, и упрекнуть нас можно лишь в том, что излишне, пожалуй, много пьём. Но в Москве это как чума — кто ни появится — обязательно с “бутылкой”...

“5. VI. 63.

С моей книгой тоже пока всё в порядке, но она мне так опротивела, что я ей совсем-совсем не рад и думаю лишь, как “реабилитировать” себя другой, действительно хорошей книгой, которую я напишу. В связи со всеми обстоятельствами у меня не пошли в печать пять (!) уже набранных статей (в журналах и сборниках). Осталась только одна — самая неинтересная и к тому же ужасно изуродованная (начало вообще написал редактор). Я не имел достаточно мужества просто отказаться печатать её в таком виде, ибо влез в долги, живя на 100 рублей, которые получаю ежемесячно...

Сейчас пишу для главы о романе в нашей “Теории” раздел о “Преступлении и наказании”. Прочёл все “толкования” этого романа — от Страхова до Евнина, но ни одно мне не нравится — кроме маленькой характеристики Лентьева, содержащейся в его замечательной статье о Пушкинской речи Достоевского (в цикле “Наши новые христиане”). Было бы ужасно интересно поговорить с Вами об этом романе. Может быть, что-нибудь напишете очень коротко?

Сейчас мне досталась на некоторое время замечательная вещь — рукопись готовящегося тома “Лит. наследства” с неопубликованными тетрадями и черновиками Достоевского. Это огромный материал, местами очень ценный... (Речь идёт о томе, который вышел лишь в 1971 году. — С. К.)

Думал — писать ли Вам о судьбе “Рабле”... Книга... перенесена в план редподготовки 1964 г. Я самым придирчивым образом изучал историю дела... Впрочем, окончательного решения ещё нет, и я надеюсь кое-что сделать. К тому же — нет худа без добра — пусть всё немного “разрядится”. Книга вначале “проходила” без сучка и задоринки и даже, благодаря поддержке ряда “авторитетных” лиц, “на ура”. Но, конечно, известные изменения смутили редакцию. Я уверен, что всё это временно. Поэтому очень хотелось бы, чтобы Вы не оставляли работы над рукописью (как я понял, у Вас есть в этом отношении совершенно свои, органические соображения)...

Редакцию смутили не только “известные изменения”. В самом издательстве вокруг книги Бахтина клубились ядовитые пары.

Поначалу всё складывалось весьма удачно. Как вспоминала редактор книги Сарра Лейбович, “... в январе 1963 года у нас в издательстве появился новый директор, В. А. Косолапов, и на первом же, так сказать, ознакомительном совещании в нашей редакции он всячески призывал нас перейти к новому стилю работы, — не дожидаясь планов и договоров, спущенных “сверху”, — проявлять собственную инициативу, самим предлагать новые серии, новых авторов, разыскивать их где угодно, вплоть до командировок “в глубинку”.

Не откладывая в долгий ящик, отбросив текущую, достаточно срочную работу, я стала, как и обычно, просматривать новую рукопись. Преодолевая длинноты, громоздкость аппарата и другие атрибуты диссертационного жанра, я всё более и более втягивалась в чтение и оторваться уже не могла.

И поняла: передо мною — ни на что из ранее читанного не похожее, грандиозное, внутренне слаженное “сооружение”; это был захватывающе интересный мир человеческой мысли, исследующей роман Рабле в свете масштабных историко-культурных проблем, глубоких этических и философско-эстетических категорий. Ничего подобного в современном литературоведении мне не попало. “Встреча” с таким автором — событие, дар судьбы, и упустить удачу просто недопустимо. Хотя, сказать откровенно, как раз не очень-то верилось в успех... Конечно, письмо во “Литературке”, но... Всё это — отнюдь не гарантии успеха. Уж очень своеобразная была книга, очень расходилась со всеми канонами и стандартами.

Главного редактора, А. И. Пузикова, на месте не оказалось. Пришлось обратиться к его заместителю — К. И. Бонецкому. В течение многих лет... он заведовал нашей редакцией, и с ним порой удавалось договориться в достаточно сложных ситуациях. Но в новом ранге, повышенный в чине, Бонецкий стал непробиваемо ортодоксален, чрезвычайно осторожен и в этой осторожности непреклонен. Вот и теперь на все мои доводы он ответил примерно так: “Выкинь ты, Саррища (мы были сокурсниками по Пединституту имени Ленина, а Бонецкий отличался любовью ко всяким прозвищам), эту идею из головы, я о диссертации Бахтина знаю, и не надо с ней связываться — в ней одна латынь да порнография. Эта книга не для широкого читателя, пусть ею займется издательство “Наука” — там люди учёные, они и разберутся, а нам такая книга не нужна”.

... Я сразу же направилась прямо к Косолапову, директору издательства. Ну, думаю, что скажет директор... Ведь сам он ещё недавно призывал привлекать новых авторов, к тому же — письмо с такими мощными подписями, такие отзывы... Но, с другой стороны, — мнение Бонецкого, Косолапову оно должно быть известно...

Однако, представьте, Валерия Алексеевича не пришлось уговаривать. Как-то очень, ну уж очень охотно, не раздумывая, он поддержал предложение редакции издать у нас “Рабле”. Тогда я не соотнесла это с тем фактом, что письмо во “Литературке” было помещено с одобрения того же Косолапова — тогда главного редактора этой газеты. Кому же теперь, как не ему, главе издательства, воплощать в жизнь то, к чему призывала его газета. Правда, теперь, уволенный из “Литературки” за опубликование в ней “Бабьего Яра” Евтушенко, он был осмотрительнее, да и времена, как я говорила уже, изменились в сторону идеологической жёсткости. Но ему, видимо, напомнили о том самом письме. Он, наверное, не отказывался, но медлил, тянул. Инициатива редакции послужила решающим толчком, и согласие директора было получено.

Во всяком случае, примерно с середины 1963 года перед бахтинской книгой открылась “зелёная улица”. С автором решили заключить договор, рукопись включили, минуя план редподготовки, прямо в текущий план выпуска... Так М. М. стал нашим автором, а я его редактором, поскольку мне, в соответствии с моей специальностью, обычно поручалась работа над книгами по истории зарубежной — и прежде всего французской — литературы...

25 сентября 1963 года Михаил Бахтин получил сигнальные экземпляры “Проблем поэтики Достоевского”. На следующий день он написал письмо Кожинным: “Дорогие Елена Владимировна и Вадим Валерианович!

Вчера получил экземпляры своей книги. До последнего момента мне как-то не верилось. Свершилось, в сущности, чудо. И совершили его Вы...

Сейчас я начинаю рассылать книгу... Сообщите мне, пожалуйста, адреса всех лиц, подписавших заявление (Виноградова, Федина, Храпченко, Рюрикова и др.), а также Палиевского, Карякина и все тех, кому, по Вашему мнению, следовало бы послать книгу.

С удовольствием вспоминаем наши малеевские и московские встречи, особенно последнюю в Вашем доме. Жаль только, что нам мало пришлось поговорить на теоретические и философские темы. Но это от нас никуда не уйдёт”.

“Радуюсь вместе с Вами, — отвечал ему Кожин, — я ведь тоже, честно говоря, не верил до последнего момента, что книга выйдет. Я Вас от всего сердца поздравляю.

Вместе с тем, это, конечно, самый первый шаг — ведь книга переиздана, — хотя я и прекрасно понимаю, что 4-я глава представляет собою, в сущности,

особую и невероятно ценную книгу. Но, так или иначе, дело теперь за Рабле.

У Вас, я знаю, есть иллюзия, что я “деловой” человек. Это глубокое заблуждение, что видно хотя бы по моей книге о романе, которая барахтается по редакциям уже более четырёх лет. Вы спрашиваете, как обстоит с ней дело, — честно говоря, даже не знаю. Всё хочу позвонить в редакцию, но не соберусь никак. . .”

Ещё через 10 дней в очередном письме Кожинов пишет Бахтину о первом редакторе книги, с которым считает необходимым разделить заслугу по её выходу:

“Очень благодарил Вас Л. А. Шубин. Вы, быть может, не представляете, как много он сделал для “проталкивания” книги. Он так воевал, что, в конце концов, его оставили от её редактирования и решили взять редактора со стороны (тут уже удалось “подсунуть” С. Г. (Бочарова. — С. К.), ибо в издательстве не знали, кто он, собственно, такой, — знали, что кандидат наук и работает с Эльсбергом. . .). Вообще, Лев Алексеевич — чудеснейший человек. Очень жаль, что Вам не удалось с ним ближе познакомиться. В частности, он более других чуток к религиозным проблемам (у Гачева это, по-моему, чисто рационалистический интерес)”.

В это время эпистолярное общение чередовалось с личным. Бахтин приезжал в Москву и, как он писал, гостил у Кожинова. Кожинов посещал Саранск и, как вспоминала Нина Куканова, читал спецкурс на филологическом факультете Саранского университета. “Наряду со студентами его посещали и преподаватели. Это был далеко не юноша, а, скорее, сложившийся учёный” . . .

10 лет спустя, уже в своей московской квартире (о переселении Бахтина в Москву и позднейших спекуляциях в связи с этим переселением ещё пойдёт речь) Бахтин в беседе с Виктором Дувакиным в связи со своей книгой о Достоевском вспомнил Кожинова.

“Бахтин. — Второе издание я делал, сидя в Саранске, да-да. Ко мне туда приезжали Кожинов, редактором моим был. . . Сергей Георгиевич Бочаров. Вот. . . Я был тогда ещё, собственно, “минусник”, никому не известен. Книжку эту забыли — “Достоевского” . . . Он всё это сделал. Ведь если бы не он. . . Я и не собирался. И “Рабле” у меня лежал в столе готовый, но я не думал его публиковать и считал, что это невозможно и так далее. А вот он явился — и всё сделал. . . Прошибал всё это! Прошибал, и гениально прошибал. . . И вообще, я-то его знаю хорошо уже, и достаточно хорошо — нет, это бесстрашный человек. . .”

Я намеренно опускаю здесь встречные реплики Дувакина — до них ещё дойдёт очередь. Напомню, что диалог этот состоялся в 1971 году, когда многие бывшие друзья и хорошие знакомые Кожинова стали воспринимать его не иначе, как лютого врага.

Что же касается Бахтина, то его слова о “бесстрашии” Кожинова были вызваны, думаю, не только воспоминанием о том, как его молодой друг пробиравал книги через все “инстанции”. Видимо, всплыла в памяти и трагикомическая сцена, когда Бахтин уже отчаялся и решил не издавать “Творчество Франсуа Рабле”, и тогда Кожинов, приехавший к нему в Саранск в сопровождении Дмитрия Урнова, вдохновлённый Еленой Александровной (“Отнимите у него рукопись!”), буквально вырвал манускрипт из рук Бахтина. Вырвал, увёз в Москву, сдал в Гослитиздат — и не спускал руку с “пульса” до самого выхода книги в 1965 году.

ВИКТОР БАКИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА ШОЛОХОВА

В Центральном государственном архиве Кировской области (ЦГАКО) хранится уникальная переписка знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова с уроженцем вятской земли Дмитрием Крупиным, занимавшим в тридцатые — пятидесятые годы прошлого века должность управляющего делами ЦК ВКП(б) (с 1952 года — ЦК КПСС).

Неожиданная находка

Целая подборка из 17 писем (одно машинописное, но с личной подписью писателя, все остальные написаны непосредственно рукой автора “Тихого Дона”) и 3 телеграммы (одна отправлена в День Победы – 9 мая 1945 года), адресованные Дмитрию Васильевичу Крупину, четыре отрывка из романов “Поднятая целина” и “Они сражались за Родину” (листы машинописного набора и гранки для публикации в газете “Правда”) с дарственными надписями Шолохова своему адресату и его детям – Владимиру и Тамаре, черновик речи на II Всесоюзном съезде писателей и групповой снимок Михаила Александровича Шолохова и Дмитрия Васильевича Крупина с делегатами XXII партийного съезда от Кировской области, а еще два письма Марии Петровны, супруги писателя, жене Крупина, к одному из которых приложена фотография Шолохова на рыбалке... Такая неожиданная находка обнаружена в ЦГАКО, в хранящемся здесь личном фонде известного кировского краеведа Василия Пленкова (1897–1979).

– Что представляет собой архив Пленкова? Это достаточно обширный комплекс документов, который состоит практически из тысячи дел. И каждое дело – довольно толстая отдельная папка, – поясняет сотрудник ЦГАКО Михаил Меланин. – В эти архивные папки Василий Георгиевич Пленков из года в год собирал различную информацию об исторических личностях, непосредственно связанных с Вятским краем. Это военные, партийные и хозяйственные деятели, учёные, писатели и даже народные умельцы. Собирал из общедоступных источников. Это выписки из книг, вырезки из газет и журналов, запросы в архивы, ответы на них, личная переписка с родственниками, знакомыми, друзьями известных земляков... И Дмитрий Васильевич Крупин, по всей видимости, изначально заинтересовал краеведа как активный участник установления Советской власти на юге Вятской губернии. И лишь позднее, возможно, даже совершенно случайно у них зашёл разговор о писателе Михаиле Шолохове...

Родом – вятский...

“Родился в 1895 году, родители – крестьяне села Троицкое (Кучка) Оршанской волости Яранского уезда Вятской губернии (ныне это территория современной Республики Марий Эл. – Авт.)” – так начинает свою автобиографию, также хранящуюся в ЦГАКО, Дмитрий Васильевич Крупин. А следом, уже в других воспоминаниях, озаглавленных одним словом “Детство”, подробно останавливается на первых годах своей жизни, признаваясь в неизменной любви к родному краю. Вот эти откровенные строки:

“... В день своего семидесятилетия я получил письмо от товарища по семинарии. Он напомнил мне о нашей родине и спросил, помню ли я свой край и любимую Вятку. Письмо меня взволновало...”

Вятку в молодые годы я любил особенной любовью. Когда на Вятку со всех сторон в 1918 году рвались интервенты, и каждый из них по-своему уже мечтал о нашем лесе, руде, хлебе и других богатствах моего края, во мне поднималась буря негодования против захватчиков, и мне всем сердцем хотелось сберечь её, как родную мать.

Да, я люблю свой край, свою Оршанку и родную Кучку такими, какими их сохранила моя детская память...

Край Вятский, а также и Марийская республика – обширный интересный край со своей сказочной суровой природой, её голубыми далями у трактов из вековых берёз и девственными лесами. А леса наши, насыщенные дарами природы Севера, всегда были любы терпеливому нашему народу...

Этот благодатный край имеет вполне достойных себя обитателей – они хлебосольны, радушны: “Чем богаты, тем и рады!” Детвора моего края тоже очень любит и ценит щедрые дары природы – лесную снесь: землянику, грибы, малину, чернику, костянику, орехи-лещину, а поспевающие семена черемухи считает лучшим лакомством. Нашими любимыми “фруктами” были репа, горох и брюква. Да разве всё перечислишь!

Удивительно трудолюбивый наш край, и дети там такие же труженики, как и их родители, как говорят, “от белых мух до белых мух”. Все трудятся летом, ведь один день год кормит. Лето у нас короткое, да и солнце не балует ни взрослых, ни детвору. Это и породило множество сказок, былин и поговорок... “Вятский народ хватский, знает, почём фунт лиха”.

Суров с виду вятский человек, неразговорчив, а приглядишься к нему – он полон заботы, тревоги, человечности, теплоты душевной.

От мала до велика все подельцы-кустари. Каждой породе дерева цену знают, зря не рубят. Липа с малолетства была для нас кладом, знали, что это и обувь – из лыка липы плели лапти, и ложка, и игрушка.

Ивушка весной плачет, а зимой греет. От её коры дубятся шкуры-овчины. И все это делали детские руки вместе со взрослыми, а руки у всех золотые.

Женщина в хозяйстве – это большая сила. Она несёт на себе большой труд, выращивая лен. А сколько нужно умения и сноровки, чтобы получить лён, куделю, которые в хозяйстве необходимы, а ещё сложнее получить хорошее полотно для рук и скатерть-самобранку. В былые времена из холста (новины) шили одежду, бельё и даже верхнюю одежду.

А ржаной ароматный хлеб – это трудный хлеб в нашем крае для хлебороба. Но ведь он засушный, нужный для труда, для жизни на год, и потому он уже превращается из труда в радость, ведь в труде радость...

Анализируя жизнь края в конце XIX и начале XX века, считали, что волевой вятский народ давно привык к земской самостоятельной жизни – расширяли сеть земских школ, учительских семинарий, фельдшерских и ветеринарных училищ и фармацевтических школ. Крестьянство стало прививать самостоятельно высокую культуру на средства земства, но все эти преобразования шли туго...

Светлую память оставила о себе моя первая учительница Мария Петровна Рокина. Она была с очень большой красивой душой, начитана и для того времени довольно образованная. В класс она приходила с интересными фантастическими книгами, подолгу рассказывала об Икаре, Жюле Верне и других замечательных людях, о русских исследователях. Как её ученики, так и их родители называли её за глаза не иначе, как только ласково “наша учителька Марьюшка”, а матери ещё прибавляли “её, рожоную в большом табуне, сразу выберем”. Она была подлинно народной учительницей, и все шли к ней за советом.

Когда подросток превращается в юношу и уже начинает мыслить по-взрослому, то у него есть свои положительные герои, похожим на которых он хочет быть. Так было и со мной. Мне хотелось подражать моей учительнице, когда и я буду учителем, и надо сказать, что впоследствии мне это удалось.

Получив начальное образование, я учился в Сернурском училище. В эти годы первыми моими думами о своём жизненном пути были думы о выборе профессии, чтобы быть полезным народу.

Учился я с рвением, всё мне было интересно. Школу закончил успешно. Родители против моего образования не возражали и привезли меня в слободу Кукарку, где я успешно поступил в учительскую семинарию.

Трудно было деревенскому пареньку учиться в незнакомом посёлке, далеко от родителей. Да и материальные затруднения давали о себе знать. Но с малых лет я был приучен к труду. Я не растерялся и стал работать кухонным рабочим в столовой нашей семинарии. В старшем возрасте давал уроки ученикам в качестве репетитора. На старшем курсе в семинарии мне была положена стипендия 5 рублей в месяц.

Хотя Кукарка в ту пору была захолустьем, удалённым на сотни вёрст от железной дороги, всё же жизнь и учёба проходили там интересно, и было это благодаря нашим преподавателям семинарии, людям чутким, с прогрессивными мыслями. Им же я обязан знакомством с произведениями таких великих революционных демократов, как Белинский, Добролюбов и Чернышевский, а кроме того, я увлекался Л. Н. Толстым. Это ещё больше открыло мне глаза на жизнь и положение простого народа.

В 1912 году я закончил семинарию...

Война, революция, мирная жизнь...

Самостоятельную взрослую жизнь начал Крупин на Дальнем Востоке – работал учителем начальной школы и двухклассного училища в Хабаровске. Затем Юго-Западный фронт: воевал против австро-германских войск. После февральской революции начал агитационную работу в своём полку, вступил в ряды РСДРП. Как активный член полкового комитета, в переломные октябрьские дни свергал военных и гражданских ставленников Временного правительства Керенского.

В декабре 1917-го вернулся на родину. И здесь активно включился в революционную работу: при организации советских органов власти был избран первым председателем сельского, следом волостного Совета, потом первым председателем уездного исполкома и заместителем председателя губисполкома. С июля 1918 года снова сел в седло: командовал красногвардейским отрядом по подавлению кулацко-эсеровских восстаний в Уржумском, Нолинском и Яранском уездах Вятской губернии.

С мая 1919-го – в действующей Красной армии: сначала на Восточном фронте воевал против Колчака, затем на Северо-Кавказском фронте был военкомом и членом Реввоентрибунала, а последние два армейских года – старшим инспектором политуправления Реввоенсовета республики.

Дальше – советская и хозяйственная работа. В Вятской губернии – директор бумажного треста, председатель Уржумского уездного исполкома. В период сплошной коллективизации – председатель Кубанского колхозсоюза, директор Кубанского сельхозинститута технических культур.

В течение двух лет (1937–1938) Дмитрий Васильевич Крупин работает секретарём Ростовского обкома ВКП(б). Избирается депутатом Верховного Совета РСФСР по Миллеровскому избирательному округу. Возможно, именно в это непростое предвоенное время и произошло его знакомство с уже известным советским писателем Михаилом Шолоховым, с годами переросшее в настоящую многолетнюю мужскую дружбу.

Добавлю ещё, что в период Великой Отечественной войны наш земляк был одним из руководителей Центральной комиссии по сбору тёплых вещей для армии, а в пятидесятые годы занимал высокую должность управляющего делами ЦК КПСС.

Письма периода войны

Представив читателю адресата Шолохова, вернёмся непосредственно к переписке. Семь писем писателя относятся к периоду Великой Отечественной войны. Причём самое раннее из них датировано 29 июня 1942 года.

Вот эти послания:

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Ещё раз большое спасибо за ту радость, которую Вы доставили моей семье. Сейчас мне ничего не нужно, всё есть в избытке. Недели через три, если можно, пришлите что-либо из фруктов, и это – всё. Крепко жму Вашу руку.

М. Шолохов.
29. VI. 42

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Большое спасибо за всё. То, что привёз от вас, почти всё оставлено в Вёшенской во время бомбёжки. Но это всё – гори бы с ним. Навсегда оставил там мать, убитую немецкой бомбой.

Если будет возможность, пришли, пожалуйста, папирос, сухого вина, консервир[ованных] фруктов (без последнего можно прожить). Если кто будет ехать от вас[,] пусть захватит у [слово зачёркнуто] (тогда позвони ему сам) одну штуку, которую я прошу у него. Крепко жму руку, обнимаю.

М. Шолохов.
15. VII. 42

Думаю, будет уместно напомнить читателю, что в самом начале 1942-го Михаил Александрович едва не погиб: самолёт, на котором он летел в Куйбышев (ныне это город Самара), при посадке потерпел серьёзную аварию. Писатель получил тяжелейшую контузию, но, как заметил Поже в письме жене, “кое-как выхромался...” Впрочем, ещё долгое время Шолохов практически ничего не мог есть – любая пища вызывала у него рвоту.

И тем не менее, он работает – работает напряжённо: 22 июня, в годовщину начала войны, газета “Правда” печатает его рассказ “Наука ненависти”.

Ну, а 8 июля случилась трагедия: в Вёшенской погибает мать писателя, Анастасия Даниловна, – во время налёта вражеских самолётов бомба упала во двор, снесла все хозпостройки и крупными осколками страшно изуродовала пожилую женщину. При этом практически полностью был уничтожен и архив писателя.

Следующие два письма относятся к третьему году войны.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Доехали мы с т[оварищем] Пановым хорошо и без происшествий, если не считать того, что в дороге придавил меня грипп, да так основательно, что в Саратове пришлось вызывать врача (благо, что стояли там 1½ суток). Даже сейчас побаливает голова, но понемногу прихожу в норму и, видимо, скоро засяду за работу, ту самую, о которой говорил [слово зачёркнуто]. Предстоящая работа меня захватывает. и думаю, что послужу нашему делу с честью.

Весь мой народ – большой и малый – горячо благодарит тебя за всё, что ты сделал для нас, и просит меня обнять тебя за них, что я охотно делаю, хотя теперь нас с тобой и разделяют многие сотни километров.

О дальнейших моих жизненных планах я тебе напишу, как только оформится в сознании костяк задуманной книги и хоть что-нибудь сделаю для начала. Не исключена возможность, что м-ца через 1½ – 2 придётся снова приехать в Москву, чтобы оттуда напрямик дунуть на фронт.

Панов выезжает в Москву завтра. Вместе с ним едет мой родственник, военврач Кириллов, который вручит тебе это письмо.

По поводу Кириллова обращаюсь к тебе со следующей просьбой: Кириллова, как оказывается, нач[альник] Военно-Санитарного Управления т[оварища] Смирнов решил отчислить в резерв. Ему придётся работать в одном из тыловых госпиталей. Нельзя ли перевести его в один из уральских госпиталей (их здесь несколько и обслуживают они раненых, поступающих с ближайших

фронтов). Нужда во врачах здесь огромная, а мне это было бы весьма с руки потому, что сей доктор и меня многократно лечил от всяческих болезней, и ребяту у жены принимал, так что в случае нужды, когда до Кремлёвки не дотянешься, хоть будет к кому обратиться. Как-никак — свой врач в семье, а своему ведь всегда больше веришь. Пожалуйста, позвони т[оварищу] Смирнову. Ему-то, вероятно, всё равно, где бы подчинённый ему Кириллов ни резал, лишь бы хорошо резал, а нашим, живущим “...на краю Руси обширной, вдоль уральских берегов”, — это обстоятельство весьма важно.

Передай от меня поклон и добрые пожелания жене и Тамаре, а Володюшку расцелуй за меня в маковку. Парень он — настоящий! Больничное яблоко-то так и осталось лежать в столе, в номере “Националя”. Беда со старческой памятью!

Ну, будь здоров, дорогой Дмитрий Васильевич! Крепко обнимаю тебя и жму руку. Ещё раз — спасибо за всё.

Твой М. Шолохов
2 января 1943 г.
п. Дарьинск

Дорогой Дмитрий Васильевич!

После долгих мытарств сейчас всем колхозом находимся в Камышине. А начались эти мытарства с 20-х чисел октября, когда, приехав на разведку в Николаевку и поговорив с секретарём РК, я, как говорится, с “приятным изумлением” обнаружил, что ни Чуянов, ни Прохвятилов никому из николаевцев ничего не сказали о моём <готовящемся> переезде, что квартиры нет и в помине и пока не предвидится и что вообще мой приезд — нечто вроде снега на голову...

Не теряя времени, отправился в Камышин в надежде, что авось по ошибке предупредили камышинского секретаря, а не николаевского. Но и тут оказалась такая же история: никто ничего и сном-духом не знает.

Зимовать всё же решил я на Волге. И вот пока в Камышине готовили квартиру, пока грузовые машины шли из Камышина в Уральск, а я, вернувшись в уральские степи, томительно бездельничал, с часу на час ожидая прихода машин, прошло 2 недели, и только 10/XI мы выехали, а тем временем выпал снег, потом пошёл дождь и с полпути пришлось не ехать, а ползти по грязи и всячески бедствовать. Словом, это время мы целиком и полностью подошли под рубрику тех, о ком в своё время в церквях молились, как о “...плавающих и путешествующих”.

Ещё в цветущем, солнечном Казахстане схватил я какую-то свирепую азиатскую ангину, ехал лежа в машине с жесточайшей головной болью, отлеживаюсь и сейчас, но уже в состоянии и работать помалу и поворачивать голову по-человечески, а то был, как волк: чтобы оглянуться, приходилось поворачиваться всем корпусом.

В Камышине устроились хорошо. У меня даже отдельная рабочая комната есть, чего не было, к сожалению, с 41 г. И вот теперь я — счастливый и довольный — сижу в одиночестве и, словно кочевник, впервые вкусивший сладкого яда культуры, — с наслаждениемзираю на настольную электролампочку. Что там ни говори, а она, подлая, лучше любой керосиновой “молнии”!

Сейчас стоят длинные ночи, настала самая рабочая пора для меня, и не знаю, когда придётся быть в Москве. Может быть, в январе, а если Светлане удастся побывать у нас во время зимних каникул, то и позднее!

Книга моя медленно идёт к концу, но зная по опыту, как к концу невольно теряешь первоначально взятый разгон, — не тешу себя зряшными надеждами и думаю, что ещё полгода мне над ней сидеть да сидеть!

Большая просьба к тебе, Дмитрий Васильевич, пришли папирос, сахару и кофе, если есть у вас этот заморский продукт. Табачком обнищал окончательно, даже 15 стаканов тамбовско-кирсановской махорки, купленной по дороге из Москвы, покурил; с помощью добрых людей, конечно! Сахару в доме нет, а кофе твои хозяйственники прошлый раз отпустили ровно в количестве 100 гр[аммов]. Цифра эта, безусловно, неплохая, особенно в жидком виде и перед обедом, а что касается кофе в таком количестве, то мы долго думали с Мар[ией] Петровной: когда и как его употребить (распределяли примерно так, как немецкий солдат распределял свой суточный табачный паёк из трёх сигарет), словом, нет этого бедного кофе, не залежалось оно!

Посылку можно направить самолётом или поездом на Сталинградский обком, а они перешлют мне, или же я по получении пошлю за ней машину.

Спасибо за внимание и помощь Светлане. Передай от всех нас привет и добрые пожелания Марии Георгиевне, Тамаре и Вове. Крепко жму руку и обнимаю тебя!

Твой М. Шолохов.

Р. С.: С отрывком получилось очень плохо. Я отлично понимаю, что “Правда” – не литературная газета, но раздробили они так, что я, прежде чем посылать в газету новый отрывок[,] ещё подумаю, стоит ли? И не начинать ли прямо с журнала?

М. Ш.
25/XI-43

Сделаю небольшое пояснение: в конце своего письма Шолохов сетует на публикацию в газете “Правда” глав нового романа “Они сражались за Родину”, которой он, по всей вероятности, был не очень доволен.

Камышин
19. III. 44

Дорогой Дмитрий Васильевич!

В Сталинграде, провожая Светлану, написал тебе письмо, но отдать Светлане забыл, да так и провозил его в кармане две недели. На днях вернулся из поездки по Дону. В Вёшенской побывать не удалось – застала в дороге весна, и речушки стали непроездны. Вернулся из ст-цы Кумылженской. Но зато полностью осуществил “программу” и побывал на той стороне Дона, на местах прошлогодних боев (Сиротинский плацдарм – Клетская). Год прошёл с той поры, как отгремели там последние выстрелы, а всё вокруг ещё дышит войной: в развалинах стоят хутора и станицы, ещё не заросли травой воронки от бомб и снарядов. Повсюду степь изрыта – окопы, ходы сообщения, блиндажи и дзоты, но время уже кладёт “печать забвения” на все это. Странно выглядит, например, разбитый немецкий танк в глухой теперь степи: люки открыты, внутри танка насыпью лежат расстрелянные пулемётные гильзы, вокруг валяются неиспользованные снаряды, куски изорванной взрывом гусеницы, а на башне танка густо лежит птичий помёт... Ржавеющее под дождём стальное чудовище стало приютом для степных птиц. Я влез на танк и обнаружил на башне шерсть и косточки полевой мыши; видимо коршун или кобчик устроили там себе столовую и наблюдательный пункт...

Наши трофейщики пока ещё не в состоянии собрать всё это имущество, и разбитая вражеская техника “используется” птицами для своих целей. Да и не только немецкая техника не свезена со степей. От Михайловки до х[утора] Левина видел два наших исправных (внешне) танка. Там боёв не было, но к Дону двигалась одна наша танковая армия, и эти два тяжёлых танка брошены, видимо, из-за неисправности моторов. Пора бы, кажется, взять их в дело, а вот стоят на грейдере и ждут хозяев... Я вспомнил, с каким дьявольским трудом, под огнём противника наши эвакуаторы вытаскивают с поля боя повреждённые машины, зачастую искалеченные, а тут этакое пренебрежение, и как-то невольно стало грустно. Одной рукой экономим, а другой преступно расточительствуем.

Очень сложно сейчас в районах. Готовятся к севу, а основной клин – просо. Ты знаешь, какая это ехидная культура, и тревога за уборку у народа весьма законная. А с пшеницей – плохо. Ну, да обо всём этом расскажу при встрече. Очень интересные цифры, и тебе как старому сельскохозяйственнику они будут весьма понятны. Был ли ты в Кремлёвке, и как твой камешек? Светлана рассказывала, как врачи на тебя устраивали облаву, а ты успешно спасался от них в недрах ЦК. Это здорово меня развеселило! Я решил следовать твоему примеру и сейчас не ехать в Москву, т[ак] к[ак] нужды в этом не испытываю и после поездки уже сел за работу. Думаю быть в вашем хорошем городе не раньше мая, при условии, если меня не подведёт Мария Петровна (она всё что-то киснет). А я, даже проделав 700 км по совершенно немыслимой дороге, чувствую себя хорошо (к собственному удивлению и радости) и вполне работоспособно.

В апреле, может быть, пошлю тебе и в печать новый отрывок. Ну, вот написал тебе и вроде как в гостях у тебя побыл, и даже во рту осталось ощущение, как будто вашего хорошего чая с лимоном выпил...

Крепко обнимаю тебя, желаю здоровья. Передай от нас привет и добрые пожелания Марии Георгиевне, Тамаре и Вовке от меня – особый.

Оторви из блокнота листок и напиши несколько строк, что я, мол, жив и здоров и тебя, Шолохов, приветствую. Что-нибудь в этом духе, хотя и коротко, я и этому буду рад.

Твой М. Шолохов.
Камышин, Сталингр[адская] набережная, 74

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Ты, безусловно, прав в своих предположениях – муза переехала из Камышина вместе со мной, но вся беда в том, что она у меня существует по старинке и до сих пор не механизирована, а потому мы с ней и отстали от тех, которые сражаются за родину, на 2 года во времени и на 2 тысячи километров в пространстве...

Утешаю себя тем, что кляча – муза моя, а я ещё почти добрый молодец, но что будет через 20 лет, когда и я стану клячей? Куда мы тогда дотащимся? Думаю, что не дальше Ваганьковской трамвайной остановки.

Но пока я так “возвышенно” размышляю[,] жизнь диктует мне не стихами, а грубой прозой: нет краски для того, чтобы закрасить иссечённую осколками крышу, стекла хватило с трудом лишь на одни рамы, а на зимние – нет... И вот я уже, отбросив к чёрту чистое и святое искусство, пишу слезницу Петухову, а тебя прошу поддержать моё вымогательство, ибо всем людям, а также и музам свойственно зимовать под тёплой крышей и в доме по возможности утеплённом.

Когда же ты приедешь в наши края? Сейчас ловится в Дону и Хопре роскошная, прямо-таки старинная стерлядь, в поле множество куропаток. Приезжай, пожалуйста, хоть на несколько дней! Покупаешься в Дону и чудесно отдохнёшь. А отсюда я сопутствовал бы тебе до самой Москвы. Напиши, когда ждать, и ждать ли?

В Ростове я ещё не был. Работаю. Послал Чагину письмишко, т[ак] к[ак] нужны деньги и пора уже закабальяться. К концу года думаю кончить роман, а то может выйти весьма конфузно и обидно: на полях сражений война закончится, а я в грустном одиночестве всё ещё буду проливать чернильную кровь на бумаге...

Наши все кланяются тебе и просят передать привет Мар[ии] Георг[иевне], Тамаре, Вове.

Обнимаю и крепко жму руку.

Твой М. Шолохов
Вёшенская
13. VIII. 44

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией (в Москву вручать подарки подшефной Вёшенскому р-ну кавшколе едет наш человек), шлю привет, поздравляю с великим праздником и вместе с приветом посылаю “плоды охотничьих трудов” – несколько вальдшнепов. Дичь эта превосходная, и в Москве её не найдёшь. Прикажи зажарить к 1 Мая и за рюмкой водки вспомни про охотника. Мар[ия] Петровна от себя шлёт донских помидоров <и огурцов> собственного засола.

Работаю, на досуге охочусь и уже успел поневоле искупаться в Дону. Во время поездки 21/4 ухитрились перевернуться на быстрине. Вода чертовски холодная, тонул, но не утонул, выплыл в ватнике, ватных штанах и огромных охот[ничьих] сапогах на островок с комнату величиной. Часа через полтора нас (меня и ещё двух охотников) подобрали и совершенно замёрзших доставили в станицу. Два стакана спирта согрели, и сейчас чувствую себя отлично, даже насморк прошёл... Ружьё утонуло, один сапог снял в воде, когда плыл, но, к счастью, всё это потом рыбаки выловили кошками. Теперь думаю ещё 100 лет жить!

Большая просьба к тебе, дорогой Дмитрий Васильевич: пришли с этим человеком пачек 50 папирос и сухого вина (белого) бутылок 10. А если к этому ещё добавит бы 2 б[утылки] коньяку, то больше ничего и не надо! В июне буду в Москве и погашу задолженность.

Все мы шлём тебе, Мар[ии] Георгиевне, Тамаре и Вове поклоны и добрые пожелания.

*Жадно жду, когда накроется Берлин, и боюсь только одного, что под такое торжество нечего будет выпить.
Крепко жму руку.*

*Твой М. Шолохов
26. 4. 45*

— Практически все письма носят бытовой, жизнеописательный характер, — комментирует переписку двух хорошо знакомых людей сотрудник ЦГА-КО Михаил Меланин. — Шолохов рассказывает о своей жизни, делится впечатлениями от поездок, сообщает новости об общих знакомых, просит об услугах, приглашает в гости, пишет о радостях и горестях, благодарит за гостинцы и, в свою очередь, посылает охотничьи трофеи с рекомендациями, как их приготовить. Письма производят однозначное впечатление, что Михаила Александровича и Дмитрия Васильевича связывали действительно неформальные дружеские отношения.

На память – главы из романа

Помимо писем, посылал писатель своему товарищу во время войны и отрывки из романа “Они сражались за Родину”, которые готовились к печати. Так, на гранках из газеты “Правда” он сделал следующую дарственную надпись:

Д. В. Крупину – с большим дружеским чувством оставляю этот кусок как залог того, что новый роман о войне будет дописан автором, который сидящего Крупина искренне любит и питает к нему наилучшие чувства.

М. Шолохов.

Р. С. Даже здесь не обошёлся без поправки... Такова уж писательская океанная природа.

*М. Ш.
10. 3. 43.*

На другом отрывке романа дарственная надпись сделана Шолоховым уже детям Крупина:

Дорогим Тамаре и Вове Крупиным с дружеским приветом от автора.

*М. Шолохов.
15. 3. 43.*

Десятилетие спустя очередная дарственная надпись Шолохова сделана уже на гранках романа “Поднятая целина”, отрывки из которого также готовились к публикации в газете “Правда”:

Д. В. Крупину. Накануне Нового года с грустью вижу, как мало у меня осталось настоящих, истинных друзей. “Иных уж нет, а те – далече...” И тем с большей радостью дарю этот пахнувший типографской краской кусочек действительности 30-х годов одному из самых дорогих друзей, сумевшему обогнать меня в жизни на десять лет.

С любовью и добрыми дружескими чувствами

*М. Шолохов.
Москва.
31. 12. 55.*

И ещё один автограф Михаила Шолохова Крупину на рукописи “Поднятой целины”:

Дорогому Дмитрию Васильевичу Крупину с госпитальной улыбкой.

*М. Шолохов.
11. 4. 57.*

В фонде краеведа Пленкова сохранились и три телеграммы, которые знаменитый писатель в разные годы посылал своему товарищу в столицу из станции Вёшенской.

Вот они:

9 мая 1945 года

КРУПИНУ ПОЗДРАВЛЯЮ ПОБЕДОЙ КРЕПКО ОБНИМАЮ = ШОЛОХОВ

6 ноября 1955 года

ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЕМ ДОРОГОГО ЮБИЛЯРА ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ПРАЗДНИКОМ ОКТЯБРЯ ОБНИМАЕМ И ЖЕЛАЕМ ЗДОРОВЬЯ = ШОЛОХОВЫ

8 ноября 1956 года

Срочная телеграмма

САМОГО БЛИЗКОГО СЕРДЦУ ДРУГА ГОРЯЧО ПОЗДРАВЛЯЮ ДНЁМ РОЖДЕНИЯ ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЮ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ КРЕПКО ОБНИМАЮ КРЕПКО ЦЕЛЮЮ = ТВОЙ МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Послевоенные послания

Война закончилась, а переписка продолжается. Публикуем письма Шолохова, сохраняя орфографию и пунктуацию автора. Расшифровка сокращённых слов по-прежнему даётся в квадратных скобках, зачёркнутые слова заключены в угловые скобки.

Вёшенская

14. 4. 46

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Как и было условлено, – за лесом для строительства больницы и школ направляем т[оварища] Асеева и двух сопровождаемых. Для получения пиlorамы одновременно с Асеевым едет наш зав[едующий] лесхозом т[оварищ] Душко и механик. Большая просьба к Вам, чтобы т[оварищ] Степанов помог им в устройстве с билетами. Хуже обстоит дело с локомотивом (прилагаю письмо парторга ЦК Сызранского локомотивного завода). Если Вам не удастся склонить т[оварища] Качанова на это доброе дело, – мы полетим в трубу к чёртовой матери. Чем-же “двигать” пиlorаму? Истинное горе с этим строительством... А насчёт локомотива – вся наша надежда на Вас.

Часть груза, который надо получать в Ростове, отправляем Доном, в целях экономии горючего. Лес из Брянска тоже думаем довести до Лисок, а оттуда водой. Но всё же бензин нам потребуется. Не забудьте и об этой нашей нужде, ради бога!

Про цемент пока что-то не слышно, ждём вестей от Вас.

Вот как будто и всё, что касается наших строительных дел. Остальное всё в ближайшие дни получим в Ростове и доведём до Миллерово, а оттуда, как только разбогатеем бензином, перебросим на автомашинах, т[ак] к[ак] Донское госпароходство не берёт всего груза (они предполагают за навигацию отправить из Ростова вверх всего лишь один пароход).

Что касается моего строительства, то тут уж я целиком завишу от Вас. Не сочтёте ли Вы возможным послать в Вёшки знающего человека, чтобы он помог выбрать место сообразно строит[ельному] плану и чтобы он прикинул, что из имеющихся строений и старого дома можно использовать для переноски хаты в Букановскую. Специалистов по этой части у нас нет, а я в этих делах разбираюсь не больше чем, в китайской грамоте.

Вся поездка у него заняла бы буквально считанные дни, а для меня это было бы весьма важным делом.

О себе почти нечего сказать. Пишу, охочусь. Плоды трудов на последнем поприще посылаю. Вальдшнепы в этом году летят не ахти как здорово, но в поте лица за день хождения по придонским лесным дебрям можно кое-что добыть.

Очень прошу поручить хозяйке как следует их зажарить, а Вам выпить под эту королевскую дичь стопку за здоровье стареющего, но неутомимого охотника.

К слову: в поезде Москва–Ростов с рук продают чахлые пирожки и водку. И тут такая курьёзная деталь для писателя-юмориста: продавщица не говорит обычное: “А вот кому... не угодно-ли”. Нет, она с деловитым видом открывает дверь купе и вопрошает: “Граждане! Кто забыл выпить сто грамм?”

Такой сервис по-ростовски меня просто растрогал!
Весна у нас скучная. Идут дожди, мешают сеять. Пахать только что начали и то на серопесках. Очень много уполномоченных обкома, и старики качают головами и говорят: “Ну, это к неурожаю...”

Наши всем Вам низко кланяются. Передайте от нас сердечный привет Марии Георгиевне, Тамаре, Вове, который говорит басом.

Обнимаю Вас и крепко жму руку.

Ваш М. Шолохов.

P. S.: Если решите послать кого-либо из строителей ко мне, – пошлите скорее, т[ак] к[ак] в конце апреля хочу съездить в Казахстан.

М. Ш.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

О строительных делах Вам доложит т[оварищ] Яровой, который всё здесь рассматривал и всюду ходил своими немолодыми ногами.

Надо бы всё это делать поскорее, хотя бы с таким расчётом, чтобы к зиме 47 г. войти мне в новый дом.

Этот год я как-нибудь проживу. Но, признаться, страшно надоело жить цыганской жизнью. Поверьте, что это не способствует и творческой работе.

Прошу Вас ускорить дело строительства дома, присылки материалов.

У нас плохо с урожаем, очень плохо! Так же обстоит и с кормами, и с огородами, и с бахчами. Словом, кругом плохо. Надо полагать, что к весне будет ещё хуже; только тем и “утешаешься”, что всё плохое – ещё впереди...

Пожалуйста, перешлите по назначению генеральские перчатки. Он их “утратил” в вагоне. Передайте ему от меня сердечный привет.

Я и наши кланяемся всем Крупиным. Вас я обнимаю и желаю всего самого доброго!

Ваш М. Шолохов.

3. VII. 46.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

В Ростов я не поехал. Крепко жду Вас в Вёшки.

Вы знаете, как все мы любим Вас и какую огромную радость Вы нам доставите, подлетев в Вёшки хотя бы на денёк.

Обнимаю Вас и жду.

Ваш М. Шолохов.

P. S.: Письмо т[оварищу] Постнову оставил у т[оварища] Полуэктова.

М. Ш.

29. I. 47.

Дорогой мой Дмитрий Васильевич!

Хотел заехать, но – “долгие проводы – лишние слёзы”. Не хочу мешать Вашему лечению...

Поймите, как дороги Вы сердцам тех, кто Вас знает и любит, и Вы почувствуете, что я от своей мысли – быть у Вас в Нагорном – отказался не без сожаления.

Ждём Вас в Вёшенской. Ждём, любим и с тревогой будем следить за Вашим пребыванием в Нагорном.

Ваш М. Шолохов.

3. 7. 47.

P. S.: Уезжаю, а на сердце что-то сосёт...: не хватает обычного круга друзей. Скорее поправляйтесь!..

М. Ш.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь okazji (приезд т[оварища] Волкова), – шлю Вам сердечный привет и добрые пожелания.

На пути из Кисловодска в Москву заезжайте в Вёшки. Стерлядь в одном заповедном месте не ловим, храним до Вашего приезда.

Подумайте, как хорошо сварить уши на “диком берегу” Хопра, искупаться и пообедать в таком месте, где души человеческой нет на десять вёрст в округе! Съэкономьте тройку дней, и этот блистательный план будет осуществлён.

Передайте от меня привет нашему соседу – Е. И. Смирнову. Если случится – помяните и меня добрым словом, а то у меня – сухой закон: работаю, невзирая на проклятую жару. Крепко Вас обнимаю и желаю абсолютного здоровья.

Ваш М. Шолохов.
18. 7. 47.
Миллерово.

Р. С. : А Миллеровским пилотам обмундирования так и не выдали... Они ждут последнего слова от Вас.

М. Ш.

Дорогой товарищ Крупин!

Через Ваше посредство обращаюсь к ЦК родной партии со следующей просьбой: как Вам известно, – мой сын женат на дочери члена Политбюро Болгарской компартии А. Югова. В настоящее время они находятся в Болгарии и через месяц должны быть в Москве, чтобы приступить к учёбе в Тимирязевской С/Х Академии, где они завершают учение на 4 курсе Академии. Министр т[оварищ] Югов получает не так много денег, чтобы обеспечить прилёт наших детей в СССР. Как писатель великой державы, – к тому же бывший в Болгарии, – считаю для себя унижительным и неприемлемым обращаться за денежной помощью к кому-либо, кроме Вас, и прошу о следующем: на моём текущем счету за переводы моих книг в Англии и Америке во Внешторгбанке имеется семьсот (с чем-то) американских долларов, не откажите в товарищеском одолжении – исхлопочите возможность перевода суммы, равной в переводе на наши рубли 1800, чтобы мои ребята могли долететь до Москвы, не прибегая к помощи болгарского родителя.

С уважением к Вам

(подпись) /М. Шолохов/
8. 7. 51 г.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Две больших просьбы к Вам.

1. Пожалуйста, пришлите открытый лист на этот год, иначе никуда не выеду. (Обычно выдавали мне на 6 тонн и – соответственно – смазочных масел).

2. Если это не обременит, скажите, чтобы послали мне от щедрот комбината питания килограмм по 8 гороха и фасоли и по столько же яблок и, если есть, апельсинов + лимонов 20 шт[ук].

У нас ничего этого нет и в помине, а то я не стал бы Вас тревожить подобной просьбой. Пусть укажут стоимость посланного в переводе. Деньги немедленно перешлю.

Коротко о себе: сию, упорно работаю, в марте сдам первый кусок “целины” с тем, чтобы печатать в “Октябре” без перерывов. Многое приходится (в который уже раз!) переделывать. Хочется отшлифовать так, чтобы каждая строка звенела, а то скажут, что на съезде призывал к высокому качеству, а сам даёт сырьё...

Кстати, за этот м-ц получил в связи со своим выступлением более тысячи писем, и что интересно – из них только четыре ругательных, а из них – три анонимных и лишь одно с подписью и обратным адресом...

На Дону у нас стоит гнилая зима. Температура -2, +2. Дон разлился, затопил пойму, как весной; стога сена плавают, и никак к ним не доберёшься.

Через Дон ходит паром; снега на полях нет, а тот, что был (очень малый), – весь в ярах и балках. Сейчас уровень воды выше прошлогоднего весеннего. Одним словом, черт знает, что за зима. Такой и старики не помнят! Я и Мария Петровна кланяемся и обнимаем Вас и Ваших близких.

Передайте от меня привет Ефиму и Кабашкину – людям, к которым лежит моё сердце.

Ваш М. Шолохов.
31. 1. 55.
Вёшки.

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Посылаю с сыном эту писульку. Полагая, что Вы получили уже моё письмо, хочу внести в него одну поправку: фасоли не надо, появилась на базаре.

У нас так плохо со всей этой чертовщиной, что я, длительно переболев каким-то вирусным гриппом, тянусь к растительной пище, и очень прошу Вас помочь мне в этом. Апельсины – хрен с ними! Мы с Вами с детства не знали их вкуса, а вот горох и яблоки – тоскую!

И ещё одно: ускорьте высылку открытого листа. Я – уже в “бензиновых” долгах, а вскоре предстоит перевозка дров на отопительный сезон 55-56 гг.

Обнимаю Вас и желаю всего доброго!

Ваш М. Шолохов.

6.2.55.

Уральск

27.9.56

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Сожалею, что не удалось застать Вас сегодня по телефону, но надеюсь, что Петухов передал Вам мой дружеский привет и сердечное спасибо за то, что добыли и пришлётё мотор.

Кстати, очень прошу Вас о том, чтобы мотор отгрузили пассажирской скоростью, иначе я его не дождусь.

В этом году мне явно не повезло с техникой: уже после того, как получил от Вас покрышки, – лопнула у обода вторая. А первую нельзя в Уральске – заштатном городе – завулканизировать, т[ак] к[ак] нет в городе (всего 3) машины ГАЗ-63, и покрышки вулканизируют только в Саратове...

Что касается моих писательских дел, могу сказать одно: не очень преуспеваю. Трудно в полевых условиях “творить”... Ветер треплет палатку, за ней – дождь, слякоть, мерзость. Сидеть приходится по-восточному, словом, отнюдь не “творческие” условия...

Пишу очерк для “Правды” и “Сель[ского] хозяйства”. Грустные здесь дела! Копию пошлю Вам, почитайте.

Охота в этом году сложная. Такие массивы заняты были под хлебом, что гуся никак не угоняешь. Но кое-что уже настреляли, а вскоре подойдёт казара, и тогда добавим ещё.

На этот раз решил я побаловать моих дорогих московских друзей свежей дичиной раньше обычного срока. В ближайшие дни с Уральского мяскокомбината на Ваш адрес будет отправлена посылка самолётом в 2-х ящиках. Посылаю Вам 2 тушки сайгаков и 6 гусей. Прошу распределить их следующим образом: одного сайгака разделите Вы с Крюковым, второго пусть разделят Петухов с Кабашкиным. Что касается гусей, то вот Вам список:

1. Крупин
2. Кабашкин
3. Крюков
4. Петухов
5. Троицкий (ваш, из хоз[яйственного] отд[ела])
6. Смирнов Е. И.

Бешбармак из сайгака готовится следующим образом: мясо очищается от костей, режется мелкими кусками, варится в малом количестве воды (чтобы был не суп, а “сурпа”, как здесь называют), добавляют по вкусу луку, соли и перед едой ставят на стол бутылку водки (желательно “Столичной”). Вот и весь рецепт. Картофель не кладут, а взамен его тонко раскатывают пресное тесто (как на лапшу) и рвут его пальцами на небольшие кусочки, и засыпаю[т] в сурпу). Известный кулинар и гурман Кабашкин может изготовить такой бешбармак, что пальчики оближешь. Обнимите за меня этого будущего бешбармачника с мускулистыми бровями.

Шлём с Мар[ией] Петровной Вам, Марии Георгиевне, Тамаре, Вове и всем вашим близким наш сердечный привет из далёкого Казахстана и желаем всего доброго.

Поклон от меня всем упомянутым в списке. Перову гуся привезу и вручу лично.

Обнимаю Вас, мой дорогой друг, и желаю здоровья и бодрости.

Ваш М. Шолохов.

Стокгольм

4. 6. 57

Дорогой Дмитрий Васильевич!

Пользуясь оказией (сегодня летит в Москву т[оварищ] Еськов), пишу Вам о первых впечатлениях о Скандинавии. Хорошая страна и хороший, трудолюбивый, но зажиревший народ. Свежие овощи и фрукты едят круглый год, так как, используя свой огромный торговый флот, везут овощи и фрукты со всего света. Сейчас, например, ввозят бананы, черешню, груши, яблоки, даже молодую картошку и помидоры и пр[очее] из Аргентины, с Канарских островов, из Индии и Японии. Чёрт знает, откуда только не везут, и всё это стоит дешево.

Говорят, что страна продаёт фрукты населению иногда себе в убыток, заботясь о здоровье нации. Возможно, что это и отвечает действительности. Но им хорошо, чёрт бы их побрал, не воев[ав] 150 лет, наживаясь на чужих войнах, этак роскошно жить. Попробовали бы так, как мы...

Наряду с этим очень дорог труд. Всякий труд дорог. Хорошо зарабатывают строители, даже чернорабочие; но питание – дорого, в частности – мясо. В этом отношении Швеция – страна диких контрастов: бананы стоят 3 кроны кил[ограмм], а мясо – 15. Побриться берут 7 крон, а рубашка стоит 15–20, и т[ак] д[алее].

Наше представление о могуществе доллара и вообще золотого рубля здесь ставится вверх ногами. Побриться – 1 1/2 доллара, каково это? И такое сопоставление, как стоимость мяса: у нас 15 р[ублей] и здесь 15 крон; у нас верхняя рубашка 300 р[ублей] и здесь 15 крон. Просто в голове не укладывается...

Баснословно дорога вся техника. Приведу несколько примеров: в Швеции никто из наших не имеет телевизоров. Дешёвенький стоит 1800–2000 крон. Паркеровская ручка – 200 крон, бинокль – 700, даже перочинный нож – 18–22 кроны. И в то же время сносные ботинки стоят 30 крон, уборщица зарабатывает 600 крон... Голову сломаешь, разыскивая эквиваленты!

Спокойно и размеренно идёт здесь жизнь в промышленности, с/х-стве, строительстве. Дети в парках чинны и бесшумны. Чистота всюду, очень красиво, но всё чужое до тошноты! И уже тянет домой. Нет, видно, по “заграницам” ездить другим, а я, как и прежде, скоро скажу: “Хороша страна Болгария, а Россия лучше всех!” Русский я до мозга костей и никакие чужие красоты и прелести не променяю на свою степь, на подмосковную, милую сердцу красоту.

Встречает меня шведская общественность чрезвычайно тепло. Со страниц газет всех направлений не умолкают голоса о присуждении мне Нобелевской премии. Даже наши враги говорят об этом. Что ж, пусть присуждают! Я покажу им, как распоряжаются премиями коммунисты, особенно русские коммунисты. И я, и Мария Петровна не тряпичники, и мы твёрдо решили: если присудят Ноб[елевскую] премию – каблуками перед шведским королём я щёлкну, а всю премию передам моему родному правительству и партии, которой я всем обязан, и попрошу построить дом для сирот и присвоить ему имя Вл[адимира] Ильича, который любил детей и больше всех сделал для их будущности. Ведь Вы же, мой дорогой и далёкий друг, не хуже меня понимаете, что нет для меня на свете ничего дороже, чем уважение товарищей и народа, и поступить иначе я не могу. Против совести не пойдёшь.

В этом свете мне хочется сказать и о другом: высоко держу звание советского человека, ни лишнего слова, ни лишнего глотка. Почти полный сухой закон! На приёмах, где пьют много и долго, разрешаю себе только одну рюмку коньяка и – баста! Так что пусть никто из вас обо мне не беспокоится. Да и не только на приёмах. Что-то я охладел к этому “развлечению”. Как видно, года не те и “нарзан не тот”.

На пароходе из Хельсинки я торчал на палубе и простудился. Четыре дня провалялся, не выходя из дома, но наши врачи русскими лекарст[вами] поставили меня на ноги, и завтра еду смотреть фермеров, километров за 300 от Стокгольма. Вообще, до 11-го, когда тронусь в Норвегию, хочу много поездить по стране, доберусь почти до г. Мальме (650 км), куда приглашает меня старик-швед – мой почитатель и богатый фермер. Попутно ознакомились с десятком других х-ств. По этому поводу уже есть договорённость с швед[ским] министром с/х-ства.

В отношении средств, отпущенных мне на покупку охотничьего и рыб[о]ловного снаряжения, обстоит так: у вас там не учли многих и важных обстоятельств. Прикинули стоимость оружия, но не учли стоимости оптических прицелов, их монтажа и стоимости патронов. В Москве нельзя достать патронов для “Винчестера”, их надо закупать здесь и не на один сезон. А патроны каждый стоит больше кроны. Короче говоря, как я ни экономлю, но мне – несмотря на досылку 3000 крон – снова не хватает 2–2 ^{1/2} тысяч крон. И это при условии, что на свои личные, бытовые нужды, а не охотничьи, я израсходовал около 3000 тысяч крон[.] полученных во Внешторгбанке с моего счёта по разрешению М-ства финансов СССР.

Пока я ещё не в состоянии приобрести себе здесь даже охотничьих сапог, всё ухлопано на оружие, и закупил только половину необходимого количества патронов.

Очень прошу Вас, дорогой Дмитрий Васильевич, позвонить послу в Стокгольме Гусеву Ф. Т., чтобы он отпустил мне дополнительно 2500 крон. На этом все мои покупки будут закончены, и я сумею привезти подарки друзьям. Без подарков не привык ездить из Казахстана, не могу без них приехать и из Швеции.

Осенью в Стокгольме снова выходит большим тиражом “Тихий Дон”, и тогда я сумею уплатить Вам затраченные на меня деньги. А то, что мне полагалось получать здесь за прежние издания (около 15000 крон), давно переведено в “Международную книгу” в Москву и исчислено... в советских рублях.

Гусеву прошу позвонить поскорее (из Москвы это очень легко сделать), чтобы до отъезда в Норвегию я сумел завершить свою охотничью экипировку. А в Норвегии и Дании никаких затрат у меня не будет.

Крепко Вас обнимаю!

Ваш М. Шолохов.

Р. S.: Передайте от меня и М[арии] П. [етровны] сердечный привет Марии Георгиевне, Тамаре с мужем и Вове с женой. Привет Кабашкину, Петухову и всем моим друзьям у вас. Скучаю по цековскому чаю. Здесь он хуже, не тот.

М. Ш.

Последнее письмо написано знаменитым писателем в Стокгольме в 1957 году – уже тогда, как видим, открыто говорилось о возможности присуждения Шолохову Нобелевской премии. Но на самом деле случится это ещё не скоро – только 8 лет спустя, в 1965 году, когда Михаил Александрович отметит уже своё 60-летие...

Вот таким ценнейшим эпистолярным кладом обладает вятский архив.

Остаётся добавить, что сообщение о хранящихся в ЦГАКО уникальных документах, связанных с именем знаменитого писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова, отправлено в Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом), а электронные копии документов предоставлены Государственному музею-заповеднику Шолохова в станице Вёшенской Ростовской области.

ВИКТОР ЗДОЛЬНИКОВ

“ВАСИЛИЙ ТЁРКИН” — ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Жанровая специфика пяти поэм А. Т. Твардовского мало интересовала исследователей его творчества. Наиболее авторитетный из них — А. Македонов, — анализируя, например, военную поэму автора, использует набор из пяти эпитетов, а литературный энциклопедический словарь 1987 года называет её “лиро-эпической”. Наша цель — “приписать” поэму к более истинной, на наш взгляд, жанровой форме.

В восемнадцатом веке в русской литературе становится модным новый жанр — героическая поэма. Отечественный литературный процесс того столетия — это прямое или косвенное подражание, заимствование, перенесение на русскую почву опыта западноевропейской (французской особенно) литературы, в которой тогда господствовала эстетика классицизма, к “высоким” жанрам причислявшая героическую и/или эпическую поэму. В. К. Третьяковский весьма вольно обошёлся с романом Ф. Фенелона “Приключения Телемака”, представив его русским читателям в своём переводе как героическую поэму “Тилемахида”. Более того, он снабдил её издание небольшим теоретическим трактатом “Предызъяснение об ироической пииме”. А уж М. М. Хераскова мы вправе называть отцом оригинальной русской героической поэмы: он в отечественной истории находил “предмет” для неё, его “Россиада” была “образцовой” для своего времени.

Когда теоретики классицизма XVII–XVIII веков выделяли героическую поэму как “высокий” жанр и формулировали присущие ему типологические признаки, то ссылались они в своих обобщениях, прежде всего, на античные образцы. Позднейшие европейские опыты в этом жанре либо были ещё не известны исследователям, как, например, героический эпос Средневековья, либо служили дополнительным эмпирическим материалом, как поэмы Л. Аристо, Л. ди Камозанса, А. де Эрсильи, Т. Тассо.

Понятие “образцовый” в эстетике классицизма напрямую связывалось с её нормативной частью и означало следование “правилам”. В наиболее полном виде они изложены в трактате Н. Буало “Поэтическое искусство”, уже переведённом на русский язык к моменту рождения отечественных героических поэм. Так что в своём “Предызъяснении об ироической пииме” русский автор систематизировал её родовые признаки, адаптируя для читателей терминологию и правила французского теоретика.

Согласно этим правилам в переложении Третьяковского, темой героической поэмы должны быть важные события отечественной истории: “Эпопея

воспевают не личность, не героя, а великое деяние". На этой основе должен строиться "узел" (сюжет), от "завязания" до "развязания" действия. Эти же элементы, считает Третьяковский, обязательны в каждом отдельном эпизоде поэмы. Что касается характеров, они должны быть строго выдержаны, до конца "не изменять своей сущности". Для мотивации поступков персонажей автор может использовать "чужестранности" (т. е. фантазию). Но как бы ни были они вымышлены, им следует всё же быть вероятными, "иметь вид истины", не выходить "за пределы естества".

"Правила" классицизма всегда требовали от автора придавать произведениям высокий общественный, гражданский пафос. Согласен с подобным требованием и Третьяковский, но считает нужным подчеркнуть, что "нравовучение не должно быть навязчивым". Другие правила – желательные, но, по его мнению, не обязательные к соблюдению в "ироической поэме" – касаются её композиционной структуры, стиля, языка, метрики стиха. Используя сравнительные приёмы анализа, попытаемся "протестировать" поэму А. Т. Твардовского "Василий Тёркин" на предмет её соответствия правилам классицизма, как они сложились в русской эстетической мысли восемнадцатого века и в художественной традиции жанра героической поэмы вообще.

Когда в начале XIX века классицизм был оттеснён на периферию литературного процесса, поэма как его любимое детище не была отправлена в небытие. Напротив, у романтиков она приобрела новое звучание, воспевая не "великое деяние", а "героя-бунтаря", утратив, правда, прежний эпический масштаб. В художественной практике реализма эпическое начало, традиционно характерное для героической поэмы, также сохранялось, но в жанре романа, который в эстетике классицизма считался жанром "низким". Отзвуки пристрастного интереса эстетики классицизма к жанровой природе произведения мы дважды находим ещё и в истории русской критики XIX века. Применительно к теме нашей статьи есть смысл о них напомнить.

Два произведения русской литературы XIX века вызвали у критиков-современников споры об их жанре, хотя эстетика реализма, в отличие от эстетики классицизма, вопросы жанровой идентификации отодвигала на второй план, предпочитая рассматривать "общую идею", "пафос" произведения. Первыми на критическом поприще вышли на обсуждение проблемы жанра журналы "Москвитянин" и "Отечественные записки" в 1842 году. Критик "Москвитянина" К. Аксаков в рецензии на первый том "Мёртвых душ" дерзнул сравнить их с гомеровским эпосом, чем вызвал острую реакцию критика "Отечественных записок" В. Белинского, который вдоволь поиронизировал, приводя в параллели гомеровским персонажам гоголевских: Ахиллесу – Чичикова, Аяксу – Собакевича, Парису – Манилова и т. д. И вынес следующий публицистический вердикт: "Тут нечего и упоминать о Гомере и Шекспире, <...> нечего и путать чужих в свои семейные тайны. "Мёртвые души" стоят "Илиады", но только для России: для всех же других стран их значение мертво и непонятно".

Среди прочих мотивов в подтексте этого аргумента слышится и явно самоуничижительное: куда уж нам, русским, тягаться с ними! Так завязалась полемика по поводу "Мёртвых душ", а точнее – их авторской номинации. Для цели нашей статьи она имеет не только сугубо исторический интерес. Дело в том, что после публицистических колкостей Белинского полемика была перенесена (по инициативе Аксакова) на художественно-эстетический уровень. И здесь у Аксакова обнаружилось более серьёзные резоны в пользу того, чтобы "Мёртвые души" именовать национальным эпосом. Критик "Москвитянина" сравнивал гомеровскую "Илиаду" с гоголевскими "Мёртвыми душами" с позиции, как он выразился, "акта творчества".

Возражая ему, Белинский использует аргумент весьма спорный: "Мерилом величия поэта принимается не акт творчества, а идея, общее". И далее конкретизирует это *общее*: "Там (в "Илиаде". – **В. З.**) пафос утверждения, здесь (в "Мёртвых душах". – **В. З.**) пафос отрицания". Так что по "акту творчества" они вообще несопоставимы. И в развитие этого тезиса добавляет, что "эпос нового мира", каковым ныне является роман, включает ещё и прозу жизни, "вошедшую в его содержание и чуждую древнеэллиническому эпосу". Аксаков, как истинный славянофил, видел в "Мёртвых душах" (и не без основания, на наш взгляд) национальный русский эпос подобным тому, каковым у греков является "Илиада". Белинский, сохранявший ещё остатки юношеского

преклонения перед “образцами”, античными и западноевропейскими, пиетета перед “Философией искусства” Ф. Шеллинга и философской критикой “архивных юношей”, отказывал поэме Гоголя в этой роли последним, тоже спорным, аргументом: “Но это сходство (с эпосом. — В. З.) уничтожается в “Мёртвых душах” уже тем, что они проникнуты насквозь юмором”.

Критики обменялись двумя “объяснениями на объяснения”, и, собственно, на этом полемика закончилась. Для современников Гоголя — вроде победой критика петербургского прогрессивного журнала над московским консервативным. И не удивительно: Виссарион Григорьевич был на пике славы критика прогрессивного западнического толка и превосходил талантом полемиста своего оппонента из лагеря славянофилов. Но спустя более полутора столетий мы можем судить об этой полемике более беспристрастно. Да, “акт творчества” у Аксакова — довольно расплывчатое понятие, но оно несомненно ближе к содержательной и эстетической составляющей в литературе, чем “пафос” или “идея”.

Итак, “проза жизни” и “юмор”, по Белинскому, противопоказаны эпосу. Хотя при внимательном чтении и у Гомера можно найти столь “низкие” для героического эпоса предметы и деяния. Достаточно прочесть хотя бы двадцать третью песнь “Илиады”, не говоря уже об “Одиссее”, где мелочи бытовые глядят почти с каждой страницы. Такой близорукости критика есть объяснение. Как теоретик натуральной школы, он в тех исторических условиях ратовал за “критический пафос”, за развенчание в литературе “отживших форм жизни” и хотел видеть в Гоголе знаменосца нового этапа в движении русской словесности.

Во второй половине века XIX Ап. Григорьев первым усомнился видеть в “Горе от ума” только лишь комедию в традиционном её понимании как жанра “низкого”, в соответствии с правилами классицизма написанную. Разность взглядов на жанровую природу “Горя от ума” в русской критике обозначилась не в полемике, а в статьях, мотивированных, как правило, либо первым бесцензурным изданием вещи Грибоедова (Ап. Григорьев), либо новой постановкой комедии в театре (И. А. Гончаров), либо столетним юбилеем её автора (М. О. Меньшиков). Первые двое “перекрестили” её в драму, третий — в трагедию.

Примечательная деталь: редкие случаи обращения критиков XIX века к проблеме жанра произведения связаны с одним его представителем, а именно с поэмой. Аксакова и Белинского к такому разговору “подталкивало” данное Гоголем имя своему детищу; авторов, писавших о “Горе от ума”, — намерение Грибоедова назвать свою вещь тоже поэмой, о чём он сообщал в частном письме.

На тогдашнем этапе развития русской эстетической мысли в области жанров выбор у них был невелик. Теорию изящной словесности и в лицее при Московском университете, и в Нежинском лицее студенты постигали по учебнику А. Ф. Мерзлякова “Краткая риторика или правила, относящиеся ко всем родам сочинений поэтических”, в котором автор объединял позитивные возможности и классицизма, и романтизма для создания “искренней гражданской поэзии”. Учебник этот издавался четырежды, последний раз в 1828 году. В табели о рангах литературных родов и жанров Мерзляков, следуя традиции классицизма, делил их на “высокие” — поэма, ода, баллада, трагедия — и “низкие” — комедия, басня, новелла, роман. Естественно, ни Александр Сергеевич, ни Николай Васильевич и сами не хотели зрелые свои произведения видеть в компании “низких” и тем более рекомендовать их в таком качестве читателям. . .

После необходимого отступления вернёмся в век двадцатый к “Василию Тёркину”. О “предмете” поэмы (согласно правилам) почвы для дискуссии вообще нет: Великая Отечественная война 1941–1945 годов была для народа судьбоносным испытанием, прочно вошедшим в его историческую память “великим деянием”. В соответствии с ним сюжетная канва “Тёркина” простирается от “рокового” сорок первого до “победоносного” сорок четвёртого годов. По масштабу и значимости описываемых событий даже самые ортодоксальные блюстители правил не могут отказать поэме в близком жанровом родстве именно с “Илиадой”.

В античной и более поздней традиции в героической поэме описанию событий и персонажей предшествует обязательный “зачин” — авторское изложение целей и задач предпринятых трудов. Хрестоматийное обращение автора

к богине, открывающее “Илиаду”, – это не только просьба благословить на поэтический труд. “Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, // Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал: // Многие души могучие главных героев низринул // В мрачный Аид...”. Поставим рядом строки, открывающие “Одиссею”: “Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который, // Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен, // Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь // Жизни своей и возврате в отчизну сопутников”. В них мы видим и обозначение “предмета”, и цель обращения к поэтическому его изображению, и, частично, авторскую оценку давно прошедших событий и их участников.

Гесиод свою эпическую поэму начинает уже не просьбой к музам, а почти призывом: “Вас, пиерийские Музы, дающие песнями славу, // Я призываю: воспойте родителя вашего Зевса!”. Древнеримский классик Вергилий немного меняет порядок зачина, начиная его с “предмета” своей “Энеиды”: “Битвы и мужа пою, кто в Италию первым из Трои – // Роком ведомый беглец – к берегам приплыл Лавинийским”. И только затем прибегает к традиционной просьбе:

“Муза, поведай о том, по какой оскорбилась причине // Так царица богов, что муж, благочестием славный, // Столько по воле её претерпел превратностей горьких”. Почитатель и ученик Вергилия, итальянский поэт Данте в “Божественной комедии” апеллирует сначала к обитательницам Парнаса: “О Музы, к вам я обращаюсь с воззванием: // О, благородный разум, гений свой // Запечатлей моим повествованием”. А к земной своей музе обращается тремя страницами ниже: “О Беатриче, помоги усилую // Того, который из любви к тебе // Возвысился над повседневной былью”.

В семнадцатом веке английский автор Дж. Мильтон в зачине своей эпической поэмы “Потерянный рай” объявляет сначала о “предмете” её, затем взывает о помощи: “О первом преслушанье, о плоде // Запретном, пагубном, что смерть принёс // И все невзгоды наши в этот мир, – // Пой, Муза горняя! Сойди с вершины... Я зову // Тебя оттуда в помощь”. Отец русской героической поэмы М. М. Херасков в зачине своей “Россиады” предельно кратко: он “поёт Россию <...> от варваров освобождённую...”, т. е. событие всенародно-исторического значения.

Следуя идущей от античности традиции, так же пафосно мог с полным правом представить читателям свою поэму “Василий Тёркин” русский поэт XX века. Тем более что и событие, ставшее “предметом” изображения, иного масштаба. А главное: все вышеназванные авторы создавали свои шедевры с некоей, разной величины, исторической дистанции. У Александра Трифоновича поэма рождается прямо в огне битвы и поэтому уже заслуживает эпитета “героическая”. Это поэтическая хроника вражеского нашествия, сопротивления ему, обращения его вспять, приведшего героя поэмы к стенам вражеской столицы.

Подобные обстоятельства, казалось бы, оправдывали (а может быть, и требовали) толику патетики, тех стилистических красот, что обязательно присутствуют в “зачинах” названных выше образцов жанра. Однако же Твардовский в “зачине” своей поэмы следует почти буквально совету теоретика: “Пусть начинается без хвастовства рассказ. // Пегаса оседлав, не оглушайте нас, // На лад торжественный заранее настроив: // Я ныне буду петь героя из героев!” И начинает поэму с вопроса о самых “низких” для традиционного эпоса вещах – о “доброй пище фронтовой”, о “шутке самой немудрой”, без которой на войне не прожить “одной минутки”. Прозаичнее некуда, особенно на фоне предшествовавших ему авторов эпических поэм, которые непременно ставили себе целью “петь”, “воспеть” избранный “предмет”. У русского поэта цель заявлена в ответе на вопрос: “Без чего на войне не прожить наверняка?” И звучит он достаточно категорично. Прожить нельзя на фронте “без правды сущей, // Правды, прямо в душу бьющей. // Да была б она погуще, // Как бы ни была горька”.

Такова творческая сверхзадача автора, и следует он ей неукоснительно в любой изображаемой ситуации, в любой отдельной главке, на разных уровнях поэтики текста. Но прежде всего и преимущественно – создавая характер главного персонажа. Он предстаёт перед читателем в разных ситуациях военного времени: на привале, когда “врёт весело и складно”, рассказывая о разных видах сабантуя; в госпитале, философствуя о наградах, мечтая, как зайвится он на вечерку после войны; на постое в доме старого солдата, когда

спорит с ним о преимуществах и недостатках валенок и сапог, отвечает на его вопрос о “простой штуке”; и когда утешает старого солдата, потерявшего кيسет с махоркой; и когда в санбате “отдыхает”, используя таким образом объявленный генералом недельный отпуск за сбитый из винтовки самолёт. Здесь он весельчак, балагур, шутник, оптимист, а ведь это происходит в первые два года войны, самые тяжёлые.

Читатель видит Тёркина и в самых трагических ситуациях любой войны: как отступали на восток, оставляя родную землю оккупантам; как выходили из окружения, гибли на переправе под огнём противника, в разведке за языком, в рукопашном поединке с немцем, в тяжелейших боях за населённый пункт Борки. Собственно боевых сюжетов о смертельной солдатской работе в поэме меньше, чем сюжетов о фронтовом быте, буднях. Но нет ни в тех, ни в других и налёта риторики, даже малой толики идеализации ни ситуаций, ни героя. Исследователь В. М. Акаткин справедливо подметил, когда писал применительно к творчеству раннего Твардовского о его “нарочитом натурализме”: “Твардовский намеренно удерживает себя на уровне бытовой достоверности... дабы не уйти в риторiku, не приукрасить реальных мук и тревог людей”. Автор писал так о поэме “Страна Муравия”; ещё большее подтверждение находит мысль эта в “Василии Тёркине”.

Война начала отсчёт четвёртого года, она повернула на Запад, и вот уже бьёт “Берлину у заставы судный час”. Вот сейчас бы “разойтись” балагуру и шутнику Тёркину. Но нет! Теперь у автора Тёркин уже другой: “любимец взводный в шутки не встrevал, // думой занятый своей”. Да и в самой поэме, вернее в пяти её последних сюжетах-главах всё трагичнее подтекст, физическое почти ощущение тяжелейшей ноши, возложенной на солдатские плечи – нравственного бремени возмездия: “Грозен час, страшна расплата // За миллионы душ и тел”, – когда солдат, исполняя долг расплаты, вынужден причинять страдания другим. Вот почему в победный этап войны Тёркин вступает “страдальчески счастливым”, более того – именно сейчас он впервые заплакал, что вообще разрушает традиционные требования поэтики классицизма к характеру эпического персонажа. Впрочем, у Гомера мститель, варварски жестокий Ахиллес, в финале поэмы тоже заплакал. Интуиция ли, художественный ли вкус подсказали древнегреческому барду закончить “Илиаду” не картиной жестокой расплаты за поруганную честь Эллады, о чём читаем у Вергилия в “Энеиде”, а трогательным сюжетом встречи Ахиллеса с отцом убитого им Гектора, троянским царём Приамом.

Не та ли “память жанра” (М. Бахтин) подсказала поэту двадцатого века закончить свою героическую поэму не торжеством победителей, не знаменем Победы над рейхстагом, что вполне соответствовало бы святой правоте Великой Отечественной. Вот бы сейчас и подняться можно до патетических высот справедливости. А поэма заканчивается самым бытовым событием – сценой в бане, нарочито почти натуралистичной. Поэт “ведёт речь похвальную бане”. Куда уж приземлённее и по лексике концовка. Здесь “голый люд” “кости прогrel”, “спины трёт”, “мозоли мочит”, “моет платочек носовой”, “надевает новые подштанники”. Какая благостная картинка, а ведь это мстители пришли, будем помнить, несущие, как обет, тяжёлое бремя возмездия.

Высокий этический пафос, свойственный эпосу по определению, благородство русского характера, ненавязчиво подчёркиваемое в каждом эпизоде поэмы, не позволили Твардовскому закончить свою героическую сагу победным апофеозом, неизбежно жестоком со стороны победителей. Ведь герой её пришёл на вражескую землю “двойною, тройною ношей нагружен”. Он и жертва, и освободитель, и мститель.

Первые две ипостаси героя художественно воплощены в главах “Про солдата-сироту” и “По дороге на Берлин”. Тёркина-мстителя мы не видим в поэме: русский поэт-эпик не опускается до ветхозаветного “око за око”. Вот почему финальный акт Великой Отечественной отражение нашёл не в поэме, а в двух стихотворениях, объединённых в цикл “Возмездие”, написанных осенью сорок четвёртого, когда кровавый вал войны выкатился за пределы наших границ. Структурно они не включены в поэму, но в морально-этическом аспекте общего её замысла несомненно завершают её.

Картины мщенья в поэме нет; закономерный её финал допишет автор в “Возмездии”, где характер Тёркина представлен не в режиме прямого диалога. Это его внутренний монолог, оформленный как авторский текст: ведь

самому Тёркину органически не свойственна малейшая пафосность выражения. Но по сути эти два стихотворения есть диалоги Тёркина с вражеским солдатом, с немецкой матерью, исполненной скорбей от пришедшей на её порог войны. “Да, мы иных, чем ты, кровей, // Иных знамён солдаты, // И мы сегодня по твоей // Земле идём с расплатой... // И мы тревожим чуждый кров // Священной мести ради”... Да, месть жестока, беспощадна. Но за что мстит русский солдат? В “Возмездии” дан потрясающий перечень этих “за что”, объясняющий и почему Тёркин “тройною ношей нагружен”, и почему “места нет пощаде”. “И не у нас её проси, // Мы будем мёртвых глуше. // Проси у тех, чьи на Руси // Сгубил безвинно души. // Проси у тех, кого ты сжёл, // Зарыл в земле живыми // ... Проси у тех, кого раздел // В предсмертный час постылый. // Проси у девочки у той, // Что, в дула ружей глядя, // Спросила с детской простотой: // – Чулочки тоже, дядя? – // Проси пощады у неё, // А мы щадить не вправе”.

Этими обжигающими строками из “Возмездия” по сути и заканчивается эпос о Великой Отечественной, начатый “Василием Тёркиным”, хотя оно и не включено в композиционную структуру поэмы. Точно так и не иначе думал русский солдат, вступая на вражескую землю. Да сказать не мог: горло перехватывает от боли, и не слепой и безрассудной, а благородной ярости. Таков подлинно эпический размах и высокий этический пафос поэмы, созданной буквально в пламени тяжелейшей войны. Очевидно, что не случайно так мало писал о ней поэт в послевоенные годы, всего несколько стихотворений, в том числе и потрясающие “Я убит подо Ржевом” и “Жестокая память”. Тема исчерпана полностью, в пределах, по крайней мере, художественных возможностей жанра героической поэмы. Твардовский писал свою поэму, следуя, несомненно, идущей ещё от античности традиции содержательного и художественного построения героического эпоса, зафиксированного в эстетике классицизма как норма и обязательное правило для “жанров высоких”, к каковым относится и эпическая поэма. Русский поэт в веке двадцатом возродил в наиболее “чистом” виде героическую поэму, прародительницу всех последующих её модификаций, обогатив классический жанр новыми художественными открытиями. Связаны они, прежде всего, с тем, что в ней нет так называемого пафоса исторической дистанции, ведущей обычно к некоторой идеализации и изображаемых событий, и их участников.

Давний спор XIX века о жанре поэмы не нашёл завершения и поныне: роман как ведущий представитель эпического рода отвлёк силы теоретиков. И сейчас в литературном энциклопедическом словаре перечисляется с десятком жанровых разновидностей поэмы – от героической до лиро-эпической и дидактической. Собственно, не выработаны и критерии классификации столь многоликой жанровой формы эпического рода литературы. Жанровой специфике поэм Твардовского вообще и “Василия Тёркина”, в частности, явно недостаточно уделили внимания исследователи его творчества. А. Макадонов, анализируя её, использует следующие определения: “нового типа эпическая поэма”, “эпос бегущего дня”, “эпос народной битвы”, “новый небывалый в истории поэзии жанр”, “синтез героического и бытового”. Они имеют основания; но, на наш взгляд, термин “героическая поэма”, как его понимали теоретики классицизма, включает в себя все перечисленные выше характеристики. И “Василий Тёркин” может быть по праву удостоен этого звания. Автор воскресил в веке двадцатом жанрового первенца эпического рода литературы, классическим образцом которого считается “Илиада”. Его поэма с примыкающим к ней циклом “Возмездие” может быть заслуженно поставлена рядом с нею по масштабу и событий, нашедших в ней художественное воплощение, и характера главного героя – воина, защитника Отечества. Это действительно национальный героический эпос Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В славе и скорби первых послевоенных десятилетий современники, естественно, не могли заметить таких достоинств поэмы. Дети Тёркиных уже в веке XXI, слава Богу, начинают постигать новаторство и всю глубинную мощь поэтического гения её автора. Ст. Куняев, назвав “Василия Тёркина” наряду со “Страной Муравией” “великим эпосом современной русской литературы”, обозначил новый вектор исследований творчества А. Твардовского. И дал ответ на сетования поэта старшего поколения по поводу того, что якобы “промчался век эпических поэм”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Собр. соч. в 3-х томах / В. Г. Белинский – М., 1948. Т. 2.
2. “Век нынешний и век минувший...” Комедия А. С. Грибоедова “Горе от ума” в русской критике и литературоведении”. СПб, 2002.
3. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
4. Гомер. Илиада. Одиссея. БВЛ. М., 1967.
5. Гесиод. О происхождении богов. М., 1990.
6. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. БВЛ. М., 1971.
7. Данте Алигьери. Новая жизнь. Божественная комедия. БВЛ. М., 1967.
8. Мильтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. БВЛ. М., 1976.
9. Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957.
10. Твардовский А. Стихотворения. Поэмы / А. Т. Твардовский – БВЛ. М., 1972.
11. Акаткин В. М. Дорога и память. / В. М. Акаткин. – Воронеж, 1989.
12. Жаков А. Г. Современная советская поэма. / А. Г. Жаков – Минск, 198.1
13. Македонов А. Творческий путь Твардовского. Дома и дороги / А. Б. Македонов – М., 1981.
14. Куняев Ст. Ю. “И бездны мрачной на краю...” // Наш современник, №8, 2014. С. 15.
15. Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1956.

АЛЕКСЕЙ МАНАЕВ

ЛИТЕРАТУРА, НАПИСАННАЯ КРОВЬЮ

О поэзии Юлии Друниной и документальной прозе Светланы Алексиевич

Поэтесса Юлия Друнина и литератор Светлана Алексиевич – авторы книг о Великой Отечественной войне, 75-летие Победы в которой мы с гордостью отмечаем. Они – антиподы. В публичную полемику не вступали, печать для выяснения отношений не использовали и не вели себя на литературном поприще подобно двум персонажам, живущим в коммунальной квартире и отстаивающим свои приоритеты на кухне. Но события военных лет представляли по-разному не столько потому, что одна писала стихи, а другая – документальную прозу, сколько потому, что их творчество несовместимо по их мировоззрению. И на этом литературном поле, а значит – на поле гражданственности они вступали в схватку каждый день, каждый час. Схватка длилась десятилетиями, продолжается она и сейчас.

Перепляс на минном поле

Драматизм схватки обусловлен тем, что одна из участниц, Юлия Друнина, была на фронте. Каждое событие пропущено через её сердце, за каждый неверный шаг она расплачивалась кровью.

Уже в день объявления войны, 22 июня 1941 года, Друнина, родившаяся в интеллигентной столичной семье, оказалась на призывном пункте. Её пыл, естественно, охладили, сказав, что боевые действия – не красочные горские танцы с саблями и что шестнадцатилетней девчужке там делать нечего. Но девчужку отказ не успокоил, не утихомирил. Она записалась в добровольную санитарную дружину, оказывала помощь раненым в глазном госпитале. Девичий эликсир был действеннее иных лекарств. Рассказывала в автобиографической повести “С тех высот”, что в палате с ранеными выбрала самого тяжёлого – жестоко обожжённого танкиста с повязкой на глазах: ему грозила полная слепота и ампутация рук и ног.

Танкист отказывался от еды и от лечения. Не сразу, конечно, но всё-таки юной Юле удалось пробиться сквозь глухую стену предельного человеческого отчаяния. Была очень счастлива, когда подопечный проглотил первую ложечку супа. Есть соглашался только из её рук.

Вся палата следила за военно-госпитальным романом с величайшим сочувствием и добродушно над ней подшучивала: “Невеста пришла, Вася!” А Вася всерьёз принял эту шутку. Стал говорить о том, как покажет свою

спасительницу родителям. Юлия понимала, что подобная иллюзия помогает ему выкарабкаться, и охотно играла роль невесты.

Каково же было разочарование украинского хлопца, когда с его глаз сняли повязку (часть зрения удалось сохранить), и вместо “гарной дивчины” он увидел тощего нескладного заморыша...

Затем Юлия Друнина участвовала в строительстве оборонительных сооружений в Можайском районе Подмосковья. Во время жестокого артиллерийско-миномётного налёта девушка отстала от отряда и была “подобрана” пехотой, которая нуждалась в санитарке. Попали в окружение. 13 суток пробирались к своим по тылам противника. После долгих поисков лазейки девять оставшихся в живых “окруженцев” вышли к минному полю.

Друнина так пишет об этом: “В лёгких начинающихся сумерках комбат некоторое время внимательно разглядывал запорошенную первым ранним снегом землю, потом решительно шагнул вперёд. Мы замерли, кто-то бросился в кустарник и упал ничком.

Комбат сделал ещё два осторожных шага, потом вдруг... стал приплясывать на месте. У меня оборвалось сердце – свихнулся человек. Все замерли, ожидая взрыва. А комбат сказал вполголоса, очень буднично: “Всё в порядке, ребята. Мины-то противотанковые. Для них вес человека – что вес мыши... Подождём ещё полчасика, пока стемнеет, и айда к нашим”.

Мы отдохнули немножко в кустах, договорились о порядке перехода через нейтралку. Я должна была идти посередине, комбат замыкающим. Первому был дан наказ окликнуть своих на “чисто русском” языке, а то ещё подстрелят.

Всё было спокойно, мы пошли в полный рост. Сначала спотыкались о мины, потом минное поле кончилось, земля стала гладкой. Наш передний край молчал.

И когда мы считали себя уже в полной безопасности, немец бросил мину, – может, и случайную.

Она разорвалась почти посередине нашей цепочки. Те, что шли впереди, остались без единой царапины. Три человека, в их числе комбат, были убиты наповал...”.

После тяжелейшего испытания Друнина вернулась в Москву. Осенью 1941 года вместе со спецшколой Военно-воздушных сил, в которой преподавал больной отец, была эвакуирована в Сибирь, в посёлок (ныне город) Заводоуковск Тюменской области. Согласилась на далёкое путешествие только из-за необходимости ухаживать за отцом, перенесшим инсульт. Здесь она тоже не сидела сложа руки. Для того чтобы избежать волокиты, письмом с просьбой отправить на фронт послала на имя Верховного Главнокомандующего. Ответ пришёл из районного, Ялуторовского, военкомата. В нём сообщалось, что “без особого указания женщин в армию не призывают”.

Но сдаваться Юля не собиралась. Поступила на вечерние двухмесячные курсы медсестёр, организованные при эвакогоспитале, и одновременно работала кассиром на молокозаводе, валила лес. При этом каждый день думала о фронте. Однажды даже явилась в Ялуторовский райвоенкомат лично. Добраться туда можно было только пешком, по шпалам, оттопав двадцать с лишним километров, – обычно в Заводоуковске не останавливались никакие составы.

Поход был успешным. Девушку направили в Хабаровск, в школу младших авиационных специалистов. Вскоре выяснилось, что курсанты будут охранять дальневосточные рубежи. Друнина с этим решением не смирилась. К тому времени ушёл из жизни отец, теперь ничто не мешало действовать. Она выбиралась из Сибири с такой настойчивостью, с какой узник, приговорённый к смертной казни, совершает побег. Как каторжанка, тайно покинувшая сибирскую землю, добралась-таки до Москвы и оказалась на фронте. В Белоруссии, в пехоте, санинструктором.

Воевать долго не пришлось: в 19 лет тяжёлое ранение – осколок прошёл в двух миллиметрах от сонной артерии – привело в госпиталь. Ей уже было выписали инвалидность и запрет на окопную жизнь, но девушка с таким пессимистическим приговором не смирилась и вновь правдами и неправдами добилась того, чтобы её направили в действующую армию. На этот раз санинструктором в самоходный артполк, вместе с которым освобождала Прибалтику. Под Ригой была контужена. В ноябре 1944 года старшину медицинской

службы, к тому времени заслужившую медаль “За отвагу” и орден Красной Звезды, признали инвалидом. А дальше – жизнь на гражданке. Учёба в Литинституте, семья, писательские заботы, удушающий, хоть и столичный, но нелюбимый быт...

Столь подробно напоминаю о перипетиях судьбы Друниной, чтобы показать: на фронт рвалась не девочка в розовых романтических очках. Она хорошо знала, куда шла и на что шла, не раз смотрела в глаза окопному лиху, где слово “смерть” звучало, пожалуй, чаще, чем слово “жизнь”. Согласен: так поступали сотни тысяч женщин, девушек, девчонок. Но тогда поставим вопрос по-другому: а скольким из них удалось взять поэтическую высоту, которую взяла Друнина, всю Великую Отечественную стоявшая на краю бездны? Анна Ахматова, Ольга Берггольц и некоторые другие известные поэтессы, писавшие на фронтовые темы, не в счёт. На поэтический Олимп они поднялись до войны, были либо далеко от фронта, либо уже работали в писательско-журналистском цеху. Я имею в виду тех, кого учила поэзии война, окопы, ежедневная схватка жизни со смертью. И получается, что очень уж ошибаются её молодые либеральные коллеги, когда утверждают: ну да, в сравнении с нынешним моментом Друнина колосс, а вот на фоне декораций того времени... И на фоне “декораций” того времени – тоже колосс! А как иначе? Если верно, что во время Великой Отечественной войны в Красную армию было призвано около миллиона женщин, то выходит масштабное полотно: из миллиона – одна! Редкость, величина! И она одна заговорила от имени целой армии женщин-фронтовиков, на себе испытавших, что такое фунт военного лиха. Да ещё как заговорила! Недавно провёл эксперимент: выписал имена десятка поэтов, в своё время гремевших современников Друниной, и в рядовой московской библиотеке попытался выяснить спрос на их книги. Спроса почти не было. Сборник стихов Друниной оказался один – “Не бывает любви несчастной”, изданный аж в 1977 году. Очередной формуляр её, заведенный в 2016 году, заполнен до предела. Читают! Кто-то из поклонниц написал в интернете: “У женской поэзии было два крыла – Ахматова и Цветаева. Теперь появилось третье – Друнина”.

Чужой кровью о своей боли

Второй участник схватки – Светлана Алексиевич. Рождённая после войны, Алексиевич в боевых действиях, естественно, не участвовала. Но военная тематика оказалась ей близка. Потому, наверное, что фашистское нашествие основательно пощипало семьи близких. Одиннадцать родственников вместе с детьми немцы сожгли заживо: кого – в своей хате, кого – в деревенской церкви. А ещё потому, конечно, что военно-патриотическая тематика на документальной основе, став модной, приносила в те годы быстрые и довольно ощутимые материальные и моральные дивиденды. Тут и коллективный труд “Я – из огненной деревни”, в котором главную скрипку играл Алесь Адамович, а позднее – “Блокадная книга” Даниила Гранина и Алеся Адамовича. Чужая слава вдохновляет, а проторённый путь помогает держать курс.

Зная о войне по книгам, фильмам и рассказам очевидцев, Алексиевич вдруг обнаружила, что в нестройном хоре воспоминаний о фронтовой жизни слишком много официоза, напыщенности, помпезности, общих мест. Из книги “У войны не женское лицо”: “Всякий раз меня поражало это недоверие к простому и человеческому, это желание подменить жизнь идеалом. Обыкновенное тепло – холодным сиянием”. Потому решила не просто показать бытие как оно есть, а “женскую” правду о войне, которая не чета превалирующей у нас мужской, потому что женщина многое воспринимает по-своему, не так, как мужчина. Читаем там же: “Мы все в плену мужских представлений и мужских ощущений войны. Мужских слов. А женщины молчат... Но почему, – не раз спрашивала я себя. – Почему, отстояв своё место в когда-то абсолютно мужском мире, женщины не отстояли свою историю? Свои слова и свои чувства? Не поверили сами себе? От нас скрыт целый мир. Их война осталась неизвестной...” Намерения нанизываются одно на другое, как шамплек на шампур. Многообещающие намерения.

“Написать женскую правду о войне... Писать правду о жизни и смерти вообще, а не только правду о войне...” С одной стороны, исследовать “конкретного человека, живущего в конкретное время и участвовавшего в конкретных

событиях. А с другой стороны, мне надо разглядеть в нём вечного человека. Дрожание вечности”.

А теперь посмотрим, какое “дрожание вечности” Алексиевич рассмотрела, обнаружив свой труд “У войны не женское лицо”. Партизанский отряд попал в окружение. Кругом немцы с собаками. Спасают болота, люди стоят по горло в воде. Среди партизан – радистка с грудным ребёнком. Голодный, он плачет: молока у матери нет. Каратели рядом... С собаками. Если овчарки услышат, то отряд погибнет. Командир принимает решение: “Никто не решается передать матери приказ, но она сама догадывается. Опускает свёрток с ребёнком в воду и долго там держит... Ребёнок больше не кричит... Ни звука...”

Каратели подожгли деревню. Спаслись немногие, убежав в лес и не сумев прихватить еды. Среди них женщина с пятью детьми, которая ночью била свою девочку, потому что она всё время плакала. Девочка самая слабенькая. Она всегда болела. И четыре мальчика, все маленькие, и все тоже просили есть... Женщина сошла с ума. “А ночью было слышно, как девочка просила: “Мамочка, ты меня не топи. Я не буду... Больше есточки просить у тебя не буду. Не буду... Утром девочку уже никто не увидел...”

Человеческая жизнь после войны ничего не стоила: “Еду после работы в автобусе, вдруг начались крики: “Держите вора! Держите вора!...” Автобус остановился... Сразу – толкучка. Молодой офицер выводит на улицу мальчишку, кладёт его руку себе на колено и – бах! Ломает её пополам. Вскрикивает назад. И мы едем...”

Читаешь, и кажется, что тебя пригласили на обед, но про сами блюда забыли, подменив их острейшими специями. И подмена эта намеренная, потому что для автора, по её утверждению, боль, страдание есть высшая форма информации, “имеющая связь с тайной. С таинством жизни”. Итак, в исполнении Алексиевич, чем больше страдания, тем больше “правды жизни”. Запомним это.

У Друниной иные принципы. Медсестра Друнина, сражаясь на передовой, не раз попадала в переделки. Литератор Друнина если и вспоминает о них, то скупой, в основном, в прозе. О некоторых уже было рассказано. Вот ещё две очень неординарные ситуации. В отбитом эстонском Тарту случилось с ней необычное во фронтовой обстановке происшествие – ухитрилась попасть “на губу”.

Не сложились у старшины отношения с командиром санвзвода, которого иронично называла Палеодором (так он переименовал слово “тореадор”) и публично говорила о трусости непосредственного начальника:

“Передовая надёжно защищала меня от в общем-то вполне объяснимой неприязни “Палеодора”.

Однако, когда я пришла в санвзвод, чтобы отмыться и отоспаться, фельдшер вдруг приказал мне немедленно отправляться обратно в батареи.

– Зачем? – спросила я с недоумением. – Ведь ясно, что до света боя не будет, а утром вы меня и не удержите.

– А затем, – сухо ответил комсанвзвода, – чтобы перевязать там у одного заряжающего чирей. Выполняйте!

Приказ был явно издевательским, я измотана до предела, нервы натянуты – слово за слово, и вот в ответ на какое-то оскорбительное замечание выхватила из кобуры ТТ.

“Палеодора” как ветром сдуло. Побежал жаловаться начальству. И действительно ЧП – солдат угрожает офицеру оружием!

Возвратился он в сопровождении адъютанта командира полка. Вид у добродушного толстяка-адъютанта был смущённый. Ему приказали посадить меня на гауптвахту. Неприятное поручение, да и где её здесь взять – эту гауптвахту?..

Мы долго ходили по расположению нашего “хозяйства” из одного дома в другой – все они были набиты до отказа. И всюду меня встречали радостными возгласами: “Здравствуй, сестрёнка! Какими судьбами?” Я смущённо объясняла – какими... Наступало удивлённое молчание, потом раздавались реплики отнюдь не в пользу фельдшера и адъютанта. Мы следовали дальше. Наконец, нашли полуподвал, куда можно было кое-как втиснуться. Раздражённо бросив фельдшеру: “Стерегите её сами!” – адъютант ушёл.

Я растянулась на полу, мой страж – рядом, и, едва успев заметить, что он положил себе под голову портупю с пистолетом, провалилась в глубокий тяжёлый сон.

Мне приснилось, что над головой на бреющем, с воем проносятся “мессеры”.

А проснулась — сон в руку: прямо надо мной свистят осколки.

Очнулась окончательно и поняла — нет, это не бомбежка, а артобстрел, причём лупят прицельно по нашему дому. Снаряды рвутся под окнами, я же лежу в “мёртвом пространстве” — как бы под аркой из вылетающих в оконные проёмы осколков.

В помещении уже никого нет. Ничего не соображающие со сна люди убежали, даже не разбудив меня.

А рядом валяется фельдшерский пистолет. Прихватываю его и выскакиваю, выждав удобный момент, на улицу.

Теперь я могу отплатить фельдшеру с лихвой — стоит только отнести в штаб его ТТ. Бросить оружие!

Но я никому не рассказала об этом, пожалела человека. За подобную “забывчивость” можно и в штрафную загнать. . .

Зато и фельдшер замял дело “об угрозе пистолетом офицеру”.

Согласитесь, налицо “женская” правда о войне без газетной шелухи, да такая, что круче некуда. Ситуацию можно было бы развернуть на целую повесть. Не развернула. Ни в одном стихотворении не упомянула.

Гражданка Алексиевич, напротив, собирает и выкладывает на литературное блюдо всё остренькое, что было не с ней. Фронтовик Друнина осознанно не бравировает тем, что пережила лично. Складывается впечатление, что обе пишут кровью. Друнина — своей. Алексиевич, ухмыляясь, — чужой.

Друнина внесла в поэзию о войне дух и принципы сестры милосердия, для которой важно не разбередить рану, не обнажить боль, а унять, успокоить её. Главное — не навредить! Её душа, опалённая фронтом, действительно воспринимает мир по-другому:

*Для меня не беда — беда,
Потому что за мной — война.
Потому что за мной встанёт
Тех — убитых — мальчишек взвод.*

Эта же мысль пронзительно звучит и в стихотворении “Бинты”, в котором опытная наставница учит одним движеньем срывать с раненого запекшиеся повязки. Друниной доставалось от фельдшера за то, что она без меры лила на бинты перекись водорода, чтобы отмочить их, снять без боли.

*“Так с каждым церемониться — беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки”.
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.*

И вывод:

*Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.*

Вот почему поэзия Друниной крайне скупа на душераздирающие сцены. Она часто лишь обозначает их, не разворачивая на всю ширину кадра. Да, обозначает талантливо, мастерски, но — чрезвычайно сдержанно. Её стихи похожи на исповедь, на молитву. Она, медсестра, будто ползёт по жизненно-му полю, подбирая всех, кто искалечен судьбой, обстоятельствами, где волоком, где с помощью подручных средств доставляя в безопасное место, чтобы привести в чувство добрым душевным словом. Не словом знахарки, а словом знатока, нахлебавшегося фронтового лиха человека. Это очень отчётливо обнаруживается, когда сравниваешь, сводишь стихи Друниной и документальную поэзию Алексиевич, что называется, лоб в лоб.

Друнина:

*Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И сотни раз — во сне.*

*Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне...*

Алексиевич:

“В рукопашной была... Это ужас... Это не для человека... Бьют, колют штыком, душат за горло друг друга. Ломают кости. Вой стоит, крик. Стон. И этот хруст... Этот хруст! Его не забыть. Хруст костей... Ты слышишь, как череп трещит. Раскалывается... Для войны это и то кошмар, ничего человеческого там нет. Никому не поверю, если скажет, что на войне не страшно”.

Друнина:

*Шли добровольцами юнцы
Туда, где смерть даёт медали.
Тогда казнённые отцы
На подвиг нас благословляли...*

Алексиевич:

“До войны у неё всю семью репрессировали: отца, мать и двоих старших братьев. Она жила с тётей, маминой сестрой. С первых дней войны искала партизан. В отряде видели, что она на рожон лезла... Хотела доказать... Всех награждали... а её — ни разу. Медали не дали, потому что родители — враги народа. Перед самым приходом нашей армии ей ногу оторвало. Я навестил её в госпитале... Она плакала... Но теперь, — говорила, — мне все поверят...”.

Друнина (комбат застрелил двух струсивших в бою солдат):

*Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперёд,
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шёл на пулемёт.
Потом, в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.*

Алексиевич:

“Через несколько дней, когда на нас пошли танки, двое струсил. Они побежали... И вся цепь дрогнула... Погибло много наших товарищей. Раненые, которых я стащила в воронку, попали в плен. За ними должна была прийти машина... А когда эти двое струсил, началась паника. И раненых бросили. Мы пришли потом на то место, где они лежали: кто — с выколотыми глазами, кто — с животом распоротым... Я, как это увидела, за ночь почернела. Это же я их в одно место собрала... Я... Мне так сильно страшно стало...”

“Утром построили весь батальон, вывели этих трусов, поставили впереди. Зачитали, что расстрел им. И надо семь человек, чтобы привести приговор в исполнение. Три человека вышли, остальные стоят. Я взяла автомат и вышла. Как я вышла... Девчонка... Все за мной... Нельзя было их простить. Из-за них такие ребята погибли!”

Подобных параллелей можно было бы провести десятки. Намёк, надеюсь, каждому понятен. Рассказывая о самых сложных перипетиях, Друнина рассказывает за здравие, а Алексиевич (по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление) — за упокой. Друнина никогда не кичилась фронтовой жизнью. Алексиевич ставит себе в доблесть даже сбор материалов о войне.

Друнина:

*Нет, это не заслуга, а удача —
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!*

Алексиевич:

“Долго сижу в незнакомом доме или квартире, иногда целый день. Пью чай, примеряю недавно купленные кофточки, обсуждаем причёски и кулинарные рецепты. Рассматриваем вместе фотографии внуков. И вот тогда... Через какое-то время, никогда не узнаешь, через какое и почему, вдруг наступает тот долгожданный момент, когда человек отходит от канона — гипсового и железобетонного, как наши памятники — и идёт к себе. В себя. Начинает вспоминать не войну, а свою молодость. Кусок своей жизни... Надо поймать этот момент. Не пропустить! Но часто после длинного дня, заполненного словами, фактами, слезами, остаётся в памяти только одна фраза (но какая!): “Я такая маленькая пошла на фронт, что за войну даже подросла”. Её и оставляю в записной книжке, хотя на магнитофоне накручены десятки метров. Четыре-пять кассет...”

Вот и вся любовь

Мы подходим к самому главному: ради чего всё это написано. Трагическая нота свойственна поэзии Друниной, но она не стремится вгонять читателя в депрессию, старается лишней раз не беречь глубокие незаживающие фронтовые раны. Потому что во время фашистского нашествия было достигнуто очень важное условие победы — единство общества. Каждый был в строю, каждый чувствовал себя участником борьбы за правое дело. Как, впрочем, и автор этих строк:

*И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом.
Мимоходом: — Молодец, сестра! —
Крикнут мне товарищи в награду.
Да ещё сияющий комбат
Руки мне протянет после боя:
— Старшина, родная, как я рад,
Что опять осталась ты живою!*

Позади полные драматизма годы. Позади огромные потери, победный меч ковали все. Борьба за правое дело объединила правых и виноватых, левых и правых. И Друниной очень не хотелось одним неловким, не ко времени сказанным словом бросить тень на это единство, усомниться в его естественности, хотя о проблемах страны она знала не понаслышке. Она чувствовала и модные веяния в литературной и общественной жизни, противостояла им всем своим существом:

*Аудитория жаждет сенсаций,
А я их, признаться, боюсь, как огня,
Ни громких романов, ни громких оваций
Не было у меня.
Но если меня бы расспрашивал Некто:
Чем я как поэт в своей жизни горда?
Ответила б: “Тем лишь, что ради эффекта
Ни строчки не сделала никогда”.*

Иными словами, Друнина не шла на поводу у прихотей времени, оставалась самой собой. А Алексиевич нужен был эффект, нужна была сенсация. Надо было с помощью особой стилистики доказать существование какого-то особого человека, особого героя, которого она не просто любит — восхищается им. Но уже в первых изданиях книги изначально пробивались странные признаки этой любви: “Кто они — русские или советские? Нет, они были советские — и русские, и белорусы, и украинцы, и таджики... Всё-таки был он, советский человек. Таких людей, я думаю, больше никогда не будет, они сами это уже понимают. Даже мы, их дети, другие. Хотели бы быть, как все. Похожими не на своих родителей, а на мир. А что говорить о внуках...”

Ключевая фраза вот эта: “хотели бы быть, как все”. То есть развела человечество по разные стороны баррикады. По одну — “всех”. По другую — наших

отцов, дедов и прадедов. Для неё не важно, что в категорию “как все” вошли французы, сдавшие страну на милость фашистам. Что среди “всех” — Эльза Кох, которая пускала на абажуры кожу узников концлагерей, отчего получила кличку фрау Абажур. Что сюда попали американцы, сбросившие атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки и за считанные секунды уничтожившие десятки тысяч ни в чём не повинных граждан. Что тут же японцы, отличавшиеся особой жестокостью и погубившие ни за что ни про что миллионы китайцев.

Потому что по Алексеевич получается, что наши предки и мы — много страшнее “всех”. Она констатирует: “Мы имеем дело с русским человеком, который за последние 200 лет почти 150 лет воевал. И никогда не жил хорошо. Человеческая жизнь для него ничего не стоит, и понятие о великости не в том, что человек должен жить хорошо, а в том, что государство должно быть большое и наштапированное ракетами. На этом огромном постсоветском пространстве, особенно в России и Беларуси, где народ вначале 70 лет обманывали, потом ещё 20 лет грабили, выросли очень агрессивные и опасные для мира люди...”
Вот и вся любовь. Вот и всё “дрожание вечности”.

Выходит, госпожа нас обманула, наобещав и того, и другого, и пятого, и десятого. На самом деле взялась Алексеевич за “женский” взгляд на войну с определённой целью — дискредитировать Победу. Потому-то безжалостно и осатанело срывает бинты со всех ещё кровоточащих ран, потому-то и прибегает к натурализму, чтобы показать, что есть на свете ужасная страна, которая воспитывала и воспитывает настоящих зомби. Для них, зомби, в любой самой невероятной ситуации ничего не стоит расстаться с жизнью. И в этом смысле женщины не отличаются от мужчин, как, впрочем, не отличаются от них старики и дети. “В школьной библиотеке — половина книг о войне. И в сельской, в райцентре, куда отец часто ездил за книгами. Теперь у меня есть ответ — почему. Разве случайно? Мы всё время воевали или готовились к войне. Вспоминали о том, как воевали. Никогда не жили иначе, наверное, и не умеем. Не представляем, как жить по-другому. Этому нам надо будет когда-нибудь долго учиться. В школе нас учили любить смерть”.

Мы “всё время воевали”, или нас заставляли воевать то шведы, то французы, то англичане, то немцы? Для Алексеевич такая постановка вопроса тоже в принципе невозможна. Виноваты мы, зомби. Правда, она жеманно заявляет: “За семьдесят с лишним лет в лаборатории марксизма-ленинизма вывели отдельный человеческий тип — homo soveticus. Одни считают, что это трагический персонаж, другие называют его „совком“. Мне кажется, я знаю этого человека, он мне хорошо знаком, я рядом с ним, бок о бок, прожила много лет. Он — это я. Это мои знакомые, друзья, родители”. Но это именно жеманство, лукавая оговорка, стремление продемонстрировать объективность. А в принципе не в марксизме-ленинизме дело. Страна зомби воспитывала зомби, бездушных киборгов в прошлом. Им не до высоких материй... Свобода, Отечество, независимость... Им бы только напиться кровушки. Страна зомби воспитывает такое же поколение и сейчас: “Вчера я шла по Бродвею — и там видно, что каждый — личность. А идёшь по Минску, Москве — ты видишь, что идёт народное тело. Общее. Да, они переоделись в другую одежду, они ездят на новых машинах, но только они услышали боевой клич от Путина: “Великая Россия!” — и снова это народное тело...”

Господи, как всё старо! Вспомнилась сцена из комедии “Бригадир” Дениса Фонвизина, написанная в 1769 году:

“Советница: Ах, сколь счастлива дочь наша! Она идёт за того, который был в Париже. Ах, радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был...”

“Я строю храмы из наших чувств”, — высокопарно заявляет Алексеевич. Что-то они, эти храмы, больно напоминают конюшни, загоны для скота. Очень уж хочется госпоже Алексеевич загнать в них героев Друниной. Вот эту девчущку, например:

*По улице Горького — что за походка! —
Красотка плывёт, как под парусом лодка,
А в сумке “модерной” впритирку лежат
Пельмени, Есенин, рабочий халат.*

Алексиевич много внимания уделила тому, как её встречают пожилые собеседники, как ведут себя во время интервью, как провожают. “Да, — признаётся она, они много плачут. Кричат. После моего ухода глотают сердечные таблетки. Вызывают “скорую”. Но всё равно просят: ты приходи. Обязательно приходи”.

Не сомневаюсь, приглашали. Потому что не знали, что доводит их до сердечных приступов человек с камнем за пазухой. Что, лисовато улыбаясь, докапывается этот человек до “особой” правды, чтобы показать: её собеседники, их дети и внуки — зомби. Что Алексиевич, лет 15 “поскитавшаяся” по странам Запада, сделает вот такой вывод: “в России и Беларуси выросли очень агрессивные и опасные для мира люди...” Что на Западе русофобы всех мастей с удовольствием растиражируют это открытие, превознося автора за то, что будто ради истины Алексиевич не пощадила погибших в войну родных и близких.

За явным преимуществом

Итог трагической схватки известен: поэтесса Юлия Друнина долго жила надеждами спасти страну от распада, а когда не удалось, ушла вместе с ней.

*Ухожу, нету сил.
Лишь издали
(Всё ж крещёная!)
Помолюсь
За таких вот, как вы, —
За избранных
Удержат над обрывом Русь.*

Она опровергла, таким образом, своё утверждение о том, будто “теперь не умирают от любви”. Умирают, если любовь настоящая, а не приключения в катафалке, направляющемся к храму, — на венчание.

Наградой Алексиевич стала присуждённая ей в 2015 году Нобелевская премия по литературе “за её многоголосное творчество — памятник страдания и мужеству в наше время”. Многоголосное это творчество включает несколько книг с многозначительным заголовком “Голоса утопии” и неизменным методом написания. Даже предводитель эстетствующей публики либерального толка Дмитрий Быков признал: “Искать в её сочинениях эстетические откровения — занятие странное”, — отметив интерес Нобелевского комитета к социальной значимости текста. Написать “политической” духу не хватило. А он, “социально значимый текст”, чем ближе к концу книги, тем ошутимей. Перестраивалась на ходу.

Выходит, схватку поэт-фронтовик Юлия Друнина начисто проиграла циничной труженице пера?

Про-иг-ра-ла?

Написать, что у Алексиевич нет читателей, значит написать неправду. Есть. Их много. Из тех, кому безразлично, что читать, лишь бы “чернуху”. Но даже Дмитрий Быков вынужден был нехотя признать: “Стихи Друниной могли быть просты, а иногда банальны, но они — шедевры искренности и человечности на фоне того, что пишут сегодня”.

Поправим Быкова: шедевры всегда просты (“я только раз видала рукопашный”). Мы отдаляемся от Друниной, заявляет Дмитрий Быков. Он прав: отдалились. А теперь приближаемся снова. Крымские астрономы Юлия и Николай Черных назвали одну из далёких планет Галактики именем поэтессы. Самое же главное вот в чём. Посмотрите, сколько соотечественников в День Великой Победы ежегодно вливается в рождённое в глубине народных масс шествие “Бессмертный полк”, которое стало явлением международного масштаба! Вряд ли кто скажет, что это шагают почитатели Алексиевич. Это идут почитатели Друниной, которая ощущала себя связной между прошлым и будущим. И становится понятно, что и этот, последний в своей жизни, бой Друнина всё-таки выиграла.

Выиграла — за явным преимуществом. Гражданским. Нравственным.

ИРИНА УШАКОВА

“И МЫ СОХРАНИМ ТЕБЯ, РУССКАЯ РЕЧЬ...”

Будущего у России не может быть без русской словесности, расцветшей на почве церковнославянского языка. Словом искони передавалась традиция самобытной культуры народа, опыт исторических побед и поражений. Слово есть выразитель всей народной жизни и души народа с её скорбью и радостью, песней и плачем.

“И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово” — звучали слова А. Ахматовой в роковую минуту, когда враг, захвативший почти всю Европу, стоял на подступах к Москве.

Дорого нам досталось сохранение на протяжении столетий великого русского языка, как дорого оно достаётся сейчас жителям Донбасса — колхозникам и шахтёрам, взявшим в руки оружие после того, как на Украине ввели закон о русском языке... “Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык”, — писал Василий Шукшин — наша гордость, наша совесть.

Сегодня идёт борьба с русским языком, ибо именно он — незримый охранитель народа. Иначе как назвать то, что до минимума сокращено в школе преподавание литературы — единственного предмета, который формирует мировоззрение человека, воспитывает духовность и нравственность; то, что в теле- и радиэфире нет места традиционной русской культуре, как и культурам многонациональной России со всей палитрой их сказок, песен, былин...

Сохраним ли мы в чистоте великий русский язык в нынешнее время рафинированного патриотизма и невиданной подмены традиционной культуры?

Владислав БАХРЕВСКИЙ, русский писатель, автор более ста книг прозы, поэзии, переводов, в том числе исторических романов, член жюри многих литературных конкурсов, общественный деятель

Великий могучий русский язык ныне — достояние книгохранилищ и хранилищ записей в институтах, где занимаются фольклором (однако институт фольклора Министерство культуры умудрилось ликвидировать. Только благодаря руководителям, почитающим себя ответственными за народное достояние, институт сохранён как отделение). Так что существование государства, носящего имя Россия, — это уже не гарант сохранения языка, литературы и самой русской матрицы сознания.

Чудовищные массы современных сочинителей языком минувших времён не владеют, как и сам народ, лишённый деревни. Писателей, владеющих если не полнотой словарного богатства, так по крайней мере гармонией русской природной речи, критики причисляют к устаревшим.

Вот абзац из “новой” литературы: “Она так сейчас была взбешена, киса окончательно испортил ей настроение, а теперь ещё раздражённо цыкает в спину. Выйдя из коридора, ни секунды не задумываясь, чисто по наитию, она выбрала верное направление и скоро нашла столы с книгами, прошвырнулась, ища своих – нашла”. Политика лжереформаторов жизни русского народа, уничтожающих, прежде всего, детскую литературу, насаждающих бесстержневое образование, когда школьные знания превращены в свалку и не остаются в памяти, рано или поздно будет названа антинародной.

Писателю, русскому остаётся одно: делать своё дело. Писать на великом могучем языке, языком образным, недоступным нашим ненавистникам и прямым врагам. Надо вести всенародную проповедь о таинственной благодати и чудесном могуществе родного русского языка, ибо слово, сказанное с любовью, создаёт душу.

Александр ЕВДОКИМОВ, профессор кафедры теологии МГЛУ

Невозможность военной победы над Россией давно осознана Западом в ходе XVII–XX столетий. Новая форма военных действий – информационная – предполагает разрушение культурного пространства русской православной цивилизации, где важнейшим аспектом является язык народа. Разложение любого языка есть потеря возможности воспроизводства культуры.

Фактически информационная война в том или ином проявлении всегда велась против Русского государства, в частности, попытки внедрения католичества, изменения календаря. Это касается и русского языка.

Глобализационные процессы характеризуются стиранием языковых различий, формированием международного языка и международного сленга. В связи с этим для современного российского общества характерна деформация лингвистического пространства. **Повышенная чувствительность русских к слову** выдвигает на первый план проблему защиты русского языка от западной лингвистической агрессии, ставшей важнейшим стратегическим направлением ведущейся против России информационной войны. Победа Запада сейчас осуществляется на информационном уровне, без непосредственного военного вторжения.

Необходимо остановиться и на естественно-научном аспекте проблемы.

Наше бытие характеризуется тремя субстанциями (лат. *substantia* – сущность, то, что лежит в основе: духовная субстанция, материальная субстанция): **информацией, энергией и материей**. Последовательность расположения имеет важный смысл – “В начале было Слово...” (Ин 1:1). Представители универсального эволюционизма расположили бы всё в обратном порядке: материя, энергия, информация. Таким образом, **слово есть информация, а язык – хранилище информации, средство её передачи и сама информация**. Количество информации всегда определяет стабильность существования любой социоестественной системы. Упрощение и опoшление языка неизбежно ведёт к снижению стабильности общества.

Процесс разрушения языка вызвал к жизни появление так называемой **“экологии слова”** – широкого культурологического течения, возникшего во второй половине XX века. Экология слова находится в стадии формирования. Это наука о духовном значении слова, о его связи с личностью, с характером и судьбой народа, с высшими духовными сферами, с Творцом – направлением, связанное с русской философией (о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, А. Ф. Лосев, Г. С. Батищев); о связи языка с культурой народа и со всей семиосферой (Ю. М. Лотман), о целостности языка, о его сохранении, об энергетике языка, о его связи с биосферой.

О любом этносе становится модным говорить как о “пользователе” языка, тогда как язык составляет духовную основу народного миропонимания.

Характерные элементы языковой агрессии: мэр, спикер, саммит, имиджмейкер, дилер, киллер, рэкетиры, дистрибьюторы, тинэйджеры, шоумены,

менеджер, супервайзер; обороты вроде “Горбачёв-фонд”, “Айс-Фили”, “арткультура”, “хит-парад”.

Наряду с этим продолжается проникновение в обиходный язык криминальной лексики: замочить, беспредел, опустить, наехать, держать за кого-либо, что-либо.

В обществе начинает доминировать аудиокультура — без чтения, “язык рекламы”, формирующая так называемое “клиповое сознание”, разлагающе действующее на миропонимание народа.

В СМИ получает распространение и ненормативная лексика — слова, содержащиеся в “отхожих местах языка” (выражение профессора В. Ю. Троицкого); в нашем обществе потому и стоит смрад, поскольку в отхожих местах содержат продукты биологического разложения. Разложение языка есть рост безнравственности, но в безнравственном обществе не действуют самые высоконравственные законы, и ничего хорошего сделать в таком обществе просто невозможно. Привычка к сквернословию — признак духовного разложения человека, на которого невозможно положиться ни в одном серьёзном деле; позволяющий себе нечистую речь без затруднений решится и на нечистые дела — это доказано на практике. Но в настоящее время создаются даже словари ненормативной лексики, авторы которых оправдывают себя невозможностью закрывать глаза на явление “гнилой” речи. Языковое сознание разлагается, и при сохранении текущей ситуации противостоять информационной агрессии в недалёком будущем станет уже невозможно.

Употребление “чёрного слова” неизбежно ведёт к неразличению добра и зла, это — основа вседозволенности.

В этой ситуации нельзя не помнить слова апостола: “Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и всё тело” (Иак 3: 2-12).

Владимир Крупин, прозаик, член Президиума Академии русской словесности

Более тяжёлых времён в России не бывало. Всё зло мира идёт войной именно на русскую душу. Почему? Мир обезбожен, а Россия — последнее прибежище Христа на Земле. Даже так: последняя надежда, подаваемая нам Господом. Он вразумлял людей Содомом и Гоморрой, Всемирным потопом, Вавилонским столпотворением. Он, жалея Своё творение, пришёл в образе человека, умер за нас, победив смерть... Что нам ещё нужно? И нам ли, православным, унывать: у нас нет смерти. Но есть родина, есть русский богослужбный язык, и если мы его потеряем, то Образ Божий будет искажён, и Россия осиротеет.

Мы не имеем права ни унывать, ни отчаиваться, это грех, но руки же опускаются — гибнет язык. Пачкается икона русского языка, и пока не вижу надежды, что она может обновиться, ибо всё новые слои мерзости и похабщины покрывают её. Убогий англоязычный сленг, судорожные эсэмэски, интернетская торопливость, матерщина, что ещё? Уже и речи нет о грамотности, и уж какие там словарные запасы, какое словесное богатство, когда учёные ЕГЭ-дяди и ЕГЭ-тёти изгоняют классику из школы под предлогом её непонятности. Она, прежде всего, им непонятна и ненавистна.

Русская литература — ведущая в мире именно от того, что она православна. Она сохранила веру и нравственность народа в годы богоборчества, и от того она очень негодна демократам. Зачем русский язык мэрам, омбудсменам, спикерам, модераторам? Они ботают по своей фене...

Не могу ничем пока утешиться. Встречи со школьниками и студентами у меня постоянны. Но уже и они, дававшие раньше радость, теперь полны горечи. Начинаешь читать поэтические перлы, начнёшь, специально превёшь чтение и надеешься, что кто-то продолжит. Молчание в ответ. “Это же Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Есенин, Рубцов... Как можно не знать, как не понимать, что русское слово — это главное золото, данное нам. Данное даром! По золоту ходим!” Но всё-таки молчание в ответ, хотя бы виноватое.

Слово — не только духовно, оно и материально. Словом всё создано. А ведь по нашим грехам Словом может всё кончиться. Заслужили.

Будем молиться: “Не лишай нас, Господи, русской речи!”

Михаил КИЛЬДЯШОВ, секретарь Союза писателей России, председатель Оренбургского регионального отделения Изборского клуба, г. Оренбург

В мае в календаре наших праздников промыслительно соседствуют День славянской письменности и День Победы. Язык и Победа — две силы, два смысла, ставшие точками опоры сегодняшней жизни. На них держатся наша память, наша воля, вера в то, что все невзгоды преодолимы, а все недруги одолимы.

История языка и история ратного подвига неразрывны. Их единство убеждает в том, что расцвет русской словесности никогда не был связан с сугубо эстетическими причинами. Слово было и остаётся первой линией обороны, самым прочным духовным щитом и одновременно цитаделью, которую любой ценой нужно уберечь. Наши прадеды уповали на то, что, пока звучит родное слово, и “броня крепка”, и “танки наши быстры”.

Сияющим, как солнце, и закалённым, как металл, слово выходило из огня Отечественной войны 1812 года — и рождался Золотой век русской литературы.

В Великую Отечественную войну слово обороняло Москву, питало измученных блокадников, как дополнительная норма хлеба. Слово билось за Мамаев курган, полыхало красным знаменем Победы над рейхстагом.

Все четыре военных года под бомбёжками, в голоде и холоде многотысячными тиражами издавали классиков. Народ вращался в родную землю корнем слова. К книге тянулись, как к живоносному источнику. Каждый экземпляр, сошедший в те годы с печатного станка, был подобен снаряду с конвейера оборонного завода. Враг бежал не только от русской пули, но и от русского слова.

Об этой несокрушимой мощи — стихотворение поэта-фронтовика Сергея Наровчатова, написанное в 1941 году:

*Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожжённых сёл, казнённых городов
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.*

*Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.*

*И вороньё кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.*

*В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.*

*Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
— Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мстью мстит мне за тебя?*

Сколько здесь ратного — древнерусского, праславянского — духа, унаследованного через язык! Сколько здесь христианского смирения! Потому что мести не будет, а будет праведный бой за Истину. А после — великая работа, чтобы Родина восстала из праха. И всё со Словом. Ради Слова. Благодаря Слову.

Станислав КУНЯЕВ, поэт, публицист, главный редактор журнала “Наш современник”

Александр Пушкин уравнил две сакральные сущности – “язык” и “народ”:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси Великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык —
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык...*

Николай Гумилёв впадал в отчаянье при мысли о том, что в начале XX века священная энергия языка выветрилась и оскудела, что навсегда канули в Лету времена, когда “словом останавливали солнце, // словом разрушали города”, что в мире “дурно пахнут мёртвые слова”.

Но после рождения на просторах Евразии великой Советской цивилизации русские поэты вновь смели сказать миру: “Я знаю силу слов, // Я знаю слов набат...” (В. Маяковский); “Не страшно под пулями мёртвыми лечь, // Не горько остаться без крова, // И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово” (А. Ахматова); “Тот, кто жизнью живёт настоящей, // Кто к поэзии с детства привык, // Вечно верует в животворящий, // Полный разума русский язык” (Н. Заболоцкий).

А многострадальный узник, трижды побывавший в советских лагерях, Ярослав Смеляков, может быть, и выжил в то суровое время и стал одним из самых значительных поэтов эпохи социализма благодаря тому, что поклонялся русскому языку, как верующий из простонародья поклоняется древней иконе.

*Вы, прадеды наши, в неволе,
мукою запудривши лик,
на мельнице русской смололи
заезжий татарский язык.*

*Вы взяли немецкую малость,
хотя бы и больше могли,
чтоб им не одним доставалась
учёная важность земли.*

*Ты, пахнувший прелой овчиной
и дедовским острым кваском,
писался и чёрной лучиной,
и белым лебязьим пером.*

*Ты — выше цены и расценки —
в году сорок первом, потом
писался в немецком застенке
на слабой извёстке гвоздём.*

*Владыки и те исчезали
мгновенно и наверняка,
когда невзначай посягали
на русскую суть языка.*

Это стихи Ярослава Смелякова, говорящие о языке как о живой сущности, откликающейся на все перемены в жизни народа, о божественной тайне зарождения слова (“В начале было Слово...”), о рождении слов и звуков в доисторические времена.

*У бедной твоей колыбели,
ещё еле слышно сперва,
рязанские женщины пели,
роняя, как жемчуг, слова...*

Но наступили роковые времена кровавой перестройки 1991–1993 годов, и съёжилась душа народа, а вместе с ней, словно в гумилёвские времена, ослабело сопротивление языка “дурно пахнущим”, “мёртвым словам” — “трендам”, “мейнстримам”, “месседжам”, “фейкам”, “мониторингам”, налетевшим на “полный разума русский язык” с помощью русофобской пятой колонны, с помощью ренегатов, говорящих на власовском и бандеровском языке или, в лучшем случае, на языке американских комиксов. Недавно услышал в теледебатах фразу, вылетевшую из воспалённых уст депутата нашей Госдумы: “Он (его идеологический противник. — Ст. К.) не “адекват”!” Хоть стой, хоть падай...

Вспомним переживания Сергея Есенина:

*Ах, родина, какой я стал смешной!
На щёки впальце летит сухой румянец.*

*Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец...*

* * *

В начале третьего тысячелетия я участвовал в избирательной компании Сергея Глазьева. Борьба шла за должность губернатора Красноярского края. Приехали мы в заштатный городок Лесосибирск. Выступили несколько раз, а вечером хозяева повезли нас поужинать в лучшую, как они сказали, закусочную города. Накормили по-русски — местной рыбой, борщом, пельменями. Но когда мы выходили из этой закусочной, я оглянулся и прочитал горящее неоновыми буквами её название: “Оклахома” — и обалдел. Вот тогда я понял, что Глазьев выборы не выиграет.

С той поры “Оклахома” стала для меня символом нашего языкового самооплевания, нашего лакейства и холуйства. Приедешь в любой древний русский город — Калугу, Рязань, Воронеж, — идёшь по центральной улице — магазины, рестораны, фирмы, и кругом: “Клондайк”, “Эльдорадо”, “Аляска”, “Миссисипи”. Словом — сплошная “Оклахома”. И “Москва-сити” — тоже “Оклахома”, и кофе-хаус вместо тёплого слова “кофейня” — тоже “Оклахома”...

А недавно, проезжая Рязань, увидел совершенно запредельную алую неоновую надпись: “Секс-хаус”. На фоне той “Оклахомы” точный перевод “секс-хауса” как “публичного дома” воспринимается даже как нечто своё, родное, отечественное.

* * *

В настоящее время практика писать диктанты у нас сохранилась. Правда, это один диктант на всю страну, и называется он “тотальным”. Видимо, потому, что произведения Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Бунина и других классиков “тотально” изгнаны из употребления.

В сентябре месяце 2016 года жители Ульяновска переизбрали на второй срок губернатора Морозова, того самого, который запретил в своей области использовать для диктанта текст из произведения русскоязычной писательницы Дины Рубиной, живущей в Израиле. Как возмутились тогда “жюльнарлисты” из “Новой газеты”, из “Эха Москвы”! “Вы за это поплатитесь!” — взывал один из них (кажется, Гананольский), обращаясь к Морозову.

А всё дело заключалось в том, что Дина Рубина в своих творениях часто балуется “матерком”. “Я отношусь к мату, как литератор”, — пишет она и подкрепляет свою мысль такими детскими стихами:

*— Здравствуй, дедушка Мороз,
Борода из ваты.
Ты подарки нам принёс,
Пидорас проклятый?*

— Я подарки не принёс,
Денег не хватило.
— Что же ты сюда приполз,
Ватное мудило?

Это самые “щадящие” наш слух примеры из “эпохального” романа Дины Рубиной “Вот идёт мессия!”

Рубина получила премию “Большая книга”, во многих интервью признавала себя еврейским писателем, но зачем нам, обладателям прозы Распутина, Астафьева, Белова, Личутина, Лихоносова, выбирать тексты для тотального диктанта из романов вульгарной еврейской матерщинницы?

Об убийце Пушкина Лермонтов писал: “Смеясь, он дерзко презирал // Земли чужой язык и нравы...”

“Нравы” — это обычаи, это вера, это традиции, это совесть. И всё это выражается в языке. Вот почему русский язык — одна из самых необходимых скреп русского мира.

Я помню послевоенное время, наши диктанты и наши изложения (была такая форма учёбы — учитель читал текст, а ученики, каждый по-своему, излагали его на бумаге). Тексты диктантов и страницы изложений обязательно брались из нашей великой классики — из “Капитанской дочки”, из “Тараса Бульбы”, из “Записок охотника”, из “Обломова”. Это одновременно было изучением и русского языка, и русской литературы, и русской истории, и русского Православия, и вообще русской жизни.

Послевоенное радио добавляло к этим знаниям русские народные песни — “Степь да степь кругом”, “Раскинулось море широко”, “Коробейники”, “Есть на Волге утёс”, добавляло русскую музыкальную классику — арии из опер “Князь Игорь”, “Евгений Онегин”, “Садко”. А сколько мировой классики вливалось в наши души из чёрных репродукторов! Верди, Бизе, Бетховен, Гунно, Штраус. Какой там железный занавес!

Всё великое, талантливое, доброе, человеческое входило в наш русский мир. Ворота были открыты. Неаполитанские песни, украинские песни, французские песни, южноамериканские песни — всё было нашим общим достоянием. Да, русская элита XIX века увлекалась французским языком, но Пушкин одновременно учился русскому языку у народа, у Арины Родионовны, у дворовых крестьян — иначе он не написал бы: “Что за прелесть наши песни и сказки!” Элита была, конечно, “офранцужена”. Пушкин это понимал, когда писал о своей любимой героине Татьяне:

*Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалась с трудом
На языке своём родном...*

Но!

*Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С её холодной красою
Любила русскую зиму.*

Душа важнее языка. Татьяна, в сущности, родная сестра Наташи Ростовой, русскость которой Толстой гениально выразил в её пляске под дядюшкину гитару. Пушкин шутил, любя: “Без грамматической ошибки // Я русской речи не люблю...” Но своеволие великих поэтов — это другое дело! Литературный язык в пушкинское время ещё не устоялся. К тому же гениям позволено гораздо больше, нежели русскоязычным ремесленникам: “Не ругайтесь, такое дело! // Не торговец я на слова”. “Словно кто-то к родине отвык” (**выделено мной.** — Ст. К.). Так писал Сергей Есенин — хозяин русского языка и кровный сын русского народа.

Валентин КУРБАТОВ, литературный критик, литературовед, член жюри литературной премии “Ясная Поляна”, член Президентского совета по культуре, г. Псков

Живите в доме и не рухнет дом...

Арс. Тарковский

Простите, что скажу поперёк.

Меня не радует, что о русском языке стали говорить не меньше, чем недавно об одесском бандите Мишке Япончике. Когда язык живёт естественной жизнью, о нём не говорят. На нём просто говорят.

А уж если понадобилось составлять “Словарь расширения русского языка”, который сложил А.И. Солженицын, то значит, дело плохо. Значит, писателю тесно в языке жизни и надо убирать обедневшую реальность вышедшими из употребления одедами и цветами. Отчего мы сразу чувствуем себя в его прозе неуютно, как на ретроспективной выставке, где вроде и наша, но уже не узнаваемая нами жизнь.

Увы, язык нельзя расширить волей даже твёрдого и авторитетного человека. Как нельзя даже суровыми нормативно-правовыми установлениями заставить быть одинаково равноценными договор и договор, возбуждено и возбуждено, добыча и добыча. Они ведь веками до наших забот существовали, как йогурты и йогурты, звонит и звонит. Кто-то даже и начать вместо начать говорил, и ничего — язык не шатался. Хотя, может, как раз тогда всё и начало валиться. Но жизнь ещё была жизнь, и неправильности придавали ей улыбочивой широты и подлинности. Как один добрый пьяница в ответ на укор Ницше, что пить нехорошо, справедливо заметил: “На земле есть разные люди, господин хороший, и я один из них”. Вот и эти неправильности были просто “разные люди”.

Беспокойство о состоянии языка — знак неблагополучия в государстве, знак того, что стал теряться народ, подменяясь беспамятным населением и его опустевшим словом, где слова полегчали и утратили первоначальную ясность. Даже в именах “Единая Россия” и “Справедливая Россия”, как и Союз писателей России и Союз Российских писателей, с порога слышна девальвация существа некогда великих слов.

Увидал недавно на дороге под Воронежем указатель на повороте “Закрытое акционерное общество “Россия”. Это про нас. Это нынешнее название нашей Родины.

Из языка уходят воля и сила. Он живёт полем и небом, землёй и трудом. А вслушайтесь в наши ежедневные новости и найдите там про землю и труд. Там будут жертвы и аварии, теракты и пожары, саммиты и соглашения, кризис, кризис, кризис и президентские уверения в том, что человек должен видеть без уверений. Но ни полей, ни заводов, ни хлеба, ни света вы там не увидите.

Нас веками спасала, держала до последнего времени русская речь, великое русское слово, с которым Ахматова провожала солдат на великую войну: “Но мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово. // Свободным и чистым тебя пронесём // И внукам дадим, и от плена спасём // Навеки...” Не спасли.

И уже не скажешь с Блоком о соблазнительном Западе:

*Пускай заманит и обманет, —
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты.
Ну, что ж? Одной заботой боле,
Одной слезой река шумней.
А ты всё та же — лес да поле,
Да плат узорный до бровей.*

Ни Руси, ни поля, ни плата. И слово уже не спасёт нас в отместку за измену.

Как ещё недавно умел русский человек благодарно сказать о любви и силе родного языка устами своих гениев Пушкина и Некрасова, Тургенева

и Толстого! В школе – помните? – учили “во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, ты один мне поддержка и опора...” А сегодня, когда сомнений, раздумий через край, мы уже не слышим этих писательских молитв. И вот мы его – волю и правду нашу, неисчерпаемое сокровище – уже вынуждены регламентировать законами. Теперь он не просто живой великорусский, как у Владимира Ивановича Даля, а “государственный”. Нечего своей живостью и “великорусскостью” выситься!

Между тем, надо быть глухим, чтобы не видеть, что мир богатеет не унификацией, а Господним многообразием, что сад человеческой речи прекрасен, когда цветёт райской разностью, а не теснотой политической или коммерческой газеты. Французы вон берегут свой язык от чужих вторжений, потому что помнят своего гения Альфонса Доде, сказавшего, что “пока народ, даже обращённый в рабство, владеет своим языком, он владеет и ключом от своей темницы”. А мы сами свой ключ сдаём...

И немец Хайдеггер, защищая свой язык, подсказывает нации, что “язык – это дом бытия”. Бытия, а не быта. Бога, а не политического отчёта. Государственный язык может быть силён и ясен, когда есть сильное и ясное государство, когда оно совпадает с отчётливыми границами своей самобытности. А когда вместо границ – туман, когда чужое желаннее своего и поощряется всей силой власти, то и язык теряет границы и расплывается в оговорки и примечания, в договоры и договоры, в добычи и добычи.

Не знаешь, кому кричать, что надо жить, жить! И жить дома! Любовью, трудом, семьёй, историей и родом, а не мировым сообществом, не телевизионным окошком, не одним днём, не “здесь и сейчас”, не “всё и сразу”. И язык оформит и бережно озарит эту жизнь и сам станет светом и жизнью. Только живи! Ведь так просто, как говорил Толстой. Но вот, оказывается, простое – то и есть самое недостижимое, ибо оно только просто, а у нас на всё один припев – “в наше непростое время”. И видно, говорящим так и хочется, чтобы оно оставалось “непростым”, иначе голые короли будут голы. Впрочем, кажется, они уже ничем не рискуют, потому что на всех королей при нынешней духовной демографии не найти детей, которые им это скажут.

Вячеслав ЛЮТЫЙ, литературный критик, председатель Совета по критике, член правления Союза писателей России

Народ является носителем своей самобытной речи, и одновременно речь оказывается теми координатами, в которых можно говорить о жизни народа – сегодняшней, вчерашней и будущей. Если мы посмотрим на отношение нынешней власти к русскому языку, к вопросам его сохранения в берегах культурной традиции, то обнаружим, что так называемой властной элите высокий русский язык, которым владели Пушкин и Чехов, Достоевский и Толстой, не нужен. Для решения собственных экономических задач, которые, пожалуй, являются доминирующими в сознании этих людей, вполне достаточно обеднённого английского, который из давнего языка Шекспира перевоплотился ныне в лексикон биржевых клерков, в смысловую грязь попсы, в лишённую оттенков чувства машинную речь политологов.

Подобная оскопленная, обезображенная модель русского языка негласно принимается в информационном пространстве России за некий норматив. Эту тенденцию дополняет политика власти в отношении современной литературы России. Матерная речь вторглась с бесцеремонностью сутенера в пространство театра, телевидения и радио, в романы и стихи современных авторов. На фестивалях поэзии и на страницах выходящих книг грязная фраза стала почти обыкновенной. Бытует мысль, что у народа, в словаре которого нет высоких слов, отсутствуют и соответствующие этим словам чувства и правила. Именно к подобному положению подталкивает политика государства в области литературы и искусства, шире – в области смыслового и этического содержания русского языка.

Несомненно, в первую очередь, такая практика касается молодёжи. В сознании молодого человека матерная речь приобретает признаки яркого высказывания, точной эмоциональной реакции, иронического обозначения личной позиции. Хотя в реальности имя этому синдрому – бедность индивидуального языка, узость словаря и неспособность ощутить все нюансы

душевного состояния человека. И тут не вина, а, скорее, беда современной молодёжи — и преступная, совершенно сознательная деятельность власти в русской языковой сфере. Достаточно вспомнить попытки прозондировать общественное мнение в отношении возможных нововведений в нормативы письменной речи, которые на телевидении лет пять тому назад пытался обосновать очередной языковед, ангажированный идеологически и экономически — уж это безо всякого сомнения. Кто посадил его перед телеэкраном в пиковое время эфира, кто проплатил продажному телеканалу минуты, которые мультимедийные гуру могли бы отдать какому-либо “капитану капиталистической экономики” за хорошие деньги?

Позиция русских писателей, объединённых узами Союза писателей России, в языковом вопросе всегда была строга и благородна: не засорять родную речь грязью и заимствованиями, не терять связи с отечественным читателем. Теперь всё не так просто — денег на издание качественной литературы нет, литературное пространство разорвано, толстые литературные журналы превратились в островки в мутном океане современной словесности, которая к литературе имеет опосредованное отношение.

Все правительственные разговоры о поддержке чтения книг оказываются лукавыми: властные улыбки и участливые взгляды адресованы таким авторам, как Д. Быков, Д. Рубина, Л. Улицкая, Б. Акунин и т.п. Нет нужды характеризовать этих сочинителей, их внутренняя ложь и нравственная вседозволенность находятся на поверхности. Однако книжные магазины завалены томами, принадлежащими именно им, а вовсе не Валентину Распутину, Петру Краснову, Владимиру Крупину... Нет поддержки подлинно отечественной литературы, нет продуманных предпочтений издательствам, нет государственных премий, ориентированных на высокую прозу и поэзию.

В таких обстоятельствах очень важна самодисциплина и понимание, что русский язык — это твой язык, и от тебя зависит его чистота и содержательность. Государство тут русскому человеку не помощник, скорее, лицемерный пришей-пристебай, дающий скудный паёк писателю и журналу, но открывающий горячие объятия разрушителю и ненавистнику всего русского. Поэтому мы сами в этот трудный час должны соответствовать своим высоким словам, наполнять их поступками и чувствами и верить, что наш язык — вечен, а его разрушители тленны и преходящи.

Ранко РАДОВИЧ, известный сербский поэт, обладатель Золотой медали Международного фонда М.Ю.Лермонтова

Любовь к русскому языку у сербов в крови. Старшее поколение впитало это с молоком матери. Вы, наверное, заметили, что люди моего возраста, даже если они никогда не бывали в вашей стране, как минимум, читают и понимают по-русски. Знание русской литературы является признаком хорошего тона и среди образованной молодёжи. Поэтому нам не безразлично, что творится в языковом и культурном пространстве величайшей славянской страны, а по большому счёту — и величайшей страны в мире. Ведь русская духовность укрепляет не только славян и православных, она несёт подлинный свет и многим другим народам, даже тем, чьи представители часто с высокомерием, неприязнью или со страхом взирают на “северного колосса”.

Как человек, много лет проживший на Западе, я могу с уверенностью сказать, что романы Достоевского и Толстого, драматургия Чехова, русская поэзия “серебряного века” нередко воспринимаются тамошним серьёзным читателем куда живее и лучше, чем иные классические образцы их собственной словесности, которая, несмотря на определённую стойкость европейской традиции, стремительно вырождается под влиянием чужеродного, неевропейского и патологического начала. Однако “начало” это одновременно является и “концом”: змея кусает собственный хвост. Наша же культура — оптимистична, устремлена в вечность и в будущее. Христианство является логическим завершением и наивысшей ступенью данного врождённого оптимизма. Поэтому взоры всех мыслящих людей в Америке и Европе прикованы сегодня к Православной России, последнему “удерживающему” в этом падшем, но в то же время вполне способном к восстанию (и неоднократно восстававшем) мире. Русская культура, красота русской речи и глубина русского слова

позволяют нам не страшиться эсхатологической перспективы. Между тем, это, конечно же, не означает, что можно благодушно взирать на происходящее вокруг. Тревога русских писателей, их стремление противостоять разрушительным процессам в области языка и культуры, инициированным бесноватыми заговорщиками, нам, сербам, близки и понятны. У нас ведь тоже периодически предпринимались и до сих пор ещё предпринимаются подобные попытки. И каждый раз наталкивались и будут наталкиваться на здоровую славянскую реакцию – защитную реакцию национального организма.

Мне лично трудно представить мою жизнь человека и поэта без стихов Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Хомякова, Есенина и Рубцова. Русский язык с его многоуровневым богатством лексического фонда (то, что было обеднено в литературном сербском реформами Вука Караджича) является для сербов своеобразным мостом в общеславянское прошлое, а значит – и в грядущее, ибо будущность наша непременно должна быть связана с “седой стариной” или “сияющим прошлым”, как сказал наш величайший писатель XX века Милош Црнянский, потомок православных священников и отважных граничар (пограничная стража, в чём-то сродни нашему казачеству. – **Прим. ред.**). Эпоха социальных экспериментов прошла; те, кто пытается искусственно возродить мёртвые формы (постмодернизм) и эстетику распада, в скором времени сами окажутся жертвами своих противоестественных устремлений. А славянская цветущая речь станет завоевывать (отвоёвывать) культурное пространство древнего континента, приобщая новые поколения к целительным праистокам былого единства. И русский язык в этом смысле – поистине неисчерпаемый кладёзь для каждого, кто хочет заглянуть в себя и открыть заново собственное незамутнённое естество.

Диакон Павел Сержантов, к. филос. н., доцент ПСТГУ, клирик храма преп. Евфросинии Полоцкой, г. Москва

Что нам предстоит, знает Бог. Не будучи пророком, я не возьмусь приоткрывать судьбы нашего народа и нашего языка. Могу лишь выразить надежду, что мы сохраним наследие великих предков, не подведём, и наши потомки будут жить в великой стране с её великой культурой.

Что нужно для сохранения языка? Многое нужно, всего и не перечислить. Для меня важнее, в чём конкретно состоит моя задача.

Главное – сохранить и преумножить в своей душе любовь к родному слову. С годами я всё больше и больше ценю “непереводимого на другие языки” Пушкина, вдохновляюсь тем, как поэт и мыслитель Александр Сергеевич Пушкин пользуется русским словом.

Не менее важно для меня передать своей дочери эту любовь к языку. В семье ребёнок учится говорить и любить родной язык; в школе и университете образование у ребенка пойдёт, если в семье был заложен прочный культурный фундамент.

А ещё мне надо передать любовь к русскому языку людям, которым я преподаю. Правда, предметы мои – догматическое богословие, аскетика и антропология – связаны с русским языком не напрямую.

И всё-таки сам я стараюсь на занятиях говорить понятным языком, особенно на трудные и запутанные темы. От преподавателя требуется рассказывать “вкусно”, ярко, пользоваться всем богатством языка. Я пытаюсь подталкивать студентов поднимать на высоту их культуру речи, культуру мысли, даже культуру чтения вслух и обсуждения прочитанного.

Аскетика и другие мои предметы можно по-разному преподавать, очень легко откататься от путешествия из мира потребления в мир здоровой аскезы, легко перейти к псевдоаскетическим “упражнениям в риторике”, к “плетению благочестивых словес”. За этим тоже приходится следить, фальшь недопустима.

Такие у меня задачи... С меня спросится, как я с ними справлялся. Спросится, держал ли я связь с коллегами и единомышленниками, как мы двигали общее наше дело, боролись за него.

В наши дни действительно совершается грандиозная “подмена традиционной культуры”, и это очень нам мешает. *Массовая культура*, преимущественно американская, вытесняет *русскую литературу*, ставшую в XIX веке

по-настоящему великой классической литературой – русские писатели подарили миру неповторимые шедевры.

Массовая культура пытается заменить *народную культуру*, начиная прямо с младенчества, с материнского фольклора. Я не хочу огульно отрицать массовую культуру, среди её произведений попадаетея то, что заслуживает внимания образованного человека. Однако бо́льшая часть произведений массовой культуры (и порождённой ею *элитной культуры*) только портит людям вкус, не развивает его, а приучает людей искать довольно низменные развлечения. И уж, конечно, массовая культура не может дать человеку нужные ориентиры в жизни. А традиционная культура даёт.

И это в полной мере относится к традиционной *русской церковной культуре*. Она уходит своими корнями в византийскую культуру и глубже – в библейское откровение. И она представляет собой не механическое повторение того, что говорили две тысячи и тысячу лет назад лучшие представители других народов. Русская церковная культура – одновременно и традиционная, и творческая, способная к здоровому развитию. Как и положено полноценной культуре.

С церковной культурой беспощадно боролись последние сто лет, хотели уничтожить её и воспоминания о ней. Эта борьба в менее ожесточённых формах велась, по крайней мере, с XVIII века. И всё же Русская Церковь выстояла, наследие православного христианства дошло до нас как неотъемлемая часть отечественной и мировой культуры. Надеюсь, при всех тревожных обстоятельствах выстоит наш народ с его традиционной культурой, с его великим русским языком.

Илья Числов, славист, председатель Общества Русско-Сербской дружбы

Легендарный основатель средневековой сербской державы, великий жупан Стефан Неманя, поучая чад своих (а среди них был и святой Савва – первоосвятитель земли Сербской), говорил о непреходящем значении родного языка (*матерНег језика*) и сравнивал его с “крепкой бронёй” и “надёжным оружием”. Сохранение языка, считал он, равнозначно сохранению нации, поскольку любые чужеродные добавки неминуемо меняют лицо народа, открывают доступ в его среду “бродягам пришлым”.

Сохранение в чистоте великого русского языка в наше время является одной из первоочередных задач национальной интеллигенции. Ведь политические декларации сами по себе стоят недорого. Если маститый писатель-государственник, примеряясь к “современному миру иллюзий”, начинает писать в стиле пелевиных-сорокиных и прочих порно-ерофеевых, вся его “державность” лопнет, как мыльный пузырь, от первого булавочного укола со стороны этого извращённого мира. Язык уходит корнями в предысторию народную, неведомую (недоступную) хроникам и летописным сводам. Через церковнославянский пласт наш русский язык связан с небесными истоками нашего бытия. Ибо всякий полноценный народ есть замысел Божий об этом народе. Искажение богоданного лика влечёт за собой закономерную кару, ведёт к разрушению и смерти.

Когда нам говорят, что “современные” процессы, в том числе и языковые, якобы объективны и “неотвратимы”, мы должны помнить, что это – наглая ложь. Посмотрите на самих “поборников прогресса”: разрушая (покоряя) культурное и языковое пространство славян и европейцев, они одновременно тщательно оберегают и даже искусственно восстанавливают свой собственный, казалось бы, мёртвый язык. Мертвец оживает за счёт наших живых соков... Сербский рецепт в данном случае – осиноый кол (*глогов колац*) в сердце вурдалаку! Заостряет же и укрепляет его ежедневное трепетное и бережное обращение с родным словом.

Дмитрий ШЕВАРОВ, журналист, эссеист, прозаик, литературный критик

Мне кажется, что поставленный вами вопрос содержит в себе самообман – привычный и даже приятный, наверное, для многих, но горький по своим последствиям. Нам приятно уверять себя в том, что пагуба на нашу культуру

и даже на родной наш язык приходит откуда-то извне. Что подмены, извращения и подтасовки происходят не по нашей вине. Что это какие-то наёмные супостаты сокращают часы на родную литературу, изгоняют корневые ценности, развращают молодёжь. Понимаю эмоции тех, кто так думает. Ведь заговором таинственных сил легко объяснить многое из того, что мы видим вокруг. Кроме того, ты сам себе кажешься проницательным человеком. Это держит тебя в тонусе как публициста или просто как радеющего за Отечество человека.

Нет, я вовсе не отрицаю, что “вихри враждебные веют над нами”, но человечество давно живёт в падшем мире, и вихри эти всегда веяли и будут веять до скончания веков. Но почему этот факт должен освобождать нас от личной ответственности перед Богом за то, что мы произносим, читаем, пишем, смотрим? Кто заставляет молодую женщину, гуляющую со своим ребёнком на детской площадке, вдруг набрасываться на своё чадо с площадной бранью? Кто принуждает девочек-старшекласниц разговаривать друг с другом матом? Какой законспирированный негодяй приказывает русским мужчинам повсеместно сквернословить во всю ивановскую? Какой госдеп мешает нашему президенту и нашему Патриарху обратиться к народу с общим словом увещевания и устыжения?..

Ведь ещё четверть века назад на сквернословия осуждающе оглядывались, его пытались пристыдить. Сегодня мат не ранит наш слух, не уязвляет сердце. В книжных магазинах мы спокойно взираем на новинки, украшенные специальной наклейкой “Книга содержит нецензурную брань”. Мы понимающе ухмыляемся, когда депутат в патриотическом раже рассказывает солёный анекдот или бранит супостатов отборной бранью. Мы уважительно смотрим на “эффективных менеджеров”, которые наводят порядок, распекая подчинённых последними словами.

В заключение — не предание, а подлинный факт из истории моей семьи. В конце 1950-х годов мой дед занимал генеральскую должность в одной из областей Русского Севера. По необходимости ему приходилось присутствовать на заседаниях бюро обкома партии. В область был назначен новый первый секретарь — фронтовик, хозяйственник, человек крутого нрава. На одном из совещаний он набросился на кого-то из подчинённых, позволив себе непечатное выражение. Мой дед тут же, публично, сделал замечание высокому лицу, попросил его держаться русского литературного языка. Первый секретарь побагровел, а вскоре разразилась гроза: приказом из Москвы дед был снят со своей должности без объяснения причин и отправлен в отставку. Его карьера навсегда оборвалась.

Но дедушка никогда не жалел о том, что поступил по совести.